

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 510. Январь

- ФИЛОЛОГИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 510. January

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Боттески К. Матильда Серао в русском печатном слове конца XIX – начала XX в.: опыт компаративно-текстуального анализа	5
Дмитриева М.И., Павлов К.В. Образы Италии конца XV – начала XVI вв. в сочинениях Макиавелли	16
Икромзода Х.И., Давлатов М.А. Развитие русскоязычного телевидения как важный фактор языковой политики: анализ телепрограмм в Таджикистане	30
Павликова М.И., Фролова О.В., Ляксо Е.Е. Интонационные характеристики речи детей 8–9 лет с типичным развитием и умственной отсталостью	42
Радина Н.К., Балакина Ю.В., Баниников К.В. Иллокутивный потенциал глаголов как инструментов медиафрейминга в дискурсе СМИ в период пандемии COVID-19	52
Шулятьева Д.В. «Книги без конца»: множественные финалы в структуре литературного нарратива	63

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Григорьева О.В., Плюснин Н.О. Особенности реализации военного компонента постколониального внешнеполитического активизма Северных стран (на примере Мали)	73
Градосельская Г.В., Желтикова И.В., Пильгун М.А., Расходчиков А.Н. Методология исследования образов будущего и место в ней социолингвистического анализа цифрового контента	81

ИСТОРИЯ

Головинов А.В. Из цветущего сада в дебри высокой политики: Всеволод Крутовский как политический публицист (на материалах изданий «Сибирские записки» и «Сибирская жизнь»)	92
Джафарова Э.Б. Археологический контекст изучения культовых памятников эпохи Ширваншахов	99
Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н., Фролов Я.В., Шмидт А.В. Погребение № 18 могильника Фирсово-XI в кругу «сидячих скорченных» погребений раннего и среднего голоцена центральных регионов Северной Евразии	109
Мартыненко В.О. Формирование норвежского национального самосознания в период датско-норвежской унии: значение реформ И.Ф. Струэнзе (1770–1772 гг.)	118
Маклюков А.В. Эволюция научных взглядов дальневосточных ученых на проблемы освоения энергетических ресурсов региона для производства электроэнергии (середина 1920-х – 1980-х гг.)	125
Печерский В.А. Лагерные суды Красноярского края (1945–1954 гг.)	134
Федорук А.С., Савко И.А., Папин Д.В. Феномен появления круговой керамики на юге Западной Сибири в эпоху поздней бронзы	143

ПЕДАГОГИКА

Баланев Д.Ю., Шамаков В.А. Технология построения психодиагностического пространства в образовательной цифровой среде университета	153
Гричанов А.С., Панов Е.В. Пути совершенствования профессиональной деятельности преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России, ответственных за подготовку сборных команд по легкой атлетике	162

CONTENTS

PHILOLOGY

Botteschi C. Matilde Serao in the Russian printed word of the late nineteenth – early twentieth centuries: A comparative textual analysis	5
Dmitrieva M.I., Pavlov K.V. Images of Italy of the late 15th – early 16th centuries in the literary works of Machiavelli	16
Ikromzoda Kh.I., Davlatov M.A. The development of Russian-language television as an important factor in language policy: Analysis of television programs in Tajikistan	30
Pavlikova M.I., Frolova O.V., Lyakso E.E. Intonational characteristics of speech of 8–9-year-old children with typical development and intellectual disabilities	42
Radina, N.K., Balakina, Ju.V. & Bannikov, K.V. The illocutionary potential of verbs as media framing tools in the discourse of the COVID-19 pandemic	52
Shulyatyeva D.V. "Books without end": Multiple endings in fictional narratives	63

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Grigoreva O.V., Plyusnin N.O. Postcolonising activist defence policies of the Nordic countries: The case of Mali	73
Gradoselskaya G.V., Zheltikova I.V., Pilgun M.A., Raskhodchikov A.N. Methodology for studying images of the future and the place in it of sociolinguistic analysis of digital content	81

HISTORY

Golovinov A.V. From a blooming garden into the wilds of high politics: Vsevolod Krutovsky as a political publicist (based on materials from the publications in <i>Sibirskie Zapiski</i> and <i>Sibirskaya Zhizn'</i>)	92
Jafarova E.B. Archaeological context for the study of cult monuments of the era of the Shirvanshahs	99
Kiryushin K.Yu., Kiryushin Yu.F., Solodovnikov K.N., Frolov Ya.V., Schmidt A.V. Burial No. 18 of the Firsovo-XI burial ground in the circle of "sit-down crouched" burials of the early Holocene of the central regions of Northern Eurasia	109
Martynenko V.O. The formation of the Norwegian national identity during the Danish-Norwegian Union: The significance of Johann Friedrich Struensee's reforms (1770–1772)	118
Maklyukov A.V. The evolution of scientific views of Far Eastern scientists on the problems of developing the region's energy resources for electricity production (mid-1920s–1980s)	125
Pecherskiy V.A. Prison camp courts of Krasnoyarsk Krai (1945–1954)	134
Fedoruk A.S., Savko I.A., Papin D.V. The emergence of potter's wheel-made ceramics in the south of Western Siberia in the Late Bronze Age	143

PEDAGOGICS

Balaney D.Yu., Shamakov V.A. The technology of building a psychodiagnostic space in the university's digital educational environment	153
Grichanov A.S., Panov E.V. Ways to improve the professional activity of physical training teachers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia responsible for training athletics teams	162

Косова Е.А., Галустян О.В. Интегральная модель обеспечения цифровой доступности электронного обучения в высшем профессиональном образовании	169	Kosova Ye.A., Galustyan O.V. Integral model for ensuring digital accessibility of e-learning in higher professional education	169
Краснощекова Г.А., Янкаускас Е.С. Методика формирования межкультурной компетенции у старшеклассников с применением мультимедийных средств	183	Krasnoschokova G.A., Yankauskas E.S. The methodology of intercultural competence development in high school students by means of multimedia	183
Леушина И.В., Перевезенцева Ю.С., Рябова Л.И. Опыт применения STEM- и STEAM-подходов к иноязычной подготовке студентов неязыкового вуза	191	Leushina I.V., Perevezentseva Ju.S., Ryabova L.I. Experience of applying STEM- and STEAM-approaches to foreign language training of students at a non-linguistic university	191
Черкасов В.В., Шестакова Г.В., Борнобаев С.Н. Холодовая подготовка пловцов, занимающихся спортивным зимним плаванием	199	Cherkasov V.V., Shestakova G.V., Bornobaev S.N. Cold training of swimmers engaged in sports winter swimming	199

ПРАВО

Головастова Ю.А., Скороходова А.С. О «безальтернативности» альтернативных санкций, применяемых к несовершеннолетним	208	Golovastova Yu.A., Skorokhodova A.S. On the "lack of alternative" to alternative sanctions applied to minors	208
Груздев В.В. Гражданско-правовые последствия исполнения поручителем обязательства	214	Gruzdev V.V. Civil-law consequences of the surety's performance of an obligation	214
Зайцев О.А., Смирнов В.Е. Совершенствование процессуальных механизмов наложения ареста на криптовалюту в ходе производства по уголовному делу	219	Zaitsev O.A., Smirnov V.E. Improving procedural mechanisms for seizing cryptocurrencies in criminal proceedings	219
Степанов О.А., Басангов Д.А. Состояние и перспективы внедрения цифровых технологий в судебную практику	226	Stepanov O.A., Basangov D.A. The state and prospects of implementing digital technologies in judicial practice	226
Фантров П.П., Дехерт А.А. Уголовно-правовая характеристика манипулирования рынком в контексте совершения дистанционных инвестиционных сделок	234	Fantrov P.P., Dekhert A.A. Criminal-law characterization of market manipulation in the context of remote investment transactions	234

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1, 821.131.1
doi: 10.17223/15617793/510/1

Матильда Серао в русском печатном слове конца XIX – начала XX в.: опыт компаративно-текстуального анализа

Каролина Боттески¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, carolina.botteschi@gmail.com

Аннотация. Рассматривается восприятие творчества Матильды Серао¹ в России конца XIX – начала XX в. и анализируется отклик в русской культурной среде ее произведений, активно переводившихся и публиковавшихся в русских журналах и антологиях. Особое внимание уделено компаративному анализу ее произведения «Salvazione» («Спасение души») в трех русских переводах, что демонстрирует адаптацию ее работ к русскому культурному контексту и различные интерпретации переводчиков.

Ключевые слова: Матильда Серао, переводная литература, русская литературно-культурная рецепция, текстуальный анализ, компаративно-переводческое исследование, «Salvazione» («Спасение души»)

Для цитирования: Боттески К. Матильда Серао в русском печатном слове конца XIX – начала XX в.: опыт компаративно-текстуального анализа // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/510/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/1

Matilde Serao in the Russian printed word of the late nineteenth – early twentieth centuries: A comparative textual analysis

Carolina Botteschi¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, carolina.botteschi@gmail.com

Abstract. This article is a study of Russian-Italian cultural relations in the late nineteenth and early twentieth centuries, with a focus on the reception and translation of works by the Italian writer and journalist Matilde Serao in Russia. It examines how Serao, one of the most popular Italian authors of the time, was received in Russian literary circles and how this reflects the broader interest of the Russian intelligentsia in Italian culture. The historical context of Russian-Italian cultural relations presented in this study shows that Italy played a significant role in the cultural life of Russia of that period. Many Russian writers and artists viewed Italy as a source of the aesthetic ideal, cultural richness and spiritual inspiration. This was reflected in their own writings and in the growing interest in Italian literature and arts, which in turn contributed to the popularity of the works of such Italian authors as Serao. This study pays special attention to the role of Russian periodicals, which actively published materials on Italian culture and translations of Italian texts. These publications not only facilitated the popularisation of Italian literature in Russia, but also fulfilled an important role in shaping the reception of Italian authors among Russian readers. The study highlights that Serao was one of the most widely read Italian authors in Russia. Her works frequently appeared in prominent Russian periodicals, such as *Russkaya Mysl'* and *Russkie Vedomosti*, indicating the strong interest in her writing among Russian readers and the influence it exerted on the Russian culture of the time. One of the key aspects of Serao's production that particularly captured the attention of Russian readers was her portrayal of the subject of the woman and the man–woman relationship in the Italian society of the time. In this context, the article specifically examines her short story "Salvazione" [Salvation of the Soul] and analyses the differences among three "different" Russian translations of this text. This short story, as well as many of other works by Serao, focuses on the theme of man–woman relationships, which is considered through the lens of romantic conflicts. Thus, Serao's writings occupied a significant place in the Russian literature of the late nineteenth and early twentieth centuries, reflecting an interest in Italian culture and prompting an active discussion of issues related to women's destinies and social justice.

Keywords: Matilde Serao, literature in translation, Russian literary and cultural reception, textual analysis, comparative-translation study, "Salvazione" ("Salvation of the Soul")

For citation: Botteschi, C. (2025) Matilde Serao in the Russian printed word of the late nineteenth – early twentieth centuries: A comparative textual analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/1

В конце XIX – начале XX в. наблюдался неослабевающий интерес России к Италии – стране, которая для многих русских поэтов, литераторов, художников представлялась *le beau idéal* и местом вдохновения. Во многих исследованиях рассматриваются русско-итальянские отношения того времени, анализируются итальянские мотивы в произведениях А.А. Блока (1880–1921), Н.С. Гумилева (1886–1921), А.А. Ахматовой (1889–1966), О.Э. Мандельштама (1891–1938), М.И. Цветаевой (1892–1941), М. Горького (1868–1936). В результате благоприятных отношений между русскими и итальянскими интеллектуалами в тот период многие периодические издания уделяли особое внимание Италии: как отмечает М. Белова в статье «The circulation and critical reception of Matilde Serao's writings in Russia», один из ведущих литературно-политических журналов, «Северный вестник» (1885–

1898), имел особый раздел «Письма из Италии» [1. Р. 59]. Некоторые итальянские рецензенты даже писали для русской периодики. Например, в журнале «Весы» (1904–1909) были опубликованы очерки Джованни Папини (Giovanni Papini, 1881–1956), который в 1904–1906 гг. написал статьи о Джованни Пасколи (Giovanni Pascoli, 1855–1912), Джозуэ Кардуччи (Giosuè A.G. Carducci, 1835–1907), Габриэле д'Аннунцио (Gabriele d'Annunzio, 1863–1938), Филиппо Томмазо Маринетти (Filippo Tommaso Marinetti, 1876–1944), Аде Негри (Ada Negri, 1870–1945) и Франческо Кьеза² (Francesco Chiesa, 1871–1973) в разделе, который также назывался «Письма из Италии». В 1904 г. в одном из этих «писем» Дж. Папини наряду с Г. д'Аннунцио и А. Фогаццаро (Antonio Fogazzaro, 1842–1911) [2. С. 23] также упоминается Матильда Серо (Matilde Serao, 1856³–1927).

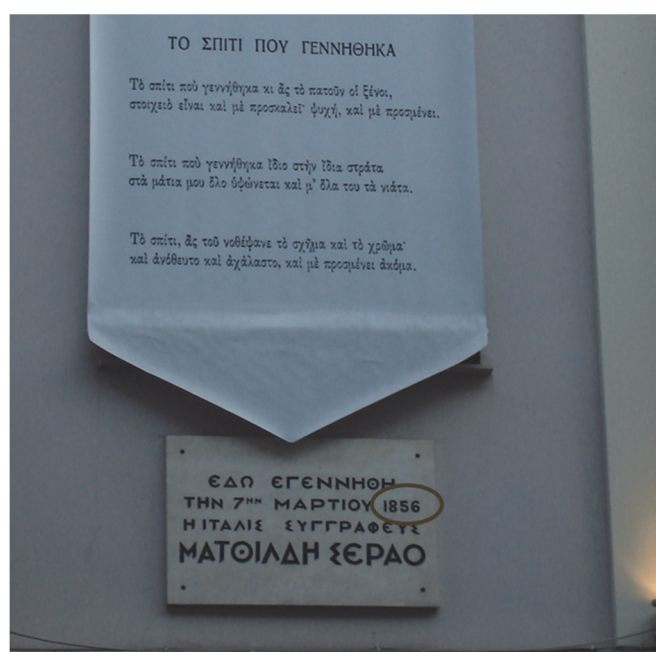

Рис. 1. Табличка на здании в Патрах, где предположительно родилась Матильда Серо

Рис. 2. Могила Матильды Серо на монументальном партенонейском кладбище Поджореале

Num. d' ordine	PRENOME E NOME DELL' ALLIEVO ed indicazioni relative	Materie d'insegna- mento	MEDIA D		
			NOVEMBRE		
			Pro.	Con.	Ass.
37	La Giovane <i>Leparo</i> <i>Mafilde</i> figlia di <i>Franco</i> nata in <i>Pattano</i> (<i>Grecia</i>) a' dì dell' anno <i>(1856)</i> avendo superato l'esame <i>di promozione</i> con punti <i>114/130</i> è stata ac- cettata a questa Scuola Anno <i>secondo</i> abita con	Religione . . . Morale Pedagogia . . . Lettere Storia e Geogr. Aritm. e Geom. Scienze fisiche Disegno Calligrafia . . . Canto Lavori femm.	<i>8</i> <i>9</i> <i>8</i> <i>8</i> <i>4</i> <i>10</i> <i>10</i>	<i>10</i> <i>10</i> <i>8</i> <i>8</i> <i>6</i> <i>9</i> <i>10</i>	

Рис. 3. Фрагмент школьных журналов за годы, когда Матильда Серао училась в «Scuola Normale Femminile», хранящихся, как пишет А. Карпентьери в публикации «Elementi di modernità nella scrittura femminile: Matilde Serao» (см.: [10]), в Istituto Magistrale «Pimentel Fonseca» в Неаполе

Данное исследование направлено не только на представление фигуры писательницы и журналистки Матильды Серао, но и на обсуждение ее популярности в России и рецепции ее произведений, которые в 1885 г. начали публиковаться в русском переводе; фактически в том году на страницах одного из самых популярных журналов того времени, «Русская мысль», появился первый русский перевод одного текста М. Серао «В женской школе. Сцены Матильды Серао»⁴ [3]. Именно для того чтобы показать актуальность и культурный подтекст, которые такое исследование предполагает во второй части настоящей работы, основное внимание будет уделено компаративно-текстуальному анализу новеллы «Salvazione» («Спасение души») в трех русских переводах, выполненных в последнее десятилетие XIX в.

Решение рассмотреть восприятие Матильды Серао в России опирается на сложный процесс сбора, анализа и систематизации данных, направленный на количественное и качественное изучение итальянской темы в русской словесности 1890–1910-х гг. Именно принимая во внимание результаты количественного анализа русской – преимущественно региональной – периодики и отмечая преобладание Матильды Серао по популярности и количеству переведенных на русский язык текстов, будут представлены некоторые ключевые моменты и опыт переводческого сопоставления.

Такое рассмотрение обязательно должно начинаться с предупреждения: изучение Матильды Серао – задача не из легких, прежде всего потому, что она была чрезвычайно продуктивной женщиной-литератором, чья писательская деятельность охватывала период в несколько десятилетий, который нельзя рассматривать как недифференцированный блок. Кроме того, именно

к биографии и библиографии, столь широко распространенным, как у М. Серао, необходимо добавить данные и исправления. Если учесть, что большинство писателей XIX в. – и М. Серао, конечно, не исключение – сначала публиковали свои произведения в периодических изданиях, затем собирали их в книги и впоследствии переиздавали с вариантами и дополнениями, меняли названия и расположение в томе, то реконструкция редакционной истории текста, того, как русские переводчики получили к нему доступ и каким в итоге могло быть издание исходного текста, с которого был выполнен перевод, – путь, полный неясностей и зачастую постоянного перебора шагов.

Родившаяся в 1856 г. (см. примеч. 3) в Патрах (ит. Patrasso), в Греции, Матильда Серао умерла в Неаполе, в своем доме, за письменным столом, 25 июля 1927 г. Она была номинирована на Нобелевскую премию в 1926 г., которая в итоге досталась Грации Деледде (Grazia Deledda, 1871–1936) из-за антивоенной позиции М. Серао, которая в контексте Италии Муссолини была воспринята как не соответствующая официальной политической линии правительства [11. Р. 158]. Главным образом это произошло из-за публикации романа «Mors Tua... Romanzo in tre giornate» (Fratelli Treves Editori, 1926; «Mors Tua... Роман за три дня»), из-за политической направленности которого власть не поддержала кандидатуру М. Серао [12].

Она еще работала *ausiliaria* (вероятно, можно перевести как «телеграфистка») в государственной телеграфной службе (ит. servizio telegrafico di Stato), когда, пойдя по стопам отца, попробовала себя в журналистике. Журналистский дебют М. Серао состоялся в 1876 г. в «Giornale di Napoli» с рецензией на «I Veri

miserabili» от 23 октября, которую она подписала псевдонимом Tuffolina, вдохновленная небольшой статуэткой Одоардо Табаки (Odoardo Tabacchi, 1831–1905), изображавшей молодую женщину, готовую нырнуть со скалы [13. Р. 53]. В письме 1878 г. своему другу Гаэтано Бонавениа (Gaetano Bonavenia) наша беллетристка писала: «...scrivo dappertutto <...> conquisto il mio posto a furia di urti, di gomitate <...> io non dò [do] ascolto alle debolezze del mio sesso e tiro avanti per la via come fossi un giovinotto» («Я пишу везде <...> я завоевываю свое место ударами, локтями <...> я не придаю внимания слабости своего пола и иду по жизни, как если бы я была молодым человеком»⁵) [14. Р. 10]. Хотя на запутанных, даже с точки зрения реконструкции, экзистенциальных событиях биографии стоило бы остановиться, чтобы хотя бы отчасти попытаться понять современность, дерзость столь многих профессиональных и непрофессиональных решений итальянской писательницы и неразрывность роли женщины и писательницы, однако в рамках данного исследования представляется более целесообразным сосредоточиться на аспекте русской рецепции этой женщины-интеллектуала, игравшей роли, традиционно предназначенные для мужчин.

Количество переводов и публикаций произведений М. Серао в России в конце XIX – начале XX в., появление их в ведущих журналах и газетах того времени, таких как «Русская мысль», «Русские ведомости», «Северный вестник», «Мир Божий», а затем издание отдельных книг и антологий, свидетельствуют о том значении, которое итальянская писательница и журналистка приобрела в русской среде. Анализ источников показывает, что переводы М. Серао попадали в Россию двумя путями. В одних случаях они поступали непосредственно из итальянских периодических изданий и сборников, уже опубликованных писательницей на родине. В связи с этим вспоминаются слова Семена Я. Надсона о его переводе рассказа «В августовскую ночь» («Notte di Agosto»⁶): «...я прошу позволения привести здесь один из ее небольших рассказов, еще нигде не переведенный и заимствованный мною из сборника «Pagina az[z]urra» (лазурная страница), вышедшего в 1883 году» [16. С. 141]. Однако можно предположить, что существовал и второй канал, по которому ее тексты проникали в Россию: вероятно, это было французское посредничество, что подтверждается наличием подписанных публикаций итальянской писательницы и журналистки в ряде французских изданий, а также тем, что в 1898 г. на страницах «Русского вестника» появился критический очерк, посвященный последнему на тот момент бестселлеру М. Серао «Il paese di cissagna» (Milano: Fratelli Treves Editori, 1891⁷; «Земля обетованная»⁸) и высоко оценивающий французский перевод, выполненный женой Поля Бурже [20]. Культурный контакт между Италией и Россией при посредничестве Франции подтверждает и интервью с М. Серао, взятое русской журналисткой Е.В. Фукс⁹, которая осенью 1900 г. приезжала в Париж, где ей довелось встретиться с итальянской писательницей. Однако данное интервью было напечатано только в апреле

1907 г. в петербургском «Женском Вестнике: ежемесячном общественном, научном и литературном журнале, посвященном равноправию и улучшению положения женщин» [21]. Собственно, французское посредничество обнаруживается уже в самом начале статьи: Е.В. Фукс рассказывает, что, прожив полтора года в Англии и работая корреспондентом, она познакомилась с другим корреспондентом феминистской газеты «La Fronde» во французском home, основанном для рабочих женщин Виктором Гюго в Лондоне. Через нее Е.В. Фукс вступила в переписку с редактором-издательницей этой газеты Маргаритой Дюран (Marguerite Durand, 1864–1936) и ее главными сотрудниками [21. С. 117]. «Приехав в Париж, я в тот же вечер <...> познакомилась лично с издательницей и со всеми заведующими разными отделами». Во время этой встречи Е.В. Фукс не только узнала, что две из этих женщин встретятся с Матильдой Серао, но и ей самой предложили встретиться с итальянской писательницей. Получив согласие Е.В. Фукс, один из заведующих отделом позвонил М. Серао. На встречу с итальянской писательницей и журналисткой Е.В. Фукс отправилась вместе с двумя представительницами газеты «La Fronde» [21. С. 117].

Осмыслить мотивы интереса русских к Матильде Серао и вообще к итальянской литературе нам помогают слова и рассуждения Татьяны Николаевны Герценштейн, переводчицы с английского, итальянского и испанского языков, сотрудничавшей с журналом «Образование», в том числе автора библиографических заметок [22]. Среди итальянских авторов она переводила Дж. Верга (Giovanni Verga, 1840–1922), Л. Капуана (Luigi Capuana, 1839–1915), Г. д'Аннунцио, Э. Де Амичиса (Edmondo De Amicis, 1846–1908), Г. Деледду, Дж. Роветта (Gerolamo Rovetta, 1851–1910), А. Фогаццо и М. Серао. В своем предисловии, датированном октябрём 1908 г., к сборнику «Итальянские сборники. Книга первая» 1909 г., в котором собраны некоторые из ее переводов вышеупомянутых авторов, сопровождаемые критико-биографическими очерками о соответствующих писателях, Т.Н. Герценштейн дает прекрасный обзор итальянского контекста в годы после объединения Италии и восприятия в России зарубежной и, в частности, итальянской литературы. Переводчица написала: «В последнее время у нас появился ряд сборников, посвященных избранному произведениям иностранной литературы, преимущественно новейшей. Но среди них открывается пробел. Нет представителей современной итальянской беллетристики с ее новыми стремлениями <...>. Цель этого сборника – ознакомить русское общество с образцами этой новой литературы» [18. С. III]. Далее она привлекает внимание читательской аудитории к тому, что итальянская литература постепенно стала изображением всего общества и давала ответы на самые разные вопросы о жизни. «Но среди этого разнообразия вопросов и направлений в новейшей итальянской литературе можно отметить два главных течения: социалистическое и индивидуалистическое, или, иначе говоря, философское и поэтическое» [18. С. IV]. Т.Н. Герцен-

штейн, объяснив, что этот дуализм в итальянской литературе присущ самому характеру итальянцев, и поразмышляв над социально-экономическими вопросами, завершает предисловие заявлением, что этот первый сборник посвящен наиболее выдающимся современным итальянским писателям того времени: Г. д'Аннунцио, М. Серао, Э. Де Амичис, А. Фогаццаро, Дж. Роветта и др. «При выборе отдельных произведений обращено внимание на самые характерные для каждого автора произведения и на возможную передачу местного колорита. Так, из Капуана и Верга взяты родные им сицилийские новеллы, Серао – [н]еаполитанский рассказ, Грации Делледа – сардинская новелла» [18. С. V]. В сборник Т.Н. Герценштейн вошли произведения Матильды Серао «Terno secco» (// All'erta, sentinella!; Terno secco; Trenta per cento; O Giovannino o la morte: Racconti napoletani. Quarta edizione. Milano: Casa Editrice Galli di C. Chiesa, F.lli Omodei-Zorini e F. Guindani, 1896) и «Paolo Spada» (// Fior di passione: Novelle. Milano: Giuseppe Galli Editore, 1888), опубликованные в русском переводе под названиями «Три номера» и «Паоло Спада» соответственно. Согласно библиографическим сведениям, опубликованным М. Беловой в вышеупомянутой статье «The circulation and critical reception of Matilde Serao's writings in Russia», произведение М. Серао «Terno secco» было издано уже в 1900 г. в переводе А.А. Веселовской в первом томе двухтомного сборника «Рассказы» под названием «Лотерейный билет» [1. Р. 77]. Этот же рассказ был вновь выпущен в третьем томе под редакцией переводчиков А.А. Веселовской и Н. Пиастро из «Собрания сочинений в 5 томах», изданного в 1910–1911 гг. книгоиздательством «Атенеум»¹⁰, с сохранением названия «Лотерейный билет» [10. Р. 78]. В тот же двухлетний период неизвестным переводчиком был издан перевод сборника «Fior di passione: Novelle» под названием «Цветы страсти» для книгоиздательства «Атенеум» (см. примеч. 8), в который также вошла новелла «Паоло Спада» [10. Р. 78].

В «Энциклопедическом словаре» издателей Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в томе XXIX^А «Семь озер – Симфония» 1900 г. можно найти небольшой биографический фрагмент, посвященный именно итальянской писательнице [23. С. 585–586]. В нем перечислены заглавия тех произведений, которые считались ее лучшими: «Cu[o]re inf[e]rm[o]», «Piccole anime», «Pagina azzur[r]a», «Fantasia», «La virt[ù] di Ch[ec]china», «Il ventre di Napoli», «La conquista di Roma», «Il romanzo della Fanciulla», «Racconti napoletani», «Fior di passione», «Vita e av[v]enture di Riccardo Joanna», «Addio Amore», «Naple» [?], «Gli amanti», «Le amant[i]», «All'erta Sentinella», «Castigo», «[I] paese di Cuccagna», «Storia di una monaca» («Большое сердце», «Маленькие души», «Лазурная страница», «Фантазия», «Добродетель Кеккины», «Чрево Неаполя», «Завоевание Рима», «Девичий роман», «Неаполитанские новеллы», «Цветок страсти» (/ «Цветы страсти» / «Цветки страсти»), «Жизнь и приключения Риккардо Жоанна (/ Иоанна», «Прощай, любовь», «Неаполь» [?], «Любовники», «Любовницы»,

«Стража, внимание» (/ «Слу-у-шай!» / «Слушай часовой!» / «Часовой, слушай!»), «Кара» (/ «Возмездие»), «Страна изобилия» (/ «Земля обетованная»), «История монахини»). Кроме того, приводится очень важный факт, касающийся русской рецепции творчества М. Серао, поскольку указано, что многое из написанного ею переведено на русский язык [23. С. 586]. В качестве доказательства того, что русский литературный и издательский мир знал о том, что писала и публиковала М. Серао, приводится упомянутая выше статья, появившаяся на страницах 11-го номера «Русского вестника» от 1898 г., в которой говорилось, что среди наиболее известных произведений писательницы и журналистки – «Большое сердце», «Фантазия», «Завоевание Рима», «Прощай, любовь!», «Неаполитанские легенды», «Маленькие души» и некоторые другие, и все они были переведены на иностранные языки [20]. Некоторые из этих произведений упоминаются и Михаилом М. Ивановым в посвященной ей главе книги «Очерки современной итальянской литературы» 1902 г. [24. С. 179–209]. В разделе «Ваше Величество!» (присутствующем на двух языках), в котором М.М. Иванов напрямую обращается к Ее Величеству Королеве Италии Елене Черногорской – после свадьбы Елене Савойской, – которой посвящена книга, автор заявляет: «Книга моя является первым опытом ознакомления русского читателя с характернейшими явлениями современной итальянской литературы. Я, Государыня, с ранних лет моих сроднился с Италией, в которой провел несколько лет моей жизни и воспоминания о них никогда не покинут меня...» [24. «Ваше Величество!】. Именно из главы, посвященной М. Серао, вытекает еще одно свидетельство того, что русские литераторы имели прямой доступ к творчеству итальянской беллетристики: через Вирджилио Нардуччи¹¹ (псевдоним – Зено Романо – ит. Zeno Romano) русский автор получил экземпляр сборника новелл «Fior di passione» («Цветки страсти») [24. С. 187–188]. М.М. Иванов улавливает, пожалуй, одну из самых важных тем творчества М. Серао – тему женщины и отношений между мужчиной и женщиной. Писательница, по сути, постоянно занималась вопросом положения женщины в семье и вне семьи. Эта черта уже была отмечена в 1885 г. в кратком комментарии, предваряющем перевод произведения «Scuola Normale Femminile» под названием «В женской школе. Сцены Матильды Серао», который появился в «Русской мысли» и по инициалам, помещенным в оглавлении: А. А. В., а затем в подстрочнике перевода: А. В., этот перевод принадлежит русской писательнице и переводчице Александре Адольфовне Веселовской [25. С. 29; 34]. Во вступительном комментарии, который, как можно предположить, принадлежит самой переводчице, А.А. Веселовская, размышляя о бытовом романе, констатирует, что итальянская писательница внесла в него глубокое и проверенное на опыте знакомство с положением женщины во всех социальных слоях, знание женского характера, который обычно был очень слабо представлен итальянскими романистами того времени [3. С. 161]. Переводчица далее отмечает, как в таких произведениях, как «Fantasia»,

«Cuore infermo», «Rosa mystica» [?] и «[Il] ventre di Napoli», тонко очерчен характер южной итальянской женщины, то затронутой мистикой католичества, то страстной и легкомысленной, то полной благородных порывов. «Но Матильда Серао не односторонняя специалистка по женскому вопросу, и с одинаковой правдивостью и умением рисует она и мужские характеры, бичуя нередко пустоту и бесцветность всей общественной среды» [3. С. 161].

Именно к упомянутой М.М. Ивановым динамике отношений между мужчиной и женщиной, а в данном конкретном случае – к динамике любовной измены, относится анализируемый текст. Новелла, ставшая предметом настоящего рассмотрения, называется «Salvazione» и входит в сборник «Piccole Anime» («Маленькие души»), впервые опубликованный в Риме в 1883 г. издателем Sommaruga и включающий в себя десять новелл-набросков, объединяющим элементом которых является детство [29. Р. 101]. Как мы увидим далее, именно ребенок является наиболее активным образом в повествовании. «Salvazione» вместе с новеллой «Perdizione»¹² входит в диптих, в котором одна и та же ситуация обрисована в противоположном ключе. Заглавия помогают проиллюстрировать сюжет: в обоих текстах рассказывается о супружеской измене, которая угрожает единству супружеской пары и разрушает его. Если в случае с сюжетом «Perdizione» все определяется раскрытием супружеской измены и тем, что обманутый муж отправляется на встречу с Риккардо (ит. Riccardo) [30. Р. 133–135], любовником своей жены, то в случае с сюжетом «Salvazione» происходит прекращение внебрачных отношений и, предположительно, воссоединение супругов. Новеллы нельзя определить как простые наброски, поскольку в них можно обнаружить малейшее присутствие повествовательного плана [29. Р. 129].

Выявлено три перевода интересующего нас произведения «Salvazione»: первый, рассматриваемый нами, появился в «Русской мысли» под названием «Наедине» в 1890 г. [31], два других были выполнены для газеты «Кавказ», соответственно для публикаций в № 55¹³ от 1891 г. [32] и № 273 от 1900 г. [33]. С точки зрения сюжета в трех переводах полностью соблюдено развитие повествования: в первой части рассказывается об одной из встреч двух любовников, Флавии (ит. Flavia) и Чезаре (ит. Cesare), приведены их разговоры с косвенным представлением того, кто окажется ключевым персонажем сюжета, а именно Паоло (ит. Paolo), сына Чезаре. В первой части повествования читатель, по сути, уже знакомится с Паоло через слова его гордого отца. Предзнаменованием изменения динамики повествования с появлением Паоло становится роковой вопрос Флавии «*Perché non mi conduci il bambino?*» («Отчего ты не приведешь ко мне своего мальчика?») [34. Р. 156], за которым следует своего рода объяснение того, что это не первый раз, когда любовница обращается к нему с подобной просьбой, и эта просьба в конце концов будет удовлетворена Чезаре. С фактической встречи Флавии и Паоло мы вступаем во вторую часть истории с постепенным нарастанием напряжения у читателя, которое усиливается по мере развития

диалога между женщиной и ребенком. Именно в этом диалоге перед Флавией открывается все то, чего она больше всего боялась и о чем печально догадывалась: боль и грусть, в которых живут сын и жена Чезаре. В первой части текста, после просьбы любовницы о встрече с Паоло и раздраженного ответа Чезаре, рассказывается, как «Флавия упрекала себя за свою грешную любовь и упрекала Чезаре; плакала, отча[и]валась, ломала руки, кляла свою неудавшуюся жизнь и ненавистную минуту, в которую впервые увидела Чезаре. Он начал утешать ее, но она не успокаивалась и продолжала высказывать давно накопившуюся в ней боль и горечь своего фальшивого положения. Она дошла до того, что заговорила о своем раскаянии и угрызениях совести, сокрушалась о разбитом идеале семейной жизни и домашнего мира, обо всем, чем она пожертвовала ради Чезаре» [31. С. 64]. М. Серао создает здесь новый образ любовницы, который очень часто, особенно в повествованиях современных ей писателей, тяготел к образу роковой женщины, неизбежно противостоящей женщине-жене, защитнице моральных ценностей и домашнего очага.

Здесь необходимо задуматься над темой адюльтера в литературе XIX в. В своем знаменитом эссе «Любовь и Запад» («L'Amour et l'Occident», 1939) Дени де Ружмон (Denis de Rougemont, 1906–1985) подчеркивает, что именно сочетание мотивов любви и смерти обеспечивает успех романа, поскольку счастливая любовь не гарантирует никакой истории. По сути, это сочетание неразрывно и гарантирует повествовательность истории. Любовная страсть на самом деле представляет собой несчастье. Распространение темы адюльтера в романе XIX в. подталкивает Д. де Ружмона к заявлению: «*Sans l'adultère, que seraient toutes nos littératures? Elles vivent de la "crise du mariage"*» («Что бы стало без супружеской измены со всей нашей литературой? Она существует именно благодаря “кризису брака”») [35]. Без сомнения, «Мадам Бовари» (1857) Г. Флобера – это роман прелюбодеяния по преимуществу, которому, однако, вторят многие другие блестящие примеры: достаточно вспомнить «Алую букву» Н. Готорна (1850), «Анну Каренину» (1878) Л.Н. Толстого или книгу «Эффи Брист» (1895) Т. Фонтане. В общих чертах, если главная героиня романа XVIII в. во многих случаях была идеальной женой, то героиней романа XIX в. является прелюбодейка.

Отступление относительно внебрачной любви в литературе XIX в. вполне оправдывает популярность этого типа сюжета и помогает сформулировать первое предположение о том, почему произведение М. Серао так активно переводилось в России. Во второй половине XIX в. стали очень популярны литературные произведения, темой которых является внебрачная любовь. Это привело к активному обсуждению проблемы, особенно в социальной сфере, поэтому текст М. Серао и его русские переводы превосходно вписываются в это повествовательное направление и дискуссию. Однако итальянская писательница создает образ любовницы (в тексте не уточняется, является ли Флавия замужней женщиной), который в некоторых аспектах существенно отличается от

образов других героинь великих романов о внебрачной любви: Флавия, как это выясняется в конце новеллы, когда она просит Паоло рассказать его маме, что он пошел навестить Флавию («Скажи своей маме, что ты был у Флавии». [33]), не испытывает никакого чувства стыда, но испытывает сильное чувство вины: она осознает, что ее отношения с Чезаре неправильны и противоречат любой моральной ценности. В короткой новелле М. Серао есть нравственная эволюция любовницы, которая является не банальной роковой, но сложной женщиной, разрывающейся между незаконной любовью и осознанием необходимости придерживаться жестких моральных заповедей. Следуя этой линии интерпретации, само название итальянского произведения – «Salvazione», т.е. «спасение души», также находит логическое объяснение и будет относиться к своего рода искуплению, которое позволило бы Флавии и Чезаре вернуться на правильный путь, кодифицированный социальной моралью. Поэтому интересно обратить внимание на переводческое решение трех русских переводчиков в отношении названия произведения: в переводах 1890 и 1891 гг. выбор переводчиков пал на слово «Наедине», а в переводе 1900 г. переводчик решил назвать его «Паоло». Употребление слова «наедине» в названии двух из трех переводов, в том числе и в отношении сюжета, было, несомненно, выбрано двумя переводчиками, чтобы подчеркнуть три фактора:

1) тайну любовных отношений между двумя любовниками в смысле «вдвоем без свидетелей»;

2) эгоизм двух любовников, которые, по крайней мере внешне и в первой части, думают только о себе, о своей любви, забывая о последствиях для семьи Чезаре, которые все сильнее влияют на отношения в его семье по мере развития отношений между ним и Флавией;

3) встреча Флавии с сыном Чезаре Паоло с глазу на глаз, встреча, в которой любовница оказывается один на один с болью, которую их внебрачная связь причинила семье Чезаре. То, что в первой части является эгоистичными слезами Флавии (женщина сожалеет о своем нереализованном идеале семьи, домашнего мира и честности, от которого она отказалась ради Чезаре) во второй части становятся свидетельством окончательного осознания невозможности внебрачной любви.

Паоло является подлинной движущей силой всей повествовательной структуры текста. Это могло бы объяснить, почему переводчик 1900 г. решил полностью изменить название по сравнению с оригиналом и дать своему переводу название «Паоло». Надо сказать, что этот перевод кардинально не отличается от предыдущих. Поэтому можно предположить, что, дав произведению название «Паоло», переводчик хотел подчеркнуть нарративную значимость образа сына Чезаре: именно благодаря ему развивается история, и именно благодаря ему характер Флавии претерпевает эволюцию. Кроме того, можно сказать, что переводчик, назвав перевод именем ребенка, в полной мере отразил то центральное значение детства и детей, которое было

отмечено выше при описании содержания всего сборника, содержащего анализируемый рассказ.

В первой части произведения именно разговор о Паоло между двумя любовниками вызывает в сознании Чезаре образ его обманутой жены: «...a ogni momento, parlando di Paolo, appariva accanto la figura della madre, della giovane moglie tradita. E per rispetto alla donna che non amava più, per delicatezza verso quella che amava, non poteva pronunciare il nome della moglie innanzi all'amante» [34. P. 156] («...при воспоминании о Паоло каждую минуту вставал рядом с ним образ его матери, молодой обманутой жены. Из уважения к женщине, которую он уже более не любил, и из деликатности к той, с которой теперь был связан, он не мог произнести имя жены в присутствии любовницы» [32]).

Таким образом, русские варианты названия как будто хотят сосредоточить больше внимания либо на вине двух любовников, связь которых совершенно индивидуалистична и эгоистична, либо на образе, который является принципиально важным в сюжете новеллы, т.е. на Паоло.

Еще один элемент, на котором стоит остановиться, – это динамика диалога между любовницей и сыном Чезаре во второй части новеллы. Через него сквозным мотивом проходит образ обманутой матери-жены, о которой ребенок вспоминает в каждом ответе, который он дает Флавии. Если она хвалит глаза мальчика за то, что они похожи на глаза его отца, Паоло отвечает, что зато его рот похож на рот матери. Ребенок рассказывает Флавии, что не ходит в школу, чтобы составить компанию матери, и что у него нет друзей, потому что его единственный товарищ по играм – его мать. Об отце, с другой стороны, всегда сообщается как об отсутствующем в повторяющемся рефрене: «...ha molti affari, molti affari» [34. P. 161–162] («...у него много дела, очень много дела!» [32]).

Прекрасное понимание ребенком того, кто такая Флавия, также вытекает из общения, и это проявляется в двух моментах. Первый – в ответе на вопрос Паоло:

«...Non la conoscete, voi, la mamma?

– ...no.

– E perché non la conoscete?

– Non so – fece lei, chinando il capo, mentre gli occhi le si gonfiavano di lagrime.

Paolo la guardò curiosamente e tacque» [34. P. 160].

Первый вариант перевода:

«...Вы ее не знаете, мою маму?

– Нет.

– А почему вы ее не знаете?

– Да так, – прошептала она, опуская голову, и глаза ее наполнились слезами.

Паоло посмотрел на нее с любопытством и замолчал» [31. С. 65; 32].

Второй вариант перевода:

«...А вы не знакомы с моей мамой?

– ...Нет.

– Почему-же вы с ней не знакомы?

– Не знаю... – сказала она и опустила голову, в то время как глаза ее наполнились слезами. Паоло с любопытством смотрел на нее и молчал» [33].

Первый вариант перевода отличается большей адаптацией текста, поскольку в нем добавлены элементы, которые делают диалог и действия персонажей более эмоциональными и выразительными, но при этом перевод отходит от оригинального смысла и структуры. Например, использование фразы «мою маму» и замена глагола «сказала» на «прошептала» усиливают эмоциональную окраску, чего нет в оригинале. Это создает более конкретную и эмоционально насыщенную интерпретацию, но отходит от сдержанности оригинала. Второй вариант перевода, напротив, ближе к оригиналу по структуре и содержанию, сохраняя краткость и нейтральность итальянского текста. Он точнее передает фразы и действия персонажей, избегая добавления лишних деталей, что делает его более соответствующим оригиналу, тогда как первый вариант представляет собой более свободную интерпретацию с добавлением эмоциональных оттенков.

Контент-анализ, с другой стороны, показывает, что оба перевода подчеркивают динамику отношений между Паоло и Флавией и образ матери, играющей ключевую роль в жизни мальчика, но делают это по-разному. В первом варианте добавление уточнения «мою маму» усиливает эмоциональный акцент на привязанности мальчика к матери, создавая дополнительное напряжение и подчеркивая уязвимость Флавии через замену глагола «сказала» на «прошептала». Это придает сцене более драматический эффект и контрастирует с невозмутимостью Паоло. Второй вариант, избегая таких дополнительных акцентов, сохраняет нейтральный тон и атмосферу неопределенности. Этот перевод оставляет больше пространства для интерпретации чувств и мыслей Флавии, акцентируя внимание на ее уязвимости перед лицом невинного любопытства ребенка.

Второй момент, где проявляется проникаемость ребенка, связан с вопросом Флавии, которая спрашивает ребенка, почему его маме не всегда хочется играть с ним:

«— *Non ne ha voglia sempre?*

— *No.*

— *E perché?*

Il bambino la guardò e tacque» [34. P. 161].

Первый вариант перевода:

«— А ей не всегда хочется?

— Нет.

— Отчего?..

Ребенок посмотрел на нее и замолчал» [31. С. 66; 32].

Второй вариант перевода:

«— А она не всегда хочет?

— Нет.

— Почему?

Ребенок посмотрел на нее и замолчал» [33].

Оба перевода достаточно точно передают содержание оригинального диалога, но различаются в нюансах формулировок и эмоциональной окраске. Первый вариант использует конструкцию «А ей не всегда хочется?», что делает вопрос Флавии более разговорным

и интуитивным, а также добавляет мягкости и непринужденности в диалог. Вопрос «Отчего?..» звучит более задумчиво и многозначительно, что усиливает атмосферу эмоционального напряжения. Второй вариант перевода, с использованием фразы «А она не всегда хочет?» и вопроса «Почему?», сохраняет более прямую и нейтральную тональность, что ближе к оригиналу, но менее выразительно с точки зрения эмоционального подтекста. В обоих переводах удачно передан момент тишины ребенка, что подчеркивает его молчаливое красноречие и усиливает драматизм сцены.

Флавия в кульминационный момент разговора с Паоло, не в силах больше сдерживать слезы, уговаривает ребенка дождаться отца и открыть матери, что он приходил к ней. Собственно, новелла и заканчивается этой лапидарной фразой:

«*E mai più Cesare e Flavia si sono incontrati*» [34. P. 165].

Первый вариант перевода:

«Флавия и Цезаре не встречались более никогда» [31. С. 67; 32].

Второй вариант перевода:

«С тех пор Цезарь и Флавия больше не встречались» [33].

Оба перевода передают смысл финальной фразы новеллы, но различаются в стиле и эмоциональной нагрузке. Первый вариант перевода, «Флавия и Цезаре не встречались более никогда», использует инверсию и двойное отрицание, что придает фразе торжественный и категоричный оттенок, подчеркивающий окончательность разрыва. Однако такая конструкция может восприниматься как архаичная и тяжеловесная. Второй вариант, «С тех пор Цезарь и Флавия больше не встречались», звучит более естественно, сохраняя при этом ясность и эмоциональную силу оригинала. Этот перевод ближе к разговорной речи и легче воспринимается, что делает его более доступным для читателя, при этом сохраняя ту же неизбежность и окончательность финала.

Таким образом, в данной статье проанализирован интерес России к Италии на рубеже XIX–XX вв., особенно в контексте литературы и культуры, с акцентом на популярности и рецепции итальянской писательницы и журналистки Матильды Серао. Выводы исследования подтверждают значительную роль ее творчества в русско-итальянских культурных взаимоотношениях, что отразилось в многочисленных переводах ее произведений на русский язык начиная с 1885 г. Творчество М. Серао рассматривалось как важный источник для понимания положения женщины в пределах литературно-культурного мира того времени, что особенно актуально и перспективно в контексте макротемы женского письма. Таким образом, популярность М. Серао в России в конце XIX – начале XX в. открывает новые перспективы для дальнейших исследований русско-итальянских литературных связей и подчеркивает важность женского авторства как ключевого элемента культурного диалога между двумя странами.

Примечания

¹ Поскольку именно этот вариант имени итальянской писательницы и журналистки встречается во всех просмотренных источниках и, по-видимому, именно под этим именем она была и остается известной в России, данный вариант используется в нашей статье, несмотря на то, что ее зовут *Matilde Serao* и, следовательно, наиболее верной транслитерацией должно быть «Матильде».

² Итальяноязычный швейцарский писатель и поэт.

³ Относительно года рождения женщины-автора имеются противоречивые сведения. Если действительно существует немало источников, среди которых, в частности, «Piccolo dizionario dei contemporanei italiani» («Малый словарь итальянских современников») 1895 г., составленный Анджело де Губернатисом [6. Р. 826], «Storia della letteratura italiana – Volume Primo: Storia» («История итальянской литературы – Том I: История»; труд Франческо Де Санктиса «История итальянской литературы» был опубликован в 1870–1871 гг.) [7. Р. 688], Марио Сансоне в «Истории итальянской литературы» («Storia della letteratura italiana») [8. Р. 521] и итальянист Раффаэле Джильо [9. Р. 927], есть и другие источники, которые указывают 1857 г. в качестве даты рождения. В этой статье мы решили указать 1856 г., поскольку, помимо вышеупомянутых и многих других источников, в которых упоминается эта дата, были найдены и фотографические свидетельства, в частности табличка на здании в Патрах, где предположительно родилась М. Серао (см. рис. 1), и фотография могилы писательницы на партенпейском кладбище Поджореале (см. рис. 2). Дата 1856 г. встречается также на фотографии фрагмента школьных журналов за годы, когда Матильда училась в «Scuola Normale Femminile», хранящихся – как пишет А. Карпентьери – в Istituto Magistrale «Pimentel Fonseca» в Неаполе [10] (см. рис. 3).

⁴ Новелла «Scuola Normale Femminile» была опубликована в начале 1885 г. отдельными выпусками в журнале «Nuova Antologia» [4], а затем издана в книге «Il romanzo della fanciulla» («Девичий роман»), выпущенной в 1886 г. в Милане издательством Fratelli Treves [5].

⁵ За исключением особо оговоренных случаев все переводы выполнены автором статьи.

⁶ Эта новелла первоначально была включена в «Dal vero» («С натуры»), первый сборник новелл Матильды Серао, изданный в Милане издательством «Perussia & Quadrio» в 1879 г. и собравший серию новелл и «боццетти» (набросков), опубликованных между 1878 и 1879 гг. в «Il Piccolo» (Неаполь), «Capitan Fracassa» (Рим), «Giornale di Napoli» (Неаполь), «Gazzetta Letteraria» (Турин) и «Gazzetta Piemontese» (Турин) [15. Р. 241]. История сборника сложна [15. Р. 241–263]: первое издание, как уже упоминалось, вышло в Милане в издательстве «Perussia & Quadrio» в 1879 г. История последующих изданий довольно непростая из-за изменений порядка и количества новелл, а также смены общего названия работы. В 1881 г. сборник назывался по-разному – «Raccolta minima» («Минимальный сборник»), а в 1883 г. – «Pagina azzurra» («Лазурная страница»), что привело к изменениям в выборе отдельных опубликованных произведений, которые не остались точно такими же. Однако в 1890 г. сборник был переиздан под оригинальным названием «Dal vero» (Milano: Galli), которое, по утверждению Патричи Бьянки [15. Р. 244], является последним, выпущенным с согласия автора.

⁷ По мнению критиков, это самый амбициозный роман М. Серао, который уже выходил серийно на страницах «Corriere di Napoli» [17].

⁸ Для перевода названия итальянского оригинала был выбран вариант перевода, предложенный Татьяной Николаевной Герценштейн во вступительной заметке о М. Серао [18. С. 78] и в «Статьях об авторах» (раздел, посвященный М. Серао), составленных И.П. Володиной в книге «Итальянские новеллы. 1860–1914» [19. С. 707]. Тот же вариант перевода зафиксирован в статье М. Беловой в списке «Matilde Serao's fiction translated into Russian» [1. Р. 77].

⁹ Информации о Е.В. Фукс не найдено. Полное имя журналистки установить пока не удалось.

¹⁰ В статье М. Беловой название книгоиздательства встречается в следующих вариантах: «Athenaeum» и «Athenaem».

¹¹ Вирджилио Нардуччи (ит. Virgilio Narducci), родившийся в Риме в 1860 г., был итальянским переводчиком и литератором, в юном возрасте переехавшим в Россию, где он стал секретарем Итало-Русской Торговой Палаты и сотрудничал с итальянским посольством в Петербурге в качестве переводчика и секретаря военного атташе [26]. Используя псевдоним «Зено Романо» (итал. Zeno Romano), под которым он был известен в основном в России, он публиковал стихи и переводы русских произведений на итальянский язык, способствуя диалогу между двумя культурами. В результате посещения русских культурных обществ он познакомился с Михаилом М. Ивановым, важной фигурой в итало-русских культурных отношениях. Не случайно имя М.М. Иванова неразрывно связано с именем такого великого итальянского автора, как Габриэле д'Аннунцио: в 1893 г. в России появился первый перевод произведения итальянского писателя с названием «Невинная жертва», публикация которого заняла несколько номеров «Северного вестника», с № 5 по № 10 за 1893 г., и который, несмотря на отсутствие подписи переводчика, можно приписать именно М.М. Иванову, не только учитывая свидетельство филолога и слависта Ч. Дж. Де Микелиса [27. Р. 14–15], но прежде всего потому, что М.М. Иванов сам заявил, что он был переводчиком романа Г. д'Аннунцио на русский язык [24. С. 89]. Культурный осмос между двумя странами, таким образом, происходил и через взаимоотношения этих двух деятелей. Поэтому неудивительно, что в книге М.М. Иванова «Очерки современной итальянской литературы» есть глава, принадлежащая перу Зено Романо («Современная итальянская поэзия» [24. С. 327–342]).

В 1918 г., учитывая исторические обстоятельства, В. Нардуччи вернулся в Италию. Знание русского языка и литературное призвание привели его к контакту с Этторе Ло Гатто, который, выпустив журнал «Россия» (октябрь 1920 г.), положил начало современной итальянской русистике [26]. Желая раскрыть критико-литературную ценность творчества В. Нардуччи, стоит воспользоваться словами Э. Ло Гатто «*il lungo soggiorno in Russia e il contatto quotidiano col vero popolo russo, buono e romantico, sentimentale ed innamorato della sua terra, insieme all'ardente appassionato amore, hanno fatto del Narducci uno dei più perfetti conoscitori stranieri della lingua e della letteratura russa. È più che giustificato l'augurio che, ora che è tornato in Italia, egli possa fare tra noi per la letteratura russa quell'opera di apostolato che ha fatto per la nostra letteratura in Russia*» («долгое пребывание в России и ежедневный контакт с истинно русскими людьми, добрыми и романтичными, sentimentalными и влюбленными в свою землю, вместе с пылкой страстной любовью, сделали Нардуччи одним из самых совершенных иностранных знатоков русского языка и литературы. Более чем оправдана надежда, что теперь, когда он вернулся в Италию, он сможет совершить среди нас для русской литературы ту апостольскую работу, которую он совершил для нашей литературы в России» [28. Р. XI–XII]). Он умер, по всей вероятности, в Риме в июле 1944 г. [26].

¹² В контексте текста М. Серао этот термин можно понимать как моральную и духовную гибель, состояние распушенной жизни.

¹³ За исключением нескольких мелких деталей, данный перевод очень похож на перевод 1890 г., появившийся на страницах «Русской мысли» (см.: [30]).

Список источников

1. Belova M. The circulation and critical reception of Matilde Serao's writings in Russia // Matilde Serao. International Profile, Reception and Networks / eds. by G. Romani, U. Fanning, K. Mitchell. Paris : Classiques Garnier, 2022. P. 59–78. doi: 10.48611/isbn.978-2-406-12853-3.p.0059
2. Papini G. Письмо из Италии // Вѣсы: Научно-литературный и критико-библиографический ежемѣсячник. Первый годъ издания. Ноябрь, 1904. № 11. С. 19–28.
3. Серао М. Вѣ женской школѣ. Сцены Матильды Серао. Переводъ съ итальянскаго А. В. // Русская мысль: Журналъ научный, литературный и политический. Годъ шестой. Книга VII. М., 1885. С. 161–193.
4. Serao M. Scuola normale femminile. Novella // Nuova Antologia di Scienze, Lettere ed Arti. Anno XX. Seconda Serie – Volume Quarantanovesimo (della Raccolta. Vol. LXXIX). Fascicolo I – 1° gennaio 1885. P. 118–127; Fascicolo II – 15 gennaio 1885. P. 282–293; Fascicolo III – 1° febbraio 1885. P. 475–487.
5. Serao M. Il romanzo della fanciulla. Milano : Fratelli Treves Editori, 1886.
6. De Gubernatis A. Piccolo dizionario dei contemporanei italiani / compilato da Angelo De Gubernatis. Roma: Forzani e C. Tipografi Del Senato, 1895. VII, 989 p.
7. De Sanctis F. Storia della letteratura italiana; completata da numerose note bio-bibliografiche e corredata da due capitoli conclusivi di Giuseppe Villaroel. Volume Primo: Storia. Roma : Armando Curcio Editore, 1961. 734 p. 28! c. di tav.: ill.
8. Sansone M. Storia della letteratura italiana. Terza edizione rinnovata e aggiornata. Milano : Principato Editore, 1973. VIII, 776 p.

9. Giglio R. L'abiura di Matilde Serao. Dalla Chiesa greco-scismatica alla Chiesa di Roma // *Critica Letteraria*. Anno XLVII (2019) Fasc. IV Nuove letture per M. Serao. N. 185. Università di Napoli Federico II. 17–18 ottobre 2018; Atti; a cura di Patricia Bianchi e Giovanni Maffei. P. 925–930. URL: <https://www.criticaletteraria.net/fascicoli/anno-xxvii-2019-fasc-iv-nuove-letture-per-m-serao-n-185/> (дата обращения: 06.03.2024).
10. Carpentieri A. Elementi di modernità nella scrittura femminile: Matilde Serao // *Moderno e modernità: la letteratura italiana: Atti del XII Congresso dell'Associazione degli Italianisti*, Roma, 17–20 settembre 2008; a cura di Clizia Gurreri, Angela Maria Jacopino, Amedeo Quondam. Roma: Sapienza Università di Roma, 2009. URL: <https://www.italianisti.it/pubblicazioni/atti-di-congresso/moderno-e-modernita-la-letteratura-italiana#novecento>; <https://www.italianisti.it/pubblicazioni/atti-di-congresso/moderno-e-modernita-la-letteratura-italiana/Carpentieri%20Angela.pdf> (дата обращения: 04.02.2024).
11. Mitchell K. Italian women writers: Gender and everyday life in fiction and journalism, 1870–1910. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press (Series: Toronto Italian studies), 2014. XII, 250 p.
12. Espmark K. Il premio Nobel per la letteratura: Cento anni con l'incarico di Nobel; con i saggi Il premio Nobel e la letteratura italiana, di Enrico Tiozzo; Luigi Pirandello: il premio Nobel o della solitudine, di Sarah Zappulla Muscarà e Enzo Zappulla. Catania: La cantinella (Collana: Demetra; 2), 2002. 319 p.
13. Emeroteca – Biblioteca Tucci. Le verità ignorate su Matilde Serao: Viaggio attraverso rari documenti e duecento giornali e riviste di otto nazioni ai quali collaborò. Napoli: Tipolito Francesco Volpicelli, 2023. 203 p.
14. Scappaticci T. Introduzione a Serao. Roma-Bari: Editori Laterza (Collana: Gli scrittori, 53), 1995. 187 p.
15. Serao M. Dal vero; a cura di Patricia Bianchi. Napoli: Edizioni Libreria Dante & Descartes di Raimondo Di Maio (Collana: Letteratura e memoria), 2000. XXVIII, 267 p.
16. Надсон С.Я. Литературные очерки (1883–1886): Съ портретомъ автора. С.-Петербургъ: О-во для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Типография И.Н. Скороходова), 1887. С. 141–149.
17. Bufacchi E. SERAO, Matilde Caterina // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 2018. Vol. 92. Istituto Treccani. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/matilde-caterina-serao_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 06.03.2024).
18. Итальянские сборники. Книга первая / переводъ съ итальянскаго съ критико-биографическими очерками Татьяны Герценштейнъ; обложка художника М.В. Матюшина. С.-Петербургъ: Издание «Primavera», 1909. 240 с.
19. Матильда Серео (1856–1927) / Статьи об авторах // *Итальянские новеллы. 1860–1914*: [пер. с итал.] / [вступ. статья Б.Г. Реизова, С. III–XXVIII]; [статьи об авторах И.П. Володиной, С. 697–724]. Москва; Ленинград: Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1960. С. 706–708.
20. Новый роман Матильды Серео: *Au pays de Cocagne, p. Matilde Serao. Paris. Pion* [Plon?]. 1898 // *Русский вестник*. 1898. № 11. С. 357–361. Lib.ru/Классика. URL: http://az.lib.ru/s/serao_m/text_1898_novy_roman_matidy_serao.shtml (дата обращения: 05.01.2024).
21. Фукс Е.В. Матильда Серео – (Изъ личныхъ воспоминаний) // *Женский Вѣстникъ: Ежемесячный общественно-научно-литературный журналъ, посвященный равноправности и улучшенію положенія женщинъ*. Годъ III. 1907. Апрель. № 4. С. 117–119.
22. Герценштейн Татьяна Николаевна. URL: http://az.lib.ru/g/gercenshtejn_t_n/about.shtml (дата обращения: 08.01.2024).
23. Энциклопедический словарь. С.-Петербург: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. Том XXIX. СПб., 1900. II. С. 469–954.
24. Ивановъ М.М. Очерки современной итальянской литературы. С.-Петербургъ: Издание А.С. Суворина, 1902. 342 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004464207> (дата обращения: 09.01.2024).
25. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 1: Алфавитный указатель псевдонимов – Псевдонимы русского алфавита А–И. М.: Изд-во Вsesоюз. кн. палаты, 1956. 442 с., 1 л. портр.
26. De Michelis C.G. NARDUCCI, Virgilio // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 2012. Vol. 77. Istituto Treccani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/virgilio-narducci_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/virgilio-narducci_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 07.07.2024).
27. De Michelis C.G. D'Annunzio nella cultura russa // *Dell'Agata G., Marchesani P., De Michelis C.G. D'Annunzio nelle culture dei paesi slavi*. Venezia: Marsilio Editori (Collana: Ricerche n. 37; Slavica 5), 1979. P. 13–39.
28. Lo Gatto E. Prefazione // *Lermontov M. Mzyri e altri poemetti*. Traduzione di Virgilio Narducci; prefazione di Ettore Lo Gatto. Pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa Orientale in Roma. Prima serie: Letteratura – Arte – Filosofia. II. Roma: Anonima Romana Editoriale, 1925. P. VII–XII.
29. Mondini V. «Chiusa come un baco da seta in un bozzolo filato»: la figurazione del femminile nella narrativa breve di Matilde Serao. Tesi di Laurea. Università degli Studi di Padova, Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari, a.a. 2016–2017. 405 p. URL: https://thesis.unipd.it/bitstream/20.500.12608/27615/1/Veronica_Mondini_2017.pdf (дата обращения: 04.02.2024).
30. Serao M. Perdizione // *Piccole Anime*. Milano: Libreria Editrice Galli di C. Chiesa e F. Guindani, 1890. P. 123–135.
31. Наединъ. Разсказъ Матильды Серео // *Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание*. Годъ одиннадцатый. Книга XII. М., 1890. С. 62–67. Подпись: М. М.
32. Наединъ (Разсказъ Матильды Серео) // *Кавказъ: Ежедневное издание*. Среда, 27-го февраля 1891 г. № 55. Годъ сорокъ шестой. С. 1. Подпись: О. Л.
33. Паоло. Матильды Серео / Фельетонъ // *Кавказъ. Понедельникъ*, 16-го октября 1900 г. № 273. Годъ пятьдесятъ пятый. С. 2. Подпись: В. Д.
34. Serao M. Salvazione // *Piccole Anime*. Milano: Libreria Editrice Galli di C. Chiesa e F. Guindani, 1890. P. 151–165.
35. De Rougemont D. Livre premier – Le mythe de Tristan. L'Amour et l'Occident. Édition remaniée et augmentée. Paris: Plon, 1956. URL: <https://www.unige.ch/rougemont/livres/ddr19560200ao> (дата обращения: 15.05.2024).

References

1. Belova, M. (2022) The circulation and critical reception of Matilde Serao's writings in Russia. In: Romani, G., Fanning, U. & Mitchell, K. (eds) *Matilde Serao. International Profile, Reception and Networks*. Paris: Classiques Garnier. pp. 59–78. doi: 10.48611/isbn.978-2-406-12853-3.p.0059.
2. Papini, G. (1904) Pismo iz Italii [Letter from Italy]. *Vesy: Nauchno-literaturnyy i kritiko-bibliograficheskii ezhe mesyachnik*. November. 11. pp. 19–28.
3. Serao, M. (1885) V zhenskoy shkole. Stseny Matildy Serao. Perevod s ital'yanskogo A. V. [In the Women's School. Scenes by Matilde Serao. Translated from Italian by A. V.]. *Russkaya mysl: Zhurnal nauchnyy, literaturnyy i politicheskyy*. Year 6. Book VII. Moscow. pp. 161–193.
4. Serao, M. (1885) Scuola normale femminile. Novella. *Nuova Antologia di Scienze, Lettere ed Arti. Anno XX. Seconda Serie – Volume Quarantanovesimo (della Raccolta, Vol. LXXIX)*. Fascicolo I – 1° gennaio 1885. pp. 118–127; Fascicolo II – 15 gennaio 1885. pp. 282–293; Fascicolo III – 1° febbraio 1885. pp. 475–487.
5. Serao, M. (1886) *Il romanzo della fanciulla*. Milano: Fratelli Treves Editori.
6. De Gubernatis, A. (1895) *Piccolo dizionario dei contemporanei italiani*. Roma: Forzani e C. Tipografi Del Senato.
7. De Sanctis, F. (1961) *Storia della letteratura italiana; completata da numerose note bio-bibliografiche e corredata da due capitoli conclusivi di Giuseppe Villaroel. Volume Primo: Storia*. Roma: Armando Curcio Editore.
8. Sansone, M. (1973) *Storia della letteratura italiana. Terza edizione rinnovata e aggiornata*. Milano: Principato Editore.
9. Giglio, R. (2019) L'abiura di Matilde Serao. Dalla Chiesa greco-scismatica alla Chiesa di Roma. *Critica Letteraria. Anno XLVII (2019) Fasc. IV Nuove letture per M. Serao*. N. 185. Università di Napoli Federico II. 17–18 ottobre 2018; Atti; a cura di Patricia Bianchi e Giovanni Maffei. pp. 925–930. [Online] Available from: <https://www.criticaletteraria.net/fascicoli/anno-xxvii-2019-fasc-iv-nuove-letture-per-m-serao-n-185/> (Accessed: 06.03.2024).

10. Carpentieri, A. (2009) Elementi di modernità nella scrittura femminile: Matilde Serao. In: Gurreri, C., Jacopino, A.M. & Quondam, A. (eds) *Moderno e modernità: la letteratura italiana: Atti del XII Congresso dell'Associazione degli Italianisti*, Roma, 17–20 settembre 2008. Roma: Sapienza Università di Roma. [Online] Available from: <https://www.italianisti.it/publicazioni/atti-di-congresso/moderno-e-modernita-la-letteratura-italiana/Carpentieri%20Angela.pdf> (Accessed: 04.02.2024).
11. Mitchell, K. (2014) *Italian women writers: Gender and everyday life in fiction and journalism, 1870–1910*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. (Series: Toronto Italian Studies).
12. Espmark, K. (2002) *Il premio Nobel per la letteratura: Cento anni con l'incarico di Nobel; con i saggi Il premio Nobel e la letteratura italiana, di Enrico Tiozzo; Luigi Pirandello: il premio Nobel o della solitudine, di Sarah Zappulla Muscarà e Enzo Zappulla*. Catania: La cantinella. (Collana: Demetra; 2).
13. Emeroteca – Biblioteca Tucci. (2023) *Le verità ignorate su Matilde Serao: Viaggio attraverso rari documenti e duecento giornali e riviste di otto nazioni ai quali collaborò*. Napoli: Tipolito Francesco Volpicelli.
14. Scappaticci, T. (1995) *Introduzione a Serao*. Roma-Bari: Editori Laterza. (Collana: Gli scrittori, 53).
15. Serao, M. (2000) *Dal vero; a cura di Patricia Bianchi*. Napoli: Edizioni Libreria Dante & Descartes di Raimondo Di Maio. (Collana: Letteratura e memoria).
16. Nadson, S.Ya. (1887) *Literaturnye ocherki (1883–1886)* [Literary Essays (1883–1886)]. St. Petersburg: O-vo dlya posobiya nuzhdayushchimsya literatoram i uchenym (Tipografiya I.N. Skogokhodova). pp. 141–149.
17. Bufacchi, E. (2018) SERAO, Matilde Caterina. In: *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 92. Istituto Treccani. [Online] Available from: [https://www.treccani.it/enciclopedia/matilde-caterina-serao_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/matilde-caterina-serao_(Dizionario-Biografico)/) (Accessed: 06.03.2024).
18. Anon. (1909) *Italianskiye sborniki* [Italian Collections]. Book One. Translated from Italian by Tatyana Gertsenshteyn. St. Petersburg: Izdaniye "Primavera".
19. Volodina, I.P. (1960) Matilda Serao (1856–1927). In: *Italianskiye novelly. 1860–1914* [Italian Novellas. 1860–1914]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. pp. 706–708.
20. *Russkiy vestnik*. (1898) Novyy roman Matildy Serao: Au pays de Cocagne, p. Matilde Serao. Paris. Pion [Plon?]. 11*. pp. 357–361. [Online] Available from: http://az.lib.ru/s/serao_m/text_1898_noviy_roman_matidy_serao.shtml (Accessed: 05.01.2024).
21. Fuks, E.V. (1907) Matilda Serao – (Iz lichnykh vospominaniy) [Matilde Serao – (From Personal Memories)]. *Zhenskiy Vestnik: Ezhe mesyachnyy obshchestvenno-nauchno-literaturnyy zhurnal, posvyashchennyy ravnopravnosti i uluchsheniyu polozheniya zhenshchin*. April. 4. pp. 117–119.
22. Az.lib.ru. (2024) *Tatyana Nikolaevna Gertsenshteyn*. [Online] Available from: http://az.lib.ru/g/gercenshteyn_t_n/about.shtml (Accessed: 08.01.2024). (In Russian).
23. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (eds) (1900) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXIXA. St. Petersburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. pp. 469–954.
24. Ivanov, M.M. (1902) *Ocherki sovremennoy ital'yanskoy literatury* [Essays on Modern Italian Literature]. St. Petersburg: Izdaniye A.S. Suvorina. [Online] Available from: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004464207> (Accessed: 09.01.2024).
25. Masanov, I.F. (1956) Slovar psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley: v 4 t. [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. kn. palaty.
26. De Michelis, C.G. (2012) NARDUCCI, Virgilio. In: *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 77. Istituto Treccani. [Online] Available from: [https://www.treccani.it/enciclopedia/virgilio-narducci_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/virgilio-narducci_(Dizionario-Biografico)/) (Accessed: 07.07.2024).
27. De Michelis, C.G. (1979) D'Annunzio nella cultura russa. In: Dell'Agata, G., Marchesani, P. & De Michelis, C.G. *D'Annunzio nelle culture dei paesi slavi*. Venezia: Marsilio Editori. (Collana: Ricerche n. 37; Slavica/5). pp. 13–39.
28. Lo Gatto, E. (1925) Prefazione. In: Lermontov, M. *Mzyri e altri poemetti*. Traduzione di Virgilio Narducci; prefazione di Ettore Lo Gatto. Pubblicazioni dell'Istituto per l'Europa Orientale in Roma. Prima serie: Letteratura – Arte – Filosofia. II. Roma: Anonima Romana Editoriale. pp. VII–XII.
29. Mondini, V. (2016–2017) "Chiusa come un baco da seta in un bozzolo filato": la figurazione del femminile nella narrativa breve di Matilde Serao. Tesi di Laurea. Università degli Studi di Padova, Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari. [Online] Available from: https://thesis.unipd.it/bitstream/20.500.12608/27615/1/Veronica_Mondini_2017.pdf (Accessed: 04.02.2024).
30. Serao, M. (1890) Perdizione. In: *Piccole Anime*. Milano: Libreria Editrice Galli di C. Chiesa e F. Guindani. pp. 123–135.
31. Serao, M. (1890) Naedine. Rasskaz Matildy Serao [Alone. A Story by Matilde Serao]. *Russkaya mysl: Ezhe mesyachnoye literaturno-politicheskoye izdaniye*. XII. Moscow. pp. 62–67. Signed: M. M.
32. Serao, M. (1891) Naedine (Rasskaz Matildy Serao) [Alone (A Story by Matilde Serao)]. *Kavkaz: Yezhednevnoye izdaniye*. 27 February. 55. p. 1. Signed: O. L.
33. Serao, M. (1900) Paolo. Matildy Serao / Felieton [Paolo. By Matilde Serao / Feuilletton]. *Kavkaz*. 16 October. 273. p. 2. Signed: V. D.
34. Serao, M. (1890) Salvazione. In: *Piccole Anime*. Milano: Libreria Editrice Galli di C. Chiesa e F. Guindani. pp. 151–165.
35. De Rougemont, D. (1956) Livre premier – Le mythe de Tristan. In: *L'Amour et l'Occident*. Édition remaniée et augmentée. Paris: Plon. [Online] Available from: <https://www.unige.ch/rougemont/livres/ddr19560200ao> (Accessed: 15.05.2024).

Информация об авторе:

Боттески К. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: carolina.botteschi@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

C. Botteschi, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: carolina.botteschi@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 03.10.2024;
approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 821.131.1: 94.450
doi: 10.17223/15617793/510/2

Образы Италии конца XV – начала XVI в. в сочинениях Макиавелли

Марина Игоревна Дмитриева¹, Кирилл Владимирович Павлов²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ m.dmitrieva@spbu.ru

² st055536@student.spbu.ru

Аннотация. Рассматриваются образы Италии в трех сочинениях знаменитого флорентинца: в поэме «Десятилетия», а также в комедиях «Мандрагора» и «Клиция». Для решения задач исследования был применен комплексный междисциплинарный подход, позволивший сделать выводы о влиянии политико-дипломатической практики Макиавелли на его литературное творчество, о представлениях Макиавелли относительно начального периода Итальянских войн (1494–1509) как идейной базе, прослеживаемой в сочинениях писателя-гуманиста на протяжении всего его литературного творчества.

Ключевые слова: образы Италии, Макиавелли, литературное наследие, «Десятилетия», Мандрагора, Клиция

Для цитирования: Дмитриева М.И., Павлов К.В. Образы Италии конца XV – начала XVI в. в сочинениях Макиавелли // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 16–29. doi: 10.17223/15617793/510/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/2

Images of Italy of the late 15th – early 16th centuries in the literary works of Machiavelli

Marina I. Dmitrieva¹, Kirill V. Pavlov²

^{1, 2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ m.dmitrieva@spbu.ru

² st055536@student.spbu.ru

Abstract. The research is aimed to explore the images of Italy in the literary works of Niccolo Machiavelli, a Florentine diplomat and writer of the era of the first decades of the Italian Wars (1494–1559), of which he was a witness and participant. The authors of the article focused on three works of Machiavelli: his diplomatic poem in two parts "Decade" ("Decennali"), as well as the comedies "La Mandragola" and "La Clizia", the choice of which was due to the similar genres and ideology of these works affecting the fate of Italy. To implement the research objectives, a comprehensive interdisciplinary approach was used, combining methods of historical research (cultural-historical, comparative-historical, historical-genetic methods), as well as methods of literary analysis (structural-descriptive, comparative). The main approaches to learning the heritage of the humanist in historiography were analyzed; the specificity of the images of Italy in these literary works of Machiavelli was revealed; the degree of content and ideological similarity of the works was determined. A historiography review showed the presence of many approaches and assessments, among which the authors of the article emphasize the point of view of the modern Italian researcher R. Bruscaglit, with his idea of Machiavelli as the heir to the creative spirit of Florence during the time of Lorenzo the Magnificent, and supplement it with their own conclusions. The analysis of the poem "Decades", written during Machiavelli's real diplomatic activity, showed that the main reason for the outbreak of the Italian Wars, in his opinion, was the disunity of the Italian states, their orientation toward external forces (France, Empire, Spain) and their unwillingness to unite. Machiavelli "painted" the image of a divided Italy, which was in trouble at the behest of the Duke of Milan, and ironically described his native Florence, allied with France. The analysis of the comedies "La Mandragola" and "La Clizia" showed that, when the writer finished his political practice, he continued to remain a sensitive observer and analyst, satirically denouncing the decline of his city and the misfortunes of Italy. The article draws conclusions about the orientation of Machiavelli the writer towards the initial period of the Italian Wars as a "point of no return" in Italian history; about the role of the poem "Decades" as a kind of a "prologue" to his comedies, which are filled with images of Italy. In these Machiavelli's works, similarities and differences are revealed in the contextual and semantic specificity of the expression of images of Italy.

Keywords: images of Italy, Machiavelli, literary heritage, "Decades", "La Mandragola", "La Clizia", Italian Wars

For citation: Dmitrieva, M.I. & Pavlov, K.V. (2025) Images of Italy of the late 15th – early 16th centuries in the literary works of Machiavelli. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 16–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/2

Введение

Литературное наследие Никколо Макиавелли (1469–1527) – выдающегося дипломата, политического мыслителя и писателя эпохи Высокого Ренессанса – обширно и разнообразно. Знаменитый гуманист работал в разных жанрах – от политических и военных трактатов и историографических трудов до поэм и комедий. Образы Италии в сочинениях Макиавелли, написанных в разные периоды его жизни, стали отражением идей великого флорентинца, которые он, порой довольно противоречиво, развивал на протяжении всей своей творческой биографии. Макиавелли был современником раннего и самого яркого периода Итальянских войн (1494–1559 гг.) – длительного военно-политического конфликта на территории Италии, в котором принимали участие как крупные европейские страны – Франция, Испания, Империя (и другие), так и сами итальянские государства. Родина Макиавелли – Флорентийская республика, занимавшая на протяжении большей части войн нейтральную позицию, – была одним из ключевых итальянских государств, наряду с герцогством Миланским, Венецианской республикой, Папским государством и Неаполитанским королевством, противостоявшими французам и испанцам и отстаивавшими в этом конфликте собственные интересы.

Образы Италии эпохи Итальянских войн возникали не только на страницах его знаменитых политических трактатов, но и в сочинениях, относящихся к художественной литературе, ведь первая треть XVI в. – это и время Высокого Возрождения – яркого расцвета гуманистической мысли, науки и искусства, в том числе театрального. С конца XV в., благодаря переводам римских комедий на итальянский язык, сначала в Ферраре, а затем и в других итальянских городах расцветал театр на итальянском языке [1. С. 11]¹. Флоренция, имевшая богатую традицию театральных представлений еще во времена Лоренцо Великолепного (1469–1492 гг.), стала одним из таких центров в XVI в. Несмотря на отсутствие во времена Макиавелли придворного театра, здесь развивалась практика частных театральных постановок «по случаю», для них и создавались комедии, позволявшие транслировать идеи в форме, доступной широким кругам флорентийского общества и пользовавшиеся большой популярностью. Отметим и тот факт, что с XIV в. Флоренция была главным «очагом» гуманистических идей, важнейшими среди которых были концепции наилучшего политического устройства города-государства: «три золотых венца» итальянской литературы Треченто – Данте, Петрарка и Боккаччо, развивали их в отношении родного города [2], в первой половине XV в. этот вопрос продолжал обсуждаться в сочинениях Леонардо Бруни и других представителей «гражданского гуманизма», озабоченных политическими перспективами Флоренции. В первой четверти XVI в. к решению насущных политических проблем обратился и Макиавелли, но рассматривал ее уже более масштабно: не только для родного города, но и для

всей Италии, главным вопросом для которой оставалось объединение ее государств перед лицом иностранных вторжений.

Цель нашего исследования – изучение образов Италии в трех сочинениях Макиавелли: в его дипломатической поэме «Десятилетия» (Decennali, 1506, 1509) [3], а также в его комедиях «Мандрагора» (La Mandragola, 1518–1520) [4, 5] и «Клиция» (La Clizia, 1525) [6, 7]. Основными задачами являются, во-первых, анализ основных подходов к изучению писательского наследия гуманиста в историографии; во-вторых – определение специфики образов Италии в сочинениях Макиавелли, относящихся к художественной литературе; в-третьих – выявление содержательного и идейного сходства изучаемых сочинений Макиавелли. Для реализации этих задач в данном исследовании был применен комплексный междисциплинарный подход, сочетающий в себе методы исторического исследования (культурно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический), а также литературоведческого анализа (структурно-описательный, сравнительно-сопоставительный).

Первые труды Макиавелли появились во время его активной дипломатической и политической деятельности на посту секретаря второй канцелярии Синьории, затем секретаря Совета десяти Флорентийской республики (июль 1498 г. – ноябрь 1512 г.), и это была, прежде всего, обширная дипломатическая переписка гуманиста [8]². В эти же годы Макиавелли написал поэму в двух частях «Десятилетия» [3], которая, как и его письма, стала отражением его дипломатической практики: он много путешествовал и выполнял ряд важных дипломатических миссий [9], приобретая тот политический опыт, который в дальнейшем получил оформление в его знаменитых политических трактатах. Пик писательской деятельности Макиавелли пришелся на период его изгнания из Флоренции, когда после четырнадцати лет службы на благо Флорентийской республики он был отстранен от политической деятельности и заключен в тюрьму по обвинению в организации антимедицейского заговора, а затем отправлен в ссылку (1513 г.). Макиавелли уехал в свое загородное имение Альбергаччо около Сан-Кашано, где находился в течение следующих семи лет. Здесь и родились такие его шедевры, как: «Государь» (1513), «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513–1525), «Искусство войны» (1519–1520). К этому же периоду творчества относится и первая театральная пьеса Макиавелли «Мандрагора» (1518–1520) [4, 5]. В 1520 г. положение опального политика улучшилось: он начал посещать друзей во Флоренции, затем окончательно возвратился в родной город, получив должность государственного историографа. Макиавелли начал работу над большим историографическим трудом «История Флоренции» (1520–1525). К этому же времени относится создание «Клиции» (1525) [6, 7] – второй комедии, появившейся за два года до кончины Макиавелли (1527 г.).

Итак, исследуемые сочинения Макиавелли, относящиеся к произведениям художественной литературы, были созданы в разные периоды его творческой жизни: в ходе активной политико-дипломатической практики,

по ее завершении (особенно в период ссылки), в конце жизни писателя. Рассмотрение их в едином комплексе позволит судить о развитии политических идей Макиавелли, воплощенных в образах Италии конца XV – начала XVI в. Представляется, что в подобном исследовании важно учитывать не только тесную связь идей Макиавелли с политическими событиями, повлиявшими на его судьбу и взгляды, но и оценки наследия гуманиста, существующие в историографии, на обзоре которых мы остановимся более подробно.

К истории изучения литературных сочинений Макиавелли

Писательское наследие Никколо Макиавелли изучалось несколькими поколениями исследователей, в том числе историками литературы. Эта традиция ведет свое начало с комментариев современников великого флорентинца к его произведениям, а наиболее подробным сочинением такого рода стал критический комментарий к одной из самой фундаментальных работ Макиавелли – «Рассуждениям о первой декаде Тита Ливия» младшего современника Макиавелли и его товарища по флорентийской дипломатической службе Франческо Гвиччардини. Гвиччардини написал сочинение «Замечания относительно “Рассуждений” Макиавелли» (*Considerazioni intorno ai «Discorsi» del Machiavelli*) [10], ярко демонстрирующее контраст между теорией Макиавелли о перспективах итальянской государственности и политической практикой государств Апеннин эпохи Итальянских войн. В отличие от Макиавелли, скончавшегося в 1527 г., Гвиччардини застал апогей политической катастрофы Апеннин: падение Рима, а затем и Флоренции под натиском имперских войск Карла V Габсбурга [11. С. 598–599], поэтому, с его точки зрения, политическая теория Макиавелли оказалась нежизнеспособной и нереализуемой. Комментарий Гвиччардини, как отмечает отечественный историк М.А. Юсим, на несколько веков невольно придал сугубо критико-обличающий вектор рассмотрению работ Макиавелли [11. С. 600], и в дальнейшем традиция комментирования сводилась к копированию некоторых фрагментов работ Макиавелли для последующей критики по типу, предложенному Гвиччардини. Подобные комментарии прослеживаются в сочинениях таких итальянских авторов XVI–XVII вв., как Козимо Бартоли [12], Джованни Ботеро [13], Джеминиано Монтанари [14]. Впоследствии львиная доля критики Макиавелли связывалась с идеей об имморализме его политических взглядов и размышлений. Подобный подход позволял авторам подобных работ интерпретировать собственные политические взгляды. Классическим примером такого рода может служить трактат германского «просвещенного монарха» XVIII в. Фридриха II «Анти-Макиавелли» [15], в котором политические методы, применяемые самим Фридрихом на практике, диссимилировались им за критикой макиавеллевских рассуждений о политике [15. С. 290–416].

В XIX в. сочинения Макиавелли подверглись, своего рода «реабилитации» исследователей. Одним из

первых опытов непредвзятого анализа литературного наследия Макиавелли стала глава о его творчестве в работе классика мирового литературоведения Ф. де Санктиса «История итальянской литературы» [16]. Ученый предлагал исходить, прежде всего, из специфики политической практики Макиавелли как дипломата на службе Флорентийской республики [16. Р. 102–103]. Его ключевая идея заключалась в том, что Макиавелли, «унаследовавший» творческий дух Флоренции времен Лоренцо Великолепного, должен был стать патристичным обличителем культурного падения своей республики, связанного с политическим кризисом затяжных войн, и тем, кто призывает флорентинцев вернуть былое величие. Этот лейтмотив, по Ф. де Санктису, прослеживается во всем литературном творчестве Макиавелли: в комплексе его политических трактатов, в поэтических произведениях и в коротких прозаических заметках [16. Р. 103–104]. Аналогичную идею предложила американская исследовательница К.М. Филлимор, предметно изучившая комедийное творчество флорентинца в работе «Исследования итальянской литературы, классической и современной» [17]. По ее мнению, в своих комедиях Макиавелли был обличителем кризисного состояния современного ему итальянского, особенно флорентийского, общества [17. Р. 149]. Филлимор обратила внимание на специфику использования флорентинцем античных образов в этих комедийных работах, подчеркнув, что пьесы Макиавелли «Мандрагора» и «Клиция» не были характерны для ренессансной традиции прямого переложения форм и сюжетов одноименных античных комедий Плавта и Теренция, напротив, античные сюжеты использованы в них как общий композиционный «трафарет», внутреннее наполнение которого переосмыслено в общественно-политических реалиях Флорентийской республики эпохи Итальянских войн [17. Р. 149–150]. «Завершением» анализа творчества Макиавелли в историко-литературоведческом ключе в XIX в. можно считать труд британского исследователя Р. Гарнетта «История литературы Италии», в котором его автор отмечал, что для данной эпохи было характерно представление об «универсальном гении» – человеке, олицетворяющем собой идеалы ренессансной культуры [18. Р. 163–164]. Британец называл эталоном подобного универсализма современника Макиавелли – Леонардо да Винчи и заявлял о том, что Макиавелли был вторым после Леонардо, причем именно из-за комедийных пьес и поэмы его нельзя назвать первым [18. Р. 164]. По мнению Гарнетта, поэма «Десятилетия», в равной мере с «Мандрагорой» и «Клицией», разделяет сатирическое отношение гуманиста к современному ему итальянскому и, прежде всего, флорентийскому обществу [18. Р. 203], поэтому он ставил ее в разряд второстепенных сатирических сочинений [18. Р. 204], что, с нашей точки зрения, несколько опростетчиво.

В XX в. анализ творчества Макиавелли продолжился, основными его направлениями в западной науке стали: определение специфики литературного стиля флорентинца, а также изучение его работ в социальном контексте итальянского общества XVI в. Так, в работе итальянского ученого Н. Сапеньо «Изложение

истории итальянской литературы» было предложено интересное наблюдение о форме ряда стихотворных произведений Макиавелли – терцетах в стиле Данте, ведь именно терцетами написана поэма «Десятилетия» [19. Р. 56]. По мнению ученого, уже само обращение Макиавелли к стилю поэтического изложения Данте – апологета и зачинателя вернакулярной литературной традиции Флоренции, означало отдание дани уважения великому предшественнику, а также «развитие тем, тесно связанных с его историко-политической мыслью (фортуна, возможность, честолюбие)» [19. Р. 75]. Вместе с тем исследователь отмечал, что Макиавелли не просто «копировал» стилистическую форму и понятийный аппарат Данте, но переосмысливал категории, введенные в пространство гуманистической литературы, отталкиваясь от «собственных страстных размышлений о судьбе Италии» [19. Р. 75]. Важный этап оценки значения работ Макиавелли связан с трудом американского автора Л. Страусса «Макиавелли и классическая литература» [20], в котором отмечается, что флорентинец ставил авторитет античной истории и литературы, основывавшийся на почитании «добродетели» и «убеждения личности» выше, чем следование «изжившему» ригоризму официальных доктрин дискредитированного папства [20. Р. 25]. В конце XX в. итальянский литературовед Дж. Петронио рассматривал литературную деятельность Макиавелли, как представителя «общества двора», в общей когорте с его современниками Бальдассаре Кастильоне и Лодовико Ариосто [21. Р. 72–81], что, по сути, стало продолжением традиции анализа макиавеллевского творчества, предложенной еще Р. Гарнеттом [18. Р. 163–204].

В отечественной научной литературе XX в. в исторических трудах начиная с А.К. Дживелегова, опубликовавшего «Государя» и малые произведения Макиавелли [22], до трудов В.И. Рутенбурга [23], подготовившего издание «Истории Флоренции» [24], как и в литературоведческих работах, речь о которых пойдет далее, творчество Макиавелли анализировалось преимущественно в двух аспектах: протонациональном и протобуржуазном. Так, например, попытка связать творчество Макиавелли с его представлениями о перспективах объединения Италии в национальное целое была предложена советским академиком В.Ф. Шишмариным в работе «Очерк истории итальянского языка», в которой ученый отмечал, что во времена Макиавелли вопрос о распространении письменности на вульгате в Италии стал как бы частным продолжением вопроса о политическом праве конкретной итальянской силы объединить полуостров под своим началом [25. С. 114–115]³. Что касается отношения к Макиавелли как к литератору-идеологу итальянской буржуазии, то этот подход представлен, в частности, работой советского ученого К.М. Долгова «Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли» [26]. Исследователь считает, что Макиавелли обличал пороки современного ему общества, как некие пережитки феодализма, что он был наблюдателем, аналитиком и едва ли не первым идеологом новой общественной морали [26. С. 30–32].

Современный отечественный итальянист М.А. Юсим, рассматривающий жизнь и творчество Макиавелли как «образцовые для своего времени», ключ к которым дает его этика [27. С. 45], рассуждает о его политических представлениях, исследуя главные сочинения флорентинца и отмечая эволюцию жанров в его творчестве: «...за политическими трактатами (1513–1516 гг.) следуют художественные произведения...» [27. С. 38], что соответствует и политической судьбе самого гуманиста. По мнению историка, «...в “Мандрагоре”, лучшей пьесе Макиавелли, исследователи усматривают то же столкновение человека с судьбой, которое питает все трагические коллизии, присутствующие в трактатах флорентийского писателя, но факт остается фактом – театр Макиавелли камерный, он не выносит на сцену тех общественно-политических страстей, которыми полны и “Рассуждения” и “История Флоренции”» [27. С. 39–40]. В одной из своих недавних работ ученый сравнивает историко-политическую мысль Макиавелли с идеями его младшего современника Гвиччардини, подчеркивая общность воспитавшей их культурной среды Флоренции, отмечая значительное сходство их взглядов [11].

В западной научной литературе начала XXI в. также появляются новые концепции, связанные с приемами Макиавелли-литератора (например, британского исследователя Б. Ричардсона, связанная с анализом композиционных приемов Макиавелли, особенно в его исторических трудах [28. Р. 188–193]), однако чаще систематизируются известные ранее традиционные концепции. Так, специалист по истории ренессансной литературы Р. Брускальи в главе, посвященной Макиавелли, коллективного издания «Итальянская литература. От истоков до наших дней» [29], предлагает рассматривать его творчество через призму его социального статуса: Никколо относился к прослойке так называемой интеллектуальной буржуазии города [29. Р. 317]. Флоренция при Лоренцо Великолепном «принадлежала» к интеллектуальным кругам, но после его смерти их влияние резко снизилось, а потом и вовсе свелось к минимуму, что, по мнению Брускальи, как раз демонстрирует Макиавелли как историк и аналитик недавнего прошлого [29. Р. 330]. Подобный подход возвращает нас к «базовым» оценкам литературной деятельности Макиавелли, заключенным во взглядах Ф. де Санктиса на Макиавелли-литератора как воплощение духа ренессансной Флоренции [16. Р. 105].

Отдельно следует охарактеризовать гуманитарные исследования в области имагологии, отметив их методологическое и тематическое многообразие и неоднородность. Среди различных векторов имагологической парадигмы можно выделить работы культурологической и искусствоведческой, а также векторы историко-политической и литературоведческой направленности. Первое направление в отечественной науке отмечено появлением знаменитого в начале XX в. труда П.П. Муратова «Образы Италии» [30], наполненного красочными и поэтическими описаниями памятников искусства, уникальными художественными образами итальянских городов эпохи Возрождения (из современных работ к этому направлению, очевидно, можно

отнести серию трудов А.В. Ипполитова об итальянских городах). Другой вектор имагологической парадигмы, заложенный еще в «классических» трудах М. Блока [31] и Э. Канторовича [32] и посвященный анализу значения образов и символов власти в средневековую эпоху, продолжает активно развиваться, особенно в последние годы. Представители западной науки изучают конструирование политических образов средствами изобразительного искусства. Эта линия прослеживается, например, в работах, посвященных образам ренессансных городов: Флоренции (Х. Янсон [33] и С. Эджертон [34]), Венеции (статьи К. Барцман [35], М. О'Коннелл [36] и Р. Гой [37] в сборнике «Вид Венеции. Портрет ренессансного города»), Сиены (Ф. Неволла [38]). В современной отечественной науке работы ученых-медиевистов М.А. Бойцова, О.С. Воскобойникова, П.А. Габдрахманова [39] демонстрируют возможности «потестарной имагологии» применительно к разным периодам в истории властных структур: от Средневековья до Нового времени. Имагологический метод находит применение в литературоведении, акцентируется ценность изучения образов, создаваемых различными текстами соответствующей эпохи. Так, например, в работе С. Гэйлэрд [40] знаменитый конфликт идей, возникший между гуманистами Флоренции и Милана в первой половине XV в. и связанный с политическим противостоянием двух государств [40. Р. 9–18], рассматривается именно с позиций создания гуманистами образов правителей своих государств. Относительно его применения в данном случае [41] отметим частичное использование его инструментария (понятийного аппарата, терминологии) и стремление авторов на основе образов проанализировать взгляды и представления Макиавелли – великого мыслителя, дипломата и политика.

Таким образом, литературное творчество флорентинца изучалось в историографии с разных позиций, подчас довольно противоречиво. Авторам данной статьи в этом плане оказалась наиболее «созвучна» точка зрения, связанная со взглядом на Макиавелли как на наследника творческого духа Флоренции времен Лоренцо Великолепного, политика и гуманиста, принадлежащего к «интеллектуальной буржуазии города» и пытавшегося воскресить идею его былого величия. Выявление образов Италии времен Итальянских войн в текстах литературных сочинений Макиавелли (поэме и двух комедиях), не относящихся к числу главных работ гуманиста, но, безусловно, репрезентативных с точки зрения наличия в них образов, отражающих взгляды и представления Макиавелли об Италии периода культурно-политического перелома, призвано дополнить представления о его творческом наследии.

«Decennali» Никколо Макиавелли

Дипломатическая поэма Макиавелли в двух частях «Десятилетия» (*Decennali*), прежде не изучавшаяся в отечественной науке, задумывалась как обозрение политических событий двух первых десятилетий хода Итальянских войн. По словам М. Бонфантини, подготовившего научно-критическое издание сочинений

флорентинца, оригинальное авторское название поэмы, включающее в себя текст обеих ее частей, это – «Изложение событий десятилетия в истории Италии флорентинцем Никколо Макиавелли» (*Nicolai Malclavelli fiorentini Compendium rerum decennio in Italia gestarum*) [42. Р. 34]. Первая часть поэмы (*Decennale primo*), описывающая события 1494–1504 гг., явилась самым ранним из опубликованных сочинений Макиавелли. Как полагает итальянский историк Дж. Инглезе, *Decennale primo* была подготовлена к 1506 г., что подтверждают материалы служебной корреспонденции Макиавелли, в частности письмо главного капитана Флорентийской республики, наследного владетеля Болоньи Эрколе Бентивольо (от 25 февраля 1506 г.) о получении текста первой части поэмы «Десятилетия» от ее автора [43. Р. 124–125]. Эрколе Бентивольо благодарил Макиавелли за присланный ему экземпляр поэмы, восхищался изящной краткостью рассказа и убеждал гуманиста продолжать работу, предназначенную для «...тех, кто придет после нас», чтобы «...дети и внуки, зная о злой судьбе Италии, не приписывали ее несчастья исключительно проступкам своих отцов» [43. Р. 125]. Из процитированных фрагментов видно, что поэма носила скорее назидательный, нежели сатирический (как полагал Р. Гарнетт [18. Р. 203]), характер, а также тот факт, что современники войн на Апеннинах не верили в возможность урегулирования кризиса в Италии при своей жизни и адресовали эту задачу потомкам. Впрочем, комментарий адресата Макиавелли контрастирует со свидетельством Франческо Гвичардини, согласно которому достижение общетальянского политического баланса, на момент организации папой Юлием II Камбрейской лиги (декабрь 1508 г.), было еще возможно: он называл соглашения в Камбре «вечным миром и союзом папы с каждым из великих государей» [44. Р. 737].

Как уже отмечалось, поэма написана в терцетах, что стилистически роднит ее с поэтическим творчеством великого Данте Алигьери. Подобно Данте, Макиавелли был озабочен судьбой Флоренции, но еще больше – судьбой общей родины – Италии, поэтому в начале *Decennale primo* возникает весьма трагический образ разобщенной Италии начала масштабного военного конфликта: «Солнце над нашим миром преодолело тысяча четыреста девяносто четвертый оборот, с того времени, как Иисус впервые посетил наши земли и, пролив кровь, погасил искры дьявольского пламени, когда сама с собой несогласная Италия, открыла путь галлам и пострадала, потоптанная варварскими народами»⁴:

Aveva 'l sol veloce sopra 'l dorso
del nostro mondo ben termini mille
e quattrocen novanta quattro corso,
dal tempo che Iesù le nostre ville
vicitò prima e, col sangue che perse,
estinse le diaboliche faville
quando, in sé discordante, Italia aperse
la via a' Galli, e quando esser calpesta
da le genti barbariche soffersse [3. Р. 1047].

Макиавелли уверен, что главным виновником такого положения Италии стал Лодовико Моро – узурпатор власти в Миланском герцогстве, сначала пошедший на

«сделку» с французами ради признания своей легитимности, а затем осмысливший этот провал: «Так как весть о столь славной победе⁵, дошла до ушей первого виновника ваших несчастий, он понял свою глупость и боясь упасть в яму, самим себе вырытую, осозная, что его собственных сил недостаточно, герцог, стремясь все спасти, объединил усилия с Папой, Империей и [республикой Св.] Марка»:

Poiche d'una vittoria tanta e tale
si fu la fama nelli orecchi offerta
a quel primo motor del vostro male,
conobbe ben la sua stultizia certa;
e dubitando cader ne la fossa
che con tanto sudor s'aveva aperta,
né li bastando sua natural possa,
fece, quel duca, per salvar el tutto,
col papa, Imperio e Marco testa grossa

[3. Р. 1048].

Используя слово «яма» – «fossa» – в данном терцете поэмы, Макиавелли иронически обыгрывает некоторое созвучие фамилии миланских герцогов – Сфорца (*Sforza*), часто произносившейся без звука «г», – этому слову. Макиавеллевская ирония над содеянным Лодовико – это горькая ирония над миланской ситуацией, которая обернулась плачевными последствиями для всей Италии. Итальянские государства попытались объединиться для противостояния французам, формальное руководство этим союзом, названным Венецианской священной лигой (1495 г.), приняла Империя Габсбургов [45, 46]⁶. Макиавелли иронизирует над Лодовико Моро, вынужденным ориентироваться на союз с императором Максимилианом I, «осознавая, что его собственных сил недостаточно» [3. Р. 1048]. Далее Макиавелли укажет, что «плоды» авантюры Моро с узурпацией власти в Милане, в надежде на поддержку короля Карла, обернулись катастрофой для всей Италии, а для него самого – спустя шесть лет после начала войн на Апеннинах – потерей герцогства и «бегством во спасение себя» [3. Р. 1054]. События Первого итальянского похода (1494–1495 гг.) он оценивает критично и пишет, что напуганный организацией Венецианской священной лиги Карл VIII «...ни за что не соглашался дольше оставаться в Апулии. Оставив много воинов охранять королевство, он с остальными отступил в Тоскану» [3. Р. 1049]⁷. Отметим также, что автор поэмы никак не обозначает позицию родной Флоренции по поводу участия в Венецианской священной лиге [3. Р. 1048–1049], что, вероятно, связано с его нежеланием представлять ее как государство, «лавирующее» в своей дипломатии между различными международными силами [9. С. 126]. Подобный образ флорентинцев – «меркантилистов дипломатии», был связан с проблемой возврата Пизы⁸, ведь упоминание ее потери, как ключевого вопроса военной дипломатии Флоренции, есть в начале первой части поэмы, сразу после описания начала Войн: «...вся Тоскана пришла в смятение, так была потеряна Пиза и те государства, которые отдала им [французам] семья Медичи»:

Così tutta Toscana si scompiglia,
così perdesti Pisa e quelli stati
che dette lor la Medica famiglia

[3. Р. 1047].

Возможно, тем самым автор поэмы стремится показать изначальную зависимость тосканской республики от французских действий, поэтому и далее, в *Decennale primo* так много внимания уделяется Франции – формально главной союзнице Флоренции. Так, в последующих описаниях конфликта Флоренции и Венеции (1498–1500 гг.) вокруг пизанского мятежа Макиавелли хоть и «оправдывает» позицию флорентинцев внутриполитическим кризисом⁹, но с горькой иронией указывает, что Флоренция продолжала надеяться на французов, в то время как венецианцы рассчитывали на пизанцев – «народец, исполненный ненависти против нашего люда» [3. Р. 1049], а не на обстоятельства международной конъюнктуры¹⁰. Макиавелли буквально укоряет соотечественников: «Вы расположились тут с открытым ртом и ждали, что из Франции придет тот, кто принесет манну небесную в вашу пустыню и вернет вам Пизу, Пьетрасанту и другие города, как король много раз вам обещал»:

...voi vi posavi qui col becco aperto
per attender di Francia un che venisse
a portarvi la manna nel deserto
e che le rocche vi restituisse
di Pisa, Pietrasanta e l'altra villa,
sì come il re più volte vi promise

[3. Р. 1050]¹¹.

Весьма показательно, что и новая «волна» вторжений, возобновившихся в 1500 г. с походами французского короля Людовика XII Валуа, описывается в поэме как отправка Флоренции наемных войск для пизанской кампании: «...галлы направились в ваши земли, чтобы победить пизанцев и привести их к нам на поклон... но, столкнувшись с пизанцами, [галлы], полные смятения и пораженные страхом, вместо того, чтобы показать свою силу, отступили почти побежденные и жестоко опозоренные: так стало известно, что и французов можно победить»:

Volsono e Galli dipoi far passaggio
ne' terren vostri, sol per isforzare
e ridurre e Pisani a darvi omaggio...
E come forno co' Pisani a fronte,
pien di confusion, di timor cinti,
non dimostrorno già lor forze pronte,
ma dipartirsi quasi rotti, e tinti
di gran vergogna: e conobbesi 'l vero,
come e Franzesi possono esser vinti

[3. Р. 1055–1056].

В приведенном фрагменте отчетливо виден дуализм обозначения завоевателей «галлы-французы». Очевидно, проникнутый представлениями об античном духе как воплощении военной доблести (*virtu militari*), великий флорентинец уподоблял современное ему французское войско лучшим античным армиям [8. Р. 347–348], но затем сделал наблюдение о его плачевном состоянии [8. Р. 362–378], поэтому в его поэме отважные «галлы» древности превратились в современных «французов», не заинтересованных в серьезном сражении против пизанцев и посылающих вместо себя швейцарских наемников. Следующей попыткой возврата

Пизы стало обращение флорентинцев к силам природы: в 1502 г. они попытались изменить течение реки Арно с тем, чтобы перекрыть пизанцам водную коммуникацию: «И нападать на пизанцев не перестали; напротив, отняв у них треть урожая, напали на них по морю и по суше. А так как они не боялись обращенных против себя мечей, то с помощью различных замыслов попытались отклонить Арно в сторону по разным руслам» [3. Р. 1063]. Как известно, данный проект проблему возврата Пизы не решил, и на момент выхода в свет *Decennale primo* (1506 г.) этот вопрос по-прежнему оставался ключевой задачей Флоренции в Итальянских войнах. Первую часть поэмы Макиавелли завершает обращением к «храму Марса» – «tempio riapriissi a Marte» [3. Р. 1065]. Это обращение он экстраполирует и на весь итальянский конфликт: разрешить совокупность противоречий, запутавшихся в ходе войн за десять лет, невозможно иначе как только божественными силами [3. Р. 1065].

Вторая, незавершенная часть поэмы «Десятилетия» (*Decennale secondo*) увидела свет в 1509 г., хотя изначально в ней предполагалось описать события всего второго десятилетия Итальянских войн (1504–1514 гг.) [42. Р. 34]. Очевидно, ее «досрочный» выход был приурочен именно ко взятию Флоренцией Пизы в 1509 г. Ключевое внимание Макиавелли в этой части уделено двум взаимосвязанным аспектам итальянской политики: возврату Пизы и возрастанию в конфликте роли Империи Габсбургов. Оба аспекта были значимы для Макиавелли – дипломата и координатора проекта по организации военного ополчения во Флоренции [47. С. 141–145]. Возвращение мятежной Пизы под власть Флоренции произошло благодаря «благожелательному» нейтралитету со стороны Империи, активную роль в процессе переговоров с которой сыграл сам Макиавелли, лично принявший участие во флорентийском посольстве ко двору Максимилиана I в 1507–1508 гг. [47. С. 160–162]. К 1509 г. Флоренция, наконец, «дождалась» ситуации, при которой Пиза не могла больше рассчитывать на поддержку внешних сил и после четырехмесячной осады сдалась: «...хотя была упорным врагом, но оказалась вынуждена признать поражение и, плача, вернулась на свою старинную цепь»:

E benché fussi ostinata inimica,
pur da necessità costretta e vinta
tornò piangendo a la catena antica

[3. Р. 1071].

Словами о «старинной цепи» Макиавелли подчеркивает вековую принадлежность флорентинцам Пизы – порта, делающего Флоренцию морской республикой и придающего ей важнейшее значение в итальянской политике [47. С. 31]. Как он нехотя замечает, этот вопрос по-прежнему решался действиями внешних сил, в частности повышением роли Империи в развитии итальянского конфликта по «сценарию» договора в Камбре¹².

Анализируя причины создания антивенетской Камбрейской лиги в декабре 1508 г., Макиавелли указывает, что именно занятие Венецией имперских тер-

риторий – Триеста и Гориции, стало ее роковой ошибкой и навлекло на нее всеобщую ненависть: «Поэтому Максимилиан пожелал заключить перемирие, видя сильное сопротивление против своей армии; и по соглашению уступил оба города, которые впоследствии были той трапезой, той скверной, ядовитой пищей, что испортила св. Марку ненасытный желудок»:

Onde Massimian far triegua volse
veggendo contr' ai suoi tanto contrasto,
e le due terre d'accordo si tolse;
le qual dipoi si furono quel pasto,
quel rio boccon, quel venenoso cibo
che di San Marco ha lo stomaco guasto

[3. Р. 1069–1070].

И продолжает: «Поскольку император, о чем я вам пишу, был оскорблен тем, что показался доброму королю французов легковверным прислужником венецианцев. Поэтому, чтобы замысел [республики Св.] Марка не удался, папа и Испания объединились с Империей и желтыми лилиями¹³. И они не ограничились перемирием друг с другом, а быстро договорились в Камбре, что каждый может идти за своими владениями»:

Perché l'Imperio, sì come io vi scribo,
sut'era offeso, e al buon re de' Galli
parve de' Vinizian esser coribio.
Così, perché il disegno a Marco fallì,
el papa e Spagna insieme tutt'a dua
s'uniron con l'Imperio e i gigli gialli.
Né steron punto de' patti infra dua,
ma subito convennon in Cambrai
ch'ognun s'andassi per le cose sua

[3. Р. 1070].

Таким образом, во второй части поэмы «Десятилетия» Макиавелли приходит к выводу о том, что положение дел в итальянском конфликте к 1509 г. в значительной мере зависело от баланса отношений сторон соглашения в Камбре и особенно – от отношений Империи и Франции. Последовавший за войнами Камбрейской лиги новый этап конфликта на Апеннингах, связанный с противостоянием Франции и имперско-испанского конгломерата под управлением Карла V Габсбурга [45. Р. 136–251], подтвердил дальновидность предположений флорентийского дипломата.

Комедия Макиавелли «Мандрагора»

Комедия Никколо Макиавелли «Мандрагора» (*La Mandragola*) [4, 5] более других способствовала оформлению итальянской комедийной драматургии [1. С. 15]. Эта пьеса, законченная, по разным оценкам исследователей, между 1518 [48. Р. 279] и 1520 г. [49. Р. 136–137], в отличие от трактатов, ставших достоянием общности лишь после его смерти, вызвала интерес уже при жизни автора. Так, доподлинно известна успешная постановка «Мандрагоры» в 1525 г. на театральной сцене в Модене, совершенная по инициативе Франческо Гвиччардини, служившего дому Медичи и бывшего в то время генерал-губернатором пап-

ских областей [29. Р. 328]. Согласно гипотезе Дж. Инглезе, премьера «Мандрагоры» могла состояться уже в год завершения комедии (1520 г.) на флорентийском карнавале [49. Р. 136–137]. Как полагает итальянский исследователь, она была положительно принята даже папой Львом X (Джованни Медичи), несмотря на очевидную сатиру над духовенством (в частности в неоднозначном образе священника Тимотео) [49. Р. 136].

Обратимся к сюжету пьесы с любовной историей, в центре которой – знатный молодой человек Каллимако, вернувшийся в 1504 г. во Флоренцию после десяти лет жизни в Париже, который стремится добиться расположения молодой дамы Лукреции, состоящей в бездетном браке с богатым торговцем Ничей, страстно желающим заполучить наследника своего состояния [4. Р. 989–991]. Для этого Каллимако с помощью своего приятеля плута Лигурио придумывает способ войти в доверие к Ниче [4. Р. 993–996]: при знакомстве с необразованным торговцем он притворяется доктором и предлагает тому средство от бездетности – отвар из мандрагоры [4. Р. 998–999, 1001–1004]. Однако, по словам «доктора», человек, принявший этот отвар, спустя несколько дней неизбежно умирает, поэтому он предлагает найти для Лукреции «незнакомца, который не только разделит с ней ложе, но и втянет в себя вместо него всю дрянь от отвара» [4. Р. 1002], на что Нича соглашается. В свою очередь, Лигурио завершает идею мнимого доктора (Каллимако), предлагая убедить Лукрецию понести ребенка от незнакомца, пользуясь ее доверием к священнику Тимотео и матери Сострате, которые за вознаграждение готовы поучаствовать в этом исключительно аморальном действии [4. Р. 1004–1005]. Доверчивость Ничи к Каллимако и его компаньону Лигурио представляется исключительной: торговец называет Каллимако «самым достойным мужчиной, которого только можно найти», «человеком, в чьих речах можно растаять, так достойно он обо всем судит» и даже «великим человеком, с которым, верно, считается и сам король Франции» – все эти восхваления в адрес незнакомца связаны лишь с тем, что этот «доктор» смог при двух встречах с Ничей произнести несколько связных фраз на научной латыни [4. Р. 998–1002]. Удивителен и смехотворен и решающий «аргумент», которым Каллимако убедил Ничу согласиться с предложенным планом: заявление о том, что «если бы испытанное мной средство не работало, то королева Франции была бы бесплодна, как и бесчисленное множество других владетельниц в этом государстве» [4. Р. 1002]. В сознании флорентийского торговца должно было сыграть доверие к самому имени королевы Франции – без привязки к каким-либо подтверждениям.

Несомненно, здесь проявляется ирония Макиавелли над дипломатическим курсом Флоренции в итальянских войнах, основанным на франкофильской линии, исполнителем которой он сам являлся, что стало продолжением тех идей и той иронии, которые он выразил в «Десятилетиях». Тем самым Макиавелли обнажает известную дихотомию современного ему флорентийского общества: торговая элита города – центра ренессансной культуры – оказалась в значительной степени чужда элите интеллектуальной. Обе существуют

как бы в разных мирах: торговцы пытаются заново выстроить систему деловых коммуникаций с итальянскими и европейскими державами в условиях затяжного конфликта; интеллектуалы (с которыми Макиавелли справедливо отождествляет и себя) стремятся найти в современных политических практиках Европы и Апеннин те черты, сочетание которых позволит выйти из затяжного конфликта. Однако, с нашей точки зрения, не стоит полагать, что Макиавелли вкладывает дух интеллектуальной элиты города в образ Каллимако (как это предположили такие современные исследователи, как Дж. Наджеми [50. Р. 667–668] и Х. Мансфилд [51. Р. 15–16]). Напротив, ситуация, при которой первый встречный во Флоренции может прослыть доктором, сказав лишь пару фраз на латыни, представляется автору «Мандрагоры» поводом для горькой иронии относительно того, как современная Флоренция далека от прежней Флоренции – интеллектуально-культурного центра Италии и Европы.

Итак, время действия комедии – 1504 г., Нича в ней обозначен, как «мессер» – уважаемый мужчина средних лет [49. Р. 983], его восторг происходит не только от «лицезрения» перед собой «доктора французского короля», но и от воспоминаний о поездках в ближайшие к Флоренции города Тосканы в молодости: «Когда я был моложе, я много где бродил. И не было в Прато ни одной ярмарки, на которую бы я не пошел, и не было в округе замка, где бы я не побывал: и я скажу вам больше: я был в Пизе и Ливорно, о да» [49. Р. 993]. Значит, молодость торговца пришлась на 1490-е гг. – время глубочайшего упадка флорентийской политики, когда из республики были изгнаны Медичи и было потеряно почти вековое владение Пизой, в то же время знатные люди, подобные макиавеллевскому Каллимако, покинули Флоренцию, охваченную политической катастрофой, так же как и некогда знатные флорентинцы, их «литературные предки», герои «Декамерона» Джованни Боккаччо – чумную Флоренцию [52. С. 47–57]. Значит, и в этом сочинении Макиавелли делает начало итальянских войн отправной точкой своего повествования, а ее действие приходится на ранний период Войн.

В «Мандрагоре» прослеживается еще один очевидный контраст поколений: если для предыдущих поколений флорентинцев были характерны воспоминания о пышных процессиях и торжестве высокой культуры, во времена «старых» Медичи (прежде всего Лоренцо [53. Р. 105–130, 199–227]), то для современников Макиавелли, подобных Ниче в «Мандрагоре», «праздником» молодости стали поездки в соседнюю Пизу, вскоре утраченную республикой.

Таким образом, Флоренция времени действия «Мандрагоры» превратилась из культурного центра Европы и одного из политических центров Италии в город с обществом торговцев, не видящих мир дальше Пизы и Ливорно (таких как Нича), и искателей удачи, «курсирующих» между домом и чужбиной (таких как Каллимако). К этому же состоянию города отсылает и упомянутое в прологе к «Мандрагоре» авторское пожелание:

Флоренцию как раз
ты видишь, добрый зритель,
сам – флорентийский житель.
А в будущем тебя мы уморим
тем, что покажем Пизу или Рим [5. С. 99].

Дух рассуждений «Мандрагоры», как отмечают современные исследователи из университета Белграда Б. Ковачевич и М. Симендич, свойствен Макиавелли – «изгнаннику», пылкому участнику бесед в садах Ручеллаи о будущем тосканской республики, но не Макиавелли – дипломату 1498–1512 гг., верно служившему режиму Пьеро Содерини [54. Р. 53–54]. В этом отношении сербские авторы предлагают не воспринимать образы, связанные с комедией флорентинца, персонализированно, пытаясь отыскать аналогии среди известных современников Макиавелли (так об этих образах рассуждали, к примеру, вышеупомянутые Наджеми [50. Р. 665] и Мансфилд [51. Р. 16]), а рассматривать их в качестве характерных собирательных типов «...испорченных граждан рушащейся республики, в которой практически невозможно установить правильный порядок» [54. Р. 54]. Соглашаясь с данной точкой зрения, отметим, что, вполне возможно, видение Флоренции эпохи Итальянских войн в духе макиавеллевской «Мандрагоры», как города, не сумевшего достойно сохранить наследие старой медичейской власти, вполне разделял и представитель семьи Медичи римский понтифик Лев X, что и помогло состояться постановке комедии при жизни автора¹⁴. Изучение комедии Макиавелли «Мандрагора» позволяет нам в какой-то мере переосмыслить положение ее автора в период вынужденного уединения по обвинению в анти-медичейской деятельности: Макиавелли в 1512–1527 гг. отнюдь не стал изгоем для современного ему флорентийского и итальянского общества, напротив, был метким наблюдателем итальянских реалий данной эпохи.

Комедия Макиавелли «Клиция»

Влияние Макиавелли – историка и политического наблюдателя – оказалось востребовано и в его дальнейшей литературной деятельности, следующим этапом которой, после «Мандрагоры», стало создание комедии «Клиция» (*La Clizia*) [6, 7]. Образцом для ее написания послужила пьеса Плавта «Касина» (*Casina*) со сходной сюжетной основой: в молодую девушку по имени Клиция одновременно влюблены Никомако – ее воспитатель и глава богатой флорентийской семьи, а также его сын Клеандро. Никомако стремится выдать юную Клицию замуж, предлагая ей в качестве мужа своего слугу Пирро с тем, чтобы после свадьбы самому стать любовником воспитанницы. Клеандро с той же целью привлекает к делу управляющего хозяйством и своего друга Эустако, которому предлагает стать другой кандидатурой в мужья Клиции, а также свою мать Софронию. Объединившись, последним удается перехитрить Никомако: когда новоиспеченный «муж» Пирро уступает свое место на брачном ложе Никомако, тот обнаруживает на нем вместо Клиции другого слугу (Сиро), переодетого в ее одежду. Слостолюбец Никомако посрамлен, вынужден раскаяться, расторгнуть брак Клиции и объясниться с женой. Честь девушки оказывается таким образом спасена. В последних двух явлениях пьесы появляется неизвестный ранее родной отец Клиции – Рамондо – неаполитанский дворянин, разыскавший свою давно потерянную дочь, который готов с радостью отдать ее руку Клеандро [6].

Сама Клиция как действующее лицо в пьесе не появляется ни разу, хотя весь сюжет организован именно вокруг нее: об ее появлении в семье в самом начале комедии рассказывает влюбленный в нее Клеандро, который в диалоге со своим другом Паламеде называет дату знакомства своей семьи с французским дворянином, оставившим впоследствии девочку в их доме, – 1494 г. [6. Р. 892]. Таким образом, как и в других рассматриваемых сочинениях Макиавелли, отправной точкой повествования в «Клиции» является год начала Итальянских войн. Клеандро рассказывает и об обстоятельствах этого знакомства: «...когда по пути в Неаполь король Карл, во главе огромного войска, проходил через Флоренцию, в нашем доме остановился дворянин из отряда монсеньера де Фуа по имени Бельтран де Гасконь...» [7. С. 150]. Интересно, что тут же Макиавелли подчеркивает удивительную дружбу, зародившуюся между этой богатой флорентийской семьей и французским дворянином, отмечая, что так происходит далеко не всегда [7. С. 150], что также очень похоже на подобные замечания в «Десятилетиях» и «Мандрагоре» и является, своего рода, отсылкой к политической ориентации Флоренции на Францию. Далее устами Клеандро Макиавелли подробно повествует о событиях, заставивших этого дворянина на обратном пути из Неаполя во Францию оставить девочку во Флоренции: «Карл хоть и захватил королевство Неаполь, однако же вынужден был его оставить, ибо папа, император, венецианцы и герцог Миланский соединились против него. Оставив часть своих людей в Неаполе, Карл устремился в Тоскану. Тут он узнал, что образовавшаяся против него лига собрала огромное войско на Таро, дабы преградить ему дорогу, когда он будет спускаться с гор... Бельтран, прослышав про движение вражеских войск и не ведая, как обернется дело, положил, по крайности, спасти любезную его сердцу девчурку, которая была с ним в Неаполе, девчурку эту препоручил он слуге отвезти к моему отцу, заклиная дружбой холить и лелеять ее. А там, Бог даст, он за ней пришлет» [7. С. 151]. В приведенном фрагменте «Клиции» вновь можно заметить идейное сходство с другими анализируемыми сочинениями Макиавелли: автор вновь обращается к событиям Первой итальянской войны 1494–1495 гг., связанным с организацией Венецианской священной лиги и поспешным «бегством» Карла VIII из Южной Италии; эти события, и в данном случае трактуются Макиавелли как начало новой для Италии эпохи.

Макиавелли подчеркивает юный возраст героини: в пьесе ей около 16–17 лет. Другие ее характеристики: Клиция – бесприданница, происхождение ее весьма сомнительно [7. С. 152] – свидетельствуют о том, что автор комедии «закладывает» в ее образ гораздо больше, чем лишь возраст и неопределенный статус. В интерпретации Макиавелли, Клиция – невинная жертва дурных намерений и обстоятельств. Единственным проявлением ее чувств в комедии является ее реакция на возможное насильственное замужество, о которой мы узнаем из рассказа служанки Дории: «Пирро вручил Клиции кольцо и пошел проводить нотариуса до парадной двери. И тут Клиция, укушенная уж не знаю какой

мухой, хватает кинжал и, разъяренная, простоволосая, бросается с криком: «Где Никомако? Где Пирро?» Софрония, Клеандро, я и все, кто находился в доме, напрасно пытаемся остановить ее. Клиция забила в угол и кричит, что хочет вас зарезать» [7. С. 178]. Как уже отмечалось, в пьесе девушку спасает предприимчивость Клеандро и хитрость его матери Софронии, которая перед брачной ночью переодевает Клицию в мужскую одежду слуги, отправляющегося «исполнить» ее роль, а утром, после разоблачения мужа, быстро отсылает девушку в некий монастырь [7. С. 187]. Горькой иронией пронизаны диалоги шестого и седьмого явлений пьесы, повествующих о «счастливом» конце этой истории: во Флоренцию приезжает неаполитанский дворянин Рамондо, который наконец находит семью, воспитавшую его дочь Клицию. Рамондо счастлив обретением дочери и знакомством с «благородным» семейством, при этом, будучи человеком пожилым, он сразу соглашается отдать ее в жены Клеандро [7. С. 188–189]. Что думает и чувствует по этому поводу сама Клиция – неизвестно. Пожалуй, в этом и проявляется основное отличие Клиции от Лукреции – героини «Мандрагоры», которой удается полюбить юношу, хитростью овладевшего ею, что, по-видимому, намекает на «счастливый конец» ее истории. Клиция избегает самого худшего варианта развития событий, но вопросы об ее отношении к Клеандро и о том, что с ней будет дальше, остаются без ответа.

Итак, история Клиции в комедии начинается в 1494 г., из первого диалога известно, что с момента ее появления в семье прошло около двенадцати лет [7. С. 152], что позволяет отнести основное действие пьесы к 1507–1508 гг. К этому времени состоялись Вторая (1499–1501 гг.) и Третья (1502–1504 гг.) итальянские войны Людовика XII, в ходе которых французами был захвачен Милан и предпринята неудачная попытка захватить Неаполь, оставшийся в руках испанцев. Между Францией и Испанией было заключено соглашение в Блуа (1505 г.), закрепившее принадлежность Неаполя испанцам и ставшее «прологом» к образованию Камбрейской лиги (1508 г.). Именно этот этап фиксирует Макиавелли в своей комедии». Почему же и в этой пьесе, написанной флорентинцем в конце жизни (1525 г.), происходит «возвращение» к началу Войн и их раннему этапу?

Думается, это связано с судьбой самого Макиавелли – политика и историка, очень трезво оценивавшего события, участником и свидетелем которых ему суждено было стать¹⁵. Макиавелли умер в 1527 г. и не застал драматических перемен трех последних десятилетий Итальянских войн¹⁶: осады и захвата Рима испанцами («Римский мешок». 6.05.1527), военного и политического кризиса последней республики во Флоренции (1527–1531 гг.), окончательного поражения Франции и победы Испании в итоге конфликта¹⁷, тем не менее в своей «Клиции» он чутко уловил и выразил самую суть итальянской трагедии на примере событий конца XV – первого десятилетия XVI в. Разобщенность итальянских государств, их подверженность влиянию внешних сил и отсутствие единства не могут привести к «хорошему» концу. «Объектное» положение юной героини, участие в ее судьбе французов, неаполитанцев, а также самих

флорентинцев – все говорит о том, что, «рисую» образ невинной жертвы Клиции, Макиавелли подразумевает положение самой Италии в историческом контексте рассматриваемой эпохи.

Заключение

Исследование образов Италии в трех сочинениях Никколо Макиавелли: дипломатической поэме «Десятилетия», написанной в самом начале творческого пути, а также в комедиях: «Мандрагоре», опубликованной после возвращения из ссылки, и «Клиции», созданной в самом конце жизни великого писателя, а также изучение основных подходов к литературному творчеству Макиавелли в историографии, привели нас к следующим выводам:

Во-первых, проанализированные в рамках исследования художественные сочинения демонстрируют нацеленность Макиавелли-историка на один и тот же переломный для Италии период – время первых полутора десятилетий Итальянских войн, свидетелем и активным участником которых он являлся, подтверждая тезис о Макиавелли – политике и гуманисте, принадлежащем к «интеллектуальной буржуазии города», в творчестве которого воплотился дух ренессансной Флоренции. Начало Итальянских войн (1494 г.) «запускает» повествование в «Десятилетиях», описывающих в поэтической форме их первые пятнадцать лет (1494–1509), а также «дает старт» сюжетным линиям в обеих комедиях Макиавелли, чье действие разворачивается в тех же временных рамках: в 1504 г. – в «Мандрагоре»; в 1507–1508 – в «Клиции».

Во-вторых, образы Италии, демонстрирующие специфику идейного содержания данных творений, представлены в сочинениях по-разному. В «Десятилетиях» они обусловлены самой дидактической направленностью поэмы, призванной заставить «одуматься» правителей итальянских государств, решающих собственные проблемы, привлекающих к этому «варваров» (французов) и не учитывающих пагубность подобной политики для судеб Италии. В комедиях «Мандрагора» и «Клиция» образы Италии служат своего рода фоном, контекстом и усиливают драматический эффект сюжетной линии, влияя, как на судьбу героев, так и на восприятие этих сочинений зрителями – современниками событий.

В-третьих, идея о пагубности раздоров и необходимости объединения всех итальянских государств перед лицом внешней опасности красной нитью проходит через все рассматриваемые сочинения Макиавелли.

Анализ особенностей его языка показывает, что ироничность мышления, характерная для позднего литературного творчества Макиавелли – комедиографа, проявлялась еще в его раннюю бытность дипломатом Флорентийской республики. Поэма «Десятилетия» в этом плане и в плане идейного содержания вполне может претендовать на роль своеобразного объединенного пролога к «Мандрагоре» и «Клиции». В своих комедиях Макиавелли максимально использует выразительные приемы, присущие этому жанру, продолжая беспокоиться не столько о судьбах отдельных итальянских государств (в том числе Флоренции), сколько обо всей Италии, что делает их важнейшей частью идейного и политического наследия великого флорентинца.

Примечания

- ¹ В конце 1470-х гг. феррарский гуманист Гуарино впервые переводит римские комедии Плавта и Теренция на итальянский язык. В 1486 г. во дворе герцогского замка в Ферраре ставят «Менехмы» Плавта в переводе Никколо Корреджо, после этого город становится столицей театральной Италии [1. С. 11].
- ² Дипломатическая корреспонденция Макиавелли изучена по фундаментальному научно-критическому изданию под общей редакцией Ф. Кьяпелли. Итало-французский коллектив исследователей представил проанализированные по источникам из фондов Национальной библиотеки Флоренции и ранним изданиям (в частности издание Дж. Канестрини 1857 г.) служебные письма, рапорты, комиссионные инструкции и легации периода 1498–1505 гг., предшествовавшего написанию полной первой части «Десятилетий» в 1506 г. Так, 1-й том (1971) отражает документы из дипломатической практики Макиавелли за период с июля 1498 г. по июнь 1501 г.; 2-й том (1973) – за июль 1501–1503 гг.; 3-й том (1984) – за 1504 г.; 4-й том (1985) – за 1505 г. [8].
- ³ По мнению В.Ф. Шишмарева, в условиях Итальянских войн, когда Апеннины оказались подчинены «...нашествиям новых варваров», для образованной элиты итальянских регионов резко обострилась проблема локального самосознания: кто виноват в этой катастрофе, и кто может вывести из нее весь полуостров – «ломбардец или тосканец» [25. С. 115].
- ⁴ Как известно, еще накануне начала Итальянских войн часть итальянских государств (Милан, Венеция, Папское государство) в своих интересах поддержала Францию, однако с началом экспансии Карла VIII итальянцы попытались объединить свои силы для противостояния французам, претендовавшим на «свои» наследия: сначала – «анжуйское» (Неаполь), затем – «орлеанское» (Милан).
- ⁵ Под победой подразумевается сам поход в 1494 г. в Неаполь Карла VIII Валуа, поначалу не встретивший ответных военных действий итальянцев. Милан был захвачен в ходе походов Людовика XII Валуа, что стало настоящей «ямой» для Людовико Моро.
- ⁶ В состав антифранцузской Венецианской священной лиги (1495 г.) вошли: папа римский, император, короли Арагона и Кастилии, венецианский дож и герцог Милана, которые обязывались обеспечивать мир и спокойствие в Италии, защищать Святой престол и имперские права и оборонять друг друга. Император Максимилиан I, как полагают британские историки М. Маллетт и К. Шоу, вероятно, рассчитывал на новый раскол итальянских элит, чтобы занять исторически ориентированные на Империю земли Северной Италии [45. Р. 16–17]. Главным препятствием для его устремлений стало несогласие с подобными планами имперского рейхстага (Вормс, 1495 г.), одобрившего лишь предоставление наемных войск противникам Франции [46. S. 180].
- ⁷ Образование Венецианской священной лиги (1495 г.) стало полной неожиданностью для Карла VIII, который был вынужден срочно покинуть Неаполь и двинуться на Север, боясь оказаться «отрезанным» от Франции. Между его войском и военными силами Лиги состоялась битва при Форново (4.07.1495), в результате которой французы покинули Италию. Однако для государств – членов Лиги успех данного сражения обозначил их основные противоречия, что привело к ее распаду в том же году (это было оформлено в 1498 г.).
- ⁸ Пиза вышла из состава Флорентийской республики в самом начале Итальянских войн, что привело к изгнанию из Флоренции сына Лоренцо Великолепного, Пьеро II Медичи (1492–1494), который за потерю Пизы получил прозвище Неудачник [9. С. 126–127].
- ⁹ Во Флоренции была свергнута власть фанатичного монаха – доминиканца Джироламо Савонаролы (1494–1498 гг.) – ревностного сторонника Франции, четырехлетнее правление которого закончилось его казнью и приходом к власти в республике приверженцев умеренно – сбалансированного внешнеполитического курса, на службе у которых и состоял Макиавелли.
- ¹⁰ Немецкий исследователь истории международных отношений М. Метциг, основываясь на анализе документации из канцелярии императора Максимилиана I, предполагает, что у Империи Габсбургов существовал некий план установления «надреспубликанского контроля» в Италии после ухода Карла VIII. Этот план мог быть основан на попытке столкнуть интересы Флоренции и Венеции – крупнейших итальянских республик – в борьбе за Пизу, попеременно выступая на каждой из сторон противостояния [46. S. 60, 88]. Насколько этот план мог соответствовать реалиям начального периода войн на Апеннинах, судить довольно сложно.
- ¹¹ Макиавелли пишет о развитии конфликта Венеции и Флоренции: «...венецианец с теми силами людей, которых он собрал в Пизе, двинул свой штандарт против нас» [3. Р. 1053], и его завершении, на которое Флоренция не повлияла. Ключевым фактором «отхождения» Венеции от «пизанского вопроса» стала необходимость противостоять туркам на морских границах: «Но поскольку турок уперся в них копьём, их одолел такой страх, что их весы заскрипели. Что побудило их заключить с нами мир и в великом смятении оставить Пизу» [3. Р. 1053].
- ¹² Камбрейская лига, «вдохновленная» папой Юлием II, объединила Францию, Испанию, Империю и папство против Венеции (республики Св. Марка). Войны Камбрейской лиги продолжались с 1509 г. по декабрь 1516 г., хотя сама Лига распалась еще в 1510 г. В дальнейшем альянс Юлия II с Венецией привел к образованию антифранцузской Священной лиги (1511 г.).
- ¹³ Макиавелли, упоминая Францию, приводит здесь старинный символ французской монархии – геральдические лилии, закрепленные в качестве официального королевского герба при Карле VII Валуа (1422–1461 гг.).
- ¹⁴ Дж. Инглесе указывает на письмо Баттисты дела Палла к Макиавелли (апрель 1520 г.), в котором сообщается о том, что папа дал разрешение поставить «Мандрагору» на двух карнавалах: флорентийском и римском [49. Р. 136]. Очевидно, если бы Лев X усмотрел в образе Тимотео (согласного за вознаграждение умертвить младенца, а также внушить Лукреции правильность идеи ее супруга об измене) намеки на деятелей современной ему католической церкви, то Макиавелли оказался бы далеко от возможности прижизненной постановки комедии.
- ¹⁵ Образование антифранцузской Священной лиги (1511 г.) и переход на ее сторону императора Максимилиана I вынудили французозов после битвы при Равенне (11.04.1512), победа в которой стоила им огромных потерь, покинуть Милан. Папа Юлий II разрешил испано-швейцарским войскам захватить Флоренцию, взять с нее контрибуцию и восстановить власть Медичи (1512–1527 гг.). В 1515 г. в Италию отправился преемник Людовика XII Франциск I, который отвоевал Миланское герцогство в битве при Мариньяно (14.09.1515). Усиление Испании после 1519 г. (испанский король был избран императором под именем Карла V) привело к ухудшению положения Франции. Выступление Франциска I против Карла V закончилось разгромом французозов в битве при Павии (24.02.1525), пленением короля и временным отказом Франции от притязаний на Италию (Мадридский договор, 1526 г.).
- ¹⁶ Создание антииспанской Коньянской лиги (1526 г.) означало продолжение военных действий. Ключевым событием Войны Коньянской лиги стал захват Рима войсками Карла V («Римский мешок». 6.05.1527), в ходе которого были разрушены памятники архитектуры, четыре тысячи горожан – убиты. По миру, заключенному в Камбре (в августе 1529 г.), Франциск I отказывался от всех территориальных претензий на Италию (за ним оставался лишь Пьемонт), а Карл V получал титул короля Италии и Неаполитанское королевство (1530 г.). Поражением закончилась и героическая борьба Флорентийской республики (1527–1531 гг.), вновь изгнавшей Медичи, против испанцев: 10-месячная осада города испанцами (1529–1530 гг.) завершилась взятием города и возвращением Медичи, республика стала герцогством (июль 1531 г.).
- ¹⁷ По условиям мира в Като – Камбрези (1559 г.), положившего конец Итальянским войнам, Испания получила две трети территории Апеннин: Милан и Неаполь с Сицилией и Сардинией. Франция – лишь часть верхней Лотарингии. Формально самостоятельность сохраняли: Флорентийское герцогство, Венецианская республика, Папское государство, Савойское герцогство и Генуэзская республика с Корсикой, а также небольшие итальянские государства.

Список источников

1. Дживелегов А.К. Гуманизм и театр // Итальянская комедия Возрождения / сост. Н.Томашевский. М. : Худож. лит., 1999. С. 7–18.
2. Дмитриева М.И. Между традицией и новациями: образ Флоренции в городской литературе Тренто // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 164–176. doi: 10.17223/19986645/55/11

3. Machiavelli N. Decennali // Machiavelli N. Opere / A cura di M. Bonfantini. Milano-Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1954. P. 1047–1072.
4. Machiavelli N. La Mandragola // Machiavelli N. Opere / A cura di M. Bonfantini. Milano-Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1954. P. 983–1034.
5. Макиавелли Н. Мандрагора // Итальянская комедия Возрождения / пер. Н.Б. Томашевского. М.: Худож. лит., 1999. С. 97–144.
6. Machiavelli N. La Clizia // Machiavelli N. Tutte le opera / a cura di M. Martelli. Sansoni, Firenze 1971. P. 891–913.
7. Макиавелли Н. Клиция // Итальянская комедия Возрождения / пер. Н.Б. Томашевского. М.: Худож. лит., 1999. С. 147–190.
8. Machiavelli N. Legazioni. Commissarie. Scritti di governo. In 4 vols / a cura di F. Chiapelli. Bari: Laterza, 1971–1985. Vol. 1. 739 p.; Vol. 2. 656 p.; Vol. 3. 662 p.; Vol. 4. 466 p.
9. Павлов К.В. Империя Габсбургов глазами флорентинцев эпохи Итальянских войн (на примере сочинений Никколо Макиавелли и Франческо Веттори по итогам дипломатической миссии 1507–1508 гг.) // Архонт. 2022. № 5(32). С. 124–135.
10. Guicciardini F. Considerazioni sui «Discorsi» del Machiavelli // Opere di Francesco Guicciardini / a cura di E. Scarano. Vol. 1. Torino: UTET, 1970. P. 605–678.
11. Юсим М.А. Франческо Гвиччардини – историк Итальянских войн // Гвиччардини Ф. История Италии: в 2 т. Т. 2 / пер. с итал. и подготовка издания М.А. Юсима. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2019. С. 579–640.
12. Bartoli C. Discorsi storici universali, di Cosimo Bartoli gentilhuomo, et accademico Fiorentino. In Venetia, appresso Francesco de Franceschi senese, 1569 [Оцифровка рукописи] // Internet Archive: collection: European Libraries. URL: https://ia601203.us.archive.org/3/items/bub_gb_Rdy8kAjxNY0C/bub_gb_Rdy8kAjxNY0C.pdf (дата обращения: 13.08.2016).
13. Botero G. Della Ragion di Stato // Opere di Giovanni Botero / a cura di L. Firpo. Torino: UTET, 1948. P. 51–342.
14. Montanari G. La Zecca in consulto di stato del dottor Geminiano Montanari // Economisti del Cinque e Seicento / a cura di A. Graziani. Bari: Laterza, 1913. P. 237–379.
15. Фридрих Великий. Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления // Книга Государя. СПб.: Амфора, 2004. С. 290–416.
16. De Sanctis F. Storia della letteratura italiana. Vol. 2. Napoli: Presso Domenico & Antonio Morano, 1870. 504 p.
17. Phillimore C.M. Studies in Italian Literature Classical and Modern. London: S. Low, Marston, Searle & Rivington, 1891. 348 p.
18. Garnett R.A. History of Italian Literature. London: William Heinemann, 1898. 460 p.
19. Sapegno N. Compendio di storia della letteratura italiana. Vol. II: Cinquecento, Seicento, Settecento. Firenze: La Nuova Italia, 1965. 538 p.
20. Strauss L. Machiavelli and Classical Literature // Review of National Literatures. 1970. P. 7–25.
21. Petronio G. La letteratura italiana. II. La civiltà della corte. Milano: Arnoldo Mondadori Editore, 1995. 224 p.
22. Макиавелли Н. Сочинения. Т. 1 / под ред. А. К. Живелегова. М.; Л.: Academia, 1934. 508 с.
23. Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л.: Наука, 1976. 144 с.
24. Макиавелли Н. История Флоренции / пер. Н.Я. Рыковой; общ. ред., послесл. и ком. В.И. Рутенбурга. М.: Наука, 1987. 446 с.
25. Шишмарев В.Ф. Очерк истории итальянского языка // Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л.: Наука, 1972. С. 36–181.
26. Долгов К.М. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Никколо Макиавелли. Избранные сочинения / пер. с ит.; вступ. ст. К. Долгова; сост. Р. Хлодовского; ком. М. Андреева, Р. Хлодовского. М.: Худож. лит., 1982. С. 3–128.
27. Юсим М.А. Этика Макиавелли. М.: Наука, 1990. 153 с.
28. Richardson B. The Cinquecento Prose // The Cambridge History of Italian Literature / Ed. by P. Brand & L. Pertile. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 181–232.
29. Bruscagli R. Niccolò Machiavelli // Letteratura italiana. 1. Dalle origini al Seicento / a cura di A. Battistini. Bologna: Società editrice il Mulino, 2014. P. 317–332.
30. Муратов П.П. Образы Италии. М.: Изд-во АСТ, 2019. 800 с.
31. Bloch M. Les rois Thaumaturges: Etude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Paris/Strasbourg: Istra / London: Oxford University Press, 1924. 542 p.
32. Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology. Princeton: Princeton University Press, 1957. 568 p.
33. Janson H.W. The Image of Man in Renaissance Art: From Donatello to Michelangelo // The Renaissance Image of Man and the World / Ed. by B.O'Kelly. Columbus: Ohio State University Press, 1966. P. 77–103.
34. Edgerton S.Y. Pictures and Punishment. Art and Criminal Prosecution during the Florentine Renaissance. Ithaca; London: Cornell University Press, 1985. 248 p.
35. Barzman K. The View of Venice in a Genealogy of City Views and Government Mapping // A View of Venice: Portrait of a Renaissance City / ed. by K. Love Huffman. Durham; London: Duke University Press, 2024. P. 26–39.
36. O'Connell M. Vessels of Political Communication // A View of Venice: Portrait of a Renaissance City / ed. by K. Love Huffman. Durham; London: Duke University Press, 2024. P. 86–95.
37. Goy R. Toward the Perfect City. Urban Development in the Quattrocento // A View of Venice: Portrait of a Renaissance City / ed. by K. Love Huffman. Durham; London: Duke University Press, 2024. P. 163–175.
38. Nevola F. Siena: Constructing the Renaissance City. Yale: Yale UP, 2007. 303 p.
39. Власть и образ: очерки постарной имажологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с.
40. Gaylard S. Hollow Men. Writing, Objects, and Public Image in Renaissance Italy. New York: Fordham University Press, 2013. 380 p.
41. Козлова А.А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 114–118.
42. Bonfantini M. Sugli scritti di Machiavelli. Introduzione // Niccolò Machiavelli. Opere / a cura di M. Bonfantini. Milano–Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1954. P. 7–37.
43. Inglese G. Contributo al testo critico dei «Decennali» di Niccolò Machiavelli // Annali dell'Istituto italiano per gli studi storici, 1983–1984. Vol. VIII. P. 115–173.
44. Guicciardini, Francesco. Storia d'Italia // Opere di Francesco Guicciardini / a cura di E. Scarano. Vol. 2–3. Torino: UTET, 1981. 1045 + 979 p.
45. Mallett M., Shaw C. The Italian Wars, 1494–1559: War, State and Society in Early Modern Europe. Routledge: Taylor & Francis Group, 2012. 391 p.
46. Metz G. Kommunikation und Konfrontation. Diplomatie und Gesandtschaftswesen Kaiser Maximilians I (1486–1519). Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2016. 463 s.
47. Каппони Н. Макиавелли / пер. с англ. А.Л. Уткина. М.: Вече, 2012. 372 с.
48. Andrews R. The Cinquecento Theatre // The Cambridge History of Italian Literature / ed. by P. Brand, L. Pertile. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 277–298.
49. Inglese G. Contributo al testo critico della Mandragola // Annali dell'Istituto italiano per gli studi storici. 1979–1980. Vol. VI. P. 129–173.
50. Najemy J. Papius and the Chickens, or Machiavelli on the Necessity of Interpreting Religion // Journal of the History of Ideas. 1999. Vol. 60 (4). P. 659–681.
51. Mansfield H. The Cuckold in Machiavelli's Mandragola // The Comedy and Tragedy of Machiavelli: Essays on the Literary Works / ed. by V.B. Sullivan. Yale: Yale University Press, 2000. P. 1–30.
52. Бранка В. Боккаччо средневековый / пер. с ит. и ком. Н. Елиной, Е. Костюкович, С. Прокоповича, Г. Шейнмана. М.: Радуга, 1983. 399 с.
53. Kent F.W. Princely Citizen. Lorenzo de' Medici and Renaissance Florence / ed. by C. James. Turnhout: Brepols, 2013. 374 p.
54. Kovačević B., Simendić M.U. Makijavelijevoj Mandragoli // Politička misao. 2020. Vol. 57, Is. 3. P. 31–59.

References

1. Dzhivelegov, A.K. (1999) Gumanizm i teatr [Humanism and Theater]. In: Tomashevskiy, N. (ed.) *Ital'yanskaya komediya Vozrozhdeniya* [Italian Comedy of the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 7–18.
2. Dmitrieva, M.I. (2018) Between tradition and innovation: the image of Florence in the urban literature of the Trecento. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 164–176. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/55/11
3. Machiavelli, N. (1954) *Opere*. Milano-Napoli: Riccardo Ricciardi Editore. pp. 1047–1072.
4. Machiavelli, N. (1954) *Opere*. Milano-Napoli: Riccardo Ricciardi Editore. pp. 983–1034.
5. Machiavelli, N. (1999) Mandragora. In: *Ital'yanskaya komediya Vozrozhdeniya* [Italian Comedy of the Renaissance]. Translated from Italian by N.B. Tomashevskiy. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 97–144.
6. Machiavelli, N. (1971) *Tutte le opere*. Firenze: Sansoni. pp. 891–913.
7. Machiavelli, N. (1999) Klitsiya [Clizia]. In: *Ital'yanskaya komediya Vozrozhdeniya* [Italian Comedy of the Renaissance]. Translated from Italian by N.B. Tomashevskiy. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 147–190.
8. Machiavelli, N. (1971–1985) *Legazioni. Commissarie. Scritti di governo*. Vols 1–4. Bari: Laterza.
9. Pavlov, K.V. (2022) Imperiya Gabsburgov glazami florentintsev epokhi Ital'yanskikh voyn (na primere sochineniy Nikkolo Machiavelli i Franchesko Vettori po itogam diplomaticheskoy missii 1507–1508 gg.) [The Habsburg Empire through the eyes of the Florentines during the Italian Wars (based on the writings of Niccolò Machiavelli and Francesco Vettori following the diplomatic mission of 1507–1508)]. *Arkhnont*. 5 (32). pp. 124–135.
10. Guicciardini, F. (1970) Considerazioni sui "Discorsi" del Machiavelli. In: Scarano, E. (ed.) *Opere di Francesco Guicciardini*. Vol. 1. Torino: UTET. pp. 605–678.
11. Yusim, M.A. (2019) Franchesko Gvichhardini – istorik Ital'yanskikh voyn [Francesco Guicciardini – Historian of the Italian Wars]. In: Gvichhardini, F. *Istoriya Italii* [History of Italy]. Translated from Italian by M.A. Yusim. Vol. 2. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya". pp. 579–640.
12. Bartoli, C. (1569) *Discorsi historici universali, di Cosimo Bartoli gentilhuomo, et accademico Fiorentino*. Venetia: Francesco de Franceschi senese. [Online] Available from: https://ia601203.us.archive.org/3/items/bub_gb_Rdy8kAjxNY0C/bub_gb_Rdy8kAjxNY0C.pdf (Accessed: 13.08.2016).
13. Botero, G. (1948) Della Ragion di Stato. In: Firpo, L. (ed.) *Opere di Giovanni Botero*. Torino: UTET. pp. 51–342.
14. Montanari, G. (1913) La Zecca in consulto di stato del dottor Geminiano Montanari. In: Graziani, A. (ed.) *Economisti del Cinque e Seicento*. Bari: Laterza. pp. 237–379.
15. Frederick the Great. (2004) *Anti-Machiavelli, ili Opyt vozrazheniya na Machiavellievu nauku ob obraze gosudarstvennogo pravlenniya* [Anti-Machiavelli]. Saint Petersburg: Amfora.
16. De Sanctis, F. (1870) *Storia della letteratura italiana*. Vol. 2. Napoli: Presso Domenico & Antonio Morano.
17. Phillimore, C.M. (1891). *Studies in Italian Literature Classical and Modern*. London: S. Low, Marston, Searle & Rivington.
18. Garnett, R.A. (1898) *History of Italian Literature*. London: William Heinemann.
19. Sapegno, N. (1965) *Compendio di storia della letteratura italiana*. Vol. 2. Firenze: La Nuova Italia.
20. Strauss, L. (1970) Machiavelli and Classical Literature. *Review of National Literatures*. pp. 7–25.
21. Petronio, G. (1995) *La letteratura italiana. II. La civiltà della corte*. Milano: Arnoldo Mondadori Editore.
22. Machiavelli, N. (1934) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academia.
23. Rutenburg, V.I. (1976) *Titany Vozrozhdeniya* [Titans of the Renaissance]. Leningrad: Nauka.
24. Machiavelli, N. (1987) *Istoriya Florentsii* [History of Florence]. Translated from Italian by N.Ya. Rykova. Moscow: Nauka.
25. Shishmarev, V.F. (1972) Ocherk istorii ital'yanskogo yazyka [Essay on the History of the Italian Language]. In: *Izbrannye stat'i. Istoriya ital'yanskoy literatury i ital'yanskogo yazyka* [Selected Articles. History of Italian Literature and the Italian Language]. Leningrad: Nauka. pp. 36–181.
26. Dolgov, K.M. (1982) Gumanizm, Vozrozhdenie i politicheskaya filosofiya Nikkolo Machiavelli [Humanism, the Renaissance, and the Political Philosophy of Niccolò Machiavelli]. In: Machiavelli, N. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 3–128.
27. Yusim, M.A. (1990) *Etika Machiavelli* [Machiavelli's Ethics]. Moscow: Nauka.
28. Richardson, B. (2008) The Cinquecento Prose. In: Brand, P. & Pertile, L. (eds) *The Cambridge History of Italian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 181–232.
29. Bruscaagli, R. (2014) Niccolò Machiavelli. In: Battistini, A. (ed.) *Letteratura italiana. 1. Dalle origini al Seicento*. Bologna: Società editrice il Mulino. pp. 317–332.
30. Muratov, P.P. (2019) *Obrazy Italii* [Images of Italy]. Moscow: Izd-vo AST.
31. Bloch, M. (1924) *Les rois Thaumaturges: Etude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre*. Paris/Strasbourg: Istra; London: Oxford University Press.
32. Kantorowicz, E.H. (1957) The King's Two Bodies: A Study. In: *Mediaeval Political Theology*. Princeton: Princeton University Press.
33. Janson, H.W. (1966) The Image of Man in Renaissance Art: From Donatello to Michelangelo. In: O'Kelly, B. (ed.) *The Renaissance Image of Man and the World*. Columbus: Ohio State University Press. pp. 77–103.
34. Edgerton, S.Y. (1985) *Pictures and Punishment. Art and Criminal Prosecution during the Florentine Renaissance*. Ithaca; London: Cornell University Press.
35. Barzman, K. (2024) The View of Venice in a Genealogy of City Views and Government Mapping. In: Love Huffman, K. (ed.) *A View of Venice: Portrait of a Renaissance City*. Durham; London: Duke University Press. pp. 26–39.
36. O'Connell, M. (2024) Vessels of Political Communication. In: Love Huffman, K. (ed.) *A View of Venice: Portrait of a Renaissance City*. Durham; London: Duke University Press. pp. 86–95.
37. Goy, R. (2024) Toward the perfect city. Urban development in the quattrocento. In: Love Huffman, K. (ed.) *A View of Venice: Portrait of a Renaissance City*. Durham; London: Duke University Press. pp. 163–175.
38. Nevola, F. (2007) *Siena: Sonstrucing the Renaissance City*. Yale: Yale UP.
39. Boytsov, M.A., & Uspenskiy, F.B. (eds) (2010) *Vlast' i obraz: ocherki potestarnoy imagologii* [Power and Image: Essays on Potestarian Imagology]. Saint Petersburg: Aleteyya.
40. Gaylard, S. (2013) *Hollow Men. Writing, Objects, and Public Image in Renaissance Italy*. New York: Fordham University Press.
41. Kozlova, A.A. (2015) Imagologicheskii metod v issledovaniyakh literatury i kul'tury [Imagological Method in Literary and Cultural Studies]. *Observatoriya kul'tury*. 3. pp. 114–118.
42. Bonfantini, M. (1954) Sugli scritti di Machiavelli. Introduzione. In: Machiavelli, N. *Opere*. Milano–Napoli: Riccardo Ricciardi Editore. pp. 7–37.
43. Inglese, G. (1983–1984) Contributo al testo critico dei "Decennali" di Niccolò Machiavelli. *Annali dell'Istituto italiano per gli studi storici*. 8. pp. 115–173.
44. Guicciardini, F. (1981) Storia d'Italia. In: Scarano, E. (ed.) *Opere di Francesco Guicciardini*. Vols 2–3. Torino: UTET.
45. Mallett, M., & Shaw, C. (2012) *The Italian Wars, 1494–1559: War, State and Society in Early Modern Europe*. Routledge: Taylor & Francis Group.

46. Metzger, G. (2016) *Kommunikation und Konfrontation. Diplomatie und Gesandtschaftswesen Kaiser Maximilians I (1486–1519)*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH.
47. Kapponi, N. (2012) *Machiavelli* [Machiavelli]. Translated from Italian by A.L. Utkin. Moscow: Veche.
48. Andrews, R. (2008) The Cinquecento Theatre. In: Brand, P. & Pertile, L. (eds) *The Cambridge History of Italian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 277–298.
49. Inglese, G. (1979–1980) Contributo al testo critico della Mandragola. *Annali dell'Istituto italiano per gli studi storici*. 6. pp. 129–173.
50. Najemy, J. (1999) Papirius and the chickens, or Machiavelli on the necessity of interpreting religion. *Journal of the History of Ideas*. 4 (60). pp. 659–681.
51. Mansfield, H. (2000) The Cuckold in Machiavelli's Mandragola. In: Sullivan, V.B. (ed.) *The Comedy and Tragedy of Machiavelli: Essays on the Literary Works*. Yale: Yale University Press. pp. 1–30.
52. Branka, V. (1983) *Bokkachcho srednevekovyy* [Medieval Boccaccio]. Translated from Italian. Moscow: Raduga.
53. Kent, F.W. (2013) *Princely Citizen. Lorenzo de' Medici and Renaissance Florence*. Turnhout: Brepols.
54. Kovačević, B. & Simendić, M.U. (2020) Makijavelijevoj Mandragoli. *Politička misao*. 3 (57). pp. 31–59.

Информация об авторах:

Дмитриева М.И. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: m.dmitrieva@spbu.ru

Павлов К.В. – аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: st055536@student.spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.I. Dmitrieva, Cand. Sci. (History), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: m.dmitrieva@spbu.ru

K.V. Pavlov, postgraduate student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: st055536@student.spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2024;
одобрена после рецензирования 01.12.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 11.07.2024;
approved after reviewing 01.12.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 621.397.13:007(575.3)
doi: 10.17223/15617793/510/3

Развитие русскоязычного телевидения как важный фактор языковой политики: анализ телепрограмм в Таджикистане

Хайём Икром Икромзода¹, Мухиддин Абдулхакимович Давлатов²

^{1, 2} *Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан*

¹ *dalerti@mail.ru*

² *muhiddin89@mail.ru*

Аннотация. Исследуется влияние русскоязычного телевидения на формирование билингвальной среды в Республике Таджикистан. На основе социологических опросов и анализа статистических данных выявлены особенности медиапотребления разных групп населения, включая детей и женщин. Установлено, что недоступность русскоязычного телевидения, особенно в сельских районах, препятствует развитию таджикско-русского билингвизма и может негативно повлиять на стратегическое партнерство между Таджикистаном и Россией.

Ключевые слова: русский язык, билингвизм, языковая политика, телеканалы, телепровайдеры, таджикский язык

Для цитирования: Икромзода Х.И., Давлатов М.А. Развитие русскоязычного телевидения как важный фактор языковой политики: анализ телепрограмм в Таджикистане // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 30–41. doi: 10.17223/15617793/510/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/3

The development of Russian-language television as an important factor in language policy: Analysis of television programs in Tajikistan

Khayyom I. Ikromzoda¹, Muhiddin A. Davlatov²

^{1, 2} *Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan*

¹ *dalerti@mail.ru*

² *muhiddin89@mail.ru*

Abstract. This article discusses issues related to the influence of Russian-language television channels on the language environment as a factor in the strengthening and development of the Russian language in Tajikistan. Limited access to Russian television channels, especially children's programs, affects the level of knowledge of the Russian language in the country. Despite the government's efforts to preserve the Russian language, declining funding for Russian television content threatens the effectiveness of this policy. The results of the study highlight the role of Russian news channels in shaping a positive perception of events and their compliance with the traditional values of Tajik society. Attracting Russian-language content into the information space is considered strategically important for strengthening government relations and for the development of society. One of the important tasks of the state's language policy is to create alternatives to Iranian-language television content to reduce its influence on the linguistic and ideological environment. The state policy is aimed at increasing the dubbing of Russian and foreign TV series into the Tajik language, as well as the offer of Russian television content in the educational, children's entertainment and sports fields. The study also draws attention to the importance of children's television content for the formation of Tajik-Russian bilingualism. The authors propose a number of practical solutions, such as increasing access to Russian television channels, expanding children's content and taking into account gender characteristics when developing programs. They call for joint efforts to create a favorable language environment conducive to bilingual development, and emphasize that the development of Russian-language television channels in Tajikistan is important for both countries, promoting strategic relations and social development. The general conclusions note that the development of Russian-language television content must be considered as an integrated approach that takes into account technical and content aspects, as well as the needs and interests of various population groups. The proposed solutions are aimed at strengthening the language environment and promoting mutually beneficial relations between Tajikistan and Russia.

Keywords: Russian language, bilingualism, language policy, TV channels, TV providers, Tajik language

For citation: Ikromzoda, Kh.I. & Davlatov, M.A. (2025) The development of Russian-language television as an important factor in language policy: Analysis of television programs in Tajikistan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 30–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/3

Введение

В рамках современной языковой политики Республики Таджикистан реализуются меры, направленные на сохранение и развитие государственного языка, учитывающие его национальную специфику. Одновременно осуществляются программы поддержки изучения приоритетных иностранных языков, среди которых особое место занимает русский язык. В данном контексте государственная языковая политика рассматривает русский язык как важный элемент успешной реализации интеграционных процессов в регионе и укрепления стратегического партнерства с Российской Федерацией. Русскоязычное телевидение играет ключевую роль в формировании языковой среды, способствуя активному использованию русского языка в повседневной жизни.

Согласно исследованиям, проведенным Internews, в 2023 г., основным источником информации для населения Таджикистана является телевидение (88%) [1]. По данному показателю республика занимает одно из лидирующих мест среди стран Центральной Азии.

Необходимость выбора данной темы для научного исследования в рамках языковой политики обусловливается в первую очередь усилением взаимовыгодных политических, экономических и культурных интеграционных процессов между Таджикистаном и Россией. Не менее важным в этом плане является развитие русского языка как фактора укрепления взаимоотношений стран – стратегических партнеров и сохранение стабильной позиции России в регионе.

В условиях латинизации своих алфавитов тюркоязычными странами Центральной Азии вопрос сохранения устойчивых позиций русского языка в регионе становится актуальным и требует особого внимания со стороны СНГ. Рассмотрение проблемы вещания российских телеканалов в Республике Таджикистан и предлагаемые конструктивные решения по данному вопросу могут позитивно влиять на подготовку взаимовыгодной и легальной миграции таджикцев в РФ.

Для таджикских трудовых мигрантов, собирающихся работать в России, доступ к русскоязычным медиа может помочь адаптироваться к новой языковой среде, легче интегрироваться в российское общество, улучшить знание русского языка, российского законодательства и найти здесь легальную и рентабельную работу.

Вопросам, связанным с влиянием СМИ на общество и русский язык, посвящено много работ. Они стали предметом рассмотрения таких исследователей, как Т.А. Демешкина, Т.Г. Добросклонская и др. [2, 3].

Цель исследования – определить роль русскоязычного телевидения в формировании языковой политики Республики Таджикистан и его влияние на развитие русского языка в стране.

Задачи исследования:

1. Проанализировать текущую ситуацию с доступностью и использованием русскоязычного телевидения в Таджикистане, включая распределение по городским и сельским районам.

2. Изучить предпочтения аудитории разных возрастных и социальных групп в отношении телевизионного контента на различных языках, с особым акцентом на детскую и женскую аудиторию.

3. Выявить факторы, препятствующие распространению русскоязычного телевидения в стране, включая технические, экономические и социально-культурные аспекты.

4. Оценить влияние ограниченной доступности русскоязычного контента на уровень владения русским языком среди различных слоев населения, особенно среди детей и молодежи.

5. Разработать рекомендации по увеличению доступности и привлекательности русскоязычного телевизионного контента в Таджикистане, включая предложения по расширению детских программ, учету гендерных особенностей медиапотребления и интеграции российских телеканалов через существующие телестанции.

6. Исследовать возможности использования русскоязычного телевидения как инструмента укрепления таджикско-русского¹ билингвизма и развития стратегического партнерства между Таджикистаном и Россией.

7. Оценить перспективы создания благоприятной языковой среды через телевидение в контексте культурно-исторических связей между двумя странами.

Поставленные задачи направлены на комплексное понимание влияния русскоязычного телевидения на языковую ситуацию в Таджикистане и разработку практических шагов по поддержке и развитию русского языка посредством медиаконтента.

История вопроса

Краткая характеристика современного состояния русского языка в Таджикистане. Согласно второй статье Конституции РТ, русский язык является языком межнационального общения [4]. В 1989 г. русский язык в республике называли родным или вторым языком 33% населения. Этот показатель считался довольно значимым, если учитывать тот факт, что тогда таджиков в Таджикистане насчитывалось 64%, узбеков – 23%, русских – 7,6% и др. [5]. В то время русским языком владели 88% населения, из них свободно разговаривало около 65% [6].

Сейчас государство уделяет особое внимание изучению, поддержке и развитию русского языка. Об активной поддержке русского языка в Республике Таджикистан говорит «Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года» [7]. Сегодня в Таджикистане, по разным подсчетам, русским языком владеют от 40 до 55% населения республики, однако свободно владеющих – от 20 до 30%, считающих русский язык родным – 0,3% [8]. Хотя с каждым годом открываются новые школы, увеличиваются группы в вузах и колледжах, обучение в которых ведется на русском языке и т.д., тем не менее этот показатель продолжает снижаться.

Исторической причиной тому считается отток русскоговорящего населения в 1990-е гг. Одной из главных причин снижения уровня знания русского языка является отсутствие русскоязычной среды, особенно на периферии.

На наш взгляд, в данной ситуации одним из основных способов поддержки русского языка является обеспечение населению доступа к русскоязычным телеканалам, которые в сумме представляют собой своего рода виртуальную языковую среду наряду с русскоязычным интернет-контентом. Известно, что телевидение – особое средство для изучения языка. Телевизионные программы являются эффективным инструментом для развития аудирования, устной речи и лексического запаса. Это подтверждается многочисленными исследованиями, в том числе работами Н.Е. Меркиша «Мультимедийная культурно-языковая среда как фактор успешного овладения иностранным языком и иноязычной культурой» [9], Д.Д. Дмитриевой «Специфика использования кино и телевидения в процессе преподавания русского языка как иностранного» [10].

Материал и методика исследования

В этой статье применен комплексный подход к изучению влияния русскоязычного телевизионного контента на языковую среду Республики Таджикистан. Исследование опирается на эмпирические данные, полученные в результате социологических опросов, а также на анализ статистических данных и сравнительный анализ существующих медиапотребительских практик. Такой подход позволяет не только получить статистически значимые результаты, но и глубоко понять мотивацию и предпочтение аудитории.

Исследование сочетает в себе количественные и качественные методы сбора и анализа данных. Это обеспечивает всестороннее рассмотрение проблемы и способствует достижению поставленных целей.

В работе были применены следующие методы сбора данных:

1. Социологический опрос. Основной целью социологического опроса было изучение предпочтений населения Таджикистана в отношении телевизионного контента и выявление влияния русскоязычных телеканалов на языковую среду. В рамках «выборки» была использована стратифицированная случайная выборка, обеспечивающая представительство по возрасту, полу, региону проживания (город/село), уровню образования и социально-экономическому статусу. Размер выборки составил 1 000 респондентов, что обеспечивает статистическую погрешность не более 3% при уровне достоверности 95%; период проведения: апрель–июнь 2023 г. Анкета включала вопросы о выборе телеканалов, языковых предпочтениях, времени просмотра телевизионных передач и уровне владения русским языком.

Для обеспечения высокой результативности социопроса были применены следующие подходы: 1) личные интервью – проведены в городах Душанбе, Худжанд, Куляб и Хорог, а также в сельских районах,

что позволило охватить разнообразные социальные группы; 2) онлайн-анкетирование – использованы социальные сети и мессенджеры для привлечения более молодой и технологически подкованной аудитории; 3) телефонные опросы – применялись для респондентов из отдаленных районов с ограниченным доступом к интернет-сети.

Для этой цели была разработана структурированная анкета, включающая закрытые и открытые вопросы, разделённые на блоки: демографические данные (возраст, пол, образование, родной язык, уровень владения русским языком), медиапотребление (предпочитаемые источники информации, время, проводимое за просмотром телевидения, используемые устройства), языковые предпочтения (предпочитаемый язык телевизионного контента, причины выбора того или иного языка), содержание и жанры (предпочитаемые жанры программ (новости, развлекательные, образовательные, детские и т.д.)) и отношение к русскоязычному контенту (восприятие влияния русскоязычных телеканалов на язык и культуру, мотивация к изучению русского языка).

2. Анализ статистических данных. Для обоснования и подтверждения полученных данных использовались следующие источники:

1) официальные статистические данные, например Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан [11], Министерства культуры Республики Таджикистан;

2) отчеты международных организаций, например ЮНЕСКО [12], Международного союза электросвязи (ITU) [13];

3) данные телекоммуникационных компаний, например отчеты кабельных операторов и телепровайдеров, таких как «Мавджи Сомон» и «Мавджи Истиклол». Методы анализа включали сравнительный анализ данных по различным регионам и социальным группам, трендовый анализ для изучения динамики изменений в медиапотреблении и языковых предпочтениях за последние пять лет, а также корреляционный анализ для определения связей между уровнем владения русским языком и степенью потребления русскоязычного телевизионного контента;

4) качественные методы. В этом плане были проведены интервью с 60 участниками, отобранными из основной выборки и представляющими различные социально-демографические группы. Целью было достичь более глубокого понимания мотиваций и барьеров в потреблении русскоязычного контента. Обсуждались личные истории изучения русского языка, влияние семейного окружения и социального круга на языковые предпочтения, восприятие качества и релевантности русскоязычного контента. Также был задействован метод фокус-группы: организованы шесть групп по восемь участников, разделенных по возрасту и месту проживания. Методика включала модерлируемые обсуждения с использованием проективных техник и визуальных материалов. Цель – исследовать коллективные мнения и обсуждения по теме русскоязычного телевидения.

Научные подходы и теоретические основы исследования включают несколько методологических

направлений. В рамках социолингвистического подхода, основанного на теориях билингвизма и языковой политики, язык рассматривается как социальный феномен, связанный с культурными и политическими процессами. Важное значение имели работы Г.Э. Бокарева и Р.И. Хашимова, посвященные исследованию языковых контактов и двуязычия [14]. Для анализа поведения аудитории применялась теория использования и удовлетворения (Uses and Gratifications Theory) [15], которая рассматривает активную роль аудитории в выборе медиа для удовлетворения собственных потребностей и желаний. Лингвокультурологический подход позволил проанализировать влияние медиаконтента на формирование культурных ценностей и идентичности, опираясь на исследования Т.Г. Добросклонской, изучающей медиалингвистику и влияние СМИ на язык и культуру [16].

Этические аспекты исследования включали соблюдение принципов конфиденциальности, добровольности участия и объективности. Все данные были обезличены, респонденты информированы о целях исследования и дали добровольное согласие на участие. Анализ данных проводился беспристрастно, что позволило избежать субъективных интерпретаций и предвзятости.

Ограничения исследования были связаны с доступностью респондентов в отдаленные районы, где проведение интервью было затруднено из-за географических и инфраструктурных особенностей. Кроме того, языковые барьеры также усложняли процесс, так как для респондентов из сельских районов анкеты и интервью проводились на таджикском языке с последующим переводом.

Для обработки и анализа данных применялись различные методы. Количественные данные были обработаны с использованием программ SPSS, позволивших выполнить расчеты частот, средних значений и стандартных отклонений. Качественные данные из интервью и фокус-групп анализировались методом контент-анализа, что позволило выделить ключевые темы и категории. Визуализация данных была выполнена с использованием графиков, диаграмм и таблиц для облегчения восприятия информации.

Проверка надежности и валидности инструментария включала пилотное тестирование анкеты на 50 респондентах, по результатам которого были внесены необходимые корректировки для повышения ясности вопросов. Использование нескольких методов сбора данных (триангуляция) способствовало повышению достоверности и согласованности результатов.

В завершение результаты настоящего исследования были сопоставлены с данными предыдущих работ (например, Агентство по статистике при Президенте, ITU, Интерньюс, ЮНЕСКО и др.), что позволило подтвердить ранее выявленные тенденции и выделить новые аспекты для дальнейшего изучения [11, 13].

Применение различных научных подходов и теорий позволило получить всестороннее представление о влиянии русскоязычного телевизионного контента на языковую среду Таджикистана и способствовало глубокому анализу и интерпретации полученных данных, повышая научную ценность исследования.

Мы рассматриваем положение и развитие русскоязычных телеканалов как важного фактора языковой политики государства.

Для достижения поставленной цели требуется всесторонний анализ особенностей телевизионного вещания в стране.

Несмотря на рост числа интернет-пользователей (5,5 млн), телевидение остается основным источником информации для большинства таджикистанцев (около 70%). Каждый житель страны смотрит телевизор в среднем 4–5 часов в день, однако на таджикском и на русском языках – 41%, больше на русском языке, чем на таджикском языке – 6% [1]. Следует отметить, что 83,4% населенных пунктов территории страны имеют возможность смотреть телевизионные каналы в высоком качестве [17].

Из общего числа телезрителей в Таджикистане около 40% предпочитают таджикские телеканалы. Зарубежные каналы составляют оставшиеся 60%, из которых приблизительно 15% приходятся на российские телеканалы (с использованием эфирных и спутниковых антенн), а 45% – на иранские, афганские, турецкие, узбекские и др. Однако, по данным телепровайдера «Мавджи Сомон», количество доступных российских телеканалов составляет 69, что превышает число каналов на таджикском языке [11, 18]. Это указывает на то, что, несмотря на большое количество доступных российских каналов, их реальное потребление остается относительно низким, возможно, из-за предпочтений аудитории.

Приведенные данные характеризуют лишь общий ландшафт телевизионного вещания в стране, осуществляемого преимущественно посредством спутниковых антенн и услуг телепровайдеров (рис. 1). Для просмотра местных телеканалов используются эфирные антенны, предназначенные для приема наземного телевизионного сигнала в метровом или дециметровом диапазоне, которые довольно редко встречаются из-за их ограниченного приема телесигналов и малого количества телеканалов. Спутниковые антенны (а именно зеркальные) до сих пор являются самыми распространенными в стране, а частные коммерческие телепровайдеры занимают второе место [19].

■ Спутниковые антенны ■ Телепровайдеры ■ Простые антенны

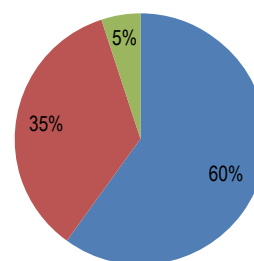

Рис. 1. Общая картина телевещания в РТ

Возможность бесплатного просмотра более тысячи иностранных телеканалов, используя спутниковые антенны, обеспечивающая разнообразие контента, явля-

ется основным фактором их широкого распространения. Доступность таких антенн, особенно для жителей сельской местности, является еще одним важным фактором. Нужно отметить, что доля сельского населения в республике по состоянию на 2022 г. составляет около 71%, а городского – 29% [11]. Необходимо также подчеркнуть, что около 93% территории Таджикистана занимают горные ландшафты и определенная часть сельского населения страны проживает в отдаленных и труднодоступных местностях, куда практически не имеют выхода коммерческие телепровайдеры.

Следует добавить, что количество телеканалов, доступных для приема через спутниковые антенны в Таджикистане, действительно исчисляется тысячами. Однако, согласно результатам нашего социологического опроса, доля просмотров русскоязычных телеканалов через спутниковые антенны сравнительно невелика и составляет всего около 7%, по сравнению с иранскими и таджикскими телеканалами.

Основной причиной этого является ограниченное количество российских телеканалов через свободный спутниковый доступ. Большинство российских телеканалов, доступных без абонентской платы, являются региональными или узкоспециализированными, такими как каналы Новосибирской или Алтайской областей, которые ориентированы на местную аудиторию. Их контент может быть менее релевантен и интересен для таджикских зрителей, что снижает их привлекательность.

В то же время популярные российские телеканалы, такие как «Первый канал», «Россия 1», НТВ, ТНТ, РЕН ТВ, «Матч ТВ» и др., обычно транслируются в кодированном виде и доступны только через платную спутниковую связь или специальные сервисы, требующие дополнительного оборудования и ежемесячной абонентской платы [20]. Это создает финансовые и технические барьеры для широкой аудитории, особенно в сельских районах, где уровень доходов населения ниже.

Кроме того, прием этих каналов через спутниковые антенны может сопровождаться техническими трудностями. Качество сигнала зависит от погодных условий и точности настройки антенны; при неблагоприятных погодных условиях или небольших отклонениях в настройке антенны могут возникать перебои в вещании, зависания и снижение качества изображения [13]. Эти факторы негативно влияют на удовлетворенность зрителей и снижают популярность российских телеканалов по сравнению с иранскими и другими зарубежными каналами, которые часто доступны бесплатно и в большем количестве.

Таким образом, сочетание ограниченной доступности популярных российских телеканалов, финансовых затрат на их просмотр и технических сложностей приема приводит к тому, что доля русскоязычного контента в спутниковом телевидении Таджикистана остается низкой.

В этом плане частные телепровайдеры являются более эффективными, т.е. в них превалирует русскоязычный контент (рис. 2). Российские и русскоязыч-

ные телеканалы в списке телепровайдера «Мавджи Сомон», как одного из самых крупных телепровайдеров Таджикистана, составляют подавляющее большинство [18], ср.:

- 1) таджикские телеканалы – 11;
- 2) российские телеканалы – 69;
- 3) нероссийские телеканалы, вещающие на русском языке, – 19;
- 4) телеканалы на фарси (иранские, афганские) – 5;
- 5) телеканалы на других языках – 10.

Как видим, большая часть из этих телеканалов являются российскими, кроме того, имеется много иностранных телеканалов, которые осуществляют вещание на русском языке (Euronews, Animal Planet, National Geographic и т.д.).

Тем не менее на долю русскоязычных телеканалов в «Мавджи Сомон» приходится более 50% телезрителей [19].

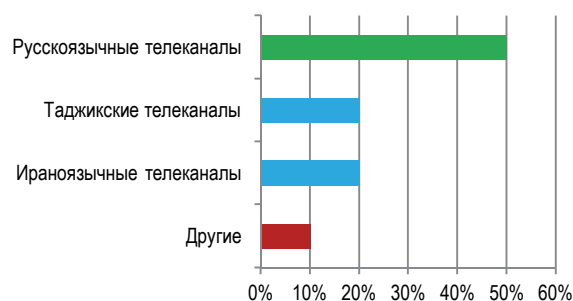

Рис. 2. Доля каналов, предоставляемых провайдерами

Существуют значительные расхождения в количестве и языковом предпочтении между телепровайдерами. В республике имеются две крупные компании. «Мавджи Истиклол» считается вторым по величине телепровайдером в стране после «Мавджи Сомон». Обе компании конкурируют между собой. Если телепровайдер «Мавджи Сомон» больше ориентирован на трансляции русскоязычного телеконтента, то «Мавджи Истиклол» предпочитает наравне с русскоязычным контентом транслировать популярные ираноязычные телеканалы. К примеру, в «Мавджи Истиклол» можно посмотреть более 20 ираноязычных популярных телеканалов по сравнению с 5 такими каналами у «Мавджи Сомон» [18]. Следует также отметить, что «Мавджи Истиклол» недавно начал свою деятельность, транслирует пока только в больших городах, однако рост ее потребителей за счет ираноязычного контента и качества сигнала постоянно и интенсивно растет, и в скором времени он может обойти по количеству абонентов «Мавджи Сомон».

Несмотря на существующую конкуренцию, телепровайдеры в Таджикистане наиболее эффективны в трансляции русскоязычного контента, создавая своего рода виртуальную языковую среду для определенной части населения. Однако основной недостаток заключается в том, что их услуги доступны преимущественно для городских районов.

Большинство жителей сельских районов удовлетворяют свои телевизионные потребности главным об-

разом за счет спутниковых антенн. Однако из-за ограниченного доступа к русскоязычному контенту через спутниковое телевидение в сельской местности преобладают бесплатные ираноязычные телеканалы [21]. Основная причина этого заключается в том, что популярные российские телеканалы часто транслируются в кодированном виде и требуют специального оборудования или абонентской платы для доступа [13]. Это создает финансовые и технические барьеры для сельского населения, у которого может отсутствовать возможность приобретения необходимого оборудования или оплаты подписки.

Кроме того, бесплатные иностранные телеканалы, в частности ираноязычные, доступны через спутниковые антенны без дополнительных затрат, что делает их более привлекательными для жителей сельских районов. В результате русскоязычный контент менее представлен у сельской телеаудитории, что влияет на формирование языковой среды и может способствовать снижению уровня владения русским языком среди сельского населения.

Необходимо уточнить определение и особенности ираноязычных телеканалов. Эти телеканалы представляют собой социально значимый феномен, требующий пристального внимания со стороны государственных структур в контексте языковой политики. Прежде чем перейти к основной теме, необходимо кратко охарактеризовать ситуацию с таджикским языком в стране.

В настоящее время в республике наблюдается процесс интенсивного возрождения государственного языка, сопровождающийся расширением сфер его функционирования. В советский период таджикский язык преимущественно функционировал в качестве разговорного средства общения, существенно отдалившись от своих классических литературных норм под влиянием языковых реформ, таких как латинизация и кириллизация письменности, а также интенсивного языкового контакта с русским языком, что привело к массовому проникновению русизмов и советизмов.

Более того, досоветский таджикский литературный язык (классический *дари*) по своему содержанию и структуре характеризовался как высокодуховный, возвышенный, морально и религиозно насыщенный. Для государственного строя времен СССР такие особенности языка скорее считались проблемой, препятствовавшей установлению советской власти, так как язык такого характера мог удерживать, сохранять глубоко религиозные и высокоидеологические составляющие менталитета народа, что в принципе противоречило советской идеологии. Кроме того, такой язык не является продуктивным в осуществлении государственной политики. Все это привело к тому, что руководство страны, состоящее, прежде всего, из людей, не говорящих по-таджикски, руководители крупных заводов, фабрик проводили важные встречи и заседания на русском, делопроизводство в основном также осуществлялось на русском языке, кроме того, немало литературных сочинений советского периода были написаны на русском языке, а сама русская и русскоязычная литература пользовалась большей популярностью, чем таджикская.

В современных условиях обострения «конфликта цивилизаций» [22. Р. 189] большое значение имеет продвижение национального языка и культуры именно в мировом информационном пространстве: меняющиеся условия диктуют новые правила, и сегодня первостепенное внимание должно уделяться активному освоению этой новой виртуальной территории, степень присутствия и активность деятельности на которой во многом определяет геополитический статус национальных языков и культур [3, 16, 23]. Языковая политика государства на сегодняшний день нацелена на формирование единого литературного таджикского языка, который сочетает в себе классические и новотаджикские лексико-стилистические особенности. Современный таджикский язык включает в себя лексическое богатство классического персидского языка и официально-деловой, научно-публицистический стиль, а также терминологический опыт, унаследованный от советского периода.

Современный иранский язык, транслируемый через спутниковые телеканалы, может оказывать влияние на языковую среду Таджикистана, что вызывает обеспокоенность относительно сохранения особенностей таджикского языка [24. С. 46]. В иранском языке присутствует значительное количество арабизмов, англицизмов, тюркизмов и диалектизмов, а его фонетические и лексические особенности отличаются от таджикского варианта персидского языка. Исторически сложилось, что различия между этими диалектами существуют уже несколько веков, отражая уникальное культурное развитие каждого народа [25].

Другим немаловажным фактором неприемлемости широкого развития и хаотичного внедрения ираноязычных телеканалов в таджикское телевидение является характер и содержание их вещания. Для более ясного понимания следует выделить собственно ираноязычные и иранские телеканалы. Первые в основе своей (в общих чертах) являются развлекательными и познавательными. Данный телеконтент в самом Иране признан оппозиционным и находится под запретом, поскольку он пропагандирует западный образ жизни, наносит морально-нравственный вред иранскому народу, дезинформирует, пробуждает антигосударственные настроения в обществе и нацелен на дезориентацию единства иранского народа. Он в основном базируется в европейских государствах, Центральной и Северной Америке, Австралии и Турции. К таким каналам относятся крупные телекомпании GEMGroup, River, ONYXTV, МТС и т.д., каждая из которых представляет сеть своих телеканалов. Например, у GEMGroup (основателем которой является иранская оппозиция), считающейся самой популярной по результатам опроса телекомпаний в Таджикистане, имеются GEM+, GEM USA, GEM AZ, GEMCLASSIC, GEM KIDS, GEM JUNIOR, GEM DRAMA, GEMDRAMA+, GEM SERIES [26] и др. В Таджикистане они в основном популярны за счет дубляжа зарубежных сериалов, прежде всего турецких, на иранский язык. Также не менее популярными являются принадлежащие им детские телеканалы, которые дуб-

лируют самые популярные мультфильмы (даже известный российский мультфильм «Маша и Медведь» транслируется этими каналами в иранской озвучке).

Язык этих телеканалов, благодаря их близости к классическому персидскому языку, вызывает у носителей таджикского языка ассоциации с морально-духовными учениями, которые богато представлены в таджикской культуре и таджикско-персидской классической литературе. Подобные учения, часто выраженные в поэтической форме на персидском языке, осваиваются таджиками с детства. В связи с этим предполагается, что определенные элементы контента, которые могут не соответствовать национальным ценностям Таджикистана, представленные на ираноязычных телеканалах, могут легче восприниматься носителями таджикского языка из-за языковой и культурной близости. Таким образом, воздействие через знакомый «язык морального кода» может способствовать интеграции новых элементов в категорию «своего», даже если они изначально являются «чужими» [27].

Именно поэтому языковая политика государства испытывает особую тревогу и принимает меры для их ограничения и нахождения более приемлемой альтернативы наполнения информативной среды.

Что касается самих иранских и афганских телеканалов, то они языковой политикой государства идентифицируются как крайне консервативные и пропагандирующие исламские религиозные течения, чуждые идеологии таджикского народа и традиционного ислама. Также в них наблюдаются попытки проиранских сил внедрить свою государственную идеологию в сознание людей, что считается небезопасным для государственного строя и государственной независимости республики. Телепровайдерам ретрансляцию подобных телеканалов полностью запретили, но они, как было сказано выше, принимаются только посредством спутниковых антенн.

Основной задачей языковой политики государства, на наш взгляд, является создание и нахождение альтернатив ираноязычным телеканалам, чтобы уменьшить их влияние на языковую и, соответственно, идеологическую среду. Поскольку их вещание через спутниковые антенны невозможно контролировать или ограничить, государственная политика в вопросе сохранения языковой идентичности нацелена на увеличение дублирования иностранных и российских популярных сериалов на современный таджикский язык, а в плане альтернативы ираноязычным познавательным, детско-развлекательным и спортивным телеканалам предлагает российский телеконтент, исходя из общего культурно-исторического опыта и принципов стратегического партнерства. Здесь также следует подчеркнуть, что в рамках общей стратегии языковой политики государства развитие русского языка и создание русскоязычной среды через телевидение является наиболее приоритетным направлением для Таджикистана [7].

Несмотря на техническую возможность приема российских телеканалов через спутниковые антенны (например, с помощью спутника NSS 12 на орбитальной позиции 57° восточной долготы), уровень их потребления остается низким. Возможные причины

этого могут быть связаны с недостаточным интересом аудитории к российскому контенту, конкуренцией со стороны других зарубежных телеканалов и экономическими факторами, такими как стоимость оборудования и услуг провайдеров.

Исходя из анализа взаимоотношений между языковой политикой государства и потребностями сохранения национальной идентичности в контексте языковой конкуренции русского и таджикского языков в медиапространстве, предлагается сбалансировать языковое представительство в медиапространстве путем увеличения доли российских телеканалов, транслируемых через местные таджикские телестанции.

Телевещание в Таджикистане обеспечивается сетью из 598 ретрансляторов, что свидетельствует о достаточно высоком уровне технической оснащенности отрасли и позволяет гарантировать стабильный прием сигнала [20]. Существующие телестанции обладают техническим потенциалом для трансляции российских телеканалов, что может способствовать расширению доступа населения к русскоязычному контенту. Наше исследование, а также исследование некоторых специалистов, показывают, что рассмотрение возможностей для интеграции российского телевидения через эти ретрансляторы является перспективным направлением развития медиапространства Таджикистана [28]. После приобретения Таджикистаном государственной независимости в 1991 г. российские телеканалы продолжали активно вещать на большей части территории страны. Это стало возможным благодаря тесным культурным и историческим связям между Таджикистаном и Российской Федерацией, а также усилиям правительства Таджикистана по сохранению доступа к русскоязычному медиаконтенту для поддержки информационных потребностей населения [28].

В первые годы независимости российские телеканалы играли важную роль в информационном пространстве Таджикистана, способствуя укреплению двусторонних отношений и поддерживая русскоязычную аудиторию в стране. Однако после первого десятилетия XXI в. наблюдалось сокращение вещания российских телеканалов на территории Таджикистана.

Причинами этого стали:

- изменение частот и технологий вещания: переход российских телеканалов на новые частоты и технологии, включая цифровое и HD-вещание, что потребовало обновления оборудования для приема сигнала и создавало технические барьеры для части аудитории [13];

- переход на другие спутники: перемещение российских телеканалов на другие спутники привело к необходимости перенастройки или замены приемного оборудования, что также осложнило доступ к ним;

- переход от свободного доступа к платному: многие российские телеканалы перешли от свободного вещания к платным подпискам, что сделало их менее доступными для широкой аудитории в Таджикистане из-за финансовых ограничений [20].

Эти факторы в совокупности привели к снижению доступности российских телеканалов для населения Таджикистана и потребовали поиска альтернативных источников русскоязычного контента.

Российские телеканалы в таджикском обществе до сих пор пользуются большим спросом. Профессор И. Усмонов, классифицируя структуру информационного пространства страны, исходя из фундаментальности вопроса, выделяет пять факторов, подчеркивая, что материалы печати, телевизионные передачи, радиoproграммы России по сравнению со СМИ Таджикистана намного читабельнее, лучше воспринимаются на слух и отличаются зрелищностью, ибо распространяемая ими информация о положении страны в большинстве случаев ближе к правде [28].

Несмотря на существующие трудности, российский телеканал «Россия РТР» продолжает вещание на территории Республики Таджикистан. Этот телеканал является одним из немногих российских каналов, доступных через наземное эфирное телевидение в крупных городах страны, таких как Душанбе, Худжанд, Куляб и Хорог [28].

Однако начиная с 2013 г. наблюдается сокращение финансирования со стороны российской стороны на обеспечение вещания данного телеканала в Таджикистане. Это привело к тому, что расходы на обслуживание телестанций и трансляцию канала в большей степени ложатся на таджикскую сторону. По сообщениям СМИ, уровень финансирования снизился с 70 до 48% от общей суммы договора [20].

Ограниченный доступ к российскому телеконтенту, являющемуся традиционным источником изучения русского языка, создает условия для расширения аудитории ираноязычных телеканалов. В результате наблюдается тенденция к снижению интенсивности использования русского языка в повседневной коммуникации.

Языковая политика Таджикистана направлена на достижение баланса между укреплением статуса таджикского языка как государственного и обеспечением функциональности русского языка как средства межнационального общения, при этом признавая и поддерживая языковое разнообразие населения республики. Сохранение и развитие русского языка в Таджикистане рассматривается как один из ключевых факторов, способствующих расширению культурных, экономических и образовательных связей с Россией, а также интеграции в международное научное сообщество. Увеличение доступных российских телеканалов напрямую способствует достижению наиболее эффективных результатов в этом вопросе. Для реализации данной взаимовыгодной задачи необходимо изучить особенности телевизионных предпочтений таджикстанцев.

В ходе эмпирического исследования, включавшего анкетирование, было получено около 1 000 ответов, которые были проанализированы с использованием статистических методов. Результаты данного анализа представлены на рис. 3.

На рис. 3 наглядно показана доля российских новостных и развлекательных (также познавательных) телеканалов.

Социологический опрос показал, что около 80% респондентов ежедневно или несколько раз в неделю интересуются новостями.

Примечательно, что результаты проведенного опроса показывают: большинство населения получает новости преимущественно из интернет-ресурсов, а на втором месте по популярности находятся российские и таджикские телеканалы.

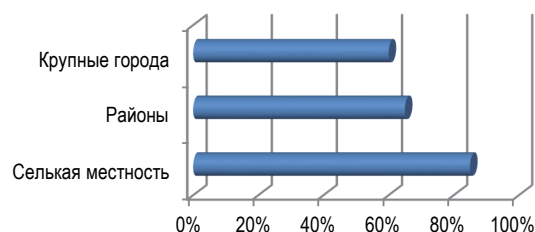

Рис. 3. Объем полученной информации из телевизионных передач, исходя из территориального распределения страны

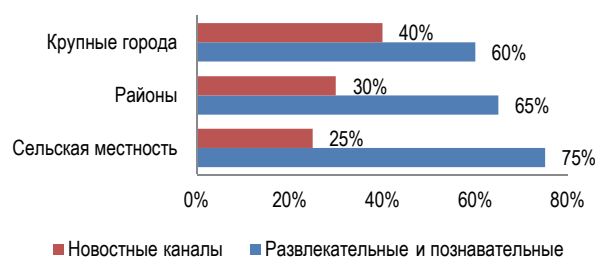

Рис. 4. Сравнительный анализ, основанный на данных социологического опроса 1000 респондентов, проведенного в июне 2023 г.

Государство, исходя из своей институционально-нормативной особенности политической системы, воспринимает российский государственный новостной контент как наиболее приемлемый для таджикского общества, так как он наделен всеми необходимыми параметрами: красочность, эмоциональность, гармоничность, энергичность (возбуждающий эффект), дружелюбность (лояльность) к властной системе и особый характер аргументации, что может удачно конкурировать с нелояльными для традиционной политической институциональности Таджикистана как центрально-азиатского государства.

Анализ политического дискурса российских СМИ свидетельствует о том, что он оказывает существенное влияние на формирование политических взглядов и мировоззрения значительной части таджикской аудитории, что подтверждается результатами проведенных нами опросов. Большая часть информационных сообщений в таджикских телеканалах освещает внутрисполитические события в позитивном ключе, акцентируя внимание на достижениях государства и общества. Такой подход к освещению новостей способствует формированию у аудитории оптимистического восприятия текущей ситуации. В этом отношении российские телеканалы в своих новостных передачах (особенно в конце) транслируют позитивные сюжеты о достижениях, что в принципе согласуется с социально-политическими традициями таджикских государственных телеканалов.

Различия в характере новостных программ российских и таджикских телеканалов отражают особенности политической культуры и медиасистем двух стран. Российская медиасреда характеризуется большей степенью плюрализма и открытости для различных точек зрения. В то время как таджикское телевидение, в силу исторических и культурных факторов, традиционно выполняет функцию транслятора официальной идеологии и консолидации общества. Согласно данным нашего опроса, около 70% опрошенных указали, что основным источником новостей для них служат российские телеканалы и русскоязычные интернет-ресурсы. Данный факт свидетельствует о высокой степени интеграции таджикского информационного пространства с российским и подтверждает актуальность государственной политики, направленной на сохранение и развитие русского языка в республике.

Анализ медиапотребления населения Таджикистана показывает, что русскоязычный телеконтент оказывает существенное влияние на формирование таджикско-русского билингвизма. Регулярный просмотр российских телеканалов и русскоязычных программ способствует расширению лексического запаса и развитию коммуникативных навыков на русском языке. Государственная языковая политика, предусматривающая поддержку двуязычия, создает благоприятные условия для такого процесса, обеспечивая доступ к русскоязычным образовательным ресурсам и медиаконтенту. Об этом свидетельствует принятие (3-й раз подряд) Государственной программы совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 г.

Как известно, явление «чистый, естественный билингвизм» подразумевает одинаково свободное владение двумя языками (попеременное использование каждого как родного [29, 30].

Нейролингвистические исследования подтверждают, что раннее двуязычие способствует развитию особых когнитивных функций, таких как гибкость мышления, способность к решению задач и улучшению памяти. В этом возрасте дети способны легко переключаться с одного языка на другой, что создает благоприятные условия для формирования полноценного двуязычия. В этой связи обеспечение доступа детской аудитории к качественному русскоязычному телеконтенту является одним из приоритетных направлений, способствующим раннему освоению русского языка.

Содержание и функционирование детских телеканалов в контексте многоязычной среды представляют собой комплексный вопрос, требующий тщательного анализа и взвешенных решений. От выбора контента и языковой среды телепередач напрямую зависит формирование языковых компетенций подрастающего поколения. Распространение ираноязычных телеканалов, в том числе через спутниковое телевидение, создает значительную конкуренцию для русскоязычного контента, что затрудняет формирование таджикско-русской билингвальной среды, особенно в условиях ограниченного доступа к качественным русскоязычным детским программам. Для эффективного развития билингвизма необходимо создавать условия для контакта

с двумя языками, имеющими существенные различия. Использование родственных языков, таких как иранский и таджикский, хотя и способствует расширению языкового кругозора, но не обеспечивает достаточной языковой контрастности для формирования полноценного двуязычия. С целью формирования таджикско-русского двуязычия и укрепления интеграционных связей с Российской Федерацией целесообразно постепенно увеличивать долю русскоязычного детского телеконтента. При этом важно сохранять баланс между русским и таджикским языками, учитывая культурные особенности и языковые потребности детей.

Анализ материала и результаты исследования

Процентное соотношение детской телеаудитории по языковым предпочтениям, согласно результатам нашего исследования, в котором было задействовано значительное количество респондентов-родителей, выглядит следующим образом (рис. 5).

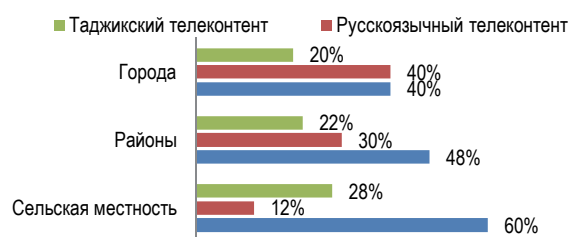

Рис. 5. Процентное соотношение детской телеаудитории по языковому предпочтению

К этим показателям следует добавить время телевизионного просмотра детской аудиторией: дети дошкольного возраста проводят за просмотром телевизора примерно 7 часов в день, а школьники начальных классов – около 4 часов. Однако менее половины этого времени приходится на русскоязычный контент. Кроме того, остальное (нетелевизионное) время дети проводят в таджикоязычной среде.

Если принять во внимание, что развитие билингвизма представляет собой создание благоприятной языковой среды, адекватную поддержку и стимулирование ребенка к обучению и использованию обоих языков в повседневной жизни, обеспечение широкого доступа к образовательным ресурсам на неродном языке и т.д., то для формирования таджикско-русского билингвизма у таджикских детей дошкольного возраста в среде родного языка необходимо увеличить объем детского русскоязычного телевизионного контента. Однако реализация этой задачи требует, прежде всего, обеспечения свободного доступа к детским русскоязычным телеканалам и увеличения их количества в доступных для населения спутниковых и эфирных вещательных сетях.

Другим важным аспектом функционирования телевидения как фактора развития русского языка и создания языковой среды являются гендерные особенности. Согласно результатам проведенного нами опроса, более 75% женщин всех возрастов, проживающих в крупных городах страны, предпочитают ираноязычные развлекательные телеканалы.

Среди женщин сельского населения этот показатель еще выше и достигает почти 90%. С точки зрения государственной языковой политики такая ситуация представляет собой вызов для будущего состояния русского языка в стране.

Социологические исследования показывают, что в сельских районах Таджикистана женщины чаще, чем мужчины, занимаются домашним хозяйством. Это связано с исторически сложившимися гендерными ролями, ограниченными возможностями трудоустройства в сельской местности, а также недостаточным развитием инфраструктуры для поддержки совмещения семейных и профессиональных обязанностей. Сокращение использования русского языка в повседневной коммуникации таджикоязычных семей приводит к снижению уровня языковой компетенции детей, что ограничивает возможности формирования таджикско-русской билингвальной среды.

Заключение

Исследование подтвердило значимую роль русскоязычного телевидения в формировании билингвальной среды в Таджикистане. Однако доступность русскоязычного контента ограничена, особенно в сельских районах, где проживает свыше 70% населения.

Дети проводят значительное время за просмотром телевизионных передач, но менее половины этого времени уделяется русскоязычным программам. Недостаток детского русскоязычного контента и ограниченный доступ к российским телеканалам затрудняют развитие билингвизма у подрастающего поколения.

Гендерные особенности медиапотребления также влияют на языковую ситуацию: большинство женщин, особенно в сельской местности, предпочитают ираноязычные телеканалы. Это снижает возможность передачи русского языка в семье и препятствует созданию двуязычной коммуникативной среды для детей.

Исходя из исследования, результаты которого представлены в данной статье, можно сделать следующие выводы и предложить направления для дальнейшего изучения:

1. Расширение доступа к русскоязычному телевизионному контенту. Результаты исследования показывают, что увеличение доступности русскоязычных те-

леканалов может способствовать укреплению билингвальной среды и повышению уровня владения русским языком среди населения Таджикистана, особенно в сельских районах.

2. Усиление детского русскоязычного контента. Учитывая важность раннего языкового развития, особое внимание следует уделять увеличению количества и качества детских познавательных и образовательных программ на русском языке. Это может положительно повлиять на формирование билингвизма у детей дошкольного и младшего школьного возраста.

3. Учет гендерных особенностей медиапотребления. Исследование выявило, что значительная часть женской аудитории предпочитает зарубежные (ираноязычные) телеканалы. Разработка телевизионного контента, ориентированного на интересы женщин и представленного на русском языке, может способствовать повышению их вовлеченности и, как следствие, создать дополнительную языковую среду в семьях.

4. Содействие развитию билингвизма через медиа. Концентрация усилий на создании качественного русскоязычного контента для различных возрастных и социальных групп может способствовать формированию более обширной билингвальной среды. Это включает поддержку локальных производителей медиаконтента и сотрудничество с российскими медиаорганизациями.

5. Исследование факторов мотивации к изучению русского языка. Положительное восприятие роли русского языка в социальной и экономической жизни может стимулировать интерес к его изучению. Дополнительные исследования в области миграционных процессов и их влияния на языковую политику могут предоставить ценные инсайты для разработки эффективных стратегий.

Таким образом, результаты данного исследования подчеркивают значимость русскоязычного телевизионного контента как фактора развития билингвизма в Таджикистане. Будущие исследования могут быть направлены на изучение конкретных механизмов внедрения и эффективного использования медиаресурсов в целях языковой политики, а также на оценку влияния различных типов контента на языковую компетенцию различных групп населения.

Примечание

¹ Формулировка «таджикско-русский» составлена исходя из позиционного принципа билингвизма 1-го и 2-го языка.

Список источников

1. Исследование Internews: медиапотребление в Таджикистане // Tribune. URL: <https://tribune.kz/issledovanie-internews-mediapotreblenie-v-tadzhikistane/>
2. Демешкина Т.А. Трансформация диалектной коммуникации под воздействием СМИ // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 29–33. doi: 10.17223/15617793/413/4
3. Добросклонская Т.Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник Московского государственного университета. 2005. № 3. С. 38–54.
4. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года. URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10
5. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=12 (дата обращения: 12.10.2023).
6. Нозимов А.А. Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы развития : дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе, 2010. 309 с.
7. Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года от 30 августа 2019 года. № 438. URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=134849 (дата обращения: 15.10.2023).
8. Зачем в Таджикистане популяризовать русский язык? URL: <https://pressa.tj/zachem-v-tadzhikistane-populyarizirovat-russkij-yazyk> (дата обращения: 15.10.2023).

9. Меркиш Н.Е. Мультимедийная культурно-языковая среда как фактор успешного овладения иностранным языком и иноязычной культурой // Иностранные языки в школе. 2015. № 8. С. 9–16.
10. Дмитриева Д.Д. Специфика использования кино и телевидения в процессе преподавания русского языка как иностранного // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10, № 2(35). С. 109–111.
11. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. URL: <https://www.stat.tj/ru/> (дата обращения: 15.10.2023).
12. Отчет по медиапотреблению в странах Центральной Азии. Париж. 2019. URL: <https://gem-report-2017.unesco.org/ru/home-ru/> (дата обращения: 15.10.2023).
13. Отчет по развитию телекоммуникаций в Таджикистане. Женева. URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/itu/> (дата обращения: 15.10.2023).
14. Хашимов Р.И. Двужычие и интерференция. Сущность, типология и функционирование. М. : Флинта, 2019. 318 с.
15. Katz E., Blumler J.G., Gurevitch M. Uses and Gratifications Research // Public Opinion Quarterly. 1973. № 37 (4). С. 509–523.
16. Добросклонская Т.Г. Языковые последствия информационной глобализации // Языки в современном мире : материалы X междунар. конф. М., 2012. С. 59–71.
17. Охват населения телерадиовещанием в Республике Таджикистан. URL: <https://ktr.tj/?q=node/117> (дата обращения: 15.10.2023).
18. Мавджи Сомон. URL: <http://www.mavjisomon.tj/> (дата обращения: 15.10.2023).
19. Комитет по телевидению и радио при Правительстве Республики Таджикистан. URL: <https://ktr.tj/> (дата обращения: 22.09.2023).
20. Россия сокращает финансирование трансляций в Таджикистане. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20150115/rossiya-rtr-sokrashchaet-finansirovanie-translyatsii-v-tadzhikistane> (дата обращения: 15.10.2023).
21. Internews в Таджикистане. URL: <https://media.tj/> (дата обращения: 15.10.2023).
22. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1996. 368 p.
23. Камышева С.Ю. Русский язык вне России как отражение языковой политики Российской Федерации // Русские исследования : междунар. науч.-практ. конф. Дели, 2017. С. 29–30.
24. Касымов А.К. Влияние иранских СМИ на языковую ситуацию в Таджикистане // Язык и культура. 2014. № 3. С. 45–52.
25. Encyclopædia Iranica. URL: <https://iranicaonline.org/articles/tajik-i-the-language> (дата обращения: 10.09.2023).
26. GEM Group. URL: https://hmong.ru/wiki/GEM_TV (дата обращения: 15.10.2023).
27. Давлатов М.А. Лингвокогнитивный анализ лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2020. 234 с.
28. Сафаров Х.Х. Место средств массовой информации России в информационном пространстве Республики Таджикистан : дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2013.
29. Хашимов Р.И., Шамбезода Х.Д. Судьба родного языка при билингвизме и многоязычии. Европейские языки // Историография, теория, история : межвуз. сб. науч. тр. Елец, 2009. Вып. 7. С. 279–288.
30. Федорова Л.Ю. Билингвизм в условиях глобализации: социологические аспекты // Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 12 (78). С. 159–163.

References

1. Tribune. (n.d.) Issledovanie Internews: mediapotreblenie v Tadjikistane [Internews Research: Media Consumption in Tajikistan]. *Tribune*. [Online] Available from: <https://tribune.kz/issledovanie-internews-mediapotreblenie-v-tadzhikistane/>
2. Demeshkina, T.A. (2016) The transformation of dialect communication under the mass media influence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 29–33. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/413/4
3. Dobrosklonskaya, T.G. (2005) Rol' SMI v dinamike yazykovykh protsessov [The Role of the Media in the Dynamics of Language Processes]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 38–54.
4. Republic of Tajikistan. (1994) *Konstitutsiya Respubliki Tadjikistan ot 6 noyabrya 1994 goda* [Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994]. [Online] Available from: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10
5. Demoskop weekly. (1989) Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po respublikam SSSR [All-Union Population Census of 1989. National composition of the population by the republics of the USSR]. *Demoskop weekly*. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=12 (Accessed: 12.10.2023).
6. Nozimov, A.A. (2010) *Yazykovaya situatsiya v sovremennom Tadjikistane: sostoyanie, osobennosti i perspektivy razvitiya* [Language situation in modern Tajikistan: state, features and development prospects]. Philology Dr. Diss. Dushanbe.
7. Republic of Tajikistan. (2019) *Gosudarstvennaya programma sovershenstvovaniya prepodavaniya i izucheniya russkogo i angliyskogo yazykov v Respublike Tadjikistan na period do 2030 goda ot 30 avgusta 2019 goda. № 438* [State program for improving the teaching and study of the Russian and English languages in the Republic of Tajikistan for the period up to 2030 of August 30, 2019. No. 438]. [Online] Available from: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=134849 (Accessed: 15.10.2023).
8. Pressa.tj. (2023) Zachem v Tadjikistane populyarizirovat' russkiy yazyk? [Why popularize the Russian language in Tajikistan?]. *Pressa.tj*. 28 August. [Online] Available from: <https://pressa.tj/zachem-v-tadzhikistane-populyarizirovat-russkiy-yazyk> (Accessed: 15.10.2023).
9. Merkish, N.E. (2015) Multimedijnaya kul'turno-yazykovaya sreda kak faktor uspehnogo ovladeniya inostrannym yazykom i inoyazychnoy kul'turoy [Multimedia cultural and linguistic environment as a factor in successful mastery of a foreign language and foreign language culture]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 8. pp. 9–16.
10. Dmitrieva, D.D. (2021) Spetsifika ispol'zovaniya kino i televideniya v protsesse prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Specifics of the use of cinema and television in the process of teaching Russian as a foreign language]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. 2–10 (35). pp. 109–111.
11. *Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjikistan* [Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan]. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.stat.tj/ru/> (Accessed: 15.10.2023).
12. Global Education Monitoring Report. (2019) *Otchet po mediapotrebleniyu v stranakh Tsentral'noy Azii* [Report on media consumption in Central Asian countries]. [Online] Available from: <https://gem-report-2017.unesco.org/ru/home-ru/> (Accessed: 15.10.2023).
13. International Telecommunication Union (n.d.) *Otchet po razvitiyu telekommunikatsiy v Tadjikistane* [Report on the development of telecommunications in Tajikistan]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/ecosoc/itu/> (Accessed: 15.10.2023).
14. Khashimov, R.I. (2019) *Dvuyazychie i interferentsiya. Sushchnost', tipologiya i funktsionirovanie* [Bilingualism and Interference. Essence, typology and functioning]. Moscow: Flinta.
15. Katz, E., Blumler, J.G. & Gurevitch, M. (1973) Uses and Gratifications Research. *Public Opinion Quarterly*. 37 (4). pp. 509–523.
16. Dobrosklonskaya, T.G. (2012) [Language consequences of information globalization]. *Yazyki v sovremennom mire* [Languages in the Modern World]. Proceedings of the 10th International Conference. Moscow. May 2012. Moscow: Moscow State University. pp. 59–71. (In Russian).
17. Committee on Television and Radio under the Government of the Republic of Tajikistan. (2018) Coverage of the population by television and radio broadcasting in the Republic of Tajikistan. [Online] Available from: <https://ktr.tj/?q=node/117> (Accessed: 15.10.2023). (In Tajik).
18. *Mavdzhisomon*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.mavjisomon.tj/> (Accessed: 15.10.2023).
19. Committee on Television and Radio under the Government of the Republic of Tajikistan. (n.d.) [Online] Available from: <https://ktr.tj/> (Accessed: 22.09.2023). (In Tajik).

20. Asia-Plus. (2015) Rossiya sokrashchaet finansirovanie translyatsiy v Tadjikistane [Russia cuts funding for broadcasts in Tajikistan]. *Asia-Plus*. [Online] Available from: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20150115/rossiya-rtr-sokrashchaet-finansirovanie-translyatsii-v-tadjikistane> (Accessed: 15.10.2023).
21. *Internews v Tadjikistane* [Internews in Tajikistan]. (n.d.) [Online] Available from: <https://media.tj/> (Accessed: 15.10.2023).
22. Huntington, S. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
23. Kamysheva, S.Yu. (2017) Russkiy yazyk vne Rossii kak otrazhenie yazykovoy politiki Rossiyskoy Federatsii [The Russian language outside Russia as a reflection of the language policy of the Russian Federation]. In: *Russkie issledovaniya* [Russian Studies]. Delhi: [s.n.]. pp. 29–30.
24. Kasymov, A.K. (2014) Vliyaniye iranskikh SMI na yazykovuyu situatsiyu v Tadjikistane [The influence of Iranian media on the language situation in Tajikistan]. *Yazyk i kul'tura*. 3. pp. 45–52.
25. *Encyclopædia Iranica*. (n.d.) [Online] Available from: <https://iranicaonline.org/articles/tajik-i-the-language> (Accessed: 10.09.2023).
26. *GEM Group*. (n.d.) [Online] Available from: https://hmgong.ru/wiki/GEM_TV (Accessed: 15.10.2023).
27. Davlatov, M.A. (2020) *Lingvokognitivnyy analiz leksiki intellektual'noy kharakteristiki cheloveka v tadjikskom i rusском yazykakh* [Lingvocognitive analysis of the vocabulary of intellectual characteristics of a person in the Tajik and Russian languages]. Philology Cand. Diss. Dushanbe.
28. Safarov, Kh.Kh. (2013) *Mesto sredstv massovoy informatsii Rossii v informatsionnom prostranstve Respubliki Tadjikistan* [The place of Russian mass media in the information space of the Republic of Tajikistan]. Philology Cand. Diss. Dushanbe.
29. Khashimov, R.I. & Shambezoda, Kh.D. (2009) Sud'ba rodnoy yazyka pri bilingvisme i mnogoyazychiy. Evropeyskie yazyki [The Fate of the Native Language in Bilingualism and Multilingualism. European Languages]. In: *Istoriografiya, teoriya, istoriya* [Historiography, Theory, History]. Vol. 7. Yelets: Bunin Yelets State University. pp. 279–288.
30. Fedorova, L.Yu. (2017) Bilingvizm v usloviyakh globalizatsii: sotsiologicheskie aspekty [Bilingualism in the context of globalization: sociological aspects]. *Voprosy teorii i praktiki*. 12 (78). pp. 159–163.

Информация об авторах:

Икромзода Х.И. — канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания и сравнительной типологии Таджикского национального университета (Душанбе, Таджикистан). E-mail: dalerti@mail.ru

Давлатов М.А. — канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания и сравнительной типологии Таджикского национального университета (Душанбе, Таджикистан). E-mail: muhiddin89@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kh.I. Ikromzoda, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan). E-mail: dalerti@mail.ru

M.A. Davlatov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan). E-mail: muhiddin89@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.07.2024;
одобрена после рецензирования 17.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 23.07.2024;
approved after reviewing 17.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.*

Научная статья
УДК 81'33
doi: 10.17223/15617793/510/4

Интонационные характеристики речи детей 8–9 лет с типичным развитием и умственной отсталостью

Мария Ильинична Павликова¹, Ольга Владимировна Фролова², Елена Евгеньевна Ляксо³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ m.pavlikova@spbu.ru

² o.v.frolova@spbu.ru

³ e.lyakso@spbu.ru

Аннотация. Исследование направлено на определение особенностей интонационных характеристик речи детей 8–9 лет с умственной отсталостью легкой степени и типичным развитием. Проведен перцептивный и спектрографический анализ речи детей. Выявлены различия в интонационных характеристиках речи типично развивающихся детей и детей с умственной отсталостью. Описаны способы реализации словесного и фразового ударения в речи детей 8–9 лет с умственной отсталостью и типичным развитием.

Ключевые слова: речь, интонационные характеристики, акустические характеристики, дети, типичное развитие, умственная отсталость легкой степени

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект РНФ № 22-45-02007).

Для цитирования: Павликова М.И., Фролова О.В., Ляксо Е.Е. Интонационные характеристики речи детей 8–9 лет с типичным развитием и умственной отсталостью // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 42–51. doi: 10.17223/15617793/510/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/4

Intonational characteristics of speech of 8–9-year-old children with typical development and intellectual disabilities

Mariya I. Pavlikova¹, Olga V. Frolova², Elena E. Lyakso³

^{1, 2, 3} St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ m.pavlikova@spbu.ru

² o.v.frolova@spbu.ru

³ e.lyakso@spbu.ru

Abstract. The study is aimed at determining the peculiarities of the intonation characteristics of the speech of 8–9-year-old children with intellectual disabilities and typical development. This work is part of the research of speech mastering in children with typical and atypical development in ontogenesis; individual intonation features of children are described. The study involved 10 children: five boys with typical development and five boys with intellectual disabilities. An auditory perceptual experiment to assess the emotionality, intelligibility of child speech and determine emphasized words in utterances (stressed words in the phrase) was conducted. The participants of the perceptual experiment were five adult Russian native speakers – researchers with experience in the field of child speech. A spectrographic analysis of children's speech was carried out in the Praat v.5.3.64 program. The number of words in utterances, the duration of utterances and vowels in words, the pitch values (average, maximum, minimum) were determined, and the pitch range values of utterances and stressed vowels in words were calculated. Differences in the intonation characteristics of the speech of typically developing children and children with intellectual disabilities were revealed. The individual features of the speech of children in each group were determined. The differences between groups of children with intellectual disabilities and typical development in speech intelligibility, the number of words in utterance, the speech rate, the duration of utterances and stressed vowels in words, and the pitch values of utterances were revealed. The ways of word and phrasal stress realization in the speech of the children with intellectual disabilities and typical development were described. Significant differences in the pitch range between words emphasized by intonation and other words in the utterance were not identified in children with intellectual disabilities. The analysis of the individual features of children's speech showed that phrasal stress in children with intellectual disabilities is not realized by the entire set of acoustic characteristics specific for the speech of typically developing peers.

Keywords: speech, intonation characteristics, acoustic characteristics, children, typical development, mild intellectual disabilities

Financial support: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-45-02007.

For citation: Pavlikova, M.I., Frolova, O.V. & Lyakso, E.E. (2025) Intonational characteristics of speech of 8–9-year-old children with typical development and intellectual disabilities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 42–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/4

Введение

Интонация позволяет различать смысловые оттенки высказываний и определять эмоциональное состояние говорящего. Интонация складывается из нескольких компонентов: частоты основного тона голоса, интенсивности, длительности и темпа, пауз, тембра. Все компоненты интонации, кроме пауз, обязательно присутствуют в высказывании и тесно взаимодействуют друг с другом [1]. Мелодика, т.е. динамическое изменение частоты основного тона высказывания или отдельных его элементов, служит для выражения коммуникативного типа высказывания – повествовательного, вопросительного, повелительного и незавершенного. Интенсивность вместе с мелодикой оформляет фразовое и логическое ударение, позволяя делить фразы на законченные смысловые отрезки (синтагмы) и делать акцент на отдельных словах [2]. Словесное ударение является средством фонетического объединения слова в одно целое за счет выделения одного из слогов в слове (ударного), который «подчиняет» остальные (безударные) [3]. Основными акустическими параметрами словесного ударения в русском языке считаются длительность и спектральные характеристики гласных [4]. Темп – скорость произнесения элементов речи, является индивидуальной характеристикой говорящего, может быть обусловлен ситуацией и эмоциональным состоянием. Пауза представляет собой перерыв в артикуляции (отсутствие звука). Тембр, акустическим коррелятом которого служит спектральная характеристика звука, используется для выражения эмоций и придания голосу специфического оттенка звучания [1].

Дети с типичным развитием (ТР) овладевают элементами интонации в соответствии с определенными закономерностями: первые интонации являются экспрессивными, выражающими эмоциональное состояние [5]. В обзоре [6] высказана точка зрения о том, что дети начинают контролировать некоторые характеристики интонации (частоту основного тона) после произнесения первых слов, но до появления комбинаций из двух слов. Работы других исследователей указывают, что уже в характеристиках плача новорожденных находят отражение интонационные паттерны языковой среды, и это обусловлено пренатальным слуховым опытом ребенка [7, 8]. Отмечают, что изменение интонационных характеристик младенческих вокализаций на протяжении первого года жизни связано с «познавательным» и двигательным развитием [9].

Данные об освоении детьми интонации свидетельствуют о том, что просодическое развитие подчинено когнитивному развитию категорий, которые интонация должна выражать, и поэтому является постепенным и нелинейным [10, 11]. Это развитие различно в

разных языках – у англоязычных детей в четырехлетнем возрасте наблюдается отсутствие взрослой ритмической структуры фразы, тогда как французскими детьми эта черта уже приобретена [12]. Англоговорящие дети начинают использовать просодию фразового ударения, подобную взрослой, в возрасте от 3 до 5 лет [13]. В более позднем исследовании на материале английского языка показано [14], что несмотря на то, что дети осваивают основные просодические средства к 5 годам, в младшем школьном возрасте интонация продолжает формироваться. Это касается понимания интонации собеседника (акцента на определенных словах или группах слов в высказывании) и использования интонации в собственной речи. В школьном возрасте продолжает формироваться ритмическая структура высказывания [15]. Отмечают, что исследования возрастной динамики интонационных характеристик спонтанной речи детей школьного возраста немногочисленны [15]. Существуют значимые индивидуальные различия между детьми при освоении интонации, а некоторые аспекты интонационной системы (данные для британского английского языка), вероятно, никогда не усваиваются или, по крайней мере, не используются постоянно даже взрослыми [14].

Для русскоговорящих детей показано, что словесное ударение начинает формироваться в начале 3-го года жизни ребенка [16]. В словах детей 4–5 лет длительность ударных гласных выше, чем безударных, причем разница между стационарной частью гласных и общей длительностью ударных гласных больше, чем безударных гласных [17]. Вопросительную интонацию русскоязычные дети осваивают в 2–3 года, повышение или понижение тона – в 3–4 года, логическое ударение – в 5 лет [18].

Нарушения интонации характерны для пациентов с расстройствами аутистического спектра, специфическими нарушениями речи, афазией, апраксией, нарушениями слуха, повреждениями головного мозга (например, обзор [19], синдром Дауна [20], умственная отсталость [21]).

Умственная отсталость (УО) – гетерогенная группа состояний, обусловленных врожденным или рано приобретенным (до 3 лет) недоразвитием психики с выраженной недостаточностью интеллекта: когнитивных, речевых, социальных способностей. Выделяют умственную отсталость легкой (F70), умеренной (F71), тяжелой (F72) и глубокой (F73) степени [22]. Причинами УО могут быть врожденные и средовые факторы, действующие во время внутриутробного развития, родов или в раннем возрасте [23, 24]. Умственная отсталость может быть связана с генетическими синдромами (синдром Дауна, Вильямса). Если УО не обусловлена установленными генетическими синдромами или диагнозом

«детский церебральный паралич», то говорят о «неспецифических» интеллектуальных нарушениях [25] или о «неуточненной этиологии» [26].

Развитие речи у УО детей протекает с выраженным опозданием и отклонением [27]. Дети с нарушением интеллекта начинают говорить на 2–3 года позже нормально развивающихся сверстников. Исследователи отмечают, что у 40% детей с УО первые слова появляются к концу третьего года жизни, у 70% происходит запаздывание в развитии речи [28]. Медленное формирование лексикона приводит к трудностям в понимании устной речи [29]. У детей с УО нарушена фонематическая сторона речи, искажена грамматика [25, 30]. Дети дошкольного возраста с УО легкой степени, в отличие от ТР детей, в диалогах с взрослыми практически не используют сложноподчиненные предложения и реплики, представленные несколькими предложениями [31].

В исследованиях с применением перцептивных экспериментов и инструментального акустического анализа речи детей показано, что взрослые носители языка хуже понимают смысл высказываний детей 5–7 лет с УО, чем их сверстников с ТР [31, 32]. При прослушивании высказываний детей с УО взрослые затрудняются с определением слов, на которые падает фразовое ударение [32]. Анализ акустических характеристик речи показал, что значения частоты основного тона (высоты голоса, ЧОТ), диапазона ЧОТ, длительности гласных у дошкольников с УО выше, чем у их сверстников с ТР [31–33]. Интонационно выделенные слова у детей с УО характеризуются более высокими значениями ЧОТ ударных гласных и большим разнообразием мелодических контуров, чем у детей с ТР [32]. Артикуляция у детей с УО дошкольного возраста менее четкая, чем у детей с ТР [31, 33].

Среди детей школьного возраста с легкими и умеренными интеллектуальными нарушениями высока распространенность речевых и языковых расстройств (71,3%) [34]. Младшие школьники с УО обладают большим пассивным словарем, чем активным, использование и понимание речи у них затруднено, характерны нарушения фонематической стороны речи: звуков, ударений, что делает речь малопонятной [30]. Описаны затруднения в фонологической обработке у детей школьного возраста с интеллектуальными нарушениями [26], приводящие, наряду с другими факторами – медленным развитием устной речи, дефицитом рабочей памяти – к проблемам при освоении навыка чтения [29]. Младшие и старшие школьники с УО неправильно используют интонационные средства речевой выразительности: темп и тембр, мелодику, логическое ударение. Их речь монотонна, бедна интонациями, засорена паузами и словами-паразитами, характерны повторения слов, ускорение или замедление темпа [35]. Данные о формировании интонационных характеристик речи школьников с УО, воспитывающихся в русскоязычной среде, основанные на инструментальном анализе речи, отсутствуют.

Настоящая работа является частью исследований, направленных на изучение становления в онтогенезе речи детей с типичным и атипичным развитием [36] и

посвящена описанию индивидуальных особенностей интонационных характеристик речи детей.

Цель работы – определить различия в интонационных характеристиках речи детей 8–9 лет с типичным развитием и умственной отсталостью легкой степени.

Методика исследования

В исследовании приняли участие 10 детей 8–9 лет: 5 детей (мальчики) с типичным развитием (группа ТР) и 5 детей (мальчики) с диагнозом умственная отсталость легкой степени (группа УО, интеллектуальные нарушения не связаны с генетическими синдромами и диагнозом «детский церебральный паралич»). В исследовании приняли участие мальчики, так как среди лиц мужского пола умственная отсталость встречается примерно в 1,5 раза чаще, чем среди лиц женского, особенно при легкой форме УО [37].

Аудиозаписи речи сделаны при тестировании детей по методике оценки эмоционального развития (CEDM) [38]. ТР детей записывали в общеобразовательной школе (г. Санкт-Петербург), детей с УО – в детском доме (г. Санкт-Петербург). Записи речи произведены на цифровой магнитофон «Marantz PMD660» с выносным микрофоном «SENNHEIZER e835S», поведения детей – на видеокамеру «SONY HDR–CX560E». Параметры звуковых файлов: частота дискретизации 48 000 Гц, разрядность 16 бит, формат аудиофайлов – WAV.

Для анализа выбраны реплики (высказывания) детей из модельной ситуации диалог с экспериментатором. Экспериментатор задавал ребёнку стандартные вопросы – о друзьях, школе, прогулках, посещении музеев, занятиях. Всего получено 285 высказываний детей ТР и 251 высказывание детей с УО. Реплики были как односложные, например ответ «Да», так и включали развернутые ответы из 1–3 предложений.

Использованы два метода анализа детской речи: перцептивный эксперимент и инструментальный анализ.

1. В *перцептивном эксперименте* приняли участие 5 взрослых аудиторов – исследователей с опытом работы (более 7 лет) с детской речью (средний возраст 38 ± 4 лет). Аудиторы прослушивали по 10 высказываний каждого ребенка и заполняли анкету, в которой оценивали эмоциональность высказывания (эмоции выражены / эмоции не выражены), тип предложения (повествовательное, вопросительное, восклицательное, незавершенное), отмечали, понятно высказывание или нет (оценивали разборчивость речи ребенка). Для каждого высказывания ребенка аудиторы указывали интонационно выделенные слова, т.е. слова, на которые ребенок делал фразовое ударение. Для каждого слова считали вероятность его отнесения аудиторами к интонационно выделенному слову. За интонационно выделенные слова принимали те, для которых вероятность ответов аудиторов составляла 0,6 и выше, т.е. минимум 60% аудиторов отметили данное слово как интонационно выделенное.

2. *Инструментальный анализ* высказываний детей проводился в программе Praat v.5.3.64 (www.praat.org). Определяли показатели: число слов в высказываниях;

длительность высказываний; темп речи (фонем/с) – отношение количества всех фонем в словах к длительности высказывания; длительность ударных и безударных гласных в словах; среднее, минимальное и максимальное значение ЧОТ высказывания; значения диапазона ЧОТ высказывания, как разность между максимальным и минимальным значением ЧОТ высказывания; среднее, минимальное и максимальное значение ЧОТ гласных в словах; значения диапазона ЧОТ ударных гласных как разность между максимальным и минимальным значением ЧОТ ударных гласных.

Для описания особенностей фразового ударения у детей с ТР и детей с УО сравнивали характеристики слов, отнесенных аудиторами к интонационно выделенным, и других слов в высказывании; для описания словесного ударения – характеристики ударных и безударных (предударных и заударных) гласных в словах.

Полученные данные обрабатывали статистически (в программном пакете Statistica 12). Осуществляли анализ данных с использованием корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона), дисперсионного анализа (ANOVA), апостериорного сравнения групповых средних (post-hoc сравнение методом LSD Фишера) и методов непараметрической статистики (критерий разности долей, метод Краскела–Уоллиса).

Исследование проведено при поддержке Этического Комитета СПбГУ.

Результаты

1. *Перцептивный анализ* реплик детей показал, что разборчивость речи детей с УО значимо ниже, чем речи детей с ТР (тест равенства долей: $p < 0,001$). Смысл высказываний детей с ТР понятен аудиторам в 98,4% случаев, детей с УО – в 72,0% случаев. При этом все высказывания одного ребенка с УО (Ант., 8 лет) были понятны аудиторам, т.е., по данному показателю ребенок не отличался от группы детей с ТР.

В табл. 1 представлены индивидуальные характеристики речи детей согласно ответам аудиторов.

По количеству эмоциональных высказываний между группами детей достоверные различия не выявлены. Все дети в диалоге использовали в основном повествовательные предложения (89,2% высказываний детей с ТР; 79,2% высказываний детей с УО). Дети с УО чаще, чем ТР дети, произносили восклицательные предложения (17,2 и 10,4% соответственно). Вопросительные и незавершенные предложения у детей встречались в единичных случаях (менее 10% в обеих группах) (см. табл. 1).

Согласно ответам аудиторов, количество интонационно выделенных слов в высказываниях у детей с УО и ТР не различается (тест Краскела–Уоллиса: $H(1, N = 100) = 1,358$ $p = 0,244$). Вероятность отнесения слов к интонационно выделенным у детей с УО составила 0,71, у детей с ТР – 0,76. У одного ребенка с УО (Андр., 8 лет) точность определения интонационно выделенных слов превышала остальных детей с УО и составила 0,90 (ANOVA, LSD тест: $p < 0,05$).

2. *Инструментальный анализ* показал, что речь детей с ТР и детей с УО отличается по ряду показателей: числу слов в высказываниях, темпу речи (рис. 1), длительности высказываний, длительности гласных в словах (см. табл. 2).

Число слов в высказываниях детей с ТР больше, чем в высказываниях детей с УО (рис. 1, а) (тест Краскела–Уоллиса: $H(1, N = 100) = 22,386$ $p < 0,001$). У детей с ТР среднее число слов в высказывании – 11 ± 8 (среднее $\pm$ стандартное отклонение), у детей с УО – 5 ± 3 слов. Один ребенок группы ТР (П., 9 лет) и один ребенок с УО (Д., 9 лет) использовали по 7 ± 1 слов в реплике.

Темп речи детей с ТР значительно выше, чем у детей с УО (рис. 1, б) (тест Краскела–Уоллиса: $H(1, N = 100) = 29,034$ $p < 0,001$). Темп речи у детей с ТР составляет $9,2 \pm 2,4$ фонем/с, у детей с УО – $6,3 \pm 1,7$ фонем/с. У одного ребенка с УО (Ант., 8 лет) темп речи соответствует темпу речи детей с ТР.

Длительность высказываний детей с ТР выше, чем длительность высказываний детей с УО ($H(1, N = 537) = 69,065$ $p < 0,001$) при большой индивидуальной вариативности (табл. 2).

Таблица 1

Количество ответов аудиторов на вопросы анкеты при прослушивании высказываний детей, %

Группа детей	Дети	Смысл понятен	Эмоции выражены	Повествовательные	Вопросительные	Восклицательные	Неоконченные
ТР	А., 8 лет	98	64	74	0	24	2
ТР	Р., 8 лет	96	68	90	10	8	4
ТР	С., 8 лет	100	36	94	0	8	4
ТР	М., 9 лет	100	50	92	2	8	4
ТР	П., 9 лет	98	40	96	0	4	8
Среднее для ТР		98,4	51,6	89,2	2,4	10,4	4,4
УО	Андр., 8 лет	92	60	70	2	28	4
УО	Ант., 8 лет	100	22	96	4	2	2
УО	Э., 8 лет	52	66	70	4	28	2
УО	Д., 9 лет	70	66	74	10	14	8
УО	Я., 9 лет	46	42	86	0	14	8
Среднее для УО		72,0	51,2	79,2	4,0	17,2	4,8

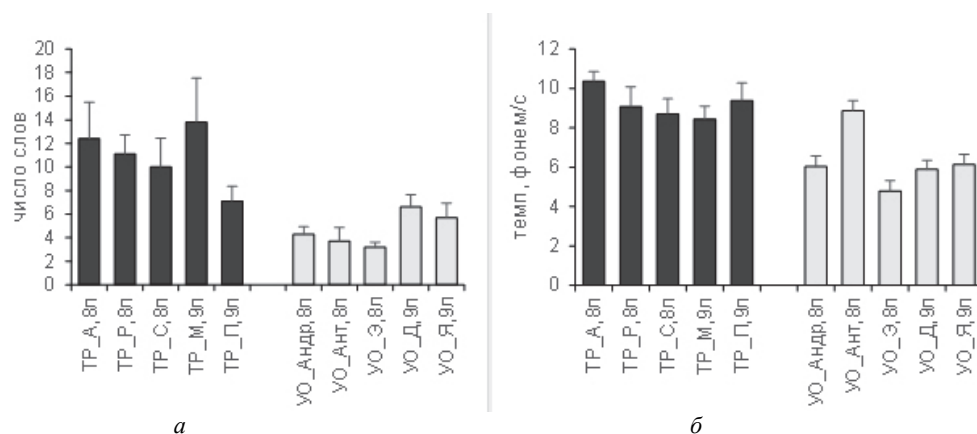

Рис. 1. Число слов в высказываниях детей и темп речи детей. По оси абсцисс – условное обозначение ребенка, по оси ординат: а – число слов в реплике, б – темп, фонем/с (Условные обозначения для каждого ребенка – группа; метка имени и возраст. Черный цвет – данные по детям с ТР; серый – по детям с УО; ошибка среднего)

Таблица 2

Число высказываний и их длительность у детей с ТР и с УО

Группа детей	Дети	Число высказываний	Длительность, с			
			Среднее	Станд. откл.	Минимальная	Максимальная
ТР	А., 8 лет	52	5,243	5,316	0,664	24,875
ТР	Р., 8 лет	53	3,775	4,213	0,414	26,364
ТР	С., 8 лет	51	5,829	6,597	0,637	38,362
ТР	М., 9 лет	43	5,618	6,054	0,523	30,947
ТР	П., 9 лет	87	3,106	3,297	0,252	16,370
Среднее для ТР		57	4,714	5,095	0,498	27,384
УО	Андр., 8 лет	41	2,042	1,910	0,313	10,354
УО	Ант., 8 лет	39	1,541	1,580	0,323	8,304
УО	Э., 8 лет	95	1,700	2,343	0,313	15,839
УО	Д., 9 лет	47	2,757	2,619	0,525	9,657
УО	Я., 9 лет	29	1,792	1,355	0,637	5,483
Среднее для УО		50	1,966	1,961	0,422	0,927

Длительность гласных в словах детей с ТР составляет 115 ± 3 мс для ударных и 78 ± 2 мс для безударных гласных; у детей с УО средняя длительность ударных гласных – 161 ± 107 мс, безударных – 107 ± 22 мс. Различия по длительности гласных между группами детей с ТР и УО достоверны: $H(1, N = 595) = 92,012$ $p < 0,001$ для ударных гласных и $H(1, N = 513) = 71,986$ $p < 0,001$ для безударных гласных.

У ребенка Ант., 8 лет (УО) длительность гласных самая короткая среди детей с УО и соответствует значениям детей с ТР.

Корреляция темпа речи и длительности ударных гласных высокая – 0,88 ($p = 0,001$), для безударных гласных – 0,80 ($p = 0,005$). Таким образом, медленный темп речи детей с УО связан с увеличением длительности гласных в словах.

У детей с ТР и детей с УО ударные гласные в словах имеют достоверно большую длительность, чем предударные, – у всех детей (ANOVA: LSD-test: $p < 0,01$ – ТР дети; $p < 0,05$ – дети с УО), большую длительность, чем заударные, – у четырех детей с ТР (за исключением Р., 8 лет) и четырех детей с УО (за исключением Я., 9 лет) ($p < 0,05$) (рис. 2).

Выявлены различия между группами детей по значениям средней ЧОТ высказывания: у детей с УО значения выше (270 ± 18 Гц), чем у ТР детей (244 ± 12 Гц) ($H(1, N = 100) = 23,998$, $p < 0,001$); по значениям минимальной ЧОТ высказываний: у детей с УО – 215 ± 25 Гц, у детей с ТР – 187 ± 19 Гц. По значениям максимальной ЧОТ высказываний группы детей не различаются (рис. 3).

По диапазону ЧОТ высказываний дети различаются между собой, групповые различия не выявлены. Значения диапазона ЧОТ высказываний детей с ТР – 153 ± 53 Гц, детей с УО – 131 ± 54 Гц. Наименьшая (105 ± 46 Гц) и наибольшая (206 ± 50 Гц) вариативности ЧОТ обнаружены у детей с ТР (С., 8 лет и Р., 8 лет соответственно).

Фразовое ударение может сопровождаться увеличением диапазона ЧОТ на ударном гласном интонационно выделенного слова по сравнению с другими словами высказывания. Такой способ фразового ударения зафиксирован у четырех детей с ТР (за исключением П., 9 лет) (табл. 3). Достоверные различия между интонационно выделенными и другими словами высказывания по диапазону ЧОТ обнаружены у трех детей с ТР – за счет подъема тона на интонационно выделен-

ном слове, у двух ТР детей – при падении тона на интонационно выделенном слове (тест Краскела–Уоллиса: $p < 0,05$).

Достоверные различия между интонационно выделенными и другими словами в высказывании по диапазону ЧОТ у детей с УО не обнаружены.

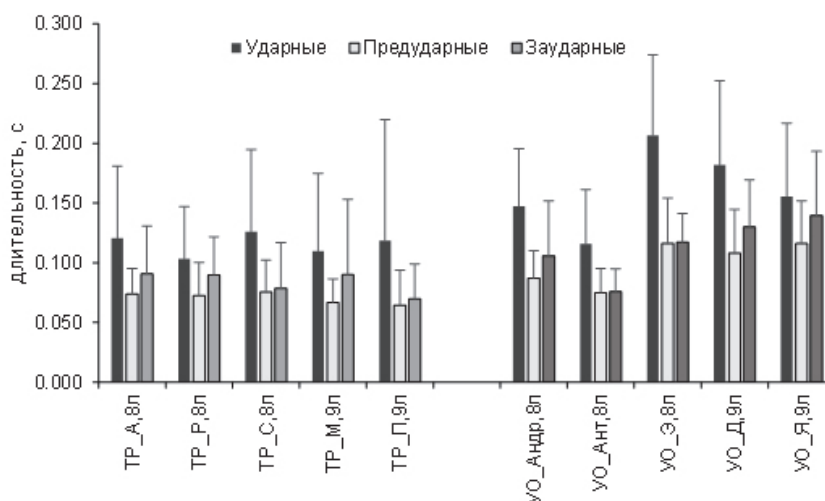

Рис. 2. Длительность ударных, предударных и заударных гласных в словах детей с ТР и УО. По оси абсцисс – условное обозначение ребенка (см. на рис. 1); по оси ординат – длительность, с. Черный цвет – длительность ударных гласных, светло-серый – предударных, темно-серый – заударных гласных в словах детей; стандартное отклонение)

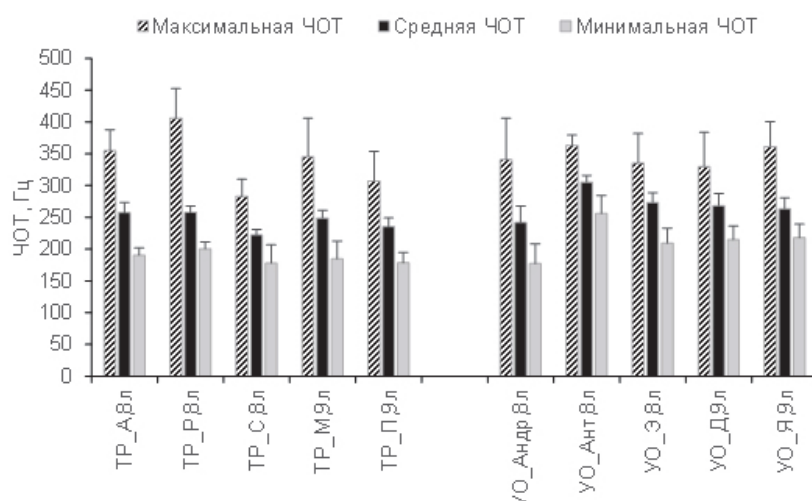

Рис. 3. Значения ЧОТ высказываний у детей с ТР и УО. По оси абсцисс – условное обозначение ребенка (как на рис. 1), по оси ординат – ЧОТ, Гц (Штриховка – максимальные значения ЧОТ, черный цвет – средние значения ЧОТ, серый – минимальные значения ЧОТ; стандартное отклонение)

Таблица 3
Различия между интонационно выделенными и другими словами в высказываниях детей по значениям диапазона ЧОТ и длительности ударных гласных

Группа детей	Дети	Диапазон ЧОТ		Длительность
		Подъем ЧОТ	Спадание ЧОТ	
ТР	А., 8 лет	–	*	–
ТР	Р., 8 лет	***	–	**
ТР	С., 8 лет	**	*	***
ТР	М., 9 лет	*	–	***
ТР	П., 9 лет	–	–	**
УО	Андр., 8 лет	–	–	–
УО	Ант., 8 лет	–	–	**
УО	Э., 8 лет	–	–	–
УО	Д., 9 лет	–	–	**
УО	Я., 9 лет	–	–	–

Примечание. Тест Краскела–Уоллиса: *** – $p < 0,001$; ** – $p < 0,01$; * – $p < 0,05$; «–» – отсутствие достоверных различий.

Другой способ фразового ударения реализуется за счет увеличения длительности ударного гласного в интонационно выделенном слове, что встречается у четырех детей с ТР и у двух детей с УО (табл. 3).

Обсуждение результатов

В работе выявлены различия в интонационных характеристиках речи детей с ТР и детей с УО. Получены данные, свидетельствующие о том, что в возрасте 8–9 лет речь детей с УО отличается от речи детей с ТР по ряду характеристик, определенных на основе перцептивного и инструментального анализа.

В диалогах со взрослыми дети с ТР употребляют главным образом повествовательные предложения, смысл которых практически всегда понятен. Дети с УО чаще, чем дети с ТР, используют восклицательные предложения. Разборчивость речи детей с УО ниже, чем детей с ТР. Полученные данные согласуются с результатами исследования, участниками которого были дети 5–7 лет с легкой УО, в котором было показано, что разборчивость речи дошкольников с УО ниже, чем речи детей с ТР. Аудиторы определяли высказывания детей с УО 5–7 лет как более эмоциональные, чем высказывания детей с ТР [32]. Согласно результатам другого исследования, эксперты с опытом работы с детьми с нарушениями развития лучше распознавали эмоциональные состояния – печаль, гнев и спокойное (нейтральное) состояние, по речи дошкольников с УО, чем по речи их типично развивающихся сверстников [31]. В нашем исследовании с участием детей 8–9 лет не выявлено достоверных различий между группами детей с УО и ТР по количеству эмоциональных высказываний, что может свидетельствовать о возрастной динамике данного показателя речи детей с УО.

Инструментальный анализ показал, что специфика речи детей с УО – использование коротких фраз, низкий темп речи и высокие значения длительности гласных в словах. Повышенная длительность гласных – стабильный признак, который проявляется в речи детей с УО младшего возраста [31, 32] и у детей более старшего возраста, участвующих в исследовании. Значения длительности гласных в словах детей с УО 5–7 лет [32] выше, чем в словах детей 8–9 лет. Указывают, что темп речи детей с УО может быть как замедленным, так и ускоренным [35], что, по-видимому, отражает широкий диапазон индивидуальных различий характеристик речи детей с УО. В нашем исследовании речи детей с УО 8–9 лет показано снижение темпа по сравнению с нормой, выявлена корреляция темпа речи и длительности гласных.

Сравнение характеристик ударных и безударных гласных в словах детей позволило заключить, что словесное ударение у детей 8–9 лет с УО и ТР реализуется за счет повышения длительности ударного гласного, что является релевантным признаком для русского языка. Различия в длительности ударных и безударных гласных были выявлены в словах только 50% детей младшего возраста с УО [32].

Значения ЧОТ (средние и минимальные) высказываний детей с УО выше, чем соответствующие значения ЧОТ высказываний детей с ТР. Эти данные согласуются с результатами исследования, полученными для детей младшего возраста [31, 32], что может свидетельствовать о стабильности данного признака. Сравнение с ранее полученными данными показало, что в возрасте 5–7 лет дети с УО и ТР значимо различались по значениям диапазона ЧОТ высказываний [32], к 8–9-летнему возрасту достоверных различий по данному показателю между группами детей с ТР и УО не выявлено.

В исследовании показано, что способы выделения ударных слов в предложении за счет изменения ЧОТ и/или длительности ударных гласных, свойственные детям с ТР, практически не встречаются у детей с УО. В речи дошкольников с УО были выявлены достоверные различия между интонационно выделенными и, другими словами, в высказывании, за счет повышенной длительности ударных гласных и значимого изменения ЧОТ на ударных гласных [39]. В высказывании младших школьников с УО интонационно выделенное слово характеризуется увеличением длительности ударного гласного (в речи двух детей). Выраженность признаков, выявленных для интонационно выделенных слов [32], к возрасту 8–9 лет уменьшается, что соответствует уменьшению точности распознавания аудитором интонационно выделенных слов в высказываниях детей обеих групп. Вероятно, в возрасте 8–9 лет происходит начало формирования новых способов производства ударения в предложениях, присущих русскому языку. Такими способами могут являться изменение ЧОТ на ударном слоге, повышенная длительность ударных гласных интонационно выделенных слов, более четкое их произнесение с повышенной интенсивностью [40].

Анализ индивидуальных особенностей каждого ребенка позволил заключить, что в речи детей с легкой умственной отсталостью не во всех случаях реализуется выявленная совокупность признаков. Так, речь ребенка Ант., 8 лет из группы УО характеризуется высокой разборчивостью и нормальным темпом речи, низкими значениями длительности ударных гласных (по этим показателям речь ребенка соответствует речи детей с типичным развитием), при этом значения ЧОТ высказываний данного ребенка максимальны.

Таким образом, по сравнению с младшим возрастом к 8–9 годам у детей с умственной отсталостью легкой степени сохраняется большая длительность гласных, медленный темп речи; высокие значения средней и минимальной ЧОТ высказываний. Значения диапазона ЧОТ высказываний снижаются по сравнению с младшим возрастом и соответствуют значениям диапазона ЧОТ высказываний детей с ТР. Словесное ударение, характерное для русского языка реализуется за счет повышения длительности ударных гласных.

Заключение

Полученные в ходе работы результаты позволили выявить различия между группами детей с умственной отста-

лостью лёгкой степени и типичным развитием по показателям: разборчивость речи, количество слов в высказываниях, темп речи, длительность высказываний и ударных гласных, значения частоты основного тона высказываний.

Список источников

1. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М. : Высшая школа, 1979. 312 с.
2. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 176 с.
3. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. 199 с.
4. Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский язык. Фонетика : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2023. 380 с.
5. Лепская Н.И. Доречевая стадия развития ребенка и ее роль в становлении аспектов, форм и средств коммуникации // Детская речь: Лингвистический аспект. СПб. : Образование, 1992. С. 39–49.
6. Snow D., Balog H.L. Do children produce the melody before the words? A review of developmental intonation research. // *Lingua*. 2002. Vol. 112, Is. 12. P. 1025–1058.
7. Prochnow A., Erlandsson S., Hesse V., Wermke K. Does a 'musical' mother tongue influence cry melodies? A comparative study of Swedish and German newborns // *Music & Science*. 2019. Vol. 23, Is. 2. P. 143–156.
8. Wermke K., Ruan Yu., Feng Yu., Dobnig D., Stephan S., Wermke P. et al. Fundamental frequency variation in crying of Mandarin and German neonates // *Journal of Voice*. 2017. Vol. 31, № 2. P. 255.e25–255.e30.
9. Ушакова Т.Н. Природа осмысленности слова. М. : Ин-т психологии РАН, 2019. 248 с.
10. Martel K. Mutual knowledge and prosody in young children // *Speech Prosody*. 2002. P. 479–482.
11. Liu, Götz A., Lorette P., Tyler M.D. How tone, intonation and emotion shape the development of infants' fundamental frequency perception // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Art. No. 906848.
12. Watson I. The Acquisition of Prosody in Speech Production: English and French: Project Report. 1998.
13. Jannedy S. Acquisition of narrow focus prosody // *Proceedings of the GALA '97 conference: Language Acquisition, Knowledge Representation & Processing*. 1997.
14. Wells B., Peppé S., Goulondris N. Intonation development from five to thirteen // *Journal of Child Language*. 2004. Vol. 31, Is. 4. P. 749–778.
15. Kallay J.E., Dilley L., Redford M.A. Prosodic development during the early school-age years // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2022. Vol. 65, Is. 11. P. 4025–4046.
16. Lyakso E.E., Gromova A.D., Frolova O.V., Romanova O.D. Acoustic aspects of the formation of speech in children in the third year of life // *Neuroscience and Behavioral Physiology*. 2005. Vol. 35, Is. 6. P. 573–583.
17. Lyakso E., Gromova A. The acoustic characteristics of Russian vowels in children of 4 and 5 years of age // *Psychology of Language and Communication*. 2005. Vol. 9, Is. 2. P. 5–14.
18. Михальчева Л.Г. Роль интонации в понимании смысла текста у детей с общим недоразвитием речи. Специальная педагогика и психология: традиции и инновации. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2019. С. 212–216.
19. Kalathottukaren R., Purdy S.C., Ballard E. Behavioral measures to evaluate prosodic skills: A review of assessment tools for children and adults // *Issues in Communication Science and Disorders*. 2015. Vol. 42, Is. 7. P. 444–452.
20. López-Riobóo E., Martínez-Castilla P. Prosodic skills in Spanish-speaking adolescents and young adults with Down syndrome // *International Journal of Language & Communication Disorders*. 2023.
21. Shriberg L.D., Widder C.J. Speech and prosody characteristics of adults with mental retardation // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 1990. Vol. 33, Is. 4. P. 627–653.
22. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. 10-й пересмотр. МКБ-10. Классификация психических и поведенческих расстройств. ВОЗ. СПб. : Адис, 1994. 304 с.
23. Huang J., Zhu T., Qu Yi, Mu D. Prenatal, perinatal and neonatal risk factors for intellectual disability: A systemic review and meta-analysis // *PLoS One*. 2016. Vol. 11, Is. 4. Art. No. e0153655.
24. Исаев Д.Н. Умственная отсталость у детей и подростков. СПб. : Речь, 2003. 391 с.
25. Polišenská K., Kapalková S., Novotková M. Receptive language skills in Slovak-speaking children with intellectual disability: understanding words, sentences, and stories // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2018. Vol. 61, Is. 7. P. 1731–1742.
26. Schuchardt K., Maehler C., Hasselhorn M. Functional deficits in phonological working memory in children with intellectual disabilities // *Research In Developmental Disabilities*. 2011. Vol. 32, Is. 5. P. 1934–1940.
27. Каширская Т.И. Взаимосвязь мышления и речи у умственно отсталых подростков // *Перспективы науки и образования*. 2017. № 2 (26). С. 52–54.
28. Морозова Н.Л., Несяева Т.С. Особенности связной речи умственно отсталых дошкольников // *Новая наука: психолого-педагогический подход*. 2017. № 3. С. 101–103.
29. Pezzino A.S., Marec-Breton N., Lacroix A. Acquisition of reading and intellectual development disorder // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2019. Vol. 48, Is. 3. P. 569–600.
30. Шаповалова О.Е. Современное состояние проблемы развития речи у школьников с нарушением интеллекта // *Обучение и воспитание: методики и практика 2016/2017 учебного года* / под. ред. С.С. Чернова. Новосибирск : Центр развития научного сотрудничества, 2017. С. 43–49.
31. Frolova O., Nikolaev A., Grave P., Lyakso E. Speech features of children with mild intellectual disabilities // *ICMI '23 Companion – Companion Publication of the 25th International Conference on Multimodal Interaction*. New York : Association for Computing Machinery, 2023. P. 406–413.
32. Павликова М.И., Фролова О.В., Ляксо Е.Е. Интонационные характеристики речи детей с умственной отсталостью // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 462. С. 31–39. doi: 10.17223/15617793/462/4
33. Ляксо Е.Е., Фролова О.В., Григорьев А.С., Городный В.А. Сравнительный анализ характеристик голоса и речи детей типично развивающихся, с расстройствами аутистического спектра, синдромом Дауна и умственной отсталостью // *Речевые технологии*. 2018. № 1-2. С. 50–62.
34. Memisevic H., Hadzic S. Speech and language disorders in children with intellectual disability in Bosnia and Herzegovina // *Disability, CBR and Inclusive Development*. 2013. Vol. 24, Is. 2. P. 92–99.
35. Аксенова А.К., Якубовская Э.В. Развитие связной устной речи у умственно отсталых учащихся на специальных уроках // *Дефектология*. 1987. № 6. С. 32–37.
36. Ляксо Е.Е., Фролова О.В., Гречаный С.В., Матвеев Ю.Н., Верхоляк О.В., Карпов А.А. Голосовой портрет ребенка с типичным и атипичным развитием. СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2020. 204 с.
37. Пашковский В.Э., Макаров И.В., Автениук А.С. Умственная отсталость у детей и подростков: Клинические рекомендации. СПб. : Министерство здравоохранения Российской Федерации, 2021. 52 с.

38. Lyakso E., Frolova O., Kleshnev E., Ruban N., Mekala A.M., Arulalan K.V. Approbation of the child's emotional development method (CEDM) // Companion Publication of the 2022 International Conference on Multimodal Interaction (ICMI '22 Companion). New York : Association for Computing Machinery, 2022. P. 201–210.
39. Павликова М.И. Интонационные характеристики речи детей младшего школьного возраста в норме и с умственной отсталостью // Сборник Трудов XXXV сессии Российского акустического общества. М. : ГЕОС, 2023. С. 142–147.
40. Шевцова Е.Е., Забродина Л.В. Технологии формирования интонационной стороны речи. М. : АСТ: Астрель, 2009. 222 с.

References

1. Zinder, L.R. (1979) *Obshchaya fonetika* [General Phonetics]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Svetozarova, N.D. (1982) *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [Intonation System of the Russian Language]. Leningrad: Leningrad State University.
3. Bondarko, L.V. (1981) *Foneticheskoye opisaniye yazyka i fonologicheskoye opisaniye rechi* [Phonetic Description of Language and Phonological Description of Speech]. Leningrad: Leningrad State University.
4. Knyazev, S.V. & Pozharitskaya, S.K. (2023) *Sovremennyy russkiy yazyk. Fonetika* [Modern Russian Language. Phonetics]. Moscow: Yurait.
5. Lepskaya, N.I. (1992) Dorechevaya stadiya razvitiya rebenka i ee rol v stanovlenii aspektov, form i sredstv kommunikatsii [Pre-speech Stage of Child Development and Its Role in the Formation of Aspects, Forms and Means of Communication]. In: *Detskaya rech: Lingvisticheskiy aspekt* [Child Speech: Linguistic Aspect]. Saint Petersburg: Obrazovaniye. pp. 39–49.
6. Snow, D. & Balog, H.L. (2002) Do children produce the melody before the words? A review of developmental intonation research. *Lingua*. 112 (12). pp. 1025–1058.
7. Prochnow, A., Erlandsson, S., Hesse, V. & Wermke, K. (2019) Does a 'musical' mother tongue influence cry melodies? A comparative study of Swedish and German newborns. *Music & Science*. 23 (2). pp. 143–156.
8. Wermke, K., Ruan, Yu., Feng, Yu., Dobnig, D., Stephan, S. & Wermke, P. et al. (2017) Fundamental frequency variation in crying of Mandarin and German neonates. *Journal of Voice*. 31 (2). pp. 255.e25–255.e30.
9. Ushakova, T.N. (2019) *Priroda osmyslennosti slova* [The Nature of Word Meaningfulness]. Moscow: RAS Institute of Psychology.
10. Martel, K. (2002) Mutual knowledge and prosody in young children. *Speech Prosody*. pp. 479–482.
11. Liu, Götz, A., Lorette, P. & Tyler, M.D. (2022) How tone, intonation and emotion shape the development of infants' fundamental frequency perception. *Frontiers in Psychology*. 13. Art. No. 906848.
12. Watson, I. (1998) *The Acquisition of Prosody in Speech Production: English and French*: Project Report.
13. Jannedy, S. (1997) Acquisition of narrow focus prosody. *Proceedings of the GALA '97 conference: Language Acquisition, Knowledge Representation & Processing*.
14. Wells, B., Peppé, S. & Goulondris, N. (2004) Intonation development from five to thirteen. *Journal of Child Language*. 31 (4). pp. 749–778.
15. Kallay, J.E., Dille, L. & Redford, M.A. (2022) Prosodic development during the early school-age years. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 65 (11). pp. 4025–4046.
16. Lyakso, E.E., Gromova, A.D., Frolova, O.V. & Romanova, O.D. (2005) Acoustic aspects of the formation of speech in children in the third year of life. *Neuroscience and Behavioral Physiology*. 35 (6). pp. 573–583.
17. Lyakso, E. & Gromova, A. (2005) The acoustic characteristics of Russian vowels in children of 4 and 5 years of age. *Psychology of Language and Communication*. 9 (2). pp. 5–14.
18. Mikhacheva, L.G. (2019) Rol intonatsii v ponimani smysla teksta u detey s obshchim nedorazvitiem rechi [The Role of Intonation in Text Comprehension in Children with General Speech Underdevelopment]. In: *Spetsialnaya pedagogika i psikhologiya: traditsii i innovatsii* [Special Pedagogy and Psychology: Traditions and Innovations]. Moscow: MPSU. pp. 212–216.
19. Kalathottukaren, R., Purdy, S.C. & Ballard, E. (2015) Behavioral measures to evaluate prosodic skills: A review of assessment tools for children and adults. *Issues in Communication Science and Disorders*. 42 (7). pp. 444–452.
20. López-Riobóo, E. & Martínez-Castilla, P. (2023) Prosodic skills in Spanish-speaking adolescents and young adults with Down syndrome. *International Journal of Language & Communication Disorders*.
21. Shriberg, L.D. & Widder, C.J. (1990) Speech and prosody characteristics of adults with mental retardation. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 33 (4). pp. 627–653.
22. WHO. (1994) *Mezhdunarodnaya statisticheskaya klassifikatsiya bolezney i problem, svyazannykh so zdorov'em. 10-y peresmotr. MKB-10. Klassifikatsiya psikhicheskikh i povedencheskikh rasstroystv. VOZ* [International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems. 10th Revision. ICD-10. Classification of Mental and Behavioral Disorders. WHO]. Saint Petersburg: Adis.
23. Huang, J., Zhu, T., Qu, Yi. & Mu, D. (2016) Prenatal, perinatal and neonatal risk factors for intellectual disability: A systemic review and meta-analysis. *PLoS One*. 11 (4). Art. No. e0153655.
24. Isaev, D.N. (2003) *Umstvennaya otstalost u detey i podrostkov* [Intellectual Disability in Children and Adolescents]. Saint Petersburg: Rech'.
25. Polišenská, K., Kalkovská, S. & Novotková, M. (2018) Receptive language skills in Slovak-speaking children with intellectual disability: understanding words, sentences, and stories. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 61 (7). pp. 1731–1742.
26. Schuchardt, K., Maehler, C. & Hasselhorn, M. (2011) Functional deficits in phonological working memory in children with intellectual disabilities. *Research In Developmental Disabilities*. 32 (5). pp. 1934–1940.
27. Kashirskaya, T.I. (2017) Vzaimosvyaz myshleniya i rechi u umstvenno otstalykh podrostkov [The Relationship Between Thinking and Speech in Adolescents with Intellectual Disabilities]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2 (26). pp. 52–54.
28. Morozova, N.L. & Nesyaeva, T.S. (2017) Osobennosti svyaznoy rechi umstvenno otstalykh doskolnikov [Features of Coherent Speech in Preschool Children with Intellectual Disabilities]. *Novaya nauka: psikhologo-pedagogicheskiy podkhod*. 3. pp. 101–103.
29. Pezzino, A.S., Marec-Breton, N. & Lacroix, A. (2019) Acquisition of reading and intellectual development disorder. *Journal of Psycholinguistic Research*. 48 (3). pp. 569–600.
30. Shapovalova, O.E. (2017) Sovremennoye sostoyaniye problemy razvitiya rechi u shkolnikov s narusheniyem intellekta [Current State of the Problem of Speech Development in Schoolchildren with Intellectual Disabilities]. In: Chernov, S.S. (ed.) *Obucheniye i vospitaniye: metodiki i praktika 2016/2017 uchebnogo goda* [Teaching and Education: Methods and Practice of the 2016/2017 Academic Year]. Novosibirsk: Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva. pp. 43–49.
31. Frolova, O., Nikolaev, A., Grave, P. & Lyakso, E. (2023) Speech features of children with mild intellectual disabilities. In: *ICMI '23 Companion – Companion Publication of the 25th International Conference on Multimodal Interaction*. New York: Association for Computing Machinery. pp. 406–413.
32. Pavlikova, M.I., Frolova, O.V. & Lyakso, E.E. (2021) Intonation Characteristics of Speech in Children with Intellectual Disabilities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 462. pp. 31–39. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/462/4
33. Lyakso, E.E., Frolova, O.V., Grigoryev, A.S. & Gorodnyy, V.A. (2018) Sravnitel'nyy analiz kharakteristik golosa i rechi detey tipichno razvivayushchikhsya, s rasstroystvami autisticheskogo spektra, sindromom Dauna i umstvennoy otstalost'yu [Comparative Analysis of Voice and Speech Characteristics in Typically Developing Children and Children with Autism Spectrum Disorders, Down Syndrome and Intellectual Disabilities]. *Rechevyye tekhnologii*. 1-2. pp. 50–62.

34. Memisevic, H. & Hadzic, S. (2013) Speech and language disorders in children with intellectual disability in Bosnia and Herzegovina. *Disability, CBR and Inclusive Development*. 24 (2). pp. 92–99.
35. Aksenova, A.K. & Yakubovskaya, E.V. (1987) Razvitiye svyaznoy ustnoy rechi u umstvenno otstalykh uchashchikhsya na spetsialnykh urokakh [Development of Coherent Oral Speech in Students with Intellectual Disabilities in Special Lessons]. *Defektologiya*. 6. pp. 32–37.
36. Lyakso, E.E., Frolova, O.V., Grechanyy, S.V., Matveyev, Yu.N., Verkholyak, O.V. & Karpov, A.A. (2020) *Golosovoy portret rebenka s tipichnym i atipichnym razvitiyem* [Vocal Portrait of a Child with Typical and Atypical Development]. Saint Petersburg: Izdatelsko-poligraficheskaya assotsiatsiya vysshih uchebnykh zavedeniy.
37. Pashkovskiy, V.E., Makarov, I.V. & Avtenyuk, A.S. (2021) *Umstvennaya otstalost u detey i podrostkov: Klinicheskiye rekomendatsii* [Intellectual Disability in Children and Adolescents: Clinical Guidelines]. Saint Petersburg: RF Ministry of Healthcare.
38. Lyakso, E., Frolova, O., Kleshnev, E., Ruban, N., Mekala, A.M. & Arulalan, K.V. (2022) Approbation of the child's emotional development method (CEDM). In: *Companion Publication of the 2022 International Conference on Multimodal Interaction (ICMI '22 Companion)*. New York: Association for Computing Machinery. pp. 201–210.
39. Pavlikova, M.I. (2023) Intonatsionnyye kharakteristiki rechi detey mladshogo shkolnogo vozrasta v norme i s umstvennoy otstalostyu [Intonation Characteristics of Speech in Primary School Children with Normal Development and Intellectual Disabilities]. In: *Sbornik Trudov XXXV sessii Rossiyskogo akusticheskogo obshchestva* [Proceedings of the 35th Session of the Russian Acoustical Society]. Moscow: GEOS. pp. 142–147.
40. Shevtsova, E.E. & Zabrodina, L.V. (2009) *Tekhnologii formirovaniya intonatsionnoy storony rechi* [Technologies for Forming the Intonation Aspect of Speech]. Moscow: AST: Astrel'.

Информация об авторах:

Павликова М.И. – инженер биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: m.pavlikova@spbu.ru

Фролова О.В. – канд. биол. наук, научный сотрудник группы по изучению детской речи биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: o.v.frolova@spbu.ru

Ляксо Е.Е. – д-р биол. наук, профессор кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии, группа по изучению детской речи биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.lyakso@spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mariya I. Pavlikova, engineer, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: m.pavlikova@spbu.ru

Olga V. Frolova, Cand. Sci. (Biology), research fellow, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.v.frolova@spbu.ru

Elena E. Lyakso, Dr. Sci. (Biology), professor, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.lyakso@spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024;
одобрена после рецензирования 03.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 21.05.2024;
approved after reviewing 03.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 659.3
doi: 10.17223/15617793/510/5

Иллокутивный потенциал глаголов как инструментов медиафрейминга в дискурсе СМИ в период пандемии COVID-19

Надежда Константиновна Радина^{1, 2}, Юлия Владимировна Балакина³,
Константин Валерьевич Банников⁴

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижегород, Россия
^{2, 3, 4} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
^{1, 2} rasv@yandex.ru
³ julianaumova@gmail.com
⁴ freedom3116@gmail.com

Аннотация. Выявлены и сопоставлены основные интенции СМИ трех стран, используя частотные иллокутивные предикаты. Методологическая основа исследования – теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля и модель пропаганды Э. Хермана и Н. Хомского. Материалы исследования – тексты о пандемии COVID-19 российских, немецких и французских СМИ. Итоги сравнительного анализа медиафрейминга показывают, что анализ частотных глаголов способен раскрыть особенности медиадискурса, т.е. позволяет понять не только содержание материала (повестку дня), но также и интенции издательств.

Ключевые слова: медиафрейминг, интенции, речевые акты, СМИ, COVID-19, биополитика

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00015.

Для цитирования: Радина Н.К., Балакина Ю.В., Банников К.В. Иллокутивный потенциал глаголов как инструментов медиафрейминга в дискурсе СМИ в период пандемии COVID-19 // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 52–62. doi: 10.17223/15617793/510/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/5

The illocutionary potential of verbs as media framing tools in the discourse of the COVID-19 pandemic

Nadezhda K. Radina^{1, 2}, Julia V. Balakina³, Konstantin V. Bannikov⁴

¹ Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
^{2, 3, 4} HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
^{1, 2} rasv@yandex.ru
³ julianaumova@gmail.com
⁴ freedom3116@gmail.com

Abstract. The timeliness of the presented research is justified by the significant role of the media during a crisis, since the growth of content consumption increases the ability to influence the audience in order to form certain attitudes and change behavioral patterns. In addition, despite the fact that issues of media framing as one of the main tools of media influence are sufficiently developed, there is still no consensus and certainty regarding the methodology for identifying and analyzing media frames. The present study aims to characterize the illocutionary potential of verbs as markers of publications' intentions and media framing tools in the discourse of the COVID-19 pandemic comparing Russian, German, and French media. Methodologically, the study is based on the propaganda model of E. Herman and N. Chomsky, as well as on the theory of speech acts by J. Austin. The work relies on the definition of media framing formulated by Entman. It is assumed that illocutionary predicates reveal the "dynamic" part of framing, namely, the proposal of appropriate decisions and actions consistent with the publication's policy. An additional hypothesis is that framing the pandemic media discourse can serve educational and propaganda purposes, and that verb frequency analysis can provide additional information clarifying the nature of media educational and propaganda projects. The research materials were texts about the COVID-19 pandemic of four "waves", which were extracted from the following media: *Rossiyskaya Gazeta*, *Kommersant*, *Novaya Gazeta*, *Le Figaro*, *Le Monde*, *Le Parisien*, *Süddeutsche Zeitung*, *Die Zeit*, *Die Tageszeitung*. The frequency of verbs (ipm measure) in the collected texts was determined using the tools of the NLP (Python programming language) library. A comparative analysis of media framing, in which frequency verbs are analyzed, effectively uncovers both the content agenda and the direction of media discourse. At the core of their discourse,

German and French media are deeply engaged in the educational and propaganda elements of state biopolitics, while Russian media prioritize PR communications and the dissemination of expert opinion, positioning "education" as their primary objective.

Keywords: media framing, intentions, speech acts, media, COVID-19, biopolitics

Financial support: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00015.

For citation: Radina, N.K., Balakina, Ju.V. & Bannikov, K.V. (2025) The illocutionary potential of verbs as media framing tools in the discourse of the COVID-19 pandemic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 52–62. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/5

Тема медиафрейминга приобретает всю большую популярность наряду с возрастающим влиянием средств массовой коммуникации на общество и их роли в политических процессах.

Особую значимость медиафреймирование приобрело во время пандемии COVID-19, что подтверждается актуальными исследованиями медиафреймов. Так, например, исследования Й. Офир и других итальянских медиа во время пандемии демонстрируют необходимость ответственного освещения эпидемий с упором на научные факты, информацию о рисках и практические способы их снижения. Результаты показали, что сосредоточение внимания на социальных и экономических аспектах хотя и важно для осмысления во время кризисов, может привести к тому, что люди будут относиться к болезни менее серьезно, что может пагубно влиять на соблюдение режима лечения [1]. М. Мотта и др. в своем исследовании обнаружили, что сообщения, подчеркивающие риски для личного здоровья и коллективные последствия отказа от вакцинации, значительно повышают намерения американцев вакцинироваться [2].

Статистические данные также подтверждают, что медиафрейминг как методологический подход лидирует в эмпирических исследованиях массмедиа [3]. Исследователей фреймов интересует не столько, какие темы освещаются в СМИ («повестка дня»), но то, как СМИ представляют ту или иную тему. Кроме того, исследователи отмечают наличие и других эффектов, которые нельзя игнорировать при изучении медиафреймов, так как они «работают в тандеме». Эти процессы имеют, по крайней мере, поверхностное сходство с эффектами фрейминга и, скорее всего, происходят параллельно: информирование, убеждение и установление повестки дня [4].

Однако, несмотря на популярность и разработанность вопросов медиафреймирования, в настоящее время отсутствует консенсус относительно понятия медиафреймов, классификации и подходов к анализу [5]. Как отмечают Д. Тьюксбери, Д. Шойфеле, огромное количество исследований поднимает новые вопросы, на которые еще предстоит ответить [4]. Арсенал доступных средств и методов анализа и идентификации медиафреймов расширяется, однако вопрос совершенствования подходов для повышения достоверности результатов стоит достаточно остро.

Таким образом, актуальность представляемого исследования обусловлена высокой значимостью медиафреймов во время кризиса, а также необходимостью совершенствования методологических подходов к их анализу.

Теоретические положения

Первые идеи относительно теоретического поля фрейминга были сформулированы в сфере упорядочивания баз данных в теории искусственного интеллекта в XX в. (Г. Бейтсон) и далее оказались востребованными самыми разными научными полями – лингвистики, психологии, социологии, литературоведения, медиаисследований и др. [6, 7 и др.]

В лингвистике понятие фрейма оказалось продуктивным, востребованным и известным благодаря исследованиям М. Минского [8], Ч. Филмора [9], Т. ван Дейка [10].

В рамках отечественной когнитивной лингвистики понятие «фрейм» неразрывно связано с понятием «концепт», что согласуется с идеями Ч. Филмора. Так, например, А. Бабушкин, представляя классификацию лексических концептов, выделяет такой тип, как концепт-фрейм [11]. Н. Болдырев отмечает, что фреймы, или когнитивные контексты, способны передавать концептуальную информацию, являясь моделью обычного знания об основных концептах [12].

Считается, что фрейм имеет определенную структуру – «сеть узлов и отношений» [8. Р. 355], которые кажутся структурированными на разных уровнях. Фреймовая модель организации чего-либо отличается от понятийно-семантических сетей, поскольку в фрейме присутствует профилирующий фреймовый компонент, а также выделяются зависимые подфреймы и их составляющие (например, лексические единицы) [13].

В медиаисследованиях термин «фрейм» используется многозначно: и в контексте практики создания медиатекста, и в контексте анализа медиатекста при помощи фрейм-анализа, однако чаще – именно в контексте конструирования медийной реальности («медиафрейминг»).

Медиафрейминг как инструмент конструирования реальности интерпретируется с разных позиций. Так, ряд исследователей (М. МакКомбс, Д.Л. Шоу, Д. Уивер и др.) представляют медиафрейминг в качестве способа конструирования медиареальности посредством определения приоритетных тематик [14 и др.]. Среди наиболее популярных теорий, раскрывающих фреймирование медиатекста посредством идентификации ведущих тем, – теория повестки дня М. МакКомбса и Д. Шоу [15 и др.].

Другие (например, В.А. Гэмсон и А. Модильяни) более значимым в репрезентации медийной реальности считают фрейм-сценарий (как инструмент, управляющий развитием сюжета) [14].

Отдельного внимания заслуживает фреймирование новостей. Исследователи предлагают разнообразные классификации фреймов, которые зачастую пересекаются (см., например, [16, 17]). В итоге складывается впечатление, что фреймы часто превращаются в не более чем содержательно-аналитические признаки, которые не помогают в понимании коммуникативных процессов, кроме подробного описания единичного случая [18].

Другая проблема – идентификация фреймов в медиатекстах, т.е. предложение различных способов анализа медиафреймирования на методическом и инструментальном уровне (собственно фрейм-анализ).

В обзорах исследований, посвященных различным подходам в русле медиафрейминга [3, 14 и др.], теоретические и методические аспекты авторами статей рассматриваются интегративно. В то же время, с нашей точки зрения, интерес представляет и собственно инструментальный взгляд на фрейм-анализ медиадискурса. Если принять за основу, что фреймы медиадискурса рассматриваются в лингвистическом поле, то можно выделить использование двух ключевых координат инструментального анализа – дедуктивность/индуктивность и качественный/количественный подходы.

При презентации качественного подхода его типическим признаком называют индуктивный анализ. Однако современное программное обеспечение позволило использовать индуктивную логику и при анализе больших данных, что расширило возможности качественной методологии, позволило объединять достоинства количественного и качественного подходов в одном исследовании, используя смешение методов (mixed methods research) [19].

Фрейм-анализ на основе количественного контент-анализа осуществляют с использованием программного обеспечения (например, MAXQDA software, WordSmith Tools) для идентификации частотности лексем, что позволяет определить ведущие (частотные) тематики дискурса. Подобные исследовательские действия предпринимают в научных проектах, выполненных в русле теории установления повестки дня (agenda-setting theory) [20, 21]. Кроме определения частотности, продуктивным видится также анализ ключевых слов и конкордансов [22].

Реконструкция «повестки дня» происходит, как правило, на основе анализа частотности существительных, несущих информацию о предметном содержании текста. В то же время медиафрейминг предполагает, что медиа не только «выбирают» темы публикаций, но и средства конструирования темы. В лингвистике исследования, ориентированные на анализ коммуникативных тактик, выполняются в формате качественной методологии, т.е. на небольшом объеме текстового материала [23, 24]. Однако если частотный анализ направлять не только на существительные, но и на другие части речи, возможно воссоздавать структуры медиафрейминга более точно и на значительных массивах текстов. Так, анализ частотных глаголов изучаемой текстовой базы позволяет идентифицировать интенции и получить ответ на вопрос о том, как осуществляется или существует то нечто (событие, проблема, феномен и т.п.), о чем повествуют медиатексты.

Анализ массивов, основанный на статистических данных, приобретает особую значимость при сравнительном анализе медиа как в случае сравнения медиа в национальном масштабе, так и в кросс-культурном контексте медиа разных стран. При учете специфики сравниваемых языков использование статистических метрик текста позволяет сделать анализ объективным и информативным в междисциплинарном контексте, поскольку медиакоммуникации исследуются не только лингвистами, но и психологами, социологами, политологами и т.д.

В целом можно отметить, что в настоящее время не существует консенсуса в научном сообществе ни относительно концепта «медиафрейм» и его составляющих, ни относительно методов идентификации и анализа. Эмпирический поиск, направленный на повышение достоверности полученных данных, с одной стороны, и возможности обработки и анализа большого объема текстового материала, с другой стороны, все ещё продолжается.

Мы, в свою очередь, своим исследованием вносим определенный вклад в обозначенную выше проблематику, апробируя подход к анализу медиатекстов и идентификации фреймов через исследование интенций, реализуемых посредством частотного использования определенных глаголов.

Цель представленной статьи – охарактеризовать потенциал частотных иллокутивных предикатов как инструментов медиафрейминга в дискурсе пандемии COVID-19 на примере медиа России, Германии и Франции в сравнительном контексте.

Методология

Теоретическая рамка данного исследования – модель пропаганды Э. Хермана и Н. Хомского [25], согласно которой информация перед публикацией проходит через серию «фильтров». В итоге публикуется только тот контент, который согласуется с задачами редакций. То есть медиа фреймируют события определенным образом и транслируют реальность в определенном формате видения (после «фильтрации» исходной информации). Таким образом, важно определить не только «тематические» фреймы, т.е. какие темы освещаются, но и «динамические» фреймы, т.е. интенции редакции, которые в период кризиса особенно важны для мобилизации общественности, побуждения следовать биополитической программе правительства или же наоборот.

Данное исследование также опирается на теорию речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля [26, 27]. Речевые акты понимаются как отношение к пропозициональному содержанию высказывания, что позволяет в рамках исследования считать глаголы, составляющие основу речевого акта (иллокутивные предикаты), маркерами определенных интенций издания, т.е. задач редакций.

В основе работы – определение медиафрейминга, сформулированное Р. Энтманом [28]: «Фрейминг можно определить, как процесс, в котором некоторые аспекты реальности выбираются и им уделяется большее внимание или важность, так что проблема определена, ее причины диагностированы, высказаны моральные суждения и предложены соответствующие решения и действия» (авторский перевод).

Мы полагаем, что иллокутивные предикаты раскрывают «динамическую» часть фреймирования, а именно перечень соответствующих решений и действий, согласующихся с политикой издания.

Материалами исследования выступили тексты о пандемии COVID-19 четырех волн (первая волна: январь 2020 г. – июнь 2020 г.; вторая волна: июль 2020 г. – февраль 2021 г.; третья волна: март 2021 г. – октябрь 2021 г.; четвертая волна – ноябрь 2021 г. – март 2022 г.), извлеченные по ключевым словам «пандемия», «COVID», «коронавирус» из архивов СМИ, а именно:

– медиа России – «Российская газета» (19 471 текст, 7,97 млн слов); «Коммерсант» (1 482 текста, 1,07 млн слов), «Новая газета» (705 текстов, 0,9 млн слов);

– медиа Франции – «Le Figaro» (29 584 текста, 10,87 млн слов); «Le Monde» (22 446 текстов, 13,03 млн слов); «Le Parisien» (6 402 текста, 10,4 млн слов);

– медиа Германии «Süddeutsche zeitung» (38 887 текстов, 14,50 млн слов), «Die Zeit» (10 078 текстов, 7,40 млн слов), «Die Tageszeitung» (5 550 текстов, 1,48 млн слов).

В качестве исследовательского инструмента были использованы методы компьютерной лингвистики, позволяющие определять частотность лексем в оцифрованных текстах. Для данного исследования имела значение мера относительной частотности – коэффициент *ipm* (*instances per million words*), показывающий, насколько частотным в тексте является то или иное словоупотребление (на миллион слов). Для данного исследования определялась частотность глаголов в коллекциях собранных текстов с помощью библиотеки NLP (Python programming language). После автоматического формирования подборки частотных глаголов для каждого медиа далее отбирались глаголы, которые отражают содержание материалов (были отсортированы вспомогательные глаголы, а также глаголы, имеющие отношение к онлайн-коммуникации цифрового формата медиа, например «развернуть» и т.п.).

Далее был проведен анализ конкордансов с целью определения интенций издательств.

В качестве основного было высказано предположение, что частотные глаголы в коллекциях медийных текстов будут содержательно дополнять понимание медиадискурса («повестки дня»), указывая на те действия, которые являются доминирующими в процессе конструирования медиареальности в различных СМИ.

Дополнительная гипотеза касалась биополитической ориентации медиадискурса в период пандемии COVID-19. Предполагалось, что фрейминг медиадискурса пандемии может выполнять просветительские и пропагандистские задачи (указывать на конкретные действия в рамках государственной пропаганды, направленной на защиту населения от новой пандемии), а анализ частотности глаголов может давать дополнительную информацию, уточняющую характер медийных просветительских и пропагандистских проектов.

Результаты

Фреймирование посредством описания действий: русскоязычный дискурс пандемии COVID-19

Для проверки гипотезы о роли глаголов в медиадискурсе русскоязычной коллекции медийных текстов были использованы три СМИ России – государственная «Российская газета» и негосударственные (независимые) «Коммерсант» и «Новая газета». В табл. 1 представлены глаголы с наибольшими показателями *ipm* для изучаемых медиа.

Таблица 1
Медиафрейминг посредством глаголов в российских изданиях (*ipm*)

Российская газета	Коммерсант	Новая газета
Работать 1176/1123/928/1018	Говорить 1309/950/707/594	Говорить 1960/1092/562/1100
Сообщить 1082/816/839/1139	Отметить 1257/-/503/419	Работать 1175/303/488/871
Находиться 983/663/609/806	Работать 1174/476/403/444	Сказать 1168/718/600/943
Сказать 870/959/879/904	Сообщить 1152/1692/743/725	Знать 1043/-/-/-
Заявить 859/746/808/811	Считать 1004/658/477/463	Рассказать 829/582/-/300
Говорить 850/972/894/964	Заявить 987/489/507/362	Получить 775/-/244/-
Отметить 840/929/1042/1094	Рассказать 661/-/-/-	Думать 507/-/-/329
Рассказать 789/920/827/806	Получить 648/463/-/-	Заявить -/505/-/429
Получить 712/879/938/922	Оказаться 574/-/-/-	Начать -/367/244/-
Скончаться 384/-/-/-	Заразиться -/568/-/-	Умереть -/244/-

Медиадискурс пандемии COVID-19 «Российской газеты» (независимо от периода) строится вокруг глаголов, указывающих на то, что «повестка дня» определяется «спикерами», чье мнение представлено на страницах газеты: «сообщать», «сказать», «заявить» и т.д. При этом набор частотных глаголов в СМИ от первой волны к четвертой – весьма устойчив (частотные глаголы раскрывают контекст репрезентации, реконструкции социальной реальности журналистами), за исключением частотного глагола четвертой волны, раскрывающего трагизм ситуации – «скончаться» (*ipm* 384). Примечательно, что в текстах редко используются глаголы, характеризующие процесс болезни (например, «заболеть»), за исключением «заразиться» («Коммерсант»: *ipm* 568): подобные характеристики представлены при помощи существительных, прилагательных или причастий.

Кроме глаголов, указывающих на трансляцию мнений, «Российская газета» описывает «рабочие» аспекты реконструированной реальности, то есть указания на то, что «работает» и что «не работает» в эпоху пандемии.

«Российская газета». 20.05.2020: Дунаевский И. «Как будут выглядеть рабочие места после пандемии»: <...> Уже сейчас понятно, что часть сотрудников в офис не вернутся, а останутся **работать** из дома. Хотя многие хотели бы вернуться к привычному формату <...>.

«Коммерсант», как и «Российская газета», реконструирует реальность пандемии, опираясь на мнения экспертов и доверенных лиц, что находит отражение в частотных глаголах, типичных для всего периода пандемии: «говорить», «отметить», «сообщить» и т.д.

Констатация состояния реальности как рабочей или не рабочей проявляется в частотности глагола «работать».

«Коммерсантъ». 21.12.2022: «*Неотложка подхватила вирус*»: *Чтобы восполнить потери, в Курской области вызывают медработников из отпусков и отменяют выходные <...>. В других субъектах медикам приходится **работать** сверхурочно и выходить не в свою смену, чтобы подменить коллег.*

«Коммерсант» в начале пандемии на своих страницах воспроизводит динамичную реальность, наполненную движением («получить» (ipm 648), «оказаться» (ipm 574)), а во время второй волны констатирует динамику «заражения» («заразиться» (ipm 568)). Что касается третьей и четвертой волн пандемии, медиа фокусируется на трансляции мнений экспертов и других спикеров, и частота использования глаголов, отражающих динамичность ситуации, снижается (возможно, это связано с более взвешенным подходом к освещению проблемы).

«Новая газета» в отличие от «Российской газеты» и «Коммерсанта» от первой волны к четвертой использует несколько отличный набор частотных глаголов.

Среди устойчивых частотных глаголов (от первой волны к четвертой) в «Новой газете» – «говорить», «работать», «сказать». Примечательно, что среди частотных в данном медиа оказались глаголы, отражающие когнитивные задачи конструируемой реальности («знать», «думать»).

«Новая газета». 17.03.2020: «*Коронавирус: позитивная повестка*»: *<...> Система здравоохранения будет сделана специально для вас. Начинать **думать** о ней нужно уже сейчас. Поэтому выдохнем и будем вместе **работать** на благо общего счастья.*

Наиболее частотный глагол в данном медиа, посредством которого передается трагизм ситуации пандемии, иной, нежели в «Российской газете» («скончаться») и в «Коммерсante» («заразиться»). В числе наиболее частотных глаголов третьей волны в «Новой газете» оказался глагол «умереть» (ipm 244).

«Новая газета». 19.10.2021: «*Страна на своей волне*»: *Всего с начала пандемии, по официальной статистике, заболело 95,2 тысячи саратовцев, **умерло** 5,5 тысячи. Непосредственно от коронавируса, как считает саратовский минздрав, – 3,2 тысячи.*

«Новая газета» не отказывается от трансляции мнений экспертов, выступая время от времени PR-площадкой для специалистов, в то же время гибко используя интенциональный потенциал глаголов, вовлекая читателей в аналитические процессы (на основе обращения к глаголам, отражающим когниции), делая из читателей соучастников медийного мышления.

Фреймирование посредством описания действий: немецкоязычный дискурс пандемии COVID-19

Три независимых немецких издания разной политической направленности, а также с точки зрения владельцев были отобраны для исследования. Перечень частотных глаголов представлен в табл. 2.

Таблица 2

Медиафрейминг посредством глаголов в немецких изданиях (ipm)

Süddeutsche zeitung	Die Zeit	Die Tageszeitung
sagen (говорить) 4439/4175/3972/4187	sagen (говорить) –/2952/3303/3489	sagen (говорить) –/–/3545/3699
schliessen (закрывать) 475/410/–/–	leben (жить) –/863/944/902	impfen (прививать) –/–/1874/993
impfen (прививать) –/648/1070/626	zeigen (показывать) –/752/821/867	gelten (быть действительным) –/–/791/778
wissen (знать) 459/394/398/366	wissen (знать) –/722/764/769	melden (сообщать) –/–/527/550
erklären (объяснять) 427/396/323/349	sprechen (говорить) –/584/629/666	wissen (знать) –/–/492/602
sterben (умирать) 414/433/306/375	melden (сообщать) –/558/815/924	sterben (умирать) –/–/559/361
mitteilen (сообщать) 413/380/388/392	sterben (умирать) –/390/428/521	erklären (объяснять) –/–/436/376
planen (планировать) 391/357/290/299	impfen (прививать) –/343/412/518	führen (приводить к ч-л) –/–/387/452
führen (приводить к ч-л) 364/326/348/354	führen (приводить к ч-л) –/347/412/518	brauchen (нуждаться) –/–/440/448
sinken (снижаться) –/295/291/405	testen (тестировать) –/265/276/306	testen (тестировать) –/–/404/118

Список частотных глаголов в дискурсе издания «Süddeutsche zeitung» остается практически неизменным на протяжении всех четырех волн, что говорит о приверженности издания своей редакционной политики.

Просвещение населения наряду с защитой играет важную роль в дискурсе СМИ. Этот аспект реализуется посредством «информационных» глаголов *sagen*, *erklären*, *mitteilen*, *wissen*. В первую волну эти глаголы наиболее частотны (ipm 4439, 427, 413, 459), так как это связано с попытками разрешить неопределенность сложившейся ситуации и компенсировать недостаток достоверной информации.

«Süddeutsche zeitung». 22.02.2021: *Wir **wissen** noch nicht genau, ob die besorgniserregenden Varianten dabei eine Rolle spielen (Мы пока точно не знаем, играют ли в этом роль тревожные варианты).*

Дискурс коннотативно сбалансирован: обсуждаются как негативные последствия пандемии (*führen*, *schliessen*), так и позитивные планы на будущее (*planen*):

«Süddeutsche zeitung». 28.03.2022: «*Es **planen** ähnlich viele Kommunen wie vor der Pandemie ihre Volksfeste*», *erklärte Verbandsgeschäftsführer Roger Simak. (Там планируют свои народные праздники аналогично многим муниципалитетам, как до пандемии), – пояснил директор ассоциации Роджер Симак).*

Призыв вакцинироваться реализуется через акцентирование внимания на статистических данных о коли-

честве заболевших и умерших, статистики из реанимации, а также через публикацию статистических данных о готовности значительной части населения вакцинироваться (*impfen, melden*):

«Süddeutsche zeitung». 10.12.2020: *Stand Anfang November geben immerhin 55 Prozent der Befragten an, dass sie sich im kommenden Jahr «sehr wahrscheinlich» oder «wahrscheinlich» gegen das neue Coronavirus impfen lassen wollen (В конце концов, по состоянию на начало ноября 55 процентов респондентов заявили, что они «очень вероятно» или «вероятно» планируют сделать прививку от нового коронавируса в следующем году).*

Частотность глаголов *sterben* (максимальный *ipm* 433 во вторую волну) и *sinken* (максимальный *ipm* 405 в четвертую волну) позволяет предположить, что издание придерживается стратегии публикации объективных данных и не стремится нагнетать обстановку, повествуя о смертях, но в то же время проявляет себя сдержано и в трансляции хороших новостей о сокращении числа случаев заболевания.

«Süddeutsche zeitung». 29.03.2022: *Damit sinken die Zahlen im Vergleich zur Vorwoche nur leicht um vier Prozent. (Таким образом, по сравнению с предыдущей неделей цифры падают лишь незначительно на четыре процента).*

В целом издание придерживается стратегии просвещения, предпочитая объективные данные собственным оценочным суждениям. Однако оценка присутствует в предлагаемых к обсуждению позициях экспертов и других лиц.

Основные интенции издания «Zeit» сопоставимы с предыдущим изданием и могут быть определены как информирование о рисках и способах защиты.

Издание представляет собой площадку для обсуждения различных аспектов пандемии, а также представление объективных данных (*sagen, wissen, sprechen*):

«Zeit». 01.07.2021: *Wir alle wissen, dass die Kontaktvermeidung und bestimmte Hygienevorschriften unabdingbar sind, um die Infektionen eines Tages zu überwinden (Мы все знаем, что избегание контактов и некоторые правила гигиены необходимы для преодоления инфекций в один прекрасный день).*

Статистические данные представлены с помощью глаголов *sterben, melden, zeigen*:

«Zeit». 14.12.2022: *Die Daten im zeitlichen Verlauf – Ende April gab es rund 120.000 Meldungen – zeigen auch, dass die Meldungen mit Beginn der Impfkampagne offenbar zurückgegangen sind (Данные с течением времени – в конце апреля было около 120 000 сообщений – также показывают, что количество сообщений, по-видимому, уменьшилось с началом кампании вакцинации).*

Продвижение биополитической повестки реализуется преимущественно за счет глаголов *impfen, testen* и *führen*, но находится на периферии повестки (кроме второй волны) данного издания:

«Zeit». 26.11.2021: *Durch den Effekt der Impfungen führen mehr Infektionen nicht mehr im gleichen Maß zu einer Zunahme der Schwerkranken (Из-за эффекта прививок больше инфекций уже не приводят в той же мере к увеличению числа тяжелобольных).*

Интересно также отметить «социальные» темы в повестке издания (глагол *leben ipm* 863/944/902), основная интенция в данном случае – информирование о пандемийной реальности:

Viele Menschen hier leben in winzigen Einzimmerwohnungen und haben kein Geld, um die im Lockdown viel teureren Preise für Lebensmittel zu bezahlen (Многие люди здесь живут в крошечных однокомнатных квартирах и не имеют денег на оплату гораздо более дорогих во время локдауна цен на продукты питания).

Как и в предыдущих двух изданиях, ведущую роль в дискурсе «Tageszeitung» играет информирование населения путем реконструирования мнений различных экспертов (глаголы *sagen, wissen, erklären*).

В отличие от двух предыдущих изданий фрейм вакцинации выходит на первый план (*impfen, führen, testen*), что соответствует интенции мобилизации населения против угрозы. Тема вакцинации на страницах данного издания упоминается почти в два раза чаще, чем в предыдущих изданиях в третью волну (*ipm* 1874 и *ipm* 898/1070):

«Tageszeitung». 29.10.2021: *72 Prozent der Befragten sind dafür, dass sich das Personal im Gesundheitswesen und in der Pflege impfen lassen muss (72 процента респондентов выступают за то, чтобы сотрудники здравоохранения и медсестры должны сделать прививку).*

Также дискурс конструирует пандемийную реальность посредством описания нужд населения (*brauchen*):

«Tageszeitung». 03.04.2022: *Eins, das derzeit boomt: «Dritter Ort». Neben seinem Zuhause und seinem Arbeitsplatz, mahnt es, braucht der Mensch einen Ort, um Gemeinschaft zu leben, Stresslast abzubauen, Entfremdung zu heilen («Третье место». Помимо своего дома и рабочего места, напоминает он, человеку нужно место, чтобы жить сообществом, снимать стрессовое бремя, справляться с отчуждением).*

Фреймирование посредством описания действий: франкоязычный дискурс пандемии COVID-19

В процессе анализа медиадискурса СМИ Франции в основную подборку глаголов не были включены частотные глаголы *faire* (делать) и *pouvoir* (мочь), поскольку их функция в медиатексте касалась более общих коммуникативных задач.

В то же время частотные глаголы, указывающие на значимость мнения привлеченных экспертов или указания на действия правительства при описании пандемийной реальности, используются локально, фактически сводясь к ведущему глаголу *annoncer* (объявлять) (максимальный *ipm* 1474 – во вторую волну) (табл. 3).

Семантически первая и вторая волны в «Le Figaro» представлены глаголами видения и прогнозирования – *prévoir* («предвидеть», *ipm* 778 в первую волну) и *voir* («видеть», *ipm* 697 в первую волну).

Таблица 3

Медиафрейминг посредством глаголов
во французских изданиях (ipm)

Le Figaro	Le Monde	Le Parisien
annoncer (объявлять) 1378/1474/1243/1381	aller (идти) 1396/-/1155/1112	aller (идти) 1962/1829/1651/1668
aller (идти) 1363/1324/1208/1265	devoir (долженствовать) 1134/1071/1003/-	devoir (долженствовать) 1234/1244/1211/1309
devoir (долженствовать) 1339/1338/1280/1307	mettre (ставить) 1047/942/880/867	prendre (брать) 1144/986/860/1006
prendre (брать) 1031/818/780/751	prendre (брать) 981/844/789/823	mettre (класть/ставить) 1133/933/790/862
mettre (ставить) 985/867/818/770	annoncer (объявлять) 964/867/889/957	annoncer (объявлять) 1117/1057/994/1282
unir (объединять) 870/864/804/742	falloir (надо, безлич- ный глагол) 816/654/605/629	falloir (надо, безлич- ный глагол) 865/874/797/-
prévoir (предвидеть) 778/764/-/724	voir (видеть) 744/745/688/688	expliquer (объяснять) 840/773/-/-
voir (видеть) 697/695/-/690	permettre (позволять) 632/-/-/-	celer (скрывать) 747/-/-/-
recevoir (получать) -/-/752/-	expliquer (объяснять) -/-/-/625	vacciner (вакцинировать) -/-/1499/1123
vacciner (вакцинировать) -/-/734/-	venir (приходить) -/586/-/-	tester (проводить тест) -/-/-/783

«Le Figaro». 03.02.2020: *Peut-on prévoir le pic de l'épidémie de NCoV à partir duquel le nombre de nouveaux cas enregistré chaque jour commencerait de diminuer? (Можем ли мы предсказать пик эпидемии NCoV, когда число новых случаев, регистрируемых каждый день, начнет снижаться?)*.

Эти глаголы вновь становятся частотными в четвертую волну, подводя итоги и формируя представление о будущем после коронавируса:

«Le Figaro». 23.12.2021: *De quoi prévoir un début de l'année 2022 difficile pour le transport aérien européen, qui espérait pourtant avoir passé le pire d'une crise historique (Достаточно, чтобы предсказать трудное начало 2022 года для европейского воздушного транспорта, который, тем не менее, надеялся миновать самый тяжелый исторический кризис)*.

Издание использует «повествовательные» глаголы *prendre* («брать», ipm 1031 в первую волну), *mettre* («класть, ставить», ipm 985 в первую волну) и *devoir* («долженствовать», ipm 1339 в первую волну) в начале пандемии, наблюдает за разворачивающимися событиями, но к третьей волне употребление этих глаголов снижается, что может быть связано с ослаблением общего напряжения.

Направленность действия на акторов глаголов первой и второй волн сменяется рецептивностью глаголов *recevoir* («получать», ipm 752) и *vacciner* («вакцинировать», ipm 734).

Основной состав частотных глаголов издания «Le Monde», на первый взгляд, аналогичен «Le Figaro» и включает в себя *aller*, *devoir*, *mettre*, *prendre*, *annoncer* (см. табл. 3).

Вместе с этим проявляется прескриптивный характер дискурса, так как на первый план выходят пары «должен» – «не должен», «надо» – «не надо», «можно» – «нельзя», выраженные через глаголы *devoir* (ipm 1134 в первую волну), *falloir* (ipm 816 в первую волну) и *permettre* (ipm 632 в первую волну). Примечательно, что глагол *permettre* («разрешать») находится среди наиболее частотных только в первую волну.

Для «Le Monde» задача информирования не является ведущей. Тем не менее издание не отказывается от освещения экспертного мнения – частотность глаголов *annoncer* (ipm 957) и *expliquer* (ipm 625) возрастает в четвертую волну:

«Le Monde». 11.11.2021: *«Nous allons rentrer dans la troisième phase de déconfinement pour retrouver la manière de vivre aujourd'hui en France métropolitaine», a expliqué le préfet, en annonçant la fin du couvre-feu (Мы собираемся вступить в третью фазу снятия ограничений, чтобы обрести понимание жизни сегодня в метрополии Франции», – пояснил префект, объявив об окончании комендантского часа)*.

«Le Parisien» чаще использует глаголы для описания пандемии, чем другие издания, – ipm варьируется от 747 (глагол *celer* в первую волну пандемии) до 1962 (глагол *aller* в первую волну) (табл. 4).

«Le Parisien» изначально придерживается фрейма расследования, раскрывая его через сокрытие, обнаружение и объяснение происходящего (*celer* (ipm 747) и *expliquer* (ipm 740 и 773)) в первую и вторую волну:

«Le Parisien». 26.03.2020: *Comment des chercheurs ont retrouvé des traces de la maladie quatre mois après. L'analyse rétroactive des tests de malades dans des hôpitaux franciliens a permis de déceler qu'un patient souffrait du Covid-19 le 27 décembre (Как исследователи нашли следы болезни четыре месяца спустя. Ретроактивный анализ анализов пациентов в больницах Иль-де-Франс показал, что 27 декабря пациент переболел Covid-19)*.

Смена ведущего фрейма происходит в третью волну пандемии через глаголы с семантикой побуждения к конкретным действиям, такие как «aller»/«идти» (ipm 1668 в четвертую волну), «devoir»/«долженствовать» (ipm 1309 в четвертую волну), «prendre»/«брать» (ipm 1006 в четвертую волну), «annoncer»/«объявлять» (ipm 1282 в четвертую волну). Эти глаголы частотны на протяжении всей пандемии, но их употребление возрастает именно в четвертую волну.

«Le Parisien» представляет пандемию через лексическое поле врачебных манипуляций, обращается к экспертам из области медицины, используя глаголы *vacciner* (ipm 1499), *tester* (ipm 783):

«Le Parisien». 24.12.2021: *«Ne pas se tester c'est faire prendre un risque aux autres», estime Enrique Casalino, directeur médical à l'AP-HP, infectiologue et chef des urgences à l'hôpital Bichat (Paris) (Не проверять себя – значит подвергать риску других», – сказал Энрике Казалино, медицинский директор AP-HP, специалист по инфекционным заболеваниям и заведующий отделением неотложной помощи больницы Биша (Париж))*.

Обсуждение результатов

Анализ фреймирования медиатекста с точки зрения лингвистических инструментов, как правило, направлен на определение тематик через частотность существительных [7, 29], а также на анализ тональности на основе специализированного программного обеспечения [30]. В данном исследовании предполагалось оценить иллокутивный потенциал частотных глаголов для понимания особенностей медиафрейминга текстов о пандемии.

Основываясь на идеях Дж. Остина и Дж. Серля [26, 27], частотные глаголы, являющиеся иллокутивными предикатами, были проанализированы в контексте и систематизированы.

В результате были выделены следующие интенции:

- информирование (трансляция фактов, экспертного мнения): *сообщить, заявить, сказать, отметить, рассказать, говорить, объяснять*;
- предвидение (осмысление реальности): *думать, знать, предвидеть*;
- мобилизация (побуждение к действиям): *тестировать, прививать, нуждаться*;
- воодушевление (трансляция положительных последствий, прогнозирование): *объединять, получать и др.*;
- контроль (демонстрация власти, возможности влияния на ситуацию): *позволять, должествовать, оказывать, приводить к чему-либо и др.*;
- запугивание (трансляция негативных последствий, имплицитное побуждение к действиям): *скончатся, заразиться, умереть, закрывать, скрывать*.

Русскоязычные медиа при подаче материала, как правило, акцентируют PR-коммуникации в основе медиатекста, подчеркивая функцию трансляции экспертного мнения, что позволяет назвать «информирование» в качестве ведущей интенции российского медиадискурса.

В качестве дополнительной была определена интенция «предвидение» в негосударственной «Новой газете», поскольку в более объемных публикациях данного медиа активно использовались глаголы, указывающие на необходимость вовлечения в проблему когнитивных процессов («знать», «думать» и т.д.), что позволяет предположить: данное медиа не только информирует читателей, но также претендует на особое понимание реальности, которое отражено в интенции «предвидение».

Основной интенцией немецких изданий «Süddeutsche Zeitung» и «Zeit» может быть также названо информирование. Эти издания позиционировали себя как площадки для дискуссий (PR-коммуникации – *sagen* (говорить), *erklären* (объяснять)), поддерживая принцип плюрализма транслируемых мнений. В то же время они дистанцировались от оценочных суждений, предлагая читателям вместо этого объективные статистические данные (*mitteilen* (сообщать), *zeigen* (показывать), *impfen* (прививать), *testen* (тестировать)). Интересно отметить, что издания информировали население не только о количестве заражений, смертельных случаев и т.п., но также и о повседневной рутине, затрагивая социальные темы

В качестве основной интенции для издания «Tageszeitung» была определена «мобилизация» населения. Именно в этом издании вектор на государственную биополитическую повестку особенно очевиден: представляя статистические данные, акцент делается не только на количестве заражений, но и на статистике смертей от коронавируса, т.е. имеет место стратегия акцентирования внимания на проблеме, и далее издание предлагает решение – вакцинация.

В качестве общей интенции для российских и немецких СМИ также можно выделить интенцию запугивания. Применение стратегий запугивания в дискурсе пандемии раскрывает задачи редакции по пропагандированию государственной биополитической программы: самоизоляция и использование средств защиты на первом этапе, вакцинация населения – на втором этапе.

Негосударственные франкоязычные медиа вариативно используют доминирующие глаголы, указывая как на PR-коммуникации (*annoncer* (объявлять), *expliquer* (объяснять)), так и на активное включение СМИ в биополитическое просвещение и пропаганду правительства не только на уровне тематики, но и на уровне осмысления реальности через действие (*vacciner* (вакцинировать), *tester* (проводить тест)).

Изучаемые французские медиа с точки зрения интенционального потенциала материалов оказались содержательными и отличающимися друг от друга. Очевидно, редакционная политика данных СМИ требовала различных инструментов медиафрейминга, «заточенных» на разные задачи. При анализе использованных глаголов в качестве ключевой для «Le Figaro» была определена интенция «воодушевление», ведущая интенция «Le Monde» – «контроль», а «Le Parisien» – «мобилизация». Медиафрейминг французских СМИ убеждает, что данные медиа, объединенные общей тематикой пандемии, по-разному работают с чувствами, ценностями и мотивацией читателей, активно используя разнообразные журналистские инструменты для достижения редакционных целей.

Сравнивая русскоязычные, франкоязычные и немецкоязычные СМИ, необходимо держать на контроле как минимум две проблемы кросскультурных медиаисследований. Во-первых, это проблемы собственно языка (разных языков) и использование специфических языковых ресурсов для конструирования картины мира. Сравнительный анализ использования языковых средств, включая дискурс пандемии COVID-19, обсуждается в ряде научных проектов, поскольку новая эпидемиологическая и социальная реальности COVID-19 потребовали иного осмысления и иного языка описания [31, 32]. Однако по-прежнему открытыми остаются вопросы о специфике использования языковых средств в медиафрейминге на разных языках.

Во-вторых, специфика медиафрейминга может быть обусловлена не только политикой редакции, но и особенностями журналистских традиций (разными «журналистскими школами», доминирующими в разных странах), связанными с особенностями социальных и политических коммуникаций в разных культурах и обществах [33–35].

Кроме того, при автоматической обработке текстового материала необходимо учитывать специфику языка текста. Так, например, для извлечения частотных словосочетаний в немецком языке было достаточно извлечь биграммы, учитывая тенденцию к формированию сложных существительных, в то время как для русского языка, чтобы получить информацию о тематике и ключевых фреймах, нами также были рассмотрены и триграммы, так как информации, содержащейся в биграммах, было явно недостаточно по сравнению с немецким языком. Во французском языке тенденция к аналитизму позволяет получить большую информацию из биграмм: коллокации из двух слов покрывают большую часть структур без разрыва или отсутствия смысла вне дополнительного контекста, в то время как частотные триграммы охватывают в основном предложное управление.

В то же время проведенное исследование показывает, что использование частотности существительных при определении содержания медиадискурса и идентификации «повестки дня» может быть успешно дополнено анализом частотности глаголов, помогающих выяснить направленность текста, охарактеризовать интенции медиа, воздействующие на читателей.

Таким образом, согласно результатам исследования, частотные иллюкутивные предикаты в процессе

медиафрейминга могут быть использованы в фрейм-анализе для определения интенций и направленности материалов СМИ. Исследуя медиадискурс пандемии COVID-19 СМИ России, Германии и Франции в сравнительном контексте, было выяснено, что медиафрейминг в национальном дискурсе СМИ, сохраняя общие тенденции, отражает редакционную политику, а частотные глаголы помогают идентифицировать особенности реализуемых медиастратегий, обусловленных редакционной политикой, интересами гражданского общества и государственной биополитической программой.

Кроме того, было выяснено, что на уровне описания действий немецкоязычные и франкоязычные изучаемые СМИ более вовлечены в просветительский и пропагандистский дискурс государственной биополитики: и франкоязычные, и немецкоязычные медиатексты описывают ситуацию пандемии и вакцинацию активно – через презентацию действий, включая интригу («скрывать») и предложение способов решения проблем пандемии («вакцинировать», «тестировать»).

Возможно, российские практики просвещения и пропаганды вакцинации в СМИ построены иначе, предложенными диагностическими инструментами не идентифицируются и требуют дополнительных исследований.

Список источников

- Ophir Y., Walter D., Arnon D., Lokmanoglu A., Tizzoni M., Carota J., Dantiga L., Nicastro E. The Framing of COVID-19 in Italian Media and Its Relationship with Community Mobility: A Mixed-Method Approach // *Journal of Health Communication*. 2021. Vol 26, Is. 3. doi: 10.1080/10810730.2021.1899344
- Motta M., Sylvester S., Callaghan T., Lunz-Trujillo K. (2021). Encouraging COVID-19 vaccine uptake through effective health communication // *Frontiers in Political Science*. 2021. Vol. 3. Art. No. 630133.
- Мавлетова А.М., Лебедев Д.В. Исследования медиа-фреймов: обзор основных методологических подходов // *Communications. Media. Design*. 2017. Т. 2, № 3. С. 79–112.
- Tewksbury D., Scheufele D.A. News framing theory and research // *Media effects. Advances in Theory and Research* / eds by M.B. Oliver, A.A. Raney, J. Bryant. New York : Routledge, 2019. P. 51–68.
- Терехов М.Д. Фреймовый подход: философско-методологический аспект // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2014. № 6. С. 53–71.
- Громов Д.В. Гопник в интернете: виртуальная игра с точки зрения социальной драматургии Ирвина Гофмана // *Новое прошлое*. 2020. № 1. С. 134–153.
- Радица Н.К. Независимые медиа и инициативы государственной семейной политики на этапе «пронаталистского поворота» // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. Т. 16, № 2. С. 296–310.
- Minsky M. A framework for representing knowledge // *The psychology of computer vision* / ed. by P.H. Winston. New York : McGraw-Hill, 1975. P. 211–277.
- Fillmore Ch.J. Frame semantics // *Linguistics in the Morning Calm. Selected Papers from SICOL-1981* / ed. by I. Yang. Seoul : Hanshin, 1982. P. 111–137.
- Дейк Т. ван. Язык, познание, коммуникация. Минск, 2000. 308 с.
- Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
- Горбунова Н.Н. Современная англоязычная терминосистема сферы менеджмента: структурно-семантическая и когнитивно-фреймовая характеристика : дис... канд. филол. наук. Пенза, 2014. 247 с.
- Фомич М.О. Метод медиафрейминга в исследованиях материалов СМИ // *Журнал Белорусского государственного университета. Филология. Психология*. 2018. № 1. С. 78–82.
- McCombs M. Setting the agenda: The mass media and public opinion. Cambridge : Polity Press, 2004.
- Iyengar S. Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues. Chicago : University of Chicago Press, 1991.
- De Vreese C. News framing: Theory and typology // *Information Design Journal*. 2005. Vol. 13 (1). P. 51–62.
- Vliegenthart R., Zoonen L. Power to the frame: Bringing sociology back to frame analysis // *European Journal of Communication*. 2011. Vol. 26 (2). P. 101–115.
- Полухина Е.В., Просняков Д.В. Методы анализа текста в смешанном дизайне исследования // *Политическая наука*. 2015. № 2. С. 104–116.
- Vu H.T., Lynn N. When the News Takes Sides: Automated Framing Analysis of News Coverage of the Rohingya Crisis by the Elite Press from Three Countries // *Journalism Studies*. 2020. Vol. 21 (9). P. 1284–1304. doi: 10.1080/1461670X.2020.1745665
- Hossain A., Wahab J.A., Khan M.S.R. A computer-based text analysis of Al Jazeera, BBC, and CNN news shares on Facebook: framing analysis on Covid-19 issues // *Sage Open*. 2022. Vol. 12 (1). Art. No. 21582440211068497
- Touri M., Koteyko N. Using corpus linguistic software in the extraction of news frames: towards a dynamic process of frame analysis in journalistic texts // *International Journal of Social Research Methodology*. 2014. Vol. 18 (6). P. 601–616. doi: 10.1080/13645579.2014.929878
- Долохова А.Д., Соболева Е.Д. Представление движения black lives matter в издании КПК «Хуаньцю Шибай» // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2022. № 2. С. 94–110.

24. Ogbodo J.N., Onwe E.C., Chukwu J., Nwasum C.J., Nwakpu E.S., Nwankwo S.U., Nwamini S., Elem S., Iroabuchi Ogbaeja N. Communicating health crisis: a content analysis of global media framing of COVID-19 // *Health promotion perspectives*. 2020. Vol. 10 (3). P. 257–269. doi: 10.34172/hpp.2020.40
25. Herman E., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York : Pantheon Books, 2002.
26. Austin J. *How to do things with words*. Cambridge : CUP, 1967.
27. Searle J. *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. London : Cambridge University Press, 1969.
28. Entman R. Framing: toward clarification of a fractured paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43. P. 51–58.
29. Юдина Н.В., Калугина О.А. Фреймовая репрезентация концепта «цифровая экономика» в русскоязычной дискурсивной практике // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2022. Т. 21, № 2. С. 35–45.
30. Bleich E., Maurits van der Veen A. Media portrayals of Muslims: a comparative sentiment analysis of American newspapers, 1996–2015 // *Politics, Groups, and Identities*. 2018. Vol. 9 (1). P. 1–20. doi: 10.1080/21565503.2018.1531770
31. Рыжкова Е.В., Кокконен Е.И. Метафоры вакцинации от covid-19: игра в догонялки или стратегия маркетингового продвижения? (на примере британских СМИ) // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2021. Т. 6, № 39. С. 696–700.
32. Cartier E., Onysko A., Winter-Froemel E., Zenner E., Andersen G., Hilberink-Schulpen B., Nederstigt U., Peterson E., van Meurs F. Linguistic repercussions of COVID-19: A corpus study on four languages // *Open Linguistics*. 2022. Vol. 8. P. 751–766. doi: 10.1515/opli-2022-0222
33. Radina N., Bobkova S. International obligations on atmosphere and climate protection in media-discourse: Propaganda models of Russian and US media // *Communication Today*. 2021. Vol. 12 (1). P. 130–147.
34. Su Y., Borah P. Framing overseas Chinese students: A comparative analysis of newspaper coverage in mainland China, U.S., and Hong Kong // *International Communication Gazette*. 2021. Vol. 83 (2). P. 126–147. doi: 10.1177/1748048519853765
35. Song Y., Huang Z., Schuldt J.P., Yuan Y.C. National prisms of a global phenomenon: A comparative study of press coverage of climate change in the US, UK and China // *Journalism*. 2022. Vol. 23 (10). P. 2208–2229.

References

1. Ophir, Y., Walter, D., Arnon, D., Lokmanoglu, A., Tizzoni, M., Carota, J., Dantiga, L. & Nicastro, E. (2021) The Framing of COVID-19 in Italian Media and Its Relationship with Community Mobility: A Mixed-Method Approach. *Journal of Health Communication*. 26 (3). doi: 10.1080/10810730.2021.1899344
2. Motta, M., Sylvester, S., Callaghan, T. & Lunz-Trujillo, K. (2021) Encouraging COVID-19 vaccine uptake through effective health communication. *Frontiers in Political Science*. 3. Art. No. 630133.
3. Mavletova, A.M. & Lebedev, D.V. (2017) Issledovaniya media-freymov: obzor osnovnykh metodologicheskikh podkhodov [Media Frame Research: Review of Main Methodological Approaches]. *Communications. Media. Design*. 2 (3). pp. 79–112.
4. Tewksbury, D. & Scheufele, D.A. (2019) News framing theory and research. In: Oliver, M.B., Raney, A.A. & Bryant, J. (eds) *Media effects. Advances in Theory and Research*. New York: Routledge. pp. 51–68.
5. Terekhov, M.D. (2014) Freymovyy podkhod: filosofsko-metodologicheskii aspekt [Frame Approach: Philosophical and Methodological Aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 6. pp. 53–71.
6. Gromov, D.V. (2020) Gopnik v internete: virtual'naya igra s tochki zreniya sotsial'nogo dramaturgiy Irvina Gofmana [Gopnik on the Internet: Virtual Game from the Perspective of Erving Goffman's Social Dramaturgy]. *Novoye proshloye*. 1. pp. 134–153.
7. Radina, N.K. (2018) Nezavisimyye media i initsiativy gosudarstvennoy semeynoy politiki na etape "pronatalistskogo povorota" [Independent Media and State Family Policy Initiatives at the Stage of "Pronatalist Turn"]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 16 (2). pp. 296–310.
8. Minsky, M. (1975) A framework for representing knowledge. In: Winston, P.H. (ed.) *The psychology of computer vision*. New York: McGraw-Hill. pp. 211–277.
9. Fillmore, Ch.J. (1982) Frame semantics. In: Yang, I. (ed.) *Linguistics in the Morning Calm. Selected Papers from SICOL-1981*. Seoul: Hanshin. pp. 111–137.
10. Dijk, T. van. (2000) *Yazyk, poznaniye, kommunikatsiya* [Language, Cognition, Communication]. Translated from English. Minsk.
11. Babushkin, A.P. (1996) *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike* [Types of Concepts in Lexical-Phraseological Semantics]. Voronezh: VSU.
12. Boldyrev, N.N. (2014) *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lektiy* [Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: A Course of Lectures]. Tambov: TSU.
13. Gorbunova, N.N. (2014) *Sovremennaya angloyazychnaya terminosistema sfery menedzhmenta: strukturno-semanticheskaya i kognitivno-freymovaya kharakterizatsiya* [Modern English-Language Terminology System in Management: Structural-Semantic and Cognitive-Frame Characteristics]. Philology Cand. Diss. Pyatigorsk.
14. Fomich, M.O. (2018) Metod mediafreyminga v issledovaniyakh materialov SMI [Media Framing Method in Media Content Research]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya*. 1. pp. 78–82.
15. McCombs, M. (2004) *Setting the agenda: The mass media and public opinion*. Cambridge: Polity Press.
16. Iyengar, S. (1991) *Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues*. Chicago: University of Chicago Press.
17. De Vreese, C. (2005) News framing: Theory and typology. *Information Design Journal*. 13 (1). pp. 51–62.
18. Vliegenthart, R. & Zoonen, L. (2011) Power to the frame: Bringing sociology back to frame analysis. *European Journal of Communication*. 26 (2). pp. 101–115.
19. Polukhina, E.V. & Prosyanyuk, D.V. (2015) Metody analiza teksta v smeshannom dizayne issledovaniya [Text Analysis Methods in Mixed Research Design]. *Politicheskaya nauka*. 2. pp. 104–116.
20. Vu, H.T. & Lynn, N. (2020) When the News Takes Sides: Automated Framing Analysis of News Coverage of the Rohingya Crisis by the Elite Press from Three Countries. *Journalism Studies*. 21 (9). pp. 1284–1304. doi: 10.1080/1461670X.2020.1745665
21. Hossain, A., Wahab, J.A. & Khan, M.S.R. (2022) A computer-based text analysis of Al Jazeera, BBC, and CNN news shares on Facebook: framing analysis on Covid-19 issues. *Sage Open*. 12 (1). Art. No. 21582440211068497.
22. Touri, M. & Koteyko, N. (2014) Using corpus linguistic software in the extraction of news frames: towards a dynamic process of frame analysis in journalistic texts. *International Journal of Social Research Methodology*. 18 (6). pp. 601–616. doi: 10.1080/13645579.2014.929878
23. Dolokhova, A.D. & Soboleva, E.D. (2022) Predstavleniye dvizheniya black lives matter v izdaniy KPK "Khuan'tsiu Shibao" [Representation of the Black Lives Matter Movement in the CPC's Global Times]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*. 2. pp. 94–110.
24. Ogbodo, J.N., Onwe, E.C., Chukwu, J., Nwasum, C.J., Nwakpu, E.S., Nwankwo, S.U., Nwamini, S., Elem, S. & Iroabuchi Ogbaeja, N. (2020) Communicating health crisis: a content analysis of global media framing of COVID-19. *Health Promotion Perspectives*. 10 (3). pp. 257–269. doi: 10.34172/hpp.2020.40
25. Herman, E. & Chomsky, N. (2002) *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books.
26. Austin, J. (1967) *How to do things with words*. Cambridge: CUP.
27. Searle, J. (1969) *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. London: Cambridge University Press.
28. Entman, R. (1993) Framing: toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 43. pp. 51–58.

29. Yudina, N.V. & Kalugina, O.A. (2022) Freymovaya reprezentatsiya kontsepta "tsifrovaya ekonomika" v russkoyazychnoy diskursivnoy praktike [Frame Representation of the "Digital Economy" Concept. Language Discursive Practice]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 21 (2). pp. 35–45.
30. Bleich, E. & Maurits van der Veen, A. (2018) Media portrayals of Muslims: a comparative sentiment analysis of American newspapers, 1996–2015. *Politics, Groups, and Identities*. 9 (1). pp. 1–20. doi: 10.1080/21565503.2018.1531770
31. Ryzhkova, E.V. & Kokkonen, E.I. (2021) Metafori vaktsinatsii ot covid-19: igra v dogonyalki ili strategiya marketingovogo prodvizheniya? (na primere britanskikh SMI) [COVID-19 Vaccination Metaphors: A Game of Catch-Up or Marketing Promotion Strategy? (Based on British Media)]. *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6 (39). pp. 696–700.
32. Cartier, E., Onysko, A., Winter-Froemel, E., Zenner, E., Andersen, G., Hilberink-Schulpen, B., Nederstigt, U., Peterson, E. & van Meurs, F. (2022) Linguistic repercussions of COVID-19: A corpus study on four languages. *Open Linguistics*. 8. pp. 751–766. doi: 10.1515/opli-2022-0222
33. Radina, N. & Bobkova, S. (2021) International obligations on atmosphere and climate protection in media-discourse: Propaganda models of Russian and US media. *Communication Today*. 12 (1). pp. 130–147.
34. Su, Y. & Borah, P. (2021) Framing overseas Chinese students: A comparative analysis of newspaper coverage in mainland China, U.S., and Hong Kong. *International Communication Gazette*. 83 (2). pp. 126–147. doi: 10.1177/1748048519853765
35. Song, Y., Huang, Z., Schuldt, J.P. & Yuan, Y.C. (2022) National prisms of a global phenomenon: A comparative study of press coverage of climate change in the US, UK and China. *Journalism*. 23 (10). pp. 2208–2229.

Информация об авторах:

Радина Н.К. – д-р полит. наук, профессор кафедры истории и теории международных отношений Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского» (Нижний Новгород, Россия); старший научный сотрудник лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). E-mail: rasv@yandex.ru

Балакина Ю.В. – канд. филол. наук, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, научный сотрудник лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). E-mail: julianaumova@gmail.com

Банников К.В. – стажер-исследователь лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений, старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). E-mail: freedom3116@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.K. Radina, Dr. Sci. (Political Science), professor, Lobachevsky University (Nizhny Novgorod, Russian Federation); senior research fellow, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: rasv@yandex.ru

Ju.V. Balakina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, research fellow, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: julianaumova@gmail.com

K.V. Bannikov, intern researcher, senior lecturer, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: freedom3116@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2024;
одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 20.05.2024;
approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 31.01.2025.*

Научная статья
УДК 82.0
doi: 10.17223/15617793/510/6

«Книги без конца»: множественные финалы в структуре литературного нарратива

Дина Владимировна Шулятьева¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, dshulyatyeva@hse.ru*

Аннотация. Исследуются множественные финалы в литературных экспериментах Р. Кувера, Дж. Фаулза и М. Брэдбери в актуальном для них постмодернистском контексте, а также в их связи с более ранними традиционными нарративами и с более поздними – интерактивными. Устанавливается, что они отличны от «альтернативных финалов» и позволяют противопоставить идею нарративного финала и эффект завершенности, производимый на читателя. Они же указывают и на возможное развитие повествовательности – уже на современном этапе (XXI в.).

Ключевые слова: множественные финалы, альтернативные финалы, нарративные финалы, нарративная завершенность, неестественная нарратология

Для цитирования: Шулятьева Д.В. «Книги без конца»: множественные финалы в структуре литературного нарратива // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 63–72. doi: 10.17223/15617793/510/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/6

"Books without end": Multiple endings in fictional narratives

Dina V. Shulyatyeva¹

¹ *HSE University, Moscow, Russian Federation, dshulyatyeva@hse.ru*

Abstract. Multiple endings as a narrative device are employed in postmodern literature. They become conventional for interactive narratives, but remain unusual for traditional ones. They demonstrate how literary narratives can combine narrative logic with game logic in an attempt to expand the boundaries of the literary medium. The aim of this article is to consider multiple endings in several perspectives: in the context of unnatural narratology, the theory of possible worlds, in the comparison of traditional and interactive narrative forms, in their correlation with more familiar, "single" endings. At the same time, multiple endings, presenting alternative versions of the events to the reader, find their own place in the history of narrative forms, traditionally paying attention to the ways of presenting "alternatives": in this case, they are comparable with both "open" and "alternative" endings. Multiple endings are a narrative phenomenon, that is, they point the reader to several versions of the completion of the story, but not the text; they problematize the ratio of the narrative ending and the narrative closure. Multiple endings are researched in this article on the examples provided by R. Coover, J. Fowles, M. Bradbury. In each of the cases considered, multiple endings simulate the incompleteness of the story, simultaneously creating the illusion of a choice for the reader; but in each of these cases, this illusion is destroyed, demonstrating the collision of the incompleteness of the story and the fundamental completeness of the text. Each of the literary experiments imposes its own limitations on the reader's interaction with such a narrative form: Coover resorts to creating an excessive number of endings that do not allow the reader to relate himself to the characters, nor to follow their development, nor to reduce the distance in relation to them. He extends excess as a principle to work with the representation of individual events in the story, involving the reader in the flow of actions, producing a disorientation effect on them. With the help of multiple endings, Fowles switches the reader's attention from interacting with the hero to interacting with the narrator – thereby producing the effect not of suspense, but of meta-suspense. Bradbury further emphasizes the impossibility of choosing even in a situation where several alternatives are explicitly presented to the reader: he puts more emphasis than Fowles or Coover on the metafictional dimension of the narrative, involving the reader in the "history of writing". All these experiments are aimed at creating a game narrative, in relation to which the reader inevitably keeps a distance, but they also point to the possible development of narrativity – already at its present stage.

Keywords: multiple endings, narrative endings, narrative closure, alternative endings, unnatural narratology

For citation: Shulyatyeva, D.V. (2025) "Books without end": Multiple endings in fictional narratives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 63–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/6

Введение

Современная нарратология все активнее интересуется не только устойчивыми, конвенциональными, воспроизводимыми повествовательными моделями, но и всем тем, что им противится, от них отклоняется. Так возникает «неестественная нарратология», обращающая внимание прежде всего на повествовательные феномены, порывающие с нарративными конвенциями. В фокусе исследователей оказываются менее распространенные и менее привычные читателю формы: «тыповое повествование», неестественные начала и концовки, способы наррации и фокализации. Такое развитие нарратологической мысли не кажется случайным: оно по своему откликается на те изменения, которые происходят и в художественной практике. И потому нарратологи-«неестественники» в качестве материала для своих исследований выбирают прежде всего нарративные эксперименты писателей второй половины XX в., нередко относимых к позднему модернизму и постмодернизму: С. Беккета, А. Роб-Грийе, Дж. Фаулза, Р. Кувера, Е. Файджес и др. Пытаются осмыслить они и те повествовательные феномены, что получают развитие в XXI в.: среди них – вся палитра нелинейных нарративов, охватывающих и литературу, и кино, формирующихся под естественным влиянием сложного разномедийного контекста (кино, видеоигры, интерактивная и цифровая литература).

Неестественная нарратология, как заявляют ее ключевые представители Я. Элбер и Б. Ричардсон, не пытается предложить универсальные модели для описания таких экспериментов, напротив: она такого универсализма бежит. Элбер и Ричардсон подчеркивают: их интересуют антимиметические, нереалистические, неконвенциональные повествовательные формы, их интересует и то, какой способ описания может предложить для таких форм нарратология – на эти вопросы, в частности, они ищут ответы.

При этом Элбер уделяет большее внимание текстовым маркерам, обеспечивающим функционирование «неестественного» в нарративе, а Ричардсон – тем эффектам, которые они производят на читателя. Элбер потому так определяет «неестественное»: это «физически, логически и по-человечески невозможные сценарии и события (независимо от того, кажутся они нам острающими (*estranging*) или нет» [1. С. 14]. А Ричардсон в собственном определении ставит иной акцент: неестественным для него является все «антимиметическое», а под «антимиметическим» он понимает «нарушение миметических конвенций и реалистических практик», «брошенный вызов конвенциям существующих, устоявшихся жанров» [2. С. 3]. Для антимиметического (и, как следствие, неестественного), кроме того, характерен, с его точки зрения, «эффект неожиданности, производимый текстом, будь то удивление, шок или кривая усмешка, демонстрирующая, что действует иной, игровой способ репрезентации» [2. С. 3].

Среди множества «неестественных» повествовательных феноменов обнаруживается и необычная работа с повествовательными финалами: она встречается

и у Дж. Фаулза, и у Б. Джонсона, и у М. Брэдбери, и у К. Ньюмана, и у Р. Кено. Перед нами – не один вариант завершения истории, а целая россыпь. Множество финалов встречает читателя и в новелле «Бибиситтер» (1969) американского писателя Р. Кувера. Кувер в целом интересуется теми изменениями, которые происходят в современной повествовательности ввиду ее взаимодействия с цифровой средой. Этот интерес находит воплощение в его эссе «Конец книг?» [3], но и в собственных повествовательных экспериментах.

Новелла «Бибиситтер» примечательна тем, что предлагает сразу несколько – множество! – вариантов развития событий в рассказываемой истории. Все начинается просто: супружеская пара покидает свой дом, желая весело провести пятничный вечер, детей они оставляют с няней... – а вот то, что происходит потом, в единую, хронологически выстроенную, реконструируемую фабулу никак не укладывается. Вслед за этим в новелле Кувера предлагаются варианты, и каждый – отдельная (небольшая) глава, каждый – противоречит предыдущему, каждый – выбивается из фабулы и, наконец, каждый вариант перестает указывать на то, что в действительности произошло, воплощая собой лишь «возможное», «потенциальное».

Чем может быть интересен такой повествовательный эксперимент? О чем нам могут рассказать такие «множественные финалы»? Они демонстрируют, как литературные нарративы начинают трансформироваться, находясь под влиянием интерактивных форм; они демонстрируют, как традиционная нарративная логика вступает во взаимодействие с логикой игровой и в результате создается иной способ рассказывания, предлагающий читателю иной способ взаимодействия с рассказываемой историей.

Множественные финалы и их функции в структуре нарратива могут быть рассмотрены сразу с нескольких точек зрения: как «неестественный» нарративный феномен, нарушающий более привычную конвенцию использования «единичного» финала; как инструмент диалога традиционных (неинтерактивных) нарративов с новой для них интерактивной средой; как новый способ коммуникации с читателем, иначе управляющий его вниманием и интересом. Наконец, множественные финалы указывают еще на одно измерение нарратива, вписывая себя в историю развития альтернативных вариантов событий внутри него.

Финалы: множественные, альтернативные, интерактивные

Множественные финалы конвенциональны для игровых нарративов (видеоигр, книг-игр, интерактивной литературы и кино), но куда менее привычны для нарративов традиционных. Интерактивные нарративы невозможно представить без равноценных множественных финалов, каждый из которых предложен читателю-игроку «на выбор».

Такие финалы – органика интерактивных медиа, и потому они нередко рассматриваются исследователями видеоигр и иных интерактивных нарративных форм [4, 5].

И все-таки идея множественности финалов возникает не в интерактивных нарративах и даже не в постмодернистских литературных экспериментах, хоть и воплощается в них во всей полноте. Множественные финалы раз за разом представляют читателю палитру альтернативных вариантов развития событий, каждый из которых возможен, но пока не реализован. Интерес к таким «альтернативам» характерен и для традиционных нарративов, которые тоже – в иной, чаще имплицитной, манере – предлагали читателю сразу несколько вариантов финалов, указывая на них, направляя читательское воображение в их сторону.

Такие «альтернативы» могли быть предъявлены в традиционных нарративах множеством способов: при помощи дизнаррации, контрфактуальных элементов, виртуальных событий, встроенных нарративов и др. (см., например, [6, 7]). Теперь, в постмодернистской традиции эти альтернативы больше не скрываются нарратором, но предъявляются им непосредственно – и именно этим вписываются в обширную историю нарративных форм.

Неудивительно поэтому, что само понятие множественных финалов сопоставимо и с более привычными «открытыми финалами», и с «альтернативными финалами» (см. подробнее: [8]): и вторые, и третьи не были изобретены интерактивными медиа или постмодернистскими литературными экспериментами, но демонстрировали возможность проблематизации нарративной логики, согласно которой из множества возможных вариантов в рассказываемой истории выбирается только один.

Множественные финалы отличны от альтернативных финалов. Первые представлены в пределах повествовательного мира и предъявляются читателю последовательно, один за одним. Иные (альтернативные) финалы доступны читателю только из истории написания текста и находятся потому за пределами повествовательного мира. Известным примером функционирования альтернативных финалов является роман «Прощай, оружие» Э. Хемингуэя: история его создания включала сразу десятки версий, только одна из которых в результате была включена в текст, остальные же были опубликованы в более позднем издании романа, но отдельно от основного текста. В знаменитом интервью 1958 года Джорджу Плимптону он и сам обращал внимание на такую особенность своей работы над романом: «Я переписал финал «Прощай, оружие», последнюю страницу романа, 39 раз» [9]. Этот пример показателен тем, как писатели испытывали интерес к предъявлению множественных финалов еще до их закрепления в постмодернистской традиции и как искали пути для такого диалога с читателем. В случае с альтернативными финалами такой диалог выводит читателя за пределы повествовательного мира: версии финалов хоть и предъявляются (в том же издании), но повествовательно скрыты. При этом они оказываются скрытыми уже иначе, чем это было в прежней традиции: они одновременно и отдаются на откуп читательскому воображению, и дают доступ к вариантам, уготованным самим автором. Неудивительно, что разви-

тие нарративных форм во второй половине XX в. приходит к экспликации таких множественных финалов: интерес к альтернативам только растет, и они предъявляются читателю все более заметным и явным образом. Теперь они переступают границу между диегетическим и экстрадиегетическим пространством и заполняют собой тот повествовательный мир, в который читателю предлагается погрузиться.

Альтернативные финалы могут создаваться не только в процессе работы над литературным текстом, но и при его переносе в другой медиум: например, кинематографический. Кинематографу тоже известны «режиссерские» и, наоборот, «продюсерские» версии финалов, которые составляют историю создания фильма, но все-таки не включены в его повествовательный мир одновременно. Такие альтернативные финалы могут бороться за внимание зрителя и даже «меняться ролями»: один из них может быть признан «основным», а затем (в силу разных причин) отброшен в пользу другого. Зритель может отдать предпочтение режиссерской версии фильма или, наоборот, коммерческой. В современной ситуации, когда зрителю доступны сразу несколько вариантов, такой выбор он может сделать самостоятельно – хоть и за пределом рассказываемой истории.

Наконец, альтернативные финалы могут возникать не только в процессе создания истории, но и после ее выхода в свет. «Производство» альтернативных финалов потому характерно и для фан-фикшн, и для трансмедийной «жизни» литературного текста: его переноса в другой медиум. И альтернативные, и множественные финалы – каждые по-своему – указывают читателю на иной возможный исход событий, пытаются таким образом продлить уже рассказанную историю, преодолеть ее завершенность.

Эксплицитное предъявление альтернативных версий событий читателю при помощи множественных финалов позволяет создавать в нарративе сразу несколько возможных миров, каждый из которых альтернативен предыдущему, противоречит ему. С этой точки зрения постмодернистские эксперименты рассматривает исследовательница Х. Данненберг, относя примеры с множественными финалами к «радикальной метапрозе» [10. С. 215]. Она подчеркивает: такие нарративы создают множество возможных миров, ни одному из которых не отдается предпочтения в пределах повествовательного мира. Соотношение возможных миров, по Данненберг, в постмодернистской традиции меняется по сравнению с предшествующими литературными традициями, и особенностью теперь уже постмодернистских нарративов становится создание равноценных возможных миров, ни один из которых не может быть признан истинным в пределах нарратива.

При этом особенностью такой множественности возможных миров в постмодернистской прозе, по Данненберг, становится их ограниченность: в каждом новом варианте (финала) герой остается прежним, не отличается принципиально от себя «иного» (из другой версии), не претерпевает значительных изменений [10. С. 216].

Ограничены такие нарративы и в своем отступлении от традиционной нарративной структуры, предполагающей наличие одной реконструируемой фабулы или нескольких, но ясным образом взаимосвязанных друг с другом. Нарративы с множественными финалами по-прежнему включают в себя только одну, линейно выстроенную фабулу – и с этой точки зрения остаются конвенциональными, традиционными. Но они же демонстрируют способность нарратива включать сразу несколько фабул, быть многолинейным с этой точки зрения, да так, что эти фабулы будут альтернативны друг другу, опровергать одна другую.

Этим они оказываются интересны представителям неестественной нарратологии. Б. Ричардсон отмечает: нарративы с множественными финалами обычно включают в себя довольно конвенциональное развитие истории, но добавляют ему «антимиметический сюжетный поворот» (twist) [11. С. 337].

Множественные финалы могут быть рассмотрены в ряду других феноменов, проблематизирующих порядок событий в нарративе. Такой порядок действительно поддается варьированию, позволяя читателю теперь самому выбирать «путь по тексту», складывать – как конструктор или игральную колоду – историю из нескольких событийных частей. Для Ричардсона во всех этих феноменах значимым является то, как они позволяют уже не только практике, но и теории переосмыслить, казалось бы, базовые понятия. Он отмечает: такой «неестественный» порядок событий, к которому относятся и множественные финалы, «разрушает идею стабильной, предзаданной фабулы» [12. С. 174]. Множественные финалы – с этой точки зрения – включают в более объемный круг феноменов, каждый из которых позволяет проследить, как литературные нарративы в постмодернистской эстетике переживают существенные изменения: раскачиваясь между нарративной «традицией» и тем обновлением, которое она неизбежно претерпевает.

Финалы: нарративные, текстуальные, рецептивные

Говоря о множественных финалах, мы имеем в виду прежде всего нарративные финалы, отличные от текстуальных. И те, и другие не раз подвергались типологизации и описывались с точки зрения их функционирования в традиционных нарративах (постмодернистские чаще оставались в стороне) [13]. Куда труднее, наверное, сопоставить нарративный и текстуальный финал с эффектом завершенности, который не зафиксирован в структуре нарратива, но создается при взаимодействии читателя с ним.

Возникая в постмодернистской прозе, множественные финалы ставят еще один вопрос: о соотношении нарративного, текстуального и рецептивного финала при функционировании литературного нарратива и о возможностях проблематизации такого соотношения.

Нарративный финал указывает на завершение рассказываемой истории, тогда как текстуальный финал – на завершение предложенного читателю текста. В ли-

тературном нарративе эти разные типы «финалов» могут не совпадать, и эксперименты с нарративной формой нередко направлены на использование возможности такого несовпадения. Так, история (события, происходящие с героями) может завершаться, тогда как текст – продолжаться. Возможна и обратная ситуация: текст завершен, но история не получает эксплицитного разрешения, не содержит прописанный финал. Текстуальный финал отличен от нарративного финала и тем, что обязательно очерчивает границы текста, подчеркивает их, прямо указывает на них читателю. Такой финал – это «порог», если пользоваться метафорой Ж. Женетта, через который читатель неизбежно переступает, включаясь во взаимодействие с текстом, и текстуальный финал (наряду с началом) указывает ему на завершение такого взаимодействия. С нарративными финалами ситуация обстоит иначе, поскольку вести себя они могут куда менее предсказуемо: да, они маркируют окончание истории, но не препятствуют продолжению самого рассказывания, в процессе которого читателю может быть предложена другая история, альтернативная предыдущей. Распознать такой нарративный финал читателю потому куда сложнее – он может «прятаться» от него, лишь притворяться финалом, не являясь им, быть ложным или, наоборот, истинным... Нарративный финал потому представляется, в отличие от текстуального, куда менее «постоянным»: в действительности он не обозначает завершения истории, он указывает лишь на возможность такого завершения, подтвердить или опровергнуть которую может лишь читатель, полностью реконструировав фабулу в расказе. Такая природа нарративного финала сопоставима с тем, как в нарративе функционируют лакуны: они тоже могут быть постоянными и временными (см., например, [14. С. 13–14]), и последние предполагают изменение статуса события, произошедшего в рассказанной истории.

Финалы, как нарративные, так и текстуальные, отличны от того, что отдельные исследователи называют «нарративной завершенностью» (closure). Если текстовый финал – это структурный элемент текста, то «завершенность» – феномен его восприятия читателем. Финал есть у любого текста, но он необязательно будет производить эффект завершенности на читателя. Этот эффект Н. Кэрролл описывает так: «нарративная завершенность определяется как феноменологическое ощущение окончательности (finality), которое возникает, когда даны ответы на все вопросы, поставленные повествованием» [15. С. 1]. В продолжение размышления Кэрролла исследователи Т. Клаук, Т. Кёппе и Э. Онея подчеркивают: эффект завершенности создается и на ином, эмотивном, уровне – этому Кэрролл уделяет меньше внимания [16. С. 24].

Эффект незавершенности же может производиться при помощи разных приемов: открытого финала или, например, указания на ограниченность нарратора. Оpozнание той или иной истории как завершенной, указывает Э. Сигал, зависит не от наличия или отсутствия событий (если их больше нет – история завершена), но от поддержания или угасания нарративного

интереса (в терминах М. Стернберга [17]). В таком случае нарративный интерес и управление им играют решающую роль в функционировании «завершения» в тексте. Так, нарративный или текстовый финал может не опознаваться как завершение истории самим читателем. И возможность такого «столкновения» тоже задействована в постмодернистской традиции.

Эффект завершенности, производимый нарративом на читателя, в конечном счете ответствен за поддержание «цельности» и нарративного мира, и предложенного читателю рассказа. Финалы – нарративные, текстуальные, рецептивные – направлены на создание такой «цельности», и в этом им помогают и «литературные начала» (*beginnings*). И первые, и вторые не столько противопоставлены друг другу, сколько двойнически взаимосвязаны. На эту особенность функционирования финалов и, наоборот, начала историй указывает Дж. Адамо, предпринимая попытку типологизации финалов в традиционных нарративах. Она выделяет сразу шесть типов финалов: 1) финалы, подчеркивающие завершенность (и, добавим, необратимость) произошедших событий: смерть, расставание, отъезд, мораль истории и пр.; 2) финалы, указывающие на новый возможный виток событий, которые становятся, по выражению Адамо, «новым началом»; 3) финалы, тематически или стилистически дублирующие начало, возвращающие читателя к нему; 4) финалы, нарративно возвращающие читателя к началу текста (за счет указания на начало наррации); 5) нейтральные финалы («простая остановка в действии, которую можно назвать финалом *in medias res*»); 6) метафизические финалы [18. С. 98–99]. Как видим, половина из этих типов финалов так или иначе отсылает читателя к началу историй. Если начало по праву можно назвать точкой отсчета литературного текста, то финал лишь изредка становится «конечной станцией». На такую особенность нарративов не раз указывали исследователи (М. Стернберг, Э. Сигал, М. Торговник и др.), рассматривая финалы в прагматической перспективе. Финалы, отмечают они, направлены на ретроспективный пересмотр читателем всей прежде рассказанной ему истории; они (независимо от их конкретной реализации) заставляют читателя вернуться ко всему произошедшему, тем самым переоценить, подвергнуть вариативности и начало истории, и все, что следовало за ней вплоть до конца [13, 19].

Множественные финалы в постмодернистской традиции, таким образом, не случайный феномен в истории нарративных форм, но ее логичное продолжение. Они оказываются востребованными в интерактивных нарративах, тогда как, напротив, «единичные» финалы остаются конвенциональными для нарративов традиционных. На это обращают внимание исследовательницы А. Гарсиа и Ф. Кова, задаваясь вопросом о причинах конвенциональности «единичных», а не множественных, финалов. Единичные финалы способствуют созданию иммерсии, укрепляют связность нарратива, снижают его игровую составляющую (в сравнении с игровыми нарративами) [20. С. 107–111]. Все это находит отклик у читателя, отвечает на его запрос. Но что происходит с читателем, когда нарративы меняются?

В этом контексте тем более значимыми оказываются постмодернистские нарративные эксперименты, которые пытаются расширить границы традиционного литературного медиума и организовать встречу нарративной логики с игровой.

Какими функциями наделяются множественные финалы в структуре постмодернистского нарратива? Какое переживание предлагают читателю? Как позволяют соотносить понятие нарративного финала с эффектом завершенности, производимым на читателя? И что они могут рассказать о развитии повествовательности в последние десятилетия?

Использование множественных финалов встречается сразу у нескольких писателей-постмодернистов, мы рассмотрим несколько таких примеров: роман «Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза (1969), новеллу «Бибиситтер» Р. Кувера (1969), рассказ М. Брэдли «Composition» (1976). Каждый из них по-разному с конвенцией традиционных нарративов, отказывается от единичного, определенного финала и предлагает читателю куда больше – два, три или даже несколько десятков разных финалов историй. Каждый из них не только вовлекает читателя в игру, но и исследует возможности литературы, каждый из них – предъявляя читателю и возможности «новых» нарративов, и указывая на их ограничения – осознанно или неосознанно размышляет о будущем нарративных форм.

«Бибиситтер» Р. Кувера: избыточность как прием

«Она приходит в 19:40, на десять минут позже, но дети, Джимми и Битси, еще ужинают, и их родители еще не готовы уйти. Из других комнат доносится крик ребенка, шум льющейся воды, телевизионного мюзикла (без слов: наверное, танцевальный номер – на ум приходят узоры из скользящих фигур). Миссис Такер вбегает на кухню, возясь со своими волосами, выхватывает из кастрюли с теплой водой бутылочку с молоком и снова выбегает. “Гарри!” – зовет она. “Няня уже здесь!”»¹ [21. С. 350].

Так начинается новелла Кувера, покорно следуя конвенциональным принципам организации завязки в сюжете. Один герой приходит в дом, другие – готовятся его покинуть: этот принцип был описан и В. Проппом, и Дж. Кэмпбеллом, и их последователями. Все события, которые последуют за завязкой, однако, будут решительно уклоняться от каких-либо конвенций. Вместо традиционной линии развития героя читателю предложат более сотни глав (некоторые из которых занимают всего пару строк), события в которых то и дело будут противоречить друг другу. Сначала читателя будут «переключать» от одного героя к другому – и ни о каком привычном «знакомстве» с ними не будет идти и речи; вдобавок будут сменяться и локации – и закрепиться ни в одной в таком потоке изменений будет нельзя. Такие «главы» у Кувера никак специально не упорядочены, не маркированы номерами или названиями, – они не улучшают навигацию читателя по тексту и повествовательному миру, но, наоборот, фрагментируют этот мир, дробя его на персонажей, пространства и версии, каждая из которых альтернативна предыду-

щей. Наконец, на читателя обрушится и финал этой истории – и не один, а множество. Эти финалы будут сменять один другого, пока история, наконец, не закончится, имитируя собственную незавершенность.

Объем рассказа Кувера сравнительно небольшой, чего не скажешь о количестве финалов в его истории. Такой объем – существенно меньше, чем в большом романе, и это оформление истории тоже имеет значение для читателя. Ему предлагается множество вариантов и множество миров, но в каждый из них он не успевает погрузиться, не успевает «вжиться» в этот мир, соотнести себя с ним, вместо такого погружения он вынужден раз за разом сталкиваться с переключением на другой мир и не имеет возможности вернуться к предыдущему. Финалы в рассказе Кувера сыплются на читателя один за одним, каждый раз указывая на окончание истории и каждый раз ее неизбежно возобновляя, сталкивая тем самым нарративный финал и финал рецептивный, делая их несовместимыми. Одна версия заканчивается (наступает один из нарративных финалов), но история продолжается – и производит на читателя эффект незавершенности.

Такие финалы создают разные миры – но намеренно размывают границы между ними, по крайней мере на уровне читательского восприятия: версий событий, происходящих с одними и теми же героями, так много, что различить их читателю с каждым новым «миром» оказывается все сложнее. Потому и эффект, производимый такой множественностью, заключен скорее не в предъявлении множества вариантов, каждый из которых читателю предлагается полноценно прожить и в каждый из которых надолго погрузиться. Эффект заключен в другом: в создании «атаки» на читателя, в результате которой он оказывается дезориентирован, не способен больше отличать одну версию от другой, один финал от иного, не способен обнаружить ни истинный вариант, ни выбрать хоть сколько-нибудь правдоподобный. Избыточность финалов у Кувера создает поток версий, обрушивающийся на читателя. Такой способ рассказывания действительно кажется неостановимым: что мешает нарратору предложить не сотню версий, а гораздо больше? Но и эта незавершенность рассказа у Кувера – только кажимость. С каждым новым финалом история для читателя неизбежно заканчивается, даже и продолжаясь новым финалом: каждый новый финал – сигнал о принципиальной незавершенности истории при возможном незавершенном рассказывании.

Множественные финалы у Кувера не только предъявляют несколько версий окончания событий, они встраиваются в общую систему повествования, в которой предпочтение отдается не порядку, а хаосу, не в действительности произошедшему, а лишь возможному, не ясности и связности, а дезориентации и разрозненности, не уже совершенному выбору (в пользу той или иной версии), а спектру вариантов, которые только открываются в процессе рассказывания.

Количество таких финалов у Кувера не случайно в своей избыточности: ведь чем больше вариантов предлагается на выбор, тем читателю тяжелее осуществить этот выбор, остановиться на чем-то одном. Такая

«остановка» или «погружение» оказывается тем более невозможной, если учитывать скорость репрезентации событий в новелле. Так, Кувер не пытается убедить читателя в истинности происходящего, как не пытается и погрузить его в случающиеся события, способствовать созданию иммерсии. Напротив: он создает аттракцион, благодаря которому перед читателем с высокой скоростью разворачивается веер вариаций и альтернатив, ни с одной из которых он всерьез не может себя соотнести. Так, Кувер на формальном уровне создает несколько возможных миров, но и не позволяет читателю погрузиться в них, воспринимать их как действительно возможные.

Основным принципом наррации у Кувера (в этой новелле) становится избыточность, и этот принцип распространяется на разные уровни организации повествования. Такая избыточность способна производить на читателя взрывной эффект, что поддерживается и тематически, и эмотивно. Сцены агрессии, насилия, апелляция к физиологическому опыту – все это тоже приметы избыточности, но уже иного, не нарративного, рода. Такая избыточность (исследовательница Л. Уильямс называет ее «эксцессивной», говоря о популярных жанрах, таких как хоррор, мелодрама или порнография [22]) только усиливает эффект атаки на читателя, отвлекающей его от более традиционного сопереживания герою. Избыточность вариантов у Кувера соотносится с избыточностью мгновенных эмоциональных реакций, спровоцированных происходящим. Тем удивительнее, что такой широкий спектр эмоций и даже телесный отклик на представленные события соседствует у Кувера с принципиальной невозможностью сопереживать героям.

Принцип избыточности в новелле Кувера реализует себя не только на уровне финалов, но и – гораздо более опосредованно – на уровне организации начала истории. Безусловно, проблема финала в повествовании неизменно связана с проблемой начала: как отмечалось прежде, финал не столько маркирует окончание взаимодействия читателя с текстом, сколько позволяет ему (теперь в воображении) переиграть и переосмыслить ранее известные события. В этом смысле любой акт чтения предполагает «круговое» движение по тексту от начала к концу и затем обратно, даже если этот текст не провоцирует специальным образом такое движение (как в случае с произведениями, финалы которых эксплицитно отсылают читателю к началу – «Круг» В. Набокова, например). Взаимосвязь начала и финала (см., например, [23]) особым образом усложняется в нарративах с множественными финалами.

Множество финалов в рассказе Кувера каждый раз возвращает читателя к началу истории – и делает это в принудительной, «агрессивной» манере, помещая его в своеобразную «петлю», или «воронку», из которой тому очень сложно вырваться. При этом переигрывается не только финал – это происходит в эксплицитном режиме, но и начало истории – теперь уже имплицитно. В случае с финалами «ответственность» за переигрывания ложится на нарратора, а в случае с началом – уже на читателя.

Именно он с каждым новым финалом начинает иначе воспринимать рассказанную историю и те события, которыми она открывается. Именно он реконструирует не только финал (выбирая наиболее «подходящий»), но и всю историю в ее цельности. Именно он, наконец, способен в воображении превратить рассказ Кувера в многолинейный – хоть и на структурном уровне множественность в нем заложена только в финалах (а не в фабулах целиком). Рассказ Кувера, таким образом, делится как будто бы надвое: эксплицитно множатся финалы, но множится и начало истории – и уже это изменение, «умножение», приходится на долю читателя.

Множественные финалы у Кувера производят эффект аттракциона, захватывающего читателя чередой сменяющихся версий и не позволяющего ему ни осмыслить происходящее, ни погрузиться в него эмоционально. Они открывают ему кажущуюся безграничной множественность повествовательного мира – но всегда хранят игровую дистанцию, не позволяя ему ни влиять на происходящее непосредственно, ни совершать подобный выбор в воображении. Они многое дают читателю – но больше «отнимают», каждый раз преграждая доступ к еще одному, новому возможному миру. Они лишь указывают на принципиальную способность повествования открывать сразу множество возможных миров, но сами эти миры не открывают, а скрывают от читателя.

Эксперимент Кувера потому напоминает «трюк», благодаря которому он хочет показать читателю возможности повествовательного медиума, благодаря которому он указывает читателю и на иную, «теневую» историю нарративных форм. Но пока его эксперимент – скорее исследование границ литературы, не позволяющее читателю «довериться» такому повествовательному миру, не производящее эффекта правдоподобия, но приглашающее читателя в игру, правила которой всецело принадлежат нарратору.

«Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза: между неожиданностью и предсказуемостью

В 1969 г. Дж. Фаулз пишет роман «Женщина французского лейтенанта» – знаменитую пародию на викторианский роман, в которой только на первый взгляд читателю предлагается традиционный, «единичный», финал. Он появляется в конце 44 главы, «притворяется» нарративным финалом, не совпадающим с текстуальным – ведь текст романа продолжается. «Вот и конец истории...» [24. С. 337] – заявляет нарратор, но и указывает на собственную ограниченность в знании того, что произошло с Сарой дальше, оставляя эту лакуну незаполненной, тем самым открывая ее для читателя, предоставляя ему возможность заполнить ее самому. Фаулз в своем экспериментировании с читателем задействует материальный потенциал литературного текста: если финал предъявлен в истории, которая еще не завершена, он еще может быть опровергнут. И так и происходит: еще два финала ждут читателя в конце романа, и они не совпадают с прежде предъявленным.

Фаулз действует иначе, чем Кувер. Он не обрушивает на читателя множество финалов, в котором сориентироваться читателю оказывается непросто. Напротив: он предлагает несколько, но все они – довольно предсказуемы для читателя. Первый финал отдает должное жанровой конвенции, второй – желаниям и мечтам главных героев, третий – сталкивает эти ожидания с более вероятным исходом. Фаулз не столько рушит жанровую конвенцию, сколько делает проговоренным то, что в прежней литературной традиции приходилось на умолчания, хоть и присутствовало имплицитно. Ричардсон описывает такой финал у Фаулза при помощи «денаррации» [12. С. 173] – переписывания уже рассказанной истории. Данненберг подчеркивает, что умножение финалов в конце романа – «более радикальное, поскольку эти финалы представляют собой противоречащие друг другу версии», при этом последняя версия, по Данненбергу, позволяет в романе «освободить героиню от условностей любовного сюжета XIX века» [10. С. 117]. И та, и другая версия, вместе с этим, вряд ли может дезориентировать читателя или показаться ему неожиданной, непредсказуемой. Эффект, производимый таким нарративным приемом, может заключаться и в другом: да, Фаулз вовлекает читателя в игру, имитируя возможность выбора «за» героя, включая традиционную жанровую конвенцию в игровое пространство постмодернистской эстетики, тем самым предлагая «освобождение» не только своей героине, но и читателю. Но он же и предлагает собственное «исследование» традиционной прозы – и в этой прозе его интересует имплицитное функционирование альтернатив, которые теперь становятся не скрытыми, но явными. Будучи предъявленными, они меняют и взаимодействие с читателем.

Множественные финалы у Фаулза смещают акцент с героя на нарратора: нарратор и сам вступает в схватку с читателем, вторгаясь в диегетический мир романа, и перетягивает внимание читателя на себя («...я не вмешиваюсь в естественный ход событий, даже если предвижу их печальный результат» [24. С. 465]). Он обозначает границы вымышленного мира, но и трансформирует диалогическое взаимодействие читателя с этим миром, подменяя саспенс – метасаспенсом. Благодаря множественным финалам у Фаулза читатель перемещается с одного нарративного уровня на другой: он отстраняется от героев, но приближается к нарратору; он теперь не столько заинтересован в том, что с ними в действительности произошло в пределах истории (выяснить это все равно невозможно), но скорее в том, что нарратор еще может ему «предложить», что еще может «выдумать». Нарратор, наконец, имитирует для читателя право выбирать одну из версий – причем указывает на эту возможность в каждом из предложенных финалов. В первом случае – за счет указания на собственную ограниченность в знании последующих событий, во втором – при помощи указания на ограниченность в знании героя. В тексте романа то и дело возникает размышление о выборе (еще до появления финалов, о множественности которых читатель не может знать): то Чарльз размышляет в

диалоге о выборе спутницы жизни, то Сара – о последствиях собственного жизненного выбора, то вновь герой – о выборе слов. В середине романа нарратор вздыхает: «у меня не остается выбора» [24. С. 248], а чуть позже напрямую обращается к читателю: «проблема выбора, стоявшая перед Чарльзом, может показаться вам устаревшей, неактуальной...» [24. С. 294]. Указания на выбор появляются в тексте романа более двадцати раз – и в этих (нередко скрытых) указаниях прячется размышление о письме и о чтении, настраивающее читателя на возможность выбора в финале. Если нарратору раз за разом нужно делать выбор (о чем говорить, о чем умолчать, какой из вариантов выбрать, в каком порядке представить события и пр.), то почему бы не предложить такой выбор читателю? Этот выбор, однако, тоже безграничен, и на эту ограниченность вновь указывает нам финал – но теперь уже не нарративный, а текстуальный. Текст конечен – и в этом нет сомнений и у читателя, но все же окончание текста у Фаулза дарует читателю надежду на возможность иного (альтернативного, множественного) выбора: «Река жизни, ее таинственных законов, ее непостижимой тайны выбора течет в безлюдных берегах; <...> жизнь <...> все же не символ, не одна-единственная загадка и не одна-единственная попытка ее разгадать, она не должна воплощаться в одном конкретном человеческом лице, нельзя, один раз неудачно метнув кости, выбывать из игры; <...>» [24. С. 471–472]. И такой финал романа только усиливает напряжение между незавершаемостью истории и завершенностью текста.

Дж. Фелан отмечал, что подобное использование финалов у Фаулза противоречит представлению о том, что финал в нарративе трансформирует восприятие всей истории (в т.ч. ее начала и основной части) [25. С. 102]. Однако финалы у Фаулза не столько меняют читательское восприятие рассказанной истории, сколько трансформируют взаимодействие с ней, переключая его с соотнесения с героями на соотнесение с нарратором, превращая для него все рассказанное в историю вымысла и в историю письма, что вполне соответствует постмодернистскому духу с его установкой на метафигиональность и ее проблематизацию.

В 1981 году роман экранизируют: экранизация не дублирует нарративный прием Фаулза, но расширяет его. Она включает в себя две фабульные линии: одна рассказывает о событиях в фильме, о героях, другая – об актерах, в этом фильме снимающихся. Множественные финалы, таким образом, расширяются до уже нескольких (пока только двух) фабул, которые тоже, как было у Фаулза, начинают противоречить друг другу лишь в финале, создавая сюжетный поворот.

«Composition» М. Брэдбери: выбор нарратора и выбор читателя

Если Дж. Фаулз написал пародию на викторианский роман, то М. Брэдбери – на нарративный эксперимент Фаулза. Так появляется небольшая новелла «Composition» («Сочинение») (1976), в которой Брэдбери тоже использует множественные финалы, но

уже иначе, чем его предшественник. Он выдает их читателю разом, один за одним, без отсрочки, характерной для Фаулза. С первых строк новеллы (и даже уже с названия) он погружает читателя в «пространство письма», только усиливая акцент на метафигиональном измерении нарратива. Меняет он и положение нарратора. Теперь, вдобавок к более привычной фигуре, у Брэдбери появляется герой, соединяющий в себе сразу несколько ролей: он и преподаватель (письма), и писатель, и читатель.

Нарратор у Брэдбери не пытается отдать предпочтение ни одному из финалов – как будто бы уравнивая их в своих правах, в отличие от эксперимента Фаулза. Обычно «право» выбирать один из возможных вариантов остается за нарратором, но теперь, у Брэдбери, это «право» как будто бы передано и герою, но и читателю. В рассказе Брэдбери сочетается и вполне реалистичное описание происходящего, и нескрываемое указание на сконструированность, вымышленность, странность описываемых событий. Но прежде всего, конечно, он предлагает читателю следить за приключениями письма, причем в его разных значениях: своего главного героя он делает писателем, других же – незадачливыми студентами, обучающимися художественному письму, их же – пробующих себя в эпистолярном жанре, обменивающихся письмами. Фоном к происходящему служит стучащая печатная машинка, отбивающая (видимо, вослед С. Беккету) «Пинг». Рассказ Брэдбери наполнен «письмом» как практикой и «письмом» как объектом наблюдения и изучения, а потому множественные финалы в его истории указывают на процесс письма, на производство письма, на его порождение – иными словами, выводят из тени на свет отбор одного события (финала) из множества вариантов, который обычно от читателя бывает скрыт. Если герои Фаулза размышляли о проблеме выбора, то в рассказе Брэдбери то и дело мелькает рассуждение о «концовках»: от чего зависит, чем закончится история, кто совершает этот выбор, каким он должен быть... Читатель у Брэдбери «поглядывает» за нарратором и за героем, получает такую возможность, но и не может оставаться безучастным: ведь в конце концов один-единственный вариант не выбирается в пределах рассказа, а лишь отдается ему самому «на откуп», на что и указывает мерцающее в рассказе местоимение-обращение «ты». Множественные финалы у Брэдбери перебрасывают, как мяч через сетку, это право выбора читателю – а текстуальный финал в то же время лишь смеется над ним: «Что за ерунду ты пишешь?» – читаем мы в последней строке рассказа.

Весь рассказ у Брэдбери – теперь только черновик, который может быть с легкостью переписан, события которого – сконструированы, вымышлены, подчинены воле пишущего, но и воле читающего, тоже участвующего в «переигрывании» прочитанного (это переиначивание происходит в воображении при взаимодействии с историей). «Ты сам должен написать конец истории» – заявляют в рассказе главному герою, а он этот призыв обращает к своему читателю.

Множественные финалы и у Кувера, и у Фаулза, и у Брэдбери позволяют создать не только (более очевидный) конфликт «единичности» и «множественности», но и конфликт нарративного и текстуального финала, нарративного финала и эффекта завершенности, производимого на читателя. Они сталкивают нарративную логику с игровой и предъявляют читателю их возможный синтез – пока еще в такой нарративной форме, которая не позволяет довериться этому нарративному миру, не позволяет погрузиться в него на правах сопереживающего, но уже открывает пространство взаимодействия, в котором читателю одновременно и передаются права выбора, но и тут же отбираются.

Заключение

Множественные финалы – нарративный прием, задействованный постмодернистской традицией, указывает на один из путей развития нарративных форм уже в XXI в., в момент перехода от постмодернизма к иной эстетике. Теперь, в современных нарративных формах, множественными станут не только финалы, но и сами фабульные линии, и такое изменение – далеко не «внешнее», не только количественное.

На рубеже XX и XXI в. вслед постмодернистским экспериментам появятся романы и фильмы, построенные на множественности фабул, в которых читателю будет предъявляться не один вариант развития событий, происходящих с героем, а сразу несколько. Такие разветвленные, мультифабульные нарративы позволяют рассмотреть ситуацию, следующую за постмодернизмом и властвующую сегодня: где интерактивность встречается с иммерсивностью, нарративная логика с игровой, эмпатическая дистанция – с аффектом, реалистичность – с неестественностью. Они и предлагают читателю такое переживание: балансирования

между полярными, казалось бы, категориями и состояниями, которые в результате снимают эти оппозиции, оставляя ему множественное и разнонаправленное переживание, не сводимое ни к одной из этих категорий.

Еще герой Ф. О'Брайена («О водопадающих», 1939) размышлял о множественности финалов и литературных начал: «Решительно не возьму в толк, отчего каждая книга должна иметь только одно начало и один конец. Хорошая книга может иметь три совершенно несхожих начала, взаимосвязанных лишь в авторском предвидении, а уж концовок – добрую сотню». О проблеме множественных финалов размышляет и герой современного британского писателя Дж. Барнса в «Попугае Флобера»: «В конце концов, если бы писатель действительно был озабочен тем, чтобы изобразить множественность жизненных исходов, ему следовало бы сделать вот что. В конце книги нужно было бы прикрепить набор разноцветных конвертов. На каждом должна быть четкая надпись: традиционный счастливый конец, традиционный несчастливый конец, традиционный половинчатый конец, *deus ex machina*; модернистский произвольный конец; загадочный конец; сюрреалистический конец; заканчивается концом света; заканчивается на самом интересном месте. Читателю позволяется открыть только один конверт, а остальные он должен уничтожить». Путь, описанный в этой книге, и предлагается читателю традиционной прозы: из множества вариантов отбирается один, иные же отбрасываются. Иной путь предложен постмодернистами-экспериментаторами: следить за всеми вариантами, играючи, не выбирая и не проживая ни один из них. Наконец, третий путь предложен уже современной прозой в ее собственном экспериментировании с предъявлением выбора читателю. Теперь читателю предлагается несколько вариантов, и совершить выбор ему по-прежнему нельзя, но можно каждый раз переживать (вместе с героем) его осуществление.

Примечания

¹ She arrives at 7.40, ten minutes late, but the children, Jimmy and Bitsy, are still eating supper, and their parents are not ready to go yet. From other rooms come the sounds of a baby screaming, water running, a television musical (no words: probably a dance number -- patterns of gliding figures come to mind). Mrs Tucker sweeps into the kitchen, fussing with her hair, and snatches a baby bottle full of milk out of a pan of warm water, rushes out again. 'Harry!' she calls. 'The babysitter's here already!

Список источников

1. Alber J. *Unnatural Narrative: Impossible Worlds in Fiction and Drama*. Lincoln : University of Nebraska Press, 2016. 329 p.
2. Richardson B. *Unnatural Narrative: Theory, History, and Practice*. Columbus : Ohio State University Press, 2015. 224 p.
3. Coover R. The End of Books // *New York Times Book Review*. 1992. June 21. P. 23–24.
4. Herte M. *Forms and functions of endings in narrative digital games*. New York : Routledge, 2021. 266 p.
5. Douglas J. *The End of Books – or Books Without End?: Reading Interactive Narratives*. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 2000. 205 p.
6. Ryan M.-L. *Possible Worlds, Artificial Intelligence, and Narrative Theory*. Bloomington : Indiana University Press, 1991. 291 p.
7. Dannenberg, H.P. Gerald Prince and the Fascination of What Doesn't Happen // *Narrative*. 2014. Vol. 22(3). P. 304–311.
8. Segal E. Ending Twice Over (Or More): Alternate Endings in Narrative // *Narrative Sequence in Contemporary Narratology* / ed. by R. Baroni, F. Revaz. Columbus : Ohio State University Press, 2016. P. 71–86.
9. Hemingway E. The Art of Fiction No. 21. Interviewed by G. Plimpton // *The Paris Review*. 1958. Is. 18. URL: <https://www.theparisreview.org/interviews/4825/the-art-of-fiction-no-21-ernest-hemingway>
10. Dannenberg H. *Coincidence and Counterfactuality: Plotting Time and Space in Narrative Fiction*. Lincoln ; London : University of Nebraska Press, 2008. 304 p.
11. Richardson B. *Unnatural Endings in Fiction and Drama* // *The Edinburgh Companion to Contemporary Narrative Theories* / ed. by Z. Dinnen, R. Warhol. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018. P. 332–346.
12. Richardson B. *Unusual and Unnatural Narrative Sequences* // *Narrative Sequence in Contemporary Narratology* / ed. by R. Baroni, F. Revaz. Columbus : Ohio State University Press, 2016. P. 163–175.
13. Segal E. *Beginnings and Endings* // *Oxford Research Encyclopedia of Literature*. 2019. URL: <https://oxfordre.com/literature/view/10.1093/acrefore/9780190201098.001.0001/acrefore-9780190201098-e-1051> (дата обращения: 11.08.2024).
14. Schmid W. *The Nonnarrated*. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2023. 152 p.

15. Carroll N. Narrative Closure // *Philosophical Studies*. 2007. Vol. 135, № 1. P. 1–15.
16. Klauk T., Köppe T., Onea E. More on narrative closure // *Journal of Literary Semantics*. 2016. Vol. 45, № 1. P. 21–48.
17. Sternberg M. How Narrativity Makes a Difference // *Narrative*. 2001. Vol. 9, № 2. P. 115–122.
18. Adamo G. Beginnings and Endings in Novels // *New Readings*. 1995. Vol. 1. P. 83–104.
19. Torgovnick M. Closure in the Novel. Princeton : Princeton University Press, 1981. 238 p.
20. Cova F., Garcia A. The Puzzle of Multiple Endings // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 2015. Vol. 73, № 2. P. 105–114.
21. Coover R. Babysitter // *The Granta Book of the American Short Story* / ed. by R. Ford. London : Granta in association with Penguin, 1992. P. 350–375.
22. Уильямс Л. Телесные фильмы: гендер, жанр и эксцесс // *Логос*. 2014. № 6. С. 61–84.
23. Mortimer A.K. Connecting Links: Beginnings and Endings // *Narrative Beginnings: Theories and Practices* / ed. by B. Richardson. Lincoln : University of Nebraska Press, 2008. P. 213–227.
24. Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта / пер. с англ. М. Беккер, И. Комаровой. СПб. : Северо-Запад, 1993. 507 с.
25. Phelan J. *Reading People, Reading Plots: Character, Progression, and the Interpretation of Narrative*. Chicago : University of Chicago Press, 1989.

References

1. Alber, J. (2016) *Unnatural Narrative: Impossible Worlds in Fiction and Drama*. Lincoln: University of Nebraska Press.
2. Richardson, B. (2015) *Unnatural Narrative: Theory, History, and Practice*. Columbus: Ohio State University Press.
3. Coover, R. (1992) The End of Books. *New York Times Book Review*. June 21. pp. 23–24.
4. Herte, M. (2021) *Forms and functions of endings in narrative digital games*. New York: Routledge.
5. Douglas, J. (2000) *The End of Books — or Books Without End?: Reading Interactive Narratives*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
6. Ryan, M.-L. (1991) *Possible Worlds, Artificial Intelligence, and Narrative Theory*. Bloomington: Indiana University Press.
7. Dannenberg, H.P. (2014) Gerald Prince and the Fascination of What Doesn't Happen. *Narrative*. 22 (3). pp. 304–311.
8. Segal, E. (2016) Ending Twice Over (Or More): Alternate Endings in Narrative. In: Baroni, R. & Revaz, F. (eds) *Narrative Sequence in Contemporary Narratology*. Columbus, Ohio State University Press. pp. 71–86.
9. Hemingway, E. (1958) The Art of Fiction No. 21. Interviewed by G. Plimpton. *The Paris Review*. Issue 18. [Online]. Available at: <https://www.theparisreview.org/interviews/4825/the-art-of-fiction-no-21-ernest-hemingway> (Accessed: 11.08.2024)
10. Dannenberg, H. (2008) *Coincidence and Counterfactuality: Plotting Time and Space in Narrative Fiction*. Lincoln; London: University of Nebraska Press.
11. Richardson, B. (2018) Unnatural Endings in Fiction and Drama. In: Dinnen, Z. & Warhol, R. (eds) *The Edinburgh Companion to Contemporary Narrative Theories*. Edinburgh: Edinburgh University Press. pp. 332–346.
12. Richardson, B. (2016) Unusual and Unnatural Narrative Sequences. In Baroni, R., Revaz, F. (eds) *Narrative Sequence in Contemporary Narratology*. Columbus, Ohio State University Press. pp. 163–175.
13. Segal, E. (2019) Beginnings and Endings. In: *Oxford Research Encyclopedia of Literature*. [Online]. Available from: <https://oxfordre.com/literature/view/10.1093/acrefore/9780190201098.001.0001/acrefore-9780190201098-e-1051> (Accessed: 11. 08.2024).
14. Schmid, W. (2023) *The Nonnarrated*. Berlin, Boston: De Gruyter.
15. Carroll, N. (2007) Narrative Closure. *Philosophical Studies*. 135 (1). pp. 1–15.
16. Klauk, T., Köppe, T. & Onea, E. (2016) More on narrative closure. *Journal of Literary Semantics*. 45 (1). pp. 21–48.
17. Sternberg, M. (2001) How Narrativity Makes a Difference. *Narrative*. 9 (2). pp. 115–122.
18. Adamo, G. (1995) Beginnings and Endings in Novels. *New Readings*. 1. pp. 83–104.
19. Torgovnick, M. (1981). *Closure in the Novel*. Princeton: Princeton University Press.
20. Cova, F., Garcia, A. (2015) The Puzzle of Multiple Endings. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 73 (2). pp. 105–114.
21. Coover, R. (1992) Babysitter. In: Ford, R. (ed) *The Granta Book of the American Short Story*. London: Granta in association with Penguin. pp. 350–375.
22. Williams, L. (2014) Telesnye fil'my: gender, zhanr i ekstsess [Film Bodies: Gender, Genre, and Excess]. *Logos*. 6. pp. 61–84.
23. Mortimer, A.K. (2008) Connecting Links: Beginnings and Endings. In: Richardson, B. (ed.) *Narrative Beginnings: Theories and Practices*. Lincoln: University of Nebraska Press. pp. 213–227.
24. Fowles, J. (1993) *Lyubovnitsa frantsuzskogo leytenanta* [French Lieutenant Woman]. Translated from English by M. Bekker, I. Komarovoy. Saint Petersburg: Severo-Zapad.
25. Phelan, J. (1989) *Reading People, Reading Plots: Character, Progression, and the Interpretation of Narrative*. Chicago: University of Chicago Press.

Информация об авторе:

Шулятьева Д.В. – канд. филол. наук, доцент школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: dshulyatyeva@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Shulyatyeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dshulyatyeva@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024;
одобрена после рецензирования 27.10.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 14.08.2024;
approved after reviewing 27.10.2024; accepted for publication 31.01.2025.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327
doi: 10.17223/15617793/510/7

Особенности реализации военного компонента постколониального внешнеполитического активизма северных стран (на примере Мали)

Оксана Владимировна Григорьева¹, Никита Олегович Плюснин²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ o.grigorieva@spbu.ru

² n.plyusnin@spbu.ru

Аннотация. Рассмотрены общие черты и основные различия реализации военного компонента постколониального внешнеполитического активизма северных стран на примере их участия в военных операциях в Мали. Авторы приходят к выводу, что военный компонент либо дополняет невоенный компонент (в случае Дании и частично Норвегии), либо перекрывает его (в случае Швеции и частично Финляндии), либо избегается (в случае Исландии).

Ключевые слова: постколониализм, миротворческие операции, внешнеполитический активизм, северные страны, Мали

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-28-00418 «Постколониальный подход во внешней политике европейских стран в государствах Западной Африки: возможности для России».

Для цитирования: Григорьева О.В., Плюснин Н.О. Особенности реализации военного компонента постколониального внешнеполитического активизма северных стран (на примере Мали) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 73–80. doi: 10.17223/15617793/510/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/7

Postcolonising activist defence policies of the Nordic countries: The case of Mali

Oksana V. Grigoreva¹, Nikita O. Plyusnin²

^{1, 2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ o.grigorieva@spbu.ru

² n.plyusnin@spbu.ru

Abstract. Much attention has been drawn to the so-called foreign policy activism of the Nordic countries after the end of the Cold War. While different approaches are applied, a postcolonial study of this issue is lacking in the academia. All Nordic countries were parts of European imperialism and colonialism: either as colonisers or as the colonised. This fact cannot but influence how modern Denmark, Finland, Iceland, Norway, and Sweden articulate their foreign and defence policies in different regions, especially in the Global South. West Africa remains a highly conflictual domain so the abundance of different actors being involved in its processes is no surprise for any experienced observer. Mali is of particular interest in this regard, since it has been an intersection of different groups, countries, interests, identities, powers, and worldviews. An analysis of the Nordic countries' presence in Mali allows us to trace the distinguishing features of their postcolonial defence policies as well as to identify how and why these countries construct their identities abroad. Having conducted a postcolonial discourse analysis of official and strategic documents of the five countries, the authors arrived upon the following conclusions. Firstly, all Nordic countries identify themselves with "Europe" and move away from it in the Global South at the same time. This is largely due to the desire to simultaneously be in solidarity with "good" Europe and distance oneself from "bad" Europe. Secondly, the military component of postcolonial activism either complements the non-military component (Denmark and partly Norway), or overlaps it (Sweden and partly Finland), or is avoided (in the case of Iceland). Thirdly, contrary to the case of non-military activism, in defence policies there is a clear rivalry between Denmark and Sweden for leadership among the Nordics whereas Norway tries to keep the distance from this rivalry while Finland and Iceland cannot really find themselves in this sphere and re-focus on other aspects of the conflict. To sum up, activist defence policies of the Nordic countries in Mali (and in broader contexts of the Global South) function according to the central mechanisms of the Third Space in H. Bhabha's terms where hybrid identities have to define themselves vis-à-vis each other but at the same time defend their authenticity and individuality. Therefore, there is a constant communication between the former colonisers and the colonised under modern circumstances but with old ways of thinking.

Keywords: postcolonialism, UN peacekeeping, foreign policy activism, Nordic countries, Mali

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23–28–00418: Postcolonising Foreign Policy of European Countries in West African States: Opportunities for Russia.

For citation: Grigoreva, O.V. & Plyusnin, N.O. (2025) Postcolonising activist defence policies of the Nordic countries: The case of Mali. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 73–80 (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/7

Введение

До недавнего времени стабильный характер мирного развития Балтийского и Евроарктического регионов, а также активная политика самих северных стран привели к тому, что Дания, Исландия, Норвегия, Швеция и Финляндия воспринимались как одни из самых «миролюбивых» или по крайней мере активно выступающих за мир стран. Однако расширение НАТО и вовлечение северных стран в украинский кризис [1] поставили новые вопросы о военном компоненте внешней политики этих государств. Многие исследователи, однако, отмечают, что причины изменений в политике обороны северных стран следует также искать задолго до событий 2022 г., так как эти изменения имели долгосрочный характер [2]. Особое внимание стоит уделить тем регионам, которые традиционно воспринимаются как «конфликтные» и присутствие в которых внерегиональных акторов уже давно перестало восприниматься как «из ряда вон выходящее». Таким регионом на сегодняшний день остается Западная Африка, которая, как оказывается, давно присутствует в сферах реализации политики обороны северных стран [3]. Более того, северные страны не только стремятся занять лидирующие позиции в одном регионе, но и признаются основными партнерами традиционных лидеров в регионе – Великобритании и Франции.

Такая конфигурация возникла неслучайно и может быть объяснена с учетом постколониальной теоретической призмы: имеющие опыт колониальной имперской Скандинавские страны, а также Исландия и Финляндия, сами некогда бывшие частями колониальных империй, с определенным типом сознания будут подходить к выстраиванию отношений со своими или чьими-то бывшими колониями. В терминологии Х. Бхабха [4] сфера внешнеполитического и оборонного сотрудничества будет становиться «Третьим пространством», где будет происходить коммуникация гибридных идентичностей колонизатора и колонизируемого. Каждая из сторон будет отталкиваться в понимании себя от Другого, но в то же время будет стремиться навязать ту часть себя, которую считает «своей». Исследование такого «Третьего пространства» позволит сделать выводы о стратегиях современных европейских государств, традиционно не воспринимаемых как часть европейского империализма, однако не только непосредственно участвовавших в нем (хотя и в разных ролях), но и находящихся под влиянием моделей мышления и сознания, возникших в колониальную эпоху.

Мали как арена противостояния широчайшего многообразия акторов (внутригосударственных, африканских и внеафриканских) уже долгое время привлекает внимание исследователей. Это связано именно с тем, что многоаспектность и разноректорность происходящих в стране событий позволяет искать ответы не

только на центральные вопросы международных отношений, но и на те вопросы, которые по разным причинам не задавались или задавались опосредованно. В нашем случае участие северных стран в малийских событиях позволит сделать выводы об особенностях их военных и оборонных политик в постколониальную эпоху.

Политика северных стран определяется как постколониальный внешнеполитический активизм. Постколониальный используется и как темпоральная, и как сущностная характеристика такой политики. Под внешнеполитическим активизмом вслед за Х.-Х. Хольмом [5] мы понимаем «политику или стратегию, направленную на создание, сохранение или изменение определенного международного порядка в соответствии с интересами и ценностями политического актора».

Таким образом, определяется цель исследования: выявление особенности реализации военного компонента постколониального внешнеполитического активизма северных стран на примере ситуации в Мали.

Хронологические рамки исследования включают в себя период с 2013 по 2023 г., когда действовала миротворческая операция сил ООН MINUSMA (Многопрофильная комплексная миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали), являющаяся рамочной для участия северных стран в малийской политике.

В данном исследовании мы проанализируем основные направления реализации военного компонента активизма северных стран в Мали на примере конкретных проектов и их артикуляции в официальных документах и заявлениях. Анализ будет проводиться с использованием теоретико-методологической базы, включающей в себя некоторые постколониальные подходы и теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа [6].

Военный компонент постколониального внешнеполитического активизма северных стран в Мали

Как отмечалось ранее, миротворческая операция сил ООН MINUSMA является правовой, политической и дискурсивной базой участия северных стран в малийских событиях. Четыре из пяти северных стран (Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия) являлись участниками объединенных сил. Исландия не принимала участия в этой миссии, однако, как мы увидим далее, рассматривала ООН как основную площадку для реализации своей политики в Западной Африке.

Рассмотрим активистскую политику каждой из северных стран по отдельности, чтобы затем сделать выводы о наличии или отсутствии общих черт их политических курсов, а также выявим основные различия.

Дания уже долгое время стоит особняком от других северных стран и воспринимается как «свой среди чужих, чужой среди своих» [7]. Сама Дания также воспринимает исключительно «северное» сотрудничество

и следование единой «северной» линии как приоритет третьего порядка [8]. Такая инаковость реализуется не в последнюю очередь за счет активного применения военного компонента: либо в рамках миссий ООН, либо в рамках военных операций основных союзников Королевства (в первую очередь, США). Малийский кризис не стал исключением: Дания участвовала в миссии ООН MINUSMA с 2014 по 2023 г., военной операции французских вооруженных сил «Бархан» с 2019 по 2020 г. в общеевропейской операции сил специального назначения Task Force Takuba с 2020 по 2022 г. [9]

В рамках этих операций Дания направляла в Мали военный персонал (офицеров и военных специалистов), самолеты Локхид С-130 «Геркулес» (в 2014, 2017 и 2019/2020 гг.), а также финансирование миссий [10, 11]. Вся программа участия проходила согласование и утверждение в Фолькетинге Королевства [11], то есть была санкционирована не только исполнительной, но и законодательной властью.

Дания преследовала две цели. С одной стороны, обозначить свою солидарность с другими игроками (в первую очередь, европейскими) и сделать акцент на коллективность осуществляемых мер. Так начало общеевропейской операции сил специального назначения Task Force Takuba было оформлено совместным заявлением 13 правительств 27 марта 2020 г. [12] Центральным нарративом данного документа является консолидированность и единство ценностей всех участников операции, выполняющих традиционную для западных стран «цивилизаторскую» миссию. С другой стороны, в этом же документе особо отмечается вклад Дании и её готовность одной из первых предоставить свои силы для осуществления задач операции [12]. В этом заключается вторая цель Королевства – по возможности отделять или скорее выделять свой вклад в африканскую политику. Такое столкновение дискурсов о датском участии в военной операции Мали отражает конфликтность идентичности самой Дании, которая стремится и солидаризироваться со всеми, и отстраняться от них.

В этой связи также показательно (как это ни парадоксально) завершение участия Дании в операции общеевропейских сил. 26 января 2022 г. малийское правительство опубликовало официальное заявление, в котором назвало присутствие датских вооруженных сил на своей территории незаконным и потому нежелательным [13]. Персональный характер такого заявления связан с тем, что сама Дания в 2019 г. перед началом участия в операции «Бархан» запросила у действовавшего на тот момент правительства персональное приглашение направить свои вооруженные силы и технику на африканскую территорию. 27 января 2022 г. вышло совместное заявление 16 государств, призывающее малийское руководство разрешить датским военным оставаться на территории страны [14]. Такой индивидуальный подход к Дании на самом деле устраивал Королевство: оно как бы отделялось от некой коллективной Европы (и связанных с ней империализмом и колониализмом) в глазах африканцев. Более того, это нашло своё отражение в комментарии премьер-министра Мали Шогеля Маига: «Мы призываем их [датчан]

быть более осторожными в отношении некоторых своих партнеров, которые всё никак не могут избавиться от своих колониальных рефлексов» [13]. Вновь мы видим столкновение двух дискурсов о датском присутствии в Мали. Таким образом, Дания заодно с «хорошей» Европой, но отдельно от «плохой» Европы. Возникает та самая гибридная идентичность по Х. Бхабха: Дания почти такая же, но не такая в глазах африканцев. Здесь нельзя не сказать о многолетней политике поддержки и развития, осуществляемой Данией в Африке, которая во многом определила, как страна воспринимается на континенте, несмотря на наличие подобного прочим колониального прошлого на Золотом Берегу.

Дания не только стремилась занять двойственную позицию «с ними» и «не с ними», но и закрепить своё лидирующее положение если не среди всех стран-участниц, то среди северных стран. Это не в последнюю очередь связано с тем, что если по невоенным компонентам внешнеполитического активизма (в первую очередь, программам помощи и развития) Дания является безоговорочным лидером среди северных соседей (и не только), то по военным компонентам конкуренцию ей составляет Швеция, стремящаяся как раз перехватить инициативу в этой части активистской политики. Укрепление лидерства в областях, где у Дании уже завоеван авторитет, стоит в центре внешнеполитического дискурса «прагматического идеализма», закреплённого в датской Концепции внешней и оборонной политики 2023 г. [15]. Дания уделяет особое внимание тем датчанам, которые занимают руководящие должности в общих органах управления. С марта 2015 по декабрь 2016 г. командующими объединёнными миротворческими силами ООН в Мали был Микаэль Лоллесторд, известная фигура в военных кругах ООН и НАТО. Его назначение, с одной стороны, было достаточно логичным развитием событий; с другой стороны, было триумфально воспринято в Копенгагене. Во всех официальных отчетах до сих пор особо подчеркивается, что именно подпись Лоллесторда как представителя миссии ООН стоит на мирном соглашении между малийским правительством и повстанцами 2015 г. [11] Другим кадровым успехом является назначение датского дипломата Петера Грабоу Колдинга главой Миссии ЕС по оказанию помощи в укреплении потенциала в Мали (*European Union Capacity Building Mission in Mali – EUCAP Sahel Mali*) с 11 апреля 2023 г. До этого Колдинг был заместителем главы Миссии, а также видным дипломатом в сфере взаимоотношений ЕС и африканских государств [15]. В 2024 г. его мандат был продлен ещё на один год [16].

Швеция, как уже было отмечено, стремится занять лидирующее положение в военном измерении активистской политики, обладая одной из самых сильных армий в Европе вне НАТО (до вступления в Альянс в 2024 г.).

Как и в случае Дании, Швеция активно участвовала в коллективных операциях в Мали: в миссии ООН MINUSMA с 2014 по 2023 г. [16], военной операции французских вооруженных сил «Бархан» с 2019 по 2020 г. в общеевропейской операции сил специального назначения Task Force Takuba с 2020 по 2022 г. [18].

В рамках этих операций Швеция также направляла в Мали военный персонал (офицеров и военных специалистов), самолеты Локхид С-130 «Геркулес», а также финансирование миссий [17, 18]. Однако при любой возможности Швеция стремится акцентировать уникальность своего участия в тех же, что и Дания проектах, либо предложить что-то новое.

Так, например, в рамках участия в MINUSMA Швеция стала одной из самых представительных по числу женщин, и это особо отмечалось в отчетных документах, так как должно было способствовать включению дискурса операции в более широкий дискурс социал-демократической феминистской внешней политике Королевства [19]. В отличие от Дании Швеция более активно вовлеклась в построение военной инфраструктуры в Мали: Швецией были созданы военные базы в Гао и Тимбукту для осуществления патрулирования территорий, обучения малийских военных и совместных тренировок миротворческих сил ООН. Фиксация таких фактов в отчете призвана закрепить дискурс шведской военной операции в Мали в качестве активистского [19]. В рамках операции сил специального назначения Task Force Takuba шведский военный контингент был одним из самых многочисленных, если не считать французский [18].

Шведы также особым образом обставили завершение своего участия в операции Task Force Takuba в 2022 г. В официальном заявлении шведского Министерства обороны отмечалось, что для Швеции не представляется возможным сотрудничество с недемократическим правительством Мали [20]. Кроме того, Швеция была одним из самых активных сторонников санкций в отношении Мали за сотрудничество с ЧВК «Вагнер» [20]. Такое построение заявления призвано дискурсивно закрепить идентичность Швеции как главного поборника либеральной демократии во всех регионах мира. Здесь интересна именно ценностная артикуляция решения: шведов не изгоняют, как в случае датчан или французоз, они уходят сами, потому что больше не считают возможным принимать участие в операциях, противоречащих их представлениям о мироустройстве. Дискурс-анализ заявления позволяет говорить, что такие представления устанавливаются как правильные и верные, «цивилизованные» и «прогрессивные», а малийское правительство, которое называется не иначе как «хунта» и «захватившие власть генералы» – это в представлении шведов варвары, которые не смогли оценить предлагаемый им цивилизаторский проект европейцев.

Что касается кадровых успехов Швеции, шведский военный также являлся командующими миротворческими силами ООН. Деннис Йюлленспор занимал эту должность с августа 2018 по октябрь 2021 г., и длительность этого мандата не раз потом подчеркивалась в отчетных документах [17]. Если Дания активно работала в рамках проектов более невоенной миссии EUCAP Sahel Mali, то Швеция сфокусировалась на военнориентированной миссии ЕС – Миссии ЕС по обучению в Мали (*European Union Training Mission Mali – EUTM Mali*) [21]. На сайте Миссии отмечается, что

Швеция занимает особое положение среди 29 участвующих наций и играет в Миссии активную роль [22]. Дискурсивно подчеркивается, что у Швеции есть огромный опыт, который она передает не только малийцам, но и европейским партнерам, что должно также закрепить идентичность моральной силы.

Соревнование с Данией нашло свое выражение и в формально аполитичной сфере. И датских, и шведских военнослужащих в Мали посещали с визитом представители королевских семей. Однако если в случае Дании это были частные визиты кронпринца Фредерика в 2016 г. и кронпринцессы Мэри в 2017 г. [12], то в случае Швеции это был официальный визит короля Карла XVI Густава в 2019 г., который широко освещался в СМИ и использовался правительством для утверждения дискурса шведского активизма [17].

Норвегия, напротив, держится несколько в стороне от этого противостояния и стремится занять свое особое место в этом глобальном (но скорее западном) проекте. Норвегия раньше Дании и Швеции присоединилась к миссии ООН MINUSMA – сразу после ее утверждения резолюцией СБ ООН № 2100 25 апреля 2013 г. [23]. Норвегия также направляла в Мали военный персонал (офицеров и военных специалистов), самолеты Локхид С-130 «Геркулес», а также средства финансирования [23]. В данном случае все скандинавские страны использовали идентичные инструменты. Однако Норвегия, как и Швеция, тоже стремилась активно включиться в построение военной инфраструктуры в Мали, поэтому организовала базу *Bifrost* в Бамако, столице Мали. Но в отличие от Швеции, организовывавшей базы на непродолжительное время и для специальных задач, Норвегия сохраняла базу в течение шести лет – с 2016 по 2022 г. с выполнением широчайшего комплекса задач [23]. В Стратегии Норвегии в Сахельском регионе на 2021–2025 гг. подчеркивается, что, с одной стороны, база являлась совместным объектом миротворческих сил, с другой стороны, признавалась руководящая роль Норвегии. Это опять же касалось не только малийцев, но и европейских партнеров [24]. Также отмечается огромное значение открытого в 2017 г. посольства Норвегии в Мали, которое стало плацдармом присутствия Королевства в стране и в регионе в целом [24]. Таким образом, стратегия призвана дискурсивно закрепить идентичность Норвегии как стабильного игрока, рассматривающего свое присутствие в Мали как долгосрочное и выходящее за рамки собственного конфликта.

Интересна также ситуация вокруг неучастия Норвегии во французской операции «Бархан». В отличие от Дании, которая участвовала в совместной операции, но дискурсивно отмежевывала себя от нее, Норвегия решила ограничиться поддержкой западных и африканских партнеров и выражением чувства солидарности с ними, но в общеевропейской операции сил специального назначения Task Force Takuba не участвовать [25]. Изначально правительство высказывало намерения участвовать в операции, однако потом было заявлено, что решение не нашло поддержки в Стортинге [25]. Это призвано дискурсивно снять ответ-

ственность с правительства, готового быть частью общей коалиции. С другой стороны, для Норвегии, претендующей на роль главного апологета мира (Нобелевская премия мира вручается в Осло, Институт исследований мира был впервые создан именно в Норвегии), особенно важно дискурсивно заявить о своем особом мнении относительно подобных конфликтов: Норвегия не может не быть в них вовлечена, однако стремиться выстроить свое участие вокруг миротворчества (миссия ООН подходит для этого лучше французской военной операции), строительства государства и прав и свобод человека и гражданина.

Финляндия, еще не до конца осознавшая свою нишу в глобальных процессах и продолжающая ее искать, и в малийском случае приняла решение полностью опереться на более крупные международные организации и объединения, обозначив свое соучастие и солидарность, но дальше не осмыслив этот свой шаг. Финляндия, как и Норвегия, присоединилась к миссии ООН MINUSMA в 2013 г., однако позже всех северных стран завершила свое участие в Миссии – в 2023 г., когда миссия была официально прекращена резолюцией СБ ООН № 2690 от 30 июня 2023 г. [26]. Это связано как раз с тем, что Хельсинки не рассматривал свое присутствие в Мали вне контекста совместных операций и действий. За все время миссии в Мали было направлено около 80 финских военных специалистов [26]. Акцент в отчетных документах Министерства обороны делается на сотрудничестве со Швецией и Эстонией как с основными партнерами внутри миссии, что полностью соответствует их роли основных партнеров Финляндии и за пределами Западной Африки. Финляндия, таким образом, дискурсивно тривиализирует далекий малийский конфликт и уподобляет его понятной для себя европейской системе координат. Завершение участия в миссии также не стало большим событием или не было использовано для создания такого образа в официальных документах: финские военные специалисты вернулись из Мали на родину в сентябре 2023 г. [27]. Финляндия также принимает участие в миссии EUTM Mali, опираясь на поддержку Швеции [22]. Особой роли в этой миссии страна также пока не нашла для себя: в первую очередь это солидарность с другими членами ЕС.

Исландия – единственная из северных стран не принимала никакого участия в миссии ООН MINUSMA и во французской операции «Бархан». Такая отстраненность Исландии от военной и оборонной сферы достаточно характерна для внешней политики Рейкьявика. Некогда включенная в НАТО не совсем по своей воле, Исландия со второй половины XX в. стремится если не выстраивать собственную политику обороны, то держаться в стороне от военных конфликтов именно по вопросам непосредственного участия в операциях. Было бы неправильно сказать, что Исландия никаким образом не участвует в малийских событиях. На сегодняшний день Исландия в отчетных документах по вопросам внешней политики на Глобальном Юге акцентирует свое внимание на финансировании и поддержке проектов Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев [28]. Страну называют одним из самых надежных доноров

программ помощи – в 2020 г. Исландия перечислила Управлению 1,3 млн долл. США, в 2021 г. – 1,9 млн, в 2023 г. – 4,2 млн долл. [29]. Кроме финансирования Исландия также участвует в программах размещения беженцев на своей территории: хотя страна по абсолютным показателям заметно уступает многим другим, по относительным показателям доли беженцев к населению страны она является одним из лидеров [28]. Сама Исландия постулирует такой свой опыт как способ участия в разрешении конфликта без прямого в нем участия, и здесь цель состоит в дискурсивном закреплении в отчетных документах и официальных заявлениях идентичности «миротворца без миротворческих операций» [29].

Такая осторожность Финляндии и Исландии отчасти объясняется тем, что они, как и многие страны Глобального Юга, были колониями европейских держав и получили независимость достаточно недавно. Вряд ли можно говорить, что африканские страны, Финляндия и Исландия очень похожи, однако они занимали похожее положение в иерархии власти в годы колониальных империй, поэтому могут испытывать схожие ощущения относительно современной политики бывших колонизаторов, которые в случае Финляндии и Исландии их же основные партнеры и «наставники». Можно точно указать на то, что пережившие несправедливость распределения власти очень осторожно пользуются этой властью,веряемую им через международные организации теми, кто когда-то у них эту власть отбирал.

Таким образом, каждая из стран реализует (или в случае Исландии не реализует) военный компонент постколониального активизма по-своему. Однако можно было заметить некоторые общие паттерны поведения, которые будут раскрыты далее.

В заключение можно отметить следующие общие черты и основные различия в реализации военного компонента внешнеполитического активизма северными странами.

Общие черты:

- все северные страны так или иначе воспринимают миссии в Мали в качестве некоего общеевропейского цивилизаторского проекта по «улучшению» ситуации в стране, стремясь к сопряжению своих проектов с проектами ООН и ЕС, во многом западных по своей сути;

- каждая северная страна стремится выступить в качестве моральных сил и наставников как для африканских, так и европейских партнеров (даже менее очевидная в этом плане Исландия своим примером показывает, как без непосредственного вовлечения в конфликт можно способствовать его разрешению);

- все северные страны стремятся включить дискурс о своем участии в малийском конфликте в некий более широкий дискурс собственной внешней и оборонной политики с некоей центральной философией;

- ООН является основной площадкой для реализации постколониального активизма всех пяти стран.

Основные различия:

- военный компонент в отличие от невоенного – арена противостояния Дании и Швеции, которые стремятся занять лидирующие позиции;

– Норвегия стремится скорее не отставать, чем стать лидером;

– Финляндия делает акцент на соучастии, а не участии;

– Исландия ограничивает свое участие только гуманитарным измерением.

Мы также можем сделать следующие общие выводы по постколониальному активизму северных стран:

– северные страны причисляют себя к «Европе» и в то же время отдалаются от нее на Глобальном Юге. Это во многом связано в желанием одновременно быть солидарными с «хорошей» Европой и отдалить себя от «плохой» Европы;

– фрагментация идентичностей и поиск общего поля стоят в центре внешней и оборонной политики северных стран на Глобальном Юге, где постколониальность особенно выражена;

– военный компонент постколониального активизма либо дополняет невоенный компонент (в случае

Дании и частично Норвегии), либо перекрывает его (в случае Швеции и частично Финляндии), либо избегается (в случае Исландии);

– общий вес военного компонента во внешней и оборонной политике северных стран оказывает также влияние на представленность этого компонента в их участии в малийских процессах: активные в рамках НАТО Дания и Норвегия и не входившая на тот момент в Альянс, но желавшая иметь конкурентноспособные вооруженные силы Швеция готовы вовлекаться в военные операции объединенных сил, в то время как более пассивные на тот момент в военной сфере Финляндия и Исландия скорее стремятся отстраниться от военной составляющей операции;

– Мали изображается в качестве требующей опеки, что соответствует ориенталистской логике, лежащей в основе взаимоотношений колонизатора и колонизируемого и сегодня.

Список источников

1. Воротников В.В. Отношения стран Скандинавско-Балтийского региона и Украины: военно-политическое и экономическое измерения // Международная аналитика. 2017. № 4. С. 18–27. doi: 10.46272/2587-8476-2017-0-4-18-27
2. Brommesson D., Ekengren A.M., Michalski A. From variation to convergence in turbulent times – foreign and security policy choices among the Nordics 2014–2023 // European Security. 2023. Vol. 33 (1). P. 21–43. doi: 10.1080/09662839.2023.2221185
3. de Coning C.H., Sellström A.M. A Shared Commitment: African-Nordic Peace and Security Cooperation. Forskningsrapport. Oslo ; Uppsala : Norsk Utenrikspolitisk Institutt (NUPI) and Nordiska Afrikainstitutet (NAI), 2023.
4. Bhabha H.K. The Location of Culture. London : Routledge, 1994.
5. Holm H.-H. Danish foreign policy activism: The rise and decline // Heurlin B., Mouritzen H. (Eds.) Danish Foreign Policy Yearbook 2002. Copenhagen : Danish Institute for International Studies, 2002. P. 19–45.
6. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985.
7. Forsberg T. The rise of Nordic defence cooperation: A return to regionalism? // International Affairs. 2013. Vol. 89 (5). P. 1161–1181.
8. Brommesson D. Introduction to special section: from Nordic exceptionalism to a third order priority – variations of “Nordicness” in foreign and security policy // Global affairs. 2018. Vol. 4 (4–5). P. 355–362. doi: 10.1080/23340460.2018.1533385
9. Indsatsen i Sahelregionen // Forsvarsministeriet. 2024. URL: <https://www.fmn.dk/da/arbejdsmraader/internationale-operationer/igangvarende-operationer/mali/> (дата обращения: 02.06.2024).
10. Mali – støtte til fransklede operationer // Forsvaret. 2024. URL: <https://www.forsvaret.dk/da/opgaver/afsluttede-operationer/mali/mali--stotte-til-fransklede-operationer/> (дата обращения: 02.06.2024).
11. Mali – MINUSMA // Forsvaret. 2024. URL: <https://www.forsvaret.dk/da/opgaver/afsluttede-operationer/mali/mali---minusma/> (дата обращения: 02.06.2024).
12. Task Force Takuba: political statement by the governments of Belgium, Czech Republic, Denmark, Estonia, France, Italy, Mali, Niger, the Netherlands, Norway, Portugal, Sweden and the United Kingdom // Kaitseministeerium. 2020. URL: https://kaitseministeerium.ee/sites/default/files/sisulehed/20200324_political_statement_tf_takuba_final_version.pdf (дата обращения: 02.06.2024).
13. Skydsgaard N., Irish J. Denmark pulls Mali troops out as junta takes swipe at France // Reuters. January 27, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/france-14-countries-ask-mali-let-danish-forces-stay-statement-2022-01-27/> (дата обращения: 02.06.2024).
14. Joint communiqué to the statement of the Malian authorities concerning the Danish contribution to the Task Force Takuba // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 26 January 2022. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/mali/news/article/joint-communique-to-the-statement-of-the-malian-authorities-concerning-the> (дата обращения: 02.06.2024).
15. Udenrigs- og Sikkerhedspolitisk Strategi // Udenrigsministeriet. 2023. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitisk-strategi-2023> (дата обращения: 02.06.2024).
16. About EUCAP Sahel Mali // EUCAP Sahel Mali. 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eucap-sahel-mali/about-eucap-sahel-mali_en?s=331 (дата обращения: 02.06.2024).
17. Mali – MINUSMA // Försvarmakten. 2024. URL: <https://www.forsvarsmakten.se/sv/var-verksamhet/forsvarsmakten-utomlands/avslutade-internationala-insatser/mali-minusma/> (дата обращения: 02.06.2024).
18. Mali – Task Force Takuba // Försvarmakten. 2024. URL: <https://www.forsvarsmakten.se/sv/var-verksamhet/forsvarsmakten-utomlands/avslutade-internationala-insatser/mali-task-force-takuba/> (дата обращения: 02.06.2024).
19. Den svenska insatsen i Mali // UN. 2024. URL: <https://fn.se/vi-gor/fred-sakerhet-nedrustning/den-svenska-mali-insatsen/> (дата обращения: 02.06.2024).
20. Ögren A. Sverige drar sig ur FN-insatsen Minusma // Officerstidningen. May 5, 2022. URL: <https://officerstidningen.se/sverige-drar-sig-ur-fn-insatsen-minusma/> (дата обращения: 02.06.2024).
21. Mali – EUTM // Försvarmakten. 2024. URL: <https://www.forsvarsmakten.se/sv/var-verksamhet/forsvarsmakten-utomlands/avslutade-internationala-insatser/mali-eutm/> (дата обращения: 02.06.2024).
22. About EUTM Mali // EUTM Mali. 2024. URL: <https://eutmmali.eu/aboutus/> (дата обращения: 02.06.2024).
23. Mali // Forsvaret. 2024. URL: <https://www.forsvaret.no/om-forsvaret/operasjoner-og-ovelser/internasjonale-operasjoner/mali> (дата обращения: 02.06.2024).
24. Strategi for norsk innsats i Sahelregionen (2021–2025) // Utenriksdepartementet. 2021. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/3b9a879f14f943a69edd1d54ab3f6583/sahelstrategi_ny.pdf (дата обращения: 02.06.2024).
25. Norge sender ikke soldater til Takuba-styrken i Mali // Regjeringen. March 23, 2020. URL: https://www.regjeringen.no/no/dokumentarkiv/regjeringen-solberg/aktuelt-regjeringen-solberg/fd/nyheter/2020/takuba/id2694571/?utm_source=www.regjeringen.no&utm_medium=epost&utm_campaign=nyhetsvarsel+23.03.2020&utm_content=Forsvar (дата обращения: 02.06.2024).

26. Mali MINUSMA // Puolustusvoimat. 2024. URL: <https://puolustusvoimat.fi/en/web/kansainvalinen-kriisinhallinta/mali-minusma1> (дата обращения: 02.06.2024).
27. The Finnish Defence Forces' participation in the United Nations crisis management operation in Mali has ended // Puolustusvoimat. September 25, 2023. URL: <https://puolustusvoimat.fi/en/web/kansainvalinen-kriisinhallinta/-/1948673/the-finnish-defence-forces-participation-in-the-united-nations-crisis-management-operation-in-mali-has-ended> (дата обращения: 02.06.2024).
28. Iceland provides vital support to the urgent displacement crisis in the Sahel // UNHCR. November 27, 2020. URL: <https://www.unhcr.org/neu/47203-iceland-provides-vital-support-to-the-urgent-displacement-crisis-in-the-sahel.html> (дата обращения: 02.06.2024).
29. UNHCR Iceland Fact Sheet// UNHCR. February 2024. URL: <https://reporting.unhcr.org/iceland-bi-annual-factsheet> (дата обращения: 02.06.2024).

References

1. Vorotnikov, V.V. (2017) Otnosheniya stran Skandinavsko-Baltiyskogo regiona i Ukrainy: voyenno-politicheskoye i ekonomicheskoye izmereniya [Relations between the Scandinavian-Baltic Region Countries and Ukraine: Military-Political and Economic Dimensions]. *Mezhdunarodnaya analitika*. 4. pp. 18–27. doi: 10.46272/2587-8476-2017-04-18-27
2. rommesson, D., Ekengren, A.M. & Michalski, A. (2023) From variation to convergence in turbulent times – foreign and security policy choices among the Nordics 2014–2023. *European Security*. 33 (1). pp. 21–43. doi: 10.1080/09662839.2023.2221185
3. De Coning, C.H. & Sellström, A.M. (2023) *A Shared Commitment: African-Nordic Peace and Security Cooperation*. Research Report. Oslo; Uppsala: Norsk Utenrikspolitisk Institutt (NUPI) and Nordiska Afrikainstitutet (NAI).
4. Bhabha, H.K. (1994) *The Location of Culture*. London: Routledge.
5. Holm, H.-H. (2002) Danish foreign policy activism: The rise and decline. In: Heurlin, B. & Mouritzen, H. (eds) *Danish Foreign Policy Yearbook 2002*. Copenhagen: Danish Institute for International Studies. pp. 19–45.
6. Laclau, E. & Mouffe, C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
7. Forsberg, T. (2013) The rise of Nordic defence cooperation: A return to regionalism? *International Affairs*. 89 (5). pp. 1161–1181.
8. Brommesson, D. (2018) Introduction to special section: from Nordic exceptionalism to a third order priority – variations of "Nordicness" in foreign and security policy. *Global Affairs*. 4 (4–5). pp. 355–362. doi: 10.1080/23340460.2018.1533385
9. Forsvarsministeriet. (2024) *Indsatsen i Sahelregionen*. [Online] Available from: <https://www.fmn.dk/da/arbejdsomraader/internationale-operationer/igangvarende-operationer/mali/> (Accessed: 02.06.2024).
10. Forsvaret. (2024) *Mali – støtte til fransklejede operationer*. [Online] Available from: <https://www.forsvaret.dk/da/opgaver/afsluttede-operationer/mali/mali--stotte-til-fransklejede-operationer/> (Accessed: 02.06.2024).
11. Forsvaret. (2024) *Mali – MINUSMA*. [Online] Available from: <https://www.forsvaret.dk/da/opgaver/afsluttede-operationer/mali/mali---minusma/> (Accessed: 02.06.2024).
12. Kaitseministeerium. (2020) *Task Force Takuba: political statement by the governments of Belgium, Czech Republic, Denmark, Estonia, France, Italy, Mali, Niger, the Netherlands, Norway, Portugal, Sweden and the United Kingdom*. [Online] Available from: https://kaitseministeerium.ee/sites/default/files/sisulehed/20200324_political_statement_tf_takuba_final_version.pdf (Accessed: 02.06.2024).
13. Skydsgaard, N. & Irish, J. (2022) Denmark pulls Mali troops out as junta takes swipe at France. *Reuters*. 27 January. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/world/africa/france-14-countries-ask-mali-let-danish-forces-stay-statement-2022-01-27/> (Accessed: 02.06.2024).
14. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. (2022) *Joint communiqué to the statement of the Malian authorities concerning the Danish contribution to the Task Force Takuba*. 26 January. [Online] Available from: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/mali/news/article/joint-communique-to-the-statement-of-the-malian-authorities-concerning-the> (Accessed: 02.06.2024).
15. Udenrigsministeriet. (2023) *Udenrigs- og Sikkerhedspolitik Strategi*. [Online] Available from: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategi-2023> (Accessed: 02.06.2024).
16. EUCAP Sahel Mali. (2024) *About EUCAP Sahel Mali*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/eucap-sahel-mali/about-eucap-sahel-mali_en?s=331 (Accessed: 02.06.2024).
17. Försvarsmakten. (2024) *Mali – MINUSMA*. [Online] Available from: <https://www.forsvarsmakten.se/sv/var-verksamhet/forsvarsmakten-utomlands/avslutade-internationella-insatser/mali-minusma/> (Accessed: 02.06.2024).
18. Försvarsmakten. (2024) *Mali – Task Force Takuba*. [Online] Available from: <https://www.forsvarsmakten.se/sv/var-verksamhet/forsvarsmakten-utomlands/avslutade-internationella-insatser/mali-task-force-takuba/> (Accessed: 02.06.2024).
19. UN. (2024) *Den svenska insatsen i Mali*. [Online] Available from: <https://fn.se/vi-gor/fred-sakerhet-nedrustning/den-svenska-mali-insatsen/> (Accessed: 02.06.2024).
20. Ögren, A. (2022) Sverige drar sig ur FN-insatsen Minusma. *Officerstidningen*. 5 May. [Online] Available from: <https://officerstidningen.se/sverige-drar-sig-ur-fn-insatsen-minusma/> (Accessed: 02.06.2024).
21. Försvarsmakten. (2024) *Mali – EUTM*. [Online] Available from: <https://www.forsvarsmakten.se/sv/var-verksamhet/forsvarsmakten-utomlands/avslutade-internationella-insatser/mali-eutm/> (Accessed: 02.06.2024).
22. EUTM Mali. (2024) *About EUTM Mali*. [Online] Available from: <https://eutmmali.eu/aboutus/> (Accessed: 02.06.2024).
23. Forsvaret. (2024) *Mali*. [Online] Available from: <https://www.forsvaret.no/om-forsvaret/operasjoner-og-ovelser/internasjonale-operasjoner/mali> (Accessed: 02.06.2024).
24. Utenriksdepartementet. (2021) *Strategi for norsk innsats i Sahelregionen (2021–2025)*. [Online] Available from: https://www.regjeringen.no/contentassets/3b9a879f14f943a69edd1d54ab3f6583/sahelstrategi_ny.pdf (Accessed: 02.06.2024).
25. Regjeringen. (2020) *Norge sender ikke soldater til Takuba-styrken i Mali*. 23 March. [Online] Available from: https://www.regjeringen.no/no/dokumentarkiv/regjeringen-solberg/aktuelt-regjeringen-solberg/fd/nyheter/2020/takuba/id2694571/?utm_source=www.regjeringen.no&utm_medium=epost&utm_campaign=nyhetsvarsel+23.03.2020&utm_content=Forsvar (Accessed: 02.06.2024).
26. Puolustusvoimat. (2024) *Mali MINUSMA*. [Online] Available from: <https://puolustusvoimat.fi/en/web/kansainvalinen-kriisinhallinta/mali-minusma1> (Accessed: 02.06.2024).
27. Puolustusvoimat. (2023) *The Finnish Defence Forces' participation in the United Nations crisis management operation in Mali has ended*. 25 September. [Online] Available from: <https://puolustusvoimat.fi/en/web/kansainvalinen-kriisinhallinta/-/1948673/the-finnish-defence-forces-participation-in-the-united-nations-crisis-management-operation-in-mali-has-ended> (Accessed: 02.06.2024).
28. UNHCR. (2020) *Iceland provides vital support to the urgent displacement crisis in the Sahel*. 27 November. [Online] Available from: <https://www.unhcr.org/neu/47203-iceland-provides-vital-support-to-the-urgent-displacement-crisis-in-the-sahel.html> (Accessed: 02.06.2024).
29. UNHCR. (2024) *UNHCR Iceland Fact Sheet*. February. [Online] Available from: <https://reporting.unhcr.org/iceland-bi-annual-factsheet> (Accessed: 02.06.2024).

Информация об авторах:

Григорьева О.В. – канд. полит. наук, доцент кафедры европейских исследований, старший научный сотрудник факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: o.grigorieva@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-9896-892X

Плюснин Н.О. – младший научный сотрудник факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: n.plyusnin@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-0516-5985

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Grigoreva, Cand. Sci. (Political Science), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.grigorieva@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-9896-892X

N.O. Plyusnin, junior research fellow, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.plyusnin@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-0516-5985

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.06.2024;
одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 03.06.2024;
approved after reviewing 05.12.2024; accepted for publication 31.01.2025.*

Научная статья
УДК 314/316
doi: 10.17223/15617793/510/8

Методология исследования образов будущего и место в ней социолингвистического анализа цифрового контента

Галина Витальевна Градосельская^{1, 2}, Инга Владиславовна Желтикова³,
Мария Александровна Пильгун⁴, Алексей Николаевич Расходчиков^{5, 6}

¹ Агентство социальных исследований «Столица», Москва, Россия

² Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

³ Орловский государственный университет, Орел, Россия

⁴ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

⁵ Московский центр урбанистики «Город», Москва, Россия

⁶ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

^{1, 2} mss981009@mail.ru

³ inga.zheltikova@gmail.com

⁴ mpilgun@iling-ran.ru

^{5, 6} silaslowa@mail.ru

Аннотация. Анализируются существующие методологические подходы к изучению образов будущего. Предлагается оригинальная методика социолингвистического анализа информационных потоков в сети Интернет, которая включает: фиксирование информационных волн и реакции на них, семантический анализ текстов и лексических ассоциаций. Методика позволяет выделить содержание образов будущего, оценить реакцию на них пользователей социальных сетей и приблизиться к решению вопроса о формировании образов будущего.
Ключевые слова: образ будущего, образ будущего городов, информационные волны, лингвистический анализ

Для цитирования: Градосельская Г.В., Желтикова И.В., Пильгун М.А., Расходчиков А.Н. Методология исследования образов будущего и место в ней социолингвистического анализа цифрового контента // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 81–91. doi: 10.17223/15617793/510/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/8

Methodology for studying images of the future and the place in it of sociolinguistic analysis of digital content

Galina V. Gradoselskaya^{1, 2}, Inga V. Zheltikova³, Maria A. Pilgun⁴, Aleksei N. Raskhodchikov^{5, 6}

¹ Social Research Agency "Stolitsa", Moscow, Russian Federation

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

³ Orel State University, Orel, Russian Federation

⁴ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

⁵ Moscow Center of Urban Studies "City", Moscow, Russian Federation

⁶ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^{1, 2} mss981009@mail.ru

³ inga.zheltikova@gmail.com

⁴ mpilgun@iling-ran.ru

^{5, 6} silaslowa@mail.ru

Abstract. The authors of the article aim to present existing methodological approaches to the study of images of the future, to analyze their connection with the research objectives and the materials used. The authors introduce readers to the developed and tested methodology of a sociolinguistic analysis of information flows on the Internet, thematically oriented to the image of the future. The article presents the results of a study conducted in November, 2023, and January, 2024. The database included 50,036,592 tokens. The results of the study revealed both positive and negative semantic accents, which turned out to be the most significant for the participants in the discussions. The research strategy aimed at fixing the "information waves" and the reaction to them allows us to identify the main content orientations of the idea of the future. In addition, this strategy makes possible to reveal the actors of these ideas, on the one hand, and to track their reaction to the proposed models of the future, on the other hand. Thus, according to the authors, this method makes it possible to get closer to the solution of the issue of the principles of the emergence of images of the future as phenomena of public consciousness. The presented methods have advantages such as the possibility of significantly reducing the number of analysis units by isolating information waves, as well as the ability to use large language

models, which allow analyzing an extremely large volume of messages. This makes it possible to use these methods both separately and in combination for research of the information network space in various thematic areas. The article shows that studying network content can yield interesting results when analyzing collective ideas about the future.

Keywords: image of the future, image of the future of cities, information waves, linguistic analysis

For citation: Gradoselskaya, G.V., Zheltikova, I.V., Pilgun, M.A. & Raskhodchikov, A.N. (2025) Methodology for studying images of the future and the place in it of sociolinguistic analysis of digital content. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp.81–91. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/8

Введение

Исследование посвящено проблеме изучения образов будущего. В нем мы исходим из того, что образ будущего как совокупность представлений о будущем является феноменом коллективного сознания, мыслительной моделью, которая отражает будущее в качестве законченной реальности. Образ будущего фиксирует представления людей о тех формах, которые, возможно, приобретет их жизнь или жизнь их потомков в перспективе. В формировании образов будущего участвуют различные акторы: национальные правительства, научные институты, общественные лидеры, писатели-фантасты. Однако все эти футуристические конструкции так или иначе зависят от настроений в обществе, коллективных представлений и ожиданий людей в отношении собственного будущего и перспектив общества в целом.

Интерес к изучению образов будущего появился относительно недавно, в конце прошлого – начале нынешнего столетия, и связан с анализом представлений о будущем, которые функционируют в современной культуре и которые разделяют различными социальными группами. Исходной установкой этих исследований является признание зависимости действий отдельного человека и целых групп от того, каким видится им перспектива. Выявление социальных ожиданий оказывается востребованным при кризисном руководстве, выстраивании политического курса в ситуации неопределенности.

Образ будущего как научный концепт используется в рамках исследований будущего (future studies), направленных на изучение представлений о будущем, бытующих в обществе, общественных настроений, связанных с будущим, готовности к изменениям будущего. Впервые этот аспект исследований будущего был проанализирован в Голландии [1, 2]. Сегодня изучение образа будущего как комплекса идей и картин, ассоциирующихся с будущим, наиболее активно происходит в Финляндии в институте Турку, где в центре Исследования будущего проводится многолетнее изучение представлений о будущем современной финской молодежи [3–6]. Похожие исследования проводятся в последнее десятилетие в Испании [7–9], Швейцарии [10], Великобритании [11]. В США обращение к образу будущего происходит в основном в рамках сценарного подхода, используемого в подготовке к возможным кризисным ситуациям в краткосрочной перспективе [12–17].

В России научный интерес к образам будущего совпал со всплеском интереса в Европе. Однако разработка концепта «образ будущего» в отечественном научном дискурсе происходила в изолированности от

общемировых разработок в целом и в отсутствии развития такой научной области, как исследование будущего в частности. Российские исследователи, обращающиеся к концепту «образ будущего», разделяют общий посыл заключенной в нем установки на зависимость действий человека и социальных групп от того, каким видится им перспектива [18–22]. Первое место среди исследований, посвященных образам будущего, в России занимают работы авторов, которых интересует возможность целенаправленного создания образов будущего, имеющих определенные параметры [23, 24].

Одной из лакун в изучении представлений о будущем выступает методология анализа коллективных образов будущего. Это связано с тем, что настроения людей в отношении будущего не всегда носят рациональный характер, часто формируются под влиянием эмоций, ложных стимулов, нагнетаемых страхов и нереализуемых желаний. Эту сторону представлений о будущем трудно выявить в ходе прямого опроса. Отдельной проблемой выступает и связь представлений о будущем с визуальными формами, методы изучения которых пока не так хорошо разработаны, как, например, аналитические процедуры в отношении материала, обработанного в словесные формы.

Новые возможности для исследования коллективных представлений открываются благодаря появлению больших массивов текстовых и визуальных данных, сгенерированных пользователями в сети Интернет. Обсуждения социально значимых событий и волнующих людей тем в сетевой коммуникации могут быть использованы для изучения коллективных представлений, в том числе и о будущем. Использование данных социальных сетей в исследованиях требует учета специфики онлайн-коммуникаций и выбора соответствующих методов исследования. Так, сетевой характер взаимодействия пользователей позволяет применять методы сетевого анализа, в том числе разработанные специально для исследований социальных сетей [25]. Применение методов сетевого анализа, в частности, позволяет составлять карты взаимодействий пользователей и виртуальных групп, отделять искусственно сформированные информационные волны от естественной реакции пользователей [26].

Поскольку объектом исследования здесь выступают коммуникации различных акторов (СМИ, блогеров, госорганов, коммерческих компаний, пользователей и т.д.), возникает необходимость использования второй группы методов из области лингвистики, анализа текстов и диалогов. Стоит учесть, что тексты в социальных сетях генерируются в очень больших объемах – в сотни тысяч и миллионы публикаций, высказываний и комментариев.

Поэтому для различных исследований социальных сетей часто приходится использовать специальные компьютерные программы и Большие языковые модели (LLM), позволяющие анализировать практически неограниченные объемы сообщений.

Коммуникации в социальных сетях представляют собой сложный объект исследования, требующий междисциплинарного подхода с использованием методов социологии, сетевого и лингвистического анализа.

Авторы исходили из предположения, что исследования онлайн-коммуникаций могут стать результативным методом изучения коллективных представлений о будущем. В статье представлены результаты комплексного исследования с описанием использованных методов, примеров и основных содержательных результатов. Объектом исследования данной статьи выступает методология изучения образов будущего. Цель исследования – показать возможности социолингвистического анализа для изучения образов будущего.

Методы и материалы

Свой анализ и классификацию существующих методов изучения образов будущего мы будем основывать на учете трех компонентов исследования: исследовательском материале, целях исследования и, собственно, используемых приемах. Материал для анализа образов будущего может быть разделен на 1) информацию, полученную в результате целенаправленного выявления представлений о будущем, и 2) источники, содержащие образы будущего, сформировавшиеся независимо от исследовательских целей.

Первая группа, назовем ее *ответы на вопросы* (*questions answered*), включает данные социологических опросов, интервью, эссе о будущем, рисунки, визуализирующие будущее, которые получают исследователи в процессе постановки перед участниками исследования конкретных задач. В этом случае инициатором размышления о будущем выступает не сам носитель представлений о будущем, а ученый, задающий ему рамки размышлений. Часто в процессе исследования его организаторами используются специальные процедуры, активизирующие творческое воображение участников опросов, приемы, повышающие заинтересованность в будущем респондентов. Полученный таким образом материал хорошо поддается обработке и систематизации, поскольку получен в результате стандартных процедур по единой схеме. Однако этот подход не является полностью репрезентативным для обнаружения *ориентации на будущее* (*Future orientation*) [27. Р. 385] участников исследования, склонности людей думать о завтрашнем дне, обсуждать альтернативные перспективы, планировать и строить расчеты, не позволяет в полной мере определить психологические механизмы, обеспечивающие оптимизм или пессимизм по отношению к будущему. По отношению к исследованию данного материала чаще всего используются процедуры дескриптивного анализа.

Вторая группа материалов, назовем ее *самостоятельные размышления* (*independent reflections*), объединяет самые разнообразные источники, главным об-

разом текстовые, содержащие представления о будущем: научные прогнозы, экономические проекты, философские и публицистические сочинения, художественную и сетевую литературу, фильмы, письма, сообщения СМИ, дневниковые записи, информацию социальных сетей, анекдоты, мемы. Эти материалы отражают познавательный интерес, который проявляют к будущему отдельные люди или группы, – *предвосхищение* (*Anticipation*) [28. Р. 10]. Они позволяют зафиксировать аспекты, акцентируемые авторами текстов по отношению к будущему: степень заинтересованности отдельного человека в будущем [29] или умение группы целенаправленно планировать и реализовывать планы, основываясь на трезвых оценках тенденций настоящего и заключенных в них потенциальных возможностях [30]. Однако подобный материал сложнее обрабатывать и систематизировать, и основные исследовательские методы здесь восходят к герменевтическому анализу.

Дескриптивный анализ

Методы и приемы выявления существующих образов будущего как на индивидуальном, так и на коллективном уровне чаще всего связаны с процедурами дескриптивного анализа, сбора и обработки данных, полученных в результате анкетирования. В общем плане этот подход направлен на сбор сведений о представлении будущего разными группами респондентов, выделение в полученном массиве информации общих моментов и группировку их в одну или несколько моделей будущего. Конкретные исследования различаются по формам анкетирования, количеству участвующих респондентов и методам обработки полученных данных.

Формы анкетирования, используемые при статистическом подходе к выделению образов будущего, колеблются в достаточно большом диапазоне, включая полностью формализованные анкеты с ограниченным набором выбранных ответов или разные уровни опросов, первые из которых имеют конкретные опросники, а более сложные предполагают написание минитекста о будущем или полностью неформализованные интервью.

Примером первой формы анкетирования может служить исследование В.В. Гаврилюк [30], проведенное в апреле 2015 г. и направленное на выявление образа будущего России у жителей Тюмени. При заполнении анкеты участникам опроса предлагалось выбрать один из готовых вариантов: выразить степень согласия («полностью согласен», «согласен частично», «не согласен», «затрудняюсь ответить») с предложенным утверждением (например, «Россия должна восстановить все хорошее, что было в СССР») или выбрать позицию («великая держава», «страна с высоким уровнем жизни», «затрудняюсь ответить»), характеризующую мнение относительно заданного объекта (например, Россия будущего).

Примером менее формализованного подхода может служить исследование Марио Гильо [9], проведенное в ноябре 2012 г. Его первый этап был направлен на повышение заинтересованности в будущем участников

проекта и включал очные семинары. Вторым этапом было написание мини-сочинения (объемом до 150 слов) о будущем в одной из областей жизни в 2030 г. (экономика, культура, политика, экология, безопасность). Использование модели активного воображения присутствовало в исследовании Сейдеха Ахбара Каболи и Петри Тапио, участники которого в свободной форме устно описывали, как они себе представляют жизненную ситуацию, в которой окажутся в будущем [6].

Обобщение полученных данных зависит от целей, стоящих перед учеными. Наиболее сложной является процедура выделения достаточно универсальных образов будущего, картины которых разделяют большие группы респондентов. В этом случае, как правило, применяется в том или ином виде *качественный контент-анализ*. Примером его использования является выделение четырех обобщенных образов будущего в исследовании К. Ангелойу, Л. Шелдрик и М. Теннанта: «Трансформация» (Transform), «Дисциплина» (Discipline), «Коллапс» (Collapse), «Рост» (Grow). Вариантом качественного контент-анализа может служить причинный многоуровневый анализ (Causal Layered Analysis) Тапио и Каболи, результатом которого явилось выделение и описание четырех образов будущего: «Жизнь с холодом», «Страх и Надежда», «Жизнь как служение» и «Только представьте...!» [31].

К группе дескриптивных методов можно отнести и варианты *проективной методики*, которые могут использоваться как в вербальном (метод завершения неоконченных предложений, подбора свободных ассоциаций, моделирования ситуаций), так и в невербальном (создание и интерпретация футуристических рисунков, коллажей) варианте. В исследовании С. Ахвенхарья, М. Минккинена и Ф. Лалот [5] проективный метод используется для выделенных авторами таких параметров будущего, как «временная перспектива», «фактор доверия», «открытость альтернативам», «система восприятия», «забота о других». Исследователи К. ванн Дорссер, У.Э. Уокер, П. Танеджаа [32] проводят взаимосвязь между созданием фьючерсов и политической аналитикой. За основу исследования бралась классификация уровней неопределенности Уокера, позволяющая выработать наиболее оптимальный политический курс: ясное будущее, альтернативное (вероятностное) будущее, множество правдоподобных моделей будущего и неизвестное будущее.

При этом в подобных исследованиях, как правило, отдельно оценивается степень оптимизма/пессимизма и активности/пассивности по отношению к будущему участников опросов. Эти параметры, выделенные еще Ф. Полаком [33], характеризуют эмоционально-волевое отношение респондентов к будущему.

Герменевтический анализ

Изучение представлений о будущем, содержащихся в тех или иных текстовых источниках, ориентированно на герменевтический анализ. При этом подходе возможна как тематизация источников анализа, так и работа с различными группами источников.

Изучение образов будущего в исторической науке и литературоведении подразумевает простой герменевтический анализ, включающий работу с одним [34–35] или несколькими однотипными источниками [37], их интерпретацию во временной и смысловой парадигмах, выявление явных и скрытых смыслов и, что особенно важно, вычленение из текстов темы будущего, его описания и отношения к перспективе [38].

Более сложную методику анализа образов будущего, включающую и герменевтический анализ текстов, и формализованную классификацию их элементов, свойственную для контент-анализа, предлагает Д. Датор [39]. В качестве материала для анализа он использует самые разнообразные источники: воображение личного будущего, отраженное в социальных сетях, сюжеты фантастических романов или фильмов, краткосрочные или долгосрочные научные прогнозы, данные социологических опросов, политические программы, экономические стратегии. Ученый сначала выделяет в них различные уровни смысла, а затем на каждом из них проводит обобщения и типизацию содержания. В результате Датор приходит к мысли, что все многообразие представлений о будущем можно свести к четырем архетипическим сценариям: Continued Growth (продолжающийся рост), Collapse (коллапс), Discipline (порядок), Transformation (трансформация).

С. Инаятулла для структурирования представлений о будущем использует метод картирования, выделяя в письменных источниках ответы на ключевые вопросы: «какова преемственность и прерывистость нашей истории?», «откуда пришли и куда мы идем?», что позволяет выделить типологические паттерны, присутствующие в коллективном сознании не зависимо от временной перспективы. Так обзаводятся пять устойчивых образов будущего: «Эволюции и прогресса» (evolution and progress), «Конца/краха» (collapse), «Гайи» (Gaia – образ древнегреческой богини плодородия), «Глобализм» (globalism), «Назад в будущее» (back to the future) [40. Р. 46].

Похожая стратегия исследования, направленная на выявление коллективных образов будущего, имеющих место не только в нашем настоящем, но и в прошлом, и ориентированная на анализ разных по типу, но единых по времени источников, предложена И.В. Желтиковой [41], что позволяет ей описать одиннадцать образов будущего, функционирующих в общественном сознании России за последние 200 лет.

Как видим, оба обозначенных ракурса рассмотрения – дескриптивный и герменевтический анализ – имеют свои сильные и слабые стороны, и вопрос о методах выявления и анализа образов будущего остается полем дискуссий. Поэтому мы хотим предложить вниманию читателей две методики, связанные с анализом больших объемов информации, присутствующей в социальных сетях и репрезентирующей образы будущего их пользователей: 1) анализ информационных волн, использующий преимущественно инструментарий социологии и сетевого анализа, и 2) метод нейролингвистического анализа, в большей степени основанный на

методах лингвистики с использованием нейронных сетей (в данном случае использовалась нейросетевая технология TextAnalyst 2.32) [42].

Материалом для исследования послужили данные социальных медиа: контент, генерированный пользователями, и их цифровые следы. Сбор данных осуществлялся при помощи мониторинговой системы «БрендАналитикс».

Даты сбора материала: ноябрь 2023 г., январь 2024 г. Количество токенов: 50 036 592. Аудитория: 242 675 361 человек. Источник: социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, блоги, микроблоги.

Темой анализа информационных волн стали общие сюжеты в отношении образа будущего страны, объектом исследования с использованием методов нейролингвистического анализа – образ будущего городов.

Анализ информационных волн в исследовании образов будущего

Данная часть исследования выполнена с использованием метода анализа информационных волн в социальных сетях (рис. 1). На первом этапе осуществлено картирование социальных сетей для понимания структуры взаимодействия (связанности) акторов, далее проведен анализ распространения информации по полученной структуре с выявлением информационных волн, затем – группировка информационных волн по общим сюжетам. Стоит отметить, что за годы работы с данным методом многие процедуры анализа были автоматизированы, что позволяет анализировать достаточно большие объемы данных, генерируемых в интернет-среде.

Последовательность процедур включает: 1) формирование поисковых запросов для загрузки объема текстовых сообщений по теме исследования; 2) выделение информационных волн с помощью программного алгоритма; 3) группировку информационных волн в графики с помощью экспертного кодирования; 4) анализ оставшегося объема текстовых сообщений после выделения волн для оценки естественной реакции пользователей. В контексте данного исследования под информационными волнами мы понимаем контролируемое распространение информации среди целевых групп с целью достижения социальных эффектов [43]. В операциональном смысле информационная волна представляет собой распределенную во времени серию публикаций, затрагивающих одну подтему в рамках информационного события, имеющую высокую степень схожести по речевым маркерам. Стоит отметить, что за годы работы с данным методом многие процедуры анализа были автоматизированы, что позволяет анализировать достаточно большие объемы данных, формируемых в интернет-среде.

Одним из важных преимуществ используемого метода является значительное уменьшение количества единиц анализа, так как объектом анализа в данном случае выступают не все сообщения, опубликованные в социальных сетях, а информационные волны (кото-

рые составляют, как правило, от 65 до 90% массива сообщений). Остальные публикации и комментарии, не идентифицированные как часть той или иной информационной волны, мы можем условно отнести к естественной реакции пользователей. А также оставшиеся публикации и комментарии (не идентифицированные как часть той или иной информационной волны), которые мы условно можем отнести к естественной реакции пользователей.

Рис. 1. Последовательность аналитических процедур в методе анализа информационного поля путем выделения информационных волн

В ходе анализа массива по теме «Образ будущего» (41 307 сообщений) было выявлено 5 469 информационных волн и около 8 000 сообщений, которые не попали в искусственно сформированные сюжеты и могут быть условно отнесены к естественной реакции пользователей. Содержательный анализ сообщений проводился отдельно для каждой из сумм, поскольку информационные волны и естественные реакции представляют собой два разных дискурса.

Содержание информационных волн. В структуре информационных волн можно выделить активности государственных органов, политических движений, сектантские сюжеты, международные конференции. В данном массиве значительный объем занимают информационные сюжеты Русской православной церкви, судя по результатам исследования – одного из главных акторов по продвижению традиционно-религиозного образа будущего. Противовесом ей является так называемый светский дискурс, генерируемый различными экспертными группами (рис. 2).

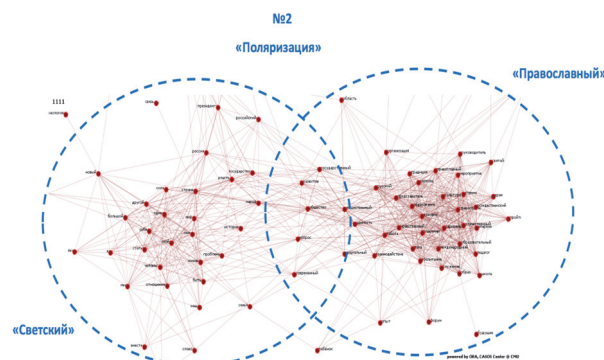

Рис. 2. Поляризация дискурсов (визуализация выполнена в среде ORA)

Отличие этих дискурсов состоит в том, что религиозная модель будущего является весьма однородной.

А светский образ внутренне неоднороден и даже противоречив, поскольку продуцируется разными экспертными группами.

Среди транслируемых сюжетов можно выделить: 1) образ победы, основанием которого является победа Советского Союза во Второй мировой войне; 2) образы покорения космоса или возвращения в космос; 3) образы фронта — освоения восточных территорий страны и больших строек; 4) позитивный образ советского прошлого, основой которого является ностальгия по размеренной жизни в социалистической стране. Также заметным явлением становятся сюжеты о переезде из мегаполиса в сельскую местность. Стоит отметить, что большинство сюжетов в массиве информационных волн носят позитивный характер. Исключение составляют сюжеты, связанные с ностальгией по советскому прошлому. Среди условно отрицательных сюжетов можно выделить тот, который сформирован преимущественно левыми политическими движениями.

В массиве, который мы условно называем *естественной реакцией*, наоборот, содержится очень много негативных сюжетов, демонстрирующих опасения людей за свое будущее. Здесь выделяются сюжеты 1) о засилии мигрантов (проецирующие страх за будущее России без русских); 2) опасения за будущее детей, (связанные с проблемами образования и воспитания). Дети рассматриваются как основной ресурс будущего, находятся в фокусе внимания обоих дискурсов — и секулярного, и религиозного. Также выделяются негативные сюжеты, связанные с проблемами жилья — образами «человейников» с маленькими квартирами, где невозможно жить полноценной семье.

Также пользователи Рунета высказывают отношение к образам будущего, которые описываются в научных и научно-популярных статьях, обсуждаются в экспертном сообществе, на конференциях. В комментариях пользователей доминирует скептическое отношение и недоверие сразу по нескольким направлениям: 1) по поводу мотивов проектировщиков будущего (миллионеры проектируют будущее под себя); 2) критика методов (будущее рисуют «сопливые дизайнеры»); 3) по поводу слишком частых изменений моделей будущего, которые не достигают заявленных результатов.

Сравнение массива информационных волн и естественной реакции пользователей демонстрирует очень большие различия между обсуждаемыми темами. По сути, это два разных, практически не связанных по смыслу дискурса.

Можно сформулировать несколько базовых смысловых конструкций или картин мира, переходящих в образы будущего: 1) ностальгия по Советскому Союзу и желание, чтобы это время вернулось на новых основаниях; 2) монархический дискурс, где светлое будущее страны связано с возрождением монархии; 3) желание построить что-то, основанное на возможностях новых технологий.

Сравнительный анализ массивов показывает, что образы будущего, предлагаемые политическими партиями и группами, не являются убедительными для пользователей, вызывают скорее скепсис и недоверие. Они не свя-

заны с решением конкретных проблем людей, не учитывают их опасения и жизненные ситуации, не направлены на улучшение их жизни. Скорее, образы будущего становятся самодостаточными конструктами, поглощающими человеческие и финансовые ресурсы.

Страх перед будущим становится материалом для различного рода манипуляций, нацеленных на обогащение, вовлечение в секты и т.п. Широкое распространение имеют различные эзотерические ритуалы, направленные на якобы улучшение будущего людей, всевозможные тренинги и пр.

Образ будущего также становится популярной политической технологией и методом манипуляции, который активно используют и политические движения, и популярные медийные личности.

Лингвистический анализ сетевого контента в исследовании образа будущего городов

Для анализа и интерпретации собранного материала применялся мультимодальный подход к анализу больших объемов лингвистических данных с использованием нейросетевой технологии TextAnalyst 2.32 [42, 44]. Для конкретных целей исследования была адаптирована модель, использующая семантический анализ, анализ лексических ассоциаций, цифровых следов, позволяющая выявлять скрытые (имплицитные) смыслы и мотивы в вербальной коммуникации пользователей (рис. 3).

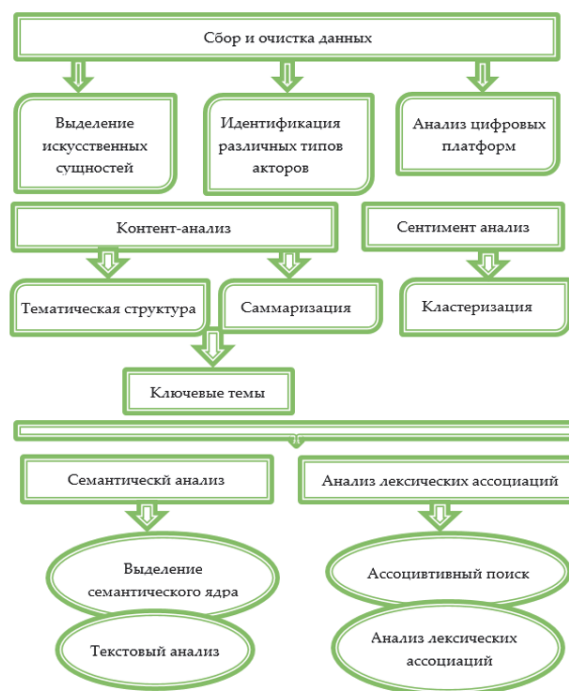

Рис. 3. Модель анализа

В исследовании использовалась нейросетевая технология для автоматического смыслового анализа текстовых данных TextAnalyst 2.32 как инструмент для автоматического формирования баз знаний на основе множества естественно-языковых текстов. Модель позволяет производить автоматическое выделение базовых понятий тек-

ста (слов и словосочетаний) и их отношений с вычислением их относительной значимости, формировать представления семантики текста в форме семантической сети.

При изучении обсуждения вопросов будущего городов нами были выбраны социальные сети, а также видеохостинги и чаты мессенджеров.

Наиболее активно обсуждения образа будущего городов происходили в социальных сетях «Одноклассники» (<https://ok.ru>) и «ВКонтакте» (<https://vk.com>), а также мессенджер «Телеграм» (telegram.org) (рис. 4). Неожиданным результатом исследования стало лидерство социальной сети «Одноклассники», что может быть связано со спецификой аудитории – здесь преподают представители старшего поколения, у которых больше времени на обсуждение таких тем. Акторы формулировали свое мнение о будущем чаще в постах, менее активно проходило обсуждение в комментариях, также пользователи репостили наиболее интересные посты, которые совпадали с их точкой зрения.

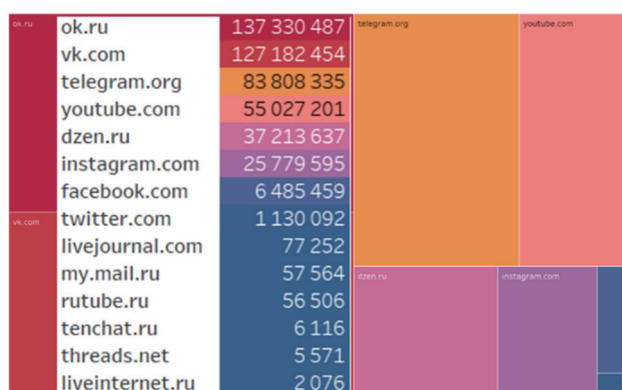

Рис. 4. Цифровые платформы

Анализ тональности контента

Нейтральная тональность преобладает во всех типах сообщений, негативная тональность лидирует в комментариях, а позитивная – в постах. Анализ тональности контента, генерированного разными типами акторов, показал, что наибольшее количество негативного контента формировали конкретные акторы в личных аккаунтах, а позитивного – сообщества (рис. 5).

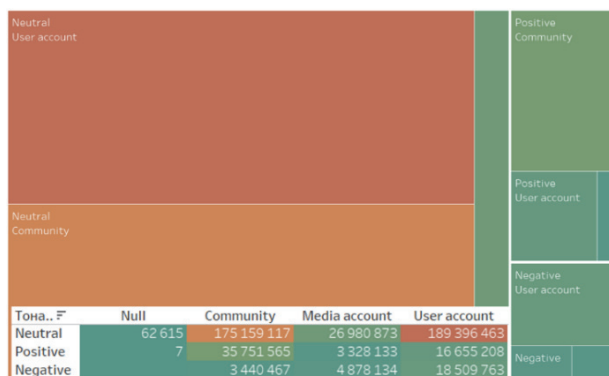

Рис. 5. Тональность контента, генерированного разными типами акторов

Исследование тональности контента на разных типах источников и территорий продемонстрировало,

что негативный контент чаще генерировался в мессенджере «Телеграм», на видеохостингах, а также пользователями крупных мегаполисов – Москвы и Санкт-Петербурга. Позитивный контент чаще генерировался в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте» (рис. 6).

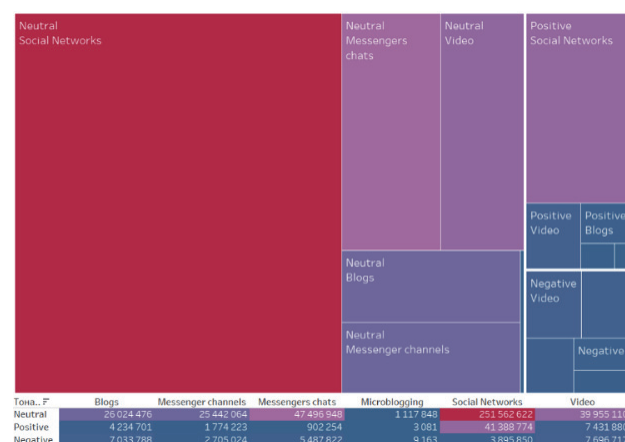

Рис. 6. Тональность контента на разных типах источников

Семантический анализ

Проведение контент-анализа, саммаризации и выделения тематической структуры позволило сформулировать основные темы обсуждения будущего городов. После проведения sentiment-анализа была осуществлена кластеризация по тональности контента, генерированного акторами. Формирование семантической сети, выделение и анализ ядра семантической сети помогли выделить в каждом кластере семантические акценты, которые являются для пользователей наиболее важными.

В позитивном кластере акторы выделяют следующие аспекты развития будущего городов, которые являются, по их мнению, предпочтительными и оцениваются положительно: 1) внимание к экологической повестке, гармоничное сосуществование человека с природой; 2) комфортная для человека среда; 3) стремлением к углеродной нейтральности; 4) создание самоподдерживающейся среды с минимальным негативным воздействием человека на природу; 5) бережное использование ресурсов, повышение энергетической эффективности городов; 6) расширение зеленых зон, интегрирование парковых зон внутрь офисных и жилых зданий; 7) переход на экологический транспорт (велосипеды, трамваи, рельсовые системы и пр.) или даже удаление транспорта из жилой городской среды; 8) организация городского пространства должна позволять свободно перемещаться из одного места в другое пешком, увеличение пешеходных зон; 9) среднеэтажная, плотная застройка со смешанной функцией, в которой коммерческие и жилые пространства находятся в одних зданиях с четким разделением улиц и дворов как публичного и частного пространства; 10) развитие IT-технологии в сфере обслуживания и организации жизни; 11) безбарьерная среда; 12) активное коллективное участие горожан в принятии решений о развитии города; 13) размывание границ между городом и деревней.

В негативном кластере выделяются аспекты развития будущего городов, которые вызывают опасения акторов, а также отрицательную оценку: 1) перенаселенность, уплотнение городов; 2) загрязнение городской среды, ухудшение экологии; 3) создание искусственной среды, эксплуатация и подчинение окружающей среды воле человека; 4) транспортный коллапс, который парализует города и разрушая экологическую систему; 5) нарушение границ личной жизни за счет развития IT-технологий.

Эвристический потенциал методики

В данном исследовании была протестирована модель для knowledge acquisition на материале большого объема данных социальных медиа для исследования коллективного представления о будущем городов.

Результаты исследования позволили сформулировать положительные и негативные аспекты, которые акторы высказывают при обсуждении развития городов в будущем. Результаты исследования могут быть актуальными для городских властей, архитекторов, проектировщиков,

Разработанная модель может применяться для knowledge acquisition в больших данных в различных тематических областях.

Выводы

Изучение коллективных представлений о будущем через исследование онлайн-коммуникаций в социальных сетях обладает значительным эвристическим потенциалом. Предложенные нами методы направлены на анализ источников, содержащих образы будущего, сформировавшиеся независимо от вопросов, задаваемых исследователем. Использование методов сетевого анализа с выделением информационных волн позволяет отделить инициированные, т.е. продвигаемые различными акторами, сюжеты от естественных реакций и обсуждений пользователей. Это, в свою очередь, позволяет оценить, насколько предлагаемые образы будущего соответствуют ожиданиям людей и как ими воспринимаются.

Проведенные исследования продемонстрировали, что в информационном поле при формировании образов будущего активно участвуют различные акторы: национальные правительства, научные институты, общественные лидеры. Каждый из них продвигает свои образы будущего развития страны, часто противоречащие друг другу напрямую (через элементы дискурса) или опосредовано, на уровне потенциальной практической реализации этих образов. Заметную роль в информационном массиве играют сюжеты, инициированные РПЦ, которая становится одним из ключевых акторов по продвижению образов будущего. Также РПЦ использует прикладные способы воздействия на аудиторию: конференции, семинары, конкурсы, в том числе и в таких светских учреждениях, как система образования.

Противовесом образам будущего, транслируемым РПЦ, является светский, научный дискурс, но по интенсивности информационных волн он проигрывает

религиозному. Также светский дискурс, посвященный образу будущего, является более разнонаправленным, противоречивым, обрывочным («лоскутным») по сравнению с религиозным.

У обоих дискурсов (и светского, и религиозного), есть общая точка пересечения – это важная роль новых поколений в реализации моделей будущего. Оба дискурса апеллируют к ценности детства и практик воспитания.

Однако результаты исследования демонстрируют, что транслируемые «официальные» образы будущего не являются убедительными для пользователей, вызывая скорее скепсис и недоверие. Это связано как со скепсисом в отношении истинных целей «конструкторов будущего», так и с тем, что абстрактные образы официальных сюжетов не связаны с вполне конкретными проблемами людей, не учитывают их опасения и жизненные ситуации.

В естественной реакции можно выделить существенный страх перед будущим, опасение, что в итоге плата за все проекты ляжет на плечи людей и не столько поможет в жизни, сколько усложнит ее. Поэтому одной из систем аргументации построения будущего в естественной реакции населения является ностальгия по Советскому Союзу и отсылка к социалистическим принципам. Эта аргументация усиленно избегается в обсуждении образов будущего в официальных моделях крупных игроков (государственных институтов).

Также страх будущего является благодатной почвой для продвижения своих практик сектантами и мошенниками. Они не столько обозначают образы будущего, сколько навязывают и продают свое влияние для избегания людьми негативного для них будущего. Это классические приемы пространственной сепарации (в сектах), бесплатного труда будущих адептов (в сектах), различных гаданий (у мошенников), продажи литературы и амулетов (у мошенников) и т.п.

Использование методов лингвистического анализа с использованием процедур анализа лексических ассоциаций позволяет выделить позитивные и негативные образы будущего, эмоциональные реакции пользователей на те или иные сюжеты и, соответственно, степень вовлеченности участников обсуждения. Так, позитивные образы будущего в отношении городов связаны с гармонизацией городской и природной среды. Фактически речь идет о некой новой форме расселения, где границы между городом, пригородами и природной средой стираются, образуя экологичную и удобную среду в любой точке пространства. Позитивные образы будущего связаны также с более комфортной для человека малоэтажной застройкой и совмещением жилья и коммерческих функций, удобными перемещениями и IT-технологий в сфере обслуживания и организации жизни.

Негативные образы городов будущего концентрируются вокруг перенаселенных мегаполисов со сверхплотной застройкой, плохой экологией и вмешательством в частную жизнь за счет развития IT-технологий. Таким образом, опасения пользователей оказываются связаны с

закрепившимися в коллективном сознании сюжетами антиутопий – «перенаселенными человеками», «экологической катастрофой» и «цифровым концлагерем».

Представленные методы обладают такими преимуществами, как возможность значительного уменьшения количества единиц анализа за счет выделения информационных волн, а также возможность использовать большие языковые модели (LLM), позволяющие анализировать практически неограниченные объемы сообщений. Это дает возможность использовать данные методы как по отдельности, так и в комплексе для исследований информационного сетевого пространства в различных тематических областях.

Результаты проведенного исследования демонстрирует, что анализ информационных потоков и коммуникаций пользователей в социальных сетях может стать результативным методом изучения коллективных представлений о будущем.

Данная работа является первой попыткой исследования образов будущего при помощи новых методов анализа онлайн-коммуникаций.

Авторы планируют продолжить данное направление для развития методологии сетевых исследований и получения нового знания о принципах возникновения образов будущего как феноменов общественного сознания.

Список источников

1. Aalders W.J. Toekomstbeelden van vijf eeuwen. Groningen: J.B. Wolters, 1939.
2. Polak F.L. De toekomst is verleden tijd. cultuur-futuristische verkenningen. Deel I. Het beloofde land. oerbron van opbloeiende beschaving. Deel II. De toekomstbeeldenstorm. verblinde afbraak der cultuur. W.J. de Haan, Utrecht, 1955 (In Dutch).
3. Rubin A., Linturi H. Transition in the making. The images of the future in education and decision-making // *Futures*. 2001. № 33(2). P. 267–305.
4. Rubin A. Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing time // *Futures*. 2013. № 45 (2). P. 38–44.
5. Ahvenharjua S., Minkkinena M., Lalot F. The five dimensions of Futures Consciousness // *Futures*. 2018. № 104. P. 1–13.
6. Kaboli S.A., Tapio P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // *Futures*. 2018. № 96(1). P. 32–43. doi: 10.1016/j.futures.2017.11.004
7. Tezanos J.F. Las imágenes y expectativas del futuro en la sociedad Española // Tezanos J.F., Villalon J.J., Montero J.M. (eds) *Tendencias de Futuro en la Sociedad Española*. Sistema, Madrid, 1997.
8. Bas E. Future Visions of the Spanish Society // Reinhardt U., Roos G. (eds). *Future Expectations for Europe*. Primus Verlag, Darmstadt, 2008. P. 214–231.
9. Guillo M. Futures, communication and social innovation: using participatory foresight and social media platforms as tools for evaluating images of the future among young people // *European Journal of Futures Research*. 2013. № 1 (17). doi: 10.1007/s40309-013-0017-2
10. Lalot F., Ahvenharjua S., Minkkinen M., Wensing E. Aware of the Future? Development and Validation of the Futures Consciousness Scale // *European Journal of Psychological Assessment*. 2020. № 36 (5). P. 874–888. doi: 10.1027/1015-5759/a000565
11. Angheloiu C., Sheldrick L., Tennant M. Future tense: Exploring dissonance in young people's images of the future through design futures methods // *Futures*. 2020. № 117. Art. No. 102527. doi: 10.1016/j.futures.2020.102527
12. Boulding K.E. *The Image: knowledge in life and society*. Michigan : University of Michigan Press, 1956.
13. Godet M., Roubelat F. Creating the future: The use and misuse of scenarios // *Long Range Planning*. 1996. № 29 (2). P. 164–171.
14. Clark T.J. *Image of the People: Gustave Courbet and the 1848 Revolution*. Berkeley : University of California Press, 1999.
15. Durance P. Reciprocal influence in future thinking between Europe and the USA // *Technological Forecasting & Social Change*. 2010. № 77. P. 1469–1475.
16. Lombardo T. Creativity, Wisdom, and Our Evolutionary // *Journal of Futures Studies*. 2011. № 16(1). P. 19–46.
17. Miller R. Futures literacy: A hybrid strategic scenario method // *Futures*. 2007. № 39(4). P. 341–362.
18. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политическое конструирование образа будущего // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 56. С. 285–299. doi: 10.17223/1998863X/56/25
19. Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // *Власть*. 2020. № 28(1). С. 45–50. doi: 10.31171/vlast.v28i1.7041
20. Бабошкина Т.В., Долгаева Е.И. Инновации и желаемое будущее в представлениях российской молодежи // *Огарев-Онлайн*. 2020. № 9 (146). URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/innovacii-i-zhelaemoe-budushhee-v-predstavleniyah-rossijskoj-molodezhi>
21. Семерник С.З., Лукьянова Н.А., Конюхова Т.В. Влияние образов будущего на социализацию современной молодежи: проблемы и перспективы // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1: Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія*. 2023. Т. 15, № 2. С. 102–114.
22. Шестопал Е.Б. Образ идеального будущего: нормативные представления граждан России о власти // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 464. С. 99–112. doi: 10.17223/15617793/464/12
23. Кравцов О. Образ будущего как фактор политики // *Nauka.me*. 2020. № 1. URL: <https://nauka.me/s24132888005231-8-1>.
24. Lukyanova N., Semernik S., Okhotnitskaya E. Technologies for constructing images of the future: Cultural and philosophical analysis // *Vectors of well-being: economy and society*. 2023. № 1 (48). P. 73–86. doi: 10.18799/26584956/2023/1/1527
25. Градосельская Г.В., Волгин А.Д. Декомпозиция медиасобытия через определение информационных волн // *Управление развитием крупномасштабных систем mlssd'2019 : материалы Двенадцатой междунар. конф. / под общ. ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна. М. : Ин-т проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2019. С. 1192–1196. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/8911056>*
26. Градосельская Г.В., Расходчиков А.Н. Два сценария будущего молодежи: результаты картирования групп социальной сети «ВКонтакте» на примере Томска // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2020. № 4. С. 50–68.
27. Poli R. The many aspects of anticipation // *Foresight*. 2010. № 12(3). P. 7–17.
28. Seginer R. Future orientation: A conceptual framework // Seginer R. (Ed.) *Future orientation*. Boston, MA : Springer US, 2009. P. 1–27. doi: 10.1007/978-0-387-88641-1_1
29. Miller R., Poli R., Rossel P. The discipline of anticipation: Foundations for futures literacy // Miller R. (Ed.) *Transforming the future: Anticipation in the 21st century*. Abingdon, Oxon : Routledge, 2018.
30. Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Векторы развития России в сознании жителей российской провинции // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2016. № 3. С. 66–69.
31. Angheloiu C., Sheldrick L., Tennant M. Future tense: Exploring dissonance in young people's images of the future through design futures methods // *Futures*. 2020. № 117. Art. No. 102527. doi: 10.1016/j.futures.2020.102527
32. Dorsser C., Walker W.E., Taneja P., Marchau V.A.W.J. Improving the link between the futures field and policymaking // *Futures*. 2018. № 104. P. 75–92. doi: 10.1016/j.futures.2018.05.004
33. Polak F.L. *The Image of the Future*. Amsterdam : Elsevier, 1973.

34. Попова О.Д. «Правительство живет при коммунизме, а мы в нищенстве...»: мысли и думы советского народа накануне 50-летия октября // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 127–135.
35. Попова О.Д. «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е годы // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 72–81.
36. Попова О.Д. Образ коммунистического будущего глазами советских людей (по материалам «писем во власть» в 50–60 годы XX века) // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы : материалы 15-й Междунар. конф. 2018. С. 842–846.
37. Яворская М. «Мы – это и есть вы». Сопоставление образа будущего в книге «Сто лет тому вперед» и фильме «Гостя из будущего» в историческом контексте // Детские чтения. 2019. Т. 15, № 1. С. 161–176.
38. Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М. : Кучково поле, 2008. 384 с.
39. Dator J. «New beginnings» within a new normal for the four futures // Foresight. 2014. № 16 (6). P. 496–511.
40. Inayatullah S. Futures studies: theories and methods // There's a Future: Visions for a Better World / ed. F González. Bilbao, Spain : BBVA, 2012. P. 37–65.
41. Zheltikova I., Khokhlova E. The Image of the Future of Contemporary Russia // Journal of Futures Studies. 2019. № 24 (1). P. 63–76. doi: 10.6531/JFS.201909_24(1).0005
42. Kharlamov A.A., Raskhodchikov A.N., Pilgun M. Smart City Data Sensing during COVID-19: Public Reaction to Accelerating Digital Transformation // Sensors. 2021. № 21(12). Art. No. 3965. doi: 10.3390/s21123965
43. Raskhodchikov A.N., Gradoselskaya G.V. Diffuse Identity of Moscow Regions in Mapping in Social Networks // IEEE Xplore, 15th International Conference Management of large-scale system development (MLSD). Moscow, 2022. Russian Federation. doi: 10.1109/MLSD55143.2022.9934611
44. Raskhodchikov A.N., Pilgun M. COVID-19 and Public Health: Analysis of Opinions in Social Media // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. № 20. Art. No. 971. doi: 10.3390/ijerph20020971

References

1. Aalders, W.J. (1939) *Toekomstbeelden van vijf eeuwen*. Groningen: J.B. Wolters.
2. Polak, F.L. (1955) *De toekomst is verleden tijd. cultuur-futuristische verkenningen*. Deel I. Het beloofde land. oerbron van opbloeiende beschaving. Deel II. De toekomstbeeldenstorm. verblinde afbraak der cultuur. Utrecht: W.J. de Haan.
3. Rubin, A. & Linturi, H. (2001) Transition in the making. The images of the future in education and decision-making. *Futures*. 33 (2). pp. 267–305.
4. Rubin, A. (2013) Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing time. *Futures*. 45 (2). pp. 38–44.
5. Ahvenharju, S., Minkinen, M. & Lalot, F. (2018) The five dimensions of Futures Consciousness. *Futures*. 104. pp. 1–13.
6. Kaboli, S.A. & Tapio, P. (2018) How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults. *Futures*. 96 (1). pp. 32–43. doi: 10.1016/j.futures.2017.11.004.
7. Tezanos, J.F. (1997) Las imágenes y expectativas del futuro en la sociedad Española. In: Tezanos, J.F., Villalon, J.J. & Montero, J.M. (eds) *Tendencias de Futuro en la Sociedad Española*. Madrid: Sistema.
8. Bas, E. (2008) Future Visions of the Spanish Society. In: Reinhardt, U. & Roos, G. (eds) *Future Expectations for Europe*. Darmsdat: Primus Verlag. pp. 214–231.
9. Guillo, M. (2013) Futures, communication and social innovation: using participatory foresight and social media platforms as tools for evaluating images of the future among young people. *European Journal of Futures Research*. 1 (17). doi: 10.1007/s40309-013-0017-2
10. Lalot, F., Ahvenharju, S., Minkinen, M. & Wensing, E. (2020) Aware of the Future? Development and Validation of the Futures Consciousness Scale. *European Journal of Psychological Assessment*. 36 (5). pp. 874–888. doi: 10.1027/1015-5759/a000565
11. Angheloiu, C., Sheldrick, L. & Tennant, M. (2020) Future tense: Exploring dissonance in young people's images of the future through design futures methods. *Futures*. 117. Art. No. 102527. doi: 10.1016/j.futures.2020.102527
12. Boulding, K.E. (1956) *The Image: knowledge in life and society*. Michigan: University of Michigan Press.
13. Godet, M. & Roubelat, F. (1996) Creating the future: The use and misuse of scenarios. *Long Range Planning*. 29 (2). pp. 164–171.
14. Clark, T.J. (1999) *Image of the People: Gustave Courbet and the 1848 Revolution*. Berkeley: University of California Press.
15. Durance, P. (2010) Reciprocal influence in future thinking between Europe and the USA. *Technological Forecasting & Social Change*. 77. pp. 1469–1475.
16. Lombardo, T. (2011) Creativity, Wisdom, and Our Evolutionary. *Journal of Futures Studies*. 16 (1). pp. 19–46.
17. Miller, R. (2007) Futures literacy: A hybrid strategic scenario method. *Futures*. 39 (4). pp. 341–362.
18. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2020) Political Construction of the Image of the Future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 56. pp. 285–299. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/56/25
19. Komarovskiy, V.S. (2020) Obraz zhelayemogo budushchego Rossii: problemy formirovaniya [The Image of Russia's Desired Future: Problems of Formation]. *Vlast'*. 28 (1). pp. 45–50. doi: 10.31171/vlast.v28i1.7041
20. Baboshkina, T.V. & Dolgaeva, E.I. (2020) Innovatsii i zhelayemoye budushcheye v predstavleniyakh rossiyskoy molodezhi [Innovations and Desired Future in the Views of Russian Youth]. *Magarev-Online*. 9 (146). [Online] Available from: <https://journal.mrsu.ru/arts/innovacii-i-zhelaemoe-budushchee-v-predstavleniyakh-rossijskoj-molodezhi>
21. Semernik, S.Z., Lukyanova, N.A. & Konyukhova, T.V. (2023) Vliyaniye obrazov budushchego na sotsializatsiyu sovremennoy molodezhi: problemy i perspektivy [The Influence of Images of the Future on the Socialization of Modern Youth: Problems and Prospects]. *Vestnik Grodzenskaya d'yarzhnaga universitetu imya Yanki Kupaly. Ser. 1: Historya i arkhealogiya. Filosofiya. Palitalogiya*. 15 (2). pp. 102–114.
22. Shestopal, E.B. (2021) The Image of an Ideal Future: Normative Perceptions of Power Among Russian Citizens. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 99–112. doi: 10.17223/15617793/464/12
23. Kravtsov, O. (2020) Obraz budushchego kak faktor politiki [The Image of the Future as a Political Factor]. *Nauka.me*. 1. [Online] Available from: <https://nauka.me/s241328880005231-8-1>
24. Lukyanova, N., Semernik, S. & Okhotnitskaya, E. (2023) Technologies for constructing images of the future: Cultural and philosophical analysis. *Vectors of Well-Being: Economy and Society*. 1 (48). pp. 73–86. doi: 10.18799/26584956/2023/1/1527.
25. Gradoselskaya, G.V. & Volgin, A.D. (2019) Dekompozitsiya mediasobytiya cherez opredeleniye informatsionnykh voln [Decomposition of a Media Event Through the Identification of Information Waves]. In: Vasilyev, S.N. & Tsvirkun, A.D. (eds) *Upravleniye razvitiyem krupnomasshtabnykh sistem mlsd'2019* [Management of Large-Scale Systems Development mlsd'2019]. Moscow: V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences. pp. 1192–1196. [Online] Available from: <https://ieeexplore.ieee.org/document/8911056>
26. Gradoselskaya, G.V. & Raskhodchikov, A.N. (2020) Dva stseneriya budushchego molodezhi: rezultaty kartirovaniya grupp sotsialnoy seti "VKontakte" na primere Tomsk [Two Scenarios of the Future of Youth: Results of Mapping Groups in the VKontakte Social Network Using the Example of Tomsk]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye nauki*. 4. pp. 50–68.
27. Poli, R. (2010) The many aspects of anticipation. *Foresight*. 12 (3). pp. 7–17.

28. Seginer, R. (2009) Future orientation: A conceptual framework. In: Seginer, R. (ed.) *Future orientation*. Boston, MA: Springer US. pp. 1–27. doi: 10.1007/978-0-387-88641-1_1
29. Miller, R., Poli, R. & Rossel, P. (2018) The discipline of anticipation: Foundations for futures literacy. In: Miller, R. (ed.) *Transforming the future: Anticipation in the 21st century*. Abingdon, Oxon: Routledge.
30. Gavriluk, V.V. & Malenkov, V.V. (2016) Vektory razvitiya Rossii v soznanii zhitel'ey Rossiyskoy provintsii [Vectors of Russia's Development in the Minds of Residents of the Russian Province]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*. 3. pp. 66–69.
31. Angheloiu, C., Sheldrick, L. & Tennant, M. (2020) Future tense: Exploring dissonance in young people's images of the future through design futures methods. *Futures*. 117. Art. No. 102527. doi: 10.1016/j.futures.2020.102527
32. Dorsser, C., Walker, W.E., Taneja, P. & Marchau, V.A.W.J. (2018) Improving the link between the futures field and policymaking. *Futures*. 104. pp. 75–92. doi: 10.1016/j.futures.2018.05.004
33. Polak, F.L. (1973) *The Image of the Future*. Amsterdam: Elsevier.
34. Popova, O.D. (2017) "Pravitel'stvo zhivet pri kommunizme, a my v nishchenstve...": mysli i dumy sovetskogo naroda nakanune 50-letiya oktyabrya ["The Government Lives Under Communism, While We Live in Poverty...": Thoughts and Reflections of the Soviet People on the Eve of the 50th Anniversary of October]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 3 (56). pp. 127–135.
35. Popova, O.D. (2016) "V TsK te zhe pomeshchiki i kapitalisty...": vospriyatiye sovetskimi lyudmi sotsial'nogo neravenstva v SSSR v 1960-e gody ["The Central Committee Consists of the Same Landowners and Capitalists...": Soviet People's Perception of Social Inequality in the USSR in the 1960s]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2 (48). pp. 72–81.
36. Popova, O.D. (2018) [The Image of the Communist Future Through the Eyes of Soviet People (Based on "Letters to the Authorities" in the 1950s–1960s)]. *Gosudarstvennoye upravleniye Rossiyskoy Federatsii: vyzovy i perspektivy* [Public Administration of the Russian Federation: Challenges and Prospects]. Conference Proceedings. S.I. pp. 842–846. (In Russian).
37. Yavorskaya, M. (2019) "My – eto i est vy". Sopostavleniye obraza budushchego v knige "Sto let tomu vpered" i filme "Gostya iz budushchego" v istoricheskom kontekste ["We Are You". Comparison of the Image of the Future in the Book "One Hundred Years Ahead" and the Film "Guest from the Future" in Historical Context]. *Detskiye cheniya*. 15 (1). pp. 161–176.
38. Golubev, A.V. (2008) "Yesli mir obrushitsya na nashu Respubliku": Sovetskoye obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1920–1940-e gg. ["If the World Collapses on Our Republic": Soviet Society and the External Threat in the 1920s–1940s]. Moscow: Kuchkovo pole.
39. Dator, J. (2014) "New beginnings" within a new normal for the four futures. *Foresight*. 16 (6). pp. 496–511.
40. Inayatullah, S. (2012) Futures studies: theories and methods. In: González, F. (ed.) *There's a Future: Visions for a Better World*. Bilbao, Spain: BBVA. pp. 37–65.
41. Zheltikova, I. & Khokhlova, E. (2019) The Image of the Future of Contemporary Russia. *Journal of Futures Studies*. 24 (1). pp. 63–76. doi: 10.6531/JFS.201909_24(1).0005
42. Kharlamov, A.A., Raskhodchikov, A.N. & Pilgun, M. (2021) Smart City Data Sensing during COVID-19: Public Reaction to Accelerating Digital Transformation. *Sensors*. 21 (12). Art. No. 3965. doi: 10.3390/s21123965
43. Raskhodchikov, A.N. & Gradoselskaya, G.V. (2022) Diffuse Identity of Moscow Regions in Mapping in Social Networks. *IEEE Xplore, 15th International Conference Management of large-scale system development (MLSD)*. Moscow. Russian Federation. doi: 10.1109/MLSD55143.2022.9934611
44. Raskhodchikov, A.N. & Pilgun, M. (2023) COVID-19 and Public Health: Analysis of Opinions in Social Media. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 20. Art. No. 971. doi: 10.3390/ijerph20020971

Информация об авторах:

Градосельская Г.В. – канд. социол. наук, ведущий социолог Агентства социальных исследований «Столица» (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: mss981009@mail.ru

Желтикова И.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета (Орел, Россия). E-mail: inga.zheltikova@gmail.com

Пильгун М.А. – д-р филос. наук, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: mpilgun@iling-ran.ru

Расходчиков А.Н. – канд. социол. наук, председатель правления фонда Московского центра урбанистики «Город» (Москва, Россия); Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: silaslowa@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.V. Gradoselskaya, Cand. Sci. (Sociology), leading sociologist, Social Research Agency "Stolitsa" (Moscow, Russian Federation); leading research fellow, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: mss981009@mail.ru

I.V. Zheltikova, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Orel State University (Orel, Russian Federation). E-mail: inga.zheltikova@gmail.com

M.A. Pilgun, Dr. Sci. (Philology), professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation) E-mail: mpilgun@iling-ran.ru

A.N. Raskhodchikov, Cand. Sci. (Sociology), chair of the Board of the Foundation, Moscow Center of Urban Studies "City" (Moscow, Russian Federation); Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: silaslowa@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.11.2024;
одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 11.11.2024;
approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 32(091)
doi: 10.17223/15617793/510/9

Из цветущего сада в дебри высокой политики: Всеволод Крутовский как политический публицист (на материалах изданий «Сибирские записки» и «Сибирская жизнь»)

Александр Викторович Головинов¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, alex-golovinov@mail.ru

Аннотация. Осуществлена историко-текстологическая реконструкция общественно-политического содержания публицистики представителя позднего областничества – Всеволода Михайловича Крутовского, в журнале «Сибирские записки» и газете «Сибирская жизнь». Установлено, что генеральной линией общественно-политического дискурса в произведениях сибирского интеллектуала выступила проблематика идентификации сибирского областничества. Акцентировалась его федералистская природа и концепт культурного реформаторства.

Ключевые слова: сибирское областничество, федерализм, Вс.М. Крутовский, «Сибирские записки», «Сибирская жизнь», демократия, интеграция

Для цитирования: Головинов А.В. Из цветущего сада в дебри высокой политики: Всеволод Крутовский как политический публицист (на материалах изданий «Сибирские записки» и «Сибирская жизнь») // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 92–98. doi: 10.17223/15617793/510/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/9

From a blooming garden into the wilds of high politics: Vsevolod Krutovsky as a political publicist (based on materials from the publications in *Sibirskie Zapiski* and *Sibirskaya Zhizn'*)

Alexander V. Golovinov¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, alex-golovinov@mail.ru

Abstract. The article examines the political thought of a representative of the movement of late regionalists, Vsevolod Mikhailovich Krutovsky, through a narrative analysis of his journalism in regional periodicals. Written sources are analyzed – articles by the educator in the magazine *Sibirskie Zapiski* and the newspaper *Sibirskaya Zhizn'* in the period 1915–1917. The methodological basis of the work was the semiotic approach to historical knowledge. The toolkit is aimed at understanding the reality of the era, reproduced in interpretive assessments, theses, and judgments. Reconstruction of discourses in Krutovsky's political journalism from the perspective of the indicated methodological technique shows the ideals and values of the enlightener, enclosed in a sign-symbolic form. The events of the turning era certainly had a determining impact on the socio-political reflection of Krutovsky, a representative of the heterogeneous intelligentsia of Siberia. Therefore, in order to establish the boundaries of this influence, the paradigms of a "new intellectual and cultural history" may be in demand. The author emphasizes that Krutovsky revealed the democratic basis of the teachings of Siberian regionalists and convincingly sought to show the commitment of all representatives of this school of thought to Russian classical narodnichestvo and federalism. The author established that characterizing early regionalism as a system of moderate liberal-democratic ideas and principles, Krutovsky the publicist came to the conclusion that Siberian regionalism did not have a potential threat of secession. The article identifies two narratives of the then current political journalism of the Siberian educator. This is the theme of the democratic essence and federalist nature of the regionalists' program, based on the argumentation of the integrative genome of Siberian regionalism, which was alien to any manifestation of secession. Another direction in the content and general rhetoric of Krutovsky's ideological and journalistic heritage was the concretization of the value of cultural reformism, typical of the axiological core of all participants in the regionalist movement. Frequent reproduction of modes of Krutovsky's direct involvement into the cultural life of his native region made it possible to clearly demonstrate in the mass media important directions of cultural policy that were of fundamental importance for the spiritual prosperity of Siberia. It is also noted that the content of journalistic statements by Krutovsky testifies to his commitment to the corporate values of the regionalist movement – local patriotism, democracy, federalism, culturalism and education.

Keywords: Siberian regionalism, federalism, Vsevolod M. Krutovsky, "Sibirskie Zapiski", "Sibirskaya Zhizn'", democracy, integration

For citation: Golovinov, A.V. (2025) From a blooming garden into the wilds of high politics: Vsevolod Krutovsky as a political publicist (based on materials from the publications in *Sibirskie Zapiski* and *Sibirskaya Zhizn'*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 92–98. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/9

Введение

Социальные катаклизмы и политизация общественной жизни, вызванные вихрем революционного подъема в Сибири в период 1905–1918 гг., оказали серьезное воздействие на сознание просветительских кругов разночинных интеллигентов «Восточной окраины». Контингент образованных деятелей, проникшихся атмосферой эпохи, активно втягивался в политический процесс, предвещающий тектонические сдвиги в сфере государственного развития позднеимперской России. Активная гражданская позиция и неравнодушное отношение к будущности отчего края были внутренним качеством всех представителей движения сибирских областников. Демократические регионалисты, выступая по преимуществу как просветительская общественная группировка, тем не менее не могли оставаться на обочине грядущих политических преобразований. Потому эпоха начала XX столетия стала для многих представителей областнической идеологии временем включения в стихию реальной политики и периодом активного обсуждения меняющейся социально-политической повестки дня.

Федералистские, гуманистические и демократические идеалы, свойственные программе областников, разделяли самые разные представители профессиональных сообществ. Под знаменами областничества стояли ученые, географы, историки, этнографы, писатели, художники, юристы, врачи, садоводы-селекционеры, журналисты и многие другие. Следует заметить, что четкой электоральной и социальной основы демократический регионализм в Сибири не имел. Это можно объяснить тем, что деятели областнического направления не ставили главной целью борьбу за власть. Сибирское областничество, исходя из природы своих идеологических постулатов, так и не приобрело форму политической партии, а осталось общественно-политическим движением с рыхлой структурой. Областничество никогда не имело институциональных форм и действовало исключительно на добровольческой основе путем свободного объединения людей, имеющих искренние намерения решать насущные проблемы жизни русской периферии.

Общественно-политическая деятельность и идеи большинства персоналий движения сибирских демократических регионалистов этого периода уже выступали предметом научного поиска. Несколько в тени до сих пор остается наследие Всеволода Михайловича Крутовского. Во многом, как уже отмечалось в отечественной историографии, это следствие активной публицистической и общественной работы двух братьев – старшего Владимира и младшего Всеволода Крутовских. В то же время считать, что старший брат затмевал подвижническую деятельность Всеволода Михайловича, не совсем верно. Дело в том, что это в прямом смысле слова был кровный братский союз, где каждый поддерживал и помогал друг другу, хотя старший Крутовский оставил после себя больший объем публицистических произведений на политические темы.

В действительности красноярский садовод и основатель селекционной деятельности в Сибири Всеволод

Михайлович Крутовский выступил как политический публицист, отстаивая и осмысляя грани идеологии областничества в переломные моменты русских революций. Это дает нам основания причислять просветителя к поздним областникам. В рамках проводимого исследования предполагается историко-текстологическая реконструкция общественно-политического содержания публицистики представителя позднего областничества в журнале «Сибирские записки» и газете «Сибирская жизнь».

Методология, историография, источниковая база

Достижение исследовательских замыслов считаем возможным с привлечением семиотического подхода в историческом познании. Инструментарий направлен на понимание реальности эпохи, воспроизведенной в интерпретационных оценках, тезисах, суждениях. Реконструкция дискурсов в актуальной политической публицистике Вс.М. Крутовского в ракурсе обозначенного методологического приема позволит показать идеалы и ценности просветителя, заключенные в знаково-символическую форму.

События переломной эпохи, несомненно, оказали детерминирующее воздействие на общественно-политическую рефлексию представителя разночинной интеллигенции Сибири. Потому, чтобы установить грани этого влияния, могут оказаться востребованными парадигмы «новой интеллектуально-культурной истории». Подход сопутствует познанию нарративов, имеющих форму текстового выражения, с учетом контекста определенной исторической реальности. Так как наполненность событийными сюжетами эпохи подъема революционных сил была высокой, то уровень внешней детерминации на воззрения публициста-демократа в условиях социально-политической турбулентности оказался значительным. Картина мира Вс. Крутовского имела при этом стройное содержание, основой которого выступал определенный набор ценностей и добродетелей. В этом смысле применение аксиологического подхода в нашем исследовании будет способствовать выявлению ценностно-мировоззренческих ориентиров и политических пристрастий публициста, производных от идеологии областничества.

Стоит отметить, что в новейшей отечественной историографии тематика сибирского областничества представлена достаточно широко. Постигание этапов истории, эволюции взглядов, а также содержание и природа идеологии сибирского демократического регионализма выступают предметом целого ряда исследований. Так, в работах авторитетных сибирских ученых, таких как В.П. Зиновьев [1], С.А. Некрылов [2], Л.М. Дамешек [3], В.В. Шевцов [4], Н.В. Жиликова [4], О.А. Харусь [5], Н.С. Ларьков [6], В.А. Должиков [7], М.К. Чуркин [8], К.В. Анисимов [9], Ю.Б. Костякова [10], А.С. Маджаров [11], М.В. Шиловский [12] и других, анализу подвергаются идеи сибирских областников, их публицистические и литературные произведения, а также исследуется роль этого движения в политической истории Сибири.

Характерно, что в настоящее время интерес к областничеству возрастает со стороны исследователей, находящихся за пределами Сибирского региона. Работы А.В. Малинова [13], Т.П. Христюковой [14], С.Я. Щебровой [15], О.Л. Протасовой [16] направлены на постижение политической и культурной судьбы областнического проекта, его соотношения с другими разновидностями регионализма. Исследователи также ставят вопрос об отражении данного идейного течения в художественной жизни и искусстве.

Однако, при всем многообразии современных подходов и трактовок сущности сибирского демократического регионализма, общественно-политические идеалы отдельных представителей областнического движения остаются на периферии познавательных стратегий современных ученых.

Так, активист организации областников-автономистов Всеволод Михайлович Крутовский, известный преимущественно как ученый-помолог, селекционер и садовод, оставил после себя не только цветущие кроны ботанического сада в Красноярске, но и комплекс направлений социально-политической рефлексии, представленной в ряде публицистических произведений. Если судить по большому количеству его работ, то всплеск актуальной политической публицистики сибирского просветителя пришелся на 1915–1917 гг. Конечно в региональной периодике можно встретить статьи позднего областника и до обозначенных рамок и даже после, но они носили скорее просветительский или научный характер в сфере селекционной деятельности. Это можно объяснить тем, что после 1917 г. красноярский помолог в дебри высокой политики больше не углублялся, а сосредоточился на обустройстве плодовых садов.

Позволим высказать на этот счет гипотетическое предположение, что именно данное обстоятельство уберегло просветителя от репрессивного аппарата советской власти. Вероятно, выбор жизненной стратегии в пользу селекционной работы не обошелся без участия старшего брата – известного областника Владимира Михайловича Крутовского, который за годы разгула революционной стихии более десяти раз подвергался аресту и реальной угрозе расстрела. Прямых свидетельств такого проявления братской опеки мы не обнаружили, так как это выходит за рамки нашего исследования, однако этот сюжет представляется небезосновательным и может найти отражение в отдельных и специальных исторических работах. Еще раз подчеркнем, что в настоящем исследовании будет осуществлена попытка реконструкции дискурсов общественно-политической публицистики Вс.М. Крутовского.

Исследовательской базой выступили опубликованные источники – материалы статей позднего областника, размещенные в журнале «Сибирские записки» за 1917 г. такие как «Из истории сибирского областничества», «Сибирь и февральская революция», «Внутренне обозрение. Революция». Анализу также подвергались публикации Вс.М. Крутовского «Что привело Г.Н. Потанина к изучению народных сказаний» и «В обществе любителей художеств» в газете «Сибирская жизнь» за 1915 г.

Общественно-политические нарративы публицистики Вс.М. Крутовского

Итак, в первом номере литературного, научного и политического журнала «Сибирские записки» за 1917 г. в жанре исторического повествования Вс.М. Крутовский раскрывал демократическую основу учения сибирских областников и убедительно стремился показать приверженность всех представителей данного течения мысли к русскому классическому народничеству и федерализму. Публицист акцентировал принцип децентрализации, который должен был сопутствовать развитию местных нужд, без угрозы территориальной целостности отечественному государству. По мысли позднего областника, для русского правительства подавление национальных и областнических тенденций являлось необходимой предпосылкой единой сильной власти, отождествляемой с единством империи, а по мнению многих прогрессивных и радикальных представителей русской интеллигенции, нивелировка культурно-правовых и национальных отношений имела чрезвычайно важное значение для подготовки в сознании населения идеи единообразия экономической эволюции и вскрытия противоречия классовых интересов. «Подобное отрицательное отношение к областническим и национальным стремлениям, – специально объяснял Вс.М. Крутовский, – основано на недостаточном анализе тех духовных возможностей, проявление и расцвет которых возможен исключительно при широкой децентрализации, если не при федеративном государственном строе. Развитие этих возможностей должно неминуемо способствовать, созданию таких социальных ценностей, наличие которых с избытком покроет связанное с широкой автономией временное замедление процесса классового самосознания» [17. С. 51]. Нивелирование этнокультурного разнообразия и унификация жизни частей и окраин большой Империи просветитель считал серьезным тормозом в развитии государства и общества, препятствующим экономическому и духовному расцвету России.

События революционного подъема сопутствовали актуализации дискуссии и полемики о центробежных и центростремительных основах эсхатологии будущего политического устройства родного Отечества. На страницах «Сибирских записок» этот бурный период политической истории воспринимался публицистом как подходящее время для позитивной реализации принципа демократического федерализма на практике. «Мы находимся, – отмечал ученый, – накануне эпохи величайших преобразований, на содержании и широте которых не может не отразиться современное нам соотношение сил в старом споре централистических и федералистических тенденций» [17. С. 56].

Характеризуя раннее областничество как систему умеренных либерально-демократических идей и принципов, публицист пришел к умозаключению о том, что сибирский регионализм не имел потенциальной угрозы сецессии. «Все органы исполнительной и судебной власти во всей области должны быть выборными. <...> Вот характерные положения, являющиеся более или менее законченным выражением программы

левого крыла областнических кругов, программы, выработанной 40 лет спустя после процесса “сепаратистов” при исключительно благоприятной политической атмосфере 1905 г. Прочитав их, вновь приходится с недоумением задаться вопросом, где же здесь криминал, в чем тут можно было бы усмотреть стремление к полной политической независимости? Процесс “сепаратистов”, несомненно, был юридической ошибкой» [17. С. 52].

Вс.М. Крутовский настойчиво отмечал, что областники выступали за равное положение сибирского населения с «великорусами» в гражданских и политических правах. В то же время неприглядные условия русской действительности и различие историко-бытовых и экономических особенностей Зауралья вызывали обостренное сознание потребности областной автономии. В действительности, по мысли публициста, ядром раннего областничества было культурное реформаторство, ни о каком пресловутом отделении от государства истинные адепты демократического регионализма не помышляли, выдвигая на первый план концепт развития местной интеллигенции, науки и образования в «Восточной окраине».

Риторика идеологической сущности и созидательной природы сибирского областничества с убедительной аргументацией была продолжена ученым во втором номере «Сибирских записок» за 1917 г. Сначала Вс.М. Крутовский формулировал тезис о том, что «напрасно сибирских областников и справа и слева обвиняли в тенденции к сепаратизму, в непонимании зависимости ее свободы от свободного, демократического строя в России. <...> Но кто знаком с политическими взглядами Ядринцева и Потанина, – заявлял публицист, – тот поймет, что идеал областного самоуправления еще в 1872 г. был сформулирован как нерасторжимая федеральная связь Сибири с ее метрополией. И, несомненно, только принцип федерации может быть положен Учредительным Собранием, как краеугольный камень конституции столь географически и этнографически сложного государственного организма, каким является Россия» [18. С. 146].

Нарратив об интегративной сущности областнической идеологии, которой был чужд разрушительный сепаратизм, просветителем оригинально встраивался в повествование и характеристику событий февральской революции и ее последствий для Сибири. Как и многие представители позднего периода сибирского демократического регионализма, Вс.М. Крутовский возлагал большие надежды на Учредительное собрание, возможность принятия конституции и создания областной думы. «Опасения сибирского сепаратизма, – писал он в 1917 г., – ни на минуту не остановят решимости наших законодателей, они вспомнят, что в критическую минуту для русской революции одними из первых, по собственному почину, явились в Петроград на поддержку Временного Правительства два испытанных сибирских полка. Сибиряки не ждали, что их освободит Россия, они среди первых вступили в ряды революционной армии» [18. С. 146].

В целом публицист рассчитывал на то, что с учетом «услуг», оказанных сынами Сибири общерусской революции, областное самоопределение должно явиться не как награда, а как право экономического, культурного и до известной степени политического самоуправления окраин нашей необъятной родины. «Февральской революцией, – искренне надеялся писатель, – открывается новый светлый период русской истории. При обновленном строе Сибирь явится уже не штрафной колонией, а свободной, равноправной частью Российской Федерации» [18. С. 146].

Завоевания революций 1917 г. вселяли надежду и внушали оптимизм. В своем публицистическом послании просветитель рассчитывал на то, что широкие политические права, такие как свобода слова и печати, свобода собраний и ассоциаций придадут рабочему классу необходимые жизненные условия для могучей организации. Пролетариат и трудовое крестьянство, по мысли Вс.М. Крутовского, могли бы создать надежный оплот против всяких попыток ограничений демократизации государственного и социального строительства в России.

Апелляции к рабочему классу ни в коем случае не означали симпатии к большевизму как явлению, скорее этот прием был вызван необходимостью актуализации областнического проекта. Акцент смещался в сторону ценности демократического пути развития русского общества. Игнорирование терминологии эпохи и отсутствие ссылок на движение пролетариата в годы революционных свершений фактически ослабляли бы воздействие на общественное мнение посредством актуальной политической публицистики. Всеволод Михайлович, таким образом, смыслы и значения, обличенные в авторское слово, вписывал в рамки эпыхальных событий, вступая в полный контакт с читательской аудиторией.

Собственно революционный переворот в общественно-политической рефлексии представителя позднего областничества интерпретировался как развитие народовластия. В разделе «Внутреннее обозрение» первого «толстого» журнала Сибири публицист представлял хронику революционного движения, приводил цитаты из манифеста Николая II, обращался к тексту воззвания Временного правительства, упоминал о речи А.Ф. Керенского в Совете рабочих депутатов. Данный материал только на первый взгляд был беспристрастным. Авторское начало и концептуальность находили отражение в истолковании происходящего в духе развития демократии. «Таким образом, в течение нескольких дней верховная власть и *de jure* и *de facto* перешла к народу», – акцентировал простой, но емкий авторский вывод Вс.М. Крутовский [19. С. 164]. Демократия, что очевидно, – это знаковый символ областнической социально-политической программы, и через него идеология сибиряков-патриотов могла бы найти свое место в новой политической реальности. В этом смысле конструирование образа революции в тонах демократизации может быть понято как тонкая пропаганда идеологии сибирского областничества в годы вихря русских революций.

Включенность Вс.М. Крутовского в актуальную общественно-политическую повестку вовсе не означала, что единственным нарративом публицистического творчества просветителя выступала только тема идеологической идентификации сибирского областничества. Так, в 1915 г. на страницах авторитетной томской газеты «Сибирская жизнь» была произведена серия статей к 80-летию юбилею «почетного гражданина Сибири» – Григория Николаевича Потанина. Всеволод Михайлович принял в данном мероприятии активное участие. Особо стоит отметить, что образ лидера движения сибирских регионалистов еще при жизни презентовался как знак и символ культурного развития отчего края. Статья Вс.М. Крутовского «Что привело Г.Н. Потанина к изучению народных сказаний» была посвящена конструированию архетипа и образа Г.Н. Потанина как защитника и преданного друга народов Азии. Вместе с тем публицист акцентировал личные качества и мировоззренческие ориентиры выдающегося сибиряка. Вот что можно обнаружить в «Сибирской жизни»: «В мировоззрении Потанина имеется пантеистический склад. И эта особенность его души требует мягкого любовного отношения к миру. Пантеизм – это не приобретенная черта его характера, а результат инстинктивного глубокого понимания природы в ее целом, яркое проявление неудержимой потребности к философскому обобщению человека, в каждой частности многообразия мира, пытающегося проникнуть в его сокровенную сущность» [20. С. 4].

В целом просветитель в рамках данного материала попытался показать значение скрупулезного анализа, который провел Григорий Николаевич Потанин в теме близости монголо-тибетских сказаний с легендами Западной Европы.

Как сторонник гуманитарного просветительства в своей актуальной публицистике красноярский ученый-садовод уделял внимание культурной политики в Сибири. В материале «В обществе любителей художеств», опубликованном в газете «Сибирская жизнь» в № 26 за 1915 г., он критически оценивал общественную организацию и культурническую деятельность общества художников в Томске. Писатель отмечал брожения и нестабильность состава организации любителей искусства. Организационно-технические основы проведения выставок произведений художеств поздний областник считал не вполне удовлетворительной. Одно из выставочных мероприятий он описывал так: «Большая стена была увешана сплошь без всяких промежутков и без всякой жалости к лучшим картинам. Картины мешали друг другу, а хорошие вещи тонули в этом безвкусном и обильном сборище... Естественно, что выставка успеха не имела. Организация же ее была экзаменом для новых руководителей общества» [21. С. 2].

Приверженность к концепту культурного реформаторства, имманентно присущая всем носителям идеологии областничества, нашла отражение в бескорыстной общественной работе Вс.М. Крутовского. Просветитель был членом Томского общества любителей художеств, непродолжительное время занимал должность редактора газеты «Голос Сибири», позже выступал постоянным корреспондентом «Сибирской

жизни», в 1917 г. активно публиковался в «Сибирских записках». В публичной жизни «Восточной окраины» принимал самое активное участие, в частности был членом комиссии по изучению финансового вопроса издания газеты «Сибирская жизнь» в рамках сотрудничества с Томским отделением Сибирского общества для подачи помощи раненым. Практически на постоянной основе освещал выставки произведений искусства и оперные спектакли. При этом ученый-общественник всегда руководил, часто письменно, на удаленной основе, садом в Красноярске.

Стоит отметить, что после 1917 г. Всеволод Михайлович постепенно дистанцировался от общественно-политической деятельности, посвятив всего себя селекционной работе в плодовом саду. Но склонность к обобщению, анализу и синтезу, а также славный опыт писательской работы сопутствовали ему, чтобы и данный вид деятельности снова нашел текстовое и научно-литературное оформление. В 1927 г. под авторством сибиряка-помолога вышла в свет книга «Как крестьянину средней Сибири устроить плодовый сад». Этот текст стал завершающим в творчестве ученого и общественного деятеля.

Заключение

Итак, в результате проведенного исследования можно прийти к определенным выводам.

Во-первых, предметом публицистики Всеволода Михайловича Крутовского была политическая и общественная жизнь Сибири эпохи русских революций. Литературно-публицистическую деятельность просветителя вполне можно считать формой непрерывного воздействия на общественное мнение через разнообразные способы убеждающего влияния.

Во-вторых, содержание публицистических высказываний Вс.М. Крутовского свидетельствует о его приверженности к корпоративным ценностям движения областников – местному патриотизму, демократии, федерализму, культурничеству и просветительству.

В-третьих, показательно, что генеральной линией общественно-политического дискурса в публицистических произведениях сибирского интеллектуала выступила проблематика идентификации и популяризации сибирского областничества.

Можно отчетливо выявить два нарратива актуальной политической публицистики просветителя-сибиряка. Это тема демократической сущности и федералистской природы программы областников, основанная на аргументации интегративного генома сибирского регионализма, которому было чуждо любое проявление сецессии. Другим направлением содержания и общей риторики идейно-публицистического наследия просветителя стала конкретизация ценности культурного реформаторства, типичной для аксиологического ядра всех участников движения областников. Частое воспроизведение модусов непосредственной включенности Вс.М. Крутовского в культурную жизнь родного региона позволяло ярко демонстрировать в масс-медиа важные направления культурной политики, которые имели принципиальное значение для духовного процветания Сибири.

В целом, публикаторская деятельность Всеволода Михайловича была не слишком объемной, но по концептуальному содержанию для выявления идеологической сущности сибирского областничества оказалась весьма продуктивной. Так, однажды выйдя из плодотворного и цветущего сада, ученый-селекционер успешно постиг «ветвистые дебри» реальной политики. После 1917 г. включенность его в политический процесс

практически была сведена на нет. Родной сад снова принял под свои кроны ученого-помолога. Очевидно, это обстоятельство уберегло Вс.М. Крутовского от репрессивной машины большевизма. Как гласит народная мудрость, «садоводы живут дольше, чем остальные люди». Представителя позднего областничества не стало в 1945 г., а его идейно-публицистическое наследие и сегодня несколько не утратило актуальности и значимости.

Список источников

1. Зиновьев В.П., Филонов И.Д. «Сибирский вестник» и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885–1905 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 131–135. doi: 10.17223/15617793/484/15
2. Степнов А.О., Некрылов С.А. Профессура, областники и национальные отношения в поздней имперской Сибири // Русин. 2023. № 73. С. 150–170. doi: 10.17223/18572685/73/9
3. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Иванов А.А., Шахеров В.П. Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX – начало XX века). Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2022. 319 с.
4. Жилыкова Н.В., Есипова В.А., Шевцов В.В. «Секретно. конфиденциально»: цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск : Том. гос. ун-т, 2022. 374 с.
5. Харусь О.А., Шевцов В.В. Сибирский регионализм: между двух российских революций // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие : сб. ст. Всерос. науч. конф., Surgut, 24–25 ноября 2017 г. Surgut : Печатный мир г. Surgut, 2017. С. 95–103.
6. Ларьков Н.С. «Потанинский кружок» в Сибири в 1917–1919 гг.: от просветительства к хождению во власть // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 172–181. doi: 10.17223/15617793/456/20
7. Головинов А.В., Должиков В.А. Камско-Волжская газета и сибирское областничество: ключевое идеологическое и практическое значение (на эпистолярных источниках 1873–1874 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 22–29. doi: 10.17223/15617793/500/3
8. Чуркин М.К. «Ссылный реформатор»: репрезентации М. М. Сперанского в публицистике и эпистолярном наследии сибирских областников // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 2. С. 53–59. doi: 10.15372/H5520220207
9. Анисимов К.В., Разувалова А.И. Два века – две грани сибирского текста: областники vs. «деревенщики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 75–101. doi: 10.17223/19986645/27/7
10. Костякова Ю.Б. Отношение Сибирских областников к революциям 1917 Г. (на материалах журнала «Сибирские записки») // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 23–30.
11. Маджаров А.С. «История», обращенная в будущее (К 190-летию со дня рождения Афанасия Прокопьевича Щапова) // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 3 (40). С. 137–146.
12. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
13. Малинов А.В., Пешперова И.Ю. Две версии областничества: Г.Н. Потанин и М.И. Драгоманов // Studia Culturae. 2016. № 27. С. 136–149.
14. Христоробова Т.П. Отражение художественной жизни Сибири в публикациях Г.Н. Потанина по вопросам искусства // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 1 (54). С. 135–142. doi: 10.30725/2619-0303-2023-1-135-142
15. Щеброва С.Я. Областничество в судьбе Григория Гуркина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69, № 1. С. 75–88. doi: 10.21638/spbu02.2024.105
16. Протасова О.Л. Сибирское областничество: идейное наследие и политическая судьба // Устойчивое развитие: традиции местного самоуправления и современность (к 160-летию со дня рождения земского деятеля, ученого, академика В.И. Вернадского) : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Тамбов, 30–31 мая 2023 г. Тамбов : Тамбов. гос. техн. ун-т, 2023. С. 121–127.
17. Крутовский Вс.М. Из истории сибирского областничества // Сибирские записки. 1917. № 1. С. 55–64.
18. Крутовский Вс.М. Сибирь и февральская революция // Сибирские записки. 1917. № 2. С. 143–147.
19. Крутовский Вс.М. Внутреннее обозрение. Революция // Сибирские записки. 1917. № 2. С. 148–164.
20. Крутовский Вс.М. Что привело Г.Н. Потанина к изучению народных сказаний // Сибирская жизнь. 1915. № 205. С. 4.
21. Крутовский Вс.М. В обществе любителей художеств // Сибирская жизнь. 1915. № 26. С. 2.

References

1. Zinov'ev, V.P. & Filonov, I.D. (2022) Sibirskiy vestnik and Siberian regionalism: The evolution of relations in 1885–1905. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 131–135. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/15
2. Stepnov, A.O. & Nekrylov, S.A. (2023) Professors, Oblastniki, and national relations in the late Imperial Siberia. *Rusin*. 73. pp. 150–170. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/73/9
3. Dameshek, L.M. et al. (2022) *Ocherki istoriografii i istochnikovedeniya istorii Sibiri epokhi imperii (XIX – nachalo XX veka)* [Essays on the Historiography and Source Studies of the History of Siberia in the Imperial Era (19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. Zhilyakova, N.V., Esipova, V.A. & Shevtsov, V.V. (2022) «*Sekretno. konfidentsial'no*»: tsenzurnaya istoriya zhurnalistiki Tomskoy gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) ["Secret. Confidential": The censorship history of journalism in Tomsk province (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kharus', O.A. & Shevtsov, V.V. (2017) [Siberian regionalism: between two Russian revolutions]. *Revolutsionnaya Sibir': istoki, protsessy, nasledie* [Revolutionary Siberia: Origins, processes, legacy]. Proceedings of the All-Russian Conference. Surgut. 24–25 November 2017. Surgut: Pechatnyy mir g. Surgut. pp. 95–103. (In Russian).
6. Lar'kov, N.S. (2020) "Potanin's Circle" in Siberia in 1917–1919: from educational activities to the power contest. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 172–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/456/20
7. Golovinov, A.V. & Dolzhikov, V.A. (2024) Kamsko-Volzhskaya gazeta and Siberian regionalism: Key ideological and practical significance (based on epistolary sources of 1873–1874). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 22–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/3
8. Churkin, M.K. (2022) «*Ssyl'nyy reformator*»: reprezentatsii M.M. Speranskogo v publitsistike i epistol'yarnom nasledii sibirskikh oblastnikov ["Exiled Reformer": Representations of Mikhail Speransky in the Journalism and Epistolary Heritage of Siberian Regionalists]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2 (29). pp. 53–59. doi: 10.15372/H5520220207
9. Anisimov, K.V. & Razuvalova, A.I. (2014) Two centuries – two versions of the Siberian text: regionalists vs. "village-prose writers". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (27). pp. 75–101. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/27/7

10. Kostyakova, Yu.B. (2017) Otnoshenie Sibirskikh oblastnikov k revolyutsiyam 1917 g. (na materialakh zhurnala «Sibirskie zapiski») [The attitude of Siberian regionalists to the revolutions of 1917 (based on the materials of the journal Sibirskie Zapiski)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 3 (56). pp. 23–30.
11. Madzharov, A.S. (2021) «Istoriya», obrashchennaya v budushchee (K 190-letiyu so dnya rozhdeniya Afanasiya Prokop'evicha Shchapova) ["History" turned to the future (On the 190th anniversary of the birth of Afanasy Prokopyevich Shchapov)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. 3–17 (40). pp. 137–146.
12. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
13. Malinov, A.V. & Peshperova, I.Yu. (2016) Dve versii oblastnichestva: G.N. Potanin i M.I. Dragomanov [Two versions of regionalism: G.N. Potanin and M.I. Dragomanov]. *Studia Culturae*. 27. pp. 136–149.
14. Khristolyubova, T.P. (2023) Otrazhenie khudozhestvennoy zhizni Sibiri v publikatsiyakh G.N. Potanina po voprosam iskusstva [Reflection of the artistic life of Siberia in G.N. Potanin's publications on art]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 1 (54). pp. 135–142. doi: 10.30725/2619-0303-2023-1-135-142
15. Shchebrova, S.Ya. (2024) Oblastnichestvo v sud'be Grigoriya Gurkina [Regionalism in the fate of Grigory Gurkin]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 1 (69). pp. 75–88. doi: 10.21638/spbu02.2024.105
16. Protasova, O.L. (2023) [Siberian regionalism: ideological heritage and political fate]. *Ustoychivoe razvitie: traditsii mestnogo samoupravleniya i sovremennost' (k 160-letiyu so Dnya rozhdeniya zemskogo deyatelya, uchenogo, akademika V.I. Vernadskogo)* [Sustainable Development: Traditions of local self-government and modernity (on the 160th anniversary of the birth of the zemstvo figure, scientist, academician V.I. Vernadsky)]. Proceedings of the 3rd International Conference. Tambov. 30–31 May 2023. Tambov: Tambov State Technical University. pp. 121–127. (In Russian).
17. Krutovskiy, Vs.M. (1917) Iz istorii sibirskogo oblastnichestva [From the history of Siberian regionalism]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 55–64.
18. Krutovskiy, Vs.M. (1917) Sibir' i fevral'skaya revolyutsiya [Siberia and the February Revolution]. *Sibirskie zapiski*. 2. pp. 143–147.
19. Krutovskiy, Vs.M. (1917) Vnutrennee obozrenie. Revolyutsiya [Internal Review. Revolution]. *Sibirskie zapiski*. 2. pp. 148–164.
20. Krutovskiy, Vs.M. (1915) Chto privelo G.N. Potanina k izucheniyu narodnykh skazaniy [What led G.N. Potanin to the study of folk tales]. *Sibirskaya zhizn'*. 205. P. 4.
21. Krutovskiy, Vs.M. (1915) V obshchestve lyubiteley khudozhestv [In the society of art lovers]. *Sibirskaya zhizn'*. 26. P. 2.

Информация об авторе:

Головинов А.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Alexander V. Golovinov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2024;
одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 20.05.2024;
approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 31.01.2025.*

Научная статья
УДК 902
doi: 10.17223/15617793/510/10

Археологический контекст изучения культовых памятников эпохи Ширваншахов

Эльмира Багадыровна Джафарова¹

¹ Институт археологии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана,
Баку, Азербайджан, shirvan_baki@mail.ru

Аннотация. Рассматривается конфессиональная политика государства Ширваншахов, направленная на укрепление исламских ценностей. Хронологический диапазон исследования охватывает IX – начало XVI в. Именно в этот период по приказу Ширваншахов были построены многие религиозные сооружения мусульманского контекста. Этот фактор подтверждают и сохранившиеся эпиграфические надписи на арабском языке. Археологические исследования на ряде памятников этой категории позволяют проследить динамику сложения общих традиций, оценить степень значимости каждого памятника и определить недостающие факторы относительно истории каждого из них.

Ключевые слова: Азербайджан, государство Ширваншахов, археологические исследования, ислам, мечеть, минарет, медресе

Для цитирования: Джафарова Э.Б. Археологический контекст изучения культовых памятников эпохи Ширваншахов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 99–108. doi: 10.17223/15617793/510/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/10

Archaeological context for the study of cult monuments of the era of the Shirvanshahs

Elmira B. Jafarova¹

¹ Institute of Archaeology and Anthropology of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Baku, Republic of Azerbaijan, shirvan_baki@mail.ru

Abstract. The article examines archaeological research at the cult monuments of Islamic culture (mosques, minarets, madrasahs) functioning during the period of the Shirvanshah state. The chronological period of the study covers the 9th to the early 16th centuries. It was during this period that the state of Shirvanshah covered the lands of Azerbaijan from Derbent to the Kura River. The advantageous geostrategic position and tolerant policy largely determined the political orientation of the Shirvanshahs. The confessional policy of the Shirvanshahs was fundamentally different from all other states that existed in the territory of Azerbaijan and therefore represents a special interest for study. No special research has been conducted in this direction. In this study, the author decided to focus on the archaeological examination of mosques, minarets, and madrasahs of the Shirvanshah era. The monuments of the Islamic heritage of the Shirvanshahs constitute a specific category of the cultural heritage of medieval Azerbaijan. This category of monuments has, for the most part, not been preserved in their original form and has been studied based on written and archaeological materials. The aim of this research was to attempt to highlight the categories of mosques and minarets, their features, and construction according to the traditions of the Shirvan-Absheron architectural school. The author used a comprehensive research method, combining historiographical materials and archaeological excavations. The result of the study is the author's ability, using a functional focus, to identify mosques of the early and late periods, taking into account the chronological range, and to indicate their features. Using data from archaeological excavations, the localization and difference in thickness of the cultural layers of the Juma Mosque of Shamakhy were determined. So, the general chronological period of the mosque covers the 8th to the 17th centuries. According to excavations in Gabala, the stereotype of thinking regarding the location of Juma mosques only within the city limits was defeated. Excavations in Gabala challenged the stereotype that Juma mosques were located only within city limits. The author's statistical analysis indicates the fact that relatively large cathedral and neighborhood mosques were in Baku. Studying the designs of buildings, the author determined that mosques do not have a single planning system. Archaeological studies of the minarets and madrasahs from the era of the Shirvanshahs indicate the preservation of stylistic compositions, classical solutions and adherence to the traditions of the Shirvan-Absheron architectural school. On the whole, the archaeological study of mosques, minarets and madrasahs of the Shirvanshah period identifies the general direction of a unified Islamic culture and at the same time reflects local options that are characteristic only of the monuments of the state under study.

Keywords: Azerbaijan, state of Shirvanshahs, archaeological research, Islam, mosque, minaret, madrasah

For citation: Jafarova, E.B. (2025) Archaeological context for the study of cult monuments of the era of the Shirvanshahs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 99–108. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/10

Введение

В IX – начале XVI в. северо-восточные земли Азербайджана входили в состав государства Ширваншахов. Используя выгодное геостратегическое положение и конфессиональную направленность, Ширваншахи длительное время не только сохраняли традиции государственности, но и влияли на социально-политические процессы, происходившие на территории всего Азербайджана. Направления конфессиональной политики Ширваншахов в отечественной науке не были объектом специального исследования. Нами были предприняты определенные шаги в этом направлении.

Памятники исламской культуры эпохи Ширваншахов составили определенную архитектурную концепцию в средневековом Азербайджане. Сооружения религиозного контекста, построенные в период усиления государства Ширваншахов, подчеркивают своеобразное художественное направление архитектурных школ Азербайджана, которое в системе исламской цивилизации отличалось в то же время местным колоритом и стилистическими особенностями. Соблюдались четкие правила построения в прямоугольной или косоугольной форме и строгом соблюдении ориентации главных осей по сторонам света. Памятники исламского контекста Ширвана соединяют особенности Ширвано-Абшеронской архитектурной школы, которой свойственны целостность архитектурно-художественного образа, масштабность целого и деталей, четкость геометризированных объемов с экономичным использованием внутреннего пространства [1. С. 82–83].

Материалы и методы исследования

На общем фоне сооружений культовые памятники Ширвана IX – начала XVI в., вовлеченные в процесс археологических исследований, составляют немногочисленную группу. Мусульманская архитектура в целом объединяет памятные места и предметы, связанные с религиозными воззрениями. Эту категорию объединяют монументальные комплексы – мечеть, минарет, медресе, ханака, завия или такия/текке (суфийские обители), кубба, гумбад или тюрбе (мавзолей) [2. С. 36, 168–169]. В статье нами представлены мечети, минареты и медресе периода государства Ширваншахов, исследованные в археологическом контексте.

Наиболее важными постройками, связанными с исламской культурой, несомненно, являются мечети, которые по функциональному и общественному значению делились на четыре группы: квартальные мечети, сельские мечети, соборные мечети и мечети областного или государственного значения (дворцовые) [3. С. 288]. Здесь важно подчеркнуть, что археологически исследованы не все группы из перечисленных. Например, наличие сельских мечетей изучаемого периода в Ширване археологическими раскопками не исследовано. Хотя некоторые средневековые поселения в Губинском и Исмаиллинском районах носят названия Мечиттепе, однако проведенный нами визуальный

осмотр данных памятников полностью опроверг наличие здесь средневековых мечетей. Наиболее распространенную категорию составляют квартальные и соборные (Джума) мечети. Тип дворцовых мечетей исследован в Баку. Для исследуемого периода средневековая мечеть как составная часть исламской культуры в целом определяла облик восточного города. К тому же Джума-мечети были важными религиозными центрами и занимали определенное место в общественной жизни средневековых городов Шамаха, Баку, Габала, Дербент. Некоторые мечети по факту не сохранились до наших дней в первозданном виде. Исчезновению этой категории памятников культурного наследия Ширваншахов, по нашему мнению, способствовали два основных фактора: природные явления (землетрясения) и антропогенный фактор.

В категории археологически изученных мечетей средневекового государства Ширваншахов выделяются Джума-мечети в Шамахе, Дербенте, Габале, Гобустане, а также мечеть «Сыных-гала», мечеть Хыдыра, мечеть Ашура, Гаджи Бани, и Баба Кухи Бакуи в Баку. Джума-мечеть Шамахи фиксируется в категории ранней мечети на Кавказе, после Дербентской Джума-мечети. Несмотря на неоднократные перестройки, вызванные природными и антропогенными факторами, она смогла сохранить первоначальную планировочную структуру. Мечеть была пять раз разрушена во время землетрясений (1192 г., 1607 г., 1669 г., 1859 г., 1902 г.) и сожжена во время погромов в 1918 г. Зарисовка Джума-мечети сделана в 1847 г. художником Г. Гагариным (рис. 1).

Рис. 1. Джума-мечеть в Шамахе.
Рисунок художника Г. Гагарина (1848 г.)

На рисунке отчетливо видна трехзальная структура мечети, трехнефное внутреннее пространство перекрыто большим центральным и меньшими боковыми куполами [4. С. 112]. Центральный стрельчатый купол, столбы боковых нефов, вытянутый интерьер главного молельного зала создают общность с Джума-мечетью Дербента. Археологическими раскопками определили, что мечеть в плане представляет собой вытянутый прямоугольник, составляющий 46 м в длину и 28 м в ширину (38×12,8 м). Пространство молельного зала разделено на три самостоятельные квадратные части – нефа, связанные между собой открытыми широкими проемами (рис. 2). В каждом нефе имеется михраб [5. С. 26]. Интересной является и композиционно-планировочная

структура Джума-мечети Шамахи, напоминающая плановую конструкцию Большой мечети Омейядов в Дамаске (708 г.) [4. С. 109]. Раскопки, проведенные на площади 3×5 м, определили не только локализацию мечети в южной части города Шамаха, но и установили наличие трех культурных слоев, при этом нижний слой VIII–X вв. был толщиной 75 см. Раскопками 1968 г. исследовали и культурный слой XI–XIII вв. толщиной 1,5 м, а также остатки каменного строения и фрагменты гачи (каши) голубого цвета [6. С. 85]. Это свидетельствует о ремонтных работах, проводимых в XIII в. по приказу ширваншаха Ахситана II. Верхний культурный слой XIV–XVII вв. содержал остатки бассейна, облицованного камнем, водопроводные трубы, расходящиеся в различных направлениях [6. С. 88]. Надпись Джума-мечети относит строительство этого культового сооружения к 126 г. хиджры (743 г.) [4. С. 111].

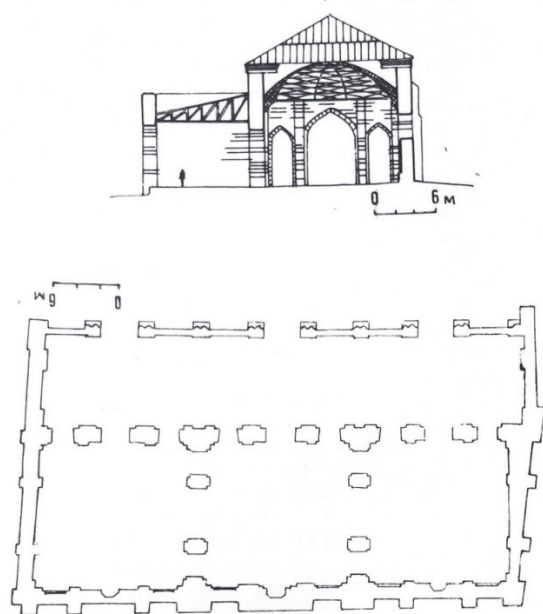

Рис. 2. Джума-мечеть в Шамахе. План (по Ш.С. Фатуллаеву [4. С. 110, рис. 1])

Таким образом, раскопки во дворе мечети Шамахи установили стратиграфию и определили общий культурный слой в хронологическом диапазоне VIII–XVII вв. Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что длительное время Джума-мечеть Шамахи находилась в разрушенном состоянии и была восстановлена по указу президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева. Восстановительные работы под руководством Фонда Гейдара Алиева продолжались в течение 2009–2013 гг. В 2013 г. состоялось торжественное открытие мечети. Письменные источники называют и другие мечети Шамахи – это Бабасенгер, Сарыторпаг, Ашагы и Юхары Имамлы [5. С. 89].

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что большинство мечетей Шамахи были разрушены и сожжены во время трагических событий 1918 г., когда исчезло большинство памятников исламского наследия Ширваншахов. Все виды источников указывают на то, что Джума-мечети строились в центральной части города, однако были и исключения из этих правил. Так,

например, ал-Мукаддаси отмечает, что Джума-мечеть Габалы находилась вдали от города, на холме [7. С. 181–182]. Археологическими раскопками на городище Габала исследованы остатки мечети. Камалтепе, где находились руины Джума-мечети, расположен напротив южных ворот Габалы и представляет собой высокий холм площадью около 2 га, разделенный на три части [8. С. 483; 9. С. 24–25; 10. С. 99]. Восточная часть холма – Шиштепе площадью 0,5 га занимала центральное положение. Раскопками здесь исследовали остатки монументального здания прямоугольной конфигурации. Были вскрыты остатки северо-западной части здания, построенного из местного камня и обожженного кирпича квадратной формы. При этом нижние ряды здания выложены из камня, а верхние из обожженного кирпича. По Ф.В. Гадинову, территория Камалтепе с IX в. являлась религиозным центром Габалы [10. С. 103]. Еще одна мечеть IX в. была исследована в 1990–1993 и 1998 гг. к северу от Девичьей башни в Баку. Во время кратковременных раскопок 1998 г. исследовали две комнаты. На михрабе мечети имелась арабская надпись, выполненная почерком куфи: «Власть принадлежит Аллаху». Археолог Ф. Ибрагимов предполагает, что это культовое сооружение является мечетью известного ученого и богослова Баба Кухи Бакуви, умершего в 1051 г. [11. С. 75–76]. Первоначальная постройка мечети Сюнди по вставленной надписи над дверью мечети относится к 307 г. хиджры (920/921 г. н.э.).

В процессе исследований стало очевидно, что большинство кварталных мечетей эпохи Ширваншахов не сохранилось или же было перестроено. Квартальные мечети различались конструктивными решениями. При этом ранние мечети представляли собой небольшие прямоугольные строения, напоминающие планировкой и композиционным решением одну из ранних исламских мечетей Ближнего Востока. Хотя письменные источники свидетельствуют, что арабский полководец и наместник Маслама построил в Дербенте четыре кварталные мечети, однако они не сохранились [12. С. 99–103].

Монументальностью композиционных решений выделяется мечеть Мухаммеда ибн Абубакра, к которой примыкает минарет «Сыных-гала». Мечеть расположена в Ичери-шехере, недалеко от Девичьей башни. Мечеть была построена в XI в. и состоит из прямоугольной со стрельчатой аркой комнаты с михрабом [13. С. 9]. Арабская надпись, выполненная куфическим почерком, содержит дату 471 г. хиджры (1078–1079 гг.) [13. С. 17]. Небольшая вестибюльная часть с северной стороны примыкает к однокамерному молельному залу с богато декорированным михрабом. Его ниша выступает наружу в форме полуцилиндрической башни (рис. 3). Археологические раскопки 1988 г. раскрыли объемно-пространственное состояние мечети и показали, что она двухэтажная, а под молельным залом имеется помещение. Нижний этаж мечети Мухаммеда ибн Абубакра представлял собой помещение площадью 30 м² в форме неправильного прямоугольника. Толщина стен достигала 1 м. Помещение перекрывал стрельчатый свод [14. С. 10; 15. С. 65–68; 16. С. 105–106].

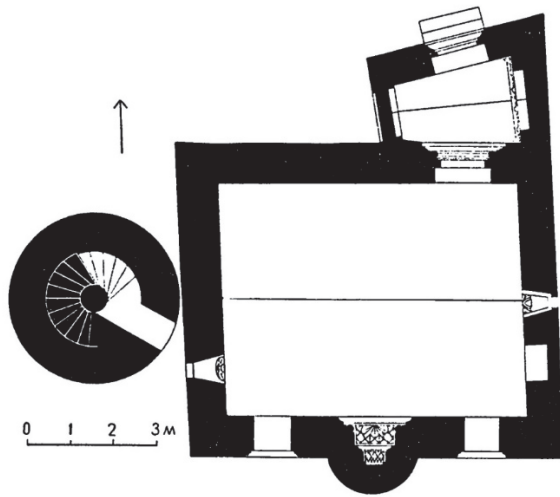

Рис. 3. Мечеть Мухаммеда в Баку (Сыныг-гала, XI в.).
План (по Л. Бретаницкому [22. С. 379, рис. 7])

В Ичери-шехере исследована и мечеть Ашура — одна из квартальных мечетей Баку. Она двухэтажная, по своему конструктивному решению близка к мечети Мухаммеда ибн Абубакра, главное отличие составляет более простой объем [17. С. 218]. Мечеть построена в форме параллелепипеда. В северо-восточной части мечети расположен небольшой вход в форме стрельчатой арки, который ведет в широкий, однокамерный молельный зал. Михраб, выложенный камнем в виде короны (тадж), украшен растительными и геометрическими орнаментами и сталактитами. Эпиграфическая надпись, расположенная под резным михрабом, свидетельствует, что мечеть построил бакинский мастер Ашур Ибрагим оглу в 567 году хиджры (1169 г.). При археологических работах в 1970 г. в южной части под зданием мечети выявлены две арки полукруглого типа доисламского периода, а за арками исследовано помещение с куполом. Ашура мечеть характеризуется отсутствием минарета [18. С. 148].

Культово-мемориальный комплекс «Биби-Эйбат» кроме мечети и минарета включал южные и северные ворота, мавзолеи, овданы, бассейны и служебно-хозяйственные помещения. Ранними сооружениями комплекса были мечеть и минарет (архитектор Махмуд ибн Саад). Мечеть «Биби-Эйбат» по своему архитектурно-планировочному решению относится к типу квартальных мечетей [19. С. 37–38]. Информация о «Биби-Эйбат» имеется в статье Г. Садиги: «От моря до мечети около полуверсты; со стороны моря, с востока идет лестница, с южной и северной стороны моря находятся ворота. Около мечети высокий минарет, а также усыпальницы — мавзолеи, склепы и могилы» [20. С. 30]. Из старинных фотографий, как и из слов Г. Садиги, можно заключить, что мечеть была прямоугольная в плане, покрыта стрельчатым сводом укрепленной в середине подпругной арки, не доходившей до пола. Завершение михрабной ниши было украшено сталактитами и резным орнаментом. Строительная надпись на восточном фасаде, упоминаемая Б. Дорном и И. Березиным, сообщает, что мечеть построена Ширваншахом Фаррухзадом II, сыном Ахситана II, время правления которого 660–665 гг. х. (1264/1265–1266/1267).

Квадратное основание на уровне кровли мечети принимало восьмигранную форму, переходя затем в цилиндрический ствол, завершенный небольшим ребристым куполом. Сталактитовый пояс поддерживал шэрэф. Через проем стрельчатого очертания в северной стене мечеть соединялась с другими помещениями. Помещение усыпальницы кубическое, потолок опирался на четыре свода. Зал слабо освещало небольшое окно в южной стене, где находилась и арабоязычная надпись с именем зодчего — Махмуда, сына Са'да, строителя замка в селе Нардаран [20. С. 31].

Мы часто наблюдаем отрицательное влияние советской системы на функционирование религиозных памятников. Советская идеология относительно религиозных памятников была направлена на уничтожение культурного наследия нашего народа, и в первую очередь памятников религиозного назначения. В сентябре 1935 г. президиум Бакинского совета «на основании требований трудящихся» о запрете религиозных обрядов в мечети принял постановление: «Удовлетворить ходатайство 300 рабочих нефтепромысла им. Сталина о закрытии в селе Шихово молитвенного дома «Биби». В сентябре 1936 г. постановлением религиозный комплекс Биби-Эйбат был взорван [3. С. 297].

Джума-мечеть Дербента (1368–1369 гг.), по мнению исследователей, была перестроена на месте христианской базилики [21. С. 202–220]. В комплекс Джума-мечети входят обширный двор и здание медресе ал-Фаррухийя, сооруженное в 1474–1475 гг. в правление ширваншаха Фаррух Йасара Дербенди. Мечеть (около 70×20 м) состоит из двух основных частей — длинного прямоугольного зала с двумя рядами каменных колонн (по 18 колонн в каждом) и квадратного зала, выступающего в центральной части южного фасада и перекрытого куполом диаметром более 9 м [22. С. 161]. Пространство молельного зала расчленено на три нефа двумя рядами колонн квадратного сечения, соединенных подпругными стрельчатыми арками. Нефы были параллельны южной, обращенной к «кибле» стене, внутреннее пространство схоже с крупными омейядскими мечетями (Дамаск, Каир). При этом центральный неф мечети значительно шире боковых. «Кибла» отмечена михрабом, находящимся в позднее пристроенном квадратном зале, покрытом сферическим, с заостренной макушкой куполом [22. С. 161]. На противоположной стороне в XV в. было построено большое медресе, обращенное к мечети стрельчатой аркадой своих келий — худжр. Фасад мечети прорезан ведущими в молельный зал четырьмя небольшими входными проемами, из которых выделен лишь главный, расположенный на главной оси [22. С. 162].

В некоторых мечетях, построенных до XIII в., в это время были сделаны пристройки или проведены восстановительные работы [22. С. 160–162]. Мечети функционировали и при ханегах, которые являлись центрами суфизма. В этом аспекте интересна мечеть ханеги Пир Хусейна, построенная из тесаного камня со стрельчатым сводом, пол покрывали каменные плиты. Михраб украшала художественная резьба с надписями «цветущего куфи» и растительным орнаментом в сочетании с разноцветными изразцами. Надпальный

фриз был украшен изразцами, покрытыми золотым люстром, расписан кобальтовым и зеленовато-бирюзовым тоном [22. С. 93].

Археологические раскопки дворцовой мечети в Баку на участках № 3 и 4, вдоль остатков северного фасада мечети определили длину в 12,5 м, пристроенную к мавзолею Сеид-Яхья Бакуви (рис. 4).

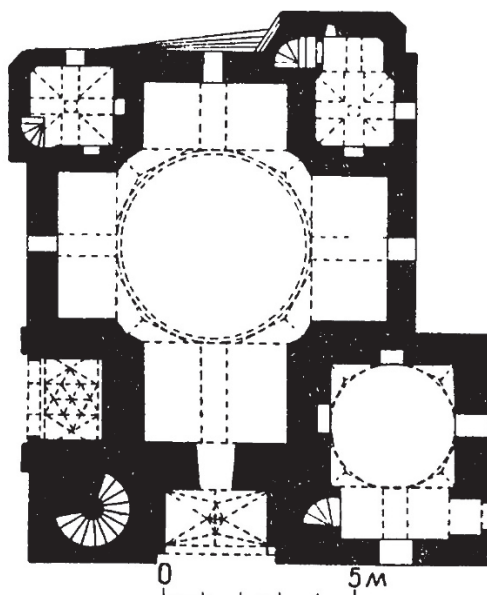

Рис. 4. Дворцовая мечеть в Баку (XV в.).
Общий вид (по Л. Бретаницкому [22. С. 403, рис. 30])

Однако на участке № 5, вдоль восточного фасада мечети длина достигала 7,2 м [23. С. 111]. Длину участков определяло протяжение фасадов, а ширина участков была обусловлена расстоянием между северным фасадом «новой мечети» и подпорной стеной, идущей вдоль южного фасада Дворца ширваншахов [23. С. 111]. В восточной части участка № 4 на глубине 4–4,5 м непосредственно на грунте исследованы остатки (4–5-х рядов) кладки двух стен из известнякового камня. Северо-восточный угол «новой мечети» был сложен из крупных, хорошо тесаных камней, отличавшихся по размерам от остальных положенных в стену камней. Размеры камней (54×38,5 см; 45×22 см), положенных в основание угла «новой мечети», свидетельствуют о том, что они взяты из здания Дворца ширваншахов [23. С. 115].

Исходя из этого определили, что строительство мечети относится к более позднему периоду. Раскопки на участке № 4 также показали, что фундаменты северного фасада мечети, примыкавшей к мавзолею Сеид-Яхья Бакуви, названной «новой мечетью», врезались в стены ранее стоявшего здесь здания. Благодаря тому что основные оси плана старого здания и новой мечети имели одно и то же направление, фундаменты новой мечети, заложенные в основном направлении восток – запад, шли параллельно стене старого здания на расстоянии 0,5 м от нее и пересекли под прямым углом стену старого здания, идущую в направлении юг – север. Верхняя часть стен старого здания исследована на

глубине около 0,5 м от современной поверхности двора [23. С. 116]. Это привело к появлению суждения, что на месте новой мечети до ее построения находилось здание [23. С. 116]. Сохранившиеся части чистой кладки описываемой старой стены – высотой до 1,65 м, срез фундамента находился на глубине около 2,15 м от современной поверхности. К обнаруженной части старой стены, идущей в направлении с востока на запад, перпендикулярно примыкает связанная с ней стена, идущая в направлении восток – запад, и образует внутренний угол старого помещения, обращенного к фундаментам «новой мечети». Раскопками исследован маленький (0,8×1,05 м) четырехугольный бассейн глубиной 0,2 м, примыкавший к стене старого здания, сложенный из плит известняка толщиной 10 см. Плиты были скреплены крепким белым раствором. Пол вокруг бассейна был устлан плитами из тесаного известняка (0,5×0,4; 0,6×0,4). Остатки стены, идущей от бассейна в направлении восток – запад и примыкающей к восточному фасаду старого здания с внутренней его стороны, были оштукатурены и побелены [23. С. 116]. На площадку, мощеную плитами, изнутри старого здания вел дверной проем. В стену, образующую этот проем, был вставлен обломок известнякового тесаного камня (37×19 см). Лицевая сторона его была обрамлена рамкой, посередине находился круг высотой около 2 см, площадь его украшена резным в камне узором. Бассейн примыкал к стене старого здания, а площадка, мощеная плитами, лежала чуть выше той горизонтали, в которой находился обрыв фундаментов старого здания, к которому относился бассейн [23. С. 116].

Таким образом, раскопки на участке № 5 вдоль восточного фасада «новой мечети» подтвердили предположение о раннем строительстве старого здания по отношению к «новой мечети». Итогом исследований стало заключение, что стена фасада «новой мечети» являлась в вертикальном направлении продолжением стены старого здания, и была возведена на остатках кладки стен этого старого здания. Причем от кладки восточного фасада старого здания сохранилось семь рядов камней чистой тески высотой около 1,5 м. Камни были положены на фундамент глубиной 0,6 м, имеющий обрыв. Примечательно, что «новая мечеть» по размерам была гораздо меньше, чем старое здание [23. С. 116], а восточный фасад старого здания на 8 м длиннее, чем тот же фасад «новой мечети». Старое здание северными своими частями подходило почти вплотную и заходило на ту площадь, которая позже (в начале XV в.) была занята южной частью дворца [23. С. 117].

В XIV–XV вв. Ширваншахами были построены квартальные мечети. В этой категории выделяются мечети в Ичери-шехере – Хыдыр-мечеть (1301 г.), Гилек-мечеть (1308 г.), Мирза Ахмед-мечеть (1345 г.), Чини-мечеть (1375 г.) и др. [17. С. 252]. Квартальная мечеть Насир ад-Дина Гуштасба состоит из помещения четырехугольной формы в плане. Внешне асимметричный фасад завершается входом. Археологические раскопки 1988 г. указывают на то, что мечеть воздвигнута на остатках храма огнепоклонников [14. С. 9]. Мечеть Кей Кубада (Старая мечеть) в комплексе Дворца Ширваншахов не сохранилась, но известна по

схематичному обмеру, фотографиям и результатам археологических раскопок [24. С. 124–125]. О ней упоминает А.А. Бакиханов: «Келья, где он (Сейид Яхья Бакуви) молился, училище и могила, находящиеся при мечети, названной его именем, существует и поныне» [25. С. 201]. Мечеть принадлежит к крестово-купольным сооружениям и была построена на месте более древней мечети [22. С. 242]. Изображение мечети и краткое ее описание дано в статье побывавшего в Баку и видевшего мечеть в 1888 г. А.М. Павлинова: «...мечеть, сравнительно, обширна; купол ее расположен на 4-х столбах, как это видно по плану; главные арки, или своды, на которых покоится купол, стрельчатые; купол в основании своем имеет ряд выступов, как в ханской мечети, и освещается четырьмя окнами. С задней стороны мечети имеются пристройки, которые находятся частью в развалинах; здесь, вероятно, помещалась лестница на крышу» [26. С. 86]. Внутреннее пространство мечети расчленили четыре столба-колонны, которые воспринимали нагрузку купола. Михраб был расположен в южной стене, рядом с входом в мавзолей Сейид Яхья Бакуви [22. С. 243].

Проведенный нами статистический анализ указывает на тот факт, что сравнительно больше соборных (Джума) и квартальных мечетей сохранилось в Баку. Сопоставляя конструкции сооружений, необходимо отметить, что средневековые мечети не имеют единой плановой системы. Нами выделены основные конструктивные направления мечетей. Так, мечети средневекового Баку построены в форме прямоугольника («Сыных-гала»), четырехугольника (Ашура мечеть, Молла Ахмед, мечеть Ибрагима), неправильного прямоугольника или параллелепипеда (Ашура мечеть), или неправильного шестигранника (Джума-мечеть) [27. С. 148]. Как правило, все мечети небольших размеров с одним или двумя помещениями и идентичным периодом строительства. На общем фоне выделяются купольные конструкции (мечеть Гаджи бани), а также сводчатые перекрытия (Гелек мечеть, мечеть Ашура), у некоторых мечетей фиксирован ступенчатый свод (Текие) и стрельчатый, коронный свод купола (Мечеть Джомад Герая – Гилейли), а также каменный свод в форме арки (мечеть Шейха Ибрагима) [27. С. 148]. Различаются и мечети с ассиметричным фасадом (Чин мечеть). За исключением Гилек-мечети, все остальные мечети в плане представляют удлиненную комнату. Необходимо отметить, что подобной формы мечети имеются и во многих селах Апшерона (Нардаран, Кюгдаханы, Гала, Маштаги). Характерной чертой Гилек-мечети (1308–1389 гг.) является наличие в южной стене у линии карниза оконного проема со вставленной каменной решеткой, поле которой состоит из сочетания восьмиконечной звезды с крестом. Похожий мотив мы встречаем и в декоративных украшениях ханегяха Пир Хусейн (XIII в.), в мавзолее Дервиша в Баку (XV в.), а также в росписи стен ханского дворца в Шеки (XVIII в.).

Особенно хотелось бы подчеркнуть, что конструкции мечетей Ширваншахов IX – начала XVI в. в целом сохраняют элементы Ширван-Апшеронской школы

зодчества с восточными орнаментами. Ранние мечети Ширвана отличаются от других более стилизованными особенностями и просторными помещениями – «Сыных-гала» и мечеть Сюнди. Построенная в XIII в. в Баку Текие (обитель дервишей) функционировала как квартальная мечеть. Она состояла из одной комнаты, отличалась необычным планом, где молельный зал был покрыт системой ступенчатых сводов. Текие отреставрировали в 1970 г. Археологические раскопки 1988 г. на портале Мечети Хыдыра в Баку (1301 г.) подтверждают, что она построена на месте храма огнепоклонников [18. С. 148]. Композиционные элементы, исполнены из камня во внутреннем пространстве на фоне художественно выполненного алтаря. По всему периметру мечети каменный трон слабого профиля. Многие мечети содержат надписи и эпитафии, в основном изученные в категории эпиграфических памятников [13. С. 13; 18. С. 148; 22. С. 157, 165–166].

В мусульманской архитектуре минарет рассматривается как часть мечети. Минареты воздвигались рядом с мечетью и носили полифункциональный характер, идеологический и утилитарный [27. С. 79]. Минарет Джума-мечети в средневековом городе создавал особый колорит застройки. Минареты Ширвана представляют собой слегка сужающийся вверх цилиндрический ствол на восьмигранной призме, служащей продолжением кубического основания, своего рода пьедестала. Как правило, в верхней части цилиндрического ствола минаретов устроен значительно выступающий шерефе – балкончик для муэдзина, поддерживаемый поясом сталактитов [22. С. 478–479; 27. С. 79–80]. Минареты завершаются легкой надстройкой в виде фанаря. Археологически изучены минареты Ширвана сельджукского периода, особенно миль-минареты, устремленные в небо, а также более позднего периода. Такими являются минареты Джума-мечети Шамахи, Сыныг-гала, ханегаха Пир Гусейна. Минарет мечети Мухаммеда ибн Абубакра (минарет Сыныг-гала), сложенный из хорошо тесанного камня-известняка, приземистый по форме, до раскопок напоминал крепостную башню [22. С. 156]. В результате археологических раскопок он приобрел стройные пропорции (рис. 5). На квадратном основании возвышается ствол в виде цилиндра, сверху несколько утончающийся, венчанный кольцевым балкончиком для муэдзина – шерефе. А над балкончиком возвышается фанарик – башенка с дольчатым куполом [22. С. 156; 28. С. 71]. Археологически исследованы и остатки двух минаретов Джума-мечети в Шамахе [29. С. 26–27]. Расстояние между ними составляет 7 м. Археологические данные констатируют, что минареты были возведены позже, чем здание мечети. Интересным для нас является сообщение письменных источников X в., указывающих на отсутствие минарета Джума-мечети Шамахи.

Однако наличие минарета в первой четверти XII в. все же встречается в письменном источнике. Ал-Бундари, подробно описывающий последствия вторжения объединенных вооруженных сил грузин и половцев в Шамаху, сообщает: «Они разрушили Джума-мечеть Шамахи, сломали минарет и разрушили все сооружения города» [2. С. 169; 30. С. 179]. Минарет ханеги Пир Хусейна высотой около 17 м содержит надпись и дату

строения [13. С. 41]. Нижняя часть минарета высотой около 6 м в форме четырехугольной призмы со скошенными углами. На ней расположена восьмиугольная призма высотой 3 м. И только оставшаяся часть ствола высотой до 8 м является цилиндром, характерным для минаретов Ширвана. Верхняя часть украшена резьбой и сталактитами [19. С. 38]. О минарете мечети «Биби-Эйбат» Л. Бретаницкий писал, что он «типологически единый» с другими ширванского типа и подтверждает устойчивость сложившихся традиций, иллюстрируя одновременно особенности архитектурного развития [22. С. 26].

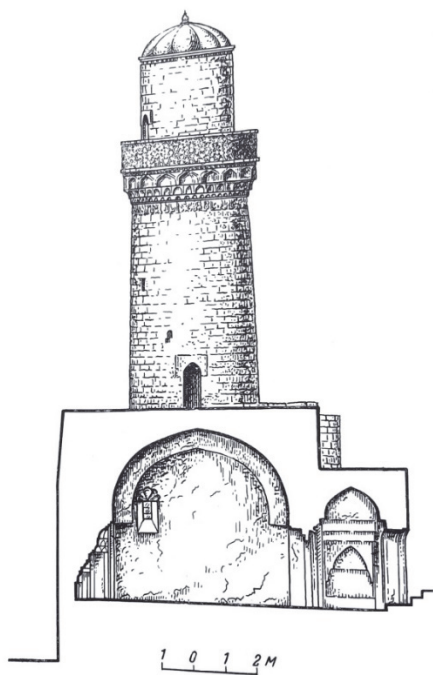

Рис. 5. Минарет мечети Мухаммеда в Баку (Сыныг-гала XI в.) (по Л. Бретаницкому [22. С. 403, рис. 33])

Квадратное основание на уровне кровли мечети принимало восьмигранную форму, переходя затем в цилиндрический ствол, завершенный небольшим ребристым куполком. Сталактитовый пояс поддерживал шэрэф. Изысканностью пропорций и изяществом хорошо промоделированных деталей высотой 12 м минарет выгодно отличается от своих предшественников и хронологически более близкого – ханегаха на берегу р. Пирсаат. Ограждение балкончика выполнено в стиле «шебеке» геометрического рисунка, построенного в сочетании звезд и многогранников. Стены сложены из камня (известняка) чистой тески с соблюдением горизонтальности рядов кладки [22. С. 26; 28. С. 49]. Минарет Сыных-гала является промежуточным звеном между более поздними минаретами Ширвана, а также пятничной и дворцовой бакинских мечетей [22. С. 158–159]. Отличие конфигурации минаретов Ширвана прослеживается на примере минарета Джума-мечети в

Баку (XIV в.), который отличается своей изящной конструкцией с минаретом «Сыныг-гала» (XI в.) [22. С. 156].

Для минаретов Ширвана характерны стилиевые особенности Ширван-Апшеронской архитектурной школы.

В период укрепления исламских ценностей в Азербайджане появилась категория учебных заведений типа медресе. До IX в. процесс обучения был организован при мечетях. Начало было положено в 832 г. с созданием в Халифате «Дома Мудрости» (Байт-уль-Хикма) [3. С. 304]. Позже средневековые медресе открывали в основном при Джума-мечетях. Организация и финансирование медресе, относится к периоду правления Сельджуков, ярким примером этому является медресе «Низамийе» в Багдаде. Известно, что ранние медресе не имели жилых помещений и состояли обычно из библиотеки и аудитории. Худжры-келий для преподавателей и студентов появились не раньше второй половины XI в. [3. С. 304]. Археологически исследовано медресе XII в. во дворе Джума-мечети Шамахи в 1983–1985 гг. [29. С. 27–31]. Оно расположено в северной части двора, напротив здания мечети, и представляет собой вытянутый по продольной оси ряд худжр – келий, предназначенных для учебы и проживания студентов (рис. 6). Торцовые стенки худжр, примыкавшие одна к другой, образовывали глухую стену, ограждающую двор мечети с севера. Исследованы остатки восьми худжр, четыре из которых расположены на правой стороне от минаретов мечети, а еще четыре на левой стороне. Все худжры были построены из слабо тесанных камней. Они четырехугольной конфигурации и состоят из двух частей: внутренней комнаты со стрельчатым сводом и небольшого эйвана с обращенным во двор стрельчатым проемом. В северной стене худжр, за исключением худжры № 8, имелась ниша шириной 90 см, высотой 2 м, глубиной 50 см. Во всех худжрах отчетливо прослеживаются следы ремонта и перестройки [29. С. 27–31].

Другое медресе исследовано в Дербенте. Оно связано с формированием ансамбля Джума-мечети, реконструированной в 1368 г. зодчим из Баку, устатом Таджад-Дином (рис. 7). Строительство медресе относится к середине XV в. и по содержанию надписи относится к ширваншаху Фаррух-Йессару. Здание хорошо сохранилось и представляет собой вытянутый по продольной оси ряд келий – худжр, предназначенных для тулабов (слушателей), штудировавших богословские науки [22. С. 162]. Таким образом, торцовые стенки примыкавших одна к другой худжр образовали глухую стену, ограждающую двор мечети с севера. Ограда эта прорезана двумя небольшими сводчатыми проходами, асимметричное расположение которых, очевидно, было продиктовано внутренней планировкой участка. Каждая худжра состояла из покрытой стрельчатым сводом небольшой комнаты (2,8×3,4 м), перед которой находился также небольшой эйван с обращенным во двор стрельчатым проемом.

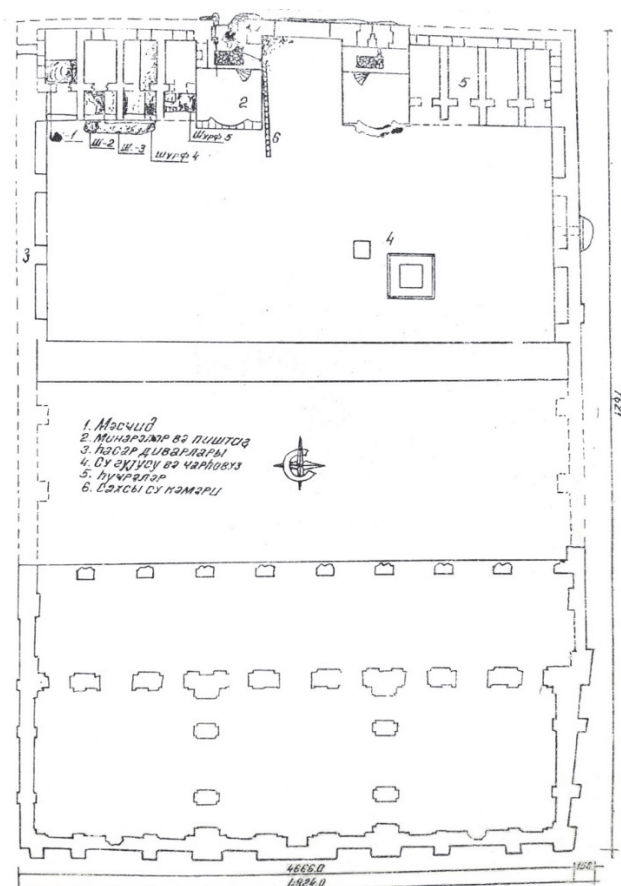

Рис. 6. Джума-мечеть и медресе в Шамахе. План раскопок по Г. Джидди: 1 – мечеть; 2 – минареты; 3 – крепостные стены; 4 – яма для воды и бассейн; 5 – Худжры; 6 – керамический водопровод [29. С. 25]

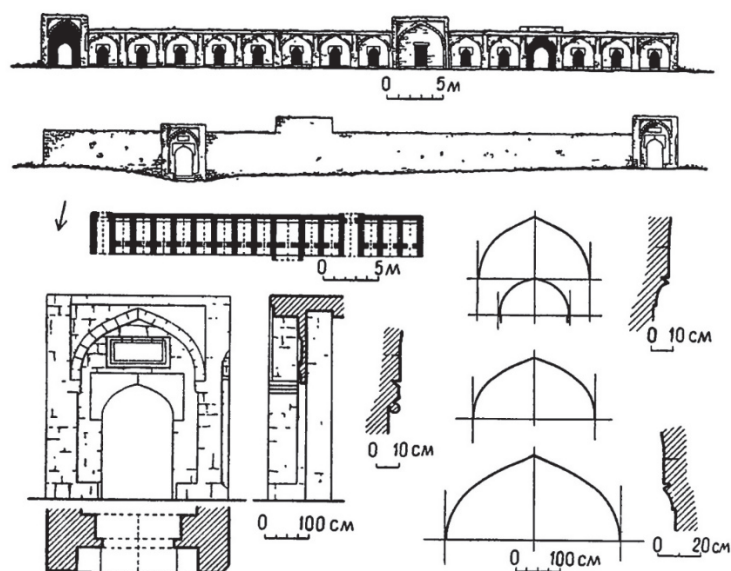

Рис. 7. Медресе в Дербенте (XV в.). Общий вид (по Л. Бретаницкому [22. С. 406, рис. 34])

Все худжры тождественны по габаритам, за исключением центральной ($2,8 \times 4,15$ м), расположенной на оси ведущего к мечети главного входа. Архитектура медресе проста и обычна. Эйваны худжр образуют ритмически четкий ряд эффектно затененных

стрельчатых проемов, на фоне которых несколько выделяются объемно и архитектурно подчеркнутые порталы центральной худжры и двух проходов. Траптовка композиционно несложных порталов, рисунок стрельчатых арок, характер их обрамлений, манера

каменной кладки относит его к ширванской архитектурной школе [22. С. 162–163]. Практически все средневековые медресе схожи по планировочной конструкции.

Основное отличие культовых памятников периода Ширваншахов заключалось в фактуре применявшихся в строительстве материалов. В основном применяли серовато-белый известняк и тесанный камень.

Заключение

Мечети, минареты, медресе, построенные в период правления Ширваншахов составляют важную часть средневековой культуры Азербайджана. Они подчер-

кивают единство художественного восприятия и выделяются четкостью пропорций. Археологические исследования на памятниках этой категории позволили определить своеобразную преемственность строительства сооружений религиозного контекста на одних и тех же местах. Во всех памятниках четко отражены традиции Ширван-Апшеронской школы зодчества. Это символизирует существование сложившихся локальных архитектурных стереотипов. Считаем важным выделить, что конфессиональная направленность Ширваншахов в то же время проявлялась и в толерантном отношении к другим религиям. Несмотря на приверженность исламским традициям, по-прежнему функционировали различные религиозные общины.

Список источников

1. Амензаде Р. Культовые сооружения Ичери – Шехер // Тезисы Международной Конференции «Баку – столица исламской культуры». Баку, 2009. С. 82–83.
2. Археология Азербайджана (период средневековья) : в 6 т. Баку : Восток – Запад, 2008. Т. 6. 630 с. (На азербайджанском).
3. Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 5. Ислам / науч. ред. Ш.М. Мустафаев, Б.А. Байтанаев, Ф.М. Асадов. Самарканд : МИЦАИ, 2020. 384 с.
4. Фатуллаев Ш.С. Джума-мечеть в городе Шемахе (VIII–XX вв.) // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия языка, литературы и искусства. 1973. № 1. С. 108–119.
5. Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха IX–XVII в. Баку : Элм, 1981. 174 с.
6. Джидди Г. Из истории Джума мечети // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. 1971. Т. 27, № 6. С. 85–90. (На азербайджанском).
7. Велиханлы Н.М. Азербайджан в VII–XII века: история, источники, примечания. Баку, 2016. 480 с. (На азербайджанском).
8. Гадиров Ф.В. Исследования в Кабале // Археологические Открытия 1983 г. М. : Наука, 1985. С. 482–483.
9. Алиев И.Г., Гадиров Ф.В. Кабала. Баку : Элм, 1986. 86 с.
10. Гадиров Ф.В. Результаты разведочных археологических раскопок в Кямалтепе // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия: История, Философия, Право. 1988. № 1. С. 99–104. (На азербайджанском).
11. Ибрагимов К.Ф. Некоторые размышления о памятниках, расположенных напротив Девичьей башни // Археология и этнография Азербайджана. 2004. № 1. С. 99–103. (На азербайджанском).
12. Кудрявцев А.А. К изучению архитектуры средневекового Дербента (VIII–XIII вв.) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989. С. 98–112.
13. Щерблякин И.П. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943. 105 с.
14. Ибрагимов Ф.А. Отчет археологических раскопок, проведенных в 1988 году в Ичери шехере в мечети Мухаммеда // Научный архив Института археологии и антропологии НАНА. № Н-88. С. 1–13. (На азербайджанском).
15. Ибрагимов Ф.А. Археологические раскопки, проведенные в Ичери шехери в 1988 году // Материалы научной конференции, посвященной новейшим результатам науки археологии и этнографии в Азербайджане. Баку, 1992. С. 65–68. (На азербайджанском).
16. Велиев С.С., Алиев И.Г., Гусейнова С.Б. Исследование нижнего этажа мечети Мухаммеда в «Ичери шехер» // Тезисы сессии, посвященной результатам археологических и этнографических исследований, проведенных в 2000–2001-е годы. Баку, 2002. С. 105–106.
17. Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Керамика. Т. 1 / под ред. К. Байпакова, Ш. Пидаева, А. Хакимова. Самарканд; Ташкент, 2011. 256 с.
18. Ашурбейли С. История города Баку (период средневековья). Баку, 1992. 404 с.
19. Байрамов Р. Утерянная реликвия-архитектурный комплекс «Биби-Эйбат» // IRS Наследие. 2000. С. 35–38.
20. Садиги Г. Шихова деревня (Биби-Эйбат) // Известия Азербайджанского Археологического Комитета. 1925. № 1. С. 29–32.
21. Хан-Магомедов С.О. Джума-мечеть в Дербенте // Советская Археология. 1970. № 1. С. 202–220.
22. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. М., 1966. 558 с.
23. Левиатов В.Н. Археологические раскопки 1946 г. в крепостной части г. Баку // Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР. 1948. № 4. С. 120–130.
24. Левиатов В.Н. Археологические раскопки близ дворца ширваншахов в г. Баку // Материальная культура Азербайджана. Т. 1. Баку, 1949. С. 124–125.
25. Бакиханов Аббас-Кули-Ага. Гюлистан-и Ирам (редакция, комментарии, примечания и указатели академика АН Аз ССР З.М. Буниятова). Баку : Элм, 1991. 142 с.
26. Павлинов А.М. Баку // Материалы по археологии Кавказа. Вып. III. М., 1983. 274 с.
27. Амензаде Р. Композиционные закономерности монументальных сооружений Азербайджана XI–XVII веков. Баку : Элм, 2007. 226 с.
28. Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963. 396 с.
29. Джидди Г.А., Мусаев Н. Медресе эпохи Низами, выявленное в Шамахе // Альманах Низами Гянджеви. Вторая книга. Баку, 1991. С. 24–31. (На азербайджанском).
30. Аль-Бундари. Тарихе-але-Сельджук (История Сельджуков) // Научный архив Института истории НАНА. Д. 1699. С. 1–17. (На азербайджанском).

References

1. Amenzade, R. (2009) [Religious buildings of Icheri-Sheher, Walled City of Baku]. *Baku – stolitsa islamskoy kul'tury* [Baku, the Capital of Islamic Culture]. Abstracts of the International Conference. Baku. 2–5 November 2009. Baku: [s.n.]. pp. 82–83. (In Russian).
2. Anon. (2008) *Archeology of Azerbaijan (the medieval period)*. Vol. 6. Baku: Vostok – Zapad. (In Azerbaijani).
3. Mustafayev, Sh.M., Baytanaev, B.A. & Asadov, F.M. (eds) (2020) *Religii Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana* [Religions of Central Asia and Azerbaijan]. Vol. 5. Samarkand: MITsAI.
4. Fatullayev, Sh.S. (1973) *Dzhuma-mechet' v gorode Shemakhe (VIII–XX vv.)* [Juma Mosque in the city of Shemakha (8th – 20th centuries)]. *Izvestiya AN Azerbaydzhanskoy SSR. Seriya yazyka, literatury i iskusstva*. 1. pp. 108–119.
5. Dziddi, G.A. (1981) *Srednekovyy gorod Shemakha IX–XVII v.* [The Medieval City of Shemakha in the 9th–17th Centuries]. Baku: Elm.

6. Dzhiddi, G. (1971) From the History of the Juma Mosque. *Doklady Akademii nauk Azerbaydzhanskoy SSR*. 6 (27). pp. 85–90. (In Azerbaijani).
7. Velikhanly, N.M. (2016) *Azerbaijan in the 7th–12th Centuries: History, Sources, Notes*. Baku: [s.n.]. (In Azerbaijani).
8. Gadirov, F.V. (1985) Issledovaniya v Kabale [Research in Kabala]. In: *Arkheologicheskie Otkrytiya 1983 g.* [Archaeological Discoveries of 1983]. Moscow: Nauka. pp. 482–483.
9. Aliev, I.G. & Gadirov, F.V. (1986) *Kabala* [Qabala]. Baku: Elm.
10. Gadirov, F.V. (1988) Results of exploratory archaeological excavations in Kamaltepe. *Izvestiya AN Azerbaydzhanskoy SSR. Seriya: Istoriya, Filosofiya, Pravo*. 1. pp. 99–104. (In Azerbaijani).
11. Ibragimov, K.F. (2004) Some reflections on the monuments located opposite the Maiden Tower. *Arkheologiya i etnografiya Azerbaydzhana*. 1. pp. 99–103. (In Azerbaijani).
12. Kudryavtsev, A.A. (1989) K izucheniyu arkhitektury srednevekovogo Derbenta (VIII–XIII vv.) [On the study of the architecture of medieval Derbent (8th–13th centuries)]. In: *Drevnyaya i srednevekovaya arkhitektura Dagestana* [Ancient and medieval architecture of Dagestan]. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature DASSR AS. pp. 98–112.
13. Shcheblykin, I.P. (1943) *Pamyatniki azerbaydzhanskogo zodchestva epokhi Nizami* [Monuments of Azerbaijani Architecture of the Nizami Era]. Baku: Azerbaijani Affiliate of the Academy of Sciences of the USSR.
14. Ibragimov, F.A. (n.d.) Report on archaeological excavations carried out in 1988 in Icheri Sheher in the Muhammad Mosque. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii i antropologii NANA*. N-88. pp. 1–13. (In Azerbaijani).
15. Ibragimov, F.A. (1992) Archaeological excavations carried out in Icheri Sheher in 1988. In: *Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy noveyshim rezul'tatam nauki arkheologii i etnografii v Azerbaydzhane* [Proceedings of the Academic Conference Dedicated to the Latest Results of the Science of Archeology and Ethnography in Azerbaijan]. Baku: [s.n.]. pp. 65–68. (In Azerbaijani).
16. Veliev, S.S., Aliev, I.G. & Guseynova, S.B. (2002) Issledovanie nizhnego etazha mecheti Mukhammeda v «Icheri sheher» [Study of the lower floor of the Muhammad mosque in "Icheri Sheher"]. In: *Tezisy sessii, posvyashchennoy rezul'tatam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy, provedennykh v 2000–2001-e gody* [Abstracts of the Session on the Results of Archaeological and Ethnographic Research Conducted in 2000–2001]. Baku: [s.n.]. pp. 105–106.
17. Baypakov, K., Pidaev, Sh. & Khakimov, A. (2011) *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vekov. Keramika* [Artistic culture of Central Asia and Azerbaijan in the 9th–15th Centuries. Ceramics]. Vol. 1. Samarkand; Tashkent: [s.n.].
18. Ashurbeyli, S. (1992) *Istoriya goroda Baku (period srednevekov'ya)* [History of the City of Baku (Medieval period)]. Baku: [s.n.].
19. Bayramov, R. (2000) Uteryannaya relikviya-arkhitekturnyy kompleks «Bibi-Eybat» [The lost relic – the architectural complex Bibi-Heybat]. *IRS Nasledie*. pp. 35–38.
20. Sadigi, G. (1925) Shikhova derevnya (Bibi-Eybat) [Shikhova village (Bibi-Heybat)]. *Izvestiya Azerbaydzhanskogo Arkheologicheskogo Komiteta*. 1. pp. 29–32.
21. Khan-Magomedov, S.O. (1970) Dzhuma-mechet' v Derbente [Juma Mosque in Derbent]. *Sovetskaya Arkheologiya*. 1. pp. 202–220.
22. Bretanitskiy, L.S. (1966) *Zodchestvo Azerbaydzhana XII–XV vv.* [Architecture of Azerbaijan of 12th–15th Centuries]. Moscow: Nauka.
23. Leviatov, V.N. (1948) Arkheologicheskie raskopki 1946 g. v krepostnoy chasti g. Baku [Archaeological excavations in 1946 in the fortress part of Baku]. *Izvestiya Azerbaydzhanskogo filiala Akademii nauk SSSR*. 4. pp. 120–130.
24. Leviatov, V.N. (1949) Arkheologicheskie raskopki bliz dvortsa shirvanshakhov v g. Baku [Archaeological excavations near the palace of the Shirvanshahs in Baku]. In: *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana* [Material Culture of Azerbaijan]. Vol. 1. pp. 124–125.
25. Bakikhanov, Abbas-Kuli-Aga. (1991) *Gyulistan-i Iram*. Baku: Elm. (In Russian).
26. Pavlinov, A.M. (1983) Baku. In: *Materialy po arkheologii Kavkaza* [Materials on the Archeology of the Caucasus]. Vol. 3. Moscow: [s.n.].
27. Amenzade, R. (2007) *Kompozitsionnye zakonomernosti monumental'nykh sooruzheniy Azerbaydzhana XI–XVII vekov* [Compositional Patterns of Monumental Structures of Azerbaijan of the 11th–17th Centuries]. Baku: Elm.
28. Useynov, M., Bretanitskiy, L. & Salamzade, A. (1963) *Istoriya arkhitektury Azerbaydzhana* [History of Architecture of Azerbaijan]. Moscow: Gosstroyizdat.
29. Dzhiddi, G.A. & Musaev, N. (1991) Madrasah of the Nizami era, revealed in Shamakhi. In: *Al'manakh Nizami Gyandzhevi* [Almanac of Nizami Ganjavi]. Book 2. Baku: [s.n.]. pp. 24–31. (In Azerbaijani).
30. Nauchnyy arkhiv Instituta istorii NANA [Research Archive of the Institute of History of ANAS]. File 1699. Pages 1–17. Al'-Bundari. (n.d.) *Tarikhe-ale-Sel'dzhuk* [History of the Seljuks].

Информация об авторе:

Джафарова Э.Б. – PhD in History, ведущий научный сотрудник отдела истории и теории археологического наследия Института археологии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана (Баку, Азербайджан). E-mail: shirvan_baki@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.B. Jafarova, PhD in History, leading research fellow, Institute of Archaeology and Anthropology of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan). E-mail: shirvan_baki@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.06.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 18.06.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 903.5(571.1):930.24
doi: 10.17223/15617793/510/11

Погребение № 18 могильника Фирсово-ХІ в кругу «сидячих скорченных» погребений раннего и среднего голоцена центральных регионов Северной Евразии*

Кирилл Юрьевич Кирюшин¹, Юрий Федорович Кирюшин², Константин Николаевич Солодовников³,
Ярослав Владимирович Фролов⁴, Александр Викторович Шмидт⁵

^{1, 2, 4} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

³ Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Тюмень, Россия

⁵ Музей природы и человека, Ханты-Мансийск, Россия

¹ kirill-kirushin@mail.ru

² kirill-kirushin@mail.ru

³ solodk@list.ru

⁴ frolov_jar@mail.ru

⁵ tison172@mail.ru

Аннотация. В Барнаульском Приобье исследовано погребение в сидячем скорченном положении с микролитической пластиной, его AMS-дата соответствует позднему мезолиту – раннему неолиту. Антропологический тип погребенного – промежуточный европеоидно-монголоидный, характерный для древнейшего населения центральных регионов Северной Евразии, но размеры черепа выделяют его среди краниологических материалов неолита Алтая. Констатируется, что в Западной Сибири и в сопредельных регионах захоронения в положении «сидя скорчено» редки и зачастую безынвентарные, и существует необходимость датирования таких погребений.

Ключевые слова: финальный мезолит, ранний неолит, грунтовый могильник, погребение сидя скорчено

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 24-28-01030 «Погребальные комплексы неолита-энеолита Барнаульского Приобья в кругу синхронных памятников Южной Сибири и сопредельных территорий».

Для цитирования: Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н., Фролов Я.В., Шмидт А.В. Погребение № 18 могильника Фирсово-ХІ в кругу «сидячих скорченных» погребений раннего и среднего голоцена центральных регионов Северной Евразии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 109–117. doi: 10.17223/15617793/510/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/11

Burial No. 18 of the Firsovo-XI burial ground in the circle of "sit-down crouched" burials of the early Holocene of the central regions of Northern Eurasia

Kirill Yu. Kiryushin¹, Yuriy F. Kiryushin², Konstantin N. Solodovnikov³,
Yaroslav V. Frolov⁴, Aleksandr V. Schmidt⁵

^{1, 2, 4} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

³ Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation

⁵ Museum of Nature and Man, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

¹ kirill-kirushin@mail.ru

² kirill-kirushin@mail.ru

³ solodk@list.ru

⁴ frolov_jar@mail.ru

⁵ tison172@mail.ru

Abstract. The Firsovo-XI ground burial ground is located on the right bank of the Ob River opposite the city of Barnaul on the low bedrock bank of the Ob River. In 1993 and 1996, a burial of a mature man in a sitting crouched position was examined at the Firsovo-XI burial ground in the Barnaul Ob region. The accompanying inventory is represented by one microlithic plate. For this burial No. 18, the AMS date GV-02889 was obtained – 9106±80 years BCE. According to the craniometric parameters, the anthropological appearance of the buried man corresponds to the intermediate Cauca-

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

soid-Mongoloid type, which characterizes the most ancient population of the central regions of Northern Eurasia. However, very large total dimensions of the skull distinguish it from the craniological materials of the Neolithic of this burial ground and of the plain-foothill Altai in general. The combination of chronological, ritual and anthropological specifics of the burial makes it necessary to compare it with materials not only from the south of Western Siberia, but also from more extensive regions of the central regions of Northern Eurasia. The analysis of published data allows us to establish that burials in the "sitting crouched" position are quite rare in Western Siberia and adjacent regions. They are often represented by burials without inventory. Most often, analogies comparable in terms of the features of the burial rite are recorded in the forest-steppe Ural-Volga region; however, the range of analogies is not limited to this region. There is an unconditional need for AMS dating of such burials. In the south of Western Siberia and adjacent territories, burials in the "sitting crouched" position are quite rare and are often represented by burials without inventory. Obtaining AMS dates for sites excavated in the 20th century led to a revision of previously made conclusions about the chronology, periodization and cultural affiliation of some "sitting" burials. An illustrative example is burial No. 2 of mound 4 of the Labazovsky burial mound. The burial of a woman over 45 years old, buried in a sitting position, was discovered in the buried soil under a mound of the Srubnaya culture, and was also attributed to this culture. The description and drawing of the burial allow us to conclude that this is a burial in the "sitting crouched" position. AMS dates performed in different laboratories showed that this burial dates back to the end of the 7th - beginning of the 6th millennium BCE. The burial from the barrow cemetery Malo-Kizilsky II (barrow 2/2) in the Southern Urals, in which four skeletons were found, abundantly sprinkled with ochre, in a sitting position in an antithetical orientation to each other in the NE-SW direction, also belongs to the Neolithic with a high degree of probability. The markers of the early age of "sitting crouched" burials are the stratigraphic conditions (burials in a layer of buried soil) and the presence of traces of ochre in the burial. There is a need for a thorough revision and AMS dating of burials without inventory in the "sitting" position in the territory of the south of Western Siberia and adjacent regions.

Keywords: final Mesolithic, early Neolithic, ground burial ground, sitting crouched burial

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01030: Burial Complexes of the Neolithic-Eneolithic of the Barnaul Ob Region in the Circle of Synchronous Monuments of Southern Siberia and Adjacent Territories.

For citation: Kiryushin, K.Yu., Kiryushin, Yu.F., Solodovnikov, K.N., Frolov, Ya.V. & Schmidt, A.V. (2025) Burial No. 18 of the Firsovo-XI burial ground in the circle of "sit-down crouched" burials of the early Holocene of the central regions of Northern Eurasia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 109–117. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/11

Введение

В 80–90-е гг. XX в. и в начале XXI в. на сравнительно небольшой территории Барнаульского Приобья выявлен и изучен ряд могильников и одиночных погребений, материалы которых представляют различные аспекты материальной и духовной культуры населения Барнаульского Приобья на продолжительном хронологическом отрезке от мезолита – раннего неолита (середина – вторая половина IX – начало VII тыс. до н.э.) и до энеолита (рубеж IV–III – первая половина III тыс. до н.э.) [1. С. 26–27; 2. С. 27–30]. Погребения значительно различаются по погребальному обряду:

- положение вытянуто на спине [2. С. 26–27];
- положение вытянуто на спине с отклоненной от тела головой и положенной на грудь умершего [3. С. 221];
- погребение на боку в скорченном положении [2. С. 27];
- захоронение в положении «стоя» (вертикальное) [4. С. 49];
- захоронение в положении «сидя» (сидячее) [2. С. 27];
- вторичные погребения [2. С. 24–25].

В значительной степени уникален и набор археологических артефактов в составе сопроводительного инвентаря погребений:

- изделия и заготовки орудий из камня и кости животных [5. С. 22–25];
- украшения из зубов хищных и травоядных животных [5. С. 22–25];

– украшения из раковин пресноводных [4. С. 51–54] и морских моллюсков [6. С. 37–44; 7. С. 11];

– украшения из кости или рога животных или птиц [4. С. 50–51];

– кости и фрагменты костей животных и птиц [5. С. 22–23].

Можно уверенно констатировать, что подобная концентрация погребальных комплексов, а также их разнообразие являются уникальным явлением не только для территории Южной Сибири, но и Северной Евразии в целом.

Среди ранних погребений Барнаульского Приобья могила № 18 грунтового могильника Фирсово-ХІ самая ранняя и единственная, где человек похоронен в положении сидя скорчено. Данная публикация посвящена введению в научный оборот материалов этого погребения полным объемом.

Анализ археологических и антропологических материалов

Грунтовой могильник Фирсово-ХІ находится напротив г. Барнаул на правом коренном берегу Оби (рис. 1, 1). В 1993 и 1996 гг. на могильнике исследовано пять одиночных могил, два парных и одно коллективное захоронение (рис. 1, 2), которые были отнесены к большемысской энеолитической культуре [1. С. 27].

По четырем погребениям получено пять AMS-дат, на основании которых был сделан вывод, что погребения, составляющие культурное «ядро» ГМ Фирсово-ХІ (мог. № 14, 15 и 42), относятся к неолиту. Их радиоуглеродный

возраст соответствует середине V тыс. до н.э., а календарный возраст укладывается в интервал 5710–5460 до н.э. (по 1σ) и 5740–5360 (по 2σ) [2. С. 26–30]. Для могилы № 18 ГМ Фирсово-ХІ получена AMS-дата GV-02889 – 9106 ± 80 л.н. Это позволило сделать вывод, что погребение относится к финальному мезолиту или раннему неолиту [2. С. 26–30].

Могила № 18, занимающая крайнее юго-восточное положение во втором ряду, выделяется среди погребений неолита юга Западной Сибири позой погребенного (рис. 1, 2). Контуры могильной ямы зафиксировать не удалось. Форма и размеры могильной ямы реконструированы на основании положения костей скелета (на рис. 1, 3 контуры могильной ямы даны пунктирной линией). Погребенный мужчина 35–45 лет был размещен в могиле в сидячем скорченном положении (рис. 2, 1). Череп мужчины находился на глубине 0,5 м от современной поверхности, дно погребения зафиксировано на уровне – 1,0 м. Умерший спиной обращен на север. Ноги согнуты в коленях и завалены в левую сторону. Голова лежала затылочной костью вверх, обнажив отверстие в основании черепа. Руки согнуты в локтях. Левое предплечье расположилось на животе. Правое кистью по направлению к стопам. Погребение обильно посыпано охрой.

Возле левой руки усопшего (рис. 1, 3а) обнаружен медиальный фрагмент мелкой пластины (ширина – 4,5–5 мм, длина – 11 мм). Визуально следы красителя на поверхности пластины не фиксировались (рис. 2, 2а, 2б). Микроскопическим исследованием тем не менее зафиксированы на дорсальной и на вентральной стороне многочисленные следы охры (рис. 2, 2 – в–з). Анализ и фотофиксация следов охры на поверхности артефакта осуществлялись с использованием стереоскопического микроскопа и камеры Carl Zeiss (×8–×56).

Нельзя однозначно утверждать, что обнаруженный возле левой руки усопшего (рис. 1, 3а) медиальный фрагмент мелкой пластины помещен в погребение преднамеренно. Существует вероятность, что данный артефакт мог попасть в могилу непреднамеренно вместе с грунтом. Следы красителя на поверхности пластины (рис. 2, 2) судя по всему сформировались в процессе археологизации погребения. На это указывает локализация красителя в микроуглублениях поверхности пластины (рис. 2, 2в–2з). В случае использования пластины как резца или скобеля, следы охры в первую очередь должны были остаться на выступающих частях, которые активно вступали в контакт с обрабатываемым материалом.

Хронологическая и обрядовая специфика погребения № 18 подчеркивается также антропологическими отличиями захороненного от остальных погребенных на могильнике [2. С. 30–31]. Череп мужчины зрелого возраста с нижней челюстью склеен из многих обломков. После реставрации, включавшей в себя замещение недостающих фрагментов, тем не менее, отсутствуют носовые кости, а также нет некоторых других частей эндокрана и экзокрана, но в целом череп пригоден для краниометрического исследования [8. Рис. 5].

Мозговая коробка мужчины с крайне большим продольным диаметром, очень широкая, долихокранная, эллипсоидной формы при взгляде сверху. Череп округлых очертаний также в окципитальной и латеральной

нормах, с несколько уплощенным теменем в районе брегмы, элементы наружного рельефа развиты очень сильно. Высота черепа большая от базиса, и очень большая от порионов, однако по отношению к основным горизонтальным диаметрам она малая. Основание черепа очень длинное и очень широкое. Лобная кость очень широкая на обоих уровнях, средненаклонная, сильно профилированная в горизонтальной плоскости, средней длины. Наименьшая ширина лба характеризуется не только очень большим абсолютным размером, она большая и относительно поперечного диаметра черепа и наибольшей ширины лба. Лобная хорда большая, значения абсолютной и относительной высоты лба над ней находятся в пределах средних категорий размеров. Теменной участок сагиттальной дуги протяженный, в том числе и по отношению к затылочному. Затылок широкий, средневыступающий и со средним углом перегиба. Лицевой отдел очень широкий, особенно на уровне скуловых дуг и лобно-скулового шва. Значение верхней ширины лица существенно превышает мировой максимум средних, и, в отличие от других мужских черепов Фирсово-ХІ бигонимальный диаметр не превышает верхнюю ширину лица. В то же время ширина альвеолярной дуги и ширина неба средние, что вместе с малой угловой шириной нижней челюсти определяет треугольный, суживающийся книзу контур лица. Высота лица средняя (как верхняя, так и общая), относительно скуловой ширины лицевой отдел низкий. Орбиты замкнутые, прямоугольной формы, очень широкие от максилло-фронтальной точки и от дакриона. Высота орбит малая, при этом правая орбита несколько выше левой, вероятно по причине прижизненного сросшегося перелома костей ее нижнего края, а по указателям орбиты гиперхам-эконхные. Носовой отдел низкий, и, по-видимому, очень узкий, резко лепторинный, нижний его край в форме предносовых ямок, клыковая ямка неглубокая. Горизонтальная профилировка лица гетеропрозонная – на верхнем уровне профилировка очень резкая, а на зиго-максиллярном лице уплощенное. В вертикальном плане лицо ортогнатное по общему углу профиля, и мезогнатное в альвеолярном отделе и по указателю выпячивания. Нижняя челюсть очень длинная и от мыщелков, и от углов, ветви ее средненаклонные, широкие и средневысокие. Ширина нижней челюсти очень большая на уровне мыщелков, и умеренная в углах. Подбородок среднеширокий и средневыступающий. Симфиз и тело нижней челюсти высокие, толщина тела средняя [8. Табл. 1].

В целом большие размеры и общая массивность черепа подчеркиваются тем, что значения некоторых признаков (№ 1, 5, 24, 43, 43(1) по Мартину) превосходят мировой среднегрупповой максимум или близки к нему. Данный череп выделяется на внутригрупповом фоне серии из Фирсово-ХІ очень крупными размерами мозгового и лицевого отделов и статистически. Это выявляется с помощью внутригруппового анализа главных компонент, первая из которых является фактически «фактором размера» [8. С. 65–66], и отделяет череп из могилы № 18 от всех остальных из данного неолитического могильника [8. Рис. 6].

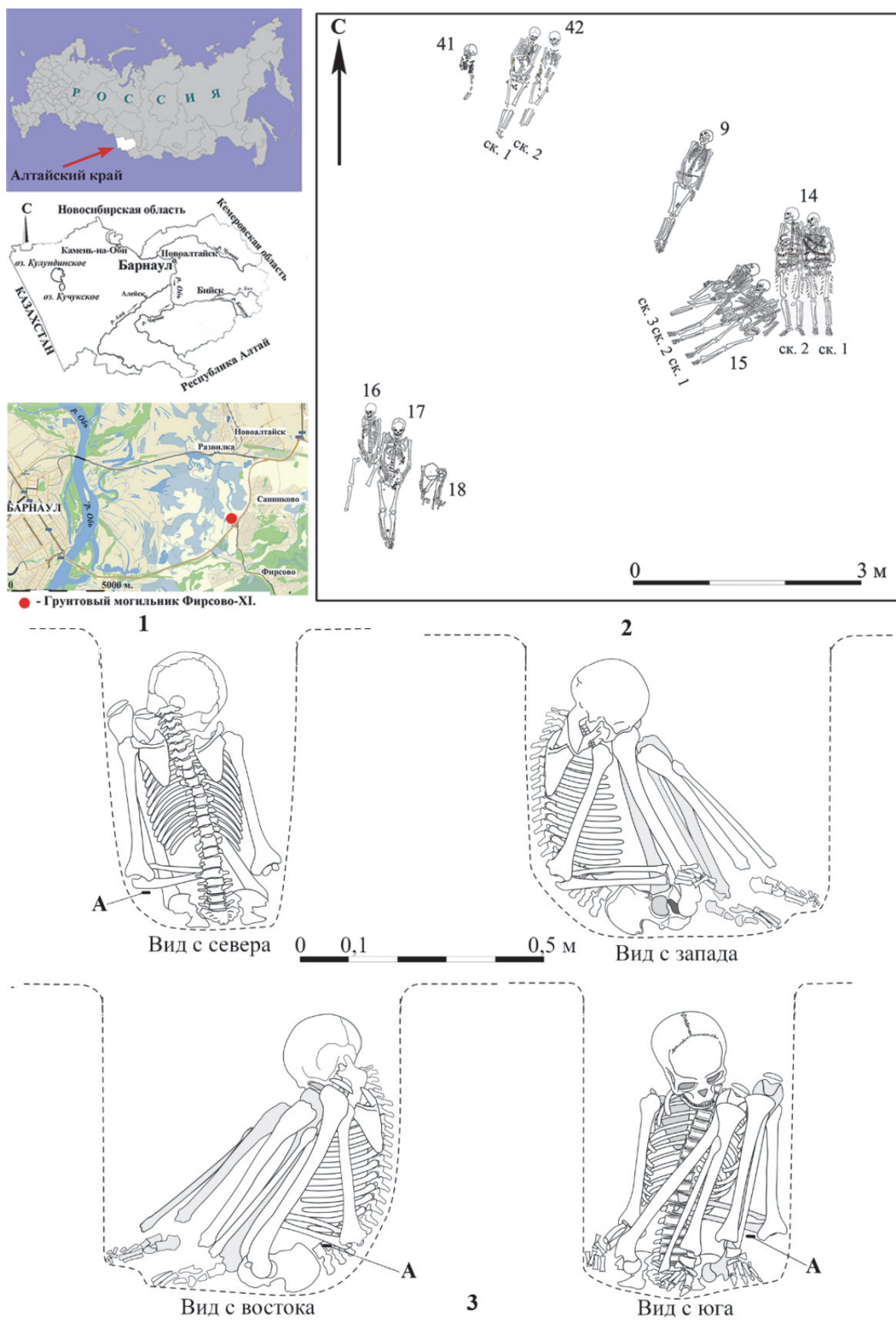

Рис. 1. 1 – карта-схема расположения грунтового могильника Фирсово-XI;
 2 – план-схема погребений финального мезолита – раннего неолита грунтового могильника Фирсово-XI;
 3 – план погребения № 18 финального мезолита – раннего неолита грунтового могильника Фирсово-XI;
 3а – пластина со следами охры

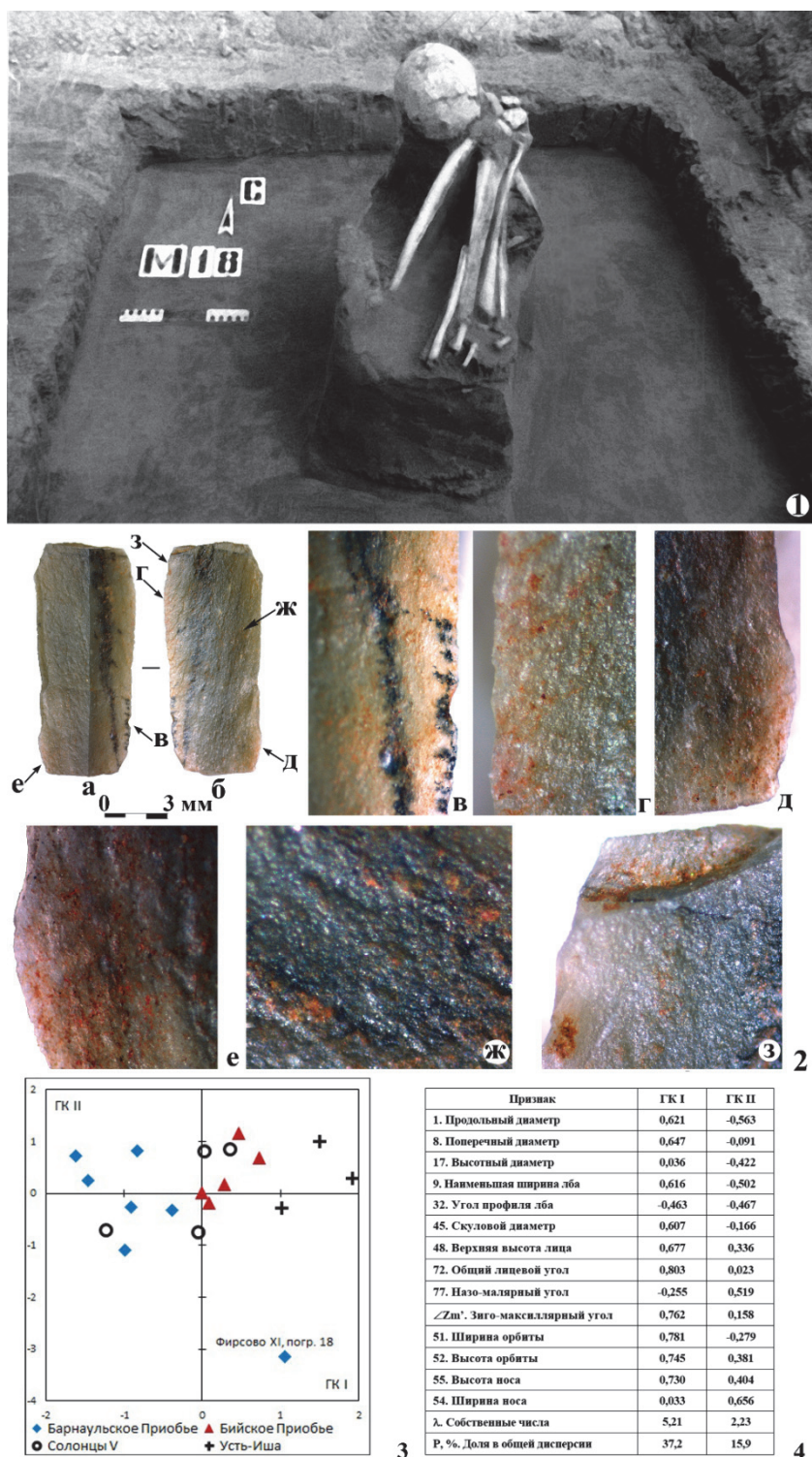

Рис. 2. 1 – фото погребения №18 финального мезолита – раннего неолита грунтового могильника Фирсово-ХІ (вид с юга); 2 – грунтовой могильник Фирсово-ХІ, погребение № 18. Микропластина: 2а – дорсальная сторона; 2б – вентральная сторона; 2в–2з – фрагменты микропластины со следами охры; 3 – положение черепов мужчин из могильников эпохи камня равнинно-предгорного Алтая в пространстве двух первых главных компонент (ГК I–II); 4 – факторные нагрузки на I и II главные компоненты (ГК) мужских черепов из могильников эпохи камня равнинно-предгорного Алтая

Для выявления места индивида, погребенного в могиле № 18 Фирсово-ХІ, в популяционно-антропологической структуре населения каменного века Алтая проведен дополнительный анализ главных компонент мужских краниологических материалов. Помимо чере-

пов из этого могильника в него включены краниометрические данные черепов из неолитических некрополей Усть-Иша, Иткуль (Большой Мыс) [9], Солонцы V [10], Костенкова Избушка и Чумыш-Пережат I [11]; неопубликованные измерения К.Н. Солодовникова].

Анализ (программа STATISTYCA 10) проведен по комплексу наиболее важных расодиагностирующих признаков, включая углы вертикальной профилировки лба и лицевого отдела, и за исключением отсутствующих на черепе из могилы № 18 размеров переноса и угла выступления носа [8. Табл. 1]. В анализ включены измерения черепов мужчин, у которых из 14 используемых признаков могут отсутствовать не более трех, заменяемых на средние для анализируемой совокупности значения. Наибольшие нагрузки по первой главной компоненте образуют комплекс признаков, в общем соответствующий «фактору размера». Однако большие положительные нагрузки, помимо общих размеров мозгового и лицевого отделов, приходится также на углы общего профиля лица и зиго-максиллярный, отрицательные – на угол профиля лба, и отсутствие значимых – на высоту черепа и ширину носа. Более крупные горизонтальные размеры мозговой коробки (но не ее высота) и общие параметры более крупного ортогнатного лица вместе с более наклонным лбом, и противоположное сочетание признаков и ранее выделялись антропологами в качестве краниологического комплекса, дифференцирующего население, соответственно, предгорных и равнинных районов бассейна Верхней Оби [11, 12]. Об этом свидетельствует и распределение черепов неолита Алтая по первой главной компоненте в соответствии с локализацией могильников с севера на юг. Наименьшие нагрузки по ней в масштабе анализируемых различий у краниологических материалов из Барнаульского Приобья (Фирсово-ХІ, Чумыш-Пережат-I), наибольшие – из Усть-Иши в северных предгорьях Алтая, и промежуточное положение занимают черепа из Бийского Приобья (могильники Большой Мыс и Костенкова Избушка на оз. Иткуль) и из Солонцов-V. На данном морфологическом фоне череп мужчины из могилы № 18 Фирсово-ХІ резко отличается от всех неолитических по второй главной компоненте, которую формируют некоторые размерные признаки мозгового и лицевого отделов. Таким образом, краниологические характеристики, в частности очень большие тотальные размеры анализируемого черепа, отличают его от всех краниологических материалов как могильника Фирсово-ХІ, так и в целом неолита равнинно-предгорного Алтая.

Обсуждение результатов исследования

Таким образом, могила № 18 Фирсово-ХІ выделяется уникальным для данной территории погребальным обрядом и древнейшей для региона радиоуглеродной датой.

В антропологическом облике погребенного в могиле № 18 по имеющимся краниометрическим данным проявляются общие морфологические особенности группы, захороненной на этом могильнике в неолитическое время. Они затрагивают прежде всего признаки, образующие морфологический комплекс на уровне рас первого порядка, соответствующий промежуточному европеоидно-монголоидному типу, который характеризует древнейшее население центральных регионов Северной Евразии [8, 13]. Однако на внутригрупповом

фоне алтайских материалов данный череп выделяется на статистическом уровне очень крупными тотальными размерами мозгового и лицевого отделов, что морфологически отделяет череп из могилы № 18 от всех остальных не только из данного могильника, но и из неолитических некрополей равнинно-предгорного Алтая в целом.

В отечественной литературе уже предпринимались попытки рассмотреть погребения в сидячем положении на широких просторах Евразии от Франции до Забайкалья на продолжительном хронологическом интервале от палеолита до поздней бронзы [14. С. 32–36]. С момента выхода в свет работы М.Д. Хлобыстиной прошло более 30 лет. За это время были исследованы новые погребальные комплексы, в которых умершие погребены в положении «сидя» или «полусидя» [15, 16]. Если в публикациях середины XX в. информация о «сидячих» погребениях была представлена в очень краткой, тезисной форме [17], то в XXI в. появились работы, в которых имеющийся материал дан в полном объеме [18], что позволяет уточнить положение скелета в погребении.

Погребения в вертикальном сидячем или полулежащем/полусидячем положении, зафиксированы в 56 памятниках стран Западной Европы в интервале от 12700 до 6000 кал. л. до н.э. В категорию «сидячих» погребений попадают с согнутыми ногами и прямой спиной [19. С. 209; 20. Р. 291]; захоронения в положении «лотоса» [21. Р. 51–52]; сидя на коленях [22. Р. 469–479]. Анализ опубликованных погребений позволяет сделать вывод, что в погребениях стран зарубежной Европы указанного хронологического интервала отсутствуют погребения в положении сидя скорчено.

Исследована небольшая серия погребений в «сидячем положении» [23. С. 41], «сидя» [23. С. 46], «в полусидячем положении» [23. С. 51], а также с прямой спиной и вытянутыми ногами на некрополях энеолита Поволжья [15. С. 317–321].

Так, три интересующих нас погребения обнаружены на Хвалынском энеолитическом могильнике: «костяк № 98» [23. С. 41], «костяк № 114» [23. С. 46] и «костяк № 133» [23. С. 51]. В двух случаях анатомический порядок костей в погребениях нарушен: «костяк № 98» [23. С. 41] и «костяк № 114» [23. С. 46]. Поэтому при характеристике положения скелетов в этих погребениях используются не утвердительные формы, а возможные и предположительные. «Создается впечатление, что умерший был захоронен в сидячем положении» (костяк № 98) [23. С. 41]. «Первоначально мужчина 30–40 лет, видимо, был похоронен в положении “сидя”» (костяк № 114) [23. С. 46]. «Костяк № 133», судя по описанию «подросток 10–13 лет был захоронен в полусидячем положении, головой на ССВ» [23. С. 51], в целом сохранил изначальное положение в могиле.

Одно из погребений Хвалынского энеолитического могильника (костяк № 114), в котором мужчина 30–40 лет захоронен в положении «сидя», не содержит инвентаря и следов охры [23. С. 46]. Костяк мужчины 45–55 лет окрашен охрой, у запястья правой руки обнаружена пластина из речной раковины [23. С. 41]. Костяк

подростка № 133 полностью окрашен охрой, правая ключица и несколько рёбер окрашены окислами меди, но медных изделий при скелете не обнаружено, зато в области груди, таза, под черепом и грудной клеткой обнаружены бусы из речных раковин [23. С. 51].

Как отмечают исследователи, сидячие погребения относятся к характерным признакам раннеэнеолитических (китойских) комплексов Забайкалья (8–6 тыс. до н.э.) [24. С. 139]. Для среднего неолита Забайкалья и Северной Монголии они единичны [24. С. 131–134, 139], в Восточной Монголии встречаются в позднем неолите, преобладавая в бронзовом веке [24. С. 139–140]. Подобные погребения исследованы на побережье Байкала, в Прибайкалье, на Верхней Лене и в Приольхонье [24. С. 140].

Погребения в положении «сидя скорчено» составляют представительную серию (шумилихинская группа погребений) на могильниках ранней бронзы Прибайкалья [16. С. 6–9]. На могильнике Шумилиха, в четырех из двадцати восьми погребённых в положении сидя скорчено, инвентарь отсутствовал, в двух зафиксированы пятна охры [16. С. 6].

На территории юга Западной Сибири и сопредельных территориях захоронения в положении «сидя скорчено» единичны, и представлены в основном безынвентарными погребениями [25. С. 22–23], которые были исследованы в процессе раскопок погребальных комплексов средней бронзы [26. С. 94; 23. С. 22–23] или средневековья [27. С. 104]. Часто информация о безынвентарных погребениях скупа и лаконична – «ещё одна могила (Точильное 5) отнесена нами к эпохе средневековья ввиду необычного обряда. Она представляла собой парное сидячее погребение» [27. С. 104].

По некоторым раскопанным в XX веке сидячим скорченными погребениям получены AMS-даты, что привело в ряде случаев к пересмотру сделанных ранее выводов о хронологии, периодизации и культурной принадлежности «сидячих» погребений. Показателен пример погребения № 2 кургана 4 Лабазовского курганного могильника в Приуралье [25. С. 22–23]. Погребение женщины старше 45 лет, захороненной в сидячей позе, было обнаружено в погребённой почве под насыпью кургана срубной культуры, и также отнесено к этой культуре. Выполненные в разных лабораториях AMS-даты показали, что это погребение следует датировать концом VII – началом VI тыс. до н.э. [28. С. 134–135]. С большой долей вероятности к неолиту относится и погребение из курганного могильника Мало-Кизильский II (курган 2/2) на Южном Урале, в котором обнаружены четыре костяка обильно посыпанные охрой в положении сидя в антитезисной ориентировке друг к другу в направлении СВ–ЮЗ [26. С. 94].

Вероятнее всего, концом VII – началом VI тыс. до н.э. следует датировать разрушенное погребение с железом у

с. Пушкинское в лесостепном Волго-Уралье [29. С. 15]. По словам автора находки, «во время рыбалки на обрывистом берегу он увидел в профиль скелет человека, «сидевшего» на корточках с подтянутыми к подбородку ногами» [29. С. 15].

Выводы

Погребение мужчины в положении «сидя скорчено» в могиле № 18 некрополя Фирсово-ХІ является хронологически самым ранним голоценовым захоронением на территории Северной Евразии из изученных на сегодняшний день в данной позе костяка.

Погребения в положении «сидя скорчено» характерны для различных археологических культур от раннего неолита до эпохи бронзы на территории Прибайкалья и сопредельных территориях (Забайкалье, Северной и Восточной Монголии, Верхней Лене, Приольхонье и т.д.). На территории юга Западной Сибири и сопредельных территориях Южного Урала и Южного Приуралья захоронения в положении «сидя скорчено» единичны, и представлены в основном безынвентарными погребениями.

На данном этапе исследования погребение № 18 грунтового могильника Фирсово-ХІ и погребения № 2 кургана 4 Лабазовского курганного могильника датируются VII–VI тыс. до н.э. (некалиброванная дата). К этой хронологической группе погребений скорее всего относятся погребение из курганного могильника Мало-Кизильский II (курган 2/2) и на Южном Урале и разрушенное погребение с железом у с. Пушкинское.

По краниометрическим параметрам антропологический облик погребённого из могилы № 18 могильника Фирсово-ХІ соответствует промежуточному европеоидно-монголоидному типу, характеризующему древнейшее население центральных регионов Северной Евразии. Однако очень большие тотальные размеры черепа из этого погребения выделяют его среди краниологических материалов неолита как данного могильника, так и в целом равнинно-предгорного Алтая.

Подводя итоги отметим, что существует необходимость проведения тщательной ревизии и AMS-датирования безынвентарных погребений в положении «сидя» на территории юга Западной Сибири и сопредельных регионов. Надёжным маркером раннего возраста могил может являться наличие в погребении охры. Но даже отсутствие в погребении следов красителя до проведения AMS-датирования не является основанием для отнесения их к развитой бронзе, раннему железному веку или средневековью. Ещё одним маркером раннего возраста погребений в положении сидя могут являться стратиграфические условия – захоронение в слое погребённой почвы.

Список источников

1. Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 264 с.
2. Киришин К.Ю., Киришин Ю.Ф., Солодовников К.Н., Фролов Я.В., Шмидт А.В. Результаты радиоуглеродного датирования ранних погребений Фирсовского археологического микрорайона (Барнаулское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 3. С. 24–31.
3. Кунгуров А.Л. Два погребения с могильника МГК-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Вып. IV, ч. II. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 220–225.

4. Бородаев В.Б., Кирюшин К.Ю., Кузменкин Д.В., Солодовников К.Н. Украшения из раковин моллюсков рода *Unio* в неолитическом погребении могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. № 1 (50). С. 48–56.
5. Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н., Фролов Я.В., Шапетько Е.В., Шмидт А.В. К вопросу об относительной и абсолютной хронологии ранних погребений грунтового могильника Фирсово-XI (Барнаульское Приобье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 20–33.
6. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. С. 37–45.
7. Бородаев В.Б., Кирюшин К.Ю., Кузменкин Д.В., Толпеко И.В. Раковина азово-черноморского моллюска *Trytia nitida* в неолитическом погребении ребёнка могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) // От Подонья до Памира: вопросы изучения неолита. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 11–12.
8. Солодовников К.Н., Тур С.С. К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово-XI) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 60–72.
9. Дремов В.А. Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск : Наука, 1986. С. 56–73.
10. Чикишева Т.А. Антропологический тип населения северных предгорий Алтая // Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. Приложение 1. Барнаул : Изд-во БЮИ МВД России, 2005. С. 72–83.
11. Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск : Изд-во ТГУ, 1997. 264 с.
12. Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль // Палеоантропология Сибири. М. : Наука, 1980. С. 19–46.
13. Багашёв А.Н., Солодовников К.Н. О протоазиатской антропологической формации древнего населения Западной Сибири и её месте в популяционной структуре населения Северной Евразии // Российский журнал физической антропологии. 2024. № 3 (11). С. 70–92. doi: 10.33876/2782-5000/2024-11-3/70-23
14. Хлобыстина М.Д. «Сидящие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // Краткие сообщения Института археологии. 1991. № 203. С. 32–38.
15. Королев А.И., Шалапин А.А. Скорченные погребения грунтового могильника Максимовка I эпохи энеолита // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 314–327.
16. Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 84 с.
17. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 264 с.
18. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Погребения на стоянке Караванха // Российская археология. 2001. № 3. С. 55–66.
19. Bosset G., Valentin F. Mesolithic burial practices in the northern half of France: isolated burials and their spatial organization // Mesolithic palethnography. Paris, 2013. P. 207–216.
20. Grünberg J., Graetsch H., Heußner K., Schneider K. Analyses of Mesolithic grave goods from upright seated individuals in Central Germany // Mesolithic burials – Rites, symbols and social organisation of early postglacial communities. Halle (Saale), 2013. P. 291–328.
21. Borić D. Happy forgetting? Remembering and dismembering dead bodies at Vlasac // Archaeology and Memory. Oxford, 2010. P. 48–67.
22. Gumin'ski W., Bugajska K. Exception as a rule. Unusual Mesolithic cemetery and other graves at Dudka and Szczepanki, Masuria, NE-Poland // Mesolithic burials – Rites, symbols and social organisation of early postglacial communities. Halle (Saale), 2013. P. 465–510.
23. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов : Саратовский гос. ун-т, 1990. 160 с.
24. Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 248 с.
25. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Кушцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2009. 98 с.
26. Сальников К.В. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXVII. 1951. С. 88–96.
27. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 99–104.
28. Купцова Л.В., Зарецкая Н.Е., Моргунова Н.Л., Хохлов А.А. Древнейшие погребения в Оренбуржье (о двух захоронениях курганного могильника у с. Лабазы) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2019. № 1. С. 131–139.
29. Моргунова Н.Л. Производство первобытного искусства из погребения у поселка Пушкинского в Оренбургской области // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 2. С. 14–21.

References

1. Kiryushin, Yu.F. (2002) *Eneolit i rannyya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [Eneolithic and Early Bronze Age in the South of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
2. Kiryushin, K.Yu. et al. (2021) Rezul'taty radiouglerodnogo datirovaniya rannikh pogrebeniy Firsovskogo arkhеologicheskogo mikrorayona (Barnaul'skoe Priob'e) [Results of Radiocarbon Dating of Early Burials of the Firsovsky Archaeological Microdistrict (Barnaul Ob Region)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 3 (49). pp. 24–31.
3. Kungurov, A.L. (1993) Dva pogrebeniya s mogil'nika MGK-1 [Two Burials from the MGK-1 Cemetery]. In: *Okhrana i izucheniye kul'turnogo naslediya Altaya* [Protection and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Vol. 4. Part 2. Barnaul: Altai State University. pp. 220–225.
4. Borodaev, V.B. et al. (2022) Ukrasheniya iz rakovin mollyuskov roda Unio v neoliticheskom pogrebenii mogil'nika Ust'-Aleyka-5 (Barnaul'skoe Priob'e) [Ornaments from shells of mollusks of the genus Unio in the Neolithic burial of the Ust'-Aleyka-5 cemetery (Barnaul Ob region)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1 (50). pp. 48–56.
5. Kiryushin, K.Yu. et al. (2021) K voprosu ob otnositel'noy i absol'yutnoy khronologii rannikh pogrebeniy gruntovogo mogil'nika Firsovo-XI (Barnaul'skoe Priob'e) [On the issue of relative and absolute chronology of early burials of the Firsovo-XI ground burial ground (Barnaul Ob region)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3 (54). pp. 20–33.
6. Kiryushin, Yu.F. et al. (2011) Rakoviny mollyuskov v pogrebeniyakh mogil'nika Tuzovskie Bugry-1 kak indikator etnokul'turnykh protsessov na territorii Yuzhnoy Sibiri i Sredney Azii [Mollusk shells in burials of the Tuzovskie Bugry-1 burial ground as an indicator of ethnocultural processes in the territory of Southern Siberia and Central Asia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2. pp. 37–45.
7. Borodaev, V.B. et al. (2023) Rakovina azovo-chernomorskogo mollyuska Trytia nitida v neoliticheskom pogrebenii rebenka mogil'nika Ust'-Aleyka-5 (Barnaul'skoe Priob'e) [The shell of the Azov-Black Sea mollusk Trytia nitida in the Neolithic burial of a child from the Ust'-Aleyka-5 burial ground (Barnaul Ob region)]. In: *Ot Podon'ya do Pamira: voprosy izucheniya neolita* [From the Don region to the Pamirs: issues in studying the Neolithic]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. pp. 11–12.
8. Solodovnikov, K.N. & Tur, S.S. (2017) K antropologii neoliticheskogo naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya (po materialam mogil'nika Firsovo-XI) [On the anthropology of the Neolithic population of the Barnaul Ob region (based on the materials of the Firsovo-XI burial ground)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3 (38). pp. 60–72.
9. Dremov, V.A. (1986) Izmereniya cherepov i skeletov iz neoliticheskikh mogil'nikov Ust'-Isha i Itkul' (Verkhnee Priob'e) [Measurements of skulls and skeletons from the Neolithic burial grounds of Ust'-Isha and Itkul' (Upper Ob region)]. In: *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya Sovetskoy Azii* [Problems of Anthropology of the Ancient and Modern Population of Soviet Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 56–73.

10. Chikisheva, T.A. (2005) Antropologicheskii tip naseleniya severnykh predgoriy Altaya [Anthropological type of the population of the northern foothills of Altai]. In: Kungurova, N.Yu. (ed.) *Mogil'nik Solontsy-5: Kul'tura pogrebennykh neolita Altaya. Prilozhenie 1* [The Solontsy-5 Burial Ground: The culture of the buried Neolithic of Altai. Appendix 1]. Barnaul: Izd-vo BYuI MVD Rossii. pp. 72–83.
11. Dremov, V.A. (1997) *Naselenie Verkhnego Priob'ya v epokhu bronzy: (Antropologicheskii ocherk)* [The population of the Upper Ob region in the Bronze Age: (Anthropological essay)]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Dremov, V.A. (1980) Antropologicheskie materialy iz mogil'nikov Ust-Isha i Itkul' [Anthropological materials from the Ust-Isha and Itkul burial grounds]. In: *Paleoantropologiya Sibiri* [Paleoanthropology of Siberia]. Moscow: Nauka. pp. 19–46.
13. Bagashev, A.N. & Solodovnikov, K.N. (2024) O protoaziatskoy antropologicheskoy formatsii drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri i ee meste v populyatsionnoy strukture naseleniya Severnoy Evrazii [On the Proto-Asian anthropological formation of the ancient population of Western Siberia and its place in the population structure of Northern Eurasia]. *Rossiyskiy zhurnal fizicheskoy antropologii*. 3 (11). pp. 70–92. doi: 10.33876/2782-5000/2024-11-3/70-23
14. Khlobystina, M.D. (1991) «Sidyachie» pogrebeniya kul'tur Severnoy Evrazii epokhi neolita i bronzy [“Sitting” burials of the cultures of Northern Eurasia of the Neolithic and Bronze Ages]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 203. pp. 32–38.
15. Korolev, A.I. & Shalapin, A.A. (2023) Skorchenye pogrebeniya gruntovogo mogil'nika Maksimovka I epokhi eneolita [Crouched burials of the Maksimovka ground burial ground of the Eneolithic I era]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey*. 1. pp. 314–327.
16. Goryunova, O.I. (2002) *Drevnie mogil'niki Priбайкаль'ya (neolit – bronzovyy vek)* [Ancient Burial Grounds of the Baikal Region (Neolithic – Bronze Age)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
17. Bryusov, A.Ya. (1952) *Ocherki po istorii plemen evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu* [Essays on the History of the Tribes of the European Part of the USSR in the Neolithic Era]. Moscow: USSR AS.
18. Utkin, A.V. & Kostyleva, E.L. (2001) Pogrebeniya na stoyanke Karavaikha [Burials at the Karavaikha site]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 3. pp. 55–66.
19. Bosset, G. & Valentin, F. (2013) Mesolithic burial practices in the northern half of France: isolated burials and their spatial organization. In: *Mesolithic Paleography*. Paris: Société préhistorique française. pp. 207–216.
20. Grünberg, J. et al. (2013) Analyses of Mesolithic grave goods from upright seated individuals in Central Germany. In: *Mesolithic Burials – Rites, symbols and social organisation of early postglacial communities*. Halle (Saale): [s.n.]. pp. 291–328.
21. Borić, D. (2010) Happy forgetting? Remembering and dismembering dead bodies at Vlasac. In: *Archaeology and Memory*. Oxford: Oxbow Books. pp. 48–67.
22. Gumin'ski, W. & Bugajska, K. (2013) Exception as a rule. Unusual Mesolithic cemetery and other graves at Dudka and Szczepanki, Masuria, NE-Poland. In: *Mesolithic Burials – Rites, symbols and social organisation of early postglacial communities*. Halle (Saale): [s.n.]. pp. 465–510.
23. Agapov, S.A., Vasil'ev, I.B. & Pestrikova, V.I. (1990) *Khvalynskiy eneoliticheskii mogil'nik* [Khvalynsk Eneolithic Burial Ground]. Saratov: Saratov State University.
24. Lbova, L.V., Zhambaltarova, E.D. & Konev, V.P. (2008) *Pogrebal'nye komplekсы neolita – rannego bronzovogo veka Zabaykal'ya (formirovaniye arkhetyпов pervobytnoy kul'tury)* [Burial Complexes of the Neolithic – Early Bronze Age in Transbaikalia (Formation of archetypes of primitive culture)]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
25. Morgunova, N.L. et al. (2009) *Labazovskiy kurgannyi mogil'nik srubnoy kul'tury* [Labazovsky Burial Mound of the Timber-Frame Culture]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University.
26. Sal'nikov, K.V. (1951) Arkheologicheskie issledovaniya v Kurganskoy i Chelyabinskoy oblastiakh [Archaeological research in Kurgan and Chelyabinsk Oblasts]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 27. pp. 88–96.
27. Abdulganeev, M.T. & Shamshin, A.B. (1990) Avariynye raskopki u s. Tochil'noe [Emergency excavations near the village of Tochilnoye]. In: *Okhrana i ispol'zovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya* [Protection and Use of Archaeological Monuments of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 99–104.
28. Kuptsova, L.V. et al. (2019) Drevneyshie pogrebeniya v Orenburzh'e (o dvukh zakhoroneniyaх kurgannogo mogil'nika u s. Labazy) [The most ancient burials in the Orenburg region (about two burials of the burial mound near the village of Labazy)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*. 1. pp. 131–139.
29. Morgunova, N.L. (2020) Proizvedeniye pervobytnogo iskusstva iz pogrebeniya u poselka Pushkinskogo v Orenburgskoy oblasti [A work of primitive art from a burial near the village of Pushkinsky in Orenburg Oblast]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2 (48). pp. 14–21.

Информация об авторах:

Киришин К.Ю. – канд. ист. наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса туризма и гостеприимства Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3122-1423

Киришин Ю.Ф. – д-р ист. наук, почётный профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5474-3502

Солодовников К.Н. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Тюмень, Россия). E-mail: solodk@list.ru; ORCID: 0000-0003-0925-7219

Шмидт А.В. – канд. ист. наук, зав. отделом археологии Музея природы и человека (Ханты-Мансийск, Россия). E-mail: tison172@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0321-9214

Фролов Я.В. – канд. ист. наук, директор Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: frolov_jar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7259-2840

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.Yu. Kiryushin, Cand. Sci. (History), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3122-1423

Yu.F. Kiryushin, Dr. Sci. (History), Emeritus Professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; ORCID 0000-0001-5474-3502

K.N. Solodovnikov, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: solodk@list.ru; ORCID: 0000-0003-0925-7219

A.V. Schmidt, Cand. Sci. (History), head of the Archeology Department, Museum of Nature and Man (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: tison172@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0321-9214

Ya.V. Frolov, Cand. Sci. (History), director of the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: frolov_jar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7259-2840

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024;
одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 27.09.2024;
approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/510/12

Формирование норвежского национального самосознания в период датско-норвежской унии: значение реформ И.Ф. Струэнзе (1770–1772 гг.)

Владислав Олегович Мартыненко¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, vladumgard@mail.ru

Аннотация. Исследуется развитие норвежского национального самосознания в период датско-норвежской унии (1536–1814 гг.) и значение реформ И.Ф. Струэнзе в этом процессе. На основе «синтезированного» подхода к концепциям национальной идентичности сформулирован тезис: в формировании норвежской национальной идентичности велика роль интеллигенции при объективном существовании социально-экономических и политических предпосылок. Выявлены формы зависимости Норвегии от Дании, рассмотрена биография И.Ф. Струэнзе, проанализирован ряд публикаций норвежских авторов эпохи свободной печати (1770–1773 гг.). **Ключевые слова:** Норвегия, датско-норвежская уния, национальная идентичность, национальное самосознание, Струэнзе, эпоха свободной печати

Для цитирования: Мартыненко В.О. Формирование норвежского национального самосознания в период датско-норвежской унии: значение реформ И.Ф. Струэнзе (1770–1772 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 118–124. doi: 10.17223/15617793/510/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/12

The formation of the Norwegian national identity during the Danish-Norwegian Union: The significance of Johann Friedrich Struensee's reforms (1770–1772)

Vladislav O. Martynenko¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, vladumgard@mail.ru

Abstract. The study aims to analyze the formation of Norwegian national consciousness during the Danish-Norwegian Union (1536–1814) and the importance of Johann Friedrich Struensee's reforms in this process. Within the framework of this work, it was possible to consider the main approaches to the concepts of "ethnicity" and "nation", as well as the resulting construct – "national identity". Since by now various concepts of national identity often absolutize the emphasis on one side of the problem, a "synthesized" approach was used in the work, expressed in the following thesis: the role of the intelligentsia in the formation of the Norwegian national identity is great, with the objective existence of socio-economic and political prerequisites. To understand the issues of the topic, the historical context from 1536, when Norway fell into a position dependent on Denmark, expressed in several forms, is briefly considered. The socio-economic reasons for the emergence of Norwegian identity among the intelligentsia and the bourgeoisie, the reasons for the growth of the national movement, which manifested itself in the field of culture and the press, since the second half of the 18th century, are revealed. The crisis of Danish power in the 1770s and the nature of Struensee's reform activity, which gave rise to the era of "Trykkefrihedstiden" – the era of the free press, are studied. Based on the study of key publications of the Norwegian intelligentsia: Even Hammer, Gustav Strømbu, Peter Frederick Suhm, Gerhard Schøening, the main contradictions between Denmark and Norway by the second half of the 18th century were revealed. In this work, the methodology is based mainly on the constructivist concept of the formation of national identity, using historical-genetic, problem-chronological, retrospective methods of historical research. The study showed that for several centuries the positions of the king and the state in Denmark and Norway were stronger than in many other European countries. In 1770, thanks to the freedom of the press introduced by Struensee, a number of pamphlets, books and newspapers were published, which criticized the situation of the country and put forward Norwegian demands on the central government. The Norwegian publications reviewed show growing trends towards an even greater discrepancy between the prevailing national political ideas among the Norwegian elite and the established machine of the autocratic system in Copenhagen. Under the conditions of the beginning of the capitalist rise in Norway in the 17th and 18th centuries, and the strengthening of the absolutist Danish policy, the problems that the intelligentsia claimed were felt by most representatives of Norwegian society. The concessions organized by Struensee contributed to the formation of a civil society in Norway, which later became the main reason for the revolution of 1814.

Keywords: Norway, Danish-Norwegian Union, national consciousness, national identity, Struensee, era of free press

For citation: Martynenko, V.O. (2025) The formation of the Norwegian national identity during the Danish-Norwegian Union: The significance of Johann Friedrich Struensee's reforms (1770–1772). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 118–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/12

В настоящее время различными представителями международного сообщества страны Скандинавского полуострова воспринимаются как единое историко-культурное пространство. Во многом причинами этого являются высокие успехи в построении социального государства и схожесть моделей политического и социально-экономического устройства северных стран, часто называемых «особой скандинавской моделью всеобщего благоденствия» [1. С. 31]. Однако данное обобщение не вполне справедливо. Пользуясь ретроспективным подходом и обращаясь к прошлому, можно обнаружить, что на протяжении многих веков эти государства имели совершенно разные условия и возможности для построения современного развитого и успешного государства. Показательным примером является исторический опыт Норвегии.

Как современное независимое государство Норвегия возникает в 1905 г., хотя первые упоминания о построении воинственными северными конунгами норвежского королевства относятся к концу IX в. [2. С. 22]. Эпоха Высокого Средневековья стала для Норвегии временем расцвета и могущества, которое вскоре было быстро утрачено. Первым делом Норвегия подписывает Кальмарскую унию (1397–1523 гг.) с остальными скандинавскими странами, но не выдерживает политическую конкуренцию за доминирование в регионе и постепенно попадает в зависимость. Сначала зависимость на условиях датско-норвежской унии 1536–1814 гг., а затем на более лояльных условиях – шведско-норвежской унии 1814–1905 гг. Фактически на целую эпоху страна «исчезает» с политической карты мира. Возникает закономерный вопрос: как за практически 400-летний период зависимости норвежцы не только не утратили свое национальное самосознание, но и стали передовой страной мира сегодня? Ответ на вопросы о специфике современного норвежского общества и государства необходимо искать в историческом материале, отражающем особенности происходивших процессов и складывания норвежской национальной идентичности. Проблематика складывания национального норвежского государства до сих пор не исчерпана, а фактор национальной идентичности норвежского общества в этом процессе рассматривается с разных концепций. В данной работе методология опирается преимущественно на конструктивистскую концепцию формирования национальной идентичности при объективном существовании социально-экономических и политических предпосылок.

Термин «нация» возник в Новое время, тем не менее трактовки, которые его конкретизируют, до сих пор неоднозначны: политический (гражданский) национализм противопоставляется культурному (этническому) национализму [3. Р. 263]. Поэтому следует разграничивать понятия «этническая идентичность» и «национальная идентичность», так же как понятия «этнос» и «нация». По сравнению с «этносом» «нация» является более широким социокультурным понятием и включает в себя группу людей, связанных общностью экономической жизни, территории, объединенных общими политическими институтами [4. С. 157]. Надэт-

ничность нации очевидна, подобная трактовка свойственна политическому национализму, сформулированному философами Просвещения. Поскольку в основе нации все же лежит этнический фактор, в современной науке нередко синтезируют пути становления национальной идентичности, с одной стороны, включая политико-институциональные признаки, а с другой – политико-культурные и этнокультурные признаки [5. С. 408].

Неоднозначность понятия «нация» усложняет работу с производным социальным конструктом – «национальная идентичность», в котором переплетаются политическая, гражданская, территориальная, культурная, этническая, религиозная, языковая идентичности. В современной науке не существует однозначного подхода к процессу осознания индивидами своей национальной идентичности, поскольку многообразие факторов порождает большие сложности для использования данного понятия в научном и публичном дискурсе. Однако большинство концепций национализма справедливо утверждают, что нации не возникают из ниоткуда. Важным условием и решающим вопросом в складывании национальной идентичности является следующее: «...где и как пролегает граница с Другими» [6. Р. 10]. Эти концепции объединяет то, что в качестве необходимого условия формирования национальной идентичности они выделяют «свою историю», так называемый культурный багаж [5. С. 407]. Поскольку разные общности переживали национальное строительство по-своему, их стоит рассматривать именно в конкретно-историческом контексте.

В 1814 г. в Норвегии произошла революция. Еще недавно существовавшее Датско-норвежское королевство, на первый взгляд, не знавшее глубоких социальных потрясений и противоречий, по инициативе Дании вдруг распалось. Норвежцы восприняли это как национальную обиду и объявили о негативном восприятии раннего долгосрочного союза. Революция проходила под лозунгами «За свободу!», «За независимую нацию». Подобная риторика и активный настрой людей позволили Норвегии создать одну из самых либеральных и демократичных конституций того времени. Страна стала «главным героем» в общественной дискуссии о национальном росте и упадке [7. Р. 1]. В дальнейшем за короткий промежуток времени в Норвегии стали складываться административные и экономические институты. Началось погружение норвежской интеллигенции в прошлое своего народа, идеал и символ национального единства были найдены в общественных отношениях средневекового общества, к этим ценностям пытались приобщать и простых норвежских граждан. Происходило активное возрождение норвежского языка, изучение собственной истории, в частности эпохи викингов, которая наряду с красотой норвежской природы стала источником для развития собственной культуры, появления произведений искусства и литературы. В связи с норвежским государственным строительством на волне националистических настроений период унии с Данией был назван писателем Генриком Ибсеном «400-летней ночью» [8. Р. 184]. Опираясь на гражданский подход к «нации»,

можно утверждать, что только в XIX в. стала формироваться норвежская национальная идентичность.

Но какие предпосылки этому способствовали – объективные социально-экономические и политические условия? Или национальная идентичность – следствие деятельности норвежской элиты и интеллигенции? К настоящему времени различные концепции национальной идентичности нередко абсолютизируют акцент на какой-то одной стороне проблемы; так, примордиалисты основное внимание уделяют естественным факторам формирования этноса, тогда как конструктивисты говорят о целенаправленном построении нации «сверху» усилиями политиков, ученых, деятелей культуры [9. С. 37]. Каждый из этих разработанных подходов неидеален, в связи с чем требуется синтезированный подход. Тем не менее в данной работе главным тезисом является то, что в формировании норвежской национальной идентичности велика роль интеллигенции при объективном существовании социально-экономических и политических предпосылок.

Столь радикальные изменения в норвежском обществе после 1814 г. и резкое повышение у норвежских индивидов уровня «самоотнесенности с государством», что и именуется национально-гражданской идентичностью, не могли произойти внезапно. До 1814 г. происходило складывание норвежского самосознания, поскольку норвежское общество фактически уже осознавало свое единство и отличие от «Других» – датчан, но для полного формирования национальной идентичности еще не было юридически оформленного суверенного государства [10. С. 59]. Начиная со второй половины XVIII в., росло национальное движение, которое проявлялось преимущественно в области культуры и печати. Роль интеллигенции в этом процессе неопределима. Как считают эксперты, на протяжении нескольких столетий позиции короля и государства в Дании и Норвегии, были сильнее, чем во многих других странах Европы. В Дании и Норвегии царила не автократия, контролируемая общественным мнением, а общественное мнение, контролируемое автократией [11. С. 647]. Однако именно в 60-х гг. XVIII в. в Норвегии появляются первые авторы литературных работ, экономических исследований и художественных произведений. Молодая норвежская интеллигенция начинает вызывать к национальным патриотическим чувствам, обличать характер и несправедливость действующей датской власти. Сильнейший всплеск норвежского самосознания произошел в период, именуемый «эпохой свободной печати (1770–1773 гг.), который наступил благодаря реформам «просвещенного временщика» Иоганна Фридриха Струэнзе.

Для понимания проблематики темы необходимо обозначить исторический контекст и положение Норвегии на протяжении нескольких веков до прихода к власти И.Ф. Струэнзе. С начала XIV в. Норвегия утрачивает свой политический и экономический потенциал сильнейшей северной державы. Три скандинавские страны заключают Кальмарскую унию (1397–1523 гг.), в которой сразу же было продемонстрировано стремление Дании к доминированию в северном регионе, что не устраивало остальные страны. В 1523 г. Швеция

расторгает Кальмарскую унию, Норвегия хотела поступить так же, но не смогла из-за превосходящей силы Дании. Уже 1536 г. в одностороннем порядке Дания превращает Кальмарскую унию в датско-норвежскую. Норвежский король объясняет это так: «Королевство Норвегия настолько деградировало, что жители Норвегии не могут себе позволить себе выбирать лорда и короля. <...> Отныне Норвегия не будет называться собственным королевством, а будет частью Королевства Дания и навсегда под короной Дании» [12]. Норвегия попадает в еще большую зависимость. Она утрачивает свой Совет, в ней насильно вводится лютеранство, норвежские земельные владения достаются датчанам, а сама страна приобретает статус провинции [13. Р. 45]. Начался практически 300-летний период господства Дании, которое значительно тормозило экономический и политический прогресс в Норвегии, в условиях зарождающегося в Европе капиталистического подъема.

В 1660 г. в Дании и Норвегии по инициативе «сверху» королем Фридрихом III был введен абсолютизм. Королевский закон 1665 г. предписывал, что вся законодательная, исполнительная, судебная и финансовая власть должна принадлежать королю; это означало упразднение всех политических представительных институтов и собраний, таких как Королевский совет и собрания сословий. Он не был обязан консультироваться или заручаться чьим-либо согласием, прежде чем издавать указы и постановления [14]. Законодательство и идеология этого абсолютистского государства не допускали никакой оппозиции или критики, а подданным предписывалось быть смиренными, послушными и подчиняться всемогущему Богу и своему королю [15. Р. 315].

Зависимое положение Норвегии в новом союзе выражалось в следующих формах:

- 1) усиление эксплуатации и налогового бремени за счет прямых и косвенных налогов, происходила отправка крупных налоговых пошлин в Копенгаген [16. С. 40];
- 2) ограничение традиционных форм норвежского волеизъявления – тингов;
- 3) рекрутская повинность и необходимость участия в разорительных войнах Дании;
- 4) административное подчинение, выражающееся в засилье датских чиновников в норвежских государственных органах, а также отсутствие самостоятельности в административных решениях, все процессы сводились в столицу Копенгаген;
- 5) полицейский надзор, цензура, вплоть до почтового шпионажа – большое внимание уделялось оскорблению монархии, или преступлению, связанному с оскорблением лично короля и его семьи, а также кабинета министров;
- 6) отсутствие учреждений высшего образования, что было связано с опасениями, что норвежский университет внесет раскол в государство и сможет стать рассадником норвежского национализма. Норвежские интеллектуалы второй половины XVIII в. характеризовали Норвегию как академическую пустошь, считая, что крайне прискорбно, что режим позволяет стране прозябать без академических институтов, которые существуют в других цивилизованных государствах. Когда в

Норвегии никто не мог гордиться никаким видом академического образования, изголодавшаяся элита нашла новую компенсирующую гордость – гордость за норвежских фермеров [16. С. 38];

7) упадок норвежского языка из-за начавшейся в Дании, а затем в Норвегии Реформации и переводов Библии – датский язык стал языком норвежской письменности, а также разговорным [17. С. 202].

Данные условия постепенно приводили страну ко все большей интеграции в единую датскую монархию, что в условиях начавшегося капиталистического подъема в Норвегии в XVII–XVIII вв. мало устраивало местную буржуазию и сливавшееся с ней датское чиновничество. В это время росла торговля Норвегии с передовыми государствами Европы, активно развивалось рыболовство, лесопромышленность и судостроение, начала развиваться местная металлургия. В свою очередь, правительственная политика датского абсолютизма, выраженная в регламентации, унификации и централизации ударяла по интересам всех норвежских сословий [18. С. 227].

Ко второй половине XVIII в. представителями интеллигенции все яснее стала осознаваться норвежская самобытность и наличие собственных национальных интересов. Выразителем этих интересов стала зарождающаяся норвежская интеллигенция. Молодые деятели культуры, искусства активно популяризировали свои идеи в печати [19]. Однако условия цензуры и полицейского надзора в абсолютистском государстве не позволили бы норвежской интеллигенции издать многие работы без законодательных послаблений. К этому времени идеи англо-французских просветителей завоевывали все больше сторонников, в том числе из правящих кругов. Постепенно среди королевского окружения в Дании стала складываться группировка дворян – сторонников реформ в духе идей эпохи Просвещения.

С 1766 г. королем Дании и Норвегии был Кристиан VII, прозванный из-за прогрессирующей шизофрении и эмоциональных проблем Безумным. Частые перепады настроения, невозможность долго концентрироваться на каком-либо деле не позволяли ему выполнять в полной мере административные обязанности по управлению страной, от которых он со временем отстранился. Тем не менее, обладая от природы сообразительностью и пытливым умом, король часто проводил время за изучением трудов по философии. В 1768 г. Кристиан VII отправился во Францию, чтобы лично познакомиться с видными философами Просвещения. Для сопровождения королем был рекомендован Иоганн Фридрих Струэнзе – амбициозный молодой врач, также известный тягой к философии Просвещения и обладающий определенной известностью в аристократических кругах. Долгое время врач проживал в датском городе Альтоне, где занимался врачебной практикой и написанием философских трактатов в духе Просвещения. На этой почве ему удалось сблизиться с датским правителем и уже по возвращении в Копенгаген в 1769 г. он стал личным врачом короля [20. Р. 230].

Находясь при дворе, в 1770 г. он сблизился с королевой Каролиной Матильдой и стал ее фаворитом.

5 мая 1770 г. Струэнзе был назначен королевским советником [21. С. 27]. Постепенно он стал подминать аппарат управления под себя. В декабре 1770 г. он распустил Государственный совет, затем назначил себя главой комиссии по расследованиям. Его официальной обязанностью стало представлять королю отчеты из различных государственных департаментов. Душевнобольной король, на которого помимо Струэнзе оказывала огромное влияние и жена, мог только подписывать законы и распоряжения. Временщик обеспечил себе полномочия издавать от имени короля указы и рескрипты, якобы переданные ему королем устно. Эти указы скреплялись печатью тайного королевского кабинета, главой которого тоже был Струэнзе, и имели силу указов, скрепленных подписью короля. Благодаря этим шагам врач, личность которого формировалась на идеях Просвещения, на 13 месяцев стал главным лицом в государстве. С декабря 1770 г. по январь 1772 г. он издал не менее 1 800 распоряжений кабинета министров, т.е. более трех в день [22. Р. 351]. Большинство из этих реформ Струэнзе были действительно необходимы и основывались на рациональных началах. Среди ключевых реформ «просвещенного абсолютизма» Струэнзе выделяют следующие:

- отмена цензуры;
- отмена пыток;
- отмена смертной казни за воровство;
- отмена барщины;
- замена натуральных повинностей денежными;
- уравнивание прав граждан;
- отмена дворянских привилегий;
- запрет азартных игр;
- запрет работорговли;
- реорганизация и сокращение армии и др. [20. Р. 352].

Ключевой в рамках рассматриваемой темы является реформа по отмене цензуры. Не случайно в историографии период 1770–1773 гг. назван также «Trykkefrihedstiden» – эпоха свободной печати [15. Р. 314]. Благодаря введенной Струэнзе свободе печати свет увидел множество норвежских брошюр, книг и газет, где содержалась критика положения страны. На страницах печати выдвигались норвежские требования к центральной власти, касающиеся преимущественно социально-экономических преобразований. Так, в 1771 г. норвежский чиновник Эвен Хаммер в книге «Благие мысли благомыслящего человека» рассуждал о природных богатствах Норвегии, чье развитие тормозится торговой монополией Дании и большими расходами на центральную администрацию. Он отстаивал необходимость собственного норвежского университета, собственного банка, общенорвежских учреждений под управлением местных граждан. Недовольство норвежского населения тяжелой социально-экономической зависимостью переплетается здесь с политическими высказываниями: рассуждая о состоянии страны, он заявил, что желает короля, который не был бы сумасшедшим, законодательства без серьезных ошибок и беспристрастных судов [23]. Излишняя смелость автора свидетельствует о действительно серьезных послаблениях в области цензуры и свободе печати.

В этом же году к критике власти присоединился норвежский предприниматель Густав Стрёмбу. Он говорил, что в эпоху свободной печати помимо него уже многие опубликовали свои работы, в которых описывают правдивые жалобы на суровую экономику и плохое состояние Норвегии. И действительно, «Собрание сочинений Люксдорфа о свободе печати 1770–1773 гг.» демонстрирует сотни высказываний различных общественных деятелей [24. С. 397–440]. В речах Стрёмбу датская власть подвергается критике за нерациональное отношение к норвежским сельскохозяйственным ресурсам и производству, монополии на продажу и производство сахара, мыла, сиропов. Он осуждал датскую монополию на продажу зерна, что вызвало в Норвегии рост цен на хлеб на 40–50%. В его критических высказываниях смешиваются экономические и социальные условия, рисуется неутешительная картина норвежской повседневности: «Многие дети этой страны, которые могли бы впасть в отчаяние, безутешно бродят по улицам и рискуют погрузить страну в печаль и тяготы, потому что отец или мать не могут ни путешествовать, ни просить небольшие капиталы, которые могли бы помочь им прокормиться, а их, кажется, тысяча. <...> не осталось ничего, кроме желания и надежды на то, что сама смерть облегчит их заботы» [25].

Представляют ценность исследования датского историка Питера Фредерика Зума. Вместе с епископом Йоханом Эрнстом Гуннерусом и Герхардом Шенингом в 1760 г. он основал Норвежское королевское научное и литературное общество (Тронхеймское общество) – на тот момент самое северное научное общество в мире. В экономическом трактате 1771 г. он назвал Норвегию родиной, несмотря на то что по происхождению являлся датчанином. По его словам, «в настоящее время ничто так не угнетает Норвегию, как острая нехватка денег. <...> Серебро было изъято и продолжает вывозиться, и, таким образом, этот достойный народ отделен от своего собственного серебра. Дополнительный налог привел к обнищанию страны, которая неизбежно будет истощена из-за того, что ее постоянно изымают и никогда не возвращают обратно. <...> простые люди вынуждены питаться хлебом из коры; несколько лет назад многие люди умерли от голода в Афиорде» [26]. В 1772 г. в «Обращении к королю» Зум и вовсе не стеснялся в словах, обличая форму правления в государстве и пороки придворных: «Слишком долго религия и добродетель были у нас поприщи; праведность и честность слишком долго были изгнаны за пределы наших границ. И все же ты, о царь, здесь невиновен. Постыдное сборище подлых людей овладело вами» [27].

Одним из показателей зарождения норвежского национального самосознания был интерес к древней истории страны, на этапе сильного и независимого государства Высокого Средневековья. Человеком, который впервые попытался написать норвежскую историю, поместив ее в культурно-исторический контекст, стал соратник Питера Зума Герхард Шёнинг. В 1771 г. был опубликован первый том «Истории Норвежского

государства», где он подробно нарисовал яркую картину истории Норвегии в эпоху викингов вплоть до 966 г. [28. С. 25]. В самом названии этого произведения акцентируется внимание на обособленности норвежской истории от датской. В стремлении показать самобытную культуру, великое прошлое норвежцев он затрагивал их национальные чувства и, что признают практически все исследователи, влиял на формирование норвежской национальной идентичности. Не случайно в абсолютистском государстве, где власть называла всех гражданами одной страны, происходили постоянные нападки на творчество Шёнинга. Написанный Герхардом Шёнингом труд, повествуя о годах, предшествовавших унии с Данией, подогревал растущее чувство национальной гордости норвежцев [17. С. 211]. Это объясняет, почему сменивший Струэнзе глава правительства Уве Хёг-Гульдберг в ответ на эту публикацию сказал: «Нет никаких норвежцев. Все мы – граждане одного государства» [18. С. 234]. Большой интерес датско-норвежской интеллигенции, буржуазии, чиновничества к собственной древней истории, когда Норвегия была сильным и самостоятельным государством, является показательным и характеризует подъем норвежского национального самосознания. Эти идеи еще сильнее подталкивали общества двух королевств к отделению.

Небольшое окно свободы в 13 месяцев правления временщика Струэнзе позволило норвежскому обществу заявить о себе с позиции несогласия с королевской политикой. Дания стала первой страной, провозгласившей свободу печати в качестве официальной государственной политики [29. Р. 190]. Интересно, что полная свобода печати в дальнейшем сыграла с самим Струэнзе злую шутку. На страницах печати стали активно публиковаться критические статьи и нападки в сторону временщика. Нередки были обвинения в пренебрежении к датскому и норвежскому языкам и сплетни о его причастности к отцовству второго королевского ребенка, рожденного в 1771 г. королевой Матильдой. Жесткая и беспощадная политика Струэнзе по отношению к своим противникам, отстранение датских чиновников от управления страной породили множество врагов. Бесцеремонное отношение к королю, который был задвинут на второй план (а по некоторым сведениям, и избивался сторонниками Струэнзе), было оскорбительно уже для среднего класса и простого народа, который в большинстве своем по отношению к королевской власти сохранял традиционный менталитет и не верил в безумие законного правителя [29. Р. 192].

17 января 1772 г. произошел дворцовый переворот, Струэнзе и его сообщник Брандт были схвачены, а 28 апреля с особой жестокостью казнены. Одна из слабостей режима была в том, что Струэнзе не заручился поддержкой ни правящих классов, ни общественного мнения [22. Р. 358]. Он стремился провести реформы здесь и сейчас, в своей убежденности часто не отличая важное от незначительного, актуальное от поспешного. Безвольный король Кристиан VII никак не пытался спасти близкого по духу человека.

На рисунке, сделанном королем в 1775 г. через три года после казни Струэнзе, было написано по-немецки: «Я бы хотел спасти их обоих», имея в виду Струэнзе и Брандта.

Благодаря введенной Струэнзе свободе печати увидел свет ряд брошюр, книг и газет, где содержалась критика положения страны и выдвигались норвежские требования к центральной власти. Очевидно, что в период с 1770 по 1814 г. прослеживаются растущие тенденции к еще большему расхождению между преобладающими национально-политическими идеями среди норвежской элиты и устоявшейся машиной автократической системы в Копенгагене. Несмотря на то что в дальнейшем под руководством консервативного министра Уве Хёг-Гульдберга и вдовствующей королевы Юлианы Марии были отменены почти все реформы Струэнзе, это уже не могло остановить рост национального самосознания и общественный подъем и заложило основу для следующего периода свободы печати с 1784 по 1799 г.

Короткий период правления временщика повлиял как на датчан, так и на норвежцев. Передовые общественные круги роптали на реакционера Гульдберга. Наиболее дальновидные помещики добивались отмены крепостного права; провинциальная, в частности норвежская, буржуазия стремилась к либерализации деловой жизни, подрыву привилегированного положения столичного копенгагенского купечества. В 80-х гг. вокруг юного кронпринца Фредрика сплотилась группа либеральных дворян. В 1784 г. 16-летний кронпринц

стал регентом при своем душевнобольном отце, а его друзья заполнили места в тайном, или государственном, совете. Консерваторы были свергнуты. Дальнейшее правление короля Фредерика VI также отмечено изменениями в духе «просвещенного абсолютизма».

Таким образом, в формировании национальной идентичности велика роль интеллигенции при объективном существовании социально-экономических и политических предпосылок. В условиях начавшегося капиталистического подъема в Норвегии в XVII–XVIII вв. те проблемы, о которых заявляла интеллигенция, ощущало большинство представителей норвежского общества. В целом, несмотря на низкое качество большей части сочинений эпохи свободной печати, существенные послабления, организованные Иоганном Фридрихом Струэнзе, способствовали тому, что в Норвегии стало формироваться гражданское общество. Эти послабления позволили норвежцам продемонстрировать свои патриотические чувства. В результате этого наблюдаются четкие тенденции развития: в предыдущий период считалось, что государственные дела обсуждаются только государственными деятелями, но из-за открытия дискуссии по этим темам отношение писателей изменилось. Теперь считалось правом гражданина обсуждать дела государства. Свобода прессы вызвала лавину особых требований со стороны норвежской стороны, а в самой Норвегии укрепились сильные национальные настроения. Отмена цензуры пробудила в людях национальное самосознание и заложила основу для политики, начавшейся в 1814 г.

Список источников

1. Гусильцева М.С. Скандинавская модель: успешная модернизация на примере Норвегии (ч. 2) // Образовательная политика. 2020. № 2 (82). С. 30–41.
2. Ристе У. История внешней политики Норвегии. М. : Весьмир, 2003. 416 с.
3. Thorkildsen D. Norwegian National Myths and Nation Building // Kirchliche Zeitgeschichte. 2014. Vol. 27, № 2. P. 263–276.
4. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.
5. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М. : Весь Мир, 2017. 992 с.
6. Neumann I.B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. London ; New York : Routledge, 1996. 272 p.
7. Bagge S. Nationalism in Norway in the Middle Ages // Scandinavian Journal of History. 2008. Vol. 20, № 1. P. 1–18.
8. Ibsen H. Peer Gynt (1867) / transl. by W. Archer, C. Archer. N.Y. : Charles Scribner's Sons, 1925. 276 p.
9. Нехаев А.В. Теории наций и национализмов: проблема классификации // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2016. № 2. С. 36–46.
10. Мартыненко В.О., Чернышов Ю.Г. Формирование норвежской национальной идентичности в период датско-норвежской унии (1536–1814 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 2 (136). С. 53–61.
11. Øystein R. Sensuren i Danmark-Norge Vilkårerne for Offentlige Ytringer 1536–1814. Oslo : Universitetsforlaget, 2014. 713 s.
12. Christian III's Håndfæstning, fra 30 october 1536 // Danmarkshistorien.dk. URL: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/haandfaestning> (дата обращения: 27.06.2024).
13. Lockhart P.D. Denmark 1513–1660. The Rise and Decline of a Renaissance Monarchy. U.K. : Oxford University Press, 2007. 279 p.
14. Kongeloven, 14. november 1665 // Danmarkshistorien.dk. URL: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/kongeloven-1665/> (дата обращения: 27.06.2024).
15. Dorum K. Criticism of Government in Norway c. 1770–1814 // Bringing the People Back In State Building from Below in the Nordic Countries ca. 1500–1800. London : Routledge, 2021. 362 p.
16. Øystein R. «Anderledeslandet». Nordmændene Under Enevælden // Fortid og Nutid. 2004. № 2. S. 29–43.
17. История Норвегии. От викингов до наших дней / сост. Р. Даниельсен, С. Дюрвик, Т. Грентли, К. Хелле, Э. Ховланн. М. : Весь мир, 2003. 528 с.
18. Кан А.С. История Норвегии. М. : Наука, 1980. 715 с.
19. Weiding T.R. Norge Under Dansk Styre (1537–1814) // Store Norske Leksikon. URL: https://snl.no/Norge_under_dansk_styre_-_1537-1814 (дата обращения: 27.06.2024).
20. Schioldann J. Struensee's Memoir on the Situation of The King (1772): Christian VII of Denmark // History of Psychiatry. 2013. Vol. 24, № 2. P. 227–247.
21. Holm E. Danmark-Norges Historie fra Den Store Nordiske Krigs Slutning til Rigernes Adskillelse. Kjobenhavn: G.E.C. Gads Forlag, 1902. Vol. 4. Del 2. 438 s.
22. Commager H. The Search for a Usable Past, and Other Essays in Historiography. N.Y. : Alfred A Knopf, 1967. 363 p.
23. Hammer E. Philonorvagi Velmeente Tanker, til Veltænkende Medborgere. Udgivne i Trykke-frihedens Første Aar // Det Kgl. Bibliotek. URL: https://tekster.kb.dk/text/tfs-texts-1_011-shoot-workid1_011_002 (дата обращения: 27.06.2024).

24. Horstbøll H. Luxdorphs Samling af Trykkefrihedens Skrifter 1770–1773 // Fund og Forskning. 2005. Bd. 44. S. 397–440.
25. Strømbo G. Philo Dano-Norvagi Oprigtige Tanker til Bedste Eftertanke Udgivet i Trykkefrihedens 8de Maaned i Norge // Det Kgl. Bibliotek. URL: https://tekster.kb.dk/text/tfs-texts-1_011-shoot-workid1_011_003 (дата обращения: 27.06.2024).
26. Suhm P.F. Om Oeconomien, særdeles Norges // Det Kgl. Bibliotek. URL: https://tekster.kb.dk/text/tfs-texts-1_011-shoot-workid1_011_001 (дата обращения: 27.06.2024).
27. Suhm P.F. Til Kongen // Det Kgl. Bibliotek. URL: https://tekster.kb.dk/text/tfs-texts-3_001-shoot-workid3_001_004 (дата обращения: 27.06.2024).
28. Schöning G. Norges Riiges Historie. Kiøbenhavn : Bekostetaf H. Mummeog Faber, 1771. 567 s.
29. Laursen J.C. Spinoza in Denmark and the Fall of Struensee, 1770–1772 // Journal of the History of Ideas. 2000. Vol. 61, № 2. P. 189–202.

References

1. Gusiltseva, M.S. (2020) Skandinavskaya model": uspehnaya modernizatsiya na primere Norvegii (ch. 2) [The Scandinavian Model: Successful Modernization Using the Example of Norway (Part 2)]. *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy]. 2 (82). pp. 30–41.
2. Riste, U. (2003) *Istoriya vneshney politiki Norvegii* [History of Norway's Foreign Policy]. Moscow: Ves' mir.
3. Thorkildsen, D. (2014) Norwegian National Myths and Nation Building. *Kirchliche Zeitgeschichte*. 27 (2). pp. 263–276.
4. Kochetkov, V.V. (2012) Natsional'naya i etnicheskaya identichnost' v sovremennom mire [National and Ethnic Identity in the Modern World]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2. pp. 144–162.
5. Semenenko, I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition]. Moscow: Ves' Mir.
6. Neumann, I.B. (1996) *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London; New York: Routledge.
7. Bagge, S. (2008) Nationalism in Norway in the Middle Ages. *Scandinavian Journal of History*. 20 (1). pp. 1–18.
8. Ibsen, H. (1925) *Peer Gynt (1867)*. Transl. by W. Archer, C. Archer. New York: Charles Scribner's Sons.
9. Nekhaev, A.V. (2016) Teorii natsiy i natsionalizmov: problema klassifikatsii [Theories of Nations and Nationalisms: The Problem of Classification]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 2. pp. 36–46.
10. Martynenko, V.O. & Chernyshov, Yu.G. (2024) Formirovaniye norvezhskey natsional'noy identichnosti v period dansko-norvezhskey unii (1536–1814 gg.) [The Formation of Norwegian National Identity During the Danish-Norwegian Union (1536–1814)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (136). pp. 53–61.
11. Øystein, R. (2014) *Sensuren i Danmark-Norge Vilkārene for Offentlige Ytringer 1536–1814*. Oslo: Universitetsforlaget.
12. Danmarkshistorien.dk (2024) *Christian III's Håndfæstning, fra 30 oktober 1536*. [Online] Available from: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/haandfaestning> (Accessed: 27.06.2024).
13. Lockhart, P.D. (2007) *Denmark 1513–1660. The Rise and Decline of a Renaissance Monarchy*. U.K.: Oxford University Press.
14. Danmarkshistorien.dk (2024) *Kongeloven, 14. november 1665*. [Online] Available from: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/kongeloven-1665/> (Accessed: 27.06.2024).
15. Dorum, K. (2021) Criticism of Government in Norway c. 1770–1814. In: *Bringing the People Back In State Building from Below in the Nordic Countries ca. 1500–1800*. London: Routledge.
16. Øystein, R. (2004) "Anderledeslandet". Nordmændene Under Enevælden. *Fortid og Nutid*. 2. pp. 29–43.
17. Danielsen, R. et al. (2003) *Istoriya Norvegii. Ot vikingov do nashikh dney* [History of Norway. From Vikings to the Present Day]. Moscow: Ves' mir.
18. Kan, A.S. (1980) *Istoriya Norvegii* [History of Norway]. Moscow: Nauka.
19. Weiding, T.R. (2024) *Norge Under Dansk Styre (1537–1814)*. Store Norske Leksikon. [Online] Available from: https://snl.no/Norge_under_dansk_styre_-_1537-1814 (Accessed: 27.06.2024).
20. Schioldann, J. (2013) Struensee's Memoir on the Situation of The King (1772): Christian VII of Denmark. *History of Psychiatry*. 24 (2). pp. 227–247.
21. Holm, E. (1902) *Danmark-Norges Historie fra Den Store Nordiske Krigs Slutning til Rigernes Adskillelse*. Vol. 4. Part 2. Kjobenhavn: G.E.C. Gads Forlag.
22. Commager, H. (1967) **The Search for a Usable Past, and Other Essays in Historiography**. New York: Alfred A Knopf.
23. Hammer, E. (2024) *Philonorvagi Velmeente Tanker, til Veltænkende Medborgere. Udgivne i Trykke-frihedens Første Aar*. Det Kgl. Bibliotek. [Online] Available from: https://tekster.kb.dk/text/tfs-texts-1_011-shoot-workid1_011_002 (Accessed: 27.06.2024).
24. Horstbøll, H. (2005) Luxdorphs Samling af Trykkefrihedens Skrifter 1770–1773. *Fund og Forskning*. 44. pp. 397–440.
25. Strømbo, G. (2024) *Philo Dano-Norvagi Oprigtige Tanker til Bedste Eftertanke Udgivet i Trykkefrihedens 8de Maaned i Norge*. Det Kgl. Bibliotek. [Online] Available from: https://tekster.kb.dk/text/tfs-texts-1_011-shoot-workid1_011_003 (Accessed: 27.06.2024).
26. Suhm, P.F. (2024) *Om Oeconomien, særdeles Norges*. Det Kgl. Bibliotek. [Online] Available from: https://tekster.kb.dk/text/tfs-texts-1_011-shoot-workid1_011_001 (Accessed: 27.06.2024).
27. Suhm, P.F. (2024) *Til Kongen*. Det Kgl. Bibliotek. [Online] Available from: https://tekster.kb.dk/text/tfs-texts-3_001-shoot-workid3_001_004 (Accessed: 27.06.2024).
28. Schöning, G. (1771) *Norges Riiges Historie*. Kiøbenhavn: Bekostetaf H. Mummeog Faber.
29. Laursen, J.C. (2000) Spinoza in Denmark and the Fall of Struensee, 1770–1772. *Journal of the History of Ideas*. 61 (2). pp. 189–202.

Информация об авторе:

Мартыненко В.О. – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: vladumgard@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.O. Martynenko, postgraduate student, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vladumgard@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 28.06.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 94:621.311.1(571.6)
doi: 10.17223/15617793/510/13

Эволюция научных взглядов дальневосточных ученых на проблемы освоения энергетических ресурсов региона для производства электроэнергии (середина 1920-х – 1980-х гг.)

Алексей Владимирович Маклюков¹

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, alekseymaklyukov@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована эволюция научных взглядов дальневосточных ученых на проблемы освоения энергетических ресурсов региона для производства электроэнергии в динамике середины 1920–1980-х гг.; определено влияние результатов работы ученых и их предложений на государственную энергетическую политику в регионе. Показано, что научные взгляды дальневосточных ученых формировались под влиянием достижений советской науки по проблемам создания энергетического комплекса страны, успехов в реализации гидроэнергетических проектов в Восточной Сибири, развитии технологий открытой добычи в угольной отрасли, освоении природного газа в Западной Сибири, становления отрасли атомной энергетики СССР.

Ключевые слова: энергетика, энергетические ресурсы, Дальний Восток, дальневосточные ученые, Академия наук СССР

Для цитирования: Маклюков А.В. Эволюция научных взглядов дальневосточных ученых на проблемы освоения энергетических ресурсов региона для производства электроэнергии (середина 1920-х – 1980-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 125–133. doi: 10.17223/15617793/510/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/13

The evolution of scientific views of Far Eastern scientists on the problems of developing the region's energy resources for electricity production (mid-1920s–1980s)

Aleksey V. Maklyukov¹

¹ Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, alekseymaklyukov@yandex.ru

Abstract. The study analyzes the evolution of scientific views of Far Eastern scientists on the problems of developing the region's energy resources for electricity generation in the mid-1920s–1980s, and determines the impact of scientists' work and their proposals on the state energy policy in the region. The relevance of the topic is due to the fact that during this period, fundamental ideas were laid about the directions of energy development in the eastern regions of the country, which influenced the planning and implementation of state investment programs in the field of socio-economic development of the Far East. Literature analysis shows that the topic of the evolution of scientific views of scientists on the problems of developing the region's energy resources for electricity generation in the mid-1920s–1980s has not yet been considered as an independent subject of research. The study is based on a corpus of unpublished sources, primarily on office documents stored in the Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. The work uses historical and economic methods, including systemic, statistical and quantitative ones. It is shown that the evolution of scientific views of Far Eastern scientists occurred under the influence of the achievements of Soviet science on the problems of creating an energy complex in the country, successes in the implementation of hydroelectric projects in Eastern Siberia, the development of open-pit mining technologies in the coal industry, the development of natural gas in Western Siberia, and the formation of the nuclear energy industry. Based on the application of various theoretical approaches, mathematical and electronic computing research methods, scientists developed solutions to the problems of using different types of energy resources, and the results of their theoretical developments were implemented in production, included in the general schemes for the placement of productive forces of the USSR and programs for the economic development of the region, and were reflected in the decrees of the party and government. The scientific ideas of Far Eastern scientists influenced the regional state energy policy, but due to various factors, they did not always find practical implementation. In some cases, specialists made miscalculations, such as with the overestimation of coal resources. Scientists' proposals to convert power plants from coal to gas fuel are still being implemented in the electric power industry; the Far East is almost 50 years behind this process.

Keywords: energy, energy resources, Far East, Far Eastern scientists, USSR Academy of Sciences

For citation: Maklyukov, A.V. (2025) The evolution of scientific views of Far Eastern scientists on the problems of developing the region's energy resources for electricity production (mid-1920s–1980s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 125–133. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/13

Актуальность обращения к теме эволюции научных взглядов дальневосточных ученых на проблемы освоения энергетических ресурсов региона в середине 1920-х – 1980-х гг. вызвана тем, что в данный период закладывались фундаментальные представления о направлениях развития энергетики в восточных районах страны, которые оказали влияние на планирование и реализацию государственных инвестиционных программ в сфере социально-экономического развития Дальнего Востока. Научная значимость темы определяется 300-летним юбилеем Российской академии наук, ее огромным значением в научно-технологическом развитии страны, а также необходимостью ретроспективного анализа научных работ ученых для воссоздания целостной картины всех тех преобразований и реформ, которые коснулись топливно-энергетического комплекса дальневосточной части страны в XX – начале XXI в.

Территория Дальнего Востока России с точки зрения размещения различных видов энергетических ресурсов является уникальной. Здесь представлены гидроэнергетические, угольные, нефтяные, газовые, геотермальные, ветроэнергетические, гелиоэнергетические и морские приливные ресурсы. Потенциал возобновляемых источников энергии Дальнего Востока сегодня оценивается учеными как самый перспективный в России и мире [1. С. 147]. В то же время в развитии топливно-энергетического комплекса региона существуют проблемы, связанные с низкой эффективностью использования энергетических ресурсов и высокой себестоимостью производства электроэнергии. Эти проблемы корнями уходят в исторический опыт формирования региональной энергетики, они детерминируют современную социально-экономическую динамику, снижают конкурентоспособность дальневосточной продукции на российском и мировом рынке.

Научные взгляды дальневосточных ученых на проблемы освоения энергетических ресурсов фрагментарно рассматривались в общем контексте истории академической науки на Дальнем Востоке [2, 3], формирования научных школ в области экономических исследований [4], вклада конкретных ученых в разработку планов, стратегий и государственных программ по развитию региональной экономики [5–8]. Анализ литературы показывает, что в качестве самостоятельного предмета исследования развитие научных взглядов дальневосточных ученых на проблемы развития энергетики в динамике середины 1920–1980-х гг. еще не рассматривалась.

Цель данной статьи – проанализировать эволюцию научных взглядов дальневосточных ученых на проблемы освоения энергетических ресурсов региона для производства электроэнергии в советский период, определить влияние результатов работы ученых и их предложений на государственную энергетическую политику в регионе.

Исследование опирается на корпус неопубликованных источников, в первую очередь на делопроизводственные документы, хранящиеся в архиве Дальневосточного отделения Российской академии наук (Арх. ДВО РАН). Они представлены в виде годовых научных

отчетов по темам исследований, аналитических и докладных записок, подготовленных учеными для различных организаций и органов власти, рукописей научных статей, докладов, прочитанных на конференции разного уровня, и т.д. Ряд документов, связанных с деятельностью дальневосточных ученых, выявлен в фондах региональных (ГАПК, ГАХК) и федеральных архивов (РГИА ДВ, ГАРФ, РГАЭ, РГАНИ, РГАСПИ).

В работе использованы историко-экономические методы, в том числе системный, который позволил рассматривать исследовательскую деятельность дальневосточных ученых как элемент развития системы научных знаний в СССР по проблемам создания энергетического комплекса в стране. Статистический метод использовался для анализа общих изменений в развитии электроэнергетики региона, количественный метод – для выявления численных характеристик и исторического анализа.

Формирование научных взглядов ученых на проблемы освоения энергетических ресурсов Дальнего Востока в отличие от западных районов России началось лишь в середине 1920-х гг., когда местные органы власти приступили к планированию развития дальневосточной экономики. С конца XIX в. в южных районах Приморья и о. Сахалин разведывались и осваивались угольные ресурсы, у ученых-геологов имелись сведения о наличии нефтяных и газовых месторождений. Крупные исследования в области геологии в начале XX в. проводились ученым Э.Э. Анертом. Но, как отмечал в 1924 г. председатель Дальплана М.И. Целищев, энергетические ресурсы Дальнего Востока с точки зрения получения электрической энергии ранее не изучались вовсе [9. С. 8].

Дальний Восток не рассматривался комиссией по составлению плана ГОЭЛРО, его территория считалась малоосвоенной и слабо развитой в промышленном отношении. Впервые в июле 1924 г. ВЦИК поручил местным плановым органам самим начать работу по сбору материалов по энергетическим ресурсам для планирования электрификации своих территорий. Организовать ее удалось только Приморскому губернскому экономическому совещанию, которое 19 декабря 1924 г. создало для этого специальную комиссию. Во Владивостоке существовал единственный на Дальнем Востоке вуз – Государственный Дальневосточный университет (ГДУ), в 1925 г. его ректором стал инженер-электрик, профессор В.П. Вологдин, единственный крупный специалист в области развития энергетики. Именно он как приглашенный член в комиссию сыграл ключевую роль в формировании первых научных взглядов на проблемы освоения энергетических ресурсов региона [10. Л. 16; 11. Л. 1, 90].

В подготовленных в 1925–1926 гг. В.П. Вологдиным материалах впервые была обозначена фундаментальная для Дальнего Востока проблема, которая заключалась в том, что центры хозяйственной активности в регионе не совпадали с районами залегания энергетических ресурсов. Города и крупные населенные пункты исторически формировались в регионе в узлах транспортных коммуникаций, там, где отсутствовали надежные топливные базы.

В.П. Вологдин пришел к выводу, что принципы плана ГОЭЛРО (строительство крупных электростанций на местном топливе в центрах наибольшего спроса на электричество) к Дальнему Востоку применять нельзя даже в ближайшей перспективе. Регион должен пойти по своему принципу электрификации, при котором централизованное электроснабжение создается локально в отдельных промышленных очагах или энтергорайонах. Ученый считал, что в качестве базового ресурса для производства электроэнергии следует использовать угольное топливо, а там где оно отсутствует – осваивать гидроэнергию рек, потенциал которых еще слабо изучен [11. Л. 1–3, 14].

Научный вклад В.П. Вологодина в изучении проблем развития энергетики Дальнего Востока заключался в том, что ему удалось в 1925 г. разработать первый проект Южно-Приморской ГРЭС для электроснабжения г. Владивостока. Станция мощностью 21 тыс. кВт планировалось строить на базе Артемовского угольного месторождения. Южно-Приморская ГРЭС была включена в первый пятилетний план, ее планировали построить за к 1933 г., но ввели в строй только в 1937 г. Она стала самой крупной электростанцией на Дальнем Востоке [12. С. 291; 13. Л. 27].

С началом индустриализации страны и сдвигом индустрии в восточные районы на Дальнем Востоке возникла необходимость в проектировании новых электростанций для обеспечения электричеством строящихся заводов и фабрик. В 1930 г. под руководством Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР начались комплексные исследования в масштабах всей страны. В 1931 г. во Владивостоке создается Дальневосточный геофизический институт, а для организации фундаментальных научных исследований правительство 13 января 1932 г. приняло решение об открытии Дальневосточного филиала АН СССР (ДВФ АН СССР). Членом президиума филиала стал профессор В.П. Вологдин, однако в 1933 г. он уехал работать в Ленинград [2. С. 163].

Ведущим специалистом по изучению энергетических ресурсов Дальнего Востока стал научный сотрудник Дальневосточного геофизического института В.А. Кравцов, ранее он тесно работал на кафедре тепловой механики в ГДУ вместе с В.П. Вологдиным. Ученый, в отличие от своего коллеги, в качестве приоритетного направления в развитии энергетики региона выдвинул идею освоения богатых гидроэнергетических ресурсов. Потенциал водной энергии юга Дальнего Востока оценивался им в 25 000 МВт, или 58% от общего объема всех энергоресурсов региона. За счет строительства крупных ГЭС и магистральных линий передач, считал Кравцов, можно было обеспечить дешевым электричеством Приморье и Приамурье, тем самым решив проблему дефицита энергоресурсов [14. Л. 1–22]. В 1933 г. В.А. Кравцов опубликовал первую монографию по теме «Энергоресурсы Дальневосточного края», в которой дал характеристику гидроресурсам, оценил запасы угольных и нефтяных месторождений, торфа, энергии моря, земли, солнца и ветра [15. С. 3–50].

В 1932 г. Госплан СССР назначил Дальневосточный геофизический институт головной организацией

по подготовке материалов Генерального плана электрификации Дальневосточного края на 1933–1945 гг. Над материалами работали научные сотрудники под руководством В.А. Кравцова. Согласно материалам для удовлетворения потребностей в электроэнергии региона во второй пятилетке Госплану рекомендовалось сделать упор на освоение угольных ресурсов и гидроэнергии, а в третьей – преимущественно гидроэнергии. К 1945 г. на Дальнем Востоке намечалось строительство 15 крупных и средних электростанций суммарной мощностью 2 000 МВт, при этом 45% мощностей должны были обеспечить гидроэлектростанции [16. С. 72].

На практике плановые органы лишь частично опирались на предложения В.А. Кравцова. В представленных в 1932 г. Дальпланом материалах на вторую пятилетку 1933–1937 гг. была обозначена стратегия развития энергетики, основанная на взглядах В.П. Вологодина, – создание энергокомбинатов на базе строительства крупных угольных электростанций для промышленных потребителей. К 1937 г. в регионе намечалось создать 4 энергокомбината: Владивостокский, Хабаровский, Хинганский и Пермской. Из гидроэлектростанций было поддержано только строительство Бурейской ГЭС [17. С. 24, 28, 30, 232]. В утвержденном третьем пятилетнем плане первоочередной выдвигалась задача строительства угольных электростанций для удовлетворения потребностей в электроэнергии, в преодоления ее дефицита и создании резерва мощностей. На эти работы отводилось до 2–3 года в зависимости от объемов строительства. И лишь на перспективу конца пятилетки ставилась задача возведения плотин гидроэлектростанций для электроснабжения отдельных городов и крупных предприятий [18. С. 147–148].

Научные взгляды В.А. Кравцова слабо отвечали реалиям формирования мобилизационной экономики 1930-х гг., временных и материальных ресурсов на проектирование и строительство гидроэлектростанций у государства не было. В 1933–1938 гг. экспедиции и изыскательские партии треста «Гидроэнергопроект» изучили десятки рек региона, составили гипотезы, технико-экономические проекты, но в конце 1930-х гг. из-за военной угрозы практически все исследования были прекращены, а ДВФ АН СССР был закрыт. Часть ученых подверглись репрессиям, часть – покинули Дальний Восток, в том числе сам Кравцов [2. С. 59; 7. С. 98].

Таким образом, в середине 1920–1930-х гг. началось формирование научных взглядов дальневосточных ученых на проблемы освоения энергетических ресурсов региона. Ученые выделили отличный от плана ГОЭЛРО путь электрификации Дальнего Востока, связанный с созданием изолированных энтергорайонов. В качестве выбора источников для производства электроэнергии предлагалось использовать угольное топливо и гидроэнергию, но в вопросах приоритета освоения того или иного вида ресурсов взгляды ученых расходились. На практике на Дальнем Востоке строились исключительно тепловые электростанции, работающие на угле и нефтепродуктах. В условиях подготовки к войне и уязвимости территории региона в

конце 1930-х гг. правительство отказалось от возведения гидроэлектростанций.

В послевоенные годы задачи экономического развития СССР требовали вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов восточных районов страны. Внимание политического руководства было вновь обращено к освоению Сибири и Дальнего Востока. Углубляя проектные исследования 1930-х гг., советские ученые в конце 1940-х – начале 1950-х гг. разработали уникальные проекты использования энергетических ресурсов Восточной Сибири с созданием Ангаро-Енисейского каскада гидроэлектростанций. Успехи изучения гидроэнергетических ресурсов Сибири оказали огромное влияние на развитие научных идей и взглядов советских ученых в сфере развития энергетики [19. С. 17].

В 1950-е гг. происходит активизация научных исследований по всей территории Дальнего Востока, вызванная тесным научно-техническим сотрудничеством между СССР и КНР, проведением Амурской комплексной экспедиции в Приамурье, разработкой долгосрочных прогнозов развития районов региона. Достижения в отечественной науке открывали новые возможности в развитии электроэнергетики СССР, освоении новых видов энергоресурсов, формировании предпосылок для создания единой энергосистемы страны, в том числе с включением в нее территории Дальнего Востока. Перед дальневосточными учеными встали задачи изучения и более эффективного освоения местных энергетических ресурсов для обеспечения топливно-энергетического баланса с учетом промышленного развития региона.

В 1949 г. по ходатайству Президиума АН СССР восстанавливается Дальневосточный филиал Академии во Владивостоке. При филиале создается экономическая группа в составе младшего научного сотрудника П.В. Тарасова специалиста по вопросам энергетики. В 1951–1953 гг. группа пополнилась новыми сотрудниками: А.В. Стоценко, А.Д. Нестеренко, В.С. Турецким и В.Г. Черненко. В 1953 г. в структуре филиала формируются отдел экономики и отдел гидроэнергетики и водохозяйственных проблем [20. Л. 1; 21. С. 23].

В начале 1950-х гг. в научных трудах дальневосточных ученых под влиянием идей сибирских коллег предлагалось ограничить на Дальнем Востоке развитие угольных электростанций и полностью перейти на строительство гидравлических. Объяснялось это бесперспективностью первых и высокой экономической эффективностью последних. По расчетам П.В. Тарасова, одна построенная гидроэлектростанция на р. Усури позволила бы государству в год экономить 1,578 млрд руб. на производстве электроэнергии, сократить потребление бурого угля на 800 тыс. т, уменьшить перевозку топлива на 40 тыс. железнодорожных вагонов, освободить от труда 2 500 шахтеров и 2 000 работников транспорта [21. С. 24; 22. Л. 1, 4].

В 1956 г. для более точного определения пути развития дальневосточной энергетики Президиум АН СССР утвердил отделу экономики ДВФ АН СССР тему госзадания «Экономическая эффективность сооружения тепловых и гидравлических электростанций

на юге Дальнего Востока». Сравнительный анализ работы открытых разрезов треста Райчихуголь и шахт комбината «Приморскуголь» показал ученым, что в течение 1945–1955 гг. производительность труда за счет внедрения американских и отечественных электрических экскаваторов на разрезах выросла в 3,5 раза, а себестоимость добытого угля снизилась в 5 раз. П.В. Тарасов сделал заключение, что основным видом энергетических ресурсов, определяющим развитие энергетической базы региона, является уголь. В то же время партийно-хозяйственным органам рекомендовалась начать перестройку отрасли с переходом на открытый способ добычи угля и переводом на такое топливо всех тепловых электростанций [23. Л. 3, 10; 24. Л. 16, 71, 91].

Успехи в развитии угольной промышленности СССР в конце 1950-х гг. на базе технологий открытой разработки и выход страны на первое место в мире по объемам добычи убеждали ученых, что для Дальнего Востока наиболее оптимальным является решение о первоочередном сооружении мощных тепловых электростанций. В 1958 г. отдел экономики под руководством П.В. Тарасова на основе этой идеи разработал научную основу создания энергетических систем юга Дальнего Востока и их объединения в единую энергосистему. Экономисты предложили на базе двух крупнейших бурогоугольных месторождений (Бикинского и Райчихинского) построить две мощные ГРЭС для объединения энергосистем Амурской области, Хабаровского и Приморского краев. Эти идеи были озвучены в 1958 г. на научно-технических конференциях в Москве, Новосибирске и Иркутске, в Энергетическом институте им. Г.М. Кржижановского АН СССР и нашли поддержку на правительственном уровне. В конце 1958 г. Минэнерго СССР поручило институту «Теплоэлектропроект» приступить к проектированию Приморской и Райчихинской ГРЭС [24. Л. 1, 17; 25. Л. 7]. В 1960 г. отдел экономики разработал топливно-энергетический баланс юга Дальнего Востока на 1960–1980 гг., в котором добываемый открытым способом уголь выделялся как главный вид потребляемого топлива в регионе на 20 лет. В том же году комбинат «Приморскуголь» начал открытую добычу угля на Реттиховском месторождении, а в 1962 г. крупнейшие электростанции Сучанская и Артемовская ГРЭС стали переходить на сжигание бурых углей [26. Л. 4, 26; 27. Л. 224].

Среди ученых ДВФ АН СССР возникла научная дискуссия по вопросам освоения энергетических ресурсов. Д-р геол. наук А.В. Стоценко считал, что приоритет на Дальнем Востоке нужно отдавать, как и в Восточной Сибири, развитию гидроэнергетики, а не теплоэнергетике, базирующейся на угольном топливе. П.В. Тарасов называл гидроэнергетику перспективным направлением, но настаивал на том, что в ближайшее время упор нужно делать на развитие открытой добычи угля и строительство мощных тепловых электростанций. Он считал, что увлечение сибирских и дальневосточных ученых гидроэнергетикой привело к недооценке топливных ресурсов [23. Л. 87].

Начало масштабной разработки природного газа в Западной Сибири подтолкнуло дальневосточных ученых к новой идее об использовании добываемого на

о. Сахалин газа для строительства нового типа газотурбинных электростанций в районах Нижнего Приамурья (г. Комсомольск-на-Амуре, г. Амурск). В 1962 г. она получила развитие в коллективном исследовании «Научные основы сплошной электрификации Приморья и Приамурья», подготовленной канд. экон. наук В.С. Турецким, М.И. Краевой и Е.Н. Каратыгиной. Также впервые в этой работе ученые предложили комплексный подход в освоении региональных энергетических ресурсов на основе разработки бурого угля, сахалинских газовых и нефтяных месторождений, освоении гидроэнергии рек Зея, Бурея и Амур. Благодаря такому подходу предполагалось сократить дальние перевозки угля для производства электроэнергии, снизить ее себестоимость, ускорить создание территориально-производственных комплексов вблизи электростанций, улучшить размещение промышленности и ускорить хозяйственное освоение новых территорий региона [28. Л. 99–103].

Комплексный подход к освоению энергетических ресурсов был применен учеными ДВФ СО АН СССР в 1963–1964 гг. при разработке Генеральной схемы размещения производительных сил Дальневосточного экономического района. Кроме традиционных источников энергии в районах Северо-Востока рекомендовалось перейти к освоению геотермальной энергии на п-ове Камчатка и атомной энергии на Чукотке. В рамках реализации комплексного подхода в течение 1966–1970 гг. предлагалось построить: Приморскую ГРЭС (500 МВт, уголь), Южно-Сахалинскую ГРЭС (300 МВт, уголь), Владивостокскую ТЭЦ (150 МВт, уголь), Хабаровскую ТЭЦ (150 МВт, уголь), Амурскую ТЭЦ (50 МВт, газ), Зейскую ГЭС (680 МВт, гидроэнергия), Билибинскую АЭС (48 МВт, атомная энергия), Камчатскую ГеоТЭС (25 МВт, геотермальная энергия) [29. Л. 5–6; 30. Л. 1, 293–294]. Предложения ученых нашли отражение в директивах XXIII съезда КПСС, в Постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР № 638 от 8 июля 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил дальневосточного экономического района и Читинской области». На новое энергетическое строительство правительством было выделено 670 млн руб. [31. Л. 78].

По научным данным, на 1965 г. на долю Дальнего Востока приходилось 36% потенциальных и 6% разведанных энергетических ресурсов страны. При этом балансовые запасы гидроэнергии оценивались учеными в 32% от общесоюзных, запасы угля – в 4,7%, нефти – в 1,25%, газа – в 1,85% (таблица). Однако на Дальнем Востоке в отличие от Европейской части страны, Урала, Сибири и Казахстана до середины 1970-х гг. для производства электроэнергии не использовались другие источники энергии, кроме угля и нефтепродуктов, что негативно влияло на качество и уровень развития электроэнергетики. Гидроагрегат первой Зейской ГЭС в регионе был запущен лишь в 1975 г.

Во второй половине 1960-х гг. стало очевидным, что в подходах ученых относительно приоритетного развития на Дальнем Востоке тепловой энергетики на базе использования угольного топлива были допущены просчеты. Угольные месторождения региона

стали истощаться, объемов добываемого угля не хватало, качество топлива для эффективного сжигания на электростанциях было низким. В результате в Хабаровском и Приморском крае к концу 1960-х гг. возник острый дефицит топлива и электроэнергии. Дополнительные поставки угля из Сибири увеличили нагрузку на железнодорожный транспорт, что привело к издержкам и убыткам. Экономисты ДВФ СО АН СССР совместно с научными коллективами Центрального экономического НИИ Госплана РСФСР стали применять новые методы для определения показателей эффективности добычи, переработки и использования энергетических ресурсов региона, использовать экономико-математическое моделирование. Для решения новых задач в 1969 г. в отделе экономики ДВФ была создана лаборатория экономической кибернетики под руководством канд. экон. наук В.С. Турецкого [33. Л. 1, 3; 34. Л. 1].

Размещение энергетических ресурсов на территории СССР по данным на 1965 г.

Районы	Все виды энергоресурсов		% к СССР			
	млрд т	%	уголь	нефть	газ	гидроэнергия
СССР	437	100	100	100	100	100
Европейская часть и Урал	122	28	19	75	50,5	13,4
Западная Сибирь	230	52,6	59,8	23,6	49,5	26,6
Восточная Сибирь	62,3	14,3	16,5	0,08	–	30
Дальний Восток	22,7	5,2	4,7	1,25	1,85	32

Составлено по: [32. Л. 8].

Используя линейную математическую модель, в 1970 г. лаборатория разработала схему Единой энергетической системы (ЕЭС) юга Дальнего Востока со сценариями ее развития до 1980 г. Опираясь на опыт развития гидроэнергетики в Восточной Сибири, ученые предложили создать ЕЭС на основе ввода в строй крупных гидравлических электростанций (Зейской, Бурейской и Иманской ГЭС) и соединения их высоковольтными магистральными линиями передач с мощными тепловыми станциями (Приморской, Сучанской и Артемовской ГРЭС). Согласно новым представленным расчетам к 1980 г. в структуре установленной мощности ЕЭС доля гидроэлектростанций должна была составлять не менее 31,8% [34. Л. 13, 18, 40].

Однако на фоне резкого ухудшения отношений СССР с КНР и событий вооруженного пограничного конфликта на о. Даманском в марте 1969 г. эта схема не была поддержана правительством, которое отказалось от строительства Иманской ГЭС в Приморском крае в 50 км от госграницы. Именно эта ГЭС, по мнению ученых, должна была стать связующим звеном в структуре будущей энергосистемы юга Дальнего Востока и покрыть дефицит в электроэнергии в Хабаровском крае [35. Л. 54].

В 1970 г. во Владивостоке на базе филиала организуется Дальневосточный научный центр (ДВНЦ) АН СССР. В 1972 г. правительство поручает ему провести

комплекс работ по прогнозированию развития экономики Дальнего Востока до 1990 г. Для этого в отделе экономики Президиума ДВНЦ создается лаборатория оптимального перспективного планирования из экономистов (Турецкий, Краева, Староселец, Стащенко). В 1974 г. оптимизационные расчеты впервые были проведены на электронных вычислительных машинах БЭСМ-4, которые позволили составить новый прогноз потребления энергетических ресурсов в регионе и различные сценарии развития электроэнергетики до 1990 и 2000 гг. [36. Л. 1–2].

В прогнозе на десятилетие 1975–1985 гг. ученые, опираясь на успешный опыт работы газотурбинных и атомных электростанций в стране, предлагали резко сократить долю потребления угля за счет разработки Якутского и Сахалинского газа, форсированного освоения гидроэнергетики и развития атомной энергетики. Экономистам наиболее эффективным представлялся вариант создания в узлах крупного электропотребления – дальневосточных городах – электростанций, работающих на газе и атомной энергии. По максимальному сценарию сокращения угля в качестве топлива для выработки электроэнергии к 1985 г. предлагалось снизить его долю в установленной мощности электростанций до 56%, а мощность гидроэлектростанций увеличить до 24%, атомных до 10%, и газотурбинных – до 9%. На прогнозируемый период 1985–2000 гг. рекомендовалось развивать электроэнергетику региона в основном за счет ввода мощностей гидро-, атомных и газовых электростанций, перевода остальных тепловых электростанций с угольного на газовое топливо [37. Л. 1, 28, 30–31, 61; 38. С. 17].

В 1975 г. Центральный экономический НИИ и СОПС Госплана под руководством академика Н.Н. Некрасова при подготовке комплексной программы развития экономики Дальнего Востока до 1990 г. учел расчеты дальневосточных коллег. В программе помимо угольных ГРЭС и ТЭЦ планировалось ввести в строй 2200 МВт гидравлических, 600 МВт атомных и 285 МВт газотурбинных электростанций [32. Л. 42].

Во второй половине 1970-х гг. строительство Байкало-Амурской магистрали, электрификация Транссиба и ввод в строй новых промышленных гигантов привели к резкому росту электропотребления на Дальнем Востоке. К этому времени окончательно истощилось крупное Райчихинское буроголовое месторождение, в результате электростанции Хабаровского в края оказались практически без местного топлива. Для преодоления острого дефицита энергоресурсов дальневосточные ученые наряду с коллегами из центра в своих работах стали выдвигать идеи о строительстве крупных АЭС на Дальнем Востоке. В частности, В.С. Турецкий, М.И. Краева и Л.И. Староселец обосновали необходимость к 1991 гг. построить две АЭС в Приморском и Хабаровском краях. Эту идею поддержал академик, председатель президиума ДВНЦ АН СССР Н.А. Шило [39. С. 108; 40. Л. 104].

Научные идеи дальневосточных экономистов по развитию атомной, гидравлической и газовой энергетики нашли свое отражение в утвержденной в 1984 г. Госпланом СССР Генеральной схеме развития производительных сил Дальневосточного экономического

района до 2000 г. Согласно документу в регионе до 2000 г. планировалось построить целую серию крупных гидроэлектростанций (Бурейскую, Нижне-Бурейскую, Колымскую, Усть-Среднеканскую, Дальнереченскую ГЭС), газовых электростанций (Комсомольскую ТЭЦ-3, Хабаровскую ТЭЦ-3, Владивостокскую ТЭЦ-3) и атомную (Приморскую АЭС) [41. Л. 1–26]. Данная схема с некоторой корректировкой вошла в одобренную 19 августа 1987 г. правительством долгосрочную государственную программу комплексного развития производственных сил Дальневосточного экономического региона, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. В программе добавилось строительство Комсомольской АЭС [42. Л. 63].

Следует отметить, что со второй половины 1970-х гг. предложения дальневосточных ученых в силу ряда неоднозначных факторов уже не оказывали практического влияния на реализуемую в регионе государственную энергетическую политику. Экономика СССР развивалась технологически консервативным и экстенсивным способом, затрачивая огромные ресурсы на поддержание убыточного топливно-энергетического комплекса, в том числе дальневосточной угольной отрасли. Колоссальные финансовые, материальные и кадровые ресурсы оттягивало масштабное строительство Байкало-Амурской магистрали. Региональную электроэнергетику лихорадило недофинансирование и материально-техническое недообеспечение. Минэнерго СССР не справлялось с объемом строительно-монтажных работ, электростанций возводились в условиях затягивания и сокращения работ. Фактически все крупные объекты энергетики, которые начали возводить в 1970–1980-е гг., в советскую эпоху так и не были достроены, в первую очередь Бурейская ГЭС, которая должна была сыграть ключевую роль в решении проблемы энергетического дефицита. К 1990 г. в регионе работали всего лишь две гидроэлектростанции (Зейская и Колымская), несколько газотурбинных (Комсомольская ТЭЦ-3) и одна атомная малой мощности (Билибинская АЭС). Строительство крупных атомных станций так и не началось [8. С. 15].

В результате к 1990 г. в структуре производства электроэнергии на Дальнем Востоке 79% выработки приходилось на тепловые электростанции, работающие на угольном топливе (71%) и нефтепродуктах (8%), 13% на гидроэлектростанции, менее 7% – на газотурбинные и менее 1% – на атомную энергию (рис. 1). В то же время в СССР 34% электроэнергии производили электростанции, использующие в качестве топлива природный газ, а по РСФСР этот показатель был еще выше – 43% [5. С. 32].

Можно заключить, что в период 1950–1980-х гг. в цепочке научных исследований – планирование – реализация инвестиционных государственных программ по развитию отраслей топливно-энергетического комплекса на Дальнем Востоке были допущены крупные просчеты, которые привели к серьезным энергетическим трудностям.

Рис. 1. Структура производства электроэнергии по источникам энергоресурсов в СССР и на Дальнем Востоке в 1990 г., % (составлено по: [5. С. 32; 43. С. 395]).

В результате электроэнергетика региона оставалась отсталой, затратной и недостроенной отраслью, базирующейся преимущественно на угольном топливе, в таком состоянии она перешла на современный этап. Лишь на фоне оживления национальной и региональной экономики в 2000-е гг. были достроены брошенные в конце 1980-х гг. объекты гидроэнергетики, в теплоэнергетике стал осуществляться переход на газовое топливо, а в перспективных программах вновь стали упоминаться атомные проекты. Но многие проблемы электроэнергетики, в первую очередь связанные с себестоимостью производства электроэнергии, остаются нерешенными.

Итак, в середине 1920-х – 1980-х гг. происходило формирование и развитие научных взглядов дальнево-

сточных ученых на проблемы освоения энергетических ресурсов региона. С самого начала изучения проблемы ученые пришли к выводу, что Дальний Восток обладает богатыми и разнообразными видами энергетических ресурсов, которые можно использовать для производства электроэнергии, но специфика пионерного хозяйственного освоения территории региона не позволяла идти по принципам плана ГОЭЛРО и развивать отрасль локально по изолированным энергорайонам. Наличие колоссального потенциала гидроэнергетических ресурсов порождало среди ученых разные идеи по их освоению и дискуссии по поводу выбора основной базы для развития электроэнергетики. Эволюция научных взглядов дальневосточных ученых происходила под влиянием достижений советской науки по проблемам создания энергетического комплекса в стране, успехов в реализации гидроэнергетических проектов в Восточной Сибири, развития технологий открытой добычи в угольной отрасли, освоении природного газа в Западной Сибири, становления отрасли атомной энергетики. На основе применения разных теоретических подходов, математических и электронно-вычислительных методов исследования ученые разрабатывали решения проблем использования разных видов энергоресурсов, а результаты их теоретических разработок внедрялись в производство, включались в генеральные схемы размещения производительных сил СССР и программы экономического развития региона, находили отражение в постановлениях партии и правительства. Научные идеи дальневосточных ученых оказывали влияние на региональную государственную энергетическую политику, но в силу различных факторов не всегда находили практической реализации. В некоторых случаях специалистами допускались просчеты, как с переоценкой угольных ресурсов. Предложения ученых по переводу электростанций с угольного на газовое топливо до сих пор воплощаются в электроэнергетике, Дальний Восток отстает от этого процесса почти на 50 лет.

Список источников

- Соколов А.Д., Музычук С.Ю., Музычук Р.И. Энергоэкономический анализ топливно-энергетического комплекса Дальнего Востока // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2017. Т. 21, № 1. С. 141–155.
- Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке (к 300-летию Российской академии наук). Владивосток : Дальнаука, 2024. 575 с.
- Хисамутдинова Н.В. Подготовка инженеров на Дальнем Востоке: проблемы и решения (исторические очерки). Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2014. 218 с.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Резин О.М., Шенгауз А.С. Экономические исследования на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 7–33.
- Калашников В.Д. Проблемы формирования и развития регионального топливно-энергетического комплекса (на примере Дальнего Востока) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Хабаровск, 2006. 52 с.
- Калашников В.Д., Демина О.В. Особенности формирования и развития энергетической системы Дальнего Востока // Регионалистика. 2014. Т. 1, № 4. С. 36–49.
- Маклюков А.В. Экономические исследования проблем электрификации Дальнего Востока в конце 1940-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 97–107.
- Маклюков А.В. Государственная стратегия ускоренного развития электроэнергетики на Дальнем Востоке СССР (1964–1991 гг.): исторический опыт // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 5. С. 5–17.
- Целищев М.И. К вопросу об электрификации Дальнего Востока // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 7. С. 8–15.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 639.
- РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 286.
- Пятилетний план народно-хозяйственного строительства. Т. 3: Районный разрез плана. М. : Госплан, 1930. 608 с.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 34. Д. 337.
- РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 1461.
- Кравцов В.А. Энергоресурсы Дальневосточного края. Хабаровск : Дальгиз, 1933. 50 с.
- Генеральный план электрификации СССР. Т. 8, ч. 1. Сводный план электрификации. М. : Гос. соц. экон. изд-во, 1932. 860 с.

17. Материалы к плану развития народного хозяйства и социально-культурного строительства ДВ края во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Хабаровск : Дальгиз, 1932. 264 с.
18. Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.). М. : Госполитиздат, 1939. 240 с.
19. Индустриальное освоение Сибири: опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. Новосибирск : Наука, 1989. 312 с.
20. Архив Дальневосточного отделения Российской академии наук (Арх. ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 8. Д. 19.
21. Тарасов П.В. О работе отдела экономики Дальневосточного филиала АН СССР // Вопросы экономики Дальнего Востока. Т. I. Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1958. С. 20–33.
22. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-510. Оп. 5. Д. 16.
23. Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 83.
24. Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 90.
25. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 41. Д. 140.
26. Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 119.
27. ГАПК. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 1578.
28. Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 123.
29. Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 133.
30. Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 137.
31. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-262. Оп. 8. Д. 7949.
32. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 723.
33. Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 151.
34. Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 174.
35. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 50. Д. 6.
36. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 53. Д. 63.
37. Арх. ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 2. Д. 6.
38. Турецкий В.С., Краева М.И., Староселец Л.Н., Стащенко Г.И. Основные направления развития топливно-энергетического комплекса Дальнего Востока. Владивосток : Б.и., 1974. 78 с.
39. Турецкий В.С., Краева М.И., Староселец Л.Н. Топливо-энергетический баланс и направление развития отраслей топливной промышленности и энергетики // Проблемы и основные направления комплексного развития Приморского края в ближайшей и долгосрочной перспективе. Владивосток : ДВНЦ, 1981 С. 106–108.
40. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 150. Д. 999.
41. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1789.
42. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 49. Д. 904.
43. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М. : Госкомстат, 1991. 752 с.

References

1. Sokolov, A.D., Muzyichuk, S.Yu. & Muzyichuk, R.I. (2017) Energoekonomicheskii analiz toplivno-energeticheskogo kompleksa Dal'nego Vostoka [Energy-economic analysis of the Far East fuel and energy complex]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 21 (1). pp. 141–155.
2. Bogatov, V.V. (2024) *Akademicheskaya nauka na rossiyskom Vostoke (k 300-letiyu Rossiyskoy akademii nauk)** [Academic science in the Russian East (to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences)]. Vladivostok: Dal'nauka.
3. Khisamutdinova, N.V. (2014) *Podgotovka inzhenerov na Dal'nem Vostoke: problemy i resheniya (istoricheskie ocherki)* [Training engineers in the Far East: problems and solutions (historical essays)]. Vladivostok: Izd-vo VGUES.
4. Minakir, P.A., Dem'yanenko, A.N., Rezin, O.M. & Shengaul, A.S. (2006) Ekonomicheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii [Economic research in the Russian Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 3. pp. 7–33.
5. Kalashnikov, V.D. (2006) *Problemy formirovaniya i razvitiya regional'nogo toplivno-energeticheskogo kompleksa (na primere Dal'nego Vostoka)* [Problems of formation and development of a regional fuel and energy complex (on the example of the Far East)]. Khabarovsk.
6. Kalashnikov, V.D. & Demina, O.V. (2014) Osobennosti formirovaniya i razvitiya energeticheskoy sistemy Dal'nego Vostoka [Features of the formation and development of the Far East energy system]. *Regionalistika*. 1 (4). pp. 36–49.
7. Maklyukov, A.V. (2019) Ekonomicheskie issledovaniya problem elektrifikatsii Dal'nego Vostoka v kontse 1940-kh – nachale 1960-kh gg. [Economic research on the electrification of the Far East in the late 1940s – early 1960s]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 4. pp. 97–107.
8. Maklyukov, A.V. (2021) Gosudarstvennaya strategiya uskorenno razvitiya elektroenergetiki na Dal'nem Vostoke SSSR (1964–1991 gg.): istoricheskiy opyt [State strategy for accelerated development of the electric power industry in the Far East of the USSR (1964–1991): historical experience]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5. pp. 5–17.
9. Tselishchev, M.I. (1924) K voprosu ob elektrifikatsii Dal'nego Vostoka [On the electrification of the Far East]. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*. 7. pp. 8–15.
10. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R-3. List 1. File 639.
11. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund R-37. List 1. File 286.
12. Gosplan. (1930) *Pyatiletniy plan narodno-khozyaystvennogo stroitel'stva* [Five-Year Plan of National Economic Construction. Vol. 3: Regional Plan]. Moscow: Gosplan.
13. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 4372. List 34. File 337.
14. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 4372. List 31. File 1461.
15. Kravtsov, V.A. (1933) *Energoresursy Dal'nevostochnogo kraya* [Energy resources of the Far Eastern Territory]. Khabarovsk: Dal'giz.
16. GSEI. (1932) *General'nyy plan elektrifikatsii SSSR* [General Plan for the Electrification of the USSR]. Vol. 8, Part 1. Moscow: Gos. sots. ekon. izd-vo.
17. Dal'giz. (1932) *Materialy k planu razvitiya narodnogo khozyaystva i sotsial'no-kul'turnogo stroitel'stva DV kraya vo vtoroy pyatiletke (1933–1937 gg.)* [Materials for the Plan of Development of the National Economy and Socio-Cultural Construction of the Far Eastern Territory in the Second Five-Year Plan (1933–1937)]. Khabarovsk: Dal'giz.
18. Gospolitizdat. (1939) *Tretiy pyatiletniy plan razvitiya narodnogo khozyaystva Soyuz SSSR (1938–1942 gg.)* [Third Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR (1938–1942)]. Moscow: Gospolitizdat.
19. Nauka. (1989) *Industrial'noe osvoenie Sibiri: opyt poslevoennykh pyatiletok. 1946–1960 gg.* [Industrial Development of Siberia: The Experience of Post-War Five-Year Plans. 1946–1960]. Novosibirsk: Nauka.
20. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkh. DVO RAN). Fund 1. List 8. File 19.
21. Tarasov, P.V. (1958) O rabote otдела ekonomiki Dal'nevostochnogo filiala AN SSSR [On the work of the Department of Economics of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences]. In: *Voprosy ekonomiki Dal'nego Vostoka* [Issues of the Far East Economy]. Vol. I. Blagoveshchensk: Amur. kn. izd-vo. pp. 20–33.

22. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-510. List 5. File 16.
23. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkh. DVO RAN). Fund 1. List 8. File 83.
24. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkh. DVO RAN). Fund 1. List 8. File 90.
25. Russian State Archive of Contemporary History. Fund 5. List 41. File 140.
26. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkh. DVO RAN). Fund 1. List 8. File 119.
27. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-540. List 2. File 1578.
28. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkh. DVO RAN). Fund 1. List 8. File 123.
29. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkh. DVO RAN). Fund 1. List 8. File 133.
30. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkh. DVO RAN). Fund 1. List 8. File 137.
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-262. List 8. File 7949.
32. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 399. List 3. File 723.
33. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkh. DVO RAN). Fund 1. List 8. File 151.
34. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkh. DVO RAN). Fund 1. List 8. File 174.
35. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 50. File 6.
36. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 53. File 63.
37. Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkh. DVO RAN). Fund 17. List 2. File 6.
38. Turetskiy, V.S., Kraeva, M.I., Staroselets, L.N. & Stashchenko, G.I. (1974) *Osnovnye napravleniya razvitiya toplivno-energeticheskogo kompleksa Dal'nego Vostoka* [Main directions of development of the Far East fuel and energy complex]. Vladivostok: [s.n.].
39. Turetskiy, V.S., Kraeva, M.I. & Staroselets, L.N. (1981) *Toplivno-energeticheskiy balans i napravlenie razvitiya otrasley toplivnoy promyshlennosti i energetiki* [Fuel and energy balance and directions for the development of the fuel industry and energy sectors]. In: *Problemy i osnovnye napravleniya kompleksnogo razvitiya Primorskogo kraia v blizhayshey i dolgosrochnoy perspektive* [Problems and main directions of the integrated development of Primorsky Krai in the near and long term]. Vladivostok: FESC. pp. 106–108.
40. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. List 150. File 999.
41. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 399. List 3. File 1789.
42. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-259. List 49. File 904.
43. Goskomstat. (1991) *Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1990 g. Statisticheskyy ezhegodnik* [National Economy of the USSR in 1990. Statistical Yearbook]. Moscow: Goskomstat.

Информация об авторе:

Маклюков А.В. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Maklyukov, Cand. Sci. (History), leading researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2024;
одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 16.05.2024;
approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 31.01.2025.*

Научная статья
УДК 94 (571,51):343,19
doi: 10.17223/15617793/510/14

Лагерные суды Красноярского края (1945–1954 гг.)

Владимир Арнольдович Печерский¹

¹ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, volody75.75@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются аспекты деятельности лагерных судов на территории Красноярского края. Впервые вводимые в научный оборот документы позволяют раскрыть вопросы, связанные с формированием кадрового состава лагерных судов, особенностями отправления правосудия данными судебными инстанциями, структурой преступности в местах заключения. Анализируются причины упразднения лагерных судов.

Ключевые слова: Красноярский край, послевоенный период, лагеря и колонии, лагерные суды, советская юстиция, сталинизм

Для цитирования: Печерский В.А. Лагерные суды Красноярского края (1945–1954 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 134–142. doi: 10.17223/15617793/510/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/14

Prison camp courts of Krasnoyarsk Krai (1945–1954)

Vladimir A. Pecherskiy¹

¹ Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russian Federation, volody75.75@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to analyze the features of personnel formation and study the activities of prison camp courts in Krasnoyarsk Krai from their creation in 1945 to their abolition in 1954. The source base for the study was documents from the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Socio-Political History, which were introduced into scientific discourse for the first time. Krasnoyarsk Krai was the location of a large number of prison camps and colonies, and three prison camp courts were initially organized there: the Krasnoyarsk Department of Correctional Labor Camps and Colonies (UITLiK) in Krasnoyarsk; the Krasnoyarsk Correctional Labor Camp (Kraslag) in Kansk; the Norilsk Correctional Labor Camps and Colonies (Norillag) in Norilsk. In 1951, another prison camp court was organized under the management of the Yeniseistroi of the USSR Ministry of Internal Affairs. The natural and geographical conditions of the region created serious obstacles to the organization of the activities of judicial bodies, including prison camp courts. It was difficult to transport the defendants from the crime scene to the location of the prison camp court. The distances from most of the prison camp sites to Krasnoyarsk, Kansk or Norilsk were hundreds of kilometers. The formation of the personnel of the prison camp courts was hampered by the lack of specialists with higher and secondary legal education. The newly appointed chairmen of the courts were given the right to choose their own subordinates; however, both leaders of the regional department of the People's Commissariat of Justice and the chairman of the regional court did not help them, since they did not have available personnel. The personnel issue of the prison camp courts of the region was resolved only with the help of the People's Commissariat of Justice of the USSR, whose auditor appointed members of the prison camp courts in an appearance order. The most common crime among prisoners was escape. The small number and poor training of guards contributed to the growth of this type of crime. The number of escapes decreased significantly after the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated March 27, 1953, as a result of which the number of prisoners decreased. The prison camp courts had to deal with a large number of cases of banditry. In the post-war period, places of detention were engulfed by a wave of violence: many prisoners were injured or died, so the courts acted extremely harshly towards camp bandits. Prison camp courts were abolished on April 29, 1954. Being created in a hurry, they did not solve their tasks. Trials revealed conditions that led to crimes, but camp administrations did not have resources to overcome these shortcomings.

Keywords: Krasnoyarsk Krai, post-war period, camps and colonies, camp courts, Soviet justice, Stalinism

For citation: Pecherskiy, V.A. (2025) Prison camp courts of Krasnoyarsk Krai (1945–1954). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 134–142. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/14

В конце Великой Отечественной войны в СССР были учреждены лагерные суды, юрисдикция которых распространялась на заключенных лагерей и колоний, вольнонаемных сотрудников мест заключения и бойцов лагерной охраны. Истории лагерных судов посвящена девятая

глава монографии Г.М. Ивановой [1. С. 371–397], монография и статьи Д.Н. Шакаревского [2–5].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в Красноярском крае, как Сибирском регионе, размещалось большое количество мест заключения, где

содержалось значительное число заключенных, а вольнонаемные сотрудники лагерей и колоний и бойцы охраны составляли довольно существенный процент населения в некоторых районах края.

Такие вопросы, как формирование кадрового состава лагерных судов края, структура преступности в лагерных подразделениях, особенности функционирования лагерной юстиции, исходя из географических и климатических особенностей Красноярского края оставались вне сферы внимания ученых.

Источниковой базой исследования являются документы из Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории. Фонды архивов включают: делопроизводственную документацию лагерных судов, отчеты о работе этих судебных инстанций, переписку с коллегией лагерных судов Верховного суда СССР и управлением лагерных судов Наркомата, а затем Министерства юстиции СССР. Информация, содержащаяся в документах, позволяет составить целостную картину различных аспектов деятельности лагерных судов.

Данные судебные инстанции создавались для подавления волны преступности, борьбы с нарушениями режима в местах заключения и установления единства судебной практики по делам этой категории. Цель нашей статьи – выяснить, насколько успешно были решены данные задачи.

История лагерных судов начинается с Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. «Об организации лагерных судов» [6. Л. 2]. Фактическое же их создание началось 16 апреля 1945 г. – в этот день нарком юстиции СССР Н.М. Рычков подписал приказ об организации специальных лагерных судов для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД. Согласно приказу, намечалось создать 105 лагерных судов [6. Л. 2].

В пределах Красноярского края предполагалось организовать три таких суда:

1. В Красноярске при Красноярском управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК). Данное управление имело в подчинении 7 лагерных отделений: Канское, Абаканское, Качинское, Ширинское, Черногорское, Минусинское и Усинское, а также рудник «Коммунар» и спецлагеря. Отдельные лагерные подразделения находились на расстоянии 300 км от краевого центра. Добраться туда можно было только на самолете. Среднее число уголовных дел, возбуждавшихся в подразделениях Красноярского УИТЛК, составляло 50–60 в месяц. Примерно столько же дел возникало по поводу нарушений положений Указа Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» за прогулы и опоздания на работу.

2. В Канске при Красноярском исправительно-трудовом лагере (ИТЛ или Краслаге), объединявшем 5 лагерных пунктов: Канск, Нижний Ингаш, Нижняя Пойма, Тунгуск и Тугач. Каждый пункт имел свои отделения. Расстояния от отдельных пунктов до Канска

составляло 200 км. Связь с некоторыми лагерными пунктами поддерживалась частично железнодорожным, частично – гужевым транспортом. В среднем в подразделениях Краслага, возбуждалось 40–45 дел в месяц и столько же дел, по Указу от 26 июня 1940 г.

3. В Норильске при Норильском ИТЛ (Норильлаге). Норильлаг являлся самым крупным лагерным подразделением в крае. Он находился на Крайнем Севере более чем в 2 тыс. км от краевого центра. Связь с Норильском поддерживалась паромом или самолетом. Отделения Норильлага – совхозы «Шушенское» и «Таёжный» и Подтёсовское строительство, действовали на юге края. Только в этих отделениях возбуждалось 15–25 дел в месяц.

Руководить формированием лагерных судов в Красноярском крае, поручили старшему инспектору Главного управления военных трибуналов транспорта майору юстиции Лыжину [7. Л. 13].

Основной проблемой при организации трех судов был подбор кадров. В распоряжении краевого управления Наркомата юстиции РСФСР не оказалось специалистов с высшим юридическим образованием и большим стажем работы в органах правосудия. Поэтому для работы в лагерных судах предполагалось назначить специалистов из судов общей юрисдикции, адвокатов, юрисконсультов или нотариусов.

На должность председателя суда Красноярского УИТЛК предложили члена краевого суда В.Н. Лакс, работать с ней должен был народный судья Мазанов. В председатели суда Норильлага прочили юрисконсульта Норильского ИТЛ Красноусова, а в помощь ему – бывшего председателя Таймырского окружного суда Перкина. В суд Краслага назначение временно исполняющим обязанности председателя получил Л.С. Самойлов, членом суда мог стать народный судья Горохов. В перспективе суд Краслага должен был возглавить член краевого суда В.П. Осетров [7. Л. 13]. Однако первоначальные планы по формированию состава лагсудов не были реализованы, многие намеченные на должности юристы не получили назначения.

Находившиеся в стадии формирования лагерные суды края столкнулись с теми же трудностями, которые испытывали в Красноярском крае суды общей юрисдикции в процессе отправления правосудия. Огромные расстояния, суровый климат и слаборазвитые пути сообщения создавали серьезные препятствия для выездных сессий судов, доставки обвиняемых к месту судебного заседания, своевременной отправки дел в центр для пересмотра из отдельных районов Крайнего Севера.

Кадровая проблема была актуальна для судебной системы СССР в целом. С нехваткой квалифицированных юристов сталкивались все судебные инстанции в исследуемый период.

Это испытала на себе В.Н. Лакс. В докладной записке на имя начальника управления лагерных судов НКЮ СССР полковника Г.Я. Зайдина она сообщила: «По прибытии моего из Москвы 1 августа 1945 г. немедленно приступила к организации лагерного суда при УИТЛК. 5 августа, при содействии командования УИТЛК, получила помещение – две смежные комнаты в помещении УИТЛК» [7. Л. 5].

Обеспечивать правосудие помогали: работавший по совместительству бухгалтер, заведующий секретариатом, два секретаря судебного заседания, одна из которых имела опыт аналогичной работы в краевом суде, другая – незаконченное высшее юридическое образование.

Комплектование же оперативного состава вызвало серьезные трудности. Вера Николаевна получила право самостоятельно набирать членов суда из народных судей края. Среди глав первичных судебных инстанций были 10 человек, которых можно было включить в состав лагерного суда, но одни из них не имели достаточного практического опыта, на других же имелась компрометирующая информация. Также она не хотела включать в состав суда женщин.

В.Н. Лакс очень ответственно отнеслась к подбору будущих подчиненных. Так, войти в состав лагерного суда пожелал бывший член краевого суда Елагин. Несмотря на то что последний состоял в ВКП (б), с 1920 г. представить его кандидатуру для рассмотрения Вере Николаевне мешал тот факт, что он служил в армии А.В. Колчака в должности писаря.

Она хотела включить в состав своего суда действующего члена краевого суда Е.Р. Дунаева. Вера Николаевна предлагала заменить его женщиной-юристом, но председатель крайсуда И.В. Анипченко возражал против перевода Ефима Романовича [7. Л. 6].

Бюрократические проволочки заставили В.Н. Лакс приступить к работе, не дожидаясь окончания формирования вверенного ей судебного органа. 15 августа 1945 г. она начала прием и рассмотрение дел. С 15 августа по 1 сентября 1945 г. в лагерный суд поступило 7 уголовных дел на 8 человек. По ст. 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная пропаганда и агитация) – 3, по ст. 58-14 (саботаж) – 3, по ст. 59-3 (бандитизм) – 1.

6 дел она рассмотрела по существу, непосредственно в подразделениях УИТЛК. Одно дело вернула на доследование из подготовительного заседания. На срок менее 8 лет лишения свободы В.Н. Лакс осудила одного обвиняемого по ст. 58-10. К 10 годам – 3, всех их признали виновными по ст. 58-14 [7. Л. 6].

Высшую меру наказания суд применил в отношении 3 осужденных. Угроза расстрела нависла над Онищенко, получившим приговор по ст. 59-3 за убийство бригадира в лагере; Киснером, признанным виновным по ст. 58-10 «за систематическую, последовательную, целеустремленную антисоветскую агитацию на протяжении всего времени пребывания в лагере» [7. Л. 6]; Неретой, приговоренным по ст. 58-14 за побег с транзитного лагерного пункта, в прошлом осужденным военным трибуналом за измену Родине на 20 лет каторжных работ [7. Л. 6]. В сентябре 1945 г. Верховный суд СССР заменил высшую меру наказания Нерете и Киснеру 10 годами лишения свободы [7. Л. 10].

В главном судебном органе СССР наиболее тяжким сочли именно убийство, а антисоветчику и беглецу позволили жить. Советские судьи в регионах боялись обвинений в либерализме и порой выносили чрезмерно суровые приговоры, которые нередко отменяли вышестоящие инстанции.

Специфика работы в лагерном суде заключалась в том, что основную массу подсудимых составляли заключенные, нередко рецидивисты. Их преступления часто отличались особой жестокостью, они не боялись судебного преследования, работать с ними было сложно. Этим объяснялось желание В.Н. Лакс сформировать мужской коллектив – такая работа требовала внутренней силы, крепких нервов и решимости выносить без жалости самые суровые приговоры.

При этом вспомогательный состав суда подобрался чисто женский. Секретариатом заведовала Т.И. Тропина. Татьяна Ивановна родилась в 1922 г. В 1939 г. она вступила в ВЛКСМ, имела общее среднее образование и окончила 6-месячные юридические курсы. На судебной работе пребывала с 1943 г.

Секретарем судебного заседания работала М.Л. Тартацкая. Мерим Лейбовна, родилась в 1923 г. С 1941 г. она являлась членом ВЛКСМ, имела общее среднее образование и окончила юридическую школу. В судебных органах работала с 1944 г.

Еще одним секретарем судебного заседания была Н.Н. Николаева, 1921 г. р. Надежда Николаевна вступила в комсомол в 1940 г. Она получила высшее педагогическое образование, а на судебной работе являлась новичком.

По совместительству работали бухгалтер К.Ф. Косова и машинистка Ф.М. Пудовкина [8. Л. 26].

Принятые на работу в суде девушки имели приличный по тем временам уровень образования и большинство из них – некоторый опыт работы в судебных органах. Вера Николаевна проделала немалую работу, чтобы сформировать коллектив секретарей, который обеспечил бы полноценную поддержку работы вверенного ей судебного органа.

1 июня 1945 г. начал действовать преобразованный из постоянной сессии краевого суда при Краслаге лагерный суд Красноярского ИТЛ. Исполняющим обязанности председателя назначили бывшего председателя постоянной сессии Л.С. Самойлова. Майор Лыжин обвинил Лазаря Степановича в том, что он не принимал мер к укомплектованию суда как оперативными работниками, так и техническими сотрудниками, поэтому кроме председателя в штате на 25 июня был только секретарь [9. Л. 1].

Л.С. Самойлов ответил на это, что назначение он получил 29 апреля 1945 г., но лишь в начале июня установили, где и как должен быть организован лагерный суд. С 29 апреля до 1 июня он рассматривал дела от имени краевого суда. В одиночестве Лазарь Степанович в июне-июле 1945 г. рассмотрел 66 дел, из 76, поступивших в новый суд. Председатель посетовал на то, что нарушения сроков рассмотрения дел нельзя было избежать, когда работал только один член суда, так как комбинировка в подразделения Краслага занимала от 5 до 10 дней [9. Л. 3].

Лазарь Степанович столкнулся с теми же трудностями, что и В.Н. Лакс, – острым дефицитом кадров. На 1 июня 1945 г. кроме него в суде работала только секретарь судебного заседания Окладникова, занимавшая ту же должность еще в составе сессии. В июле

1945 г. Л.С. Самойлов принял на работу секретарей судебного заседания Глушкову и Янченко, причем последняя только училась работать на пишущей машинке. В канцелярской работе, а тем более судебной, оба секретаря не имели никакого опыта.

Решая проблему подбора технических работников суда, Лазарь Степанович обратился в отдел кадров Краслага и в мобилизационный отдел Канского горисполкома, но помощи от них не получил. Не дождался он содействия и в наборе судей. Начальник краевого УНКЮ Болденков и председатель краевого суда И.В. Анипченко предложили Самойлову самостоятельно выбирать себе подчиненных. Наконец он представил на утверждение потенциальных членов лагерного суда: адвоката Казанцева и народных судей: из Канска – Грозную, и из Тасеевского района – Матуль. Однако УНКЮ не соглашалось на перевод в лагерный суд народных судей, ссылаясь на их нехватку [9. Л. 4–5].

В Канске подобрать технических работников было не так просто, как в краевом центре. По причине малочисленности населения по сравнению с Красноярском, уровень образования которого уступал таковому в центре, выбор кандидатур на секретарские должности был невелик. Набор же судей сталкивался со стандартными для новых судебных инстанций препятствиями.

Серьезной проблемой в работе суда являлось рассмотрение дел с участием сторон. В июне 1945 г. Л.С. Самойлов рассмотрел лишь 3 дела с участием прокурора и адвоката. Объяснялось это тем, что адвокаты отказывались участвовать в процессах, проходивших за пределами Канска, поскольку не могли получить гонорар с клиентов-заключенных и, таким образом, теряли время и деньги и несли лишние расходы на поездки. Особые трудности это вызывало при рассмотрении групповых дел, где имелись противоречия между обвиняемыми, и требовалось участие нескольких адвокатов [9. Л. 3].

Преобразовать постоянную сессию краевого суда в отдельную судебную инстанцию оказалось не так просто. Объем работы у Лазаря Степановича существенно возрос, поскольку теперь приходилось рассматривать не только дела, которые раньше поступили бы в постоянную сессию, но и в народные суды. Потребовалось расширить штат, что было ему не по силам.

В дело пришлось вмешаться ревизору управления лагерных судов НКЮ СССР И. Повху. Он подобрал кандидатуру члена суда при Краслаге. Работать под началом Л.С. Самойлова стал А.Т. Петров, до того бывший народным судьей в Советском районе Красноярского края. Его общее образование ограничивалось 6 классами средней школы, а в 1940 г. он окончил одногодичную юридическую школу в Красноярске, что, с переходом на двухлетнее обучение в юридических школах в 1939 г., приравнивалось к курсовой подготовке.

Для лагерного суда Красноярского УИТЛиК И. Повх, по согласованию с крайкомом, предложил кандидатуру народного судьи Сталинского района Красноярска А.Я. Вотинова, выпускника юридических курсов, работавшего на судейской должности с 1943 г.

Ревизор помог сформировать и суд при Норильлаге; в его состав вошли в качестве председателя

Горохов – бывший председатель постоянной сессии Таймырского окружного суда при Норильлаге, и члена суда – Перкин [9. Л. 30].

Фактически подбор персонала для лагерных судов оставили на усмотрение их председателей. Те же могли только просить предоставить им сотрудников из других судов. Но органы юстиции на местах и руководство судебных инстанций делали это неохотно, поскольку на место выбывших судей приходилось искать замену, а при острой нехватке квалифицированных кадров, сделать это было непросто. Поэтому для формирования лагерных судов потребовалось вмешательство союзного Наркомата юстиции.

Кадровый вопрос постепенно вошел в норму. С ноября 1948 г. суд Краслага возглавлял А.А. Савинков, окончивший в том же году Всесоюзный заочный юридический институт (ВЮЗИ). Член суда с ноября 1949 г. А.М. Брюханов в июне 1949 г. закончил заочное обучение в Иркутской юридической школе и отправился в Иркутск для сдачи государственных экзаменов.

Александр Михайлович оценивался своим начальником не слишком лестно. А.А. Савинков отмечал: «Брюханов работу в лагерном суде освоил, проявляет старание в рассмотрении судебных дел, но по некоторым делам испытывает затруднения, потому что он еще недостаточно юридически грамотен, хотя и освоил юридическую школу, но ему необходимо систематически повышать юридические знания, и в будущем году поступать в ВЮЗИ. В результате недостаточной юридической грамотности, Брюханов, при рассмотрении дел, допускает нарушение процессуальных и материальных законов. По этой причине Верховным судом СССР отменены во 2 полуг. 1949 г. 2 его приговора в отношении 12 чел.» [9. Л. 150]. Для судьи-новичка с неоконченным средним образованием такое состояние дел являлось естественным. А.М. Брюханову только предстояло стать квалифицированным юристом.

Проблема получения не только юридического, но и общего образования стояла перед многими судебными работниками. Наличие семьи, большая загруженность на работе и другие обстоятельства мешали им повысить свой профессиональный и общеобразовательный уровень.

Позднее встал вопрос об организации в крае четвертого лагерного суда. Причиной этого являлись все те же природно-географические условия региона. В ведении суда Красноярского УИТЛиК находилось управление «Енисейстрой» МВД СССР с 37 подчиненными ему лагерными подразделениями, расположенными на большом расстоянии друг от друга.

Ревизор управления лагерных судов МЮ СССР Синельников привел аргументы в пользу образования нового суда. Члены суда УИТЛиК Мельниченко и Чепилов были тяжело больны, поэтому нуждались в длительном лечении. В 1949 г. в производстве этого суда находилось 382 уголовных дела, в 1 квартале 1950 г. туда поступило 177 дел, по прогнозам за весь год могло поступить 700 дел. По мнению ревизора, даже значительное увеличение штата суда не позволило бы ему справляться со всем объемом работы. Поэтому следовало организовать лагерный суд Енисейстроя в составе

председателя, заместителя председателя, 4 судей, начальника канцелярии, 4 секретарей судебных заседаний, секретаря-машинистки, бухгалтера-статиста и курьера-уборщицы. Всего 14 чел. [10. Л. 23–24]. Предполагаемый штат суда говорил о количестве дел, возбуждавшихся в подразделениях Енисейстроя.

Вопрос об организации суда Енисейстроя неоднократно ставился в дальнейшем. На эту проблему несколько раз обращали внимание прокуратура Енисейстроя и командование этого управления. Основным мотивом организации суда называлась величина объединения, которому подчинялись более десятка горно-промышленных управлений, расположенных в разных частях края. Каждое управление имело по 2–3 лагерных пункта. Больше половины управлений обслуживались поселками, куда въезд посторонним лицам запрещался [11. Л. 134].

Руководство Енисейстроя, считало: их управление представляло собой маленькое «государство в государстве», которому полагался собственный суд. Были заинтересованы в создании этого судебного органа и члены суда Красноярского УИТЛиК – это сняло бы с них значительную часть нагрузки.

Размеры будущей подсудной территории и необходимость сохранения секретности в конце концов убедили МЮ СССР, и министерским приказом от 24 июля 1951 г. самостоятельный суд Енисейстроя учредили в составе 10 штатных единиц [11. Л. 137].

Усилия по организации нового суда увенчались успехом. Однако его штат не отвечал первоначальным запросам, поскольку подбор персонала вызывал серьезные трудности, о чем говорилось выше.

Наиболее распространенным преступлением среди заключенных являлись побег. С 15 августа 1945 г. по 20 февраля 1946 г. в суд Красноярского УИТЛиК поступило 38 дел на 42 чел. совершивших побег. По ст. 58-14 УК РСФСР судили 33 чел., по ст. 82. Ч. 1 (побег арестованного из-под стражи или места заключения) – 9 чел., с вынесением приговора суд рассмотрел 37 дел. На срок 8–10 лет осудили 22 чел., от 5 до 8 лет – 8 чел., менее 5 лет – 2 чел. Одного осужденного приговорили к высшей мере наказания, но расстрел ему заменили на 10 лет заключения [9. Л. 79–80].

Статьи, по которым возбуждались дела против беглецов, показывают, что бежали чаще всего рецидивисты, именно их судили по более «тяжелой» ст. 58-14. Из 42 обвиняемых было 36 мужчин и 6 женщин. 9 осужденных совершили побег повторно. 4 побега являлись групповыми, из них 2 совершили из зоны лагеря ночью, со взломом заграждения.

В.Н. Лакс пришла к выводу: причиной успешных побегов являлась недостаточная численность охраны и ее недисциплинированность. Так, заключенный Ладейской колонии Панков свободно прошел через вахту во время дежурства стрелка Пелушенко. Кузина бежала с объекта работ подсобного хозяйства отдельного лагерного пункта, после того как конвоир отправил ее сдать сбор шиповника в аптеку. Рубцов вместе с конвоирами отправился из Берёзовской колонии в Красноярск за запасными частями. Они зашли в квартиру

осужденного, там выпили и легли спать, и заключенный, воспользовавшись пьяным сном своих охранников, скрылся [9. Л. 79–80].

Охрана мест заключения была серьезно ослаблена в военные годы. Вследствие огромных потерь Красной армии в 1941–1942 гг. со стрелков военизированной охраны снимали бронь, и они пополняли ряды защитников Родины. Их место занимали более старшие призывники, часто плохо обученные и морально неустойчивые. Поэтому заключенным не приходилось строить хитроумные планы побега, они пользовались ротозейством людей, призванных их охранять.

В первом квартале 1949 г. лагерный суд УИТЛиК Красноярского края рассмотрел 25 дел о побегах на 32 чел. 1 дело отправили по подсудности в другой суд. 3 дела на 3 чел. возбудили против беглецов из других лагерей, задержанных на территории края. Из общего числа осужденных за побег 7 осудили по ст. 82, 25 – по ст. 58-14.

Большинство осужденных за побег являлись особо злостными рецидивистами. Так, некий Чикарёв, признанный виновным линейным судом железнодорожного транспорта в крупном хищении товаров из вагонов, отбывая наказание в Бородинском отдельном лагерном пункте, совершил побег, но был пойман в 100 м. от места совершения побега. Короткое пребывание на воле стоило Чикарёву еще 6 лет лишения свободы. Всего же ему пришлось пробыть за решеткой 25 лет.

В отношении 4 подсудимых суд переквалифицировал обвинения со ст. 58-14 на ст. 82. Переквалификация произошла потому, что 2 подсудимых являлись несовершеннолетними, 2 других отбывали наказание за мелкие кражи. К 2 подсудимым суд применил максимальную меру наказания – 25 лет лишения свободы. Одного из них, Сёмочкина, еще в 1947 г. осудили по ст. 58-3 (сношения с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью их склонения к вооруженному вмешательству в дела Республики, объявлению ей войны или организации военной экспедиции) на 25 лет лишения свободы. 3 июля 1948 г. он бежал. Находясь в бегах, Сёмочкин украл ружье и ограбил частную квартиру, угрожая ружьем хозяину. За побег его осудили на 25 лет лишения свободы, а за ограбление – на 5 лет [12. Л. 56–59].

Причины побегов были все те же: непрофессионализм охраны. Однако этому вопросу уделили достаточно внимания, и количество побегов в 1949 г. сократилось. В третьем квартале 1948 г. лагерный суд осудил за это преступление 52 чел., в четвертом квартале 1948 г. – 55, в первом квартале 1949 г. – 19 чел. [12. Л. 56]. Охрана лагерей предприняла меры, чтобы максимально затруднить заключенным возможность побега, но не изжила до конца это явление.

В суде Норильлага во 2 полугодии 1948 г. и первом квартале 1949 г. находилось 74 дела о побегах. За этот период осудили 124 чел. К 25 годам лишения свободы приговорили 18 чел., сроки заключения 20–25 лет получили 4, 15–20 лет – 6 чел., 10–15 лет – 3, 10 лет – 69, 8–10 лет – 6, 5–8 лет – 7, на 5 лет – 5, менее 5 лет – 6.

107 осужденных получили поражение в правах. К сроку свыше 10 лет обычно приговаривали тех, кто помимо ст. 58-14 привлекался и по другим статьям [13. Л. 79].

Часть беглецов совершали преступления либо при побеге, либо на свободе. Для выживания им необходимы были средства, которые, как правило, добывались незаконным путем.

В основном побег совершали те, чей срок заключения был велик, а до освобождения оставалось много лет. Во втором полугодии 1948 г. и за первый квартал 1949 г. основное количество беглецов составляли осужденные в 1947–1948 гг. на 10 лет лишения свободы и более крупные сроки. В большинстве случаев побег совершался с объектов работ, поскольку бригады заключенных охранял слишком малочисленный конвой [13. Л. 80].

За первые 9 месяцев 1952 г. в суд Красноярского УИТЛК поступило 32 дела о побеге, по ст. 58-14 – 13, по ст. 82 – 19. В остатке на 1 января 1952 г. оставалось 4 дела (2 – по ст. 58-14, и 2 – по ст. 82). В начале 1950-х гг. число дел о побеге неуклонно сокращалось (табл. 1).

Таблица 1

Количество дел о побеге, поступивших в суд Красноярского УИТЛК [14. Л. 60]

Статья	Год	1 кв.	2 кв.	3 кв.	Всего
58-14	1950 г.	23	25	46	94
	1951 г.	12	12	12	36
	1952 г.	3	2	8	13
82 ч. 1	1950 г.	15	15	28	58
	1951 г.	12	14	12	38
	1952 г.	8	6	5	19

Всплеск побегов отмечался в третьем квартале, когда стремление вырваться на свободу особенно усиливалось с наступлением лета. Само же количество самовольных оставлений мест заключения сокращалось, что свидетельствовало об улучшении работы охраны. Стрелки ВОХР выросли как профессионалы и стали более ответственно относиться к своим обязанностям. Также стали чаще задерживать беглецов по горячим следам, что убеждало других заключенных в бесполезности побегов.

К сожалению, в источнике нет данных о числе побегов в четвертом квартале. Это не позволяет указать полное количество таких преступлений за год.

Число побегов сокращалось и в подразделениях Краслага, в 1952 г. в лагерный суд поступило 63 дела о побеге, из них по ст. 58-14 – 46, по ст. 82 – 17. Количество дел о побеге за первые 3 квартала в 1953 г. приведено в табл. 2.

Таблица 2

Количество дел о побеге, поступивших в суд Красноярского ИТЛ [15. Л. 50]

1 кв. 1953 г.		2 кв. 1953 г.		3 кв. 1953 г.	
Ст. 58-14	Ст. 82 ч. 1	Ст. 58-14	Ст. 82 ч. 1	Ст. 58-14	Ст. 82 ч. 1
12	6	3	1	10	3

Из общего количества таких дел суд Краслага рассмотрел по существу, с вынесением приговоров 29, в подготовительном заседании прекратили 4 дела. Всего за первые 3 квартала 1953 г. осудили 44 заключенных,

из них по ст. 58-14 – 37, по ст. 82 – 7. За тот же период 1952 г. осудили 77 чел., по ст. 58-14 – 58, по ст. 82 – 19 чел. [15. Л. 50].

Наряду с уменьшением количества дел о побеге в 1,7 раза уменьшилось и число заключенных, которых осудили за это преступление по сравнению с 1952 г., т.е. численность осужденных превышала количество побегов, что говорило о сокращении групповых побегов.

Значительному сокращению числа побегов способствовал Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 г., благодаря исполнению которого многие узники вышли на свободу, а у подавляющего большинства оставшихся в лагерях и колониях сроки заключения сократились вдвое.

В 1953 г. по решению Правительства производственные функции от Краслага передали Министерству лесной и бумажной промышленности, что также позволило сократить количество побегов [15. Л. 54].

Места заключения освобождались от несвойственных им функций, это позволяло охране и администрации выполнять свои обязанности более успешно, не отвлекаясь на организацию производства, а сократившееся количество сидельцев помогло уделять надзору за каждым больше времени и сил.

Серьезным фактором, дестабилизировавшим обстановку в местах заключения, являлся лагерный бандитизм. В послевоенный период лагерные подразделения по всей стране охватила волна насилия. В конфликтах между собой заключенные получали увечья и нередко погибали.

В 1946 г. и в первом квартале 1947 г. по делам о бандитизме суд Красноярского ИТЛ осудил 29 чел., из них в возрасте до 20 лет – 7, 20–25 лет – 5, 25–30 лет – 8, 30–35 лет – 6, от 36 и старше – 3 чел. 25 чел. ранее судили за кражи, грабежи и хулиганство, 10 – за бандитизм, 4 – за убийство, 14 – по ст. 58-1 (недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся измене) и 58-10, 5 – за военные преступления. 5 осужденных за бандитизм ранее приговорили к смертной казни, которую затем заменили на 10 лет лишения свободы. У 2 лагерных бандитов было по 8 судимостей, у 14 – 5–6 судимостей, у прочих – по 3–4 судимости [16. Л. 70].

За первое полугодие 1947 г. суд Красноярского ИТЛ рассмотрел 12 дел, возбужденных по ст. 59-3, по которым осудил 28 чел., из них 9 – к высшей мере наказания. Двоим, смертную казнь Верховный суд СССР заменил на 25 лет лишения свободы.

По одному делу к смертной казни приговорили Марию Жмыхову, и на 10 лет лишения свободы – Екатерину Мельник. В их бараке организовали танцы для заключенных, во время которых Жмыхова два раза ударила ножом бригадира женской бригады; когда та упала, Мельник нанесла ей еще несколько ударов, и женщины покинули помещение. Вернувшись через несколько минут, Мария, увидев, что бригадир жива, стала избивать ее ногами и бить ножом, пока та не умерла. Свой поступок Жмыхова, до того неоднократно судимая по ст. 59-3, объяснила так: «нам скучно без приключений, ну и что с нами делать?» [16. Л. 39].

Нахождение большого количества людей в замкнутом пространстве, помноженное на личную ненависть,

привело к кровавым инцидентам. Попытки сгладить ситуацию, организовав досуг заключенных, успеха не имели.

Опасались за свою жизнь не только заключенные. В подразделениях Краслага в первом полугодии 1947 г. имели место 2 случая, когда узники избили надзирателей железными прутьями. Пострадали трое сотрудников охраны, одному из них сломали руку [16. Л. 39].

Лагерный бандит представлял собой в среднем молодого мужчину, которого, несмотря на короткую жизнь, часто судили, как правило, за насильственные преступления. Такие люди не выказывали ни малейших признаков к исправлению, и лагерной администрации оставалось только подавлять их.

Это подтверждают характерные примеры из практики лагерного суда. В первом квартале 1946 г. к расстрелу была приговорена В.И. Егорова 1913 г. р. Имевший 7 судимостей Егоров, находясь в отдельном лагерном пункте (ОЛП)-1 Краслага, вооружившись топором, ночью вошел в барак и зарубил Конькова, который, по его словам, не отдавал долг. Во втором квартале 1946 г. высшую меру наказания получил судимый 5 раз Хайрул Хисматулин 1919 г. р. Отбывая наказание в штрафном лагерном пункте он на производстве зарубил топором заключенного Арботмана. Причины этого убийства выяснить не удалось. Ранее дважды судимого М.Я. Залозных осудили в первом квартале 1947 г. по ст. 59-3 к высшей мере наказания за то, что он убил заключенную Девяшину, не ответившую на его ухаживания.

Причинами, способствовавшими совершению насильственных преступлений, суд назвал то, что штрафной лагерный пункт не был приспособлен для содержания склонных к насилию узников. Штрафные изоляторы тоже не отвечали этим требованиям. Охрана редко проводила поголовные обыски с целью изъятия предметов, использовавшихся как оружие. Недокомплект охраны заставлял администрацию обращаться за помощью к заключенным, из которых набирались так называемые самоохранники, довольно ненадежный элемент. Вызывало опасения у суда и то, что в охране служили репатрианты [16. Л. 72–73]. Охрана не справлялась с локализацией насилия в местах заключения, поскольку ее численность и уровень подготовки не соответствовали стоявшим перед ней задачам.

Рост бандитизма объяснялся тем, что осужденные на сроки 20–25 лет за новые преступления, по существу, оставались без наказания. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. смертная казнь была отменена. 12 января 1950 г. вышел Указ ПВС СССР, который восстановил высшую меру наказания по отношению к изменникам Родины, шпионам и подрывникам-диверсантам. Лагерным бандитам расстрел по-прежнему не грозил.

Также в этот период обострилась борьба между различными группировками заключенных. Осужденный на 20 лет заключения Цицкиев сколотил банду в ОЛП-13 и 24 января 1951 г. с подельниками ворвался в барак, где они убили 6 спавших сидельцев. 4 осужденных по этому делу суд Енисейстроя приговорил к

25 годам лишения свободы, 2 получили по 10 лет лишения свободы. Из того же самого ОЛП-13 поступило дело на 12 чел., которые, вооружившись палками, избили воров-рецидивистов, а одного убили [17. Л. 23–24].

Заключенные объединялись в банды и для того, чтобы грабить других узников. 24–25 октября 1951 г. суд Енисейстроя рассмотрел дело банды А.П. Закаидзе, родившегося в 1929 г. в Тбилиси. В свою кампанию Закаидзе привлек: А.Р. Пучилина 1928 г. р.; М.Д. Прибылова 1927 г. р.; В.Д. Рачкова 1928 г. р.; Г.О. Корыстелева 1923 г. р.; В.А. Глазкова 1931 г. р.; М.Г. Артамонова 1926 г. р.; В.С. Силаева 1929 г. р. и А.Е. Романова 1921 г. р.

Молодые люди, отбывавшие наказание в ОЛП-14, отнимали вещи и продукты у заключенных. В октябре 1950 г. Закаидзе отнял джемпер, костюм и рубашки у Симагулина, после чего избил его. В марте 1951 г. он отобрал у Конарчука сапоги и 65 рублей и побил его. В том же месяце его жертвой стал Сыропятов, лишившийся брюк и временно потерявший трудоспособность после избиения. Будучи бригадиром, Закаидзе обложил денежным оброком членов своей бригады.

От безнаказанности тбилисец обнаглел и в начале мая 1951 г. пьяном виде явился к начальнику ОЛП-14 Кустову, оскорблял его и угрожал, за что был водворен в штрафной изолятор. Такого унижения «авторитет» снести не мог, членам банды из застенков пришлось задание – поджечь клуб-столовую. В ночь на 18 мая 1951 г. Артамонов, Пучилин, Рачков и Глазков исполнили приказ, в результате пожара государству был причинен ущерб на 147 682 руб. 79 коп.

Закаидзе по ст. 59-3 получил 25-летний срок заключения, а за грабежи – 20-летний. Общее наказание составляло 25 лет лишения свободы, поскольку большее поглотило меньшее. Его пособников наказали сроками от 10 до 20 лет [17. Л. 96–99].

Слабый контроль администрации за ситуацией в лагерных пунктах порождал такие случаи. Наиболее наглые и развязные заключенные, которым нечего было терять, брали власть, в свои руки, запугивая других сидельцев. А упразднением смертной казни способов воздействия на таких смутьянов, по сути, не было.

Таблица 3

Количество дел о бандитизме, поступавших в суд Красноярского УИТЛК [14. Л. 75]

Статья	Год	1 кв.	2 кв.	3 кв.	Всего
59-3	1950	22	18	31	71
	1951	17	12	10	39
	1952	11	8	16	35

Число дел о бандитизме снижалось (см. табл. 3), что говорило и об усилении контроля со стороны администрации за положение в лагерных подразделениях и о хорошей работе лагерного суда.

Жертвами бандитов становились и те заключенные, которые нарушали законы преступного мира. Отбывавший наказание в Черногорском ИТЛ Стручков 5 января 1952 г. ударом топора по голове убил работавшего десятником Михайлова, после чего отрубил голову, завернул ее в бушлат и, принеся на вахту, вручил надзирателю, сообщив, что, поскольку Михайлов порвал с преступным

миром и стал работать десятником, ему «не положено было жить». Суд Красноярского УИТЛК осудил Стручкова на 25 лет заключения в ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Первые 5 лет он должен был находиться в тюрьме [14. Л. 78].

В том же лагере прибывший в штрафное отделение Хаметзянов решил установить свою власть над другими узниками, но там властвовал Тетерин. 3 мая 1952 г. Хаметзянов убил соперника тремя ударами топора по голове. Это стоило ему 25 лет лишения свободы [14. Л. 78].

Черногорский ИТЛ представлял собой крайне беспорядочное место. В 1952 г. там во время массовых беспорядков погибли 12 чел., а 9 получили тяжелые ранения. В ходе судебного заседания, где допросили 70 свидетелей, не установили ни одного из тех, кто принимал участие в убийствах и избиениях. Многие заключенные и даже надзиратели изменили показания, боясь мести. В суде в таком положении вещей обвинили администрацию лагеря, и часть работников понесли наказание [14. Л. 78].

Охрана не успевала вовремя пресекать такие деяния, и суду приходилось бороться с бандитизмом уже постфактум. Подобное положение вызывало раздражение у судей – бессилие охраны прибавляло им работы.

За первый–третий кварталы 1952 г. суд Красноярского УИТЛК рассмотрел 14 дел о групповых актах бандитизма и осудил по ним 45 чел.; по одиночным актам – 21 чел. В суде установили: бандиты предпочитали душить своих жертв подручными средствами (портянка, полотенце и др.), для совершения такого преступления требовалось не менее двух человек. Групповые удушения часто происходили в ШИЗО, СИЗО и бараках пересыльных пунктов.

4 осужденных за бандитизм не достигли возраста 18 лет, 19 – были в возрасте 18–20 лет, 32 – 20–25 лет, 5 – 25–30 лет, 4 – 30–40 лет, 2 – старше 40 лет. 21 осужденный за бандитизм имел до того одну судимость, 30 – 2 судимости, 12 – 3 судимости, 2 – 4 судимости, 1 – 5 судимостей. Одного осужденного, ранее судили за «контрреволюционные» преступления, 2 – за убийство, 13 – за хулиганство, 25 – за хищения социалистической собственности, 32 – за хищения личной собственности, 10 – за побег, 3 – за изнасилования, 9 – за бандитизм. Суд выяснил – эти данные не вполне точны, некоторым осужденным удалось скрыть свои судимости [14. Л. 81–83]. Плохо организованный документооборот позволял узникам утаивать о себе важные сведения, и лагерная администрация порой не знала, чего ожидать от того или иного сидельца.

В подразделениях Красноярского УИТЛК за первый–третий кварталы 1952 г. зафиксировали 17 случаев бандитских нападений группами и в одиночку с помощью самодельного холодного оружия – ножей, пик, штырей, в 8 случаях вооружались орудиями труда – топорами, ломами, кувалдами, в 10 – душили полотенцами, портянками, нательным бельем, в одной случае убийство совершили деревянным брусом.

Убийства часто отличались особой жестокостью. Так, Гусев убил Гушина, нанеся ему 17 ранений металлической пикой в область груди и сердца. Пшенников прикончил Тупикина, входившего во враждебную

группировку, причинив ему 12 ножевых ран. Красильников и Положенцев задушили полотенцем Королёва, содержавшегося вместе с ними в камерном бараке.

14 убийств совершили по мотивам принадлежности жертв к враждебной группировке, 5 – из личной неприязни, 12 – из мести за выполнение заключенным административных функций, 1 – в результате разбойного нападения, 1 – в борьбе за лидерство, 2 – после проигрыша в карты. Всего жертвами бандитских нападений и убийств являлись 59 заключенных [14. Л. 84].

Ни один заключенный не мог чувствовать себя в безопасности. Принадлежность к какой-либо группировке, сотрудничество с администрацией или даже простая ссора с другим узником могли стоить ему жизни. В местах заключения фактически шла война между членами разных банд, «правильными» заключенными и теми, кто шел на сотрудничество с администрацией. Масштабы этой бойни были столь велики, что остановить ее оказалось крайне сложно.

Суд установил, что и в транзитно-пересыльном отделении Красноярского УИТЛК условия содержания способствовали бандитским нападениям. Это отделение не подготовили надлежащим образом к приему этапов. Оно не имело отдельных зон, где можно было отделить друг от друга представителей враждующих группировок. Оперативная часть не выясняла, к каким группировкам относятся заключенные, поэтому относившиеся к враждебным сообществам сидельцы оказывались в одной камере. Плохо организовали и профилактическую работу, что не позволяло выявлять такие преступления на стадии замысла. Надзирательский состав не укомплектовали полностью, а имевшиеся сотрудники были слабо подготовлены. И здесь обыск заключенных, при вводе их в зону лагеря с объекта работ, проводился недостаточно тщательно [14. Л. 84–85].

В местах заключения кровопролитие не являлось чем-то из ряда вон выходящим, там господствовало право сильного. Заключенные «исповедовали» особую систему ценностей, нарушители которой, в их представлении, подлежали уничтожению. Рассматривая такие дела, суд был вынужден признать – администрация слабо контролировала ситуацию и не справлялась с волной бандитизма.

Лагерные суды упразднили Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1954 г. 5 мая 1954 г. Министерство юстиции СССР издало приказ о передаче дел лагерными судами, судам общей юрисдикции [18. Л. 22].

Эти инстанции создавались в спешке, они фактически являлись «бедными родственниками» советской юстиции, кадры для них подбирались по остаточному принципу. Число лагерных судов рассчитали «спустя рукава», без учета особенностей того или иного региона, поэтому приходилось создавать новые суды с целью разгрузки старых. В ходе судебных процессов выявлялись условия, приводившие к преступлениям, однако администрации лагерей не располагала ресурсами для преодоления этих недостатков. Поэтому не приходилось ждать от лагерных судов решения задач, ставящихся перед ними.

Еще в 1949 г. председатель Верховного суда СССР А.А. Волин признал неэффективность лагерных судов и их инородность в советской судебной системе. По его словам, «при существующем положении, когда нет стройной судебной системы по рассмотрению дел о преступлениях, совершенных в лагерях, и нет единой подсудности, нарушается единство судебной практики, создается путаница в разрешении дел и не

обеспечивается эффективность в борьбе с преступностью» [19. Л. 4–5].

В Красноярском крае учреждение лагерных судов, не помогло решить проблему с огромными расстояниями между местами совершения преступлений и местом нахождения судебных инстанций.

Исходя из этого, лагерные суды упразднили и их функции передали судам общей юрисдикции.

Список источников

1. Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 415 с.
2. Шкаревский Д.Н. Органы лагерной юстиции в СССР (1934–1956 гг.): историко-правовой анализ. Брянск : МОО «ИС», 2021. 254 с.
3. Шкаревский Д.Н. О некоторых особенностях функционирования лагерных судов во второй половине 1940-х гг. – начале 1950-х гг. // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2021. Вып. 4. С. 98–103.
4. Шкаревский Д.Н. Аномалии в деятельности лагерных судов // Lex russica. 2021. Т. 74, № 1. С. 82–93.
5. Шкаревский Д.Н. Кадровый состав лагерных судов в 1944–1956 гг. в СССР // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 496–507.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9492. Оп. 4. Д. 1.
7. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 19.
8. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 769.
9. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 51.
10. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 350.
11. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 390.
12. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 252.
13. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 287.
14. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 452.
15. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 556.
16. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 162.
17. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 423.
18. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 14. Д. 632.
19. Российский архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 136. Д. 69.

References

1. Ivanova, G.M. (2015) *Istoriya GULAGa: 1918–1958* [History of the GULAG: 1918–1958]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
2. Shkarevskiy, D.N. (2021) *Organy lager-noy yustitsii v SSSR (1934–1956 gg.): istoriko-pravovoy analiz* [Camp Justice Bodies in the USSR (1934–1956): Historical-Legal Analysis]. Bryansk: MOO "IS".
3. Shkarevskiy, D.N. (2021) O nekotorykh osobennostyakh funktsionirovaniya lager-nykh sudov vo vtoroy polovine 1940-kh gg. – nachale 1950-kh gg. [On Some Features of the Functioning of Camp Courts in the Second Half of the 1940s – Early 1950s]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo*. 4. pp. 98–103.
4. Shkarevskiy, D.N. (2021) Anomalii v deyatelnosti lager-nykh sudov [Anomalies in the Activities of Camp Courts]. *Lex russica*. 74 (1). pp. 82–93.
5. Shkarevskiy, D.N. (2021) Kadrovyy sostav lager-nykh sudov v 1944–1956 gg. v SSSR [Personnel Composition of Camp Courts in 1944–1956 in the USSR]. *Vestnik arkhivista*. (2). pp. 496–507.
6. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 4. File 1.
7. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 19.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 769.
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 51.
10. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 350.
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 390.
12. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 252.
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 287.
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 452.
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 556.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 162.
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 423.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-9492. List 14. File 632.
19. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 136. File 69.

Информация об авторе:

Печерский В.А. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия). E-mail: volody75.75@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Pecherskiy, Cand. Sci. (History), leading research fellow, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: volody75.75@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 22.05.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 902
doi: 10.17223/15617793/510/15

Феномен появления круговой керамики на юге Западной Сибири в эпоху поздней бронзы*

Александр Сергеевич Федорук^{1, 2}, Илья Андреевич Савко^{3, 4}, Дмитрий Валентинович Папин^{5, 6}

^{1, 3, 5} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

^{2, 4, 6} Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

^{1, 2} fedorukas@mail.ru

^{3, 4} savko.ilia2016@yandex.ru

^{5, 6} papindv@mail.ru

Аннотация. Проведено комплексное изучение серии керамики, изготовленной на гончарном круге, обнаруженной при раскопках поселения эпохи поздней бронзы Бурла 3, в лесостепном Алтае. В результате исследования форм сосудов, их орнаментации, особенностей исходного сырья и рецептов формовочных масс, а также конструирования установлен факт миграции на территорию юга Западной Сибири и Северного Казахстана отдельных групп носителей традиций изготовления круговой керамики со стороны производственных центров Средней Азии.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Средняя Азия, степной Алтай, миграции, поселение Бурла 3, круговая керамика, формы, технико-технологический анализ

Источник финансирования: статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтнических социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

Для цитирования: Федорук А.С., Савко И.А., Папин Д.В. Феномен появления круговой керамики на юге Западной Сибири в эпоху поздней бронзы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 143–152. doi: 10.17223/15617793/510/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/15

The emergence of potter's wheel-made ceramics in the south of Western Siberia in the Late Bronze Age

Alexander S. Fedoruk^{1, 2}, Ilya A. Savko^{3, 4}, Dmitriy V. Papin^{5, 6}

^{1, 3, 5} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^{2, 4, 6} Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

^{1, 2} fedorukas@mail.ru

^{3, 4} savko.ilia2016@yandex.ru

^{5, 6} papindv@mail.ru

Abstract. This article aims to address the issue of the emergence, during the Late Bronze Age, of wheel-made pottery in the territories of Kazakhstan and southern Western Siberia. Although such pottery is scarce, it is consistently documented in the primary Sargary-Alekseyevka and Begazy-Dandybay assemblages, finding direct parallels in materials from the Central Asian region. To resolve this issue, the authors turn to the materials from the Burla 3 settlement, located in Northern Kulunda (forest-steppe Altai), where the proportion of wheel-made vessels in the ceramic collection significantly exceeds that of hand-formed pottery. Through a comprehensive study of a series of wheel-made ceramics from the settlement, an analysis was conducted of vessel forms and ornamentation, their raw materials, molding pastes, and construction techniques. The results obtained allowed for a detailed characterization of the studied ceramic series from the settlement, enabling a comparison with published materials from Kazakhstan and Central Asia. As a result, the authors conclude that the origin of wheel-made pottery at the Burla 3 settlement was local rather than the result of trade between the region's population (primarily the Sargary-Alekseyevka culture) and Central Asia. The features of the wheel-made pottery identified during the analysis, along with its abundance at the site – contrasted with its scarcity in other contemporaneous settlements

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

of southern Western Siberia and Kazakhstan – clearly indicate that the settlement's population was foreign. Thus, the emergence of wheel-made pottery in the Late Bronze Age at sites across the steppe belt of Kazakhstan and southern Western Siberia, in the authors' view, serves as a clear marker of the direct infiltration of small, distinct population groups from Central Asia who possessed the skills to produce potter's wheel-made ceramics. At the same time, the study of the wheel-made ceramic collection from the Burla 3 settlement revealed several aspects indicating the transformation of pottery traditions that had originally formed in Central Asia or Kazakhstan before their bearers migrated to the Altai region. These adaptations include the incorporation of ornamentation motifs traditional to the Late Bronze Age population of the region, the use of atypical additives in molding pastes, and innovative vessel construction techniques, such as the appearance of vessels assembled from patches and coils using a base-to-body construction method, demonstrating the adaptation of these traditions to new living conditions and surroundings.

Keywords: Late Bronze Age, Central Asia, steppe Altai, migrations, Burla 3 settlement, potter's wheel-made ceramic, forms, technical and technological analysis

Financial support: The article was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00179: Migrations and Processes of Ethnocultural Interaction as Factors in the Formation of Multiethnic Societies in the Greater Altai in Antiquity and the Middle Ages: An Interdisciplinary Analysis of Archaeological and Anthropological Materials.

For citation: Fedoruk, A.S., Savko, I.A. & Papin, D.V. (2025) The emergence of potter's wheel-made ceramics in the south of Western Siberia in the Late Bronze Age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 143–152. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/15

Введение

Завершающий этап бронзового века степной полосы Казахстана и юга Западной Сибири характеризуется интенсивными процессами культурогенеза, в результате которого складываются два значимых образования: саргаринско-алексеевская и бегазы-дандыбаевская культуры. Не вдаваясь в сложную проблематику их генезиса (чему посвящены отдельные работы), отметим, что это были мегаструктуры, объединявшие огромные пространства от Алтая на востоке до Аральского моря на западе, от границы южносибирской тайги на севере и Тяньшаньских гор на юге. При всем их многообразии, керамический комплекс имеет характеристики узнаваемые, в том числе и на периферии распространения традиций, но именно в этом однородном массиве впервые отмечен феномен керамики, изготовленной на гончарном круге. Это явление фиксируется только достаточно ограниченный период времени эпохи поздней бронзы. Исследователи по-разному оценивают данный факт, но в последнее время распространилась точка зрения, что круговая (станковая) керамика является достаточно высокой ценностью (их приходилось транспортировать на отдаленные расстояния от гончарных мастерских), и, соответственно, эти находки в погребальных комплексах и поселениях свидетельствуют об особом социальном статусе их владельцев [1].

В настоящее время исследовано два объекта, где достоверно зафиксировано «аномально» высокое содержание круговой керамики – это поселения Шагалалы II в Северном Казахстане и Бурла 3 в степном Алтае (рис. 1). Собственно, именно материалы этих двух комплексов, позволяють на наш взгляд объяснить феномен появления керамики, изготовленной на гончарном круге в культурах «степной бронзы», исходя из археологических данных. Необходимо отметить, что первооткрыватель поселения Бурла 3 В.С. Удодов, указывая, что появление в культурах степного пояса керамики, изготовленной на гончарном круге, напрямую связано с миграциями населения с юга, и в качестве доказательства своей идеи обращался к материалам Намазги VI [2].

Рис. 1. Схема предполагаемого направления распространения круговой керамики на юг Западной Сибири

Поселение эпохи поздней бронзы Бурла 3, располагается в северной Кулунде, на территории Хабарского района Алтайского края, на участке высокой террасы р. Бурла. Открыт объект был В.С. Удодовым в 1982 г., в 1983 г. им здесь был заложен разведочный раскоп площадью 8 м² [3], а в 1987–1988 гг. проводились раскопки. В 2013–2015, 2018 гг. памятник изучался экспедициями Алтайского государственного университета (Федорук А.С., Редников А.А., Папин Д.В.). В результате полевых исследований к настоящему времени вскрытая на поселении площадь составила около 1000 м², исследованы остатки семи построек и площадки с теплотехническим сооружением, связанной с изготовлением керамики, получена значительная коллекция керамики, предметов из глины, камня, кости, бронзы [2, 4–7].

С момента открытия поселение Бурла 3 стало уникальным для юга Западной Сибири объектом. Материалы раскопок 1980-х гг. позволили В.С. Удодову выделить «бурлинский тип» памятников [2], характерной особенностью которого стало сосуществование и взаимодействие двух культурно-исторических традиций,

фиксирующихся по керамическим материалам: безгазы-дандыбаевской и станковой, характерной для среднеазиатских культур времени Намазга VI [2. С. 11]. Коллекция Бурлы 3 составила основу выделенного типа памятников. Тем не менее до последнего времени материалы раскопок этого объекта полноценно не были представлены в научной литературе и оставались малоизвестными широкому кругу исследователей эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири и Казахстана. В настоящей работе представлены основные результаты комплексного изучения серии круговой посуды памятника, полученной за все годы его раскопок.

Основная часть

Хранящаяся в фондах музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета керамическая коллекция поселения Бурла 3 состоит из 12 810 единиц. Доля круговой керамики, т.е. сосудов, изготовленных ручным способом, а после подправленных на круговом механизме, составляет 63,1% коллекции. Керамика серии неоднородна в цветовом плане – имеются фрагменты желтого, красного, терракотового, ярко-красного, серого и черного цветов. Толщина фрагментов составляет от 4 до 22 мм. Крупные фрагменты и развалы позволяют установить диаметр отдельных частей сосудов: по внешнему краю венчика – от 11 до 33 см (преобладают от 20 до 24 см – 26 сосудов); тулова – от 16,0 до 39 см; днища – от 8,0 до 16 см (преобладают от 10,0 до 14 см – 30 сосудов). Не типичный для позднебронзовой посуды региона малый диаметр днищ относительно венчиков и тулов связан с раздугостью форм исследуемой посуды.

Коллекция круговой керамики представлена различными частями сосудов. Венчиков в комплексе – 836 единиц (10,4% от круговой керамики коллекции), 12 из которых имеют орнамент (0,1%). Тулов – 6 990 неорнаментированных (86,5%) и 32 с орнаментом (0,4%). Придонных частей – 155 неорнаментированных (1,9%) и 2 орнаментированные. Имеется в коллекции 51 неорнаментированное днище (0,6%) и один поддон. Все девять развалов сосудов (0,1% круговой керамики) также без декора. Таким образом, индекс орнаментированности комплекса круговой посуды памятника составляет 0,6%.

Методика исследования

Основой для классификации изучаемой посуды стал высотно-горловинный показатель, который в классическом варианте высчитывается как соотношение высоты шейки сосуда к его диаметру [8]. Однако малочисленность целых и графически реконструируемых форм в комплексе существенно ограничивает возможности по установлению диаметра сосудов. При этом очевидна зависимость между размерами посуды, ее диаметром и толщиной стенок. В итоге был использован коэффициент соотношения высоты шейки фрагмента к его толщине, что позволило разделить сосуды на группы: с отсутствующей шейкой;

низкогорлые (коэффициент до 2,0); среднегорлые (коэффициент 2,1–3,0); высокогорлые (коэффициент 3,1–4,0); очень высокогорлые (коэффициент более 4,1). Выделенные группы достаточно четко показывают особенности изучаемой серии.

Технико-технологическое изучение круговой керамики выполнялось в рамках историко-культурного подхода А.А. Бобринского [9, 10]. На этом этапе удалось получить данные по основным ступеням гончарной технологии: отбор и подготовка исходного сырья, состав формовочных масс, конструирование начина и полого тела, способы формообразования и обработки поверхности.

Формы сосудов

Изучение форм сосудов велось по имеющимся в коллекции развалам сосудов и фрагментам, на которых сохранился участок от венчика до плечика (468 ед.).

Сосуды баночного типа, пиалы и миски (29 фрагментов, что составляет 6,1% от комплекса) соотносятся с группой посуды с отсутствующей шейкой (рис. 2, 6, 10–13). С кувшиновидными формами (рис. 2, 8, 9; рис. 3, 5, 6) соотносится преимущественно группа очень высокогорлых сосудов – 23 единицы (4,8%). Горшковидным формам (рис. 2, 1–5, 7) соответствуют группы низкогорлых, среднегорлых и высокогорлых сосудов. Их доля наиболее велика и совокупно составляет 89,1% (426 ед.). При этом наиболее велик процент слабопрофилированных горшков – 173 единицы (36,2%). Среднепрофилированных – 65 единиц (13,6%), сильнопрофилированных – 188 единиц (39,3%).

Среди горшков преобладают среднегорлые формы – 219 единиц (51,5%), значительно меньше высокогорлых – 79 единиц (18,5%), низкогорлых – 122 единицы (28,6%), и очень высокогорлых – 6 единиц (1,4%).

Среди слабопрофилированных горшков 87 единиц (50,3%) среднегорлые, 44 (25,4%) – высокогорлые, 38 (22%) – низкогорлые, и 4 (2,3%) – очень высокогорлые.

В группе среднепрофилированных горшков 35 единиц (53,8%) – среднегорлые, 17 (26,2%) – высокогорлые, 10 (15,4%) – низкогорлые, 3 (4,6%) – очень высокогорлые.

Сильнопрофилированные сосуды чаще среднегорлые (96 единиц, что составляет 51,1%). Низкогорлых насчитывается 74 фрагмента (39,4%), еще 18 фрагментов – высокогорлые формы (9,5%).

Зафиксированные отличия внутри серии горшковидных сосудов в основном связаны с толщиной фрагментов, которая напрямую зависит от размера посуды. Это позволяет разделить горшки на два основных типа: сосуды небольших размеров (рис. 2, 4, 5, 7; рис. 3, 8–11) и крупные формы (рис. 2, 1–3; рис. 3, 1–4, 7). Для первых характерна небольшая толщина стенок (до 9 мм), среднегорлые формы. Формой и размерами горшки этого типа близки к сосудам культур эпохи поздней бронзы региона (ирменская, дандыбаевская, саргаринско-алексеевская). Вторые чаще низкогорлые, толщина стенок больше – 10–21 мм. Этот тип сосудов

не типичен для региона и более близок тарным сосудам среднеазитского региона («хумы»).

Орнаментация

Круговая керамика орнаментирована крайне редко. Всего 46 фрагментов (0,6% круговой керамики) имеют какой-либо декор. На 19 единицах присутствуют прочерченные горизонтальные линии по тулову или плечикам сосуда (от одной до трех на черепке) (рис. 2, 1, 2). На 18 единицах в верхней части плечиков или по низу придонной части имеются одна или две (1 случай) широкие (14 ед.) или узкие (4 ед.) каннелюры (рис. 3, 12, 15).

На трех фрагментах отмечены валики (в двух случаях узкие, в третьем – широкий, подтреугольного сечения). Дважды на фрагментах отмечено использование горизонтального пояса из насечек. На одном черепке орнамент состоит из свисающей (рис. 3, 14), на

другом – горизонтальной цепочек ногтевых зашипов. Единожды встречен горизонтальный зигзаг из оттисков гладкого штампа. Интересной особенностью стало наличие на одном фрагменте тулова частично сохранившейся тамги (две исходящие из одной точки линии и округлое вдавление между ними) (рис. 3, 13). Подобный знак отмечен и на фрагменте глиняной подставки с поселения Бурла 3. Существенная часть фрагментов ангобирована (ангоб чаще ярко-красного цвета) или заглажена.

Исходное сырье и формовочные массы

Технико-технологический анализ был проведен В.Г. Ломаном и Н.Ф. Степановой [4, 7]. В общей сложности исследованию было подвергнуто 92 образца, в том числе фрагментов 50 венчиков, 14 стенок, 15 придонных частей, четырех днищ от разных сосудов.

Рис. 2. Круговая керамика поселения Бурла 3

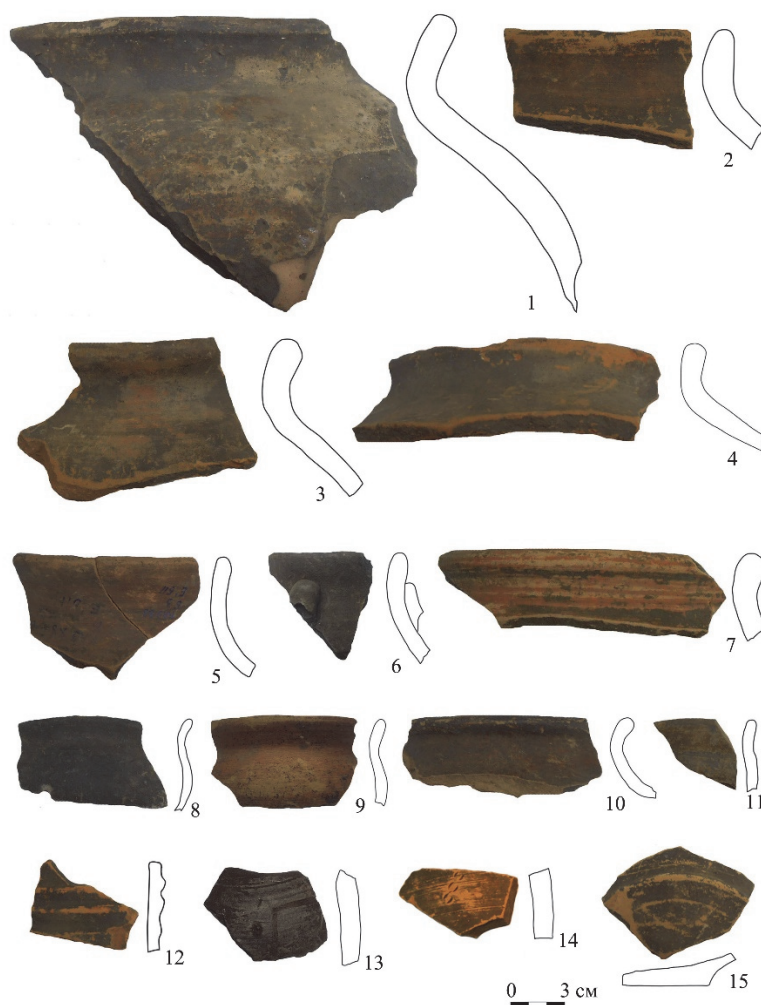

Рис. 3. Круговая керамика поселения Бурла 3

Обобщая результаты, следует отметить, что все изученные образцы были изготовлены из запесоченных глин. В выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс отмечено три традиции: 1) составление формовочных масс из двух глин (неожеlezненной и ожеlezненной); 2) из одной ожеlezненной глины; 3) из ожеlezненной глины с включением белого вещества, равномерно распределенного по всей формовочной массе сосудов. Подобное сырье напоминает мергелиевые глины. Из искусственных примесей отмечен органический раствор или органика растительного происхождения. Большая часть сосудов обжигалась при высокой температуре (выше 700–750°C) в окислительной среде.

Выявленные различия по исходному сырью состоят в использовании разных по ожеlezненности глин, а также в том, что в исходном сырье первой группы присутствует бурый железняк в качестве естественной примеси, как правило, очень мелкий. В целом выявлено два рецепта: глина ожеlezненная + глина неожеlezненная + органический раствор и глина + органический раствор.

Изучение особенностей исходного сырья, состава песка, показало, что нет двух сосудов, изготовленных

из одного замеса. В целом можно говорить о выделении двух традиций в подготовке формовочных масс: изготовление сосудов из двух глин и из одной. Обе традиции имели приблизительно равное распространение.

Взаимосвязь между формами сосудов, исходным сырьем и рецептами формовочных масс в ходе исследования не выявлена. Выделенные в ходе технико-технологического анализа группы включают сосуды различных типов, форм и размеров [4, 7, 11].

Конструирование

При рассмотрении способов конструирования посуды всего было изучено 33 экземпляра круговой керамики поселения Бурла 3.

Начины большинства сосудов изготовлены по емкостной программе конструирования (4 экз.), где стенки сосудов изготовлены из лент, а донце – из лоскутов (рис. 4, 1). Донно-емкостные начини изготовлены спирально-жгутовым (2 экз.) (рис. 4, 3) и лоскутным налепом (рис. 4, 2).

Полое тело в большинстве случаев наращивалось по кольцевой траектории из лент (70% – 23 экз.) (рис. 4, 5),

реже – из лоскутов (7 экз. – 21%) (рис. 4, 2, 4), комковатым (4 экз.) и спиралевидным налепом (1 экз.)¹ или жгутов (2 экз.).

Единично зафиксирована смешанная техника конструирования из двух слоев лоскутов и лент.

Венчик сосудов (6 экз.) образован небольшим загибом края (рис. 4, 6, 7), при котором иногда внутри оставались пустоты.

Зафиксированы случаи смены наложения или разрыва строительных элементов в районе перехода тулова в плечо и изгиба шеи сосуда (рис. 4, 4).

Эти следы позволяют предположить, что верхняя часть сосуда конструировалась отдельно от тулова с помощью модели или на плоскости. Кроме того, ранее В.Г. Ломаном [4. С. 34] зафиксированы смешанные спо-

собы конструирования: емкостные начини с полым телом из лент и днищем из жгутов по спиральной траектории (3 случая) и сочетание спирально-жгутовой и ленточной техники (1 случай).

Формообразование сосудов, вероятно, первоначально происходило вручную (скульптурная лепка или форма-модель). Гончарный круг использовался для профилирования верхней (РФК 3)² (8 экз.) или основной части емкости сосуда (РФК 4) (24 экз.), а также для обработки поверхности, которая осуществлялась мягкими материалами (пальцы, ткань?) (рис. 4, 8) или твердыми инструментами (деревянный скребок/бочарка) (рис. 4, 9). Один экземпляр керамики не имел признаков профилирования емкости на гончарном круге, что свидетельствует о более низком уровне РФК 2.

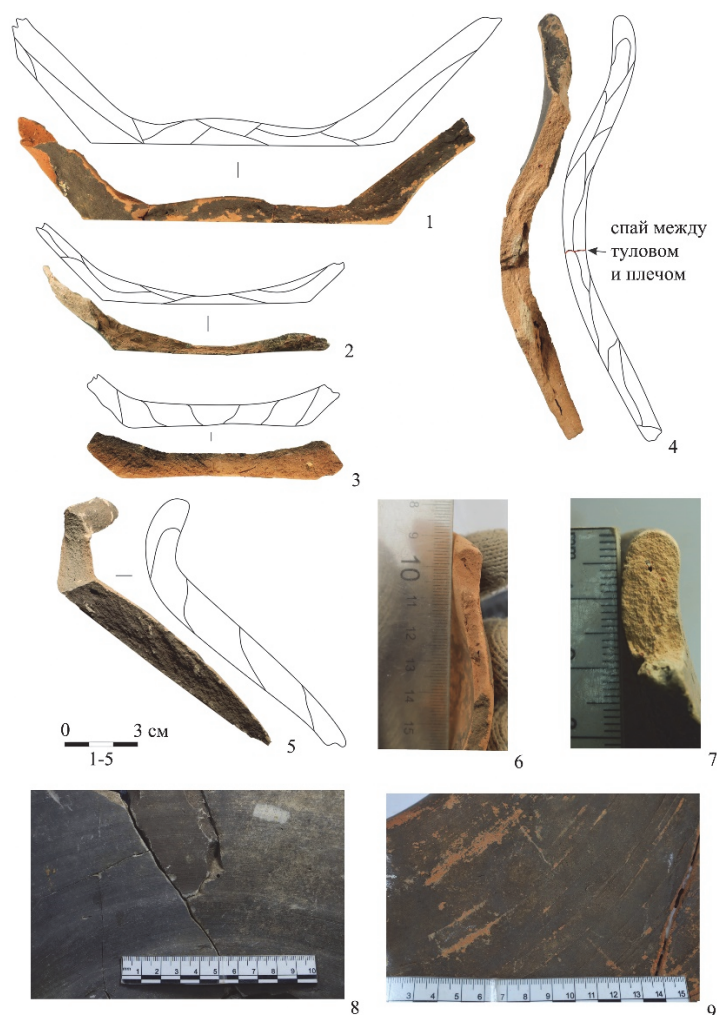

Рис. 4. Особенности конструирования круговых сосудов поселения Бурла 3: 1 – емкостный начин из лент и лоскутное дно; 2 – донно-емкостный спирально-лоскутный начин; 3 – донно-емкостный спирально-жгутовой начин; 4 – лоскутно-комковатый налеп; 5 – ленточный налеп; 6, 7 – загиб края венчика; 8, 9 – следы от вращения круга (8 – мягкий материал; 9 – твердый инструмент)

Обсуждение результатов

На позднебронзовых поселениях Казахстана и Алтая, большинство которых оставлено носителями саргаринско-алексеевской археологической культуры, круговая керамика – частое явление. Однако здесь она присутствует в незначительном количестве.

Так, на поселении Кент (Центральный Казахстан) круговых сосудов насчитывается около 40 единиц (основная их часть – фрагменты) [12. С. 73], всего же коллекция памятника состоит из более чем 2 700 сосудов [13. С. 163]. На поселении Мыржик обнаружено 20 черепков круговой керамики и сотни саргаринско-алексеевских [14. С. 213]. На Бугулы 1 – 3 круговых сосуда

и 116 саргаринско-алексеевских [15. С. 11]. Такое соотношение явно указывает на привозной характер круговой керамики. На этом фоне значительно выделяется поселение Шагала-лы II (Павловка), где доля круговой посуды составляет до 15%, и исследована гончарная мастерская, связанная с ее производством [16. С. 562; 17].

В контексте конструирования посуды станковая керамика поселения Бурла 3 демонстрирует ряд аналогий с синхронной гончарной посудой в сопредельных с Алтаем регионах и в Средней Азии. Например, для керамики поселения Кент в Центральном [18] и Шагала-лы II в Северном Казахстане [19. С. 166–167] также характерны емкостные начини из лент с лоскутным донцем, а навыки работы на гончарном круге соответствуют РФК-4. Лоскутная техника и загиб края венчика имеют аналогии в немного более ранней керамике Теменоса Гонур-депе (Северная Бактрия) [20. С. 152, 165], хотя навыки работы на гончарном круге там были выше (РФК 5-6 – частичное или полное вытягивание начина и полого тела) [20. С. 160].

Кувшины и хумы на поселении Бурла 3 находят аналогии в керамике Намазга VI [21; 22. Рис. 12. С. 307–309, 363–365. Табл. XXXVIII–XL], которая была произведена на гончарном круге быстрого вращения [23. С. 104–106], так же как и синхронная и сопоставимая с ней посуда из Алтын-депе [24. С. 182–183]. Ленточный способ конструирования с подправкой на круге отмечен на кухонной посуде периода Намазга VI из поселения Намазга-депе [25], аналогичным способом была изготовлена расписная посуда Яз I (последующий период вслед за Намазга VI) [26. Р. 178–181]. Для синхронной лепной керамики Чустской культуры Памиро-Алая в качестве строительных элементов зафиксированы ленты и лоскуты [27. С. 180–181].

Таким образом, приемы скульптурной лепки из лент с применением гончарного круга для частичного или полного формообразования и заглаживания сосудов, по-видимому, маркируют культурные традиции среднеазиатской круговой керамики поздней бронзы³ и связаны с притоком мигрантов из земледельческих центров Средней Азии. Традиции изготовления керамики из лоскутов и жгутов по донно-емкостной программе конструирования находят ближайшие аналогии в саргаринско-алексеевском гончарстве Казахстана и Алтая [12. С. 244; 30. С. 119–121].

Поэтому станковая керамика из лоскутов и жгутов по донно-емкостной программе конструирования могла появиться только в процессе смешения разных культурных традиций. Подтверждается факт смешения и керамикой уровня РФК 2 с дресвой в формовочной массе, которая характерна для бегазы-дандыбаевской группы этого памятника [31. С. 189–190]. В то же время спирально-жгутовые и лоскутные способы конструирования емкости, по-видимому, были характерны как для предшествующего, так и последующего относительно Намазга VI периода. Поэтому, скорее всего, население, мигрировавшее в долину р. Бурла, пришло уже со смешанными гончарными традициями, которые сформировались в Средней Азии или Казахстане до их миграции на территорию Алтая. Решению

данного вопроса будет способствовать изучение синхронной Бурла 3 керамики Бактрийско-Маргианского археологического комплекса с позиции историко-культурного подхода и их совместный более подробный сравнительный анализ.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ показывает, что происхождение станковой керамики на поселении Бурла 3 носило исключительно местный характер, поэтому представление о том, что в это время осуществлялся массовый товарообмен предметами гончарного производства между среднеазиатскими центрами и Алтаем, вряд ли можно признать справедливым. Такой подход сам по себе небезынтересен, но входит в противоречие с археологическим контекстом нахождения станковой керамики в комплексах эпохи поздней бронзы степной полосы Казахстана и юга Западной Сибири. Сами находки данной группы керамики географически широко распространены, но редко где они образуют значимые серии, только два памятника показывают массовое количество – Шагала-лы II (Павловка) и Бурла 3. Эти объекты сближает не столько количество находок керамики, изготовленной на гончарном круге, сколько факты организации ее производства на месте в массовых объемах. В этом плане наиболее полно документировано поселение Бурла 3, наличие здесь теплотехнического сооружения (гончарного горна), присутствие в коллекции оплавленных до стекловидного состояния, либо деформированных под воздействием высоких температур фрагментов сосудов, производственная площадка, засыпанная гончарным шлаком – все это указывает на местное производство круговой керамики. Вместе с тем отмеченные по всем направлениям анализа (форма, орнаментация, исходное сырье, рецепты формовочных масс) особенности круговой посуды, ее многочисленность на памятнике в сочетании с незначительным количеством на прочих единовременных поселениях региона указывают на пришлый характер населения поселка [11]. Логичнее рассматривать появление керамики, изготовленной на гончарном круге в среде населения эпохи поздней бронзы степной полосы Казахстана и юга Западной Сибири (прежде всего саргаринско-алексеевской культуры) как инвазию отдельных групп со стороны земледельческих центров Средней Азии. На отдельных территориях (Сары арка – Шагала-лы II и степной Алтай – Бурла 3) они образовывали новые сосредоточия, которые уже являлись вторичными по отношению к источникам миграции, но первичными относительно своего окружения. Эти комплексы демонстрируют и обратный процесс – влияние аборигенов на мигрантов, что, в частности, проявилось в орнаментации круговой керамики мотивами, традиционными для позднебронзового населения региона, использовании нетипичных добавок в формовочных массах и способах конструирования посуды. Очевидно, что в центре всего этого находился конкретный человек, носитель гончарных технологических традиций, который адаптировался к новым условиям проживания.

Примечания

- ¹ В остальных случаях (2 экз.) достоверно определить способ конструирования полого тела не удалось.
- ² Принятое сокращение обозначения этапов развития функций гончарного круга [9. С. 27].
- ³ Применение ручных способов лепки спиральным налепом (coiling technique) с последующей доработкой на поворотном механизме (turntable) фиксируется еще с наиболее ранней керамики Ближнего Востока (энеолит юго-западного Ирана) [28. Р. 84, 228–229. Fig. 7.34. P. 272] и сохраняется в гончарстве населения Центральной Азии практически до современности [29. С. 178].

Список источников

- Paula N. Doumani Dupuy, Elise Luneau, Lynne M. Rouse Pluralising power: ceramics and social differentiation in Bronze Age central Eurasia // *World Archaeology*. 2021. № 53 (5). P. 779–808.
- Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.
- Удодов В.С. Исследования в Кулунде // *Археологические открытия 1983 года*. М., 1985. С. 246–247.
- Ломан В.Г., Папин Д.В., Федорук А.С. Связи населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 49. С. 32–36. doi: 10.17223/19988613/49/6
- Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г. К вопросу о взаимодействии населения степного Алтая и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 321–326.
- Степанова Н.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Оригинальные находки с поселения Бурла 3 эпохи поздней бронзы // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. XXVII. С. 656–661.
- Федорук А.С., Папин Д.В., Степанова Н.Ф. Керамика, изготовленная с использованием гончарного круга, из раскопок поселения Бурла-3 в 1987–1988 гг. // *Теория и практика археологических исследований*. 2023. Т. 35, № 4. С. 175–192.
- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // *Советская археология*. 1973. № 1. С. 114–135.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара : СамГУ, 1999. С. 5–109.
- Федорук А.С., Савко И.А., Папин Д.В. Круговая керамика эпохи поздней бронзы поселения Бурла-3 // *Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий : краткие материалы XIX Междунар. Зап.-сиб. археол.-этнограф. конф. (2024 г., Томск, Россия)*. URL: https://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Fedoruk%2C%20Savko%2C%20Papin_2024.pdf
- Ломан В.Г. К вопросу о генезисе и составе населения саргаринско-алексеевской культуры (по данным технико-технологического анализа керамики) // *Современные подходы к изучению древней керамики в археологии*. М. : ИА РАН, 2015. С. 243–247.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата : Гылым, 1992. 244 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы : Инжу-Маржан, 2009. 264 с.
- Сакенов С.К. Станковая керамика из поселения Шагала-2 (К вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Центральной Азии) // *Диалог культур Евразии в археологии Казахстана*. Астана : ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014. С. 557–567.
- Сакенов С.К. Керамическое производство в поселении Шагала-2 // *Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия историческая*. 2018. № 4 (91). С. 263–271.
- Ломан В.Г. Привозная керамика на поселении Кент // *Самарский научный вестник*. 2015. № 4 (13). С. 71–79.
- Хабдулина М.К., Тлеугабдулов Д.Т., Брынза Т.В., Билялова Г.Д., Кучеров П.Ю. Исследование памятников бронзового века в Акмолинском Приишимье (поселение Шагала-2). Астана : Глобус, 2017. 192 с.
- Гутков А.И. Особенности изготовления гончарной керамики Теменоса Гонур-депе (Южный Гонур) // *Труды Маргианской археологической экспедиции*. Т. 8: Исследования Гонур-депе в 2015–2019 годах. М. : Старый сад, 2021. С. 143–167.
- Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // *Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири*. Барнаул, 1988. С. 107–110.
- Массон В.М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина // *Труды ИТАКЭ*. Т. VII. Ашхабад : Типография АН ТССР, 1956. С. 291–373.
- Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М. : Наука, 1982. 212 с.
- Кирчо Л.Б. Основные этапы развития технологии гончарства Алтын-депе // *Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии*. СПб. : ИИМК РАН, 2003. С. 177–191.
- Хлопина Л.И. Кухонная керамика времен Намазга VI (по материалам «Вышки» Намазга-депе) // *Краткие сообщения Института археологии*. 1972. Вып. 132. С. 59–64.
- Salvatori S., Tosi M. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana lowlands: facts and methodological proposals for a redefinition of the research strategies. Oxford : Archaeopress, 2008. 245 p.
- Селин Д.В., Шнайдер С.В., Абдыканова А., Тейлор В., Кривошапкина А.И. Новые данные по Чустской культуре Памиро-Алая (Южный Кыргызстан) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2023. № 84. С. 175–183. doi: 10.17223/19988613/84/22
- Takehiro M. Pottery Making and Communities during the 5th Millennium BCE in Fars Province, Southwestern Iran. Oxford : Archaeopress, 2022. 445 p.
- Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 396 с.
- Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // *Теория и практика археологических исследований*. 2016. № 3 (15). С. 102–125.
- Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Лепная керамика периода поздней бронзы поселения Бурла-3 // *Теория и практика археологических исследований*. 2021. Т. 33, № 2. С. 175–192.

References

- Doumani Dupuy, P.N., Luneau, E. & Rouse, L.M. (2021) Pluralising power: ceramics and social differentiation in Bronze Age central Eurasia. *World Archaeology*. 53 (5). pp. 779–808.
- Udodov, V.S. (1994) *Epokha razvityi i pozdney bronzy Kulundy* [The developed and late Bronze Age of Kulunda]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
- Udodov, V.S. (1985) Issledovaniya v Kulunde [Research in Kulunda]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1983 goda* [Archaeological discoveries of 1983]. Moscow: Nauka. pp. 246–247.

4. Loman, V.G., Papin, D.V. & Fedoruk, A.S. (2017) Contacts of the population of the south of Western Siberia and Central Asia during the Late Bronze Age (based on materials of ceramic complexes). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 49. pp. 32–36. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/49/6
5. Papin, D.V., Fedoruk, A.S. & Loman, V.G. (2017) K voprosu o vzaimodeystvii naseleniya stepnogo Altaya i Sredney Azii v epokhu pozdney bronzy [On the interaction of the populations of the steppe Altai and Central Asia in the Late Bronze Age]. In: *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkhеologicheskogo s'ezda v Barnaule–Belokurikhe* [Proceedings of the 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul–Belokurikha]. Barnaul: Altai State University. Vol. 1. pp. 321–326.
6. Stepanova, N.F., Papin, D.V. & Fedoruk, A.S. (2021) Original'nye nakhodki s poseleniya Burla 3 epokhi pozdney bronzy [Original finds from the Burla 3 settlement of the Late Bronze Age]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 27. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. pp. 656–661.
7. Fedoruk, A.S., Papin, D.V. & Stepanova, N.F. (2023) Keramika, izgotovlennaya s ispol'zovaniem goncharnogo kruga, iz raskopok poseleniya Burla-3 v 1987–1988 gg. [Pottery made using a potter's wheel from excavations of the Burla-3 settlement in 1987–1988]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 4 (35). pp. 175–192.
8. Gening, V.F. (1973) Programma statisticheskoy obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok [Program for statistical processing of ceramics from archaeological excavations]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 114–135.
9. Bobrinskiy, A.A. (1978) *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka.
10. Bobrinskiy, A.A. (1999) Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Actual problems of studying ancient pottery]. Samara: Samara State University. pp. 5–109.
11. Fedoruk, A.S., Savko, I.A. & Papin, D.V. (2024) [Circular ceramics of the Late Bronze Age of the Burla-3 settlement]. *Istoricheskiy opyt etnokul'turnogo osvoiniya prostranstv Severnoy Evrazii i sopredel'nykh territoriy* [Historical experience of ethnocultural development of the spaces of Northern Eurasia and adjacent territories]. Abstracts of the 19th International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk. 16–18 May 2024. [Online] Available from: https://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Fedoruk%2C%20Savko%2C%20Papin_2024.pdf (In Russian).
12. Loman, V.G. (2015) K voprosu o genezise i sostave naseleniya sargarinsko-alekseevskoy kul'tury (po dannym tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki) [On the Genesis and Population Composition of the Sargary-Alekseevskaya Culture (Based on Technical and Technological Analysis of Ceramics)]. In: *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii* [Modern Approaches to the Study of Ancient Ceramics in Archaeology]. Moscow: Institute of Archaeology RAS. pp. 243–247.
13. Beysenov, A.Z., Varfolomeev, V.V. & Kasenalin, A.E. (2014) *Pamyatniki begazy-dandybaevskoy kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana* [Monuments of the Begazy-Dandybaevskaya Culture of Central Kazakhstan]. Almaty: Margulan Institute of Archaeology.
14. Kadyrbaev, M.K. & Kurmankulov, Zh. (1992) *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoy Betpak-Daly)* [The Culture of Ancient Pastoralists and Metallurgists of Sary-Arka (Based on Materials from Northern Betpak-Dala)]. Alma-Ata: Gyl'm.
15. Beysenov, A.Z. & Loman, V.G. (2009) *Drevnie poseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient Settlements of Central Kazakhstan]. Almaty: Inzhu-Marzhan.
16. Sakenov, S.K. (2014) Stankovaya keramika iz poseleniya Shagalaly II (K voprosu o kul'turnykh svyazyakh plemen epokhi bronzy Severnogo Kazakhstana i Tsentral'noy Azii) [Easel Ceramics from the Settlement of Shagalaly II (On the Issue of Cultural Ties between the Bronze Age Tribes of Northern Kazakhstan and Central Asia)]. In: *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana* [Dialogue of Eurasian Cultures in the Archaeology of Kazakhstan]. Astana: Eurasian National University. pp. 557–567.
17. Sakenov, S.K. (2018) Keramicheskoe proizvodstvo v poselenii Shagalaly II [Ceramic production in the settlement of Shagalaly II]. *Vestnik KazNU im. al'-Farabi. Seriya istoricheskaya*. 4 (91). pp. 263–271.
18. Loman, V.G. (2015) Privoznaya keramika na poselenii Kent [Imported ceramics in the settlement of Kent]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 4 (13). pp. 71–79.
19. Khabdulina, M.K. et al. (2017) *Issledovanie pamyatnikov bronzovogo veka v Akmolinskom Priishim'e (poselenie Shagalaly II)* [Study of Bronze Age monuments in the Akkola Priishimye (settlement of Shagalaly II)]. Astana: Globus.
20. Gutkov, A.I. (2021) Osobennosti izgotovleniya goncharnoy keramiki Temenosa Gonur-depe (Yuzhnyy Gonur) [Features of the production of pottery ceramics of Temenos Gonur-depe (Southern Gonur)]. In: *Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Margiana Archaeological Expedition]. Vol. 8. Moscow: Staryy sad. pp. 143–167.
21. Udodov, V.S. (1988) Epokha pozdney bronzy Kulundy (k postanovke voprosa) [The Late Bronze Age of Kulunda (towards the formulation of the question)]. In: *Khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoy Sibiri* [Chronology and cultural affiliation of monuments of the Stone and Bronze Ages of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 107–110.
22. Masson, V.M. (1956) Raspisnaya keramika Yuzhnoy Turkmenii po raskopkam B.A. Kuftina [Painted ceramics of Southern Turkmenistan based on the excavations of B.A. Kuftin]. *Trudy YuTAKE*. 8. pp. 291–373.
23. Sayko, E.V. (1982) *Tekhnika i tekhnologiya keramicheskogo proizvodstva Sredney Azii v istoricheskom razviti* [Technique and Technology of Ceramic Production in Central Asia in Historical Development]. Moscow: Nauka.
24. Kircho, L.B. (2003) Osnovnye etapy razvitiya tekhnologii goncharstva Altyn-depe [The main stages of development of Altyn-Depe pottery technology]. In: *Peterburgskaya trasologicheskaya shkola i izuchenie drevnikh kul'tur Evrazii* [St. Petersburg Traceological School and the Study of Ancient Cultures of Eurasia]. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS. pp. 177–191.
25. Khlopina, L.I. (1972) Kukhonnaya keramika vremeni Namazga VI (po materialam «Vyshki» Namazga-depe) [Kitchen ceramics of the Namazga VI period (based on the materials of the Namazga-Depe "Vyshka")]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 132. pp. 59–64.
26. Salvatori, S. & Tosi, M. (2008) *The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana lowlands: Facts and methodological proposals for a redefinition of the research strategies*. Oxford: Archaeopress.
27. Selin, D.V. et al. (2023) New evidence for the Chust culture in the Pamiro-Alay mountains (South Kyrgyzstan). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 175–183. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/84/22
28. Takehiro, M. (2022) *Pottery Making and Communities during the 5th Millennium BCE in Fars Province, Southwestern Iran*. Oxford: Archaeopress.
29. Peshchereva, E.M. (1959) *Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii* [Pottery Production of Central Asia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
30. Papin, D.V. et al. (2016) Keramicheskiy kompleks poseleniya epokhi pozdney bronzy Zharkovo-3 [Ceramic complex of the late Bronze Age settlement Zharkovo-3]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 3 (15). pp. 102–125.
31. Papin, D.V. et al. (2021) Lepnaya keramika perioda pozdney bronzy poseleniya Burla-3 [Molded ceramics of the late Bronze Age settlement Burla-3]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 33 (2). pp. 175–192.

Информация об авторах:

Федорук А.С. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия); научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: fedorukas@mail.ru

Савко И.А. – младший научный сотрудник лаборатории археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия); инженер-исследователь Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

Папин Д.В. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия); старший научный сотрудник, зав. Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: papindv@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Fedoruk, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Altai State University (Barnaul, Russian Federation); research fellow, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fedorukas@mail.ru

I.A. Savko, junior research fellow, Altai State University (Barnaul, Russian Federation); research engineer, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

D.V. Papin, Cand. Sci. (History), leading research fellow, Altai State University (Barnaul, Russian Federation); senior research fellow, head of the Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: papindv@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.10.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 24.10.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378+159.955.4
doi: 10.17223/15617793/510/16

Технология построения психодиагностического пространства в образовательной цифровой среде университета

Дмитрий Юрьевич Баланев¹, Виктор Анатольевич Шамаков²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *balanevd@gmail.com*

² *kabrin@list.ru*

Аннотация. Рассматривается опыт технологизации процесса построения психодиагностического пространства в образовательной цифровой среде университета. Описаны критериальные основания выбора надежного и экологичного методического инструментария. Представлены результаты апробации предлагаемой диагностической батареи когнитивных тестов с элементами психофизиологических проб. Обсуждаются возможности использования разработанной технологии при организации мониторингового сопровождения образовательного процесса.

Ключевые слова: психодиагностическое пространство, образовательная цифровая среда, когнитивные испытания, когнитивные особенности, диагностический инструментарий

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0040.

Для цитирования: Баланев Д.Ю., Шамаков В.А. Технология построения психодиагностического пространства в образовательной цифровой среде университета // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 153–161. doi: 10.17223/15617793/510/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/16

The technology of building a psychodiagnostic space in the university's digital educational environment

Dmitry Yu. Balanev¹, Viktor A. Shamakov²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *balanevd@gmail.com*

² *kabrin@list.ru*

Abstract. The article substantiates the relevance of creating modern diagnostic tools, the use of which makes it possible to provide diagnostic information for both individual and group or typological affiliation of students of a modern university. The tasks of developing a technology for building a psychodiagnostic space in the university's digital educational environment using two types of psychodiagnostic markers are described. A special feature of the proposed set of measuring tools is the presence of a cognitive tests set in the form of a dynamic stimulus environment. In this capacity, a battery of tests is proposed, the scales of which assess personality traits, intelligence, and cognitive abilities. Cognitive tests "speed-accuracy compromise" and "mental rotation" were also used. All tasks were completed in LMS Moodle as part of one of the educational courses, as its integral part aimed at meeting the students' needs for self-knowledge. This approach made it possible to distribute the measurements over time in such a way as to avoid the effects of reducing motivation for psychodiagnostic research. The empirical data of the study are the result of the psychological diagnosis of 2,090 first-year students of Tomsk State University in all areas of training. A number of diagnostic statements have been made reflecting the structure of factors potentially responsible for the academic and professional success of students. Such factors include the specifics of motivational, personal, and behavioral traits, cognitive intelligence, and organization. There are separate groups of first-year students within the faculties/institutes, which differ significantly from each other, and individual groups of students from different faculties are more homogeneous in some psychological characteristics than different groups of the same faculty/institute. The information obtained about the cognitive characteristics of students and the revealed specifics of the differences reflect the professional preferences of first-year students, their ideas about the direction of their chosen training. The approbation of the developed technology made it possible to make analytical generalizations that can become the subject of discussion in the university's educational communities about the possibilities offered by the technologization of building a psychodiagnostic space in a digital educational environment.

Keywords: psychodiagnostic space, educational digital environment, cognitive tests, cognitive features, diagnostic tools

Financial support: The results were obtained as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education Russia, project No. FSWM-2020-0040

For citation: Balanov, D.Yu. & Shamakov, V.A. (2025) The technology of building a psychodiagnostic space in the university's digital educational environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 153–161. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/16

Введение

Оценивая качество образования, педагоги и психологи традиционно обращаются не только к объему и специфике учебного материала, но и внутренним условиям его усвоения и «присвоения». «Но если педагогика, как наука, отличается от безотчетного искусства воспитания, она должна основываться на научно проверенных психологических и физиологических знаниях. В основе науки педагогики должны лежать науки психология и физиология» [1. С. 24]. Именно знание психологических особенностей студентов уже на первых этапах их вовлечения в образовательный процесс вуза в значительной степени определяет успешность организации педагогических усилий по построению индивидуальных образовательных траекторий. Образовательное пространство становится индивидуальным, когда происходят его изменения в соответствии со спецификой деятельности конкретного индивида не только в смысле адаптации, механического «слепок» действий этого индивида, но развивается способность человека к обобщению его присутствия.

В этой связи представляется актуальным создание современного диагностического инструментария, отвечающего требованиям надежности и экологичности, использование которого позволяет предоставлять диагностическую информацию как индивидуальной, так и групповой или типологической принадлежности. Цель данной статьи – представление технологии построения психодиагностического пространства в образовательной цифровой среде университета с использованием двух выделенных типов психодиагностических маркеров. Первый тип демонстрирует подход, направленный на снижение количества измерительных шкал. Здесь мы исходим из предположения о том, что именно когнитивные пробы способны дать исчерпывающую информацию для прогноза успешности обучения студентов в цифровой среде университета. Второй тип маркеров представляет собой компактный результат математического обобщения ряда психодиагностических шкал, позволяющий получать психологический портрет студентов отдельных подразделений высшего учебного заведения (факультетов, направлений подготовки, специализаций) для выявления их специфики, что видится особенно востребованным сегодня, когда отечественное высшее образование стоит перед вызовами перехода к новым образовательным форматам и использованию когнитивных технологий нового поколения, а человек становится не только потребителем, но и творцом элементарных единиц искусственного интеллекта в контексте «индивидуализации» своего когнитивного образовательного пространства.

Методы

Основаниями выбора методического инструментария выступили психологические теории, позволяющие

оценить потенциал человека с точки зрения его личностных и познавательных особенностей, таких как интеллект, особенности отношения к миру, способность противостоять нагрузкам (психологическим, учебным, депривации, гиперстимуляции и т.д.). Особенностью предлагаемой диагностической батареи, подобранной нами, является наличие в ней когнитивных тестов с элементами психофизиологических проб. Это позволяет привлечь объективные критерии для оценки надежности данных по остальным опросникам.

При конструировании тестовой батареи учитывались следующие критерии:

- Возможно более полный охват показателей, характеризующих личностную и познавательную сферу первокурсников, при минимизации когнитивной сложности выполняемых тестов. В какой-то степени это соответствует стратегии, которую Д. Келли образно назвал «статистический невод». Однако, уже на этом этапе избирательность в выборе методик определялась целью и задачами исследования.

- Достижение компромисса между широким распространением и надежностью психологических теорий, лежащих в основе диагностических методик, и отсутствием риска знакомства испытуемых с этими методиками. Повторное прохождение психодиагностических задач в короткое время приводит к эффекту «засветки», когда вместо решения диагностической задачи испытуемый действует в соответствии с предыдущим опытом. В нашем случае широко распространенные психологические конструкты оцениваются при помощи малоизвестных версий.

- Выполнение требований соответствия психометрическим стандартам с точки зрения надежности, валидности, воспроизводимости результатов, возможности сравнения с результатами, полученными во внешних исследованиях. В нашем случае часть этих требований смягчается за счет возможности построения собственных норм.

- Возможность оценки преднамеренного или ненамеренного противодействия испытуемого процедуре предоставления достоверной информации с целью удаления ненадежных данных.

- Возможность проведения компьютеризированного исследования в режиме онлайн.

С учетом приведенных критериев выбрано 6 методик: «Краткий ориентировочный тест» [2], опросник «Большая пятёрка личностных факторов» [3], «Тест жизнестойкости» [4], опросник «Локус контроля» [5], «Опросник самоорганизации деятельности» [6] и два когнитивных теста «Ментальное вращение» [7] и «Компромисс скорость–точность» [8], позволяющих оценить интеллектуальные и личностные характеристики обучающихся по 77 показателям.

Особенностью предложенной батареи стало использование когнитивных испытаний, предлагающих испытуемому решение задач в сложной визуальной среде, предполагающей работу в трехмерном пространстве.

При оценке пространственных способностей испытуемому предлагался модифицированный тест Шепарда–Мецлера [6]. Выполняя когнитивный тест «Компромисс скорость–точность», испытуемый должен был решить 256 однотипных задач на поражение цели, меняющей положение в пространстве [8–10].

Техническая реализация организации диагностических испытаний выполнена в виде набора программных модулей, размещенных на образовательной электронной платформе LMS moodle, используемой в Томском государственном университете в качестве базовой [11]. Таким образом оказалось возможным применять недоступные для интерфейса moodle реализации стимульных ситуаций, в том числе с использованием трехмерной графики (в методике «ментальное вращение») и мониторинга двигательной активности (методика «компромисс скорость–точность»). В нашем случае используется независимый от moodle.tsu.ru «экземпляр» moodle с доменным именем moodle.tsu.su, запущенный на хостинге ТГУ, позволяющий бесшовно связываться с университетскими аккаунтами lms. Это сделано для того, чтобы снизить нагрузку на университетскую электронную среду и повысить безопасность и отказоустойчивость всего решения.

Для повышения надежности и валидности предприятия специальные дидактические приемы:

- подготовлены тексты, обеспечивающие мотивационную составляющую;
- выполнено разделение всего объема диагностических задач на несколько логически выделенных блоков;
- разработана схема последовательного и системного усложнения предлагаемых студентам когнитивных проб по мере освоения курса «Погружение в университетскую среду»: личностный опросник «Большая пятерка»; тест на Ментальное вращение; опросники «Жизнестойкость», «Локус-контроля» и «Самоорганизация деятельности»; Краткий ориентировочный тест интеллекта; Компромисс скорость–точность;
- использовался ряд технических решений: контроль времени выполнения, мониторинг двигательной активности, выявление паттернов, характерных для ухода от решения диагностических задач;
- для выявления смысловых контекстов, в которых проходила психодиагностика, в исследовательский протокол было включено проведение интервью. Это необходимо потому, что данные «изолированных» от других методов исследования тестов, тем более проводимых дистанционно, имеют ограничения в доверии. Точечные интервью, проводимые с участниками диагностического исследования, позволяют определить риски нарушения внутренней валидности исследования, оценить характер, частоту и способы ухода от решения психодиагностических задач. Полученные здесь результаты позволяют сделать коррекцию в вы-

водах на этапе содержательной интерпретации и избежать рисков «порчи данных» на следующей итерации исследования;

– выбран формат психодиагностического квазиэксперимента, в котором выдвигалась гипотеза о том, что стили двигательной активности являются предикторами функционального и когнитивного состояния испытуемых. Методика «компромисс скорость–точность» в данном случае в качестве одной из экспериментальных переменных использовала информацию о двигательной активности испытуемых;

– показатели двигательной активности испытуемых, такие как общее время выполнения задания на точность и на скорость, среднее время на отметку мишени, стандартное отклонение времени на отметку мишени, средняя скорость выполнения, пройденная дистанция, количество промахов по мишеням, а также дистанция промахов, использовались как независимые переменные при проведении кластерного анализа;

– после прохождения тестирования на каждом этапе респондент получал готовый персональный отчет с подробным описанием своих результатов тестирования.

Такое представление позволило максимально ненавязчиво представить когнитивные задания для респондентов и обеспечить максимальный психологический комфорт при их прохождении. Каждая методика сопровождалась текстовым введением.

Результаты

В исследовании приняло участие 2 090 студентов 1-го курса научно-исследовательского Томского государственного университета всех учебных подразделений. Возраст участников эксперимента – от 18 до 19 лет, из которых девушки составили 42%, юноши – 58%.

Оценка показателей надежности и валидности тестов с точки зрения полученных данных проводилась при помощи статистических критериев. Так, критерий альфа Кронбаха показал высокие результаты в тестах: big5 – 0,836, жизнестойкость – 0,89, самоорганизация – 0,714. Критерий сферичности Бартлетта также показал высокие значения с точки зрения обобщения данных методами снижения размерности исходного пространства шкал для выявления основных тенденций.

Средством обработки полученных данных стал прием снижения размерности исходного пространства данных. Применение факторного анализа для выявления скрытых тенденций позволило редуцировать данные по 77 шкалам до трех факторов – диагностических категорий, подвергнутых процедуре содержательной интерпретации. Таким образом, оказалось возможным оценить наибольший вклад объясненной дисперсии исходного пространства данных фактором, названным «Успешность», на втором месте оказался фактор «Интеллект», на третьем – «Организованность». Каждый фактор в свою очередь стал основанием для выделения типологии студентов с точки зрения входящих в него шкал-дескрипторов.

После проведения кластеризации выборка была разделена на 5 групп: испытуемые с акцентом на точность попадания (15%), с акцентом на скорость выполнения (35%), нашедшие компромисс между скоростью и точностью (19%), «парадоксальная» группа (11%), а также группа испытуемых, которые начали выполнять тест по инструкции, но после прохождения части теста отказались от его выполнения, продолжая имитировать его прохождение (20%). Группа, названная «парадоксальной», представляет

собой испытуемых, которые при увеличении скорости увеличивали также и точность попаданий по мишени.

Результаты сравнения групп между собой демонстрируют значимые различия между группами по показателям времени, скорости, пройденной дистанции и расстоянию промахов. Сравнение групп представлено на рис. 1.

Кластеры пользователей с различными стилями двигательной активности были сравнены между собой по различным психометрическим показателям.

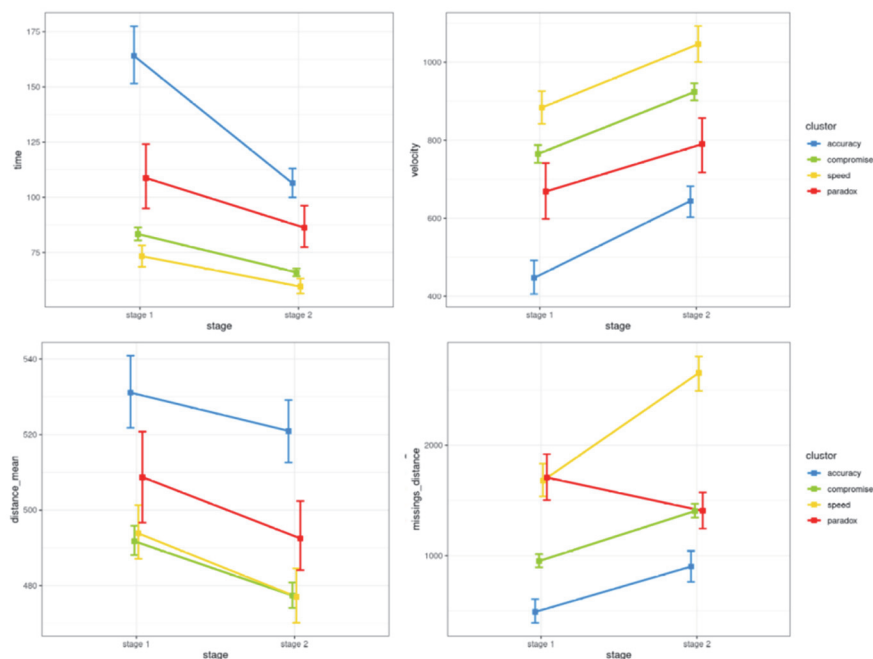

Рис. 1. Сравнение кластеров по показателям времени, скорости, пройденной дистанции и расстоянию промахов в методике «компромисс скорость-точность»

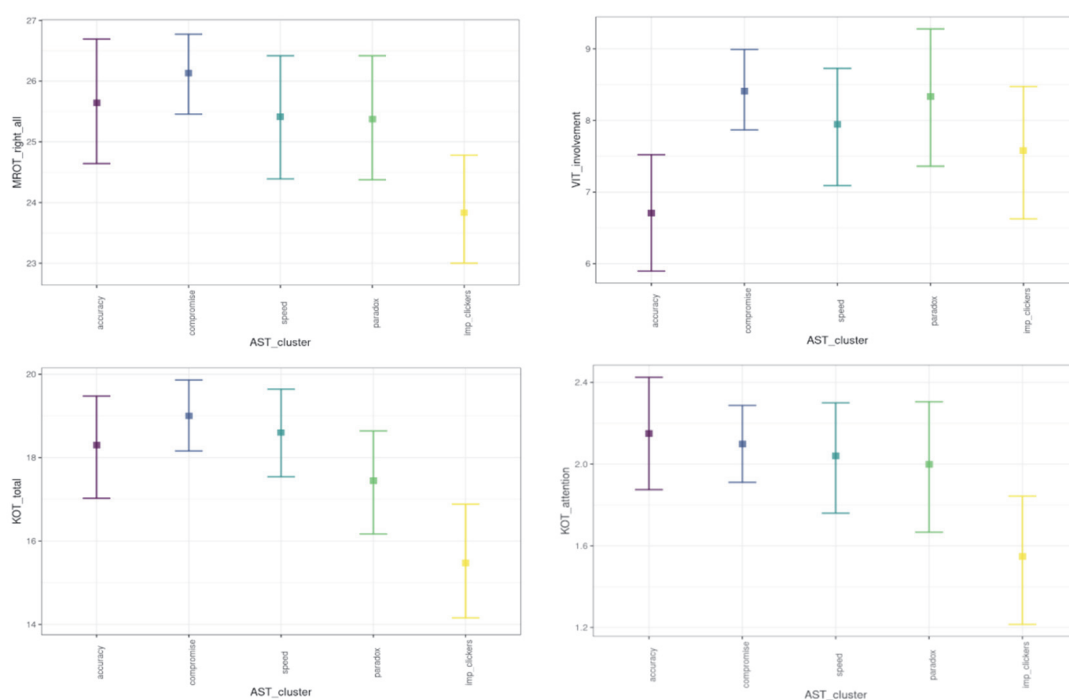

Рис. 2. Результаты сравнения кластеров двигательной активности: показатель «Вовлеченность», пространственное вращение, общий результат краткого ориентировочного теста интеллекта и часть на внимание

Для сравнения групп использовался непараметрический тест «Критерий Манна–Уитни» и «Критерий Краскела–Уоллиса». Применена поправка Бонферрони для множественных сравнений.

Группа с акцентом на точность в показателе «Вовлеченность» теста «Жизнестойкость» имела значимые различия по сравнению с группой пользователей, нашедших компромисс между скоростью и точностью ($U = 2\,363$, $p < 0,01$). Результаты группы «кликеров» значимо отличаются от группы испытуемых, нашедших компромисс между скоростью и точностью, по результатам теста на пространственное вращение ($U = 2\,363$, $p < 0,01$). Результаты «кликеров» значимо отличаются от групп испытуемых, которые нашли компромисс и сделали акцент на скорости выполнения, в общем результате теста на интеллект ($U = 3\,577$, $p < 0,01$ и $U = 1\,695$, $p < 0,05$) и заданиях на концентрацию и распределение внимания ($U = 3\,290$, $p < 0,05$). Сравнение кластеров двигательной активности представлено на рис. 2.

Анализ плотности распределения результатов в используемых измерительных шкалах позволяет сделать заключение о том, что в рамках одного факультета различия между испытуемыми могут быть интерпретированы как наличие небольшого количества групп студентов, отличающихся между собой по психологическим характеристикам внутри одного факультета. Пример плотности распределения на различных факультетах представлен на рис. 3.

Анализ распределения данных по шкалам всех тестов показал полное отсутствие случаев нормального распределения.

В большинстве случаев даже визуальный анализ данных по всем шкалам по группам, выделенным переменной «Факультет», показывает настолько выраженные асимметрии, что речь уже может идти о наличии типологических различий, для выявления которых адекватным будет использование кластерного анализа.

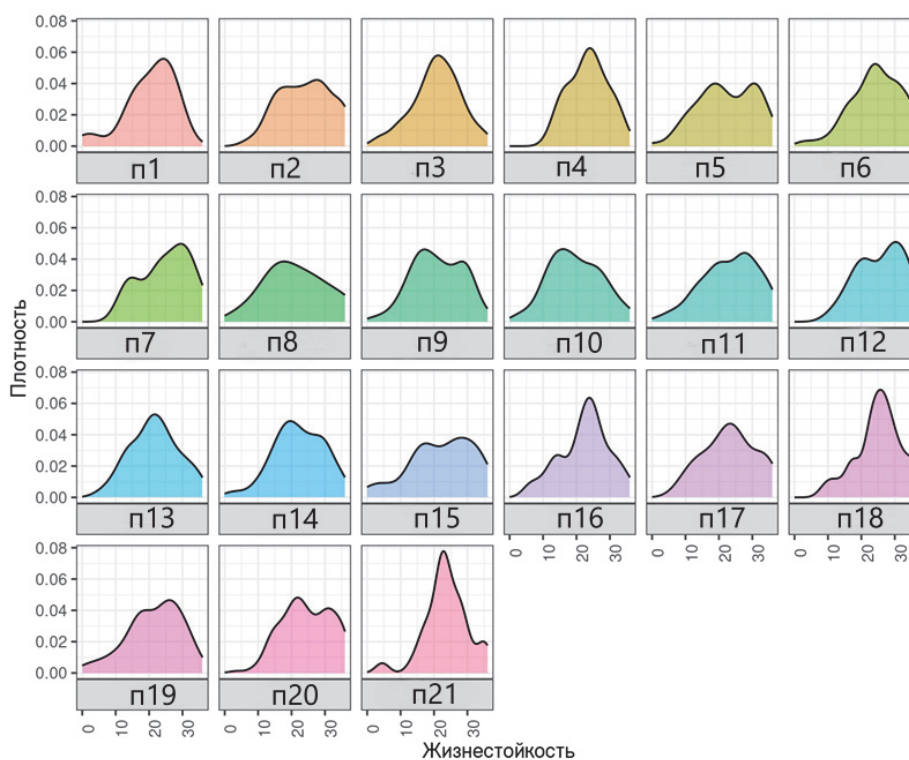

Рис. 3. Плотность распределения показателя «Жизнестойкость» для различных учебных подразделений (п1–п21)

Еще одним продуктивным подходом, который мы использовали для построения психологического портрета студента, стал прием выделения критериев риска и соответственно групп риска, к которым могут быть отнесены испытуемые с определенным паттерном психологических характеристик. Первую группу образуют испытуемые, характеризующиеся паттерном, включающим низкие оценки по шкалам жизнестойкости и самоорганизации, во вторую группу входят испытуемые с низкими показателями шкал интеллекта и «ментального вращающего», третья группа включает студентов с высокими показателями нейротизма (негативная эмоциональность), четвертую образуют

респонденты с высокими показателями шкал «недоброжелательные» и «энергичные», пятую группу образуют студенты с высокими показателями закрытости к опыту, с высокой интроверсией и тревожностью, шестая группа образована студентами с высокими показателями интеллекта и способностей ментального вращающего.

Может показаться парадоксальным тот факт, что в группу риска попали испытуемые с высокими показателями интеллекта, однако нужно иметь в виду, что кроме предполагаемых успехов высокие интеллектуальные способности часто могут сопровождаться склонностью к депрессивным и тревожным

расстройствам, на фоне неудач или чувства неудовлетворенности, социальной дезадаптации. Возможны также поведенческие проблемы, связанные с субординацией. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что высокий интеллектуальный потенциал требует повышенного внимания со стороны преподавательского состава, чтобы дать возможность наиболее полного раскрытия способностей представителям данной группы.

Такой подход к обработке данных позволил определить компромисс в выборе уровня обобщения данных, пригодных для построения психологического портрета студента, поступившего на первый курс. Проблема, которую мы решали на этом этапе, состоит в том, что портрет студента, «усредненного» по всему объему характеристик как «среднее по ТГУ», оказывается не очень содержательным. Построение «портрета» конкретного студента оказывается интересным только в контексте единичного случая. Поиск оснований на базе внешнего критерия, такого как разделение на факультеты/институты, оказывается недостаточно интегральным, так как даже в рамках отдельного факультета фиксируется несколько психологических типов. В этом случае можно рассчитывать на достаточно обширное пространство из нескольких десятков типов, что также требует дополнительных усилий для последующей интеграции и понимания. Тем не менее этот подход был использован для построения отчета исследования в разрезе отдельного учебного подразделения или образовательной программы. Наконец, компромисс, о котором говорилось выше, состоит в том, что наиболее общий, но в то же время показательный психологический портрет строится из набора описаний групп студентов, полученных делением трех факторов на несколько составляющих их типов.

Снижение размерности общего набора психологических характеристик методом факторного анализа показало лучший результат для структуры из трех факторов (диагностических категорий). Эти факторы содержательно интерпретируются исходя из смысла составляющих их шкал как «Успешность», «Интеллект» и «Организованность». На этом основании можно полагать достаточным для воспроизводимости исследования на содержательном уровне разработку соответствующих методик, замещающих исходные, при меньшей когнитивной нагрузке, снижении затрат и уменьшении рисков в дальнейших исследованиях.

Каждый из выделенных трех факторов с точки зрения статистически значимых различий между испытуемыми может быть разделен на несколько групп методом кластерного анализа. Фактор «Успешность» подразумевает типологию, состоящую из 5 групп: «не продуктивные в успешности» (18%), «стабильно продуктивные» (24%), «не мотивированные к успешности» (17%), «потенциально неуспешные» (17%), «успешные» (24%). Отсюда следует, что только каждый четвертый студент демонстрирует готовность проявить академические успехи и реализовать свои возможности в профессиональной деятельности (рис. 4).

Фактор «Интеллект» наиболее адекватно представлен кластерами с указанием ведущей способности: «общий интеллект» (25%), «пространственно-образный интеллект» (27%), а также по степени выраженности: «потенциально невысокий интеллект» (27%), «потенциально высокий интеллект» (21%) (рис. 5).

Фактор «Организованность» стал основанием для следующей типологии: «склонные к прокрастинации» (21%), «высокоорганизованные» (33%) «требующие внешнего контроля» (28%), «потенциально неорганизованные» (18%) (рис. 6).

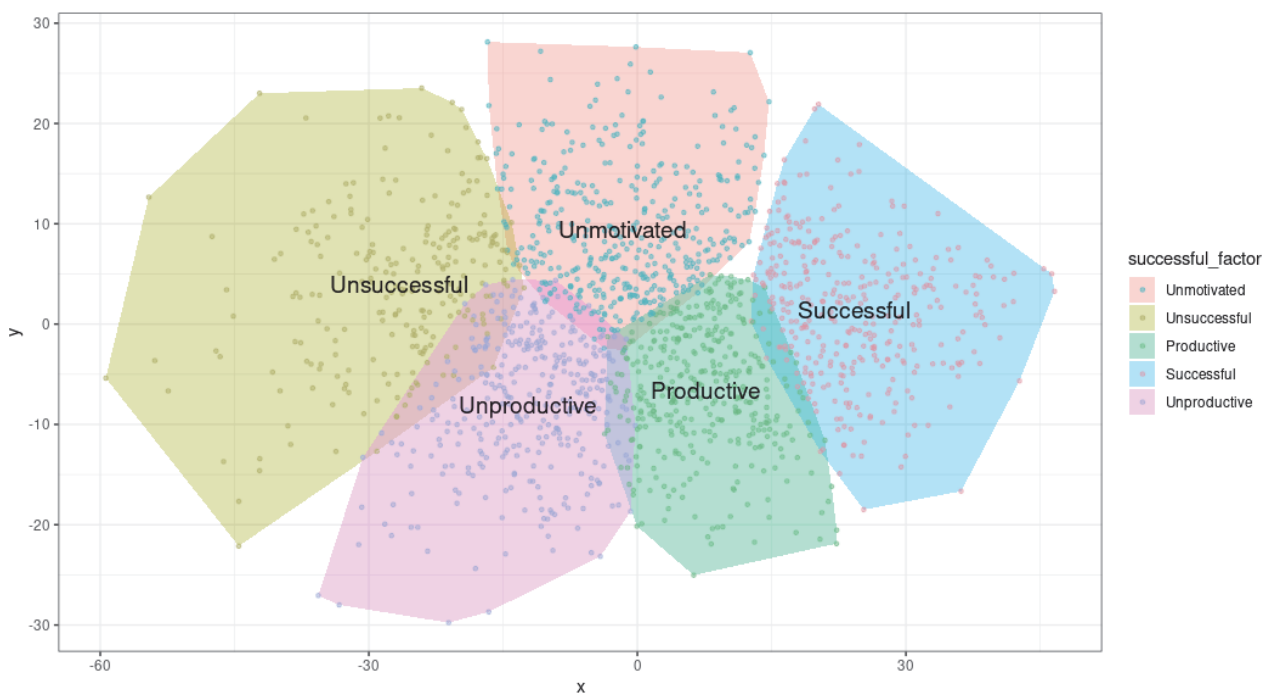

Рис. 4. Кластеры фактора «Успешность»

Рис. 5. Кластеры фактора «Интеллект»

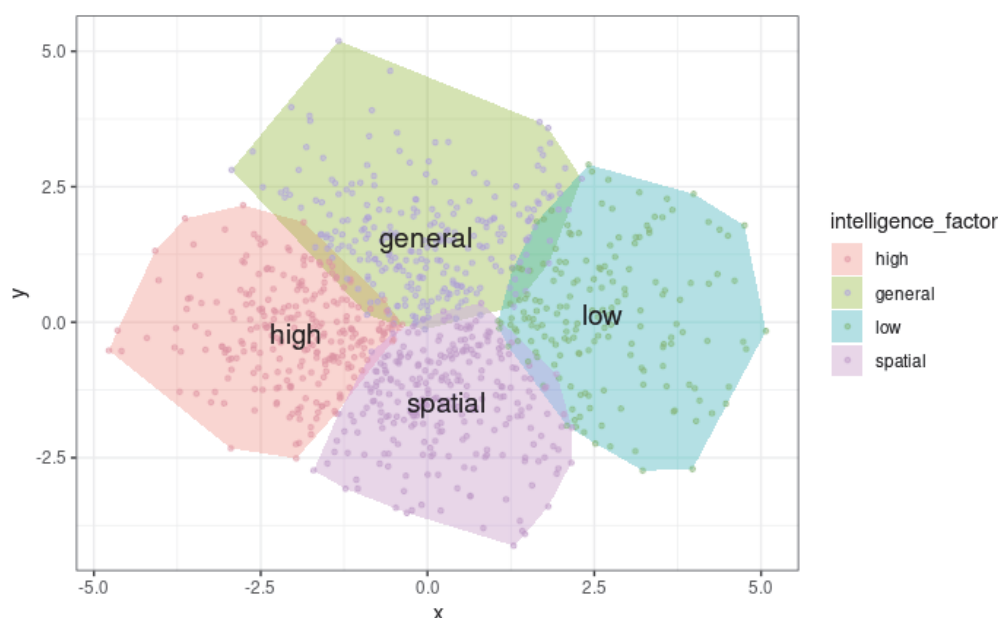

Рис. 6. Кластеры фактора «Организованность»

Проведенный факторный и кластерный анализы позволяют выделить структуру факторов, потенциально отвечающих за академическую и профессиональную успешность студентов. Такими факторами выступила успешность в своем многообразии мотивационных, личностных и поведенческих признаков, когнитивные показатели интеллекта и организованность.

Выводы

Предложенная технология построения психодиагностического пространства в образовательной цифровой среде университета, реализованная в виде дополнительного экземпляра LMS «Moodle», полностью

оправдала себя как решение, обеспечивающее организацию сложной стимульной среды, не подвергающей дополнительной нагрузке и рискам нарушения работоспособности основную LMS.

Апробация разработанной технологии позволила сделать ряд диагностических констатаций, которые могут стать предметом обсуждения в образовательных сообществах университета (руководителей основных образовательных программ, тьюторов направлений подготовки):

- внутри факультетов/институтов выделены отдельные группы первокурсников, которые значительно отличаются друг от друга, причем отдельные группы студентов разных факультетов по некоторым психологическим характеристикам более однородны,

чем разные группы одного и того же факультета/института. Такая диагностическая информация может служить дополнительным основанием для формирования межфакультетских и междисциплинарных исследовательских и проектных студенческих команд;

– полученные сведения о когнитивных особенностях студентов и выявленной специфике различий отражают и профессиональные предпочтения первокурсников, их представления о направлении и репутации подразделения, на которое они поступили. Такая информация может заинтересовать сотрудников отборочных комиссий и руководство факультетов с точки зрения организации профориентационной работы со школьниками и абитуриентами.

Технологизация построения психодиагностического пространства в условиях цифровой образовательной среды позволяет расширить возможности:

– мониторингового сопровождения образовательного процесса как в рамках отдельных направлений подготовки, так и в целом по университету;

– получения оперативной диагностической информации о динамике изменений психологических характеристик студентов в процессе образовательного продвижения и профессионализации;

– организации актуального для современной педагогики исследовательского трека – изучение на основе анализа больших баз данных результатов лонгитюдных срезов специфики как образовательных результатов (конкретизированных и описанных в образовательной программе новообразований студентов, которые предполагается получить при ее реализации), так и образовательных эффектов (недетализированных в силу слабой, недостаточной осознанности или проработанности разработчиками образовательных результатов, описание которых в образовательной программе не позволяет четко представить, в каком виде и по каким основаниям можно будет делать суждения о получении планируемых образовательных результатов).

Список источников

1. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
2. Бузин В.Н., Вандерлик Э.Ф. Краткий ориентировочный тест // Практикум по психодиагностике. Конкретные психодиагностические методики. М.: МГУ, 1989. С. 112–126.
3. Калугин А.Ю., Щебетенко С.А., Мишкевич А.М., Сото К.Дж., Джон О.П. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 1. С. 7–33. doi: 10.17323/1813-8918-2021-1-7-33
4. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
5. Whyte C.B. High-risk college freshman and locus of control // The Humanist Educator. 1977. Vol. 16 (1). P. 2–5. doi: 10.1002/j.2164-6163.1977.tb00177
6. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.
7. Shepard R.N., Metzler J. Mental rotation of three-dimensional objects // Science. 1971. Vol. 171 (3972). P. 701–703. doi: 10.1126/science.171.3972.701
8. Баланев Д.Ю., Шамаков В.А. Диагностические маркеры двигательной активности человека в электронной образовательной среде // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 138–144. doi: 10.17223/15617793/485/15
9. Fitts P.M. The information capacity of the human motor system in controlling the amplitude of movement // Journal of Experimental Psychology. 1954. Vol. 47. P. 381–391.
10. Баланев Д.Ю. Возможности визуализации результатов экспериментального исследования компромисса скорость–точность // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / ред. В.А. Барабанщиков. М.: ИП РАН, 2010. С. 80–86.
11. Moodle LMS. URL: <https://moodle.org/> (дата обращения: 01.12.2024).

References

1. Gessen, S.I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu* [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow: Shkola-Press.
2. Buzin, V.N. & Vanderlik, E.F. (1989) Kratkiy orientirovochnyy test [Brief orientation test]. In: *Praktikum po psikhodiagnostike. Konkretnye psikhodiagnosticheskie metodiki* [Workshop on Psychodiagnostics. Specific psychodiagnostic techniques]. Moscow: Moscow State University. pp. 112–126.
3. Kalugin, A.Yu. et al. (2021) Psikhometrika russkoyazychnoy versii Big Five Inventory-2 [Psychometrics of the Russian-language version of the Big Five Inventory-2]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1 (18). pp. 7–33. doi: 10.17323/1813-8918-2021-1-7-33
4. Leont'ev, D.A. & Rasskazova, E.I. (2006) *Test zhiznestoykosti* [Vitality Test]. Moscow: Smysl.
5. Whyte, C.B. (1977) High-risk college freshman and locus of control. *The Humanist Educator*. 1 (16). pp. 2–5. doi: 10.1002/j.2164-6163.1977.tb00177
6. Mandrikova, E.Yu. (2010) Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deyatelnosti (OSD) [Development of the questionnaire of self-organization of activity (OSD)]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2. pp. 87–111.
7. Shepard, R.N. & Metzler, J. (1971) Mental rotation of three-dimensional objects. *Science*. 171 (3972). pp. 701–703. doi: 10.1126/science.171.3972.701
8. Balanov, D.Yu. & Shamakov, V.A. (2022) Diagnostic markers of human motor activity in a digital learning environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 138–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/15
9. Fitts, P.M. (1954) The information capacity of the human motor system in controlling the amplitude of movement. *Journal of Experimental Psychology*. 47. pp. 381–391.
10. Balanov, D.Yu. (2010) Vozmozhnosti vizualizatsii rezul'tatov eksperimental'nogo issledovaniya kompromissa skorost'–tochnost' [Possibilities of visualization of the results of an experimental study of the speed-accuracy trade-off]. In: Barabanshchikov, V.A. (ed.) *Eksperimental'naya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy* [Experimental Psychology in Russia: Traditions and Prospects]. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 80–86.
11. Moodle LMS. (n.d.) [Online] Available from: <https://moodle.org/> (Accessed: 01.12.2024).

Информация об авторах:

Баланев Д.Ю. – канд. психол. наук, декан факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: balanevd@gmail.com

Шамаков В.А. – инженер-исследователь лаборатории экспериментальной психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kabrin@list.r

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.Yu. Balanov, Cand. Sci. (Psychology), dean of the Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: balanovd@gmail.com

V.A. Shamakov, research engineer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sva1.0@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.12.2024;
одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 10.12.2024;
approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.*

Научная статья
УДК 378.147
doi: 10.17223/15617793/510/17

Пути совершенствования профессиональной деятельности преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России, ответственных за подготовку сборных команд по легкой атлетике

Антон Сергеевич Гричанов¹, Евгений Валентинович Панов²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, g-ton@mail.ru

² Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, pan-69@mail.ru

Аннотация. Уточнены пути и возможности совершенствования профессиональной деятельности преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России, ответственных за подготовку сборных команд по легкой атлетике, принимающих участие в Спартакиаде МВД России. Представлены выводы о необходимости акцентирования внимания на важности изучения специализированного медиаконтента, посещения курсов повышения квалификации тренерской деятельности, целенаправленного поиска эффективных методик тренировочной деятельности.

Ключевые слова: преподаватель, спортсмены-курсанты, сборная команда, тренерская деятельность, образовательные организации МВД России, легкая атлетика

Для цитирования: Гричанов А.С., Панов Е.В. Пути совершенствования профессиональной деятельности преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России, ответственных за подготовку сборных команд по легкой атлетике // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 162–168. doi: 10.17223/15617793/510/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/17

Ways to improve the professional activity of physical training teachers of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia responsible for training athletics teams

Anton S. Grichanov¹, Evgenij V. Panov²

¹ Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, g-ton@mail.ru

² Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russian Federation, pan-69@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic of the study is conditioned by the need to clarify the ways and possibilities of improving the professional activity of physical training teachers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, responsible for the preparation of teams participating in its Spartakiade. The article focuses on the importance of mastering the assessment methods for comprehensive control of athletes' physical fitness, knowledge in the field of theory and methodology of teaching, regularities in sport and physical culture, skills of planning and management of the educational and training process, communication and self-regulation, teachers responsible for the preparation of teams in athletics. At the same time, special attention is paid to the need to improve the level of teachers' professional knowledge and expand their sports experience with modern innovative means of transmission and reproduction of specialized media content, regular professional development of coaching and refereeing activities in athletics, diverse interaction with other coaches and teachers, purposeful search for effective methods of training activities. The aim of the study was to identify ways to improve the professional activities of teachers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, responsible for the preparation of teams in athletics based on the generalization of the features of their coaching work and opportunities to improve its effectiveness. In order to obtain comprehensive information, the study used theoretical analysis of modern literature sources, Internet resources on the selected topic, analysis of protocols of the Spartakiade of the Ministry of Internal Affairs of Russia in athletics, questionnaires, interviews. At the initial stage of the study a survey was conducted among teachers of physical training departments, concerning the issues of the main characteristics of teachers responsible for the preparation of teams in athletics, as well as a number of topical issues of preparation in modern realities of teams in athletics for participation in the Spartakiade of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In the course of the main stage of the research, interviews were conducted with teachers from different educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, responsible for the preparation of athletics teams. The analysis of the obtained results made it possible to draw conclusions about promising directions and main factors contributing to the improvement of professional activities of

teachers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, responsible for the preparation of athletics teams.

Keywords: teacher, cadet athletes, team, coaching activity, educational organizations of Russia's Ministry of Internal Affairs, athletics

For citation: Grichanov, A.S. & Panov, E.V. (2025) Ways to improve the professional activity of physical training teachers of educational organizations of the Ministry of internal affairs of Russia responsible for training athletics teams. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp.162–168. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/17

Введение

Исследования, посвященные организационным и управленческим основам подготовки сборных команд образовательных организаций системы МВД России к участию в соревнованиях [1. С. 662; 2. С. 129], демонстрируют потребность в подготовке и совершенствовании профессиональных навыков тренерской деятельности преподавателей физической подготовки, ответственных за подготовку данных команд. Внимание обращается на уровень владения оценочными методиками для реализации комплексного контроля физической подготовки спортсменов; качество знаний теории и методологии обучения, дидактических закономерностей в спорте и физической культуре, спортивной биомеханики; особенности планирования и управления учебно-тренировочным процессом, коммуникации и интеграции с процессом физической подготовки, а также самооценки [3–5]. Вместе с тем эффективность тренерской работы преподавателя физической подготовки образовательных организаций системы МВД России также зависит от уровня сформированности специальных и общих навыков и знаний, которые обуславливают развитие навыков коммуникации, лидерства и критического мышления [6, 7]. Несмотря на увеличение количества исследований, посвященных тренерской деятельности в системе МВД России, следует отметить существующую необходимость изучения некоторых направлений подготовки и совершенствования профессиональной деятельности такого рода специалистов. Одним из аспектов деятельности преподавателей, ответственных за подготовку сборных команд, считается проведение качественного отбора и выявление наиболее физически подготовленных спортсменов-курсантов.

Определение физической подготовленности подразумевает выявление курсантов, обладающих потенциалом для достижения высоких результатов [8, 9]. Развитие физической подготовленности предопределяет ведущую роль тренерской работы и ее сочетание с всесторонней поддержкой спортсмена [10. С. 380] как в рамках тренировочного процесса, так и в рамках реальных образовательной деятельности в системе образовательных организаций МВД России [11. С. 103]. А.Н. Roberts и соавт. утверждают, что на отбор влияют такие внутренние свойства тренера, как интуиция, спортивный опыт, некоторые субъективные особенности, а также правильная интерпретация результатов традиционного функционального тестирования [12].

Безусловно, в любой учебно-тренировочной деятельности существует необходимость четкого понимания происходящих процессов спортивного развития и

планирования дальнейших действий, соответствующих условиям тренировочной деятельности и способствующих повышению квалификации как спортсменов, так и тренеров [13. С. 446]. Поскольку легкая атлетика, в частности бег на длинные дистанции, является одной из зачетных дисциплин в Спартакиаде МВД России, ее особенностям и тактике подготовки посвящено большое количество исследований [14–16]. При этом существует потребность изучения особенностей профессиональной тренерской деятельности по легкой атлетике в системе МВД России, а также выявления положительного опыта, который представляет базис для становления преподавателя физической подготовки как тренера. В этой связи задачами исследования были обозначены: анализ существующих подходов к совершенствованию профессиональной деятельности преподавателей образовательных организаций МВД России, ответственных за подготовку сборной команды по легкой атлетике; определение основных критериев, влияющих на профессиональную подготовленность рассматриваемой категории преподавателей образовательных организаций МВД России.

Целью проведенного исследования стало выявление путей совершенствования профессиональной деятельности преподавателей образовательных организаций МВД России, ответственных за подготовку сборных команд по легкой атлетике на основе обобщения особенностей их тренерской работы и возможностей повышения ее эффективности.

Методы и организация исследования

Авторами проведены теоретический анализ современных литературных источников, интернет-ресурсов по выбранной тематике, анализ протоколов Спартакиады МВД России по легкой атлетике, анкетирование, интервью. Основным методом исследования выступает интервью. Метод интервью подразумевает получение информации о современной тренерской деятельности преподавателей образовательных организаций МВД России, ответственных за подготовку сборной команды по легкой атлетике. Результаты интервью способствуют изучению ключевых особенностей их спортивной и тренерской карьеры, а также оценке возможностей дальнейшего совершенствования профессиональной деятельности. Интервью длились в среднем 30 минут. Все высказывания респондентов были оформлены в текстовом формате. Согласно разработанному сценарию интервью, вопросы были распределены по трем блокам и касались таких категорий, как источники приобретения знаний и развития профессиональных компетенций,

возможность повышения квалификации, мотивация к совершенствованию профессиональной деятельности.

Основной этап исследования проходил на базе Сибирского юридического института МВД России. В исследовании приняли участие преподаватели ($n = 6$, мужчины), ответственные за подготовку сборных команд по легкой атлетике, со средним возрастом 45,7 лет и опытом тренерской работы с курсантами-легкоатлетами от 5 до 16 лет. Преподаватели осуществляли свою профессиональную деятельность в стенах образовательных организаций, находящихся в различных регионах. Так, двое преподавателей работали в Восточно-Сибирском институте МВД России, двое – в Барнаульском юридическом институте МВД России, еще двое работали в Сибирском юридическом институте МВД России.

Помимо шести основных преподавателей, в исследовании были задействованы преподаватели кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России (СибЮИ МВД России) и Барнаульского юридического института МВД России (БЮИ МВД России) ($n = 24$, 23 мужчины, 1 женщина), которые приняли участие в опросе и обсуждении полученных результатов. Основные проблемные вопросы и результаты обсуждений отражались в протоколах заседания кафедры физической подготовки. Период исследования был ограничен (2020–2024 гг.) в связи с особенностью обучения курсантов в образовательных организациях МВД России.

Результаты и их обсуждение

Контент-анализ проведенного анкетирования позволил сделать портрет современного преподавателя физической подготовки, ответственного за подготовку сборной команды по легкой атлетике, принимающей участие в Спартакиаде МВД России. Аналитический отчет по проведенному анкетированию, касающемуся основных характеристик преподавателей, ответственных за подготовку сборных команд по легкой атлетике, принявших участие в исследовании, показал, что, имея в среднем 11,8 лет педагогического стажа, все они занимаются тренерской деятельностью со спортсменами-курсантами (таблица).

Четыре преподавателя являются кандидатами педагогических наук, двое преподавателей проходят обучение в адъюнктурах образовательных организаций МВД России. В своих анкетах преподаватели отмечали, что выбрали вид спорта, которому посвятили себя как спортсмены. 83,3% анкетированных отметили, что высокая спортивная конкуренция в рамках Спартакиады МВД России обуславливает повышенные требования к осуществлению спортивного отбора. Временные особенности обучения курсантов в образовательных организациях МВД России предопределяют фактор интенсификации тренировочной деятельности. Этот фактор, по мнению 66,7% анкетированных, предполагает увеличение доли инновационных методик тренировки, в том числе включение в тренировочный процесс тактико-технических элементов других видов легкой

атлетики. Все преподаватели, занимающиеся тренерской деятельностью, имели высшее образование, 66,7% респондентов являлись кандидатами педагогических наук. Кроме того, все участники добились высоких результатов в легкой атлетике как спортсмены, что выразилось в наличии у них трех спортивных званий «Мастер спорта России» и трех спортивных разрядов «Кандидат в мастера спорта». Такая квалификация и определенный опыт в сфере учебно-методической работы, по мнению 83,3% анкетированных, положительно сказались на их организационно-управленческих способностях, морально-волевых качествах и педагогических навыках.

Основные характеристики анкетированных, принимавших участие в исследовании

Преподаватели	Образование, ученая степень, ученое звание	Стаж педагогической деятельности	Специализация	Спортивное звание, спортивный разряд
П1	Высшее, канд. пед. наук	8 лет	Бег на средние дистанции, стипль-чез	Кандидат в мастера спорта
П2	Высшее, канд. пед. наук, профессор	20 лет	Бег на длинные дистанции, бег на средние дистанции	Мастер спорта России
П3	Высшее, канд. пед. наук, доцент	22 года	Бег на длинные дистанции, бег на средние дистанции	Мастер спорта России
П4	Высшее, канд. пед. наук, доцент	10 лет	Бег на длинные дистанции, бег на средние дистанции	Кандидат в мастера спорта
П5	Высшее	6 лет	Марафонский бег, бег на длинные дистанции	Мастера спорта
П6	Высшее	5 лет	Марафонский бег, бег на длинные дистанции	Кандидат в мастера спорта

Вместе с тем анализ протоколов Спартакиады МВД России по легкой атлетике за последние четыре года с 2020 по 2024 г. позволил оценить выступления сборных команд, в которых проводили тренировки участвующие в исследовании преподаватели. Учитывая то, что курсанты-легкоатлеты под руководством данной категории преподавателей регулярно показывали отличное время прохождения дистанций, выполняли личные рекорды и нередко оказывались в десятке лидеров, можно сделать вывод о высоких результатах проведенной учебно-тренировочной работы за исследуемый период.

Таким образом, к выводу о результатах проведенного анкетирования можно отнести то, что на современном этапе развития спорта перед преподавателями, ответственными за подготовку сборных команд по легкой атлетике в образовательных организациях МВД России, на первый план вышли задачи качественного отбора спортсменов и повышения эффективности тренировочного процесса путем совершенствования своих умений и навыков. Так, А.П. Кизько подтверждает, что «при увеличении количества статистических зависимостей, участвующих в формировании

управленческого воздействия, принятие верного решения зависит не только от неопределенности каждой из них, но от их взаимодействия. Эта закономерность случайных явлений приводит к тому, что из-за взаимодействия неопределенностей, усложнения системы планирования управляемость спортивной тренировки становится неудовлетворительной» [17].

Первый блок сценария интервью был посвящен исследованию фактов непосредственного влияния на преподавателей, которые были спортсменами, оказываемого со стороны тренеров на выбор будущей профессии. 83,3% респондентов в интервью отметили, что первый тренер стал положительным примером специалиста в области физической культуры, позволил накопить определенный опыт в выборе методов и средств спортивной тренировки и в последующем построить профессиональную карьеру.

В рамках данного вопроса следует сделать вывод о важности постоянного взаимодействия преподавателя с членами команды как старшего наставника в спортивной карьере спортсмена. Специфический опыт, приобретенный в качестве квалифицированного спортсмена, дал ряд преимуществ и расширил для преподавателей, ответственных за подготовку сборных команд по легкой атлетике, диапазон путей совершенствования своей подготовленности. Он выразился в получении комплекса знаний об особенностях тренировочного процесса в выбранном виде легкой атлетики, умении принимать организационные решения на основе своего спортивного опыта, владении рядом сформированных двигательных навыков и способности передать имеющийся опыт другим людям.

Второй блок сценария вопросов в интервью касался возможностей приобретения знаний для своей практической деятельности. Несомненно, опыт, полученный от первого и последующих тренеров, становится для спортсмена уникальным. Но этот опыт будет скопированным и подсмотренным. В такой творческой деятельности, как тренерская работа в легкоатлетической команде, необходимо быть на острие инновационных методов и разработок. От того, как преподаватель, занимающийся тренерской деятельностью, стремится к саморазвитию и повышению своей профессиональной квалификации, зависит уровень его успешности и эффективности. В данный блок вошли объединенные результаты интервью и анкетирования как преподавателей, которые участвовали в основном исследовании, так и других преподавателей кафедр физической подготовки СибЮИ МВД России и БЮИ МВД России (рис. 1).

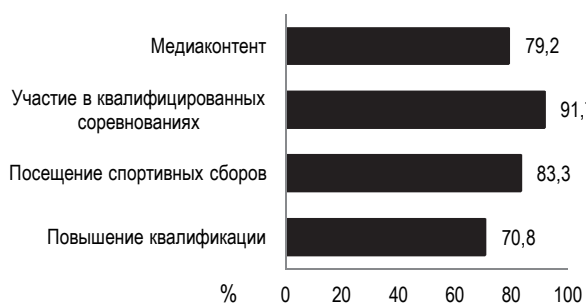

Рис. 1. Возможности приобретения знаний преподавателями-тренерами

Век современных технологий предопределяет расширение возможностей получения различной информации. В частности, преподаватели отмечали возросшее количество источников получения информации о передовой и инновационной методике, тренировочной практике в легкой атлетике. Также следует отметить увеличение возможностей пересылки определенного медиаконтента с помощью мессенджеров одновременно всем членам команды. Поэтому 79,2% преподавателей отметили медиаконтент как средство приобретения новых знаний. 91,7% преподавателей отметили важность участия команды в квалифицированных соревнованиях по легкой атлетике. Необходимо подчеркнуть, что данные результаты интересны возможностями получения непосредственного визуального опыта преподавателями, ответственными за подготовку сборной команды, в ходе проведения соревнований, а также общения с другими тренерами и представителями команд. Большинство преподавателей (83,3%) отметили безусловное плодотворное влияние как на результаты команды, так и на возможности дальнейшего совершенствования своего тренерского мастерства от посещения спортивных сборов. Спортивные сборы дают уникальную возможность реализации теоретических наработок в тренировочной деятельности, сбора и интерпретации полученных результатов. Процесс развития тренерской карьеры непрерывен, и в своих ответах многие преподаватели (70,8%) отметили широкие возможности приобретения новых знаний на курсах повышения квалификации как в системе МВД России, так и в других специализированных организациях.

В этой связи следует сделать вывод о постоянной необходимости преподавателя, ответственного за подготовку сборной команды по легкой атлетике, в повышении уровня своих знаний и расширении опыта тренировочной деятельности. Разноплановое общение с тренерами даже из других видов спорта и с различной квалификацией, посещение курсов повышения квалификации тренерской и судейской деятельности в легкой атлетике, просмотр специализированного медиаконтента, в том числе зарубежного, целенаправленный поиск и анализ опыта обучения позволяют преподавателю совершенствовать свои тренерские качества и создавать свой собственный стиль работы.

В третий блок сценария интервью были включены вопросы, касающиеся мотивации преподавателей, ответственных за подготовку сборной команды по легкой атлетике, в работе по поиску новой специализированной информации, обновлению материалов, касающихся методики спортивной тренировки. Так, 83,3% респондентов подчеркнули важность личностного и профессионального роста. Все преподаватели единогласно отметили главный мотивирующий фактор, заключающийся в развитии и постоянном совершенствовании курсантов-спортсменов, а также в формировании команды как единого организма. Поэтому основным выводом по причинам постоянного поиска знаний и повышения квалификации преподавателей, ответственных за подготовку сборной команды по легкой атлетике, может являться стремление к эволюции

спортсменов, которые способны добиться высоких результатов на всероссийских и международных соревнованиях. Не стоит забывать и про личную мотивацию преподавателя, его амбиции как тренера. Несомненно, каждый преподаватель, ответственный за подготовку сборной команды, имеющий богатый опыт собственной спортивной карьеры и решивший совершенствовать свою тренировочную деятельность, обладающий адекватной самооценкой, будет стремиться к достижению успехов и передачи накопленного опыта членам своей легкоатлетической команды.

Заключение

Проведенное исследование позволило выделить ряд основных факторов, способствующих совершенствованию профессиональной деятельности преподавателей образовательных организаций МВД России, ответственных за подготовку сборных команд по легкой атлетике. К первому фактору относятся особенности организации учебно-тренировочной деятельности их собственных тренеров. Тот опыт и знания, которые получили преподаватели, будучи спортсменами, является базовым. Именно из него многие бывшие спортсмены, которые стали заниматься тренерской деятельностью, получают возможности как личного развития, так и развития команды.

Ко второму фактору необходимо отнести достижение высоких результатов членами команды. Безусловно, всем нравится выигрывать и добиваться успехов. Успех определял основные мотивы преподавателей. К основным из них относятся желание дальнейшего самосовершенствования, усиление ориентированности на результат, возрастание потребности в социальной значимости в обществе.

Деятельность преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России, ответственных за подготовку сборной команды по легкой атлетике, включает в себя широкий круг специали-

зированных составляющих, которые представляют собой повседневную работу в коллективе единомышленников, взаимодействие с командой и отдельным спортсменом-легкоатлетом, понимание личных мотивов в тренерской деятельности и постоянную самооценку. Оценка своих действий, мотивов, мнения окружающих и достижений в спорте стимулирует к профессиональному развитию как в роли преподавателя, так и тренера. Широкие возможности современных технологий, доступности средств связи, большой выбор литературных и интернет-источников позволяют преподавателям непрерывно повышать уровень своей тренерской компетентности в выбранном виде спорта.

Результаты, полученные в исследовании, предполагают дальнейшее изучение, но та информация, которая была раскрыта, обуславливает совершенствование профессиональных навыков преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России в рамках осуществления ими тренерской деятельности по разным видам спорта.

В заключении следует отметить, что процесс достижения высоких результатов курсантами-спортсменами, их развитие и становление как высококвалифицированных легкоатлетов, требует от преподавателей, ответственных за подготовку сборных команд по легкой атлетике, соответствия современным реалиям спорта, важности понимания своей ответственности перед лицом коллектива команды и всей образовательной организации МВД России, которая будет представлена на соревнованиях. Такое положение дел определяет необходимость постоянного поиска и реализации новых знаний и практического опыта, повышение количества форм и методов использования передовых инновационных средств, увеличения креативности в учебно-тренировочной деятельности, что непосредственно влияет на совершенствование профессиональной деятельности преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России.

Список источников

1. Баланчук Р.О., Филимонов В.А. Организационные и управленческие основы подготовки сборной команды образовательной организации системы МВД России к участию в соревнованиях по служебно-прикладным видам спорта: положительный опыт Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2022. № 3. С. 662–669.
2. Бештоев Р.О. Основы формирования профессиональной компетентности преподавателей физической подготовки в образовательных организациях МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 1. С. 129–131.
3. Гричанов А.С., Морозов В.А., Федулов Б.А. Педагогическое обеспечение подготовки курсантов вуза МВД России к участию в спортивных соревнованиях и служебно-профессиональных конкурсах // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20949>
4. Губжиков А.Х., Тхазеплов Р.Л. Подготовка инструкторов и тренеров для системы МВД России: современное состояние и направления развития // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 154–156.
5. Сагова З.А., Каптурова В.М. Профессиональная рефлексия как фактор успешности тренера в спорте // Национальный психологический журнал. 2017. № 2 (26). С. 26–34.
6. Бакин А.В., Герасимов И.В. Управление системой подготовки спортсменов образовательных организаций системы МВД России // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 39–43.
7. Бичан Н.В., Погорелова К.Р. Совершенствование психолого-педагогического сопровождения спортивной карьеры // Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России. Краснодар : Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 22–27.
8. Буров А.В., Ализар Т.А. Проблема определения таланта в спорте // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 4 (194). С. 58–62.
9. Губа В.П. Основы распознавания раннего спортивного таланта: учебное пособие для вузов физической культуры. М. : Терра-спорт, 2003. 207 с.
10. Хайруллин И.Т., Васенков Н.В. Определение одаренностей и поиск талантов в спорте // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2019. Т. 15. С. 378–382.

11. Ульянина О.А. Психологическое сопровождение спортивной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России, включенных в сборные спортивных команд // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2. С. 102–108.
12. Roberts A.H., Greenwood D.A., Stanley M., Humberstone C., Iredale F., Raynor A. Coach knowledge in talent identification: a systematic review and meta-synthesis // Journal of Science and Medicine in Sport. 2019. Vol. 22, Is. 10. P. 1163–1172.
13. Таймазов В.А., Таймазов А.В., Никитин С.А., Корольков Е.П. Особенности стратегического планирования в системе управления физической культурой и спортом в России // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 4 (182). С. 445–451.
14. Мананников С.В., Красилов О.В. Бег – основа физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 2 (41). С. 247–248.
15. Матвеев А.С. Актуальные проблемы группы спортивного совершенствования по легкой атлетике // Актуальные вопросы совершенствования огневой и физической подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2021. С. 96–100.
16. Панов Е.В., Вологодина Я.В. Некоторые аспекты подготовки курсантов образовательных организаций МВД России к соревнованиям по легкоатлетическому кроссу // Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных организациях высшего образования. Здоровый образ жизни как фактор профилактики наркомании. Красноярск : Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 199–202.
17. Кизько А.П. Состояние и перспективы с ожидаемой системой управления подготовкой спортсменов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2016. № 4 (134). С. 120–126.

References

1. Balandyuk, R.O. & Filimonov, V.A. (2022) Organizatsionnye i upravlencheskie osnovy podgotovki sbornoy komandy obrazovatel'noy organizatsii sistemy MVD Rossii k uchastiyu v sorevnovaniyakh po sluzhebno-prikladnym vidam sporta: polozhitel'nyy opyt Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina [Organizational and managerial foundations for preparing the national team of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia for participation in competitions in service-applied sports: positive experience of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh nauk i tekhnologiy "Integral"*. 3, pp. 662–669.
2. Beshtoev, R.O. (2020) Osnovy formirovaniya professional'noy kompetentnosti prepodavateley fizicheskoy podgotovki v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii [Fundamentals of formation of professional competence of physical fitness teachers in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 1. pp. 129–131.
3. Grichanov, A.S., Morozov, V.A. & Fedulov, B.A. (2015) Pedagogicheskoe obespechenie podgotovki kursantov vuza MVD Rossii k uchastiyu v sportivnykh sorevnovaniyakh i sluzhebno-professional'nykh konkursakh [Pedagogical support for the preparation of cadets of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia for participation in sports competitions and service-professional competitions]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 4. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20949>
4. Gubzhokov, A.Kh. & Tkazeplov, R.L. (2021) Podgotovka instruktorov i trenerov dlya sistemy MVD Rossii: sovremennoe sostoyanie i napravleniya razvitiya [Training of instructors and trainers for the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: current state and directions of development]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 1. pp. 154–156.
5. Sagova, Z.A. & Kapturova, V.M. (2017) Professional'naya refleksiya kak faktor uspekhov trenera v sporte [Professional reflection as a factor in the success of a coach in sports]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*. 2 (26). pp. 26–34.
6. Bakin, A.V. & Gerasimov, I.V. (2017) Upravlenie sistemoy podgotovki sportsmenov obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii [Management of the training system for athletes of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. In: *Sovershenstvovanie professional'noy i fizicheskoy podgotovki kursantov, slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy i sotrudnikov silovykh vedomstv* [Improving the Professional and Physical Training of Cadets, Students of Educational Organizations and Employees of Law Enforcement Agencies]. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 39–43.
7. Bichan, N.V. & Pogorelova, K.R. (2022) Sovershenstvovanie psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya sportivnoy kar'ery [Improving psychological and pedagogical support for a sports career]. In: *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya spetsial'noy podgotovki kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii* [Current Issues in Improving the Special Training of Cadets and Students of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 22–27.
8. Burov, A.V. & Alizar, T.A. (2021) Problema opredeleniya talanta v sporte [The problem of determining talent in sports]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 4 (194). pp. 58–62.
9. Guba, V.P. (2003) *Osnovy raspoznavaniya rannego sportivnogo talanta* [Fundamentals of Recognizing Early Sports Talent]. Moscow: Terra-sport.
10. Khayrullin, I.T. & Vasenkov, N.V. (2019) Opredelenie odarennostey i poisk talantov v sporte [Determining giftedness and searching for talents in sports]. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya*. 15. pp. 378–382.
11. Ul'yanina, O.A. (2017) Psikhologicheskoe soprovozhdenie sportivnoy deyatel'nosti kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii, vkluychennykh v sbornye sportivnykh komand [Psychological support for sports activities of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia included in national sports teams]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 2. pp. 102–108.
12. Roberts, A.H. et al. (2019) Coach knowledge in talent identification: a systematic review and meta-synthesis. *Journal of Science and Medicine in Sport*. 10 (22). pp. 1163–1172.
13. Taymazov, V.A. et al. (2020) Osobennosti strategicheskogo planirovaniya v sisteme upravleniya fizicheskoy kul'turoy i sportom v Rossii [Features of strategic planning in the physical education and sports management system in Russia]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 4 (182). pp. 445–451.
14. Manannikov, S.V. & Krasilov, O.V. (2021) Beg – osnova fizicheskoy podgotovki kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii [Running is the basis of physical training of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2 (41). pp. 247–248.
15. Matveev, A.S. (2021) Aktual'nye problemy gruppy sportivnogo sovershenstvovaniya po legkoy atletike [Actual problems of the sports improvement group in athletics]. In: *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya ognevoy i fizicheskoy podgotovki obuchayushchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* [Actual Issues of Improving the Firepower and Physical Training of Students in Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Ufa: Ufimskiy YuI MVD Rossii. pp. 96–100.
16. Panov, E.V. & Vologdina, Ya.V. (2021) Nekotorye aspekty podgotovki kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii k sorevnovaniyam po legkoatleticheskomu krossu [Some aspects of the preparation of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia for track and field cross-country competitions]. In: *Optimizatsiya uchebno-vospitatel'nogo i trenirovochnogo protsessa v uchebnykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya. Zdorovyy obraz zhizni kak faktor profilaktiki narkomanii* [Optimization of the Educational and Training Process in Educational Organizations of Higher Education. Healthy lifestyle as a factor in the prevention of drug addiction]. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 199–202.
17. Kiz'ko, A.P. (2016) Sostoyanie i perspektivy s ozhidaemoy sistemoy upravleniya podgotovkoy sportsmenov [Status and prospects with the expected management system for the training of athletes]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 4 (134). pp. 120–126.

Информация об авторах:

Гричанов А.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: g-ton@mail.ru; ORCID: 0009-0007-0557-0124

Панов Е.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России (Красноярск, Россия). E-mail: pan-69@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0256-1173

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Grichanov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: g-ton@mail.ru; ORCID: 0009-0007-0557-0124

E.V. Panov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: pan_69@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0256-1173

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.06.2024;
одобрена после рецензирования 06.12.2024; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 24.06.2024;
approved after reviewing 06.12.2024; accepted for publication 31.01.2025.*

Научная статья
УДК 378:37.018.43:004.5
doi: 10.17223/15617793/510/18

Интегральная модель обеспечения цифровой доступности электронного обучения в высшем профессиональном образовании

Екатерина Алексеевна Косова¹, Ольга Владимировна Галустян²

¹ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru
² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ovgalustyan@sfnu.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы организации и поддержки общедоступного электронного обучения в высшем профессиональном образовании. Разработана интегральная модель обеспечения цифровой доступности в вузе, включающая методологические, педагогические, инфраструктурные и мотивационные компоненты формирования доступной цифровой среды, учитывающая потребности и предпочтения широкой аудитории обучающихся, включая лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: цифровая доступность, общедоступность, электронное обучение, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, высшее образование, вуз, интегральная модель

Для цитирования: Косова Е.А., Галустян О.В. Интегральная модель обеспечения цифровой доступности электронного обучения в высшем профессиональном образовании // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 169–182. doi: 10.17223/15617793/510/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/18

Integral model for ensuring digital accessibility of e-learning in higher professional education

Yekaterina A. Kosova¹, Olga V. Galustyan²

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation, lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru
² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, ovgalustyan@sfnu.ru

Abstract. The article discusses issues related to organizing and supporting accessible e-learning. The main aim of the article is to develop and justify a conceptual model for ensuring the digital accessibility of e-learning in higher professional education. The analysis of existing approaches to ensuring digital accessibility in universities has not revealed a model that systematically considers all factors that hinder digital inclusion in higher education. The model should propose methodological procedures to ensure digital accessibility and take into account the needs and preferences of all students, regardless of their disabilities. As a result of the study, the authors developed an integral model for ensuring digital accessibility at a university, comprising five interconnected modules: (1) methodological, (2) structural and content, (3) infrastructural, (4) pedagogical and (5) motivational. The methodological module comprises the theoretical and methodological underpinnings for organizing accessible e-learning. The infrastructure module establishes the physical and spatial setting of the university that is conducive to implementing accessible e-learning (e.g., a barrier-free environment and appropriate technical equipment). The pedagogical module specifies a set of organizational and educational features of the university environment that promote inclusivity in e-learning (e.g., flexibility in scheduling and diversity in learning modalities). The purpose of the motivational module is to create conditions for the development of education specialists' readiness to ensure digital accessibility of e-learning (e.g., material and non-material incentives). The structural and content module consists of several components, which, when implemented, aim to achieve the goal of providing digital accessibility for e-learning at a university. These components include: (a) researching and assessing legal norms, standards, and guidelines for digital accessibility; (b) identifying the student population and their needs regarding digital accessibility; (c) assessing and adjusting the accessibility of existing electronic educational resources; (d) providing education and advisory support to stakeholders involved in e-learning; (e) training education specialists in technologies to ensure digital accessibility; and (f) developing accessible digital resources and delivering training. The developed integrated model, in contrast to most other approaches, involves a diverse range of e-learning participants and takes into account the specific needs and preferences of all students, including those with disabilities. Therefore, it seems crucial to use this model to create policies and strategies aimed at ensuring digital accessibility within universities.

Keywords: digital accessibility, e-learning, students with disabilities, higher education, university, integrated model

For citation: Kosova, Ye.A. & Galustyan, O.V. (2025) Integral model for ensuring digital accessibility of e-learning in higher professional education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 169–182. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/18

Введение

Под электронным обучением в самом широком смысле понимают организацию образовательной деятельности с использованием информационных и коммуникационных технологий, в том числе дистанционных [1–4]. Общедоступность такого вида обучения нередко рассматривается с позиций преодоления «цифрового разрыва», связанного с возникающим неравенством доступа обучающихся к цифровым технологиям и контенту [5–7]. Для объяснения вопросов общедоступности и инклюзивности электронного обучения на методологическом уровне применимо понятие «цифровой доступности» – проекции универсального дизайна в цифровой образовательной среде [8]. Цифровая доступность может быть квалифицирована как способность инструментов электронного обучения, в том числе электронных образовательных ресурсов, удовлетворять потребностям как можно более широкой аудитории обучающихся, исходя из индивидуальных возможностей и потребностей каждого [4, 7, 9].

Электронный образовательный ресурс доступен, если размещенный на нем контент воспринимаем, управляем, понятен и работоспособен для каждого пользователя. Требования цифровой доступности регулируются Руководящими принципами доступности веб-контента (англ. Web Content Accessibility Guidelines, WCAG) [10–12], а также другими международными и национальными стандартами и техническими регламентами [13]. К главным бенефициарам цифровой доступности относятся обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) [14–17], однако остальные студенты также получают преимущества от использования доступного цифрового контента ввиду его универсальности, понятности и избыточности.

Обеспечению цифровой доступности электронного обучения в высшем образовании препятствуют факторы, среди которых выделяют: 1) несовершенство нормативного поля, обуславливающее наличие противоречий между задекларированными в правовых актах гарантиями общедоступности образования и электронного обучения и фактически недостаточным уровнем доступности электронных образовательных ресурсов [18, 19]; 2) наличие сложностей распознавания обучающихся, имеющих особые потребности при обучении и нуждающихся в обеспечении цифровой доступности [20–23]; 3) слабую осведомленность участников образовательного процесса о цифровой доступности и ее преимуществах в обучении, о технологиях электронного обучения, способствующих достижению его общедоступности [24, 25]; 4) недостаточность компетентности специалистов сферы высшего образования в области цифровой доступности [26–29]; 5) низкую доступность инструментов электронного обучения, в том числе систем управления обучением [30, 31], платформ открытого образования [32–36], массовых открытых онлайн-курсов [37–39].

Таким образом, обеспечение цифровой доступности связано с преодолением комплекса концептуальных и методологических проблем, требующих техни-

ческого, методического и институционального совершенствования образовательного процесса.

В литературе предложены модели обеспечения цифровой доступности в высшем образовании, рассмотренные в аспектах: оценки качества электронного обучения [40], контекстуальных характеристик образовательной среды [41–43], деятельности участников образовательного процесса [44], поддержки и сопровождения доступного обучения [14, 16, 45], просвещения и обучения преподавателей [46], инклюзивной педагогики [47, 48].

Вместе с тем не обнаружено модели, в которой системно учитываются все факторы, препятствующие цифровой инклюзии в высшем образовании, предложены методологические процедуры по обеспечению цифровой доступности и учтены потребности и предпочтения всего многообразия обучающихся вне зависимости от наличия или отсутствия устойчивых нарушений здоровья.

В Российской Федерации вопросы соблюдения цифровой доступности проработаны недостаточно [13, 49], в то время как конституционное право на всеобщую доступность образования гарантировано на всех его ступенях, причем при реализации электронного обучения каждому обучающемуся должны быть предоставлены условия, обеспечивающие равный и справедливый доступ к образовательному процессу [50]. Нуждается в разработке научно обоснованная и педагогически выверенная модель обеспечения цифровой доступности и соответствующая ей методология, предназначенная для повышения инклюзивности профессионального образования и обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Цель статьи – обосновать и разработать концептуальную модель обеспечения цифровой доступности электронного обучения в высшем профессиональном образовании.

Существующие модели обеспечения доступности электронного обучения

Общей целью всех ранее опубликованных моделей является оптимизация доступности обучения с использованием информационных и коммуникационных технологий в вузе. Предлагается достигать этой цели разными методами, соответственно, структурные компоненты моделей также различаются.

Так, В. Kelly и соавторы (2004) [41] предложили так называемую «целостную модель доступности электронного обучения» (англ. holistic model for e-learning accessibility), в центре которой находится обучающийся с его особенностями и потребностями. По мнению авторов, удовлетворения только технических требований доступности, определяемых WCAG, недостаточно для обеспечения общедоступности электронного обучения для всех студентов с ОВЗ. Необходимо также учитывать: удобство использования образовательных ресурсов, цели обучения, особенности инфраструктуры учебного заведения и прочих локальных характеристик образовательной среды (включая куль-

турные, политические и социальные факторы). Процессы обеспечения доступности должны регулироваться институциональной системой оценки качества, основанной на законодательстве, руководящих принципах доступности, разработанных в вузе политике доступности и протоколах их соблюдения. В модифицированной версии модели [42] детализированы учебные активности и ресурсы смешанного обучения, которые могут оказать влияние на цели обучения с учетом особенностей и потребностей студентов с ОВЗ. Авторы публикаций [41, 42] не поддерживают универсальность дизайна, выступая за адаптацию образовательной среды к потребностям обучающихся в каждом конкретном эпизоде онлайн- или смешанного обучения; участие в образовательном процессе преподавателей, администрации и других специалистов в предложенных моделях оставлено без внимания.

В работе J. Seale (2006) [43] разработана «контекстуализированная модель доступной практики электронного обучения» (англ. contextualized model of accessible e-learning practice) в высшем образовании. В модели учтены группы стейкхолдеров цифровой доступности (обучающиеся, преподаватели, инструкторы обучения, работники поддержки и дополнительного профессионального образования, администрация) и контекстуальные условия обеспечения доступного обучения, включая так называемые движущие силы (англ. drivers) и посредников (англ. mediators), влияющих на процессы обеспечения доступности. К движущим силам автор относит законодательство, универсальные руководящие принципы и стандарты доступности, в то время как посредники представляют собой интенциональные характеристики заинтересованных сторон – отношение к инвалидности и доступности, интеграции и сегрегации, долгу и ответственности, командной работе и сообществу, автономии и согласию [43]. Согласно модели, под влиянием движущих сил и посредников, стейкхолдеры вырабатывают методы обеспечения цифровой доступности, к которым относятся: разработка общих целей, политик и стратегий; модификация сервисов; выявление и согласование лучших практик; разработка и использование доступных инструментов электронного обучения. Согласованная работа заинтересованных сторон, осознающих свои роли, приводит к достижению главной цели – обеспечению цифровой доступности электронного обучения в вузе [43].

Впоследствии J. Seale (2007) рассмотрела «системную модель деятельности в доступной практике электронного обучения» (англ. systemic model of activity in the accessible e-learning practice) [44]. Исследовательница приравнивает элементы доступной практики шести компонентам системы деятельности Y. Engeström (1987) [51]: субъекты (специалисты, работающие в сфере электронного обучения); цель (обеспечение доступности электронного обучения для лиц с ОВЗ); инструменты (руководящие принципы, нормативные документы, средства для оценки и исправления контента); правила (институциональные политики и стратегии); сообщество (участники электронного обуче-

ния, включая обучающихся, преподавателей, администрацию, работников поддержки и специалистов по дополнительному профессиональному образованию); разделение труда (роли и обязанности участников электронного обучения). Анализ взаимосвязей между компонентами системы деятельности, по мнению J. Seale (2007) [44], позволяет выявить «тонкие места» в процессе обеспечения цифровой доступности электронного обучения и наметить пути для ее совершенствования.

G. Kouroupetroglou и соавторы (2011) [45] предложили «модель предоставления услуг доступности для студентов с ограниченными возможностями» (англ. model of accessibility services provision for students with disabilities). В центре модели находится студент с ОВЗ, который должен быть обеспечен образовательными услугами в соответствии со своими возможностями и потребностями. Оказанием услуг занимается специализированный отдел доступности, осуществляющий взаимосвязь со студентом и остальными участниками образовательного процесса. Все услуги доступности авторы разбили на три кластера: услуги, адресованные студентам (сервисы регистрации потребностей, оценки возможностей, персональных ассистивных технологий, транспорта, доступных образовательных материалов, психологического консультирования, перевода на язык жестов, волонтерства); услуги, применяемые к студенческой среде (сервисы доступности зданий, библиотек и лабораторий, разработки политик, рекомендаций и руководящих принципов, обучения персонала и волонтеров); услуги по продвижению доступности (службы оценки доступности образовательного контента, организации мероприятий по продвижению доступности, распространения ноу-хау, проведения научных исследований) [45]. Модель ориентирована как на традиционное, так и на электронное обучение.

Разработанная G. Papadopolous и соавторами (2012) [46] «модель развития персонала для проектирования инклюзивного электронного обучения» (англ. staff development framework for inclusive e-learning design) предназначена в первую очередь для повышения компетентности преподавательского состава университета в области цифровой доступности. Модель состоит из трех кластеров, которые в совокупности поддерживают цель обеспечения инклюзивного электронного обучения и преподавания. Первый кластер включает этапы формирования компетенций преподавателей – от повышения осведомленности через улучшение понимания к развитию устойчивых навыков. Во втором кластере рассматриваются процессы, способствующие повышению квалификации, – поддержание мотивации, стимулирование сопереживания опыта студентов, обучение навыкам. Третий кластер содержит процедуры развития компетенций персонала – использование симуляторов инвалидности, изучение информационных, консультационных и учебных материалов в электронном формате. Для запуска всей системы повышения квалификации используются внешние (законодательство) или внутренние (благие намерения) стимулы [46].

В работе R. Permvattana с соавторами (2013) [47] детально разобрана «целостная модель для людей с нарушениями зрения, учитывающая использование виртуальных информационно-технологических находок» (англ. VIVID (Vision Impaired using Virtual IT Discovery) holistic model). В центре модели находится целевой кластер доступных условий образовательной среды, к которым относятся физические и виртуальные классы, образовательные программы и учебные материалы. Созданию доступного электронного обучения способствуют элементы среднего кластера: характеристики обучающихся (персональные особенности и потребности, демографические, культурные и географические параметры); факторы, способствующие коммуникации обучающихся и их совместной работе (технические инструменты, платформы и программное обеспечение); ожидаемые образовательные результаты, заданные с учетом особенностей обучающихся. Внешний кластер составляют элементы, регулирующие жизнедеятельность всей системы обеспечения доступности: юридические требования, стандарты и руководящие принципы; институциональные факторы (стратегии и политики вуза, сервисы, инфраструктура); процессы оценки и коррекции доступности. Данная модель [47] предназначена как для онлайн-обучения, так и для смешанного обучения и может быть экстраполирована на всех обучающихся с ОВЗ.

В исследовании P.R. Lowenthal с соавторами (2020) [48] рассуждает на тему разработки пока не формализованной модели, позволяющей сделать онлайн-обучение в вузе доступным, полезным и инклюзивным для всех. Авторы выделяют структурные компоненты, которые необходимо поместить в модель для достижения общедоступного электронного обучения: понятный для всех контент – обеспечение технической доступности, основанной на опыте и разнообразии пользователей, руководящих принципах и локальных вузовских политиках доступности; доступная инклюзивная педагогика и дизайн курсов – обеспечение универсальности, понятности, согласованности, простоты дизайна и наполнения электронных образовательных ресурсов; доступное и инклюзивное обучение – обеспечение своевременной обратной связи и взаимодействия, гибкости регламента обучения, осуществление мониторинга прогресса обучения. Создание доступной среды электронного обучения должно опираться на легитимные основания и стандарты доступности с учетом разнообразия обучающихся, их потребностей и предпочтений [48].

В работе J. Brown с соавторами (2022) [14] рассмотрена «четырёхквadrантная модель институционального сопровождения доступного онлайн-обучения» (англ. four-quadrant model of institutional support for accessible online learning). По мнению авторов, модель цифровой инклюзии в вузе должна включать четыре равнозначных и взаимосвязанных кластера (квадранта): политику и обязательства (цели и регламенты учреждения в отношении доступности обучения в цифровой среде, основанные на WCAG 2.1 [11]); подготовку преподавательского состава (повышение осве-

домленности и квалификации в отношении доступности электронного обучения, разработку доступных цифровых ресурсов); поддержку доступного электронного обучения (экспертизу цифровых ресурсов, обучение и защиту интересов обучающихся); технологии доступного электронного обучения (закупки цифровых ресурсов и проверку их соответствия потребностям потребителей доступного электронного обучения) [14].

С. Timbi-Sisalima с соавторами (2022) [40] предлагают вузам оценивать качество обучения и образования с позиций доступности и инклюзивности электронного обучения, используя модель самооценки (англ. self-assessment model) с компонентами, включающими организацию обучения, поддержку студентов, эффективность преподавания и адекватность инфраструктуры. Модель содержит четыре измерения, которые оцениваются исходя из соответствия 16 рекомендациям, включающим 48 проверяемых признаков. Для измерения «организация» выполняется оценка публикации учреждением в доступной форме сведений о технологических требованиях, обеспечивающих доступ и использование образовательной программы и учебного контента электронных образовательных ресурсов. В рамках измерения «студенческий состав» проверяется наличие в учреждении правил и процедур, разработанных для инклюзии студентов и регулирующих равные условия обучения для каждого. Измерение «преподавание» включает оценку применения учреждением модели отбора преподавателей, в которой учитываются навыки обеспечения цифровой доступности электронного обучения. Проверка обеспеченности студентов и преподавателей доступом к компьютерам с интернетом, электронной образовательной среде и технологиям для лиц с ОВЗ относится к измерению «инфраструктура» [40].

А.К. Jackson (2023) [16] разработала модель (англ. Jackson 4P Framework), предназначенную для обеспечения цифровой доступности в колледжах и вузах. Модель состоит из четырех взаимосвязанных кластеров: *люди* (англ. People) – распределение ролей и ответственности в отношении обеспечения цифровой доступности, согласованная работа разных подразделений учреждения; *политика* (англ. Policy) – стандарты, руководящие принципы, законодательство, локальные документы учреждения, определяющие механизмы обеспечения цифровой доступности; *практики* (англ. Practices) – реализация доступного электронного обучения, мониторинг и оценка доступности, обучение преподавателей и других сотрудников методам обеспечения доступности, контроль процесса закупок доступного программного обеспечения и электронных образовательных ресурсов, предоставление преподавателям ресурсов для разработки доступных электронных образовательных ресурсов, использование программных инструментов, автоматизирующих разработку и тестирование последних; *программа действий* (англ. Plan) – разработка дорожной карты для мониторинга, измерения и обеспечения доступности с течением времени, оценка зрелости цифровой доступности в учреждении по разработанным показателям. Модель

предусматривает, что каждый из кластеров может содержать разнообразные вложенные элементы, состав которых подлежит настройке в зависимости от особенностей учреждения [16].

Несмотря на различную структурную организацию рассмотренных моделей, представляется возможным выделить и систематизировать их общие компоненты (таблица).

Компонентный состав моделей обеспечения цифровой доступности электронного обучения в вузах

Компоненты, входящие в состав моделей цифровой доступности	Источники, описывающие модели									
	B. Kelly с соавт. (2004, 2005)	J. Seale (2006)	J. Seale (2007)	G. Kouroupetrolou с соавт. (2011)	G. Papadopolous с соавт. (2012)	R. Permvattana с соавт. (2013)	P.R. Lowenthal с соавт. (2020)	J. Brown с соавт. (2022)	C. Timbi-Sisalima с соавт. (2022)	A. Jackson (2023)
Руководящие принципы, законодательство, локальные политики вузов										
Оценка потребностей обучающихся										
Стейкхолдеры электронного обучения (роли, потребности, мнения, деятельность)										
Инфраструктура (техническое, психологическое, педагогическое, юридическое сопровождение)										
Контекстуальные факторы (культурные, социальные, политические, интенциональные, технические)										
Инклюзивность образовательной среды (доступные образовательные программы, технологии и методы)										
Оценка доступности электронного обучения										
Разработка доступных электронных образовательных ресурсов										
Обучение и просвещение специалистов сферы образования										

Примечание. Выделенные ячейки означают наличие компонента в описании модели.

Общим компонентом для всех моделей является учетывание руководящих принципов, законодательства и институциональных политик доступности при планировании и реализации доступного электронного обучения (см. таблицу). Вместе с тем ни одна из моделей не рассматривает необходимость совершенствования существующих стандартов и норм в отношении обеспечения цифровой доступности.

Оценка потребностей обучающихся, которая присутствует в 60% моделей, необходима для подбора процедур и методов обеспечения цифровой доступности и инклюзивности электронного обучения с учетом персональных особенностей, нужд и предпочтений студентов. В то же время ни в одной из моделей не упоминаются сложности распознавания студентов, нуждающихся в цифровой доступности.

К стейкхолдерам цифровой доступности электронного обучения (согласно рассмотренным моделям) относятся: обучающиеся, преподаватели, методисты, работники служб поддержки, специалисты по ассистивным технологиям, педагогические дизайнеры, работники дополнительного профессионального образования, администраторы. Во всех рассмотренных моделях в большей или меньшей степени учтены интересы и роли обучающихся (90% моделей), преподавателей (60%) и других участников образовательного процесса (30%).

Инфраструктурный компонент (80% моделей) включает в себя как техническое обеспечение образовательного процесса (безбарьерность физической среды вуза, наличие, использование и закупки вспомогательного оборудования и программного обеспечения), так и функционирование сервисов поддержки доступного электронного обучения – психологической и юридической служб для обучающихся, отделов сопровождения студентов с ОВЗ и инвалидностью, технических структур, отделов дизайна электронного обучения и дополнительного профессионального образования.

Только в двух моделях (20%) контекстуальные факторы образовательной среды (интернальные и экстернальные по отношению к участникам электронного обучения) выделены как отдельный компонент обеспечения цифровой доступности. Вместе с тем необходимость учета контекстуальных факторов прослеживается и в прочих моделях, например в содержании компонентов «инфраструктура», «инклюзивность образовательной среды» и «оценка потребностей обучающихся».

Конструирование инклюзивной образовательной среды (80% моделей) подразумевает создание педагогических условий, учитывающих особенности обучающихся и способствующих достижению ими целей обучения с получением ожидаемых образовательных результатов. К компонентам инклюзивной среды относятся в том

числе гибкость графика обучения, использование вспомогательного оборудования и программного обеспечения, применение принципов универсального дизайна при планировании и осуществлении образовательного процесса, обеспечение беспрепятственной доступной коммуникации между всеми участниками электронного обучения.

В содержание 60% моделей включена оценка доступности электронных образовательных ресурсов, проводимая в рамках аудита качества электронного обучения (20%) или как отдельная процедура (40%). Оценка цифровой доступности предполагает тестирование цифрового контента автоматизированными и экспертными методами, получение обратной связи от пользователей (обучающихся) и исправление найденных нарушений.

Разработка ресурсов электронного обучения, соответствующих требованиям цифровой доступности, входит в состав 90% моделей, при этом во всех случаях главным разработчиком является преподаватель. Вместе с тем кластер обучения и просвещения специалистов сферы образования по вопросам обеспечения доступного электронного обучения выделен только в пяти (50%) моделях.

Рассмотренные в таблице модели разработаны с целью обеспечения цифровой доступности для лиц с ОВЗ, но могут быть экстраполированы на всю аудиторию обучающихся вузов, поддерживая концепцию общедоступности электронного обучения.

В данной работе мы предлагаем интегральную модель обеспечения цифровой доступности, объединяющую лучшие практики моделирования доступного электронного обучения и рассчитанную на удовлетворение потребностей и предпочтений всех обучающихся вуза с учетом контекстуальных характеристик образовательной среды, а также деятельности прочих участников образовательного процесса.

Интегральная модель обеспечения цифровой доступности в вузе

Разработанная модель содержит пять взаимосвязанных модулей: методологический, структурно-содержательный, инфраструктурный, педагогических условий и мотивационный (рис. 1).

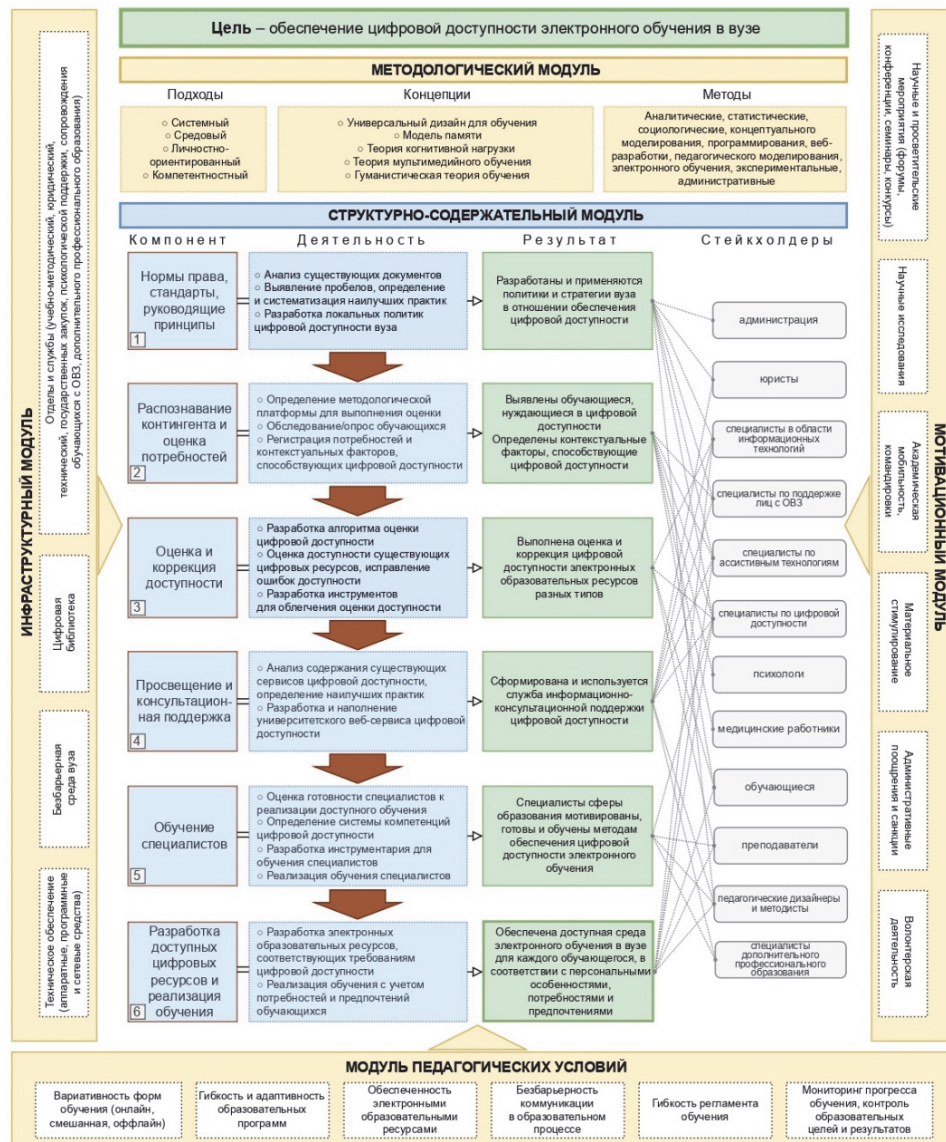

Рис. 1. Интегральная модель обеспечения цифровой доступности электронного обучения в вузе

Методологический модуль является теоретико-методическим базисом для разработки общедоступного обучения в вузе с применением информационно-коммуникационных технологий.

Теоретические концепции, включенные в содержание модуля, объясняют понятие цифровой доступности электронного обучения с когнитивной и гуманистической точек зрения. Так, теории когнитивной школы помогают понять, как учатся люди и какие проблемы могут у них возникать в процессе обучения из-за несоблюдения требований цифровой доступности. В частности, универсальный дизайн для обучения (англ. Universal design for learning) [52, 53] – теория, возникшая на стыке архитектурного понимания универсального дизайна и когнитивной нейробиологии – указывает на необходимость использования в обучении множественных и мультимедийных средств представления учебного контента, коммуникации и обратной связи, что согласуется с общей концепцией цифровой доступности, поддерживающей одновременно универсальность и персонализацию цифровой образовательной среды для каждого обучающегося. Приложение к принципам цифровой доступности разработанной R.C. Atkinson и R.M. Shiffrin (1968) модели памяти [54] позволяет уточнить механизмы, происходящие при восприятии, обработке, передаче и записи в долговременную память учебной информации, и определить проблемные участки, в которых информационные процессы могут претерпеть разрывы из-за несоблюдения требований цифровой доступности.

Теория когнитивной нагрузки [55] объясняет необходимость регулирования информационных потоков, поступающих из окружающей среды, – слишком объемный, сложный или некорректно представленный (то есть недоступный) контент создает препятствия для обучения, что приводит к снижению его эффективности. Когнитивная теория мультимедийного обучения [56] утверждает, что при сочетанном использовании нескольких сенсорных каналов (например, визуального и аудиального) достигается лучшее понимание и усвоение учебного материала. Положения теорий когнитивной нагрузки и мультимедийного обучения перекликаются с содержанием принципов цифровой доступности [12], выдвигая к учебным материалам и активностям требования, исполнение которых позволит избежать когнитивных перегрузок и за счет мультимодальности удовлетворить разнообразные потребности обучающихся.

Гуманистическая теория в образовании [57, 58] декларирует важность общего благополучия обучающегося и ощущения контроля над своей жизнью. В иерархии А. Maslow (1943) [58] цифровую доступность как базовую потребность правомерно отнести к ступени «Безопасность», на которой доминируют потребности в упорядоченности, предсказуемости и организованности окружающей среды. Такой подход полностью согласуется с принципами цифровой доступности [12], соблюдение которых способствует удовлетворению базовых потребностей обучающихся в беспрепятственном и адекватном доступе к образовательным материалам и технологиям.

Теоретические подходы, представленные в методологическом модуле, определяют полноту, устойчивость и результативность разработанной модели. Так, в аспекте *системного подхода* (например, [59]) интегральная модель обеспечения цифровой доступности представляет собой совокупность функциональных модулей и входящих в них компонентов, направленно и согласованно взаимодействующих друг с другом для достижения общей системообразующей цели – реализации общедоступного электронного обучения в вузе. С точки зрения *средового подхода* (например, [60]) методология обеспечения цифровой доступности электронного обучения заключается в формировании доступной цифровой среды, в которой учтены контекстуальные факторы и педагогические условия, способствующие инклюзивности образовательного процесса и соответствующие особенностям, нуждам и предпочтениям обучающихся. С позиций *личностно ориентированного подхода* (например, [61]) в разработанной модели обучающийся рассматривается как основной субъект образовательной деятельности, нуждающийся в персонализации среды электронного обучения в зависимости от индивидуальных особенностей, потребностей и предпочтений. В ракурсе *компетентностного подхода* (например, [62]) центральным условием обеспечения цифровой доступности электронного обучения является формирование и развитие у специалистов сферы образования системы компетенций, определяющих способности к разработке, верификации, интеграции и обработке доступного цифрового образовательного контента.

Формированию доступной среды электронного обучения будет способствовать использование стейкхолдерами приведенных в модуле методов – теоретических и практических (см. рис. 1).

Структурно-содержательный модуль включает компоненты, комплексная реализация которых позволяет достичь цели – обеспечения цифровой доступности электронного обучения в вузе. Каждому компоненту соответствуют определенные виды деятельности участников образовательного процесса и ожидаемый результат, сформулированный как проверяемый признак. Таким образом, компоненты модуля можно рассматривать как этапы методологии обеспечения цифровой доступности, а совокупность полученных результатов как контрольный список обобщенных критериев качества общедоступного электронного обучения.

Первый компонент (этап) призван решить проблему нормативного сопровождения цифровой доступности в вузе путем изучения и практического применения существующего законодательства и стандартизирующих документов, с выделением пробелов в правовом сопровождении и систематизацией рекомендаций по обеспечению доступного обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В качестве базовых регламентов для разработки университетских стратегий и оценочных процедур доступности следует использовать общепризнанные регулирующие документы, например рекомендации

WCAG [10–12], включенные в большинство актуальных международных и государственных политик доступности [63], в том числе в соответствующие нормативные документы России [64].

Второй компонент модуля предназначен для выявления и конкретизации потребностей обучающихся в цифровой доступности. На этом этапе с помощью верифицированных инструментов (основанных, например, на Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья [65]) выполняются обследование и опрос обучающихся, устанавливаются контекстуальные факторы образовательной среды, благоприятствующие или препятствующие доступному электронному обучению, уточняются стратегии по удовлетворению потребностей и предпочтений каждого обследуемого или схожих по характеристикам групп обучающихся. Оценку потребностей следует проводить регулярно, а результаты такого обследования рассматривать как доказательный элемент мониторинга состояния цифровой доступности в вузе.

Компонент «Оценка и коррекция доступности» включает аудит цифровой доступности существующих электронных образовательных ресурсов (массовых открытых онлайн-курсов и других учебных материалов, размещенных на внутренних системах управления обучением вуза) для оценки пригодности их использования в образовательном процессе, а также исправление обнаруженных ошибок в соответствии с требованиями цифровой доступности. Аудит предусматривает автоматическую и экспертную оценку цифрового контента с помощью специализированного программного обеспечения, веб-сервисов, мануальных, аудиальных и визуальных методов по заранее разработанному алгоритму, согласованному с общей методологией оценки доступности цифровых ресурсов [66]. Оценка должна проводиться систематически (по мере обновления библиотеки электронных образовательных ресурсов), формируя один из показателей мониторинга цифровой доступности.

Функция четвертого компонента состоит в организации онлайн-сервисов для оперативного информирования и консультирования участников электронного обучения по вопросам цифровой доступности. Содержание сервисов должно ориентироваться на лучшие мировые практики [67] и охватывать все аспекты обеспечения и сопровождения доступного электронного обучения, а именно: нормативные основания, стандарты и политики цифровой доступности; особенности обучающихся, нуждающихся в цифровой доступности; разработку и тестирование доступных электронных образовательных ресурсов; выполнение экспертиз цифровой доступности; возможности онлайн- и офлайн-обучения технологиям обеспечения цифровой доступности. Статистические данные об активности посетителей сервиса и результативности обратной связи позволяют сформировать мониторинговые показатели эффективности просветительской и консультационной поддержки.

Компонент «Обучение специалистов» включает оценку мотивации и готовности работников сферы образования (в первую очередь преподавателей) к организации и поддержке цифровой доступности в вузе и,

собственно, реализацию обучения в зависимости от выявленных пробелов в готовности в рамках самостоятельной подготовки или программ дополнительного профессионального образования (офлайн, онлайн или смешанным способом). При разработке системы компетенций цифровой доступности, проектировании учебных курсов и организации обучения следует ориентироваться на международные рекомендации по подготовке и сертификации специалистов соответствующего профиля [68, 69]. Данные о мотивации, готовности и результатах обучения необходимо включить в показатели мониторинга результативности процессов обеспечения цифровой доступности в вузе.

Наполнение шестого компонента структурно-содержательного модуля предполагает системную разработку собственных электронных образовательных ресурсов (в соответствии с требованиями цифровой доступности, отраженными в локальных политиках вуза) и реализацию общедоступного обучения, согласованного с потребностями обучающихся. Необходимо предусмотреть обратную связь от студентов, преподавателей и других участников электронного обучения, позволяющую корректировать и отлаживать механизмы обеспечения цифровой доступности вуза в режиме мгновенного отклика. К объективным показателям мониторинга на шестом, заключительном, этапе относятся итоги обучения студентов, а также результаты экспертиз доступности и качества разработанных электронных образовательных ресурсов.

В реализации модуля задействованы все основные стейкхолдеры электронного обучения – от обучающихся до работников администрации вуза (см. рис. 1).

Инфраструктурный модуль выполняет функции поддержки процессов обеспечения цифровой доступности, формируя материально-пространственную среду, достаточную для осуществления общедоступного электронного обучения. К необходимой инфраструктурной базе относятся: насыщенность цифровых библиотек вуза актуальными учебными и научными изданиями, соответствующими образовательным программам и представленными в доступных форматах; обеспечение архитектурной доступности образовательной среды для реализации офлайн- и смешанного обучения; наличие в достаточном количестве аппаратных, программных и сетевых средств, в том числе вспомогательных (ассистивных) для лиц с различными ОВЗ (см. рис. 1). Структурные подразделения вуза (учебно-методические, технические, юридические, психологические и др.), входящие в инфраструктурный модуль, должны осуществлять деятельность по сопровождению доступного электронного обучения в рамках своих полномочий, регламентированных локальными политиками вуза и согласованных с содержанием компонентов структурно-содержательного модуля.

Модуль педагогических условий определяет совокупность организационно-педагогических характеристик образовательной среды, позволяющих добиться инклюзивности электронного обучения с учетом потребностей и предпочтений различных категорий обучающихся.

Педагогические условия охватывают: график учебного процесса; содержание образовательных программ; цели обучения и ожидаемые образовательные результаты; средства, формы и методы обучения, коммуникации и контроля (см. рис. 1). Модуль педагогических условий тесно связан с инфраструктурным модулем, так как при его реализации задействованы материально-технические, сервисные и людские ресурсы последнего.

Цель мотивационного модуля состоит в создании условий для развития готовности специалистов сферы образования к обеспечению цифровой доступности электронного обучения. Мотивация может быть как материальной (например, стимулирование преподавателей за разработку доступных электронных образовательных ресурсов), так и нематериальной (например, привлечение преподавателей и технических специалистов к научным и просветительским мероприятиям по цифровой доступности, предоставление возможности участия в научных исследованиях с публикацией трудов, командировки с целью повышения квалификации и обмена опытом, административные санкции как мера повышения ответственности исполнителей) (см. рис. 1). Мотивационные мероприятия должны быть заложены как обязательный элемент в локальные стратегии и дорожные карты развития цифровой доступности вуза.

Обсуждение и заключение

Интегральная модель обеспечения цифровой доступности электронного обучения, предназначенная для применения в организациях высшего профессионального образования, разработана впервые. Новая модель согласуется с ранее опубликованными концептами, принимая во внимание: подготовку участников образовательного процесса к организации доступного обучения [46], оценку доступности и качества цифровой среды [40], сервисную поддержку цифровой доступности электронного обучения [14, 16, 45], контекстуальные факторы цифровой доступности [41–43], роли и активности участников электронного обучения [44], педагогические условия, способствующие формированию инклюзивной цифровой среды [47, 48]. Вместе с тем разработанная модель обладает свойствами интегральности и модульности, объединяя различные компоненты образовательного процесса в единую систему, функционирующую с общей целью обеспечения общедоступного обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В отличие от ранее предложенных моделей разработанная нами концепция изначально ориентирована на создание доступной образовательной среды для каждого обучающегося, вне зависимости от наличия или отсутствия у него устойчивых нарушений здоровья (ОВЗ и инвалидности). Такой подход позволяет учесть неочевидные и временные нарушения здоровья, а также специфические потребности, возникающие в чрезвычайных обстоятельствах (например, удаленное обучение на фоне карантинных мероприятий или вынужденной миграции).

Разработанная модель учитывает возможные проблемы нормативного поля, предлагая специалистам, участвующим в разработке локальных политик и стратегий доступности вузов, анализировать и соблюдать законодательство, а также использовать лучшие мировые практики стандартизации цифровой доступности, доказавшие свою эффективность. В опубликованных ранее моделях вопрос оценки нормативных оснований цифровой доступности оставался без внимания.

Контекстуальные факторы образовательной среды учитываются в модели интегративно с позиций инфраструктуры (например, функционирование безбарьерной среды), педагогических условий (например, вариативность форм обучения), мотивации стейкхолдеров (например, возможность ведения научных исследований или материальное стимулирование), а также установленных в ходе обследования персональных потребностей и предпочтений обучающихся. Такой подход позволяет сформировать максимально полный диапазон средовых факторов и в процессе мониторинга оценить степень влияния каждого из них на результативность процессов обеспечения цифровой доступности в вузе. Учет контекстуальных факторов и акцент на их значимости свойственны всем предыдущим моделям, особенно предложенным в работах [41–43].

Особое внимание в разработанной модели уделено подготовке специалистов сферы образования к поддержке общедоступного электронного обучения, что согласуется с предыдущими публикациями [14, 16, 40, 45, 46]. Кроме того, в нашей модели впервые предусмотрено определение системы компетенций цифровой доступности электронного обучения и разработка методического инструментария по формированию этих компетенций.

По сравнению с ранее опубликованными моделями, в интегральной модели расширен спектр участников электронного обучения и определены направления их деятельности в процессах обеспечения цифровой доступности.

Воплощению модели должны предшествовать всестороннее изучение состояния дел в конкретном вузе и планирование стратегии обеспечения цифровой доступности в соответствии с результатами проведенного анализа. В зависимости от полноты и качества материального, технического и кадрового обеспечения вуза компоненты структурно-содержательного модуля и соответствующие действия по внедрению разработанной модели могут быть реализованы последовательно или синхронизированы.

Таким образом, интегральная модель обеспечения цифровой доступности в вузе представляет собой научно обоснованную систему взаимосвязанных и поддерживающих друг друга модулей, в которой предусмотрены методологические, педагогические, инфраструктурные и мотивационные компоненты формирования доступной цифровой среды, задействован широкий диапазон участников электронного обучения, учтены потребности и предпочтения любых обучающихся, в том числе с ОВЗ. Представляется важным использовать разработанную модель для формирования политик и стратегий обеспечения цифровой доступности в организациях высшего профессионального образования.

Список источников

- Mayes T., de Freitas S. Review of e-learning theories, frameworks and models. London : Joint Information Systems Committee, 2004. 43 p.
- Kahigi E., Ekenberg L., Hansson M., Tusubira F.F., Danielson M. Exploring the e-learning state of art // *Electronic Journal of e-Learning*. 2008. № 6 (2). P. 77–88.
- Andrews R. Does e-learning require a new theory of learning? Some initial thoughts // *Journal for Educational Research Online*. 2011. Vol. 3, № 1. P. 104–121. doi: 10.25656/01:4684
- Obidat A.H. Bibliometric analysis of global scientific literature on the accessibility of an integrated e-learning model for students with disabilities // *Contemporary Educational Technology*. 2022. № 14 (3). ep374. doi: 10.30935/cedtech/12064
- Van Dijk Jan A.G.M. Digital divide research, achievements and shortcomings // *Poetics*. 2006. Vol. 34, Is. 4–5. P. 221–235. doi: 10.1016/j.poetic.2006.05.004
- Karakainen M.T., Saikkonen L. Remark on digital accessibility: educational disparities define digital inclusion from adolescence onwards // *Universal Access in the Information Society*. 2022. Vol. 22. P. 1279–1292. doi: 10.1007/s10209-022-00908-5
- Najab A., Amrani O. Digital accessibility and distance higher education in the context of COVID-19: lessons from the experience of FSJES-Souissi and future perspectives // *Policies and Procedures for the Implementation of Safe and Healthy Educational Environments: Post-COVID-19 Perspectives*. IGI Global, 2022. P. 88–105. doi: 10.4018/978-1-7998-9297-7.ch006
- IMS AccessForAll meta-data specification: final specification: v1.0 // IMS. 2004. URL: http://www.imsglobal.org/accessibility/accmdv1p0/imsac-cmd_oviewv1p0.html (дата обращения: 18.06.2024).
- Lowenthal P.R., Lomellini A., Smith C., Greear K. Accessible online learning: an analysis of online quality assurance frameworks // *Quarterly Review of Distance Education*. 2021. № 22 (2). P. 15–29.
- Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0 / B. Caldwell, M. Cooper, L.G. Reid, G. Vanderheiden. W3C. Publication date: 2008-12 // W3C. URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG20/> (дата обращения: 18.06.2024).
- Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.1 / A. Kirkpatrick, J.O. Connor, A. Campbell, M. Cooper. W3C. Publication date: 2018-06 // W3C. URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG21/> (дата обращения: 18.06.2024).
- Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.2 / A. Campbell, C. Adams, R.B. Montgomery, M. Cooper, A. Kirkpatrick. W3C. Publication date: 2023-10 // W3C. URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG22/> (дата обращения: 18.06.2024).
- Косова Е.А. Корпус стандартов цифровой доступности: современный этап развития применительно к электронному обучению // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 483. С. 183–194. doi: 10.17223/15617793/483/21
- Brown J., Permavattana R., Hollier S., McKee J. Online learning & COVID-19: exploring digital accessibility // *Journal on Technology and Persons with Disabilities / CSUN Assistive Technology Conference / ed. by J. Santiago*. 2022. P. 82–96. URL: <http://hdl.handle.net/10211.3/223467> (дата обращения: 18.06.2024).
- Kaufmann H.R., Kurth A., Shukla S., Tirrel H., Schäffner L. Inclusive online collaborative learning environments in vocational education // Thrassou A., Vrontis D., Efthymiou L., Weber Y., Shams S.M.R., Tsoukatos E. (Eds) *Business Advancement through Technology*. Vol. I. Palgrave Studies in Cross-disciplinary Business Research, In Association with EuroMed Academy of Business. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. P. 241–270. doi: 10.1007/978-3-031-07769-2_12
- Jackson A.K. Closing the digital divide: understanding organizational approaches to digital accessibility in higher education / University of South Dakota ProQuest Dissertations Publishing. 2023 // ProQuest. URL: <https://www.proquest.com/openview/f8d8d0ba99be33741153fb4848defce6/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (дата обращения: 18.06.2024).
- Slootman M., Korthals Altes T., Domagała-Zyśk E., Nieland B. E-inclusion. Towards inclusive digital learning // *Proceedings of the Erasmus Scientific Days 2022 (ESD 2022)*. 2023. P. 103–116. doi: 10.2991/978-2-38476-036-7_10
- Sanchez-Gordon S., Luján-Mora S. Research challenges in accessible MOOCs: a systematic literature review 2008–2016 // *Universal Access in the Information Society*. 2018. № 17 (4). P. 775–789. doi: 10.1007/s10209-017-0531-2
- Kulkarni M. Digital accessibility: challenges and opportunities // *IIMB Management Review*. 2019. Vol. 31, Is. 1. P. 91–98. doi: 10.1016/j.iimb.2018.05.009
- Leake D. Problematic data on how many students in postsecondary education have a disability // *Journal of Postsecondary Education and Disability*. 2015. Vol. 28 (1). P. 73–87.
- Coduti W.A., Hayes J.A., Locke B.D., Youn S.J. Mental health and professional help-seeking among college students with disabilities // *Rehabilitation Psychology*. 2016. № 61. P. 288–296. doi: 10.1037/rep0000101
- Aquino K.C., Bittinger J.D. The self-(un)identification of disability in higher education // *Journal of Postsecondary Education and Disability*. 2019. № 32 (1). P. 5–19.
- McNicholl A., Casey H., Desmond D., Gallagher P. The impact of assistive technology use for students with disabilities in higher education: a systematic review // *Disability and Rehabilitation: Assistive Technology*. 2019. № 16 (2). P. 130–143. doi: 10.1080/17483107.2019.1642395
- Botelho F.H.F. Accessibility to digital technology: virtual barriers, real opportunities // *Assistive Technology*. 2021. № 33:supl. P. 27–34. doi: 10.1080/10400435.2021.1945705
- Ștefan I.A. Accessibility and education: are we fulfilling state of the art requirements? // *The International Scientific Conference eLearning and Software for Education*; Bucharest. 2021. Vol. 1. doi: 10.12753/2066-026X-21-073
- Chen W., Sanderson N.C., Kessel S. Making learning materials accessible in higher education – attitudes among technology faculty members // *Studies in Health Technology and Informatics*. 2018. Vol. 256. P. 87–97. doi: 10.3233/978-1-61499-923-2-87
- Guilbaud T.C., Martin F., Newton X. Faculty perceptions on accessibility in online learning: knowledge, practice and professional development // *Online Learning*. 2021. Vol. 25, № 2. P. 6–35. doi: 10.24059/olj.v25i2.2233
- Sanderson N.C., Kessel S., Chen W. What do faculty members know about universal design and digital accessibility? A qualitative study in computer science and engineering disciplines // *Universal Access in the Information Society*. 2022. Vol. 21. P. 351–365. doi: 10.1007/s10209-022-00875-x
- Lowenthal P.R., Lomellini A. Accessible online learning: a preliminary investigation of educational technologists' and faculty members' knowledge and skills // *TechTrends*. 2023. Vol. 67. P. 384–392. doi: 10.1007/s11528-022-00790-1
- Sanderson N.C., Chen W., Bong W.K., Kessel S. The accessibility of MOOC platforms from instructors' perspective // Antona M., Stephanidis C. (Eds) *Proceedings of the 10th International Conference on Universal Access in Human-Computer Interaction (UAHCI)*. Springer, 2016. Vol. 9739. doi: 10.1007/978-3-319-40238-3_13
- Wenzel A., Moreno J. Designing and facilitating optimal LMS student learning experiences: considering students' needs for accessibility, navigability, personalization, and relevance in their online courses // *The Northwest eLearning Journal*. 2022. № 2 (1). doi: 10.5399/osu/nwelearn.2.1.5642
- Ferati M., Mripa N., Bunjaku R. Accessibility of MOOCs for blind people in developing non-English speaking countries // *Proceedings of the 8th International Conference Applied Human Factors and Ergonomics (AHFE)* (Orlando, July 27–31, 2016). 2016. Vol. 500. P. 519–528. doi: 10.1007/978-3-319-41962-6_46
- Martin J.L., Amado-Salvatierra H.R., Hilera J.R. MOOCs for all: evaluating the accessibility of top MOOC platforms // *International Journal of Engineering Education*. 2016. Vol. 32. № 5–B. P. 2374–2383.
- Akgül Y. Accessibility Evaluation of MOOCs websites of Turkey // *Journal of Life Economics*. 2018. № 5. P. 23–36. doi: 10.15637/jlecon.259

35. Sanchez-Gordon S., Luján-Mora S. Implementing accessibility in massive open online courses' platforms for teaching, learning and collaborating at large scale // eDemocracy & eGovernment. Stages of a Democratic Knowledge Society / ed. by A. Meier. Cham: Springer, 2019. P. 151–160. doi: 10.1007/978-3-030-17585-6
36. Hammad M., Alnabhan M., Doush I.A.A., Alsalem G.M., Al-Alem F.A., Al-awadi M.M. Evaluating usability and content accessibility for e-learning websites in the Middle East // International Journal of Technology and Human Interaction (IJTHI). 2020. № 16 (1). P. 1–9. doi: 10.4018/IJTHI.2020010104
37. Bong W.K., Chen W. How accessible are MOOCs to the elderly? // Miesenberger K., Bühler C., Penaz P. (Eds) Computers Helping People with Special Needs. ICCHP 2016. Lecture Notes in Computer Science. Springer, Cham, 2016. Vol. 9758. P. 437–444. doi: 10.1007/978-3-319-41264-1_60
38. Iniesto F., McAndrew P., Minocha S., Coughlan T. Accessibility of MOOCs: understanding the provider perspective // Journal of Interactive Media in Education. 2016. № 1. Article No. 20. doi: 10.5334/jime.430
39. Ramírez-Vega A., Iniesto F., Rodrigo C. Raising awareness of the accessibility challenges in mathematics MOOCs // TEEM 2017 Proceedings of the 5th International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturality. ACM, New York, NY, USA, 2017. Art. No. 92. doi: 10.1145/3144826.3145435
40. Timbi-Sisalima C., Sánchez-Gordón M., Hilera-Gonzalez J.R., Otón-Tortosa S. Quality assurance in e-learning: a proposal from accessibility to sustainability // Sustainability. 2022. No. 14 (5). Art. No. 3052. doi: 10.3390/su14053052
41. Kelly B., Phipps L., Swift E. Developing A Holistic Approach For E-Learning Accessibility // Canadian Journal of Learning and Technology. 2004. Vol. 30, Is. 3. doi: 10.21432/T2D60S
42. Kelly B., Phipps L., Sloan D., Petrie H., Hamilton F. Forcing standardization or accommodating diversity? A framework for applying the WCAG in the real world // 2005 International Cross Disciplinary Workshop on Web Accessibility (W4A). Manchester, UK, 2005. P. 46–54. doi: 10.1145/1061811.1061820
43. Seale J. Conclusions; building bridges // Seale J. E-Learning and Disability in Higher Education: Accessibility Research and Practice. Routledge, 2006. P. 191–207.
44. Seale J. Accessibility and Activity Theory: An Exploration of the Factors that Mediate the Practice of Developing Accessible E-learning in Higher Education // Proceedings of EdMedia: World Conference on Educational Media and Technology / eds. by C. Montgomerie, J. Seale. 2007. P. 4601–4608.
45. Kouroupetroglou G., Pino A., Kacorr H. A model of accessibility services provision for students with disabilities in higher education // Proceedings of the international conference universal learning design, Brno, 8–11 February 2011. 2011. P. 23–33.
46. Papadopolous G., Pearson E., Green S. A provisional framework for supporting academics in accessible and inclusive e-materials development // Proceedings of the 24th Australian computer-human interaction conference. 2012. P. 459–468. doi: 10.1145/2414536.2414607
47. Permvattana R., Armstrong H., Murray I. E-learning for the VI: A holistic perspective // International Journal of Cyber Society and Education. 2013. Vol. 6 (1). P. 15–30. doi: 10.7903/ijesc.1029
48. Lowenthal P.R., Humphrey M., Conley Q., Dunlap J.C., Greear K., Lowenthal A., Giacumo L.A. Creating accessible and inclusive online learning: moving beyond compliance and broadening the discussion // Quarterly Review of Distance Education. 2020. Vol. 21, № 2. P. 1–21.
49. Косова Е.А. Нормативные основания обеспечения доступности электронного обучения для лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации // Непрерывное образование: XXI век. 2020. Вып. 2 (30). doi: 10.15393/j5.art.2020.5692
50. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 18.06.2024).
51. Engeström Y. Learning by expanding: an activity-theoretical approach to developmental research. Helsinki : Orienta-Konsultit, 1987. 269 p.
52. Meyer A., Rose D.H. Learning to read in the computer age // From reading research to practice / eds. by J. Chall (Series Ed.), J. Onofrey. Cambridge, MA : Brookline Books, 1998. 104 p.
53. Ross D., Meyer A. A practical reader in universal design for learning. Harvard Education Press, 2006. 180 p.
54. Atkinson R.C., Shiffrin R.M. Human memory: A proposed system and its control processes // The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory / eds. by K.W. Spence, J.T. Spence. 1968. Vol. 2. P. 89–195.
55. Sweller J., van Merriënboer J.J., Paas F.G. Cognitive architecture and instructional design // Educational Psychology Review. 1998. № 10 (3). P. 251–296.
56. Mayer R.E., Moreno R. Aids to computer-based multimedia learning // Learning and Instruction. 2002. Vol. 12, Is. 1. P. 107–119. doi: 10.1016/S0959-4752(01)00018-4
57. Rogers C.R. Freedom to Learn. Columbus, Ohio : Charles E. Merrill, 1969. 358 p.
58. Maslow A.H. A theory of human motivation // Psychological Review. 1943. Vol. 50 (4). P. 370–396. doi: 10.1037/h0054346
59. Афанасьев В.Г. Моделирование как метод исследования социальных систем // Системные исследования. Методологические проблемы: ежегодник. 1982. С. 26–46.
60. Мануйлов Ю.С. Средовой подход в воспитании : дис. ... д-ра пед. наук. М., 1997. 193 с.
61. Аكوпова М.А. Личностно-ориентированный подход в условиях выбора образовательных программ в высшей школе. СПб. : Наука, 2003. 180 с.
62. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. 2012. № 6. С. 2–10.
63. Web Accessibility laws & policies / M.J. Mueller, R. Jolly, E. Eggert, W3C. Publication date: 2024-12 // W3C. URL: <https://www.w3.org/WAI/policies/> (дата обращения: 18.06.2024).
64. ГОСТ Р 52872-2019. Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Приложения для стационарных и мобильных устройств, иные пользовательские интерфейсы. Требования доступности для людей с инвалидностью и других лиц с ограничениями жизнедеятельности: издание официальное: взамен ГОСТ Р 52872-2012: дата введения 01.04.2020 / ФГУП «СТАНДАРТИНФОРМ». URL: <https://nd.gostinfo.ru/document/6471657.aspx> (дата обращения: 18.06.2024).
65. International Classification of Functioning, Disability and Health – ICF: adopted at the 54 World Health Assembly on 22 May 2001 (resolution WHA 54.21) // WHA. URL: <https://www.who.int/classifications/icf/en/> (дата обращения: 18.06.2024).
66. Website accessibility conformance evaluation methodology (WCAG-EM) 1.0 / E. Velleman, S. Abou-Zahra, W3C. Publication date: 2014-07-10 // W3C. URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG-EM/> (дата обращения: 18.06.2024).
67. Косова Е.А. Аналитический обзор сервисов цифровой доступности на официальных сайтах ведущих университетов мира // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 4. С. 129–147. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-4-148-166
68. Certified professional in accessibility core competencies: body of knowledge / IAAP. Publication date : March, 2020 // IAAP. URL: https://www.accessibilityassociation.org/resource/IAAP_CPACC_BOK_March2020 (дата обращения: 18.06.2024).
69. Curricula on web accessibility: a framework to build your own courses / D. Montalvo, S. Abou-Zahra, WAI W3C. Publication date: 2022-08-31 // W3C. URL: <https://www.w3.org/WAI/curricula/> (дата обращения: 18.06.2024).

References

- Mayes, T. & de Freitas, S. (2004) *Review of e-learning theories, frameworks and models*. London: Joint Information Systems Committee.
- Kahigi, E., Ekenberg, L., Hansson, M., Tusubira, F.F. & Danielson, M. (2008) Exploring the e-learning state of art. *Electronic Journal of e-Learning*. 6 (2). pp. 77–88.
- Andrews, R. (2011) Does e-learning require a new theory of learning? Some initial thoughts. *Journal for Educational Research Online*. 3 (1). pp. 104–121. doi: 10.25656/01:4684
- Obidat, A.H. (2022) Bibliometric analysis of global scientific literature on the accessibility of an integrated e-learning model for students with disabilities. *Contemporary Educational Technology*. 14 (3). ep374. doi: 10.30935/cedtech/12064
- Van Dijk, J.A.G.M. (2006) Digital divide research, achievements and shortcomings. *Poetics*. 34 (4–5). pp. 221–235. doi: 10.1016/j.poetic.2006.05.004
- Karakainen, M.T. & Saikkonen, L. (2022) Remark on digital accessibility: educational disparities define digital inclusion from adolescence onwards. *Universal Access in the Information Society*. 22. pp. 1279–1292. doi: 10.1007/s10209-022-00908-5
- Najab, A. & Amrani, O. (2022) Digital accessibility and distance higher education in the context of COVID-19: lessons from the experience of FSJES-Souissi and future perspectives. In: *Policies and Procedures for the Implementation of Safe and Healthy Educational Environments: Post-COVID-19 Perspectives*. IGI Global. pp. 88–105. doi: 10.4018/978-1-7998-9297-7.ch006
- IMS (2004) *AccessForAll meta-data specification: final specification: v1.0*. [Online] Available from: http://www.imsglobal.org/accessibility/accmdv1p0/imsacmd_oviewv1p0.html (Accessed: 18.06.2024).
- Lowenthal, P.R., Lomellini, A., Smith, C. & Greear, K. (2021) Accessible online learning: an analysis of online quality assurance frameworks. *Quarterly Review of Distance Education*. 22 (2). pp. 15–29.
- Caldwell, B., Cooper, M., Reid, L.G. & Vanderheiden, G. (2008) *Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0*. W3C. [Online] Available from: <https://www.w3.org/TR/WCAG20/> (Accessed: 18.06.2024).
- Kirkpatrick, A., Connor, J.O., Campbell, A. & Cooper, M. (2018) *Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.1*. W3C. [Online] Available from: <https://www.w3.org/TR/WCAG21/> (Accessed: 18.06.2024).
- Campbell, A., Adams, C., Montgomery, R.B., Cooper, M. & Kirkpatrick, A. (2023) *Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.2*. W3C. [Online] Available from: <https://www.w3.org/TR/WCAG22/> (Accessed: 18.06.2024).
- Kosova, E.A. (2022) Corpus of digital accessibility standards: The current stage of development in relation to e-learning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. (483). pp. 183–194. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/21
- Brown, J., Permattana, R., Hollier, S. & McKee, J. (2022) Online learning & COVID-19: exploring digital accessibility. In: Santiago, J. (ed.) *Journal on Technology and Persons with Disabilities*. CSUN Assistive Technology Conference. pp. 82–96. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/10211.3/223467> (Accessed: 18.06.2024).
- Kaufmann, H.R., Kurth, A., Shukla, S., Tirrel, H. & Schäffner, L. (2022) Inclusive online collaborative learning environments in vocational education. In: Thrassou, A., Vrontis, D., Efthymiou, L., Weber, Y., Shams, S.M.R. & Tsoukatos, E. (eds) *Business Advancement through Technology*. Vol. I. Palgrave Macmillan. pp. 241–270. doi: 10.1007/978-3-031-07769-2_12
- Jackson, A.K. (2023) *Closing the digital divide: understanding organizational approaches to digital accessibility in higher education*. University of South Dakota. [Online] Available from: <https://www.proquest.com/openview/f8d8d0ba99be33741153fb4848defce6/> (Accessed: 18.06.2024).
- Slootman, M., Korthals Altes, T., Domagala-Zysk, E. & Nieland, B. (2023) E-inclusion. Towards inclusive digital learning. *Proceedings of the Erasmus Scientific Days 2022 (ESD 2022)*. pp. 103–116. doi: 10.2991/978-2-38476-036-7_10
- Sanchez-Gordon, S. & Luján-Mora, S. (2018) Research challenges in accessible MOOCs: a systematic literature review 2008–2016. *Universal Access in the Information Society*. 17 (4). pp. 775–789. doi: 10.1007/s10209-017-0531-2
- Kulkarni, M. (2019) Digital accessibility: challenges and opportunities. *IIMB Management Review*. 31 (1). pp. 91–98. doi: 10.1016/j.iimb.2018.05.009
- Leake, D. (2015) Problematic data on how many students in postsecondary education have a disability. *Journal of Postsecondary Education and Disability*. 28 (1). pp. 73–87.
- Coduti, W.A., Hayes, J.A., Locke, B.D. & Youn, S.J. (2016) Mental health and professional help-seeking among college students with disabilities. *Rehabilitation Psychology*. 61. pp. 288–296. doi: 10.1037/rep0000101
- Aquino, K.C. & Bittinger, J.D. (2019) The self(un)identification of disability in higher education. *Journal of Postsecondary Education and Disability*. 32 (1). pp. 5–19.
- McNicholl, A., Casey, H., Desmond, D. & Gallagher, P. (2019) The impact of assistive technology use for students with disabilities in higher education: a systematic review. *Disability and Rehabilitation: Assistive Technology*. 16 (2). pp. 130–143. doi: 10.1080/17483107.2019.1642395
- Botelho, F.H.F. (2021) Accessibility to digital technology: virtual barriers, real opportunities. *Assistive Technology*. 33 (sup1). pp. 27–34. doi: 10.1080/10400435.2021.1945705
- Ștefan, I.A. (2021) Accessibility and education: are we fulfilling state of the art requirements? In: *The International Scientific Conference eLearning and Software for Education*. Vol. 1. Bucharest. doi: 10.12753/2066-026X-21-073
- Chen, W., Sanderson, N.C. & Kessel, S. (2018) Making learning materials accessible in higher education - attitudes among technology faculty members. *Studies in Health Technology and Informatics*. 256. pp. 87–97. doi: 10.3233/978-1-61499-923-2-87
- Guilbaud, T.C., Martin, F. & Newton, X. (2021) Faculty perceptions on accessibility in online learning: knowledge, practice and professional development. *Online Learning*. 25 (2). pp. 6–35. doi: 10.24059/olj.v25i2.2233
- Sanderson, N.C., Kessel, S. & Chen, W. (2022) What do faculty members know about universal design and digital accessibility? A qualitative study in computer science and engineering disciplines. *Universal Access in the Information Society*. 21. pp. 351–365. doi: 10.1007/s10209-022-00875-x
- Lowenthal, P.R. & Lomellini, A. (2023) Accessible online learning: a preliminary investigation of educational technologists' and faculty members' knowledge and skills. *TechTrends*. 67. pp. 384–392. doi: 10.1007/s11528-022-00790-1
- Sanderson, N.C., Chen, W., Bong, W.K. & Kessel, S. (2016) The accessibility of MOOC platforms from instructors' perspective. In: Antona, M. & Stephanidis, C. (eds) *Proceedings of the 10th International Conference on Universal Access in Human-Computer Interaction (UAHCI)*. Vol. 9739. Springer. doi: 10.1007/978-3-319-40238-3_13
- Wenzel, A. & Moreno, J. (2022) Designing and facilitating optimal LMS student learning experiences: considering students' needs for accessibility, navigability, personalization, and relevance in their online courses. *The Northwest ELearning Journal*. 2 (1). doi: 10.5399/osu/nwelearn.2.1.5642
- Ferati, M., Mripa, N. & Bunjaku, R. (2016) Accessibility of MOOCs for blind people in developing non-English speaking countries. *Proceedings of the 8th International Conference Applied Human Factors and Ergonomics (AHFE)*. 500. pp. 519–528. doi: 10.1007/978-3-319-41962-6_46
- Martin, J.L., Amado-Salvatierra, H.R. & Hilera, J.R. (2016) MOOCs for all: evaluating the accessibility of top MOOC platforms. *International Journal of Engineering Education*. 32 (5–B). pp. 2374–2383.
- Akgül, Y. (2018) Accessibility Evaluation of MOOCs websites of Turkey. *Journal of Life Economics*. 5. pp. 23–36. doi: 10.15637/jlecon.259
- Sanchez-Gordon, S. & Luján-Mora, S. (2019) Implementing accessibility in massive open online courses' platforms for teaching, learning and collaborating at large scale. In: Meier, A. (ed.) *eDemocracy & eGovernment. Stages of a Democratic Knowledge Society*. Springer. pp. 151–160. doi: 10.1007/978-3-030-17585-6

36. Hammad, M., Alnabhan, M., Doush, I.A.A., Alsalem, G.M., Al-Alem, F.A. & Al-awadi, M.M. (2020) Evaluating usability and content accessibility for e-learning websites in the Middle East. *International Journal of Technology and Human Interaction (IJTHI)*. 16 (1). pp. 1–9. doi: 10.4018/IJTHI.2020010104
37. Bong, W.K. & Chen, W. (2016) How accessible are MOOCs to the elderly? In: Miesenberger, K., Bühler, C. & Penaz, P. (eds) *Computers Helping People with Special Needs. ICCHP 2016*. Vol. 9758. Springer. pp. 437–444. doi: 10.1007/978-3-319-41264-1_60
38. Iniesto, F., McAndrew, P., Minocha, S. & Coughlan, T. (2016) Accessibility of MOOCs: understanding the provider perspective. *Journal of Interactive Media in Education*. 1. Article No. 20. doi: 10.5334/jime.430
39. Ramírez-Vega, A., Iniesto, F. & Rodrigo, C. (2017) Raising awareness of the accessibility challenges in mathematics MOOCs. *TEEM 2017 Proceedings of the 5th International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturality*. Art. No. 92. ACM. doi: 10.1145/3144826.3145435
40. Timbi-Sisalima, C., Sánchez-Gordón, M., Hilera-Gonzalez, J.R. & Otón-Tortosa, S. (2022) Quality assurance in e-learning: a proposal from accessibility to sustainability. *Sustainability*. 14 (5). Art. No. 3052. doi: 10.3390/su14053052
41. Kelly, B., Phipps, L. & Swift, E. (2004) Developing A Holistic Approach For E-Learning Accessibility. *Canadian Journal of Learning and Technology*. 30 (3). doi: 10.21432/T2D60S
42. Kelly, B., Phipps, L., Sloan, D., Petrie, H. & Hamilton, F. (2005) Forcing standardization or accommodating diversity? A framework for applying the WCAG in the real world. In: *2005 International Cross Disciplinary Workshop on Web Accessibility (W4A)*. Manchester, UK, pp. 46–54. doi: 10.1145/1061811.1061820
43. Seale, J. (2006) Conclusions; building bridges. In: *E-Learning and Disability in Higher Education: Accessibility Research and Practice*. Routledge. pp. 191–207.
44. Seale, J. (2007) Accessibility and Activity Theory: An Exploration of the Factors that Mediate the Practice of Developing Accessible E-learning in Higher Education. In: Montgomerie, C. & Seale, J. (eds) *Proceedings of EdMedia: World Conference on Educational Media and Technology*. pp. 4601–4608.
45. Kouroupetroglou, G., Pino, A. & Kacorr, H. (2011) A model of accessibility services provision for students with disabilities in higher education. *Proceedings of the International Conference Universal Learning Design*. Brno. 8–11 February 2011. pp. 23–33.
46. Papadopolous, G., Pearson, E. & Green, S. (2012) A provisional framework for supporting academics in accessible and inclusive e-materials development. *Proceedings of the 24th Australian Computer-Human Interaction Conference*. pp. 459–468. doi: 10.1145/2414536.2414607
47. Permvattana, R., Armstrong, H. & Murray, I. (2013) E-learning for the VI: A holistic perspective. *International Journal of Cyber Society and Education*. 6 (1). pp. 15–30. doi: 10.7903/ijcse.1029
48. Lowenthal, P.R., Humphrey, M., Conley, Q., Dunlap, J.C., Greear, K., Lowenthal, A. & Giacumo, L.A. (2020) Creating accessible and inclusive online learning: moving beyond compliance and broadening the discussion. *Quarterly Review of Distance Education*. 21 (2). pp. 1–21.
49. Kosova, E.A. (2020) Normativnye osnovaniya obespecheniya dostupnosti elektronnoy obucheniya dlya lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v Rossiyskoy Federatsii [Regulatory foundations for ensuring the accessibility of e-learning for persons with disabilities in the Russian Federation]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 2 (30). doi: 10.15393/j5.art.2020.5692.
50. Russian Federation. (2012) *On Education in the Russian Federation. Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed: 18.06.2024). (In Russian).
51. Engeström, Y. (1987) *Learning by expanding: an activity-theoretical approach to developmental research*. Helsinki: Orienta-Konsultit.
52. Meyer, A. & Rose, D.H. (1998) Learning to read in the computer age. In: Chall, J. (Series ed.) & Onofrey, J. (ed.) *From reading research to practice*. Cambridge, MA: Brookline Books.
53. Rose, D. & Meyer, A. (2006) *A practical reader in universal design for learning*. Harvard Education Press.
54. Atkinson, R.C. & Shiffrin, R.M. (1968) Human memory: A proposed system and its control processes. In: Spence, K.W. & Spence, J.T. (eds) *The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory: II*. Academic Press. pp. 89–195.
55. Sweller, J., van Merriënboer, J.J. & Paas, F.G. (1998) Cognitive architecture and instructional design. *Educational Psychology Review*. 10 (3). pp. 251–296.
56. Mayer, R.E. & Moreno, R. (2002) Aids to computer-based multimedia learning. *Learning and Instruction*. 12 (1). pp. 107–119. doi: 10.1016/S0959-4752(01)00018-4
57. Rogers, C.R. (1969) *Freedom to Learn*. Columbus, Ohio: Charles E. Merrill.
58. Maslow, A.H. (1943) A theory of human motivation. *Psychological Review*. 50 (4). pp. 370–396. doi: 10.1037/h0054346
59. Afanas'ev, V.G. (1982) Modelirovanie kak metod issledovaniya sotsial'nykh sistem [Modeling as a method of studying social systems]. In: *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy: ezhegodnik* [System Research. Methodological Problems: Yearbook]. S.I. pp. 26–46.
60. Manuylov, Yu.S. (1997) *Sredovoy podkhod v vospitanii* [Environmental approach in education]. Pedagogics Dr. Diss. Moscow.
61. Akopova, M.A. (2003) *Lichnostno-orientirovanny podkhod v usloviyakh vybora obrazovatel'nykh programm v vysshey shkole* [Personality-oriented approach in the context of choosing educational programs in higher education]. Saint Petersburg: Nauka.
62. Zimnyaya, I.A. (2012) Kompetentsiya i kompetentnost' v kontekste kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii [Competence and competency in the context of the competence approach in education]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 6. pp. 2–10.
63. Mueller, M.J., Jolly, R. & Eggert, E. (2024) *Web Accessibility laws & policies*. W3C. [Online] Available from: <https://www.w3.org/WAI/policies/> (Accessed: 18.06.2024).
64. GOST R 52872-2019. (2020) *Internet-resursy i drugaya informatsiya, predstavlenaya v elektronno-tsifrovoy forme. Prilozheniya dlya statsionarnykh i mobil'nykh ustroystv, inye pol'zovatel'skie interfeysy. Trebovaniya dostupnosti dlya lyudey s invalidnost'yu i drugikh lits s ogranicheniyami zhiznedeyatel'nosti* [Internet resources and other information presented in electronic digital form. Applications for stationary and mobile devices, other user interfaces. Accessibility requirements for people with disabilities and other persons with disabilities]. [Online] Available from: <https://nd.gostinfo.ru/document/6471657.aspx> (Accessed: 18.06.2024).
65. World Health Organization. (2001) *International Classification of Functioning, Disability and Health – ICF*. [Online] Available from: <https://www.who.int/classifications/icf/en/> (Accessed: 18.06.2024).
66. Velleman, E. & Abou-Zahra, S. (2014) *Website accessibility conformance evaluation methodology (WCAG-EM) 1.0*. W3C. [Online] Available from: <https://www.w3.org/TR/WCAG-EM/> (Accessed: 18.06.2024).
67. Kosova, E.A. (2022) Analiticheskiy obzor servisov tsifrovoy dostupnosti na ofitsial'nykh saytakh vedushchikh universitetov mira [Analytical review of digital accessibility services on official websites of leading world universities]. *Vyshey obrazovanie v Rossii*. 31 (4). pp. 129–147. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-4-148-166
68. IAAP (2020) *Certified professional in accessibility core competencies: body of knowledge*. [Online] Available from: https://www.accessibilityassociation.org/resource/IAAP_CPACC_BOK_March2020 (Accessed: 18.06.2024).
69. Montalvo, D. & Abou-Zahra, S. (2022) *Curricula on web accessibility: a framework to build your own courses*. WAI W3C. [Online] Available from: <https://www.w3.org/WAI/curricula/> (Accessed: 18.06.2024).

Информация об авторах:

Косова Е.А. – канд. пед. наук, зав. кафедрой прикладной математики Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru

Галустян О.В. – д-р пед. наук, профессор кафедры образования и педагогических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: ovgalustyan@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ye.A. Kosova, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Applied Mathematics, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: lynx99@inbox.ru / kosovaea@cfuv.ru

O.V. Galustyan, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: ovgalustyan@sfedu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.06.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 20.06.2024;
approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.*

Научная статья
УДК 372.881.111.1
doi: 10.17223/15617793/510/19

Методика формирования межкультурной компетенции у старшеклассников с применением мультимедийных средств

Галина Алексеевна Краснощекова¹, Елена Сергеевна Янкаускас²

^{1, 2} Южный федеральный университет, Таганрог, Россия

¹ gakrasnoschokova@sfedu.ru

² yankauskas@sfedu.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы организации учебного процесса по формированию межкультурной компетенции школьников старших классов на уроках по иностранному языку. Это помогает будущим выпускникам определить свое место в мире, уважительно относиться к другим культурам и представлять собственную культуру в позитивном ключе. Предложены алгоритмы и даны методические рекомендации по формированию межкультурной компетенции школьников при обучении иностранному языку.

Ключевые слова: межкультурная компетенция школьника, методика обучения иностранному языку в старшей школе, мультимедийные технологии, интернет-ресурсы в образовании, создание материалов для обучения иностранному языку

Для цитирования: Краснощекова Г.А., Янкаускас Е.С. Методика формирования межкультурной компетенции у старшеклассников с применением мультимедийных средств // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 183–190. doi: 10.17223/15617793/510/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/19

The methodology of intercultural competence development in high school students by means of multimedia

Galina A. Krasnoschokova¹, Elena S. Yankauskas²

^{1, 2} Southern Federal University, Taganrog, Russian Federation

¹ gakrasnoschokova@sfedu.ru

² yankauskas@sfedu.ru

Abstract. The article deals with the organization of the educational process for the development of intercultural competence of high school students in foreign language lessons. It helps future graduates determine their place in the world, respect other cultures and represent their own culture in a positive way. The aim of this article is to describe methods and means of teaching high school students a foreign language and forming their intercultural competence in a modern educational environment. Through the study of the socio-cultural characteristics of not only English-speaking countries, but also countries where English acts as a "lingua franca" in intercultural communication, the knowledge component of intercultural competence can be formed at the first place, since work on the formation of intercultural competence is mainly carried out in monolingual classes. To reach the aim, the following research methods were used: analysis of literature on pedagogy, psychology of communication, linguistics, theory and practice of teaching foreign languages using multimedia capabilities; conducting various types of cross-sections to determine the level of formation of intercultural competence, surveying students, conducting experimental training; method of mathematical and statistical processing of the results obtained. The research was based on the implementation of competence-based, communicative, personality-oriented, intercultural, and integrated learning approaches, which make it possible to intelligently combine traditional methods of teaching a foreign language with the capabilities of multimedia technologies. The study analyzes the important personality traits of schoolchildren, their mental characteristics, a unique set of characteristics that indicate high school students' readiness to form intercultural competence. The concepts of foreign language communicative competence of schoolchildren is different from the communicative competence of adults or professional communicative competence. Thus, we can talk about the so-called "intercultural competence of schoolchildren". Algorithms and methodological recommendations for the formation of schoolchildren's intercultural competence are also given. The article describes the experimental training of schoolchildren on the formation of intercultural competence based on the materials from a self-developed textbook using multimedia tools. The conducted research confirmed that the process of teaching a foreign language contributes to the successful formation and development of intercultural competence. The use of multimedia technologies in combination with traditional methods makes it possible to form the intercultural competence of high school students in a balanced way. These technologies provide an opportunity for teachers to work creatively when designing materials that meet the needs and goals of a specific group of students, as well as organizing their independent work.

Keywords: intercultural competence of schoolchildren, methodology of teaching foreign language in high school, multimedia, Internet-resources in education, creating ESL materials

For citation: Krasnoschokova, G.A. & Yankauskas, E.S. (2025) The methodology of intercultural competence development in high school students by means of multimedia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 183–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/19

Введение

Одно из основных гуманитарных направлений образования в школе – изучение иностранного языка. Изучение английского языка, который является наиболее популярным иностранным языком, обусловлено нормативными актами и национальными проектами. Оно позволяет обучающимся чувствовать себя частью мирового сообщества даже в сложные времена. В современном мире английский язык сохраняет свою значимость, наблюдается тенденция расширения связей с различными странами – азиатскими, африканскими и ближневосточными. В связи с этим помимо коммуникативных навыков при изучении иностранного языка необходимо развивать и межкультурную компетенцию, которая помогает глубже понять происходящие в мире процессы, культурные различия и успешно общаться с представителями других культур. В настоящее время все более актуально формирование межкультурной компетенции на школьном уровне. Это помогает будущим выпускникам определить свое место в мире, уважительно относиться к другим культурам и осознанно представлять собственную культуру [1]. При этом каждый изучающий английский язык у себя в стране вне англоязычной среды, будучи представителем своей культуры, влияет на формирование образа своей страны при общении. Это дает возможность говорить о владении английским языком в качестве языка-посредника, который позволяет коммуникантам понимать друг друга вне зависимости от уровня владения родным языком и при этом проявлять уважение к другой культуре, представляя свою собственную. Нужно понимать, что «сбои в межкультурной коммуникации неизбежны при недостаточном овладении коммуникантами не только чисто лингвистическими средствами языка коммуникации, но и его культурными аспектами, находящими свое выражение в идиоматике» [2. С. 105]. Это является основанием того, что формирование межкультурной компетенции наряду с коммуникативной предполагает «способность адекватно понимать и интерпретировать социокультурные факты, основываясь на ценностных ориентирах и оценках своей и чужой культуры» [3. С. 134].

Для старшеклассников формирование межкультурной компетенции неотделимо от развития социокультурной компетенции. Сравнивая свои культурные особенности с культурой других стран на уроках иностранного языка, обучающиеся развивают свое отношение к этим фактам, формируют ценностные ориентиры, усиливают важность собственной культуры и осознают ответственность за образ своей страны в межкультурном общении. Это достигается путем усвоения норм общения, выбора вербальных и невербаль-

ных средств коммуникации, а также понимания «сильных» и принятия «слабых» или необычных сторон своей и других культур.

В связи с процессами модернизации в образовании подходы к его реализации также должны меняться. Мультимедийные средства, информационно-коммуникационные технологии, интернет-сайты и образовательные платформы обладают огромным потенциалом при обучении иностранному языку. Они позволяют искать и применять современный и аутентичный материал, стимулируют саморазвитие благодаря доступности и мобильности таких технологий, а также увлекательно организуют процесс обучения через интерактивные методы.

Таким образом, формирование межкультурной компетенции требует внимания к социокультурной составляющей иностранного языка, а использование современных средств и технологий может существенно обогатить процесс обучения и стимулировать интерес обучающихся.

Методология исследования

В исследованиях как зарубежных, так и отечественных ученых активно обсуждается важность обращения к межкультурным аспектам при коммуникации на иностранном языке. Ученые изучают процесс формирования и развития межкультурной компетенции в целом, анализируя ее структуру и составляющие на различных уровнях образования. В исследованиях таких авторов, как В.Г. Апальков [4], Н.В. Барышников [5], Н.Д. Гальскова [6], В.В. Сафонова [7], П.В. Сысоев [8], М. Вугам [9], Н. Hoff [10] и других, был сделан значительный вклад в определение межкультурной компетенции и необходимости ее формирования у обучающихся разных возрастов.

При формировании межкультурной компетенции с использованием мультимедийных средств мы опирались в основном на компетентностный, коммуникативный, личностно ориентированный, межкультурный и интегративный подходы. Более наглядно сущность и особенности каждого подхода представлены ниже.

Использование выбранных подходов неслучайно: они способствуют расширению культурной самоидентификации обучающихся и воспитанию таких качеств, как терпимость и уважение к разным культурам. При обсуждении конкретных историй и явлений различных культур на уроках иностранного языка особое внимание уделяется культуре собственной страны, что способствует развитию умения позитивно представлять свою культуру на иностранном языке и применять конструктивный подход к решению различных проблем. Представленные подходы позволяют комбинировать различные

методы обучения иностранному языку с использованием мультимедийных технологий, позволяющих подбирать аутентичные материалы из Интернета, а также создавать и интегрировать интерактивные задания в учебный процесс, организовывать виртуаль-

ные площадки для совместной работы и многое другое. Более того, использование аутентичных аудио-, видеоматериалов и текстов о реалиях жизни и культуре разных стран позволяет расширять не только знания о культуре, но и языковые компетенции.

Таблица 1

Применяемые подходы при формировании межкультурной компетенции

Подход	Представители	Что сделано в рамках подхода
Компетентностный	Н. Хомский, Дж. Равен, О.Е. Лебедев, А.В. Хуторской, Г.А. Сергеева, И.А. Зимняя и др.	Отобрано соответствующее содержание обучения; внимание на опыт обучающихся, ограниченный возрастными особенностями и преимущественно монологической средой класса; анализ кейсов, обсуждение точек зрения способствуют получению знаний о культурах и формированию собственного отношения к другим культурным особенностям
Коммуникативный	И.Л. Бим, Н.И. Гез, Р.П. Мильруд, Е.И. Пассов, Е.Н. Соловова, А.А. Леонтьев, Г.А. Китайгородская	Изучение культур разных стран через аутентичные тексты и видеоматериалы дополняется изучением лексики, грамматики и стилистики этих материалов; развитие всех аспектов языковой деятельности, улучшение рецептивных и продуктивных навыков способствуют активному использованию языка на уроке
Личностно-ориентированный	В.В. Бондаревская, В.С. Ильин, В.В. Сериков, В.И. Слободчиков, А.П. Тряпицына, Р. Дрейвер, М. Полани, Дж. Шваб	Учет индивидуального опыта каждого ученика и его личностных особенностей; использование разнообразных форм работы, включая технические средства; подбор материалов, способствующих повышению вовлеченности обучающихся в учебный процесс
Межкультурный	Н.В. Барышников, Л.А. Гусейнова, М.Г. Евдокимова, Г.А. Масликова, И.Л. Плужник, Н. Г. Соловьева, В.В. Сафонова, О. В. Сыромясова, П.В. Сысоев, И.В. Третьякова, Н.В. Филиппова, В.П. Фурманова, И.И. Халеева	Сравнение нескольких культур; развитие терпимого отношения к различным культурам, способности преодолевать стереотипы, умения различать коллективное и индивидуальное поведение представителей других культур
Интегративный	О.В. Борщева, И.А. Зимняя, Е.В. Земцова, В.Ф. Тенищева, М. Афнан, С. Алмарза, Х. Браун, Д. Кристал, И. Хинкел	Объединение обучения языку и культуре, развитие всех видов речевой деятельности

Исследование и результаты

Говоря о формировании межкультурной компетенции школьников с использованием мультимедийных средств, следует обратить внимание на специфику развития коммуникативной компетенции старшеклассников в общеобразовательных школах. Поскольку «очевидно, что при осуществлении любого акта коммуникации на иностранном языке обучающийся становится посредником, проецирующим картину мира (родного и (или) используемого в данный момент иностранного языка) на сознание собеседника, являющегося представителем другой лингвокультуры» [11. С. 250], коммуникативный подход, который предполагает формирование и развитие навыков коммуникации на иностранном языке на разных уровнях, играет значительную роль в этом процессе. Следуя идее Н.В. Барышникова, мы полагаем, что иноязычная коммуникативная компетенция школьников отличается от иноязычной коммуникативной компетенции взрослых или профессиональной коммуникативной компетенции [5. С. 4], поэтому правомерно использование термина «межкультурная компетенция школьника» как одной из ее составляющих.

Развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся и формирование межкультурной компетенции в российских школах происходит преимущественно в монологических классах. Важной мотивационной составляющей в этом процессе становится гипотетическая возможность межкультурной коммуникации и готовность школьников к ней. В межкультурной коммуникации выделяются языковой, коммуникативный и

культурный уровни, поэтому целесообразно обеспечивать подготовку обучающихся на каждом из этих уровней. Именно готовность (или даже самоощущение готовности) школьников зависит от того, насколько хорошо они освоили каждый из перечисленных уровней.

Для успешной подготовки школьников на каждом уровне важную роль играют действия преподавателя. На языковом уровне осуществляется отбор соответствующих языковых средств для конкретной коммуникативной ситуации, а также отработка предыдущего материала в новых ситуациях. Чем более разнообразным является этот опыт, тем более автоматическим и естественным становится выбор языковых средств. Языковые средства включают клише, идиомы, фразеологизмы, жаргонные выражения и другие лингвистические особенности, поскольку языковой уровень варьируется в зависимости от целей коммуникации. Задача учителя – создать учебную ситуацию, где обучающийся может задействовать как новые, так и ранее приобретенные знания.

На уровне коммуникации формируются знания, умения, навыки и стратегии, необходимые для эффективного взаимодействия. «Составными элементами являются следующие умения:

- интерпретировать специфические сигналы готовности собеседника начать коммуникацию или нежелания общаться, характерные для определенной культуры;
- определить соотношение говорения и слушания в зависимости от ситуации и культурных норм окружающей обстановки;
- адекватно выражать свои мысли, и понимать мысли собеседника;

- управлять ходом разговора в нужном направлении;
- передавать и расшифровывать сигналы смены коммуникативных ролей и сигналы завершения общения;
- использовать вербальные и невербальные средства, соответствующие данной культуре;
- приспосабливаться к социальному статусу участников коммуникации и межкультурным различиям;
- корректировать собственное коммуникативное поведение» [1. С. 36].

На культурном уровне происходит попытка понимания ценностей, психологической и социальной идентичности, характерных для культурной среды общения. На этом уровне развивается умение извлекать необходимую информацию из различных культурных источников (книги, фильмы, периодика, политические явления и т.д.) и оценивать ее значение для межкультурного общения. Здесь также важными составляющими являются фоновые знания обучающихся и их личный опыт.

Следовательно, формирование межкультурной компетенции у старшеклассников должно основываться на развитии следующих ее компонентов:

- знаниевый, поскольку работа над формированием межкультурной компетенции преимущественно проводится в монологических классах, в которых отсутствует возможность наблюдения за представителями других культур непосредственно при общении. Информация о различных аспектах культуры, таким образом, исходит из аутентичных аудио- и видеоматериалов, текстов, а не от носителей этой культуры;
- отношение к различным культурам, где внимание обучающихся переносится с различий разных культур на сходства путем сравнения похожих понятий и явлений. Такой подход помогает обучающимся отказаться от предубеждений о своей культуре как ме-

нее важной. Если обучающиеся слишком критично относятся к своим культурным особенностям в процессе сравнения и интерпретации родной и других культур, важно сместить акцент с критики на решение, как можно повлиять или изменить данное отношение. Это помогает развивать конструктивную и активную позицию у обучающихся, осознавая, что они являются представителями собственной культуры и могут влиять на формирование имиджа своей страны у их собеседников при межкультурном общении.

В современных условиях, когда Интернет и информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью учебного процесса, важно организовать обучение иностранному языку с использованием онлайн-ресурсов и мультимедиа, потому что они обладают высоким лингводидактическим потенциалом, разнообразными способами использования и играют важную роль в развитии иноязычных компетенций, предоставляя новые возможности учителям не только для организации и вариативности учебного процесса, но и для проверки знаний обучающимся.

В условиях глобальной пандемии COVID-19, когда обучение перешло в онлайн-формат, Интернет стал единственно возможным средством для сохранения непрерывности обучающего процесса. Этот переход мотивировал ученых на разработку множества инструментов, которые значительно упрощают проведение уроков в онлайн-режиме через Интернет. «В учебных целях под интернет-ресурсами мы понимаем текстовые, аудио- и визуальные материалы по различной тематике, направленные на развитие коммуникативно-когнитивных умений обучающихся, осуществлять поиск, отбор, классификацию, анализ и обобщение информации» [12. С. 169].

В табл. 2 представлены «программы и интернет-ресурсы, которые мы используем для организации учебного процесса и формирования межкультурной компетенции у старшеклассников» [1. С. 67].

Таблица 2

**Программы и интернет-ресурсы для организации учебного процесса
с целью формирования межкультурной компетенции у старшеклассников**

Программы и Интернет-ресурсы	Цель использования
ZOOM, Microsoft Teams, Google Meet	Для проведения онлайн-уроков
Интерактивные доски Miro	Для организации совместной работы с обучающимися
Видеохостинг YouTube, Ru Tube, TEDed, блоги, информация с официальных страниц различных организаций в сети Интернет	Для подбора аутентичного материала
learningApps.org, quizlet.com, quizzes.com, freecollocation.com, wordwall.com, liveworksheet.com, jeopardy.com, создание гиперссылок на онлайн-словарь dictionary.cambridge.org, adeptly.ai, tweec.com	Для создания интерактивных: – упражнений на снятие лексических, фонетических и грамматических трудностей; – игр и викторин для проверки усвоенного материала

Вышеупомянутые мультимедийные ресурсы и инструменты используются для развития у обучаемых рецептивных и продуктивных навыков на основе подобранного аутентичного материала с межкультурной направленностью. Они помогают создавать интерактивные упражнения. Цель создания того или иного упражнения была главным критерием отбора программ для создания упражнений и обучающих игр. Например, на сайте learningapp.com можно сделать задание на сопоставление слов и их значений (matching) для проверки знания лексических единиц и их запоми-

нания. Сайт wordwall.com позволяет распределить существительные по категориям (categorization) в зависимости от продуктивных суффиксов, что помогает усвоить правило образования имен прилагательных – названий национальностей. Все эти упражнения можно использовать как на этапе подготовки к чтению текста/просмотра аутентичного видео, так и для контроля знаний или самостоятельной работы обучающегося дома.

Использование мультимедийных технологий, сайтов для создания интерактивных упражнений и онлайн-

доски для совместной работы является мощным дидактическим средством. Они позволяют эффективно организовать учебный процесс, быть доступными и экономить ресурсы, такие как печатные учебники. Они также повышают мотивацию учащихся к обучению, ускоряют и облегчают выполнение заданий.

Использование мультимедийных технологий и ИКТ в сочетании с традиционными методами позволяет сбалансированно формировать межкультурную компетенцию старшеклассников. Эти технологии предоставляют возможности для творческой работы преподавателей при создании материалов, соответствующих нуждам и целям конкретной группы обучающихся, а также организации их самостоятельной работы. Представим алгоритм обучения разным видам речевой деятельности при формировании межкультурной компетенции школьников. Формируя навыки аудирования, мы перед просмотром видео рекомендуем снять лексические и фонетические трудности (Pre-Watching task), поэтому целесообразным также будет ввести новые слова, отработать произношение. Затем следуют упражнения на отработку лексического и грамматического материала, имитационные и трансформационные задания, а также задание на создание оригинального текста в соответствии с коммуникативной задачей. Для таких упражнений можно использовать онлайн-платформы, такие как quizlet.com, learningapps.com и wordwall.com.

После просмотра видео предлагаются коммуникативные упражнения – дискуссии, разбор ситуаций, написание небольших комментариев по теме видео.

Например, перед просмотром видео о различных жестах в разных странах (Корея, Индии, России и др.) обучающимся предлагаются фото из данного видео для предугадывания значения каждого из жестов. Вопросы для дискуссии в парах:

«1. Do you agree with the explanation of a gesture from the Russian girl?

2. What gestures are similar to gestures in Russia?

3. Which of the gestures in the video do you find the most unusual and bizarre?

4. Prepare one gesture or mime something to a class. Can they guess correctly? Do you think people abroad can understand them as well?» [13. С. 33].

В данном случае используется метод «think-pair-share» [14. С. 186], где обучающимся предоставляется время для самостоятельного обдумывания вопросов, затем обсуждение в парах и, наконец, обмен мнениями в группе. Такая организация дискуссии позволяет активно вовлечь обучающихся в процесс, дает возможность выразить свою точку зрения и послужить основой для написания комментариев к прочитанному блогу.

Вопросы закрытого типа после работы с текстами используются для проверки фактических знаний и усвоения материала о разных странах, а также для проверки общекультурных знаний. Эти вопросы помогают обучающимся убедиться в том, что они правильно поняли и усвоили информацию из текстов.

В процессе формирования межкультурной компетенции обучающиеся используют знания о странах через онлайн-квиз «Угадай страну по национальным

символам» (URL: <https://www.fly4free.com/flight-deals/europe/quiz-guess-the-country-from-the-national-symbols>). В этом квиле обучающимся предлагается угадать страну и объяснить свой ответ на основе стереотипных изображений.

Большое внимание уделяется развитию продуктивных навыков (письма и говорения). Благодаря им обучающиеся имеют возможность выразить свою точку зрения и отношение к другим культурам как в устной, так и письменной форме, что является важной частью межкультурной компетенции школьника. Для этого предусмотрено ознакомление с различными форматами текстов, таких как статьи, сопроводительные письма, эссе-рассуждения, которые, в зависимости от темы и коммуникативной задачи урока, обучающимся предлагается написать. Структура работы по развитию навыков письма включает введение в тему урока, представление текста-модели и анализ его основных характеристик на разных уровнях: лексическом, фразеологическом, синтаксическом и стилистическом. Залогом успешного написания текста является выделение достаточного времени для выполнения задания и четкие требования к его объему. Мотивирующим фактором также является обратная связь, которая должна быть предоставлена непосредственно после написания текста. Полноценная проверка, включающая исправление орфографических, стилистических и пунктуационных ошибок, может быть проведена позже, перед следующим уроком. Стимулирующей обратной связью может быть предложение обучающимся ознакомиться с текстами друг друга и отметить наличие основных критериев, соответствующих данному типу текста на этом этапе. Для такой работы хорошо подходит интерактивная доска Миро, на которой обучающиеся могут разместить свои тексты, чтобы их можно было проверить и оценить в режиме реального времени. Более того, обсуждение полученных текстов может найти продолжение в дискуссии.

Использование игровых методов, включая игру «Дебаты», также способствует формированию межкультурной компетенции обучающихся. В процессе дебатов ученики защищают свою точку зрения и учатся аргументировать ее на основе изученных фактов о разных странах, а также выражать свое отношение к проблеме. Например, при обсуждении жизни школьников в других странах и в России выносятся утверждение «Gap year как альтернатива поступлению в университет». Введение этой темы начинается с обсуждения с одноклассниками вопроса «Какие возможности есть у учащихся в России после окончания школы?». Основные идеи, высказанные в ходе обсуждения, были записаны на онлайн-доске. Затем обучающимся предлагается прослушать аудио «Why take a gap year?» для общего понимания и сравнения опыта обучения за границей в течение года без учебы с предложенными вариантами образования, доступными в России. По окончании первого прослушивания проверяются значения некоторых лексических единиц, важных для полного понимания аудио. Обучающиеся должны самостоятельно сопоставить слова и их значения, сравнить ответы в парах, а затем прослушать правильные ответы.

Match the words and phrases from the audio with their definitions.

1. to be at the back of someone's mind	a. have a useful outcome
3. productive	b. estimation of something that is likely to happen in the future based on known information
4. prediction	c. strange and unfamiliar idea
5. an Alien concept	d. an idea you do not think frequently but you keep deep in memory
6. practical	e. something useful and applicable

Listen to the podcast from 5:11 till the end and check the vocabulary.

После работы с лексикой обучающимся предлагались вопросы для более глубокого понимания аудио перед его вторым прослушиванием:

Answer the questions: 1. How many people from the podcast definitely took a gap year? 2. What were Meg's reasons for taking a gap year? 3. Why didn't Tom take a gap year? 4. According to Chris Rea, what advantages do students have after a gap year? 5. What subject gives the highest average income after leaving University? [13. С. 87].

Учащиеся, прослушав аудио, делали небольшие заметки с ответами на вопросы для дальнейшей проверки всем классом.

В качестве творческого задания после прослушивания, обучающимся было предложено прочитать реальные комментарии пользователей сети Интернет из разных стран (Вьетнам, Япония, Россия, арабские страны), обсудить их отношение к данному явлению, а затем написать собственный комментарий к аудио, ограничившись одним-двумя предложениями:

Look at the comments about a gap year from students in different countries. What is attitude to a gap year in Russia? Can you find similar ideas in the comments? Use the words from exercise 4 to write your comment about a gap year.

В рамках расширения работы над темой, а также в группах с более высоким уровнем языковой подготовки обучающимся предлагается более сложное задание, которое предполагает прохождение небольшого онлайн-квиза для определения наиболее продуктивного способа проведения gap year для каждого обучающегося и обсуждение его результатов с точки зрения личных предпочтений, того, совпадают ли результаты и их желания с аргументацией своих ответов:

Take a Quiz "What should you do for your Gap year?" (<https://www.volunteercard.com/2019/05/quiz-gap-year/>). Do you agree with its result? Discuss in pairs [13. С. 88].

Наиболее продуктивными методами при формировании межкультурной компетенции школьника являются беседа, дискуссии, учебно-речевые ситуации, проведение квизов и создание проектов-презентаций.

Мультимедийные средства используются нами для подбора и презентации материала для обучающихся, создания квизов, а также создания и представления обучающимися своих компетенции проектов. Работа с аутентичными материалами о социально-бытовых фактах на уроках иностранного языка способствует не только формированию знаниевого компонента межкультурной компетенции школьника, но и развивает языковые умения и навыки, тренирует как рецептивные, так и продуктивные умения.

Ход и результаты эксперимента

Опытное обучение было проведено в 10-х классах общеобразовательной школы в течение периода с 2019 по 2022 г. Для этого эксперимента были сформированы две группы: экспериментальная группа № 1 (ЭГ) и контрольная группа № 2 (КГ). Опытное обучение осуществлялось в несколько этапов: констатирующий этап (2018–2019 гг.), формирующий этап (2019–2020 гг.) и контрольный этап обработки и интерпретации результатов (2020–2022 гг.). Целью эксперимента было создание целостной системы формирования межкультурной компетенции школьника с использованием мультимедийных средств, организация процесса обучения иностранному языку, а также анализ полученных результатов вместе с обучающимися.

В нашем исследовании мы учитывали возраст обучающихся, их приблизительно одинаковый культурный опыт в преимущественно монолингвальном окружении в старших классах средней общеобразовательной школы. Обучающимся был предложен опросник, в основу которого легла структура опроса А. Фантини [15]. При этом больше внимания было уделено знаниевому компоненту межкультурной компетенции, чем аффективному. На когнитивном уровне тест включал в себя вопросы из области межкультурной коммуникации, в то время как на аффективном уровне обучающиеся высказывали свои ощущения от взаимодействия с представителями других культур.

После анализа данных анкетирования были отобраны аутентичные аудио, видео и текстовые материалы, на их основе была разработана система упражнений, которые были доступны к выполнению как в печатном формате, так и при помощи мультимедийных приложений и интернет-сайтов. Эти материалы использовались в дополнение к основному УМК «Spotlight» для 10-х классов и стали основой учебного пособия «Cross-cultural Communication: Overcoming the Differences» [13], которое состоит из пяти основных юнитов и дополнительного материала для просмотра/чтения и обсуждения. «Каждый юнит объединен одной темой и включает следующие блоки: Vocabulary; Reading; Watching&Listening; Grammar; Let's Speak; Writing и Project Work. К текстам и видео предлагались предтекстовые задания, вопросы на понимание текстов/видео. При работе над грамматикой правила формировались на основе прочитанных текстов при помощи метода управляемых открытий. В блоке Let's Speak были задания на составление диалогов на заданную тематику, разыгрывание различных ролей и ситуаций, а также дискуссии. Раздел Writing содержал задания, с которыми обучающиеся могут столкнуться в реальной жизни: написание сопроводительного письма, описание графика, эссе и т.д. В качестве завершающего этапа работы над темой были предложены учебно-речевые ситуации, дискуссии, разбор кейс-ситуаций, а также проектное задание сопоставительного характера, в котором обучающиеся объединили все полученные знания и умения при работе над текстами, лексикой, грамматикой, включают в самостоятельную поисковую деятельность и предоставляют финальный проект в виде презентации или короткого видеоролика» [1. С. 160].

Для анализа результатов входного и итогового тестирования мы применили формулу В.П. Беспалько [16]. Был рассчитан коэффициент успешности выполнения тестовых заданий на определение уровня сформированной межкультурной компетенции на иностранном языке в ЭГ и КГ по формуле В.П. Беспалько:

$$K_y = a/n,$$

где a – количество обучающихся, показавших в целом положительный результат по результатам тестирования (от 1,51 до 3 баллов); n – общее количество обучающихся в группе (15 человек). Полученные данные: K_y (ЭГ № 1) = $13/15 = 0,86$; K_y (КГ № 2) = $13/15 = 0,86$. Поскольку минимально допустимым считается коэффициент успешности 0,7, то результаты вычисления свидетельствуют о недостаточно высоком уровне сформированности знаниевого компонента межкультурной компетенции у обучающихся.

Исходя из результатов данных диагностического тестирования, подтвердилась практическая значимость настоящего исследования, которая проявилась в необходимости разработки и внедрения методики развития межкультурной компетенции на иностранном языке. На рис. 1 представлен коэффициент усвоения знаний в ЭГ и КГ на разных этапах формирующего эксперимента.

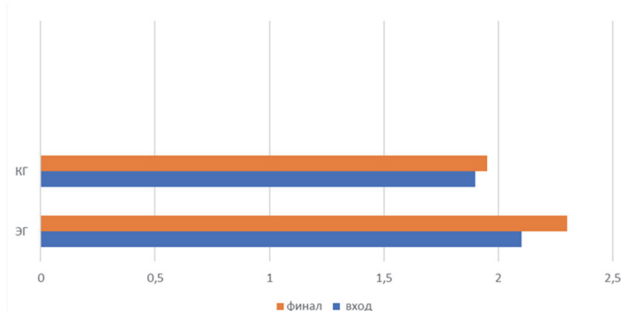

Рис. 1. Коэффициент усвоения в экспериментальной и контрольной группах

В табл. 3 представлены показатели уровней сформированности знаниевого компонента КГ и ЭГ в начале и конце экспериментального обучения.

Данные табл. 3 показывают, что уровень сформированности межкультурной компетенции в ЭГ и КГ отличается: в экспериментальной группе обучающиеся с применением методики формирования межкультурной компетенции мультимедийными средствами

имеют результаты выше, чем у обучающихся контрольной группы, а именно: K_y (ЭГ № 1) = $38/38 = 1$; K_y (КГ № 2) = $37/39 = 0,94$ [1. С. 162].

Таблица 3

Сравнительные показатели данных входного и финального тестирования в каждой группе

Экспериментальная группа	
Коэффициент после входного тестирования	2,1
Коэффициент после финального тестирования	2,3
Контрольная группа	
Коэффициент после входного тестирования	1,9
Коэффициент после финального тестирования	1,95

Заключение

Результаты эксперимента показали, что предложенная методика формирования межкультурной компетенции мультимедийными средствами на уроках иностранного языка способствует развитию знаниевого компонента данной компетенции и повышает уровень готовности обучающихся к потенциальному межкультурному общению. Методика способствует развитию всех видов речевой деятельности и критического мышления, а также ведет к совершенствованию умения создавать и понимать тексты о фактах повседневной культуры своей и других стран на основе изученных лексических и грамматических структур; умения устно представить явления повседневной жизни в России в положительном ключе, адекватно воспринимать и интерпретировать невербальную информацию; умения ведения дискуссии на предложенные темы; умения работать в команде и конструктивно представлять свою позицию при работе над проектными заданиями; умения аргументировать свою точку зрения. Тем не менее об уровне сформированности межкультурной компетенции школьника правомерно судить лишь в ситуации реальной межкультурной коммуникации, которая практически невозможна в средней школе.

Мультимедийные средства способствуют эффективному усвоению материала, повышают мотивацию к обучению иностранным языкам, так как изучение, тренировка, повторение и контроль языкового материала осуществляются в индивидуальном темпе и в индивидуальной последовательности, что оказывает положительное влияние на процесс формирования межкультурной компетенции на уроках иностранного языка.

Список источников

1. Янкаускас Е.С. Формирование межкультурной компетенции мультимедийными средствами на уроках иностранного языка у обучающихся старших классов : дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2022. 217 с.
2. Найман Е.А., Гураль С.К., Смокотин В.М., Бовтенко М.А. Взаимоотношения языков и культур и роль культуры в языковом образовании // Язык и культура. 2013. № 1 (21). С. 90–106.
3. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Икар, 2009. 448 с.
4. Апальков В.Г., Сысоев П.В. Компонентный состав межкультурной компетенции // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 8. С. 89–93.
5. Барышников Н.В. Обучение иностранным языкам и культурам: методология, цель, метод // Иностранные языки в школе. 2014. № 9. С. 2–9.
6. Гальскова Н.Д., Демина М.Г., Манукян К.М. Цель обучения иностранным языкам в новейший период развития методики как науки // Иностранные языки в школе. 2012. № 5. С. 2–11.
7. Сафонова В.В. Соизучение языков и культур в зеркале мировых тенденций развития современного языкового образования // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 123–141.
8. Сысоев П.В. Пересматривая конструкт межкультурной компетенции: обучение межкультурному взаимодействию в условиях «диалога культур» и «не-диалога культур» // Язык и культура. 2018. № 43. С. 261–281. doi: 10.17223/19996195/43/16
9. Byram M. Assessing intercultural competence in language teaching // Sprogforum. 2000. № 18 (6). P. 8–13.

10. Hoff H. The evolution of intercultural communicative competence: Conceptualisations, critiques and consequences for 21st century classroom practice // *Intercultural Communication Education*. 2020. Vol. 3(2). P. 55–74. doi: 10.29140/ice.v3n2.264
11. Прохорова А.А., Сергеева О.В., Ямкина И.А. Мультиязычные веб-сайты как средство формирования и развития медиативных умений студентов технического вуза // *Язык и языка культура*. 2022. № 60. С. 249–269. doi: 10.17223/19996195/60/14
12. Драгунова А.А. Учебные Интернет-ресурсы как средство формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции у студентов 2–3-х курсов // *Ярославский педагогический вестник*. 2013. № 1. С. 163–167.
13. Краснощекова Г.А., Янкаускас Е.С. *Cross-Cultural Communication: Overcoming the Differences* : учеб. пособие / под общ. ред. Г.А. Краснощековой. Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2021. 113 с.
14. Полванова М.Ф. Improving students' speaking skills through the technique "Think-Pair-Share" in ESP classes // *Молодой ученый*. 2018. № 11 (197). С. 185–187.
15. Fantini A. *Exploring and Assessing Intercultural Competence*. Brattleboro : Federation EIL, 2006. 74 p.
16. Беспалько В.П. Параметры и критерии диагностической цели // *Школьные технологии*. 2006. № 1. С. 118–128.

References

1. Yankauskas, E.S. (2022) *Formirovanie mezhkul'turnoy kompetentsii mul'timediynymi sredstvami na urokakh inostrannogo yazyka u obuchayushchikhsya starshikh klassov* [Formation of intercultural competence through multimedia means in foreign language lessons for high school students]. Pedagogics Cand. Diss. Rostov-on-Don.
2. Nayman, E.A., Gural', S.K., Smokotin, V.M. & Bovtenko, M.A. (2013) *Vzaimootnosheniya yazykov i kul'tur i rol' kul'tury v yazykovom obrazovanii* [Relationships between languages and cultures and the role of culture in language education]. *Yazyk i kul'tura*. 1 (21). pp. 90–106.
3. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Moscow: Ikar.
4. Apal'kov, V.G. & Sysoev, P.V. (2008) *Komponentnyy sostav mezhkul'turnoy kompetentsii* [Component composition of intercultural competence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 8. pp. 89–93.
5. Baryshnikov, N.V. (2014) *Obucheniye inostrannym yazykam i kul'turam: metodologiya, tsel', metod* [Teaching foreign languages and cultures: methodology, purpose, method]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 9. pp. 2–9.
6. Gal'skova, N.D., Demina, M.G. & Manukyan, K.M. (2012) *Tsel' obucheniya inostrannym yazykam v noveyshiye period razvitiya metodiki kak nauki* [The goal of foreign language teaching in the newest period of methodology development as a science]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 5. pp. 2–11.
7. Safonova, V.V. (2014) *Soizucheniye yazykov i kul'tur v zerkale mirovykh tendentsiy razvitiya sovremennogo yazykovogo obrazovaniya* [Co-study of languages and cultures in the mirror of global trends in modern language education development]. *Yazyk i kul'tura*. 1 (25). pp. 123–141.
8. Sysoev, P.V. (2018) Revisiting the construct of intercultural competence: teaching intercultural interaction in conditions of "dialogue of cultures" and "non-dialogue of cultures". *Yazyk i kul'tura*. 43. pp. 261–281. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/43/16
9. Byram, M. (2000) Assessing intercultural competence in language teaching. *Sprogforum*. 18 (6). pp. 8–13.
10. Hoff, H. (2020) The evolution of intercultural communicative competence: Conceptualisations, critiques and consequences for 21st century classroom practice. *Intercultural Communication Education*. 3 (2). pp. 55–74. doi: 10.29140/ice.v3n2.264
11. Prokhorova, A.A., Sergeeva, O.V. & Yamkina, I.A. (2022) Multilingual websites as a means of forming and developing mediation skills of technical university students. *Yazyk i kul'tura*. 60. pp. 249–269. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/60/14
12. Dragunova, A.A. (2013) *Uchebnye Internet-resursy kak sredstvo formirovaniya professional'noy inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii u studentov 2–3-kh kursov* [Educational Internet resources as a means of forming professional foreign language communicative competence among 2nd–3rd year students]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 1. pp. 163–167.
13. Krasnoschekova, G.A. & Yankauskas, E.S. (2021) *Cross-Cultural Communication: Overcoming the Differences*. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU.
14. Polvanova, M.F. (2018) Improving students' speaking skills through the technique "Think-Pair-Share" in ESP classes. *Molodoy ucheny*. 11. pp. 185–187.
15. Fantini, A. (2006) *Exploring and Assessing Intercultural Competence*. Brattleboro: Federation EIL.
16. Bespal'ko, V.P. (2006) *Parametry i kriterii diagnostichnoy tseli* [Parameters and criteria of diagnostic goal]. *Shkol'nye tekhnologii*. 1. pp. 118–128. (In Russian).

Информация об авторах:

Краснощекова Г.А. — д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (Таганрог, Россия). E-mail: gakrasnoschokova@sfedu.ru

Янкаускас Е.С. — канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (Таганрог, Россия). E-mail: yankauskas@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.A. Krasnoschokova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Foreign Languages, Southern Federal University (Taganrog, Russian Federation). E-mail: gakrasnoschokova@sfedu.ru

E.S. Yankauskas, Cand. Sci. (Pedagogics), senior lecturer, Southern Federal University (Taganrog, Russian Federation). E-mail: yankauskas@sfedu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024;
одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 04.09.2024;
approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 31.01.2025

Научная статья
УДК 37.012:378.147
doi: 10.17223/15617793/510/20

Опыт применения STEM- и STEAM-подходов к иноязычной подготовке студентов неязыкового вуза

Ирина Владимировна Леушина¹, Юлия Сергеевна Перевезенцева², Любовь Игоревна Рябова³

^{1, 2, 3} Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

¹ leushinaiv@yandex.ru

² khokhlovaj@mail.ru

³ kafmto@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы совершенствования педагогических практик применения STEM- и STEAM-подходов к иноязычной подготовке студентов. Описан успешный опыт их использования (с учетом междисциплинарности, проектной формы организации, персонализации, прикладной ориентации, гуманизации) в образовательном процессе конкретного неязыкового вуза при реализации возможности варьирования инновационных образовательных технологий. Сформулированы практические рекомендации преподавателям иностранного языка.

Ключевые слова: STEM-подход, STEAM-подход, иноязычная подготовка студентов, неязыковой вуз, образовательная модель

Для цитирования: Леушина И.В., Перевезенцева Ю.С., Рябова Л.И. Опыт применения STEM- и STEAM-подходов к иноязычной подготовке студентов неязыкового вуза // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 191–198. doi: 10.17223/15617793/510/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/20

Experience of applying STEM- and STEAM-approaches to foreign language training of students at a non-linguistic university

Irina V. Leushina¹, Julia S. Perevezentseva², Lubov I. Ryabova³

^{1, 2, 3} Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ leushinaiv@yandex.ru

² khokhlovaj@mail.ru

³ kafmto@mail.ru

Abstract. The authors of the article focus on STEM- and STEAM-approaches to higher education. Recently, these approaches have been actively discussed by the pedagogical community, as they are becoming increasingly widespread throughout the world on an uncontested basis. The aim of the study is to improve pedagogical practices for applying these approaches to foreign language training of students at a non-linguistic university. To achieve this, the following tasks were consistently solved: study of the history of the issue, including the search for Russian and foreign roots, the foundations of STEM- and STEAM-approaches to education in general and higher education in particular; information and analytical review of open sources on the topic of the study; presentation of the experience of practical application of STEM- and STEAM-approaches to foreign language training of students at a specific non-linguistic university; development of practical recommendations for teachers. It is shown that STEM- and STEAM-approaches to education in general and higher education in particular are not fundamentally new for pedagogical practice. They are based on the ideas of the founders of pedagogical science, expressed by them much earlier than the beginning of the 21st century, when the spiral of interest in them began to intensively unwind. At the same time, the practical application of these approaches to foreign language training of students of a non-linguistic university has not been given due attention in the open press. The works most often focus on individual aspects and components of modern approaches, organization and methods of foreign language training of students of a non-linguistic university without covering them as a whole and considering them in interaction; the features of foreign language training are "dissected" without any attempts to combine and evaluate the resulting synergistic effect. The successful experience of practical application of STEM- and STEAM-approaches to foreign language training of students of a specific non-linguistic university is described, ensuring the presence of all the attributes of STEM- and STEAM-approaches in the educational process (interdisciplinarity, project-based organization, personalization, applied orientation, humanization) with the ability to vary innovative educational technologies at the discretion of the participants in the educational process. The innovative flexible, reconfigurable and manageable educational model of foreign language training of students of a non-linguistic university is distinguished by the following features: block-modular principle of model construction; transparency, openness (all participants in the educational process can take part in building the educational trajectory and choosing modules of the

educational program); readiness for development and improvement; creativity, focus on creativity and critical thinking. Practical recommendations for foreign language teachers are formulated.

Keywords: STEM-approach, STEAM-approach, foreign language training of students, non-linguistic university, educational model

For citation: Leushina, I.V., Perevezentseva, Ju.S. & Ryabova, L.I. (2025) Experience of applying STEM- and STEAM-approaches to foreign language training of students at a non-linguistic university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp.191–198. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/20

Введение

В последние несколько лет российским педагогическим сообществом активно обсуждаются STEM- и STEAM-подходы к подготовке обучающихся на всех уровнях образования и изучается зарубежный опыт их реализации [1–3].

Суть STEM-подхода сводится к объединению в рамках применяемой образовательной модели как естественных наук, так и инженерных учебных дисциплин [4]. Аббревиатура STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) эксплицируется как наука, технологии, инженерия, математика соответственно. Принято считать, что впервые идея STEM-подхода возникла в 1990 г. у американского бактериолога Р. Колвелла (R. Colwell) и была сформулирована в 2001 г. группой ученых-исследователей Национального научного фонда США, занимавшихся проблемами модернизации подготовки инженерных кадров в университетах. Но первая информация о STEM-образовании появилась значительно раньше. Активное развитие и внедрение STEM в США началось после осуществления запуска советского спутника в 1957 г. Это событие стало для Америки настолько шокирующим и неожиданным и так явно свидетельствовало о технологическом превосходстве СССР, что президент Кеннеди инициировал реформу образования [5].

Основной целью, провозглашаемой авторами STEM-подхода, является преодоление оторванности от решения практических задач, свойственной традиционному образованию, а также выстраивание междисциплинарных связей, понятных студентам. Такой подход позволяет рассматривать проблемы целиком, а не в разрезе одной области науки или учебной дисциплины [6].

В основе STEM-подхода лежат четыре принципиальных положения.

1. Приоритетной в образовательном процессе является проектная форма его организации, при которой обучающиеся объединяются в группы для совместного решения учебных задач.

2. Предлагаемые обучающимся учебные задачи имеют прикладной, практико-ориентированный характер, в результатах их решения должны быть заинтересованы конкретные потребители.

3. Предлагаемые учебные задачи конструируются так, что для их решения обучающимся необходимо изучение одновременно нескольких учебных дисциплин.

4. При конструировании учебных задач охватываются дисциплины, являющиеся ключевыми для качественной подготовки инженерных и научно-исследовательских кадров.

Идея STEM-подхода при одобрении правительства и общественных организаций США, а позднее многих европейских стран, Китая, Австралии, Израиля и поддержке таких технологических лидеров, как Intel и Херох, нашла практический выход и доказала эффективность реализации при формировании программ инженерной подготовки во многих университетах мира. STEM-концепция предполагает подготовку выпускной квалификационной работы параллельно со стажировкой в технологической компании или на предприятии и участие студента-выпускника в реальных проектах наряду со сложившимися профессионалами. Это позволяет минимизировать время адаптации выпускника к условиям реальной профессиональной деятельности и обеспечить работодателей квалифицированными инженерными кадрами сразу после их выпуска из вуза. В настоящее время даже появились специализированные журналы STEM-образования, на страницах которых проводится обмен опытом по его практической реализации [7].

В России реализацию STEM-подхода часто связывают с посланием Президента РФ Федеральному собранию в 2014 г., в котором впервые лидером государства было указано на необходимость вывести инженерное образование в стране на мировой уровень, чуть позже это было отражено в Указе Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». После этого в нашей стране начала складываться сеть инженерно-технических центров: кванториумы, фаблабы, центры молодежного инженерного творчества и технической поддержки образования при вузах, появился образовательный центр «Сириус». Повышенный интерес вузовского сообщества к STEM-подходу объясняется в первую очередь почти полным соответствием его концептуальных положений требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования и общему тренду получения выпускниками университетов практико-ориентированного образования. Особенно популярны в России в последнее время онлайн-форматы в системе STEM-образования, такие как индивидуальные проекты, онлайн-хакатон, интерактивная исследовательская лаборатория, мультимедийные игры, научно-практические конференции.

В STEAM-концепции образования к синтезу науки, технологии, инженерии и математики (STEM) добавляется пятый компонент – Arts, искусство. В этой связи можно утверждать, что STEAM-подход – естественное продолжение STEM-подхода, сочетающее технологии и гуманитарные дисциплины, позволяющее развить нелинейное мышление и воображение обучающихся.

Такая гуманизация инженерного образования во многом объясняется увеличением в структуре инновационной экономики доли так называемых креативных индустрий, связанных с интеллектуальной и творческой деятельностью выпускника вуза: компьютерные технологии, виртуальная реальность, дизайн, мода, реклама, анимация и т.д. Во время как STEM-предметы и технологии обеспечивают эффективное решение прикладных задач, гуманитарные Arts-дисциплины способствуют развитию умения найти выход в условиях неопределенности и неоднозначности. При этом обучающиеся приобретают важнейшие навыки работы в команде, конструктивной критики и аргументированного отстаивания собственной точки зрения, получают презентационные компетенции и максимально осознают творческий потенциал будущей профессии, что в итоге позволяет им при разрешении проблемных ситуаций гармонично сочетать логику и строгость, столь характерные для точных наук, со свободой творчества.

Как указано в [6], креативные отрасли во всем мире становятся движущей силой экономического роста, а занятость молодежи в креативной индустрии уже превышает занятость в реальном секторе. Эти перемены ставят новые задачи перед системой высшего образования, а именно необходимость активного включения как в отдельные учебные дисциплины, так и образовательные программы в целом творческих и художественных модулей и компонентов.

В сложившейся ситуации в неязыковом вузе особое внимание к себе требует иноязычная подготовка студентов, наиболее явно выполняющая функцию своеобразного «мостика», соединяющего STEM-составляющую высшего образования с его гуманитарной компонентой.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – совершенствование педагогических практик применения STEM- и STEAM-подходов к иноязычной подготовке студентов неязыкового вуза.

Для достижения указанной цели последовательно решались следующие задачи:

- изучение истории вопроса, включая поиск российских и зарубежных корней, основ STEM- и STEAM-подходов к образованию вообще и к высшему образованию в частности;
- информационно-аналитический обзор открытых источников по теме исследования;
- изложение опыта практического применения STEM- и STEAM-подходов к иноязычной подготовке студентов конкретного неязыкового вуза;
- выработка практических рекомендаций для преподавателей.

Методология исследования

В работе применялись теоретические методы (исторический, критический анализ, сравнение и обобщение), эмпирические методы сбора и накопления дан-

ных (наблюдение, опрос), контроля и измерения (шкалирование), оценивания (экспертная оценка), обработки (математические, статистические, графические, табличные с использованием программы MS Excel) данных.

Обсуждение результатов

История вопроса. Как уже было сказано ранее, в основе STEM- и STEAM-подходов в интерпретации их американских авторов лежит интегративный, междисциплинарный характер образовательного процесса, а также проектная форма его организации, индивидуализация, прикладная ориентация и гуманизация. Но можно ли назвать это чем-то новым в практике российских и зарубежных вузов? Очевидно, нет, и вот почему.

По версии [8], междисциплинарное образование – это сочетание протекающих во время всего существования науки процессов интеграции и дифференциации ее областей и предметных сфер, высокая форма воплощения межпредметных связей на качественно новой ступени обучения, обусловленная тем, что наука из дисциплинарной сферы деятельности превращается в проблемно ориентированную.

Возникновение междисциплинарности относят к античному периоду мировой истории, когда существовавшая натурфилософия являлась единой кладезью знаний о природе, ее сущности и духовном мире человека [9]. Исследования проблем междисциплинарности и реализации междисциплинарных связей в образовании чаще всего связывают с именами прогрессивных педагогов-классиков В.Г. Белинского, И. Гербарта, А.И. Герцена, А. Дистервега, Дж. Дьюи, Я.А. Коменского, Дж. Локка, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинского, а также современных ученых Г.А. Берулавы, А.А. Боброва, Н.Ф. Бунакова, В.Н. Максимовой, К. Поланьи, В.Я. Стоюнина, А.В. Усовой и др.

Согласно В.С. Сенашенко [10], слабым звеном дисциплинарной образовательной модели является отсутствие взаимопроникновения, или, на языке физики, – «взаимодействия», между различными дисциплинами. Междисциплинарность в обучении помогает студентам формировать мышление в профессиональной сфере, способствует активному овладению ими изучаемым материалом. Отсюда закономерным видится появление в педагогической практике в начале XXI в. так называемого конвергентного образования как результата построения целостных учебных дисциплин, созданных путем синтеза научных знаний и технологических достижений на основе системы фундаментальных закономерностей развития естественных наук и NBIC-технологий (NanoBioInfoCogno – совмещение в одной цепочке нано- и биоинженерных технологий, информационных и компьютерных технологий, а также когнитивных ресурсов, нацеленных на искусственный разум) и обусловленных дидактическим отображением взаимопроникновения наук и технологий в ходе прогрессивного развития человечества [11].

Метод проектов в образовательной деятельности возник еще во второй половине XIX в. в США и основывался на теоретических концепциях прагматистской педагогики, провозгласившей «обучение посредством делания» (Джон Дьюи). В России пропагандистами этого метода были С.Т. Шацкий, Л.К. Шлегер и А.У. Зеленко. В 1920 г. «метод проектов» и его вариант «дальтон-план» стали использоваться в школах России. Сторонники метода (В.Н. Шульгин, М.В. Купенина, Б.В. Игнатев и др.) считали, что метод помогает развивать творческую инициативу обучающихся и школу учебы превращает в школу жизни. Однако в 1930-е гг. его использование в СССР было официально запрещено, поскольку «метод не давал возможности ученикам овладеть системой знаний в области конкретных учебных курсов». Только по прошествии более полувека он стал возрождаться в России как самостоятельный. По мнению Е.С. Полат, актуализировавшей теоретические основы метода, проектная форма организации образовательного процесса в первую очередь имеет целью активизировать познавательный поиск обучающихся для решения конкретных задач.

Тренд на индивидуализацию, или личностную ориентацию, образования тоже нельзя назвать появившимся недавно. Впервые идея индивидуального подхода в науке и практике образования была упомянута чешским педагогом Яном Амосом Коменским еще в XVII в. Суть ее сводилась к тому, что процесс обучения и воспитания должен строиться на основе и с учетом индивидуальных особенностей самих обучающихся. В современной России [12] исследования по проблеме индивидуализации образования связывают с именами М.К. Акимовой, Ю.К. Бабанского, Е.С. Рабунского, В.В. Серикова, А.В. Хуторского, П.Г. Щедровицкого, И.С. Якиманской и др. В актуализированной трактовке «индивидуализацию» часто заменяют на «персонализацию» и акцентируют внимание на повышении роли субъектности обучающихся в образовательном процессе.

Идея профессиональной практико-ориентированной подготовки не нова. Практико-ориентированное обучение преследует цель формирования у обучающихся умений и навыков практической работы, востребованных в первую очередь в области их будущей профессиональной деятельности. В его основе лежат мотивация, активность и сознательность обучающихся, а также тесная связь образовательного процесса с реальной практикой. Еще в Средние века и далее в Новое время известные мыслители, такие как Ж.-Ж. Руссо, Э. Роттердамский, М.В. Ломоносов, понимали, что «эффективность и качество образования проявляются, подтверждаются и направляются практикой, поскольку практика – критерий истины, источник познавательной деятельности и области приложения результатов обучения» [13]. В разработку основ практико-ориентированной подготовки большой вклад внесли такие исследователи, как И.Г. Песталотти, В. Гумбольдт, А. Дистерверг, Р. Оуэн, Г. Кершенштейнер, Р. Зейдель, Д. Дьюи и такие выдающиеся русские педагоги, как К.Д. Ушинский и С.Т. Шацкий.

Особо следует отметить идею гуманизации образовательного процесса, поскольку среди прочих особенностей именно она отличает STEM-подход от STEAM-подхода к образованию. Термин «гуманизация» имеет множество трактовок. Например, по определению И. Канта, это «чувство блага в отношениях с другими». Среди множества ученых, успешно занимавшихся проблемами гуманизации, можно назвать А.В. Брушлинского, Л.С. Выготского, Е.Н. Шиянова, И.С. Якиманскую и др.

Большинством современных исследователей гуманизация понимается как создание условий, направленных на раскрытие и развитие способностей человека, его позитивную самореализацию, в основе чего лежит уважение к человеку и вера в него, определение целей, содержания, организации и средств его жизнедеятельности, а также характер взаимодействия с окружающими людьми, в целом – со средой [14, 15].

Таким образом, с уверенностью можно констатировать, что STEM- и STEAM-подходы к обучению, пользующиеся сейчас повышенным вниманием среди педагогов, нельзя квалифицировать как инновацию в образовании вообще и в высшем образовании в частности. Скорее это возвращение к хорошо забытому старому, реинкарнация известных идей основоположников педагогической науки.

Результаты информационно-аналитического обзора

Такое нельзя утверждать в отношении практического применения STEM- и STEAM-подходов к иноязычной подготовке студентов неязыкового вуза. Как показал проведенный нами анализ публикаций в открытой печати, этот вопрос по большей части исследователями не раскрывается должным образом. В работах чаще всего делается акцент на отдельных аспектах и составляющих современных подходов, организации и методики иноязычной подготовки студентов неязыкового вуза без их охвата в целом и рассмотрения во взаимодействии, особенности иноязычной подготовки «препарируются» без каких-либо попыток объединения и оценки получаемого от этого синергетического эффекта.

Так, например, публикация [16] лишь номинально содержит полезную информацию по заявленной теме, реально ограничиваясь общеизвестными положениями и формулировками ожиданий от практического применения STEM- и STEAM-подходов к иноязычной подготовке студентов неязыкового вуза.

В работе [17] констатируются специфические особенности иноязычной подготовки в неязыковом вузе и делается попытка, принимая их во внимание, выявить границы содержания иноязычной подготовки, используя известный принцип минимакса, введенный в практику А.А. Леонтьевым. По мнению автора указанной работы, именно этот принцип позволит разрешить типичную для неязыкового вуза проблему разноразности иноязычной подготовки обучающихся одной группы, создав условия для индивидуализации процесса овладения иностранным языком.

В статье Л.В. Малетиной и соавторов, представляющих Томский политехнический университет, отмечается особая роль иноязычной подготовки в гуманизации высшего неязыкового образования и воспитании специалиста новой формации [18].

В коллективной монографии [19] подробно представлена практика применения современных методов преподавания иностранных языков в неязыковых вузах и особо выделяются так называемые инновационно ориентированные методы, реализующие современный тренд на междисциплинарность в высшем образовании.

Автор статьи [20] делает акцент на симуляции – воспроизведении реальных жизненных ситуаций в учебной аудитории как эффективном методическом средстве практической реализации интерактивного взаимодействия участников образовательного процесса иноязычной подготовки в неязыковом вузе.

Алгоритмам построения, вопросам практического применения модельного ряда и критериям выбора конкретных образовательных моделей иноязычной подготовки специалистов технического профиля посвящена работа [21].

Обращают на себя внимание и публикации, в которых смело заявляется о принципиальной возможности использования искусственного интеллекта в рамках иноязычной подготовки студентов неязыковых вузов. Так, авторы статьи [22] выделяют возможные цифровые технологии, базирующиеся на применении самообучающихся искусственных нейронных сетей, существенно расширяющие образовательные возможности в подготовке будущих специалистов. В частности, ими рассматривается задача генерации иноязычного профессионального контента и контрольно-измерительных материалов для развития и оценки уровня освоения иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза.

Резюмируя итоги проведенного информационно-аналитического обзора, в целом можно констатировать, что применение STEM- и STEAM-подходов в иноязычной подготовке студентов неязыкового вуза на сегодняшний день изучено недостаточно и требует дополнительных исследований. При этом подавляющее большинство авторов открытых публикаций склонны считать его перспективы многообещающими и связывают их с процессами цифровизации образовательного пространства и повышением уровня технической оснащенности современных образовательных технологий.

Практическое использование STEM- и STEAM-подходов в иноязычной подготовке студентов неязыкового вуза. На площадке Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (НГТУ; федеральный опорный университет) уже более десяти лет активно и эффективно реализуются STEM- и STEAM-подходы к иноязычной подготовке студентов. К участию в этой работе привлечены студенты бакалавриата и магистратуры направления подготовки «Металлургия» и преподаватели кафедр «Иностранные языки» и «Металлургические технологии и оборудование» (выпускающая) НГТУ.

Для студентов, успешно освоивших базовый курс иностранного языка и заинтересованных в адресной подготовке для промышленных предприятий региона, как очно, так и с использованием ВКС-связи (т.е. в режимах офф- и/или онлайн) проводятся аудиторные факультативные занятия по дисциплинам «Иностранный язык для металлургов» (бакалавриат, 9–12 человек, английский и немецкий языки) и «Работа с иноязычной технической информацией» (магистратура, 7–10 человек, английский и немецкий языки): для студентов бакалавриата – в течение двух учебных семестров по два часа в неделю, для студентов магистратуры – в течение одного учебного семестра по пять часов в неделю в соответствии с действующими учебными планами.

При этом обеспечивается наличие в образовательном процессе всех атрибутов STEM- и STEAM-подходов, о которых мы уже говорили ранее (междисциплинарность, проектная форма организации, персонализация, прикладная ориентация, гуманизация), и сверх того к ним добавляется широкое использование (читай: варьирование) инновационных образовательных технологий: обучение по моделям on-line и off-line; проектная технология как вариация обучения в сотрудничестве; обучение, ориентированное на студента (student-centred approach); группа технологий интерактивного обучения; технология case-study; так называемый языковой тренажер; технология «языковой портфель», технология предметно-языкового интегрированного обучения CLIL (Content and Language Integrated Learning) и др. [23]. Особо следует отметить студенческие миниконференции и круглые столы по тематике будущей профессии студентов, проводимые на иностранном языке с участием приглашенных специалистов-практиков, подготовку билингвальных аннотаций выпускных квалификационных работ направления «Металлургия», а также производственные практики и стажировки студентов на промышленных предприятиях-партнерах, предусматривающие работу с иноязычными источниками технической информации как при проведении информационно-аналитических обзоров, так и решении студентами реальных задач профессиональной направленности индивидуально либо в составе команды проекта.

Опираясь на накопленный опыт и не останавливаясь на подробностях реализации каждой из упомянутых образовательных технологий и форм проведения занятий, можно с уверенностью утверждать, что такой подход соответствует разработанной концепции рационального выбора участниками образовательного процесса на каждом участке образовательной траектории оптимальных модели обучения и технологии иноязычной подготовки [21] и вызывает у студентов неязыкового вуза как минимум стабильный, если не растущий, интерес к методологическому инструментарию. Это дает им дополнительную мотивацию к самообразованию и саморазвитию на пути формирования личности профессионала.

В итоге имеющая место гибкая, перенастраиваемая и управляемая участниками процесса образовательная модель иноязычной подготовки студентов неязыко-

вого вуза отличается такими особенностями, дополняющими атрибуты STEM- и STEAM-подходов к образованию, как: блочно-модульный принцип построения модели; прозрачность, открытость (в построении образовательной траектории и выборе модулей образовательной программы могут принимать участие все участники образовательного процесса); готовность к развитию и совершенствованию; креативность, ориентация на творчество и критическое мышление.

Все это позволяет раскрывать потенциал каждого студента и получать подготовку, которая соответствует запросам будущих работодателей, а также дает полное основание охарактеризовать реализуемую модель как инновационную, востребованную и соответствующую современным вызовам. Как следствие, выпускники университета, принимающие участие в реализации данной образовательной программы, показывают стабильно высокие результаты на ежегодном Всероссийском конкурсе выпускных квалификационных работ (дипломных проектов и дипломных работ) в области литейного производства, который проводит НИТУ «МИСиС» – ведущий российский университет в области металлургии.

Нелишним будет привести и результаты оценки готовности выпускников, выполненной экспертными группами восьми предприятий – партнеров выпускающей кафедры НГТУ в 2023 г. (на входе) и 2024 г. (на выходе), в состав каждой из которых входили представители администрации, кадровых служб и руководства на местах. Результаты оценивания представлены на рис. 1, 2.

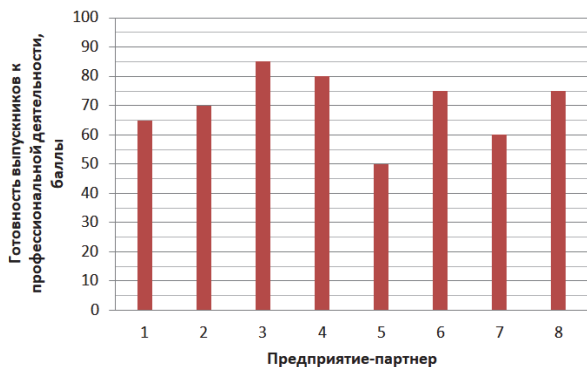

Рис. 1. Готовность выпускников к профессиональной деятельности (экспертная оценка 2023 г.; вход)

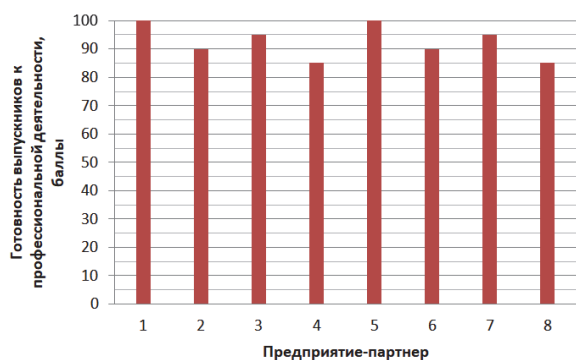

Рис. 2. Готовность выпускников к профессиональной деятельности (экспертная оценка 2024 г.; выход)

Оценивание проводилось по 100-балльной шкале (100 баллов соответствовало максимальной степени готовности).

На рисунках обращает на себя внимание явный тренд на стабилизацию оценок готовности выпускников к профессиональной деятельности на достаточно высоком уровне – около 90 баллов.

Практические рекомендации для преподавателей. В таблице обобщены основные факторы, обеспечивающие эффективность реализации описанной выше образовательной модели, и соответствующие им практические рекомендации для преподавателей иностранного языка, которые, по мнению авторов данной статьи, позволят успешно масштабировать опыт НГТУ.

Условия эффективной реализации образовательной модели иноязычной подготовки студентов неязыкового вуза с использованием STEM- и STEAM-подходов

Основной фактор	Практические рекомендации
Мотивация и прозрачность	Все участники образовательного процесса (студенты, преподаватели, представители работодателя) должны четко представлять, какие результаты ожидать от успешной реализации модели
Субъектность	Все участники образовательного процесса (студенты, преподаватели, представители работодателя) должны иметь возможность определять содержание обучения и влиять на выбор методического инструментария
Вариативность и открытость	На каждом этапе образовательного процесса должна быть обеспечена возможность замены ранее выбранной образовательной технологии на альтернативные, включая как уже опробованные и имеющиеся в арсенале преподавателя, так и новые
Ориентация на практический результат	Образовательный контент и фонды оценочных средств должны быть максимально приближены к практике
Междисциплинарность	Задания студентам должны способствовать использованию ими знаний, умений и навыков из различных областей науки и техники
Организация образовательного процесса	Занятия могут проводиться в форматах on-line и off-line как в аудитории, так и дистанционно. Удобный формат определяется совместно всеми участниками образовательного процесса (студенты, преподаватели, представители работодателя). При этом должны обеспечиваться условия для выполнения заданий как индивидуально, так и в составе команды
Функционал иноязычной подготовки	Иноязычная подготовка должна выполнять функции дополняющей гуманитарной компоненты к STEM-образованию студентов в неязыковом вузе и обеспечивать приобретение ими не только универсальных, но и профессиональных компетенций

Заключение

Проведенное исследование показало, что STEM- и STEAM-подходы к образованию вообще и к высшему образованию в частности не являются принципиально новыми для педагогической практики. Они базируются на идеях основоположников педагогической науки, высказанных ими гораздо раньше, чем начало XXI в., когда значительно возрос интерес к ним.

При этом практическому применению этих подходов к иноязычной подготовке студентов неязыкового вуза в открытых публикациях не уделено должного внимания. В работах чаще всего делается акцент на отдельных аспектах и составляющих современных подходов, организации и методике иноязычной подготовки студентов неязыкового вуза без их охвата в целом и рассмотрения во взаимодействии, особенности иноязычной подготовки анализируются без каких-либо попыток объединения и оценки получаемого от этого синергетического эффекта.

На этом фоне авторами статьи описан успешный опыт практического применения STEM- и STEAM-подходов к иноязычной подготовке студентов конкретного неязыкового вуза (Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева), обеспечивающий наличие в образовательном процессе всех атрибутов STEM- и STEAM-

подходов (междисциплинарность, проектная форма организации, персонализация, прикладная ориентация, гуманизация) с возможностью варьирования инновационных образовательных технологий по усмотрению участников образовательного процесса. Инновационная гибкая, перенастраиваемая и управляемая образовательная модель иноязычной подготовки студентов неязыкового вуза отличается следующими особенностями: блочно-модульный принцип построения модели; прозрачность, открытость (в построении образовательной траектории и выборе модулей образовательной программы могут принимать участие все участники образовательного процесса); готовность к развитию и совершенствованию; креативность, ориентация на творчество и критическое мышление.

Научная новизна представленного исследования связана с тем, что авторами предложено совместить рациональное варьирование технологий иноязычной подготовки со ставшими уже «классическими» теоретическими основами STEM- и STEAM-подходов. В работе зафиксирован позитивный синергетический эффект такого совмещения.

Практические рекомендации преподавателям иностранного языка, сформулированные авторами данной статьи, способствуют масштабированию результатов их работы на другие неязыковые вузы.

Список источников

1. Мусина Л.М., Салтуганова М.М., Коровникова Л.А., Полшкова В.А. Внедрение STEM-образования: зарубежные практики // Вестник ГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. Т. XVI, № 3 (21). С. 64–71.
2. Морозова О.В., Духанина Е.С. STEAM-технологии в дополнительном образовании детей // Баландинские чтения. 2019. Т. XIV. С. 553–556.
3. Каиржанова Г.Ж. Трансформация образования: роль и значение STEM // Молодой ученый. 2023. № 31 (478). С. 152–155.
4. Что такое STEM-образование, и почему компании ценят таких специалистов? // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5f6399a69a79471ec02bfe4f?from=sour> (дата обращения: 12.08.2024).
5. Корецкий М.Г., Тукаева Л.Р. Развитие STEM-подхода в России и мире // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 93, № 4. С. 148–153.
6. STEM- и STEAM-образование: от дошкольника до выпускника вуза // Педсовет. URL: <https://pedsovet.org/article/stem-i-steam-obrazovanie-ot-doshkolnika-do-vypusknika-vuza> (дата обращения: 12.08.2024).
7. Wahono B., Lin P.-L., Chang C.Y. Evidence of STEM enactment effectiveness in Asian student learning outcomes // International Journal of STEM Education. 2020. Vol. 7. Art. No. 36.
8. Междисциплинарное образование и воспитание на уроках истории обществознания // Инфоурок. URL: <https://infourok.ru/mezhdisciplinarnoe-obrazovanie-i-vospitanie-na-urokah-istorii-obschestvoznaniya-1669176.html> (дата обращения: 12.08.2024).
9. Есаков В.А., Конобеева А.Б. О междисциплинарности в обучении студентов вуза // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 148–150.
10. Сенашенко В.С. Междисциплинарность образования как отражение многообразия окружающего мира // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, №1. С. 88–95.
11. Курчатовский проект конвергентного образования // Хабр. URL: <https://habrhabr.ru/company/softline/blog/256703/> (дата обращения: 12.08.2024).
12. Улановская К.А. Индивидуализация образования и индивидуальная образовательная траектория: сущность понятий // Экономика и социум. 2014. № 3 (12). С. 564–571.
13. Копьева С.Г. Содержание, формы и методы профессиональной практико-ориентированной подготовки // Вестник РМАТ. 2013. № 1 (7). С. 85–88.
14. Берулава М.Н. Состояние и перспективы гуманизации образования // Педагогика. 2006. № 1. С. 9–11.
15. Амерханова Н.Э., Матвеева О.В. Гуманизация образовательного процесса // Инновационные педагогические технологии : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). Казань : Бук, 2015. С. 11–14.
16. Дикова Ю.В. Возможности использования STEM-технологий в иноязычном образовании // Развитие детей. 12.05.2022. URL: <http://journal.eltiland.ru/sovremennye-trendy-v-obrazovanii/vozmozhnosti-ispolzovaniya-stem-tehnologii-v-inoyazychnom-obrazovanii/> (дата обращения: 12.08.2024).
17. Тимкина Ю.Ю. Определение границ содержания иноязычной подготовки в неязыковом вузе // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 8 (86). Ч. 2. С. 72–74.
18. Малетина Л.В., Матвеев И.А., Сипайлова Н.Ю. Иноязычное образование в неязыковом вузе – развитие, проблемы, перспективы // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309, № 3. С. 236–240.
19. Современные методы обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Тамбов : Консалтинговая компания Юком, 2017. 92 с.
20. Оськина С.Д. Симуляция как метод интерактивного подхода к обучению английскому языку в неязыковом вузе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 75–78.
21. Леушина И.В., Травянова М.Е. Лингвопрофессиональная подготовка в техническом вузе: бакалавриат, магистратура, специалитет. М. : Изд. Дом НИТУ «МИСиС», 2018. 200 с.
22. Щербельская Э.Г., Маер В.В. Применение искусственного интеллекта в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5(102). С. 76–81.
23. Леушина И.В., Леушина Л.И., Салтыкова А.А. CLIL-технология иноязычной подготовки как инструмент формирования технологической культуры студентов неязыкового вуза // Язык и культура. 2020. № 51. С. 177–194. doi: 10.17223/19996195/51/9

References

1. Musina, L.M. et al. (2020) Vnedrenie STEM-obrazovaniya: zarubezhnye praktiki [Implementation of STEM education: foreign practices]. *Vestnik GGTU. Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 3 (21). pp. 64–71.
2. Morozova, O.V. & Dukhanina, E.S. (2019) STEAM-tekhnologii v dopolnitel'nom obrazovanii detey [STEAM technologies in additional education of children]. *RBK. Balandinskie chteniya*. 14. pp. 553–556.
3. Kairzhanova, G.Zh. (2023) Transformatsiya obrazovaniya: rol' i znachenie STEM [Transformation of education: the role and importance of STEM]. *Molodoy uchenyy*. 31 (478). pp. 152–155.
4. RBK. (n.d.) Chto takoe STEM-obrazovanie, i pochemu kompanii tsenyat takikh spetsialistov? [What is STEM education, and why do companies value such specialists?]. *RBK*. [Online] Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5f6399a69a79471ec02bfe4f?from=copy> (Accessed: 12.08.2024).
5. Koretskiy, M.G. & Tukaeva, L.R. (2022) Razvitie STEM-podkhoda v Rossii i mire [Development of the STEM approach in Russia and the world]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 4 (93). pp. 148–153.
6. Pedsovet. (n.d.) STEM- i STEAM-obrazovanie: ot doskol'nika do vypusknika vuza [STEM and STEAM education: from preschooler to university graduate]. *Pedsovet*. [Online] Available from: <https://pedsovet.org/article/stem-i-steam-obrazovanie-ot-doskol'nika-do-vypusknika-vuza> (Accessed: 12.08.2024).
7. Wahono, B., Lin, P.-L. & Chang, C.Y. (2020) Evidence of STEM enactment effectiveness in Asian student learning outcomes. *International Journal of STEM Education*. 7. Article 36.
8. Infourok. (n.d.) Mezhdistsiplinarnoe obrazovanie i vospitanie na urokakh istorii obshchestvoznaniya [Interdisciplinary education and upbringing in history of social science lessons]. *Infourok*. [Online] Available from: <https://infourok.ru/mezhdistsiplinarnoe-obrazovanie-i-vospitanie-na-urokah-istorii-obshchestvoznaniya-1669176.html> (Accessed: 12.08.2024).
9. Esakov, V.A. & Konobeeva, A.B. (2021) O mezhdistsiplinarnosti v obuchenii studentov vuza [On interdisciplinarity in teaching university students]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 3 (88). pp. 148–150.
10. Senashenko, V.S. (2017) Mezhdistsiplinarnost' obrazovaniya kak otrazhenie mnogoobraziya okruzhayushchego mira [Interdisciplinarity of education as a reflection of the diversity of the surrounding world]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 1 (21). pp. 88–95.
11. Khabr. (n.d.) Kurchatovskiy proekt konvergentnogo obrazovaniya [Kurchatov project of convergent education]. *Khabr*. [Online] Available from: <https://habrhabr.ru/company/softline/blog/256703/> (Accessed: 12.08.2024).
12. Ulanovskaya, K.A. (2014) Individualizatsiya obrazovaniya i individual'naya obrazovatel'naya traektoriya: sushchnost' ponyatiya [Individualization of education and individual educational trajectory: the essence of concepts]. *Ekonomika i sotsium*. 3 (12). pp. 564–571.
13. Kop'eva, S.G. (2013) Soderzhanie, formy i metody professional'noy praktiko-orientirovannoy podgotovki [Content, forms and methods of professional practice-oriented training]. *Vestnik RMAT*. 1 (7). pp. 85–88.
14. Berulava, M.N. (2006) Sostoyanie i perspektivy humanizatsii obrazovaniya [The state and prospects of humanization of education]. *Pedagogika*. 1. pp. 9–11.
15. Amerkhanova, N.E. & Matveeva, O.V. (2015) [Humanization of the educational process]. *Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii* [Innovative Pedagogical Technologies]. Proceedings of the 3rd International Conference. Kazan. October 2015. Kazan: Buk. pp. 11–14. (In Russian).
16. Dikova, Yu.V. (2022) Vozmozhnosti ispol'zovaniya STEM-tekhnologii v inoyazychnom obrazovanii [Possibilities of using STEM technologies in foreign language education]. *Razvitie detey*. 12 May. [Online] Available from: <http://journal.eltiland.ru/sovremennye-trendy-v-obrazovanii/vozmozhnosti-ispolzovaniya-stem-tekhnologii-v-inoyazychnom-obrazovanii/> (Accessed: 12.08.2024).
17. Timkina, Yu.Yu. (2019) Opredelenie granits soderzhaniya inoyazychnoy podgotovki v neyazykovom vuze [Defining the boundaries of the content of foreign language training in a non-linguistic university]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 8 (86). Part 2. pp. 72–74.
18. Maletina, L.V., Matveenko, I.A. & Sipaylova, N.Yu. (2006) Inoyazychnoe obrazovanie v neyazykovom vuze – razvitie, problemy, perspektivy [Foreign language education in a non-linguistic university – development, problems, prospects]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 3 (309). pp. 236–240.
19. Tamrazova, I.G. (2017) *Sovremennye metody obucheniya inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze* [Modern Methods of Teaching a Foreign Language in a Non-Linguistic University]. Tambov: Konsaltingovaya kompaniya Yukom.
20. Os'kina, S.D. (2017) Simulyatsiya kak metod interaktivnogo podkhoda k obucheniyu angliyskomu yazyku v neyazykovom vuze [Simulation as a method of interactive approach to teaching English in a non-linguistic university]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 1 (68). pp. 75–78.
21. Leushina, I.V. & Travyanova, M.E. (2018) *Lingvoprofessional'naya podgotovka v tekhnicheskoy vuze: bakalavriat, magistratura, spetsialitet* [Lingvo Professional Training in a Technical University: Bachelor's degree, master's degree, specialist degree]. Moscow: NUST MISIS.
22. Shchebel'skaya, E.G. & Maer, V.V. (2023) Primenenie iskusstvennogo intellekta v prepodavanii inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze [Application of artificial intelligence in teaching a foreign language in a non-linguistic university]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5 (102). pp. 76–81.
23. Leushina, I.V., Leushina, L.I. & Saltykova, A.A. (2020) CLIL-tekhnologiya inoyazychnoy podgotovki kak instrument formirovaniya tekhnologicheskoy kul'tury studentov neyazykovogo vuza [CLIL technology of foreign language training as a tool for forming the technological culture of students of a non-linguistic university]. *Yazyk i kul'tura*. 51. pp. 177–194. doi: 10.17223/19996195/51/9

Информация об авторах:

Леушина И.В. – д-р пед. наук, профессор кафедры «Иностранные языки» Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижегород, Россия). E-mail: leushinaiv@yandex.ru

Перевезентсева Ю.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижегород, Россия). E-mail: khokhlovaj@mail.ru

Рябова Л.И. – канд. техн. наук, доцент кафедры «Металлургические технологии и оборудование» Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижегород, Россия). E-mail: kafmto@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Leushina, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: leushinaiv@yandex.ru

Ju.S. Perevezentseva, Cand. Sci. (History), associate professor, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: khokhlovaj@mail.ru

L.I. Ryabova, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kafmto@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024;
одобрена после рецензирования 29.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 30.08.2024;
approved after reviewing 29.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 797.212.8:613.166.9
doi: 10.17223/15617793/510/21

Холодовая подготовка пловцов, занимающихся спортивным зимним плаванием

Владимир Валентинович Черкасов¹, Галина Витальевна Шестакова²,
Святогор Николаевич Борнобаев³

^{1,3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
² Тобольский педагогический институт имени Д.И. Менделеева (филиал)
Тюменского государственного университета, Тобольск, Россия

¹ v.v.cherkasov@utmn.ru

² g.v.shestakova@utmn.ru

³ stud0000273563@utmn.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности адаптации организма спортсменов к низким температурам окружающей среды в спортивном зимнем плавании. Представлены методика холодовой подготовки, результаты мониторинга общей физической подготовленности и функциональной диагностики зимних пловцов. Эффективность методики подтверждена достоверным приростом показателей контрольных испытаний и снижением разности результатов в тесте «Плавание 50 м вольным стилем» в условиях теплого и ледяного бассейнов.

Ключевые слова: зимние пловцы, этап спортивного совершенствования, методика холодовой подготовки, комплексный контроль, физическая подготовленность, контроль функционального состояния

Для цитирования: Черкасов В.В., Шестакова Г.В., Борнобаев С.Н. Холодовая подготовка пловцов, занимающихся спортивным зимним плаванием // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 199–207. doi: 10.17223/15617793/510/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/21

Cold training of swimmers engaged in sports winter swimming

Vladimir V. Cherkasov¹, Galina V. Shestakova², Svyatogor N. Bornobaev³

^{1,3} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
² Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute – Branch of University of Tyumen, Tobolsk, Russian Federation

¹ v.v.cherkasov@utmn.ru

² g.v.shestakova@utmn.ru

³ stud0000273563@utmn.ru

Abstract. Winter swimming is a sport that requires a high degree of adaptation from athletes to low ambient temperatures. Extreme conditions of competitive activity of winter swimmers require the development of an effective system of cold training based on the laws of the organism's adaptation to cold, complex control of physical and functional state of athletes, individual character of training load regimes. The aim of the study was to determine the effectiveness of the methodology of special cold training in sports winter swimming. Analysis of scientific and methodological literature, control tests, medical and biological methods, methods of mathematical statistics were used as research methods. The study was conducted from September 2023 to April 2024 in the Winter Swimming Center "AquaiSport – Tyumen". The study involved 8 male athletes and 7 female athletes, who are members of the Tyumen region winter swimming team. The main training process was carried out in accordance with the working programs on swimming (stage of sports improvement). Special cold training was carried out in the form of additional training sessions twice a week for two hours. Swimming by different methods (2–3 sections at distances from 25 to 100 m) with intensity from 80 to 105% of the threshold of anaerobic metabolism was used as the main means. Peripheral blood supply after each cold load was restored with the help of intensive motor actions (squatting, push-ups) in a warm room. According to the results of morphofunctional diagnostics and control of athletes' physical fitness during the study, sufficient and high levels of development of the subjects' leading physical qualities and the most important (for swimming activities) functional systems of the organism were established, which indicates the effectiveness of the physical training programs implemented in the training of swimmers. Implementation of the developed method of cold training promoted successful adaptation of swimmers' organisms to low ambient temperatures. The effectiveness of the method was confirmed by a reliable ($p \leq 0.01$) increase in the results of the test "Swimming 50 m freestyle" in ice water by 5.3% in male athletes and by 5.5% in female athletes. Comparison of the results of control tests in the conditions of warm and ice pools showed a convergence at a reliable level ($p \leq 0.05$) of test indicators by 26% in male athletes and 32% in female athletes, which can also indicate the successful adaptation of subjects to low temperatures of the aquatic environment.

Keywords: sports winter swimming, stage of sports perfection, methodology of cold training, control of functional state and physical fitness of swimmers

For citation: Cherkasov, V.V., Shestakova, G.V. & Bornobaev, S.N. (2025) Cold training of swimmers engaged in sports winter swimming. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 199–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/21

Введение

Современный этап развития физической культуры и спорта характеризуется появлением новых видов спорта, в число которых входит спортивное зимнее плавание, впервые внесенное в реестр спортивных направлений в 2022 г. В 2023 г. в соответствии приказом Министерства спорта России зимнее плавание получило официальное признание и было включено во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин. В основе зимнего плавания лежат национальные, исторические и культурные традиции закалывания в ледяной воде, характерные для коренного населения, проживающего на территориях с континентальным и резко континентальными типами климата. За последние годы различные клубные формы занятий зимним плаванием с оздоровительной направленностью (зимнее купание, моржевание) получили широкое распространение в России, в странах Восточной и Западной Европы, Северной и Южной Америки, Австралии, Китая, Монголии, Израиля. Спортивный аспект зимнего плавания до начала XXI в. носил достаточно элитарный характер и в основном был представлен экстремальными заплывами на дальность. Новым импульсом, оказавшим значительное влияние на популяризацию спортивного направления зимнего плавания, стала организация в 2006 г. Международной ассоциации зимнего плавания (IWSA), под эгидой которой были сформулированы современные правила, ставшие основой для разработки правил вида спорта «Зимнее плавание» для национальных Федераций. Заложенная в Правилах регламентация по возрастным группам, по температурному режиму воды, а также ограничения максимальной соревновательной дистанции позволили сделать зимнее плавание более доступным и привлечь к занятиям широкий круг спортсменов различных возрастных категорий. В России региональные отделения Федерации зимнего плавания успешно функционируют в 74 субъектах, обеспечивая подготовку и участие спортсменов в соревнованиях различного уровня. Значительное увеличение количества спортсменов, вовлеченных в занятия зимним плаванием, и риски, связанные с соревновательной деятельностью и подготовкой к ней в экстремальных условиях низких температур, обуславливают необходимость научного обоснования и сопровождения тренировочного процесса зимних пловцов.

К настоящему времени накоплено значительное количество данных о физиологических механизмах адаптации живых организмов к низким температурам окружающей среды. По результатам исследований установлено положительное воздействие занятий зимним плаванием на сердечно-сосудистую систему, включая липидный обмен, концентрацию инсулина, снижение артериального давления, повышение адаптации к

стрессу [1–3]; отмечено улучшение гематологических показателей, стимуляции иммунной системы, снижение частоты и более легкое течение инфекций верхних дыхательных путей [4–6]. Повторное воздействие холода положительно влияет на психику, снимая высокое ситуационное напряжение, улучшает эмоциональную сферу, снижает тревожность и способствует психологическому благополучию [7–9]. В то же время, наряду с обозначенным положительным эффектом, использование средств холодового воздействия сопряжено с определенными рисками и ограничениями. Занятия зимним плаванием противопоказаны при сердечно-сосудистых патологиях, способных привести к сердечной аритмии, а также не рекомендуются при заболеваниях почек и щитовидной железы и аутоиммунных заболеваниях [10].

Значительный вклад в развитие спортивного зимнего плавания внесли результаты исследований физиологических и психологических реакций организма спортсменов в процессе длительных заплывов в холодной воде. Так, по результатам исследования температурного режима пловцов, проведенного М.П. Лебедевым и соавт., было установлено, что нахождение в холодной воде (от 3 до 6°C) в течение 2 ч приводит к снижению температуры ядра тела на 12°C (с 39 до 27°C). Последующее восстановление нормального температурного режима занимает до 8 ч [11]. Одним из важных факторов, влияющих на продолжительность нахождения человека в холодной воде без угрозы переохлаждения, является количество жирового компонента в организме. По данным В. Knechtle, T. Rosemann, C.A. Rüst [12], для спортсменов с большим количеством подкожного жира и избыточным весом (ИМТ > 35 кг/м² и 45% жира в организме) в условиях низкой температуры водной среды характерно медленное снижение температуры тела, что позволяет им находиться в холодной воде более длительное время, чем пловцам с низким содержанием жировой прослойки [13]. Исследование психофизиологического состояния участников 555-километрового эстафетного заплыва на открытой воде, проведенное Т.А. Фишер [14], выявило у пловцов положительную динамику адаптационных возможностей, оптимизацию функционального состояния вегетативной нервной системы, высокую мобилизацию физических и психических ресурсов. Между тем Т.И. Барановой и соавт. при изучении реакции сердечно-сосудистой системы пловцов на холодную воду в аналогичных условиях многокилометровых заплывов было установлено, что патологические изменения функций сердечно-сосудистой системы при воздействии резкого охлаждения могут формироваться даже у практически здоровых спортсменов. В связи с этим допуск зимних пловцов к тренировкам и соревнованиям, по мнению авторов, должен проводиться с учетом результатов мониторинга здоровья, диагностики которого рекомендуется осуществлять с использованием холодо-гипоксии-гиперкапнической пробы

на основе показателей электрокардиографии и артериального давления [15].

Рассматривая общие тенденции спортивной подготовки в зимнем плавании, Е.А. Пытько [16] пришла к выводу, что наиболее значимым фактором, обеспечивающим эффективность тренировочного процесса, является высокая частота использования средств плавания. По мнению автора, в процессе физической подготовки основное внимание следует обратить на развитие силы рук; к специфическим особенностям зимнего плавания в структуре двигательного действия отнесены «упрощение» техники гребковых движений руками и минимизация работы ногами. В качестве рекомендаций для развития специальной темповой и скоростной выносливости предлагается повторное проплывание отрезков (от 8 до 40 раз) на дистанциях от 25 до 400 м (при общем суммарном объеме до 3,5 км). Выполнение данной нагрузки возможно или в закрытом бассейне, или на открытой воде в теплое время года. Продолжительность отдельных холодовых процедур в зимний период должна иметь краткосрочный характер. Длительное холодовое воздействие может вызвать хронический физиологический стресс и риск функционального истощения систем, ответственных за адаптацию. По данным F.S. Dhabhar, хронический стресс является одной из причин нарушения регуляции нормального суточного цикла выработки кортизола, что приводит к снижению иммунитета и повышению вероятности возникновения инфекции верхних дыхательных путей [17].

Таким образом, по результатам анализа научных источников можно заключить, что, несмотря на значительное количество работ по проблемам зимнего плавания и закаливания, вопросы подготовки зимних пловцов к соревновательной деятельности в экстремальных условиях низких температур остаются недостаточно изученными, что требует дальнейшей разработки и обоснования методик холодовой подготовки спортсменов в зимнем плавании.

Цель исследования – определить эффективность методики специальной холодовой подготовки в спортивном зимнем плавании.

Методы и организация исследования

Исследование проводилось на базе Центра зимнего плавания «Акваспорт – Тюмень» в период с сентября 2023 г. по апрель 2024 г. В исследовании приняли участие 8 юношей и 7 девушек, входящие в состав сборной команды Тюменской области по зимнему плаванию. Возраст спортсменов: юноши – $19,7 \pm 0,5$ лет; девушки – $17,3 \pm 1,5$ лет. Стаж занятий плаванием –

$9,2 \pm 3,4$ года; стаж занятий зимним плаванием – от 1 года до 3 лет. Основной тренировочный процесс пловцов осуществлялся согласно рабочим программам, разработанным в соответствии с положениями федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «Плавание» и составлял 10 занятий в неделю (общий объем 15 ч). Специальная холодовая подготовка проводилась в форме дополнительных тренировочных занятий 2 раза в неделю по 2 ч. Эффективность методики холодовой подготовки определялась по результатам исходного и итогового тестирования в плавании на 50 м вольным стилем в условиях теплого и ледяного бассейнов. В качестве методов исследования использовались контрольные испытания, физиометрические методы (спирометрия, биоимпедансометрия, спироэргометрия), методы математической статистики (определение среднего арифметического значения (M), среднеквадратического отклонения (σ), достоверности различий по t-критерию Стьюдента, определение процентного прироста показателей по формуле S. Brody).

Результаты исследования и обсуждение

На констатирующем этапе исследования для определения индивидуальных физических кондиций спортсменов была осуществлена оценка общей физической подготовленности и функционального состояния организма зимних пловцов. В связи с отсутствием Федерального стандарта по зимнему плаванию, находящегося на период исследования в стадии разработки, оценка уровня развития физических качеств спортсменов осуществлялась на основе норм общей физической подготовленности, установленных Стандартом спортивной подготовки по плаванию для этапа спортивного совершенствования [18].

Результаты общей физической подготовленности пловцов представлены в табл. 1.

Как видно из таблицы, пловцы имеют высокий уровень развития силовых способностей, где все юноши и большинство девушек превысили установленные нормы. В рамках нормативных показателей находятся 100% результатов, характеризующих гибкость и координационные способности спортсменов. Отдельные проблемы пловцов зафиксированы в тесте на общую выносливость, где 3 испытуемых (одна (14,4%) девушка и двое (25,0%) юношей) показали результаты ниже нормы.

Результаты морфофункциональной диагностики спортсменов представлены в табл. 2.

Таблица 1

Результаты общей физической подготовленности пловцов (юноши – $n = 8$; девушки – $n = 7$)

№ п/п	Тесты	Пол	$M \pm \sigma$	Выше нормы	Норма	Ниже нормы
1	Прыжок в длину с места толчком двумя ногами, см	Юноши	$203,6 \pm 14,5$	100	0	0
		Девушки	$194,0 \pm 8,5$	100	0	0
2	Подтягивание из виса на высокой перекладине, кол-во раз	Юноши	$14,6 \pm 2,0$	100	0	0
3	Сгибание и разгибание рук в упоре лежа на полу, кол-во раз	Девушки	$20,6 \pm 6,9$	57,2	42,8	0
4	Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье, см	Юноши	$9,8 \pm 4,0$	25	75	0
		Девушки	$14,1 \pm 3,3$	42,8	57,2	0
5	Челночный бег 3×10 м, с	Юноши	$7,8 \pm 0,2$	0	100	0
		Девушки	$8,4 \pm 0,6$	14,4	85,6	0
6	Бег на 2000 м, с	Юноши	$581,2 \pm 31,7$	0	75	25
		Девушки	$618,2 \pm 24,1$	42,8	42,8	14,4

Таблица 2

Результаты морфофункциональной диагностики пловцов (юноши – n = 8; девушки – n = 7)

№ п/п	Тесты	Пол	М ± σ	Выше нормы	В границах нормы	Ниже нормы
1	Масса скелетной мускулатуры, кг	Юноши	36,8 ± 2,4	12,5	87,7	0
		Девушки	25,1 ± 1,9	0	100	0
2	Содержание жирового компонента в теле, кг	Юноши	13,1 ± 8,6	12,5	62,5	25
		Девушки	12,2 ± 1,9	0	87,7	12,3
3	Процент жировой массы в теле, %	Юноши	14,5 ± 9,8	25,0	25,0	50,0
		Девушки	21,1 ± 1,2	0	100	0
4	ИМТ, усл. ед.	Юноши	23,8 ± 4,4	25,0	75,0	0
		Девушки	19,7 ± 1,2	0	100	0
5	ЖЕЛ, л	Юноши	10,3 ± 3,06	100	0	0
		Девушки	7,3 ± 0,2	100	0	0
6	ФЖЕЛ, л	Юноши	6,59 ± 1,8	100	0	0
		Девушки	5,38 ± 0,2	100	0	0
7	МВЛ, л/мин	Юноши	130,7 ± 20,5	0	75,0	25,0
		Девушки	152,9 ± 5,5	100	0	0

Примечание: ИМТ – индекс массы тела; ЖЕЛ – жизненная емкость легких; ФЖЕЛ – форсированная жизненная емкость легких; МВЛ – максимальная вентиляция легких.

По результатам биоимпедансного анализа состава тела у 100% девушек и 75% юношей объем скелетно-мышечной массы установлен в пределах нормы; у одного (12,5%) юноши зафиксировано превышение прогнозируемых значений на 5%. Показатели жирового компонента в рамках границ нормы отмечены у большинства девушек (от 87,7 до 100%); доля юношей, имеющих жировой компонент в границах нормы, составила от 25 до 62,5%. Превышение нормы на 7% установлено у одного юноши. В показателях, характеризующих процент жира в теле и содержание жира в теле, результаты 12,3% девушек и до 50% юношей не достигают уровня нижней границы нормы.

В спортивной практике пониженное содержание жировой и повышенное содержание мышечной тканей в составе тела характерно для значительного числа представителей циклических видов спорта [19, 20]. Однако, как уже было отмечено выше, при занятиях зимним плаванием низкий уровень жира может вызвать определенные проблемы, связанные с гипотермией. В связи с этим пловцы с большим содержанием жировой массы на длинных дистанциях могут иметь определенное преимущество. Для коротких дистанций зимнего плавания, где продолжительность нахождения в холодной воде в зависимости от квалификации спортсмена, способа плавания и длины дистанции составляет от 13 до 140 с, отсутствие значительной жировой составляющей не является лимитирующим фактором в достижении высоких соревновательных результатов.

Оценка функционального состояния дыхательной системы показала значительное превышение показателей от прогнозируемого уровня (от 120 до 190%), что можно объяснить адаптацией организма пловцов к специфическим условиям двигательной деятельности и дыхания в условиях водной среды. Полученные показатели функциональной диагностики пловцов в целом соотносятся с результатами аналогичных исследований [21].

Таким образом, по результатам мониторинга физической подготовленности и функционального состояния спортсменов можно заключить, что все испытыва-

емые обладают достаточным уровнем развития ведущих для занятий плаванием физических качеств и функциональных систем организма. Выявленные у отдельных спортсменов низкое содержание жирового компонента и отклонения в показателях общей выносливости заслуживают со стороны тренеров отдельного внимания, но не препятствуют занятиям зимним плаванием.

В связи с тем, что в качестве предмета нашего исследования была определена методика холодовой подготовки, повторного тестирования уровня общей физической подготовленности и морфофункциональных систем организма не проводилось. Основной объем нагрузки пловцов, обеспечивающий повышение уровня общей физической подготовленности и морфофункциональных систем организма, реализовывался в рамках стандартных тренировочных занятий в теплом помещении в соответствии с индивидуальными программами физической подготовки. При анализе литературных источников сведений, подтверждающих прямую взаимосвязь между уровнем развития физических качеств и адаптацией организма к низким температурам окружающей среды, обнаружено не было. Исходя из этого показатели морфофункциональных систем организма и общей физической подготовленности использовались нами в качестве одного из критериев готовности организма спортсменов к тренировочной деятельности в рамках холодовой подготовки. В ходе дальнейшей работы основной акцент был направлен на исследование показателей уровня развития специальной физической подготовленности пловцов, формируемых в условиях теплого и ледяного бассейнов.

Экстремальные условия внешней среды, сопутствующие тренировочной и соревновательной деятельности в зимнем плавании, обуславливают необходимость в организации занятий пловцов с учетом специфических рисков, связанных с реакциями организма на холодовое воздействие. Различные виды рисков присутствуют в течение всего периода нахождения в ледяной воде. Острое охлаждение в момент погружения в ледяную воду вызывает возбуждение и активизацию

цию нейроэндокринной и дыхательной систем, в результате для противостояния переохлаждению в организме запускаются специфические рефлекторные терморегуляционные реакции. Холодовой шок приводит к повышению системного артериального давления, частоты сердечных сокращений и систолического объема крови. Реакция дыхательной системы на ледяную воду проявляется в резком уменьшении объема легких за счет сокращения межреберных мышц, судорожном вдохе, задержке дыхания и неконтролируемой гипервентиляции, которая приводит к уменьшению мозгового кровотока, вследствие чего возможно проявление симптомов дезориентации в пространстве и потеря сознания. После стабилизации дыхания в ледяной воде в течение первых 2–3 мин общее охлаждение приводит к нарушению деятельности опорно-двигательного аппарата, вызванного прерыванием нервной проводимости и повышенной ноцицептивной чувствительностью. Нарушения нервно-мышечной функции являются одной из причин состояния периферического паралича. Дальнейшее охлаждение в течение 30 мин может вызвать сердечную аритмию и гипотермию. Тяжелой стадией гипотермии считается общее переохлаждение организма до температуры 20–28°C. При данном состоянии высока вероятность летального исхода по причине сердечного приступа [22, 23].

Согласно различным оценкам, человек может выжить в холодной воде при температуре 0,3°C в течение 45 мин, однако негативные последствия (истощение энергетических запасов, потеря сознания) в большинстве случаев начинают фиксироваться уже в течение первых 15 мин.

Имеющиеся риски, связанные с негативными последствиями для жизни и здоровья в процессе занятий

зимним плаванием, обуславливают необходимость поэтапной адаптации к ледяной воде в сочетании с психологическими тренингами, направленными на регуляцию дыхания при холодном шоке [24]. Продолжительность адаптации к холодной воде, по данным K.D. Mittleman [25], должна составлять не менее 10 дней. В программе, разработанной и апробированной Т.А. Фишер [26] для курсантов военного училища, адаптационный период установлен в восемь недель. Содержание авторской программы, направленной на непосредственную адаптацию организма к холоду, включало ежедневное обливание холодной водой в сочетании с физическими упражнениями и одноразовое занятие в неделю с плаванием в ледяной воде (от 25 м на первом занятии до 100 м к восьмой неделе) в сочетании с физическими упражнениями, выполняемыми в различных температурных режимах.

Данные научных исследований, полученные в ходе анализа литературных источников, явились основой для выбора средств и методов холодной подготовки зимних пловцов. Разработанная методика адаптации к низким температурам состояла из общей и специальной холодной подготовки. В содержание общего закаливания входило пребывание на открытом воздухе с обливанием холодной водой (сентябрь–октябрь) и окунание в прорубь (ноябрь). В качестве основных средств специальной холодной подготовки использовалось выполняемое повторным методом плавание различными способами на дистанцию от 25 до 100 м с интенсивностью от 80 до 105% от порога анаэробного обмена. В качестве дополнительных средств физической подготовки применялись силовые упражнения (от 7 до 10 упражнений в комплексе) на основе изометрической и круговой тренировки (табл. 3).

Таблица 3

План холодной подготовки по зимнему плаванию

№ п/п	Средства	Дозировка	Мощность работы, % (индивидуально от ПАНО)	Тренировочные занятия							
				1	2	3	4	5	6	7	8
1	ОРУ в спортзале	10–15 мин	–	+	+	+	+	+	+	+	+
2	Погружение в ледяную воду	5–7 с	–	+	+	+	+	+	+	+	+
3	Баттерфляй	25 м	80–90%	+							
4	Кроль	25 м	80–90%	+							
5	Кроль с поднятой головой	50 м	80–90%		+						
6	Брасс + кроль	25 м/25 м	80–90%		+						
7	Брасс с поднятой головой	25 м	80–90%			+					
8	Кроль	75 м	91–100%			+					
9	Баттерфляй	25 м	91–100%			+					
10	Баттерфляй	50 м	91–100%				+				
11	Комбинированная эстафета 4 × 25 м	25 м	101–105%				+				+
12	Баттерфляй + кроль	25 м/25 м	91–100%					+			
13	Кроль	50 м	101–105%					+			
14	Кроль + брасс + кроль	50 м/25 м/25 м	91–100%						+		
15	Баттерфляй	50 м	101–105%						+		
16	Эстафета брасс 4 × 25 м	25 м	101–105%							+	
17	Вольный стиль	50 м	101–105%							+	
18	Вольный стиль	100 м	91–100%								+
19	Круговая интервальная тренировка: 30 с упражнение + 15 с – отдых	2 подхода	–	+	+	+	+				
20	Изометрическая тренировка 60 с – упражнение + 30 с – отдых		–					+	+	+	+
21	Окувание в прорубь + сауна	2–3 × (5–7 с/6–7 мин)	–	+	+	+	+	+	+	+	+

Таблица 4

Содержание занятия по холодовой подготовке

№ п/п	Содержание	Дозировка
1	Суставная разминка	10–15 мин.
2	Дыхательные упражнения (глубокий вдох + 10 форсированных выдохов + задержка дыхания 10–20 с)	3 серии
3	Постепенное погружение в ледяной бассейн	10 с
4	Восстановление периферического кровообращения в теплом помещении	4–5 мин
5	Плавание в ледяном бассейне заданным стилем	от 25 до 100 м
6	Восстановление периферического кровообращения в теплом помещении	4–5 мин
7	Плавание в ледяном бассейне заданным стилем	от 25 до 100 м
8	Восстановление периферического кровообращения в теплом помещении	4–5 мин
9	Общая физическая (силовая) подготовка	30 мин
10	Сочетание прогрева в сауне (6–7 мин) с окунанием в прорубь	2–3 раза

Таблица 5

Результаты плавания в условиях теплого и ледяного бассейнов 50 м вольным стилем, с

Условия	Юноши (n= 8)				Девушки (n= 7)			
	M±σ		t	p	M±σ		t	p
	До	После			До	После		
Теплый бассейн	25,3 ± 0,6	24,7 ± 0,5	2,3	≤ 0,05	29,1 ± 0,2	28,5 ± 0,2	2,4	≤ 0,05
Ледяной бассейн	28,6 ± 0,8	27,2 ± 0,8	3,0	≤ 0,01	32,1 ± 0,3	30,7 ± 0,2	3,6	≤ 0,01
Разность между результатами в теплом и ледяном бассейнах	3,3 ± 0,7	2,4 ± 0,8	2,3	≤ 0,05	3,0 ± 0,9	2,27 ± 0,3	2,2	≤ 0,05

Структура тренировочного занятия состояла из трех частей: подготовительной части с целью общего разогрева тела и постепенной адаптации организма к холодной воде; основной части с целью решения главных задач специальной холодовой подготовки; заключительной части с целью восстановления организма, снятия излишнего мышечного напряжения. Для восстановления периферического кровоснабжения каждая холодовая нагрузка сочеталась с активными физическими упражнениями (30 приседаний + 15 отжиманий в упоре лежа), выполняемых в теплом помещении. Общее восстановление организма осуществлялось с помощью контрастного температурного воздействия.

Общая структура и содержание занятий по холодовой подготовке представлены в табл. 4.

Эффективность тренировочного процесса определялась по результатам исходного и итогового тестирования специальной физической подготовленности в условиях теплого и ледяного бассейнов. В качестве контрольного упражнения использовался тест «Плавание вольным стилем на дистанции 50 м». При этом организация тестирования пловцов в соответствии с требованиями к уравниванию условий осуществлялась по правилам зимнего плавания, без использования стартовой тумбы и скоростного поворота способом «сальто». В качестве критериев эффективности холодовой подготовки были определены два показателя: динамика прироста результатов и разность между результатами, показанных в благоприятных (стандартных) и неблагоприятных условиях. Выбор второго критерия обусловлен положением о том, что способность спортсмена к максимальной реализации своего двигательного потенциала в различных условиях окружающей среды и состояниях организма может свидетельствовать о сформированности адаптационных механизмов до уровня стадии долговременной адаптации [27].

Результаты тестирования специальной физической подготовленности пловцов представлены в табл. 5.

Анализ полученных результатов показал, что за время исследования все испытуемые улучшили свои результаты как в условиях теплого бассейна, так и в ледяной воде открытого водоема. В условиях бассейна со стандартной температурой достоверный прирост показателей ($p \leq 0,05$) в среднем составил 0,66 с (2,7 %) у юношей и 0,63 с (2,1%) у девушек. В условиях ледяного бассейна положительные изменения тестов имели более выраженный характер: результаты при 1%-ном уровне значимости у юношей выросли на 5,3% (1,49 с), у девушек – на 5,5% (1,37 с).

При сравнении различий между результатами, показанными на этапах исследования в условиях теплого и ледяного бассейнов, было установлено, что при итоговом тестировании у пловцов обоего пола отмечено снижение разности на достоверном уровне ($p \leq 0,05$). Сближение показателей в среднем составило от 26,1% (0,87 с) у юношей до 32,1% (0,73 с) у девушек.

Заключение

Экстремальные условия соревновательной и тренировочной деятельности в зимнем плавании требуют разработки эффективной системы холодовой подготовки, основанной на закономерностях адаптации организма к холоду, комплексном контроле показателей физического и функционального состояния спортсменов, индивидуальном характере тренировочной нагрузки. По результатам проведенной в ходе исследования морфофункциональной диагностики и оценки физической подготовленности спортсменов установлен достаточный и высокий уровни развития ведущих физических качеств и наиболее значимых для занятий плаванием функциональных систем организма испытуемых. Это может свидетельствовать об эффективности реализуемых в тренировочном процессе пловцов программ физической подготовки, обеспечивающих необходимую базовую основу для достижения высо-

ких спортивных результатов в различных видах спортивного плавания. Внедрение разработанной методики холодовой подготовки способствовало успешной адаптации организма пловцов к низким температурам окружающей среды, что подтверждается 5%-ным приростом показателей теста «Плавание 50 м вольным стилем» в ледяной воде ($p \leq 0,01$), а также достоверным ($p \leq 0,05$) снижением разности (от 26% у юношей до 32 % у девушек) между результатами испытаний в условиях теплового и ледяного бассейнов. При этом

необходимо отметить, что эффективность представленной методики холодной подготовки требует более детального обоснования. Дальнейшее планирование работы в этом направлении предполагает увеличение количества испытуемых, а также использование более широкого арсенала методов исследования, обеспечивающих в процессе холодовой подготовки зимних пловцов изучение не только педагогических, но и психологических и физиологических механизмов адаптации.

Список источников

1. Chęcinska-Maciejewska Z., Miller-Kasprzak E., Chęcinska A., Korek E., Gibas-Dorna M., Adamczak-Ratajczak A., Bogdanski P., Krauss H. Gender-related effect of cold water swimming on the seasonal changes in lipid profile, ApoB/ApoA-I ratio, and homocysteine concentration in cold water swimmers // *Journal of Physiology and Pharmacology*. 2017. № 68. P. 887–896.
2. Gibas-Dorna M., Chęcinska Z., Korek E., Kupsz J., Sowinska A., Wojciechowska M., Krauss H., Piątek J. Variations in leptin and insulin levels within one swimming season in non-obese female cold water swimmers // *Scandinavian Journal of Clinical Laboratory Investigation*. 2016. № 76. P. 486–491. doi: 10.1080/00365513.2016.1201851
3. Manolis A.S., Manolis S.A., Manolis A.A., Manolis T.A., Apostolaki N., Melita H. Winter swimming: body hardening and cardiorespiratory protection via sustainable acclimation. // *Current Sports Medicine Reports*. 2019. № 18. P. 401–415. doi: 10.1249/JSR.0000000000000653
4. Teległów A., Marchewka J., Tabarowski Z., Rembiasz K., Głodzik J., Scisłowska-Czarnecka A. Comparison of selected morphological, rheological and biochemical parameters of winter swimmers' blood at the end of one winter swimming season and at the beginning of another // *Folia Biologica*. 2015. № 63. P. 221–228. doi: 10.3409/fb63_3.221
5. Brazaitis M., Eimantas N., Daniuseviciute L., Mickeviciene D., Steponaviciute R., Skurvydas A. Two strategies for response to 14°C cold-water immersion: Is there a difference in the response of motor, cognitive, immune and stress markers? // *PLOS One*. 2014. № 9 (9). Art. No. e109020. doi: 10.1371/journal.pone.0109020
6. Kormanovski A., Ibarra C.F., Padilla L.E., Rodriguez C.R. Resistance to respiratory illness and antibody response in open water swimmers during training and long distance swims // *International Journal of Medical Sciences*. 2010. № 2. P. 80–87.
7. Reed E.L., Chapman Ch.L., Whittman E.K., Park T.E., Larson E.A., Kaiser B.W., Comrada L.N., Needham K.W., Halliwill J.R., Minson Ch.T. Cardiovascular and mood responses to an acute bout of cold water immersion // *Journal of Thermal Biology*. 2023. № 118 (5). Art. No. 103727. doi: 10.1016/j.jtherbio.2023.103727
8. Фишер Т.А. Психологические и иммунные реакции на кратковременное холодовое воздействие // *Вестник Уральской медицинской академической науки*. 2012. № 4 (41). С. 66–67.
9. van Tulleken C., Tipton M., Massey H., Harper C.M. Open water swimming as a treatment for major depressive disorder // *BMJ Case Reports*. 2018. Art. bcr2018225007. doi: 10.1136/bcr-2018-225007
10. Комаров П.В., Комарова О.В. Влияние холодовой нагрузки на тренированность // *Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация*. 2022. Т. 7, № 4. С. 98–104. doi: 10.47475/2500-0365-2022-17414
11. Лебедев М.П., Большев К.Н., Иванов В.А., Томский М.И., Андреев А.С. Мониторинг температуры пловцов-экстремалов при заплыве через Берингов пролив // *Якутский медицинский журнал*. 2017. № 1 (57). С. 52–54.
12. Knechtle B., Rosemann T., Rüst C.A. Ice swimming and changes in body core temperature: a case study // *SpringerPlus*. 2015. № 4 (1). Art. No. 394. doi: 10.1186/s40064-015-1197-y
13. Rüst C.A., Knechtle B., Rosemann T. Changes in body core and body surface temperatures during prolonged swimming in water of 10°C—a case report // *Extreme Physiology & Medicine*. 2012. Vol. 1 (1). Art. No. 8. doi: 10.1186/2046-7648-1-8
14. Фишер Т.А., Бобрешова С.С., Яркин А.В. Динамика психофизиологического состояния и силы нервных процессов у спортсменов, занимающихся зимним плаванием, во время участия в эстафете протяжённостью 555 км // *Человек. Спорт. Медицина*. 2023. Т. 23, № 4. С. 7–13. doi: 10.14529/hsm230401
15. Баранова Т.И., Рыбьякова Т.В., Дмитриева М.О., Анисимов Д.А., Тарасова М.С., Оганнисян М.Г. Особенности реакции сердечно-сосудистой системы организма человека на погружение в холодную воду // *Медицина экстремальных ситуаций*. 2023. Т. 25, № 4. С. 106–115. doi: 10.47183/mes.2023.053
16. Пытько Е.П. Современные тенденции разработки основ спортивной тренировки пловцов по зимнему плаванию // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. № 2. С. 96–98.
17. Dhabhar F.S. Effects of stress on immune function: The good, the bad, and the beautiful // *Immunologic Research*. 2014. № 58. P. 193–210.
18. Приказ Минспорта России от 16.11.2022 № 1004 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «плавание». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minsporta-rossii-ot-16112022-n-1004-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 25.08.2024).
19. Раджаббадиев Р.М., Выборная К.В., Мартинчик А.Н., Тимонин А.Н., Барышев М.А., Никитюк Д.Б. Антропометрические параметры и компонентный состав тела спортсменов неигровых видов спорта // *Спортивная медицина: наука и практика*. 2019. Т. 9, № 2. С. 46–54.
20. Выборная К.В., Кобелькова И.В., Соколов А.И., Лавриненко С.В., Никитюк Д.Б. Особенности распределения подкожной жировой ткани и содержания жирового компонента тела у юных пловцов // *Современные вопросы биомедицины*. 2018. Т. 2, № 1(2). С. 21–30.
21. Давыдов В.Ю., Григорович И.Н., Морозова О.В., Королевич А.Н. Характеристика морфофункционального состояния пловцов 10–19 лет // *Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт*. 2015. № 3. С. 112–119.
22. Mantoni T., Belhage B., Pedersen L.M., Pott F.C. Reduced cerebral perfusion on sudden immersion in ice water: A possible cause of drowning // *Aviation, Space, and Environmental Medicine*. 2007. № 78. P. 374–376.
23. Knechtle B., Waśkiewicz Z., Sousa C.V., Hill L., Nikolaidis P.T. Cold water swimming-benefits and risks: A narrative review // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. № 17 (23). P. 1–20. doi: 10.3390/ijerph17238984
24. Croft J.L., Button C., Hodge K., Lucas S.J.E., Barwood M.J., Cotter J.D. Responses to sudden cold-water immersion in inexperienced swimmers following training // *Aviation Space and Environmental Medicine*. 2013. № 84 (8). P. 850–855.
25. Mittleman K.D., Mekjavic I.B. Contribution of core cooling rate to shivering thermogenesis during cold water immersion // *Aviation Space and Environmental Medicine*. 1991. № 62. P. 842–848.
26. Фишер Т.А., Яковлев Д.С., Володин В.Н., Яркин А.В., Собиров А.Н. Закаливание и развитие холодовой устойчивости у курсантов военно-инженерного вуза // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2023. № 2 (216). С. 492–496. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2023.02.p492-497
27. Платонов В.Н. Теория адаптации и резервы совершенствования системы подготовки спортсменов (часть 2) // *Вестник спортивной науки*. 2010. № 3. С. 3–9.

References

1. Checinska-Maciejewska, Z. et al. (2017) Gender-related effect of cold water swimming on the seasonal changes in lipid profile, ApoB/ApoA-I ratio, and homocysteine concentration in cold water swimmers. *Journal of Physiology and Pharmacology*. 68. pp. 887–896.
2. Gibas-Dorna, M. et al. (2016) Variations in leptin and insulin levels within one swimming season in non-obese female cold water swimmers. *Scandinavian Journal of Clinical Laboratory Investigation*. 76. pp. 486–491. doi: 10.1080/00365513.2016.1201851
3. Manolis, A.S. et al. (2019) Winter swimming: body hardening and cardiorespiratory protection via sustainable acclimation. *Current Sports Medicine Reports*, 18. pp. 401–415. doi: 10.1249/JSR.0000000000000653
4. Teległów, A. et al. (2015) Comparison of selected morphological, rheological and biochemical parameters of winter swimmers' blood at the end of one winter swimming season and at the beginning of another. *Folia Biologica*. 63. pp. 221–228. doi: 10.3409/fb63_3.221
5. Brazaitis, M. et al. (2014) Two strategies for response to 14°C cold-water immersion: Is there a difference in the response of motor, cognitive, immune and stress markers? *PLOS One*. 9 (9). e109020. doi: 10.1371/journal.pone.0109020
6. Kormanovski, A. et al. (2010) Resistance to respiratory illness and antibody response in open water swimmers during training and long distance swims. *International Journal of Medical Sciences*. 2. pp. 80–87.
7. Reed, E.L. et al. (2023) Cardiovascular and mood responses to an acute bout of cold water immersion. *Journal of Thermal Biology*. 118 (5). Art. 103727. doi: 10.1016/j.jtherbio.2023.103727
8. Fisher, T.A. (2012) Psikhologicheskie i immunnye reaksii na kratkovremennoe kholodovoe vozdeystvie [Psychological and immune responses to short-term cold exposure]. *Vestnik Ural'skoy meditsinskoy akademicheskoy nauki*. 4 (41). pp. 66–67.
9. van Tulleken, C. et al. (2018) Open water swimming as a treatment for major depressive disorder. *BMJ Case Reports*. Art. bcr2018225007. doi: 10.1136/bcr-2018-225007
10. Komarov, P.V. & Komarova, O.V. (2022) Vliyanie kholodovoy nagruzki na trenirovannost' [Effect of cold stress on training]. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreatsiya*. 4 (7). pp. 98–104. doi: 10.47475/2500-0365-2022-17414
11. Lebedev, M.P. et al. (2017) Monitoring temperatury plovtsov-ekstremalov pri zaplyve cherez Beringov proliv [Monitoring the temperature of extreme swimmers during a swim across the Bering Strait]. *Yakutskiy meditsinskiy zhurnal*. 1 (57). pp. 52–54.
12. Knechtle, B., Rosemann, T. & Rüst, C.A. (2015) Ice swimming and changes in body core temperature: a case study. *SpringerPlus*. 4 (1). Art. 394. doi: 10.1186/s40064-015-1197-y
13. Rüst, C.A., Knechtle, B. & Rosemann, T. (2012) Changes in body core and body surface temperatures during prolonged swimming in water of 10°C—a case report. *Extreme Physiology & Medicine*. 1 (1). Art. 8. doi: 10.1186/2046-7648-1-8
14. Fisher, T.A., Bobreshova, S.S. & Yarkin, A.V. (2023) Dinamika psikhofiziologicheskogo sostoyaniya i sily nervnykh protsessov u sportsmenov, zanimayushchikhsya zimnim plavaniem, vo vremya uchastiya v estafete protyazhennost'yu 555 km [Dynamics of the psychophysiological state and the strength of nervous processes in athletes engaged in winter swimming during participation in a 555 km relay race]. *Chelovek. Sport. Meditsina*. 4 (23). pp. 7–13. doi: 10.14529/hsm230401
15. Baranova, T.I. et al. (2023) Osobennosti reaksii serdechno-sosudistoy sistemy organizma cheloveka na pogruzhenie v kholodnuyu vodu [Features of the reaction of the human cardiovascular system to immersion in cold water]. *Meditsina ekstremal'nykh situatsiy*. 4 (25). pp. 106–115. doi: 10.47183/mes.2023.053
16. Pyt'ko, E.P. (2020) Sovremennyye tendentsii razrabotki osnov sportivnoy trenirovki plovtsov po zimnemu plavaniyu [Modern trends in the development of the basics of sports training for swimmers in winter swimming]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 2. pp. 96–98.
17. Dhabhar, F.S. (2014) Effects of stress on immune function: The good, the bad, and the beautiful. *Immunologic Research*. 58. pp. 193–210.
18. Legalact. (n.d.) *Prikaz Minsporta Rossii ot 16.11.2022 № 1004 «Ob utverzhdenii federal'nogo standart sportivnoy podgotovki po vidu sporta «plavanie»* [On approval of the federal standard of sports training in the sport of "swimming. Order of the Ministry of Sports of Russia of No. 1004 November 16, 2022]. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minsporta-rossii-ot-16112022-n-1004-ob-utverzhdenii/> (Accessed: 25.08.2024).
19. Radzhabkadiyev, R.M. et al. (2019) Antropometricheskie parametry i komponentnyy sostav tela sportsmenov neigrovnykh vidov sporta [Anthropometric parameters and component composition of the body of athletes in non-game sports]. *Sportivnaya meditsina: nauka i praktika*. 2 (9). pp. 46–54.
20. Vybornaya, K.V. et al. (2018) Osobennosti raspredeleniya podkozhnoy zhirovoy tkani i sodержaniya zhirovogo komponenta tela u yunych plovtsov [Features of the distribution of subcutaneous adipose tissue and the content of the body fat component in young swimmers]. *Sovremennyye voprosy biomeditsiny*. 1–2 (2). pp. 21–30.
21. Davydov, V.Yu. et al. (2015) Kharakteristika morfofunktsional'nogo sostoyaniya plovtsov 10–19 let [Characteristics of the morphofunctional state of swimmers aged 10–19 years]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*. 3. pp. 112–119.
22. Mantoni, T. et al. (2007) Reduced cerebral perfusion on sudden immersion in ice water: A possible cause of drowning. *Aviation, Space, and Environmental Medicine*. 78. pp. 374–376.
23. Knechtle, B. et al. (2020) Cold water swimming-benefits and risks: A narrative review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 17 (23). pp. 1–20. doi: 10.3390/ijerph17238984
24. Croft, J.L. et al. (2013) Responses to sudden cold-water immersion in inexperienced swimmers following training. *Aviation Space and Environmental Medicine*. 84 (8). pp. 850–855.
25. Mittleman, K.D. & Mekjavic, I.B. (1991) Contribution of core cooling rate to shivering thermogenesis during cold water immersion. *Aviation Space and Environmental Medicine*. 62. pp. 842–848.
26. Fisher, T.A. et al. (2023) Zakalivanie i razvitie kholodovoy ustoychivosti u kursantov voenno-inzhenernogo vuza [Hardening and development of cold resistance in cadets of a military engineering university]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2 (216). pp. 492–496. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2023.02.p492-497
27. Platonov, V.N. (2010) Teoriya adaptatsii i rezervy sovershenstvovaniya sistemy podgotovki sportsmenov (chast' 2) [Adaptation theory and reserves for improving the athletes' training system (part 2)]. *Vestnik sportivnoy nauki*. 3. pp. 3–9.

Информация об авторах:

Черкасов В.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных основ физической культуры и спорта Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: v.v.cherkasov@utmn.ru

Шестакова Г.В. – старший преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин и методик преподавания Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета (Тобольск, Россия). E-mail: g.v.shestakova@utmn.ru

Борнобаев С.Н. – студент Института физической культуры Тюменского государственного университета (Тюмень). E-mail: stud0000273563@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Cherkasov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: v.v.cherkasov@utmn.ru

G.V. Shestakova, senior lecturer, Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute – Branch of University of Tyumen (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: g.v.shestakova@utmn.ru

S.N. Bornobaev, student, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation) E-mail: stud0000273563@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2024;
одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 25.09.2024;
approved after reviewing 09.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.8
doi: 10.17223/15617793/510/22

О «безальтернативности» альтернативных санкций, применяемых к несовершеннолетним

Юлия Александровна Головастова^{1, 2}, Александра Сергеевна Скороходова^{3, 4}

^{1, 4} Академия ФСИН России, Рязань, Россия

² Московский университет им. С.Ю. Витте, Рязань, Россия

³ Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} ugolovastova@yandex.ru

^{3, 4} Skorokhodova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается система способов уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступные деяния в несовершеннолетнем возрасте. Авторы обращают внимание на существенный дисбаланс сложившейся в настоящее время системы мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних, в которой превалирует реальное и условное лишение свободы. Предлагается внести ряд изменений в уголовное законодательство для расширения практики применения к несовершеннолетним альтернативных лишения свободы санкций.

Ключевые слова: альтернативы лишению свободы; наказания; иные меры уголовно-правового характера; несовершеннолетние; принудительные меры воспитательного воздействия

Для цитирования: Головастова Ю.А., Скороходова А.С. О «безальтернативности» альтернативных санкций, применяемых к несовершеннолетним // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 208–213. doi: 10.17223/15617793/510/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/22

On the "lack of alternative" to alternative sanctions applied to minors

Yulia A. Golovastova^{1, 2}, Alexandra S. Skorokhodova^{3, 4}

^{1, 4} Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

² Moscow Witte University, Moscow, Russian Federation

³ Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

^{1, 2} ugolovastova@yandex.ru

^{3, 4} Skorokhodova@yandex.ru

Abstract. The article examines the system of methods of criminal legal influence on persons who committed criminal acts at a minor age. The statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on bringing minors to criminal responsibility for the period 2020–2023 are presented; the practice of imposing punishments and other measures of a criminal legal nature alternative to imprisonment is analyzed. The authors draw attention to the significant imbalance in the current system of measures of criminal legal influence on minors, in which real and conditional imprisonment prevail. In order to identify the causes of this imbalance, the practice of applying alternative punishments to minors (fines, compulsory labor, correctional labor, and restrictions on freedom) is analyzed. Based on the analysis, the authors state that, despite the presence in the Criminal Code of the Russian Federation of six types of punishments that can be imposed on minors, only two of them are actually applied – compulsory labor and imprisonment. At the same time, deprivation of liberty, which is recommended by international legal standards to be applied only in extreme cases, is imposed on minors more often than all other types of punishments. At the same time, the niche of punishments that have not been widely used has been firmly occupied for many years by probation, whose popularity the authors attribute not to its effectiveness, but rather to its universality. Thus, the analysis of the provisions of Articles 73 and 88 of the Criminal Code of the Russian Federation leads the authors to the conclusion that when sentencing a minor, the court is practically not limited in assigning a suspended sentence. The limited use of compulsory educational measures by courts is also noted, due, on the one hand, to the complexity of their legal nature, and, on the other hand, to shortcomings in the legal regulation of the procedure for their appointment and execution. Summing up the research, the authors conclude that a legally defined system of punishments and alternative measures to imprisonment that can be applied to minors is practically no alternative in practice. It is proposed to make a number of changes to criminal legislation: to limit the appointment of a suspended sentence, to recommend to the courts to expand the practice of

imposing punishment on minors in the form of restriction of freedom, as well as to regulate the procedure for the appointment and execution of compulsory educational measures.

Keywords: alternatives to imprisonment; punishment; criminal law measures; minors; compulsory educational measures

For citation: Golovastova, Yu.A. & Skorokhodova, A.S. (2025) On the "lack of alternative" to alternative sanctions applied to minors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 208–213. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/22

Особый статус несовершеннолетних, декларируемый международными правовыми стандартами и Конституцией РФ, обуславливает особый порядок отправления правосудия в отношении лиц, совершивших преступные деяния в возрасте до 18 лет. Широкий перечень альтернативных лишению свободы санкций, применяемых в соответствии с отечественным законодательством в отношении несовершеннолетних правонарушителей, безусловно, соответствует как международным стандартам (см. «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990): «Арест, задержание или тюремное заключение ребенка осуществляются согласно закону и используются лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени»; «Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)» (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН): «...решения об ограничении личной свободы несовершеннолетнего должны приниматься только после тщательного рассмотрения вопроса и ограничение должно быть по возможности сведено до минимума»), так и принципу дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, провозглашенному в ст. 8 УИК РФ.

В настоящее время при избрании способа привлечения к ответственности за совершенное преступное деяние суд имеет достаточно широкий выбор средств

уголовно-правового воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя, включающих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, а также применяемые исключительно к несовершеннолетним принудительные меры воспитательного воздействия. Лицам, совершившим преступные деяния в возрасте до 18 лет, могут применяться следующие виды уголовных наказаний: штраф (ст. 46 УК РФ), лишение права заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ), обязательные работы (ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ст. 50 УК РФ), ограничение свободы (ст. 53 УК РФ), лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ).

Кроме того, как альтернатива наказанию к несовершеннолетним могут по различным основаниям применяться такие меры, как условное осуждение (ст. 73 УК РФ); отсрочка отбывания наказания (ст. 82, 82.1 УК РФ); принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ); помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ); принудительные меры медицинского характера (ст. 97 УК РФ), а также судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ).

Для исследования практики применения указанных выше средств уголовно-правового воздействия, обратимся к статистическим данным о вынесении судами Российской Федерации приговоров лицам, совершившим преступные деяния в несовершеннолетнем возрасте [1] (таблица).

Данные о видах уголовно-правового воздействия на осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за период 2020–2023 гг.

Показатель	Отчетный период							
	2020 г.	% от общего количества	2021 г.	% от общего количества	2022 г.	% от общего количества	2023 г.	% от общего количества
Всего осуждено несовершеннолетних	14 702		14 863		14 214		12 769	
Штраф (как основной вид наказания)	1 462	9,9	1 490	10	1 352	9,5	1 336	10,5
Лишение права заниматься определенной деятельностью (как основной вид наказания)	0	0	0	0	0	0	0	0
Обязательные работы	2 919	19,9	2 615	17,6	2 437	17,1	2 136	16,7
Исправительные работы	212	1,4	203	1,4	213	1,5	240	1,9
Ограничение свободы (как основной вид наказания)	511	3,5	503	3,4	411	2,9	444	3,5
Лишение свободы на определенный срок	2 237	15,2	2 413	16,2	2 474	17,4	2 259	17,7
Условное осуждение к лишению свободы	5 790	39,4	5 791	39	5 263	37	4 190	32,8
Условное осуждение к иным видам наказаний	201	1,4	158	1	153	1	109	0,9
Освобождено осужденных от наказания по приговору или наказание не назначалось	1 368	9,3	1 690	11,4	1 910	13,4	2 048	16

Приведенные количественные показатели наглядно демонстрируют, что, несмотря на обилие возможностей применения к несовершеннолетним преступникам альтернативных лишению свободы санкций, судебная практика все же идет по старому, «проторенному» пути назначения несовершеннолетним лишения свободы в качестве основного наказания, при этом в 15–17% случаев назначается реальное лишение свободы, а в 37–40% случаев приговоры к лишению свободы выносятся условно с испытательным сроком. Доля других видов уголовных наказаний (кроме обязательных работ, количество которых, впрочем, также за последние три года снизилось с 19,9 до 17,1%) и мер уголовно-правового характера в общем числе принимаемых судом решений крайне незначительна. Аналогичные исследования, проводившиеся В.А. Уткиным за период с 2008 по 2012 г. [2], А.В. Звоновым – с 2003 по 2017 г. [3], Н.В. Ольховиком – с 2010 по 2018 г. [4], также приводили авторов к выводу о дисбалансе системы мер уголовно-правового воздействия, в которой превалирует реальное и условное лишение свободы.

Для того чтобы выявить причины указанного дисбаланса, рассмотрим особенности исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, в отношении несовершеннолетних, поскольку по смыслу уголовного закона именно наказания, а не иные меры уголовно-правового характера должны составлять основу правоприменительной практики (ч. 2 ст. 2 УК РФ: «...настоящий Кодекс устанавливает ... *виды наказаний* (здесь и далее в цитатах выделено нами. – Ю.Г., А.С.) и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений»; ч. 1 ст. 14 УК РФ: «...преступлением является виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом РФ под угрозой *наказания*»). Как справедливо отмечает Е.А. Кадашева, «преимущество при определении судом формы реализации уголовной ответственности должно, несомненно, быть перед наказанием, а не перед иной мерой уголовно-правового характера» [5].

Положения ч. 2 ст. 88 УК РФ, регулирующие назначение **штрафа** несовершеннолетним, содержат одну из наиболее спорных норм уголовного закона – возможность взыскания штрафа с родителей или законных представителей несовершеннолетнего с их согласия. Указанная норма справедливо критикуется такими исследователями системы уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним, как Ю.А. Кашуба [6], Л.М. Прокументов [7], поскольку противоречит как принципу личной ответственности за совершение преступления (ст. 43 УК РФ), так и принципам гуманизма и справедливости назначения наказания (ст. 6, 7 УК РФ): так, согласие или несогласие родителей или законных представителей оплатить штраф может быть обусловлено такими не относящимися к назначению наказания факторами, как финансовое положение семьи или сложные отношения между родителями и подростком из-за его отклоняющегося поведения. Таким образом, штраф без согласия со стороны обвиняемого может быть назначен только несовершеннолетнему, имеющему самостоятельный заработок

либо имущество (таких подростков среди совершающих преступления по очевидным причинам меньшинство), в противном случае суд при назначении данного вида наказания ограничен волеизъявлением родителей или законных представителей обвиняемого.

Лишение права заниматься определенной деятельностью, назначаемое несовершеннолетним в соответствии с п. «Б» ч. 1 ст. 88 УК РФ, в качестве основного наказания за последние годы практически не применялось по понятным причинам: как правило, деятельность, которой суд запрещает осужденному заниматься, является профессиональной (педагогическая, медицинская) либо связана с получением специального разрешения (управление транспортом, охота, рыбалка), что в силу возраста может относиться к несовершеннолетним крайне редко.

Обязательные работы являются самым популярным из альтернативных лишению свободы наказаний, применяемых к несовершеннолетним. Это обусловлено, с одной стороны, пользой данного вида наказания для общества (выполнение на бесплатной основе общественно полезных работ) и гуманностью по отношению к осужденному (отбываются в свободное от работы или учебы время в районе места жительства осужденного). С другой стороны, исполнение наказания в виде обязательных работ не вызывает особых затруднений ни у сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, ни у администраций организаций, в которых работают осужденные, ни у самих осужденных. Срок обязательных работ, назначаемых несовершеннолетним, составляет от 40 до 160 ч (для совершеннолетних – от 60 до 480 ч); работая по 12 ч в неделю, даже максимальный срок наказания осужденный может отбыть за три месяца.

Бесспорно, исполнение наказания в виде обязательных работ в отношении несовершеннолетних имеет свои особенности. Так, в своем исследовании Д.В. Карелин, Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов отмечали, что в соответствии с ч. 3 ст. 88 УК РФ труд несовершеннолетнего должен быть посильным, в то время как определение такового в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве не содержится; отсутствует определение времени, свободного от учебы, хотя после окончания учебных занятий в образовательном учреждении обучающимся необходимо дополнительное время для самостоятельной работы в соответствии с образовательными программами [8]. Тем не менее можно констатировать, что обязательные работы прочно заняли свое место в системе назначения и исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних, чего нельзя сказать об **исправительных работах**, которые назначаются несовершеннолетним не более чем в 1,5% случаев [1]. К этому количеству, однако, можно смело прибавить несовершеннолетних, осужденных условно к иным видам наказания (порядка 1%), поскольку кроме лишения свободы и исправительных работ никакие другие виды наказаний несовершеннолетним условно назначены быть не могут.

В отличие от обязательных работ, наказание в виде исправительных работ предполагает возникновение трудовых правоотношений между работником и работодателем в соответствии с законодательством РФ о

труде. Официальное трудоустройство несовершеннолетних, в том числе осужденных к исправительным работам, сопряжено с определенными сложностями, связанными с их социальным статусом: так, работников, не достигших возраста 18 лет, нельзя привлекать к отдельным видам работ, к сверхурочной работе, работе в ночное время, работе в выходные и праздничные дни, направлять в служебные командировки; эти лица перед трудоустройством и далее ежегодно должны проходить медицинский осмотр за счет средств работодателя; им предоставляется более длительный, чем взрослым, отпуск в удобное для них время (гл. 43 ТК РФ). Кроме того, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 1), судам не рекомендовано назначать несовершеннолетним наказание в виде исправительных работ, если исполнение этого вида наказания может препятствовать продолжению обучения; также при назначении несовершеннолетнему наказания в виде исправительных работ суду надлежит обсудить возможность его исправления без реального отбывания этого наказания. Все эти факторы, затрудняющие как назначение, так и исполнение наказания в виде исправительных работ, сводят к минимуму практику его применения к несовершеннолетним.

Еще одной значимой проблемой при исполнении наказаний в виде обязательных и исправительных работ в отношении несовершеннолетних является безальтернативность замены наказания более строгим в случае злостного уклонения от его отбывания. Так, обязательные работы и исправительные работы подростку могут быть заменены только лишением свободы, поскольку принудительные работы несовершеннолетним не назначаются (ч. 1 ст. 88 УК РФ). В то же время, в соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ № 1, нормы о замене наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы в случае злостного уклонения от их отбывания наказанием в виде лишения свободы неприменимы к несовершеннолетним, которые впервые совершили преступление небольшой или средней тяжести в возрасте до 16 лет, а также остальным несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой тяжести впервые (ч. 6 ст. 88 УК РФ). Данное положение делает практически невозможным исполнение наказания в виде обязательных работ или исправительных работ в случае, если подросток злостно уклоняется от их отбывания, поскольку время, в течение которого осужденный не работал, в срок отбывания данных видов наказаний не засчитывается. Решением данной проблемы, на наш взгляд, могла бы стать возможность замены несовершеннолетним обязательных и исправительных работ в случае злостного уклонения от их отбывания более строгим видом наказания в виде ограничения свободы.

В свою очередь, **ограничение свободы** является, на наш взгляд, оптимальной альтернативой лишению

свободы для несовершеннолетних: в целях профилактики повторных преступлений их досуг может строго ограничиваться, в том числе в ночное время с возможностью применения технических средств надзора и контроля, в то же время подросток, проживая дома, не теряет социальных связей и не попадает в криминогенно зараженную среду исправительного учреждения. Однако и этот вид наказания не находит широкого распространения в отношении несовершеннолетних и назначается лишь порядка 3% из них [1]. Такая ситуация связана на наш взгляд, с несколькими факторами. Во-первых, ограничение свободы очевидно конкурирует с условным осуждением, что неоднократно отмечалось исследователями системы уголовных наказаний. В.А. Уткин неоднократно указывал на неоправданную конкуренцию между ограничением свободы в редакции 2010 г. и условным осуждением [2, 9]; по мнению А.Г. Антонова, ограничения при условном осуждении, условно-досрочном освобождении, отсрочке отбывания наказания по своей репрессивности очень сходны с уголовным наказанием в виде ограничения свободы [10]. Подобной позиции придерживается Е.А. Каданева, отмечая, что «уголовное наказание в виде ограничения свободы схоже по сущности, порядку и условиям исполнения с условным осуждением» [5]. Судам ввиду давно устоявшейся и нарабатанной практики нередко проще вынести несовершеннолетнему приговор к лишению свободы условно, чем назначить наказание в виде ограничения свободы. Из первой проблемы плавно вытекает вторая: в случае, если в отношении осужденного к ограничению свободы не применяются технические средства надзора и контроля, данный вид наказания, по сути, ничем не отличается от условного осуждения. Однако в настоящее время оборудование системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (электронных браслетов, мобильных и стационарных контрольных устройств) применяется лишь в отношении 22,4% осужденных к ограничению свободы [11], поскольку приоритет при их применении отдается мерам пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста, залога. Кроме того, при использовании оборудования отмечается ряд проблем, связанных как с практическими, так и теоретическими аспектами его эксплуатации [12]. Таким образом, несмотря на отмечавшийся ранее потенциал ограничения свободы [6], данный вид наказания также не нашел широкого распространения в судебной практике.

Приходится констатировать, что, несмотря на наличие в УК РФ шести видов наказаний, которые могут назначаться несовершеннолетним, фактически применяются только два из них – обязательные работы и лишение свободы, причем последнее, которое международными правовыми стандартами рекомендуется применять только в крайних случаях, назначается несовершеннолетним чаще всех других видов наказаний.

Нишу наказаний, которые не получили широкого распространения по рассмотренным выше причинам,

уже на протяжении многих лет прочно занимает условное осуждение. И, к сожалению, популярность данной уголовно-правовой меры связана не с ее эффективностью, а скорее с ее универсальностью: анализ положений ст. 73, 88 УК РФ приводит к выводу о том, что при вынесении приговора несовершеннолетнему суд практически не ограничен в назначении условного осуждения, более того, при совершении подростком повторного преступления (кроме особо тяжкого) в период испытательного срока условное осуждение может быть назначено повторно.

Пределы назначения условного осуждения, по нашему мнению, целесообразно было бы ограничить с помощью следующих мер:

- сократить максимальный срок наказания в виде лишения свободы, который может быть назначен условно, с 8 до 5 лет;

- определить конкретные условия, при соблюдении которых суд может назначить условное осуждение, при этом такие условия не должны дублировать обстоятельства, смягчающие наказание; к примеру, таковыми могут выступать наличие у обвиняемого постоянного места жительства, работы, учебы, социальных связей с лицами, которые могут оказать на него положительное влияние, и другие факторы;

- ограничить возможности бесконечного назначения несовершеннолетним условного осуждения в случае совершения повторного преступления в период испытательного срока, дополнив ст. 88 УК РФ соответствующими положениями.

Другие меры уголовно-правового воздействия, такие как отсрочка отбывания наказания, принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф, по понятным причинам применяются к несовершеннолетним (как, впрочем, и к взрослым лицам) лишь в исключительных случаях в силу своей специфики.

Предметом отдельного рассмотрения является применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ, и помещение лиц, не достигших 18-летнего возраста, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее – СУВУ ЗТ) в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ. В совокупности доля лиц, к которым применяются данные меры, составляет не более 5% [1], хотя при избрании данных мер суд формально ограничен лишь несовершеннолетним возрастом обвиняемого и категорией совершенного им преступления. Нельзя не отметить противоречивость пра-

вовой природы и многосторонний характер мер воспитательного воздействия, которые, с одной стороны, принимаются при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, что предполагает прекращение уголовно-правовых отношений [13]; с другой стороны, в отношении несовершеннолетнего в рамках исполнения принудительных мер воспитательного воздействия применяется целый ряд достаточно строгих ограничений, вплоть до изоляции от общества при помещении в СУВУ ЗТ, хотя законодательно порядок применения данных мер в настоящее время не определен. На наш взгляд, сложности правовой природы и законодательного регулирования принудительных мер воспитательного воздействия являются основной причиной их ограниченного применения судами при вынесении решения по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

В результате проведенного анализа норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и практики назначения и исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних можно сделать вывод о том, что законодательно определенная система наказаний и мер, альтернативных лишению свободы, на практике является практически безальтернативной. В подавляющем большинстве случаев лицам, не достигшим 18-летнего возраста, назначается наказание в виде лишения свободы, в том числе условно с испытательным сроком; применение других альтернатив, за исключением наказания в виде обязательных работ, не находит распространения в правоприменительной практике.

На наш взгляд, сложившаяся ситуация может быть скорректирована путем внесения ряда изменений в уголовное законодательство. Во-первых, как уже отмечалось ранее, необходимо законодательно ограничить пределы назначения условного осуждения. Во-вторых, полагаем целесообразным на уровне Пленума Верховного суда РФ рекомендовать судам расширить практику назначения несовершеннолетним наказания в виде ограничения свободы и избирать данный вид наказания в качестве альтернативы лишению свободы, в том числе при замене обязательных и исправительных работ более строгим видом наказания. В-третьих, для более широкого применения принудительных мер воспитательного воздействия требуется четкое регулирование на законодательном уровне порядка их назначения и исполнения.

Данные меры расширят возможности применения к несовершеннолетним альтернативных лишению свободы санкций не только в теории, но и в правоприменительной практике.

Список источников

1. Статистические данные «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Уткин В.А. Тенденции применения альтернативных санкций в России // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 75–80.
3. Звонов А.В. Реализуемость уголовных наказаний в практической деятельности судов: аналитический обзор // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32). С. 51–57.
4. Ольховик Н.В. Применение альтернатив лишения свободы к несовершеннолетним // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск, 2019. С. 66–67.
5. Каданева Е.А. Конкуренция уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 131–135.
6. Кашуба Ю.А. Система уголовных наказаний несовершеннолетних: современное состояние и тенденции реформирования // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4 (37). С. 56–63.
7. Прокументов Л.М. Особенности системы наказаний в отношении несовершеннолетних // Бизнес в законе. 2007. № 4. С. 142–144.

8. Карелин Д.В., Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Эффективность наказаний и иных мер, предусмотренных уголовным законом для несовершеннолетних, совершивших преступление // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 305–312.
9. Уткин В.А. Реформа системы уголовных наказаний как условие эффективности альтернативных санкций // Вестник Кузбасского института. 2011. № 1 (4). С. 6–8.
10. Антонов А.Г. К вопросу о видах иных мер уголовно-правового характера // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 39–42.
11. Сведения о деятельности уголовно-исполнительных инспекций за IV квартал 2020–2022 гг. (форма ФСИН-1, раздел 15) // АИС «Статистика УИС».
12. Глазков М.Б. Проблемные вопросы применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), возникающие в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф., Томск, 27–28 октября 2022 г. Томск, 2022. С. 68–73.
13. Головастова Ю.А. К вопросу об исполнении иных мер уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13, № 2. С. 130–139.

References

1. Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Statisticheskie dannye «Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste»* [Report on convicts who committed crimes as minors. Statistical data]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (Accessed: 1.10.2024).
2. Utkin, V.A. (2013). *Tendentsii primeneniya al'ternativnykh sanktsiy v Rossii* [Trends in the application of alternative sanctions in Russia]. *Ugolovnaya yustitsiya*. 1 (1). pp. 75–80.
3. Zvonov, A.V. (2019) *Realizuemost' ugovolnykh nakazaniy v prakticheskoy deyatel'nosti sudov: analiticheskiy obzor* [Feasibility of criminal penalties in the practical activities of the courts: an analytical review]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (32). pp. 51–57.
4. Ol'khovik, N.V. (2019) *Primenenie al'ternativ lisheniya svobody k nesovershennoletnim* [Application of alternatives to imprisonment for minors]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 66–67.
5. Kadaneva, E.A. (2018) *Konkurentsiya ugovolnykh nakazaniy i inyykh mer ugovolno-pravovogo kharaktera* [Competition of criminal punishments and other measures of a criminal-law nature]. *Ugolovnaya yustitsiya*. 11. pp. 131–135.
6. Kashuba, Yu.A. (2018) *Sistema ugovolnykh nakazaniy nesovershennoletnikh: sovremennoe sostoyanie i tendentsii reformirovaniya* [The system of criminal punishments for minors: current state and reform trends]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4 (37). pp. 56–63.
7. Prozumentov, L.M. (2007) *Osobennosti sistemy nakazaniy v otnoshenii nesovershennoletnikh* [Features of the punishment system for minors]. *Biznes v zakone*. 4. pp. 142–144.
8. Karelin, D.V., Ol'khovik, N.V. & Prozumentov, L.M. (2020) *Effektivnost' nakazaniy i inyykh mer, predusmotrennykh ugovolnym zakonom dlya nesovershennoletnikh, sovershivshikh prestupleniya* [Effectiveness of punishments and other measures provided for by criminal law for minors who have committed a crime]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 2 (14). pp. 305–312.
9. Utkin, V.A. (2011) *Reforma sistemy ugovolnykh nakazaniy kak usloviye effektivnosti al'ternativnykh sanktsiy* [Reform of the criminal penalty system as a condition for the effectiveness of alternative sanctions]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1 (4). pp. 6–8.
10. Antonov, A.G. (2023) *K voprosu o vidakh inyykh mer ugovolno-pravovogo kharaktera* [On the issue of types of other criminal-law measures]. *Ugolovnaya yustitsiya*. 21. pp. 39–42.
11. Statistika UIS. (n.d.) *Svedeniya o deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'nykh inspektsey za IV kvartal 2020–2022 gg. (forma FSIN-1, razdel 15)* [Information on the Activities of Criminal Executive Inspectorates for the IV Quarter of 2020–2022. (Form FSIN-1, Section 15)]. Moscow: Statistika UIS.
12. Glazkov, M.B. (2022) [Issues of the application of the electronic monitoring system of supervised persons (SEMP) arising in the activities of criminal-executive inspectorates]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo* [Criminal Executive System: Pedagogy, psychology and law]. Proceedings of the Annual All-Russian Conference. Tomsk. 27–28 October 2022. Tomsk: Tomsk institute of improvement of professional skill of workers FAEP of Russia. pp. 68–73. (In Russian).
13. Golovastova, Yu.A. (2018) *K voprosu ob ispolnenii inyykh mer ugovolno-pravovogo kharaktera* [On the issue of execution of other measures of a criminal-legal nature]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2 (13). pp. 130–139.

Информация об авторах:

Головастова Ю.А. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии ФСИН России (Рязань, Россия); профессор кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин Московского университета им. С.Ю. Витте (Рязань, Россия). E-mail: ugolovastova@yandex.ru

Скороходова А.С. – преподаватель-методист отделения планирования, методического обеспечения и контроля образовательного процесса учебного отдела Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний (Санкт-Петербург, Россия); адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (Рязань, Россия). E-mail: IPKR.Skorokhodova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.A. Golovastova, Dr. Sci. (Law), professor, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation); professor, Moscow Witte University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ugolovastova@yandex.ru

A.S. Skorokhodova, teacher trainer, Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation); adjunct, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation (Ryazan, Russian Federation). E-mail: IPKR.Skorokhodova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.10.2024;
одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 16.10.2024;
approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.*

Научная статья
УДК 347.41
doi: 10.17223/15617793/510/23

Гражданско-правовые последствия исполнения поручителем обязательства

Владислав Викторович Груздев¹

¹ Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, gruzvlad@rambler.ru

Аннотация. Исследованы гражданско-правовые последствия исполнения поручителем его обязательства перед кредитором. Охарактеризованы потери поручителя в связи с исполнением обязательства. Сделан вывод, что в действующем гражданском законодательстве использованы одновременно обе модели (суброгационная и регрессная) восстановления имущественного положения поручителя, который понес затраты на совершенное в пользу кредитора предоставление. Показаны сходство и различия договора поручительства и куммулятивного принятия долга.

Ключевые слова: поручительство, суброгация, регрессное обязательство, исковая давность, перевод долга

Для цитирования: Груздев В.В. Гражданско-правовые последствия исполнения поручителем обязательства // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 214–218. doi: 10.17223/15617793/510/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/23

Civil-law consequences of the surety's performance of an obligation

Vladislav V. Gruzdev¹

¹ Moscow City University, Moscow, Russian Federation, gruzvlad@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is the regularities of civil law regulation of public relations arising in the field of restoration of the property status of the surety, who incurred the costs of the provision made in favor of the creditor. The study aims to identify the essence of the civil-law consequences of the fulfillment by the surety of their obligation to the creditor. Taking into account this aim, the following research objectives are set: to characterize the losses of the surety in connection with the fulfillment of the obligation; to identify the models used by the modern legislator to restore the property status of the surety, who incurred the costs of providing services in favor of the creditor; to discover the similarities and differences between the surety agreement and cumulative debt acceptance. The methodological basis of the research consists in the application of general scientific and spacial scientific methods of cognition, including historical, systemic-structural, and formal-legal ones. As a result of the conducted research, the following main conclusions were made. The fulfillment by the surety of an accessory obligation does not release the debtor from the fulfillment of the main obligation, in which the surety, who satisfied the previous creditor, quite logically takes the place of the new creditor. Another matter is the loss of the surety in connection with the performance of the security obligation, in particular, the loss of the opportunity to use the funds paid to the lender, as well as losses (execution costs, lost profits, etc.). They form the scope of responsibility not of the surety for the debtor, but of the debtor to the surety within the framework of protective legal obligations that are not directly related to the main obligation. As a result, in order to restore the financial position of the surety, who incurred the costs of the provision made in favor of the creditor, the modern legislator uses two legal models simultaneously: the surety takes over in the order of singular succession to the place of the creditor in the remaining main obligation («subrogation model»); since the surety is held liable for violation of the principal obligation by the debtor, a recourse obligation arises between the specified parties, the subject of which is the payment to the surety of interest on the amount paid to the creditor and compensation for losses incurred in connection with the specified liability ("regression model"). Despite the legislator's use of the term "debt transfer", the creditor enters into an independent obligation with the cumulative debtor, which differs from the obligation with the original debtor. The obligation of the cumulative debtor is joined to the obligation of the original debtor, which remains in the same form, which brings the guarantee agreement and the cumulative acceptance of the debt closer. Unlike a surety agreement, cumulative debt acceptance generates an obligation that is neither accessory nor conditional.

Keywords: surety, subrogation, recourse obligation, limitation period, debt transfer

For citation: Gruzdev, V.V. (2025) Civil-law consequences of the surety's performance of an obligation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 214–218. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/23

Исполнение поручителем обязанностей в пользу кредитора приводит к динамике обеспечиваемой поручительством правовой связи. Подобная динамика призывана в максимальной степени обеспечивать восста-

новление имущественного положения поручителя, который понес затраты на совершенное предоставление по причине неисправности должника. Возникает проблема выбора адекватных юридических механизмов, позволяющих сохранить баланс интересов всех участников к поручительству лиц.

В цивилистике известны два направления решения означенной проблемы – суброгационный и регрессный [1. С. 94–121]. Их правильная оценка связана с необходимостью параллельного исследования правовой природы требований, которыми располагает исполнивший обязательство поручитель. Для этого целесообразно проследить историю развития рассматриваемого института в отечественном праве.

Согласно ст. 1026 проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 г. поручитель, исполнивший главное обязательство, приобретает право на обратное требование с должника. Характеризуя указанное требование, составители проекта отмечали, что, во-первых, поручитель имеет право на возмещение со стороны должника всего того, что уплачено по поручительству, и, во-вторых, поручитель, будучи поставлен перед необходимостью удовлетворить верителя, может понести значительные убытки, которые также справедливо взыскать с должника [2. С. 292].

Бесхитростно решался вопрос советским законодателем. В силу ст. 246 ГК РСФСР 1922 г. поручитель, исполнивший обязательство вместо должника, становится на место кредитора по главному обязательству. Аналогичное положение содержалось в ст. 206 ГК РСФСР 1964 г., согласно которой к поручителю, исполнившему обязательство, переходят все права кредитора по этому обязательству. В гражданско-правовой науке того времени отмечалось, что поручитель, исполнив основное обязательство, становится на место первоначального кредитора, требования которого переходят со всеми их обеспечениями [3. С. 223].

Пункт 1 ст. 365 ГК РФ определяет последствия исполнения поручителем обязательства следующим образом: 1) к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора (первое предложение); 2) поручитель вправе требовать от должника уплаты процентов на сумму, выплаченную кредитору, и возмещения иных убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника (второе предложение). Приведенные нормы, предусматривая *вариативность* восстановления имущественного положения поручителя в зависимости от характера его потерь, сильно напоминают положения ст. 1026 проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 г. Какой же подход избран современным законодателем в целях определения правовых последствий исполнения поручителем обязательства перед кредитором?

В литературе бытует мнение, что исполнение поручителем основного обязательства за должника во всех случаях приводит к прекращению данного обязательства. На этом основании делается вывод, что суброгация поручителю прав кредитора в несуществующем обязательстве невозможна в принципе [4. С. 63, 200].

Оценивая рассуждения подобного рода, важно учитывать, что обязательство поручителя – это самостоятельное обязательство, которое является придаточным к обязательству должника. Совершая имущественное предоставление в пользу кредитора, поручитель исполняет *собственное* обязательство, а не обязательство должника. Поручитель не считается обязанным исполнить обязательство должника, а несет ответственность в случае, если такое обязательство окажется неисполненным [5. С. 301].

Надлежащим исполнением, прекращающим обязательство в соответствии со ст. 408 ГК РФ, является исполнение должника или привлеченного им третьего лица. Поручитель не является ни должником в основном обязательстве, ни третьим лицом, на которое должником в порядке поручения возложено исполнение основного обязательства. Поэтому совершенное поручителем в пользу кредитора имущественное предоставление прекращает только обязательство данных субъектов. Обязательство, которое обеспечивалось поручительством, остается по-прежнему неисполненным.

Следовательно, исполнение поручителем акцессорного обязательства отнюдь не освобождает должника от исполнения основного обязательства, в котором на место нового кредитора вполне логично заступает поручитель, удовлетворивший прежнего кредитора. Требование поручителя к должнику не является регрессным, права кредитора по основному обязательству переходят к поручителю в порядке суброгации¹.

Другое дело – потери поручителя в связи с исполнением обеспечительного обязательства, в частности утрата возможности пользоваться денежными средствами, уплаченными кредитору, а также убытки (расходы на исполнение, упущенная выгода и т.п.). Они образуют объем ответственности не поручителя за должника, а должника – перед поручителем в рамках охранительных правоотношений, которые напрямую не связаны с основным обязательством. Речь идет о нарушении должником права не кредитора, а поручителя. Такое нарушение может приурочиваться лишь к моменту исполнения обеспечительного обязательства в определенной сумме (более чем очевидно, что поручитель обязан нести затраты на исполнение акцессорного обязательства всегда после допущенного должником нарушения, запустившего течение давностного срока по требованиям кредитора в основном обязательстве). В противном случае ущемляются интересы поручителя, который лишается возможности восстановить свое имущественное положение в полном объеме и в течение общего срока исковой давности.

Таким образом, расходы поручителя за пределами суммы фактически уплаченного кредитору не имеют отношения к обязанности должника перед кредитором, а поэтому в принципе не могут входить в объем ответственности поручителя. И поскольку никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам, постольку переход к поручителю в порядке правопреемства отсутствующего у кредитора притязания полностью исключается.

С указанных позиций требуют осмысления следующие интерпретационные правила, закрепленные в

абз. 1, 2 и 3 п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45:

«К исполнившему обязательство поручителю в соответствующей части переходят принадлежащие кредитору права, в том числе право требовать уплаты договорных процентов, например процентов за пользование займом, неустойки за нарушение денежного обязательства по день уплаты денежных средств должником, а если такая неустойка не предусмотрена законом или договором, то процентов на основании ст. 395 ГК РФ (первое предложение п. 1 ст. 365, п. 1 ст. 384, п. 4 ст. 395 ГК РФ).

Вместо суммы, определенной в указанном выше порядке, поручитель вправе потребовать от должника сумму фактически уплаченного кредитору, а также проценты на основании ст. 395 ГК РФ, начисленные на эту сумму (второе предложение п. 1 ст. 365 ГК РФ).

Как в первом, так и во втором случае переход прав кредитора к поручителю, исполнившему обязательство перед кредитором, не влияет на течение срока исковой давности по требованиям к должнику (ст. 201 ГК РФ)».

А как же потери поручителя, которые не связаны с предметом основного обязательства, нарушенного должником? Во втором предложении п. 1 ст. 365 ГК РФ имеются в виду именно такие потери, которые не входят в сумму фактически уплаченного кредитору. Высшая судебная инстанция, придерживаясь суброгационного подхода, по сути, не раскрывает действительный смысл данной нормы, что является серьезным упущением. Между тем проценты на сумму фактически уплаченного кредитору, а также убытки, понесенные в связи с ответственностью за должника (расходы на исполнение, упущенная выгода и т.п.), как лежащие за пределами ответственности поручителя, являются предметом его самостоятельных притязаний к должнику.

Во-первых, поручитель располагает вовсе не альтернативной возможностью выбора между взысканием с должника сумм, определенных в соответствии с нормами первого или второго предложений п. 1 ст. 365 ГК РФ, а двумя разными по правовой природе группами требований к должнику. Требования первой группы возникают у кредитора в обеспеченном поручительством обязательстве и переходят к исполнившему данное обязательство поручителю в порядке сингулярного правопреемства, а требования второй группы возникают сразу у поручителя в охранительных правоотношениях, не являющихся акцессорными обязательствами. Поэтому поручитель вправе требовать с должника сумму убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника, не *вместо* суммы, определенной в предусмотренном абз. 1 п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 порядке, а *наряду* с этой суммой.

Действительно, во втором предложении п. 1 ст. 365 ГК РФ упоминается о праве поручителя требовать от должника уплаты процентов на сумму, выплаченную кредитору, что создает иллюзию чрезмерности взыскиваемого с должника. Но и по данному вопросу воля законодателя предельно ясна: должник обязан немедленно возместить поручителю утраченные последним

денежные средства, а при нарушении этой обязанности уплатить в качестве имущественной санкции проценты за пользование такими средствами в соответствии со ст. 395 ГК РФ, т.е. *независимо* от уплаты процентов, начисляемых в связи с основным обязательством (договорных процентов, например процентов за пользование займом, неустойки за нарушение денежного обязательства по день уплаты денежных средств должником, а если такая неустойка не предусмотрена законом или договором, то процентов на основании ст. 395 ГК РФ). Снова нет никакой альтернативы, а имеется в виду присоединение к перешедшим от кредитора правам («поручитель также вправе требовать») *нового* требования, которое возникло вследствие просрочки должника в исполнении денежного обязательства перед поручителем.

Вывод о *кумулятивном* характере притязаний, принадлежащих поручителю по разным основаниям, подтверждается положениями ст. 1026 проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 г., которые недвусмысленно предусматривали, что право исполнившего обязательства поручителя охватывает: 1) капитальную сумму долга; 2) проценты на нее; 3) судебные издержки; 4) узаконенные проценты на уплаченную поручителем сумму со дня уплаты, хотя бы долг был беспроцентный, и вообще на все им израсходованное; 5) понесенные поручителем убытки.

Во-вторых, срок исковой давности не может исчисляться одинаково по всем требованиям исполнившего обязательство поручителя.

При солидарной ответственности срок исковой давности следует исчислять с момента наступления срока исполнения основного обязательства.

В случае же субсидиарной ответственности поручитель обязан исполнить в пользу кредитора лишь после того, как установлено уклонение должника от исполнения обеспечиваемого обязательства (п. 1 ст. 399 ГК РФ). В таких условиях несправедливо исчислять исковую давность до получения отказа должника исполнить требование кредитора или истечения разумного срока после предъявления кредитором требования к должнику об исполнении обязательства.

В обоих случаях, на самом деле, нерационально приурочивать начало течения давностного срока к моменту исполнения поручителем своего обязательства перед кредитором. При подобном решении вопроса начало течения исковой давности оказывалось бы в полной зависимости от усмотрения поручителя. В частности, поручитель, оттягивая исполнение акцессорного обязательства, не рискует получить заданное требование по основному обязательству, что, наряду с прочим, отнюдь не способствует скорейшему удовлетворению интересов кредитора.

Прямая противоположность – требование поручителя о взыскании сумм, не имеющих отношения к праву кредитора по основному обязательству (процентов на уплаченную кредитору сумму, а также убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника). По данному требованию срок исковой давности применительно к п. 3 ст. 200 ГК РФ следует исчислять с момента, когда поручитель понес соответствующие затраты. В противном случае исковая давность начинает

течь до нарушения права, что сокращает ее срок в ущерб законным интересам поручителя, например, при взыскании с должника убытков, проявивших себя через некоторое время после исполнения обеспечительного обязательства.

Учитывая изложенное, потери поручителя, находящиеся за пределами его ответственности, но вместе с тем возникшие при исполнении обеспечительного обязательства, необходимость которого (исполнения) вызвана неисправностью должника, надлежит перекладывать на последнего как «виновника торжества» в порядке регресса. Использование модели суброгации, помимо прочего, приводит к несправедливому для поручителя определению момента начала течения давностного срока по иску о взыскании потерь, не являющихся суммами фактически уплаченного кредитору.

Кроме того, регрессное обязательство между поручителем и должником возникает, когда исполнивший основное обязательство должник не извещает об этом поручителя, в результате чего последний исполняет обеспечительное обязательство, которое уже прекратилось². Суброгация прав кредитора здесь исключается, поскольку нет правоотношения, которое могло бы подвергаться соответствующему внешнему изменению.

Таким образом, должника и поручителя связывают с кредитором разные правоотношения, несмотря на указание закона о солидарности (субсидиарности) ответственности. Поручитель исполняет собственное обязательство перед кредитором, прекращая тем самым данное обязательство, а не обеспечиваемое поручительством правоотношение. Как следствие, поручитель заступает в порядке сингулярного правопреемства на место кредитора в сохраняющемся основном обязательстве (первое, «суброгационное» предложение п. 1 ст. 365 ГК РФ). Вместе с тем, поскольку поручитель привлекается к ответственности по причине нарушения основного обязательства должником, между указанными лицами возникает регрессное обязательство, предметом которого является уплата поручителю процентов на сумму, выплаченную кредитору, и возмещение убытков, понесенных в связи с указанной ответственностью (второе, «регрессное» предложение п. 1 ст. 365 ГК РФ).

На практике при определенных обстоятельствах возникает вопрос об отграничении договора поручительства от кумулятивного перевода долга, важный в том числе в аспекте восстановления имущественного положения лица, удовлетворившего требование кредитора.

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 391 ГК РФ в обязательствах, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской деятельности, перевод долга может быть произведен по соглашению между кредитором и новым должником, согласно которому новый должник принимает на себя обязательство первоначального должника.

В абзаце 2 п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» разъяснено, что в случае, если неясно, кумулятивный перевод долга или поручительство согласованы кредитором

и новым должником, осуществляющими предпринимательскую деятельность, следует исходить из того, что их соглашение является договором поручительства.

Несмотря на использование законодателем термина «перевод долга», кредитор вступает с кумулятивным должником в самостоятельное обязательство, отличающееся от обязательства с первоначальным должником. Речь идет, собственно, не о переходе долга от первоначального должника к новому должнику, а о возникновении у кумулятивного должника нового долга, не зависящего от долга первоначального должника. Обязанность кумулятивного должника присоединяется к обязанности первоначального должника, которая сохраняется в прежнем виде. В пользу приведенных выводов, сближающих в определенной мере кумулятивное принятие долга и договор поручительства, свидетельствуют следующие соображения.

В соответствии с нормами п. 3 ст. 391 ГК РФ исполнение новым должником обязательства не приводит к прекращению обязательства прежнего должника, и новый должник в порядке суброгации приобретает права кредитора к первоначальному должнику. Но если бы первоначальный должник и новый должник были содолжниками в одном обязательстве, тогда исполнение солидарной обязанности новым должником само по себе освобождало бы первоначального должника от исполнения, причем любой из этих субъектов (не только кумулятивный должник) мог претендовать на восстановление другим имущественного положения в порядке регресса (ст. 325 ГК РФ). Очевидно, это противоречит сути данного института.

Кроме того, кумулятивный должник, без согласия которого изменено обязательство первоначального должника и кредитора, должен исполнить свое обязательство на прежних условиях, что абсолютно невозможно, если кумулятивного и первоначального должников признавать множественными субъектами одного обязательства.

В отличие от договора поручительства кумулятивное принятие долга порождает обязательство, не являющееся ни акцессорным, ни условным. В экономическом смысле новый должник, принимая долг, имеет в виду приобретение от кредитора по исполнению обязательства имущественной ценности – обязательственного права, осуществление которого, однако, может встретить известные трудности. Значит, кумулятивное принятие долга способно негативно сказаться только на интересах нового должника: кредитор по своей воле получает дополнительного должника, первоначальный должник ничего не теряет, новый должник же рискует не получить исполнение от первоначального должника по причине несостоятельности последнего. В связи с этим законодатель счел нужным ограничить свободу кумулятивного принятия долга, допустив подобные договоры исключительно в предпринимательской среде [6. С. 103]³. Отсюда вытекают следующие замечания теоретического и практического свойства:

Во-первых, обязательство нового должника подлежит исполнению на установленных этим обязательством условиях, которые вполне могут отличаться от условий обязательства первоначального должника,

причем не только в части объема имущественного предоставления, но и в иных параметрах исполнения, включая срок.

Соглашением о принятии долга может предусматриваться даже освобождение первоначального должника от исполнения обязательства, пусть и не имеющее для первоначального должника обязательного значения (абз. 1 п. 3 ст. 391 ГК РФ).

Во-вторых, кумулятивным должником может быть принят просроченный долг, обеспечение которого пору-

чительством искажало бы саму природу условного обязательства. Поэтому если субъектами предпринимательской деятельности в обеспечение уже нарушенного обязательства заключен договор поручительства, их юридическую связь надлежит рассматривать как вытекающую из кумулятивного принятия долга. Такой же договор, не связанный с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, противоречит существу законодательного регулирования данного вида отношений, а поэтому является ничтожной сделкой.

Примечания

¹ Пункт 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024.

² В данной ситуации регрессное требование к должнику является альтернативой кондикционному требованию к неосновательно обогатившемуся кредитору (п. 2 ст. 366 ГК РФ).

³ В свете изложенного нельзя согласиться с мнением ученых [6. С. 103], которые полагают возможным совершение в том или ином виде кумулятивного перевода долга за пределами предпринимательского оборота.

Список источников

1. Кашников Н.Б. Теоретические конструкции поручительства в российском праве // Вестник гражданского права. 2015. № 6. С. 94–121.
2. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями). Кн. 5: Обязательства. Т. 5. СПб., 1809.
3. Иоффе О.С. Избранные труды : в 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
4. Белов В.А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. М. : ЮрИнфоР, 1998.
5. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2006.
6. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки». Часть 2 // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 3. С. 80–137.

References

1. Kashnikov, N.B. (2015) *Teoreticheskie konstruktzii poruchitel'stva v rossiyskom prave* [Theoretical constructions of surety in Russian law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 6. pp. 94–121.
2. Russian Empire. (1809) *Grazhdanskoe ulozhenie. Proekt Vysochayshe uchrezhdennoy Redaktsionnoy komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo ulozheniya (s ob'yasneniyami)* [Civil Code. Project of the Supremely instituted Editorial Commission for the preparation of the Civil Code (with explanations)]. Book 5. Vol. 5. Saint Petersburg: [s.n.].
3. Ioffe, O.S. (2004) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 3. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
4. Belov, V.A. (1998) *Poruchitel'stvo. Opyt teoreticheskoy konstruktzii i obobshcheniya arbitrazhnoy praktiki* [Surety. Experience of theoretical construction and generalization of arbitration practice]. Moscow: YurInfoR.
5. Novitskiy, I.B. (2006) *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* [General doctrine of obligation]. In: *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Vol. 2. Moscow: Statut.
6. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. (2018) *Kommentariy k Postanovleniyu Plenuma VS RF ot 21 dekabrya 2017 g. № 54 «O nekotorykh voprosakh primeneniya polozheniy glavy 24 GK RF o peremene lits v obyazatel'stve na osnovanii sdelki»*. Chast' 2 [On certain issues of applying the provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the change of persons in an obligation based on a transaction. Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 of December 21, 2017. Part 2]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. 3. pp. 80–137.

Информация об авторе:

Груздев В.В. — д-р юрид. наук, профессор департамента права Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: gruzvld@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Gruzdev, Dr. Sci. (Law), professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: gruzvld@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.10.2024;
одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 12.10.2024;
approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 343.132.2
doi: 10.17223/15617793/510/24

Совершенствование процессуальных механизмов наложения ареста на криптовалюту в ходе производства по уголовному делу

Олег Александрович Зайцев¹, Владимир Евгеньевич Смирнов²

^{1, 2} Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

¹ oleg010663@mail.ru

² smirnowvladimir33@gmail.com

Аннотация. Показано использование универсальных цифровых платежных инструментов, позволяющих в рамках преступной деятельности осуществлять отношения обмена вне контролируемого государством банковского сектора. Выявлены тенденции использования криптовалюты и криптокошельков при совершении общественно опасных деяний, а также определены перспективные направления совершенствования уголовно-процессуальных механизмов наложения ареста на имущество. Вносятся конкретные предложения, направленные на повышение гарантий прав участников уголовного судопроизводства при производстве рассматриваемой меры процессуального принуждения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, меры процессуального принуждения, наложение ареста на имущество, информационно-телекоммуникационные технологии, цифровые платежные инструменты, криптовалюта, криптокошельки

Для цитирования: Зайцев О.А., Смирнов В.Е. Совершенствование процессуальных механизмов наложения ареста на криптовалюту в ходе производства по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 219–225. doi: 10.17223/15617793/510/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/24

Improving procedural mechanisms for seizing cryptocurrencies in criminal proceedings

Oleg A. Zaitsev¹, Vladimir E. Smirnov²

^{1, 2} Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

¹ oleg010663@mail.ru

² smirnowvladimir33@gmail.com

Abstract. The object of the research is electronic digital assets such as Bitcoin, Ethereum, Ripple, and others used in illegal activities as objects of crime, as well as means of achieving a criminal result. Taking into account their decentralization, anonymity, immaterial form of existence, high volatility, as well as security by cryptographic encryption tools, the authors aim to resolve the issue of the possibility of arresting crypto assets with available criminal procedural tools. The article is based on criminal and criminal procedure legislation, as well as the judicial practice of the Russian Federation and a number of foreign jurisdictions. When working on the study, the authors used the following methods: a comparative legal method which allowed them to consider domestic methods of seizing cryptocurrency in the context of their foreign counterparts; a method of analyzing the legal positions of courts of various parts of the judicial system of the Russian Federation, which allowed them to identify existing problems of legal regulation of the seizure of cryptocurrencies and evaluate the approaches proposed by practice to their solution; and a synthesis method, which made it possible to formulate conditions for increasing the effectiveness of the seizure of digital assets. The authors criticize the doctrine's proposed implementation in the Russian Federation of foreign experience in criminalizing refusal to provide law enforcement agencies with a password from a cryptographic wallet as contrary to the privilege against self-incrimination. As an incentive for the issuance by the law enforcement agency of passwords from crypto wallets, it is proposed to consider it as one of the conditions of a pre-trial cooperation agreement. At the same time, it is proposed to formalize the process of issuing an electronic digital asset within the framework of an "investigative experiment" provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The need for maximum concretization of the seized cryptocurrency in court decisions is also emphasized, including the indication of digital identifiers of the cryptocurrency, its name, quantity, as well as the determination of its monetary equivalent, in order to increase the property guarantees of the rights of the victim in criminal proceedings. The authors substantiate the need to intensify international cooperation on the basis of the CIS, SCO, BRICS, in order to create procedural mechanisms to compel centralized cryptocurrency exchanges, which are their residents, to cooperate in blocking and arresting online crypto wallets.

Keywords: criminal proceedings, measures of procedural coercion, seizure of property, information and telecommunication technologies, digital payment instruments, cryptocurrency, crypto wallets

For citation: Zaitsev, O.A. & Smirnov, V.E. (2025) Improving procedural mechanisms for seizing cryptocurrencies in criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 219–225. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/24

Постановка проблемы

В Российской Федерации, равно как и во всем мире, наблюдается значительный рост числа преступлений, совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Согласно официальной статистике Министерства внутренних дел РФ за последние пять лет почти в 2,3 раза увеличилось количество указанных деяний (с 294,4 тыс. в 2019 г. до 677,0 тыс. в 2023 г.). К примеру, только в 2023 г. всего было зарегистрировано 1947,2 тыс. преступлений, из которых 677,0 тыс. совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (+29,7% по сравнению с 2022 г.). В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 26,5% в 2022 г. до 34,8% в 2023 г. И это при том, что раскрываемость таких деяний в среднем составляет только 22%¹.

Специфика данной категории противоправных действий заключается в том, что они происходят полностью или частично в особой зоне – киберпространстве, границы суверенных зон ответственности государств в которой довольно условны в силу их подвижности и неустойчивости [1. С. 112–123].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о широком использовании в незаконной деятельности вспомогательных репродуктивных технологий, исключающих непосредственное участие человека, а также универсальных цифровых платежных инструментов, позволяющих осуществлять отношения обмена вне контролируемого государством банковского сектора, при этом свободно конвертируемых в фиатные деньги страны нахождения преступника. Наибольшее распространения в указанном качестве получили «криптовалюты», такие как «Ethereum», «Ripple», «Litecoin», «Tronix», «Bitcoin», «EOS» и др.

Отмеченные тенденции ставят перед уголовно-правовой наукой, законодателем и правоприменителем новые задачи в части повышения эффективности реагирования на современные угрозы и вызовы со стороны преступности с учетом необходимости защиты прав и законных интересов личности, соблюдения необходимого баланса частных и публичных интересов [2. С. 361–375].

Это касается как разработки научно обоснованных оснований и условий уголовной ответственности за совершение рассматриваемой категории преступлений [3. С. 108–119], так и определения механизмов внедрения современных информационных технологий в уголовно-юрисдикционную деятельность [4; 5. С. 7–12], что позволит правоохранительным органам своевременно противостоять угрозам и вызовам цифровой реальности [6. С. 5–13; 7. С. 5–13].

Тенденции использования криптовалюты и криптокошельков при совершении преступлений

Мы оставим за рамками нашей работы научный анализ проведенных ранее исследований в части многообразия технического исполнения криптовалют, а также совокупности правовых норм, регулирующих общественные отношения относительно их выпуска и использования [8]. Для цели нашей статьи считаем применимым определение данного экономико-правового явления через его атрибуты, а именно: децентрализованно выпускаемые относительно анонимные электронно-цифровые средства платежа, основанные на криптографических методах шифрования информации, экзистенция которых завязана на компьютерном коде, имеющие определенную востребованную среди пользователей стоимость и высокую волатильность, а также возможность конвертации в денежное выражение посредством биржевых механизмов [9. С. 10–13].

В настоящее время с использованием цифровых технологий (виртуальных валют, виртуальных активов, токенов и других видов криптовалюты) совершаются различные преступления: кликджекинг, фишинг, отмывание денежных средств; покупка запрещенных к легальному обороту товаров и др. Тем не менее в уголовном законодательстве отсутствует ответственность за приобретение, владение и использование гражданами цифровой валюты [2. С. 352–361; 10. С. 51–55; 11. С. 503–507].

Проведенный анализ зарубежного законодательства свидетельствует о том, что значительное число инициатив в области защиты прав и законных интересов личности касается в основном внешних форм выражения криптоотношений и стремления государств обеспечить безопасность в данной сфере уголовно-правовыми средствами [12. С. 182–185; 13. С. 93–99].

В соответствии со сложившимися в России доктринальными воззрениями, в процессе противоправной деятельности криптовалюты могут выступать как предмет преступления, а также средство достижения преступного результата [14. С. 411; 15. С. 28–31; 16. С. 38; 17. С. 15–22; 18. С. 8–11].

В данном контексте следует согласиться с рядом ученых в том, что широкое внедрение высоких технологий в незаконную деятельность повлекло модернизацию традиционного подхода к «средствам совершения преступления» как объектам материального мира, отнеся к таковым и программные продукты, в том числе и криптовалюты [19. С. 52, 64; 20. С. 201–203].

Правомерность указанной позиции подтверждает и актуальная отечественная судебная практика. Так, при использовании криптовалюты для расчетов в преступлениях, связанных с финансированием терроризма или сбытом наркотических средств, она является средством совершения преступления, обуславливающим наступление соответствующего преступного результата².

В случаях же, когда на общественные отношения в сфере легального финансово-экономического оборота воздействуют путем легализации и/или отмывания финансовых средств через криптовалюты, их денежный эквивалент будет являться предметом преступления, на что указал Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума № 32 от 7 июля 2015 г.³

В преступлениях против отношений собственности (например, хищении) криптовалюта в силу своей «имущественной ценности» также является предметом преступления – «иным имуществом» по смыслу ст. 128 ГК РФ, что регулярно отмечают суды при рассмотрении уголовных дел данной категории⁴.

Как следует из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 115 УПК РФ и п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УПК РФ, процессуальным средством обеспечения возможности конфискации криптовалюты, использованной в качестве средства совершения преступления, а также возмещения потерпевшему / гражданскому истцу имущественного вреда, является возможность ее ареста, принятие мер для наложения которого прямо предписывается лицу, ведущему производство по уголовному делу в ч. 1 ст. 160.1 УПК РФ [21. С. 76–85; 22. С. 85–92].

Однако, учитывая специфику электронно-цифровой формы экзистенции валюты, созданной посредством системы блокчейн, в доктрине и практике уголовного судопроизводства возникает вопрос об адекватности ей института уголовно-процессуального ареста и процедур его реализации [16. С. 41]. Указанный вопрос особенно актуален, ввиду того что данный институт, имея обеспечительный характер, в то же время сохраняет свойство меры процессуального принуждения, в связи с чем отсутствие эффективных и прозрачных механизмов его применения может негативно сказаться на правах участников с обеих «сторон» уголовного судопроизводства.

Исходя из используемого нами в настоящей работе определения криптовалют, очевидно, что, так как программный код не может существовать сам по себе, владельцы цифровых платежных инструментов используют так называемые криптокошельки, т.е. индивидуализированные криптографически защищенные хранилища, позволяющие аккумулировать криптовалюту и осуществлять с ней рыночные операции.

Имеется несколько видов криптокошельков, которые принято классифицировать по основанию наличия/отсутствия подключения к глобальной сети Интернет на «холодные» и «горячие». Данным классификационным критерием обуславливаются и процессуальные особенности наложения ареста на цифровые активы, поэтому считаем возможным подчинить ему и структуру настоящего исследования.

Холодные кошельки подразделяются на десктопные, в которых хранилищем выступает жесткий диск персонального компьютера, и аппаратные, представляющие собой портативное устройство (часто флеш-накопитель), защищенное уникальным PIN-кодом [23. С. 87–88; 24. С. 99].

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что чаще всего арест «холодных» кошельков производится в классическом порядке, предусмотренном

ст. 115 и 165 УПК РФ, когда суд выносит решение о наложении ареста на основании постановления о возбуждении перед ним соответствующего ходатайства лицом, ведущим производство по уголовному делу.

Судебная практика и перспективные направления совершенствования уголовно-процессуальных механизмов наложения ареста на криптовалюту

Уголовно-процессуальная доктрина, в виду отсутствия императивных предписаний, на данный момент не пришла к единому мнению по поводу того, какая степень конкретизации арестовываемого имущества в судебном акте необходима при наложении ареста на криптовалюту. Отдельные процессуалисты считают, что достаточно лишь индивидуализации материальной формы изымаемого «холодного» кошелька [16. С. 60–62]. Такого подхода в ряде случаев придерживается и судебная практика, например индивидуализируя арестованное имущество, как «USB FlashDrive с криптовалютой»⁵.

Иные же авторы указывают, что, исходя из сущности института уголовно-процессуального ареста, в судебном решении должны быть указаны: цифровые идентификаторы криптокошелька (его адрес и наименование), конкретный вид криптовалюты и ее количество, определенное числовыми значениями, содержащимися на криптокошельке [25. С. 31; 26. С. 9].

Отмеченный способ индивидуализации арестованного имущества применил, например, Златоусский городской суд Челябинской области в приговоре от 22 мая 2023 г. по делу № 1324/2023, в котором постановил: «Сохранить арест в целях исполнения приговора в части взыскания штрафа на следующее имущество Н.Х.: цифровую валюту (криптовалюты) биткоин в количестве (сумме) 1.64236258 btc, находящиеся на [адрес криптовалютного кошелька] на аппаратном кошельке, принадлежащем Н.Х.»⁶. Однако, на наш взгляд, такой подход недостаточен для надлежащего обеспечения прав лица – владельца арестовываемых цифровых активов.

В соответствии с обеспечительным характером уголовного-процессуального ареста, стоимость криптовалюты, на которую налагается арест, должен быть соразмерным возможным имущественным взысканиям, на что указал Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 1 июня 2017 г. № 19⁷.

Применительно к делам о легализации доходов, полученных преступным путем, Верховный Суд Российской Федерации в абз. 4 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 разъяснил, что для наложения ареста на криптовалюту необходимо установление ее рублевого эквивалента посредством проведения соответствующей экспертизы.

Таким образом, определение денежной стоимости криптовалюты при ее аресте является гарантией от необоснованного ограничения имущественных прав владельца криптовалюты в размере сверх достаточного для исполнения гражданского иска и иных имущественных взысканий по уголовному делу.

При этом, по нашему мнению, учитывая оперативный и обеспечительный характер наложения ареста,

баланс интересов участников уголовного судопроизводства может быть обеспечен определением стоимости криптовалюты посредством открытых ресурсов, таких как Blockchain.com, который уже известен в отечественной правоприменительной практике⁸.

Актуальность предлагаемого подхода подтверждает практика европейских юрисдикций. К примеру, в Северной Македонии, разрешая ходатайство прокурора о наложении ареста на криптокошелек, суд в соответствии с положениями ст. 202 УПК этой страны должен установить денежный эквивалент находящейся на нем криптовалюты.

Впрочем, вышеуказанный порядок наложения ареста на цифровые активы возможен исключительно в случаях, когда у правоохранительных органов есть доступ к арестовываемому криптокошельку, что нередко предполагает активное содействие его владельца, который сообщает сотрудникам полиции PIN-код.

Ввиду того что технические инструменты для эффективного «взлома» холодных криптокошельков в распоряжении правоохранителей чаще всего отсутствуют, как в отечественной, так и в зарубежной практике остро стоит вопрос о том, каким образом возможно стимулировать владельцев цифровых активов к сотрудничеству.

Следует согласиться с рядом исследователей [16. С. 69; 24. С. 101–102] в том, что принуждение к предоставлению паролей от криптокошелька противоречит привилегии против самоизобличения, установленной ст. 51 Основного закона в том смысле, который ей придает Конституционный Суд Российской Федерации⁹.

На основе анализа зарубежного опыта некоторые авторы предлагают обойти данную привилегию посредством криминализации сокрытия пароля от криптовалютного кошелька, на который наложен арест постановлением суда, от лиц, ведущих производство по уголовному делу, путем включения таких действий в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ. Так, уголовная ответственность за непредоставление пароля к криптокошельку установлена законодательством Индии, США, ЮАР, Австралии и других стран [16. С. 70].

В контексте криминализации небезынтересна и позиция, высказанная на страницах юридической литературы, о целесообразности дополнения главы 28 УК РФ составом преступления, объективную сторону которого будут образовывать действия по отказу от предоставления правоохранительным органам инструментов для дешифровки данных, заведомо использовавшихся для совершения запрещенных уголовным законом деяний [19. С. 87], что вполне можно экстраполировать и на отказ в предоставлении доступа к криптовалютному кошельку.

На наш взгляд, преодоление неспособности правоохранительных органов получить ту или иную информацию в уголовном судопроизводстве с использованием метода криминализации не является целью, оправдывающей отступление от установленного ст. 2 Конституции Российской Федерации примата прав и свобод человека. Следовательно, криминализация вы-

шеописанных действий представляет опасность использования такого прецедента для дальнейшего умаления привилегии против самоизобличения. В связи с этим считаем, что побуждать владельца криптокошелька к раскрытию паролей от него надлежит путем «уголовно-процессуального поощрения».

В отечественной правоприменительной практике известны случаи, когда владелец криптокошелька в рамках следственного действия (следственный эксперимент) предусмотренного ст. 181 УПК РФ, под контролем со стороны правоохранительных органов осуществляет вход в свой криптокошелек, после чего производит конвертацию содержащихся в нем цифровых активов в фиатные денежные средства (рубли) посредством одной из сетевых обменных площадок. Далее арест накладывается уже на обычные денежные средства в ординарном порядке, закрепленном в ст. 115 УПК РФ. Сходным образом осуществляется процессуальное действие – «конвертация» криптовалюты, имеющее место в процессе наложения ареста на цифровые активы в Республике Беларусь [16. С. 43; 23. С. 88]. С данной последовательностью действий согласны ученые-исследователи, которые вносят уточнение, что аресту обменных денежных средств должна предшествовать их выемка [27. С. 56–57, 67].

Такого рода содействие рассматривается в качестве элемента досудебного соглашения о сотрудничестве в виде «активного способствования расследованию преступления», что влечет за собой назначение наказания с применением ч. 2 ст. 62 УК РФ, что подтверждается судебной практикой¹⁰. Подобные подходы с выдачей паролей от криптокошельков как условия соглашений о признании вины существуют и в США.

На наш взгляд, рассмотренные способы процессуального оформления ареста и побуждения владельцев аппаратных и десктопных криптокошельков к предоставлению доступа к ним являются наиболее рациональными с точки зрения обеспечения баланса прав заинтересованных участников уголовного судопроизводства и подлежат повсеместному использованию в правоприменительной практике.

Кроме вышеописанных «холодных» криптокошельков, выделяются еще и «горячие», имеющие связь с сетью Интернет, которые в свою очередь подразделяются на «централизованные», находящиеся на криптовалютной бирже-посреднике, осуществляющей идентификацию держателя, и децентрализованные, где отсутствует биржа, хранящая данные о владельце кошелька.

В случае с централизованными криптокошельками, наложение ареста возможно также путем направления соответствующего запроса бирже. Существует ряд криптовалютных бирж, таких как Coinbase, CryptoLocator, EXMO, Binance, пользователи которых предусматривают возможность раскрытия персональных данных владельцев криптокошельков, а также ограничения доступа к виртуальным кошелькам по запросу компетентных органов государств с целью их дальнейшего ареста и изъятия [25. С. 36–54].

Для исполнения такого запроса указанными биржами предусмотрен ряд требований. Так, общим для всех бирж будет условие о судебном санкционировании ареста криптовалюты в запрашивающем государстве, при этом сам запрос направляется непосредственно оператору соответствующего сервиса, минуя компетентные органы страны ее нахождения. В итоге взаимодействие с упоминаемыми площадками подчиняется не нормам права той или иной юрисдикции, а правилам направления запросов соответствующей организации. К примеру, Binance кроме заверенной копии решения суда требует предоставлять известные правоохранительным органам идентификаторы кошельков и транзакций, которые вовлечены в преступную деятельность [28. Р. 30–31].

Таким образом, подобный запрос отличается как по массиву нормативного регулирования, так и по процедурному исполнению от официальных межгосударственных запросов о взаимной правовой помощи по уголовным делам, предусмотренным ст. 453 УПК РФ. Он представляет собой, скорее, форму функциональной реализации решения суда о наложении ареста на криптоактивы.

Отдельно следует отметить, что, хотя криптовалютные биржи подчеркнуто дистанцированы от каких бы то ни было юрисдикций, в отношении ЕХМО и Binance известны места их регистрации: Республика Литва, чем детерминирована вероятная невозможность получения от них помощи российским правоохранительным органам ввиду сложившихся геополитических реалий. Например, ЕХМО ввело дискриминационную политику в отношении пользователей с вновь присоединенных территорий, Севастополя и Крыма [25. С. 54]. Использование же взаимодействия с децентрализованными криптобиржами малоперспективно для любых стран.

На наш взгляд, для наилучшего обеспечения прав потерпевших от преступлений необходимо организовать на базе международных организаций с союзными государствами (ШОС, БРИКС, СНГ) процессуальные механизмы понуждения к исполнению решений судов об аресте криптовалюты для централизованных бирж – резидентов таких государств.

В этом контексте небезынтересно отметить положительный опыт стран, объединенных Европейской конвенцией по киберпреступности, подписанной в Будапеште в 2001 г., взаимосвязанные положения ст. 1с и 18 которой предоставляют возможность государствам, ратифицировавшим Конвенцию, принуждать с помощью компетентных органов другого государства – члена Конвенции, находящиеся на его территории

криптовалютные биржи к исполнению решений своих судебных органов¹¹. Более того, внутреннее законодательство многих европейских государств исходит из наличия такой возможности.

Так, в соответствии со ст. 502–506 УПК Республики Словения, прокурор может обратиться в суд с ходатайством о направлении судебного запроса криптовалютной бирже об аресте или реализации электронно-цифровых активов на конкретном криптокошельке, с последующим направлением вырученных от продажи денежных средств (в евро) на специальный государственный «счет судебных депозитов». Кроме того, дополнительной гарантией обеспечения имущественных прав владельца цифровой валюты в Республике Словения является возможность самостоятельного инициирования им процесса выдачи судом постановления о принудительной продаже криптовалюты с арестованного криптокошелька в случае, если ввиду высокой волатильности той или иной криптовалюты существует риск существенной потери ее стоимости во время ареста.

Выводы

В качестве итога настоящего исследования мы можем выделить предложения, направленные на повышение процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на цифровые активы, а именно:

а) необходимость максимальной конкретизации арестовываемых цифровых активов в судебных постановлениях с обязательным указанием их рублевого эквивалента;

б) отказ от потенциального использования уголовно-правового запрета в качестве механизма побуждения владельца криптокошелька к раскрытию правоохранительным органам его PIN-кода в пользу широкого использования его добровольного раскрытия как элемента досудебных соглашений о сотрудничестве;

в) создание на основе международных площадок процессуальных механизмов для понуждения к исполнению решений судов об аресте криптовалюты для централизованных криптовалютных бирж – резидентов дружественных государств.

Комплексная реализация данных положений, на наш взгляд, позволит обеспечить баланс как между защитой прав и законных интересов как потерпевших от преступлений, так и необходимостью предоставления гарантий от необоснованного ограничения прав лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

Примечания

¹ Статистика приведена с сайта МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/2/> (дата обращения: 28.10.2024).

² См. например, кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2024 г. по делу № 77-1548/2024.

³ Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июня 2015 г. № 32 (ред. от 26 февраля 2019 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

⁴ См., например, кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2023 г. по делу № 77-1296/2023; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июня 2024 г. № 77-1995/2024.

⁵ См., например, Приговор Братского районного суда Иркутской области от 21 февраля 2022 г. по делу № 1-7/2022.

⁶ Аналогичного подхода придерживается, например, Дзержинский районный суд города Перми в приговоре от 21 февраля 2023 г. по делу № 1-8/2023.

⁷ Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

⁸ См., например, апелляционное Постановление Московского городского суда от 2 ноября 2022 г. № 10-23299/2022; приговор Кировского районного суда города Казани от 20 мая 2022 г. по делу № 1-7/2022.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2012 г. № 1818-О и Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П распространяют привилегию против сомозобличения на предоставление доказательств собственной виновности.

¹⁰ См., например, приговор Октябрьского районного суда города Кирова от 19 июля 2024 г. по делу № 1-263/2024; приговор Центрального районного суда города Новосибирска от 13 сентября 2022 г. по делу № 1-153/2022.

¹¹ Конвенция о компьютерных преступлениях. Будапешт, 23 ноября 2001 г. URL: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 05.09.2024).

Список источников

1. Момотов В.В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 2. С. 112–123.
2. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования / под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. М.: Норма: ИЗиСП, 2022.
3. Бессонов А.А. Проблемные вопросы установления признаков организованной группы по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 1. С. 108–119.
4. Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А. и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации. М., 2019. 211 с.
5. Грибунов О.П., Усачев С.И., Усачева Е.А. Криптовалюта и иные виртуальные активы как феномен современной преступности: проблемы раскрытия, расследования и предупреждения // Российский следователь. 2024. № 4. С. 7–12.
6. Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 5–13.
7. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.
8. Кучеров И.И. Криптовалюта (идеи правовой идентификации и легитимизации альтернативных платежных средств). М.: ЮрИнфоР, 2018. 203 с.
9. Перов В.А. О криминалистической методике выявления преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, и расследовании соответствующих уголовных дел // Российский следователь. 2020. № 12. С. 10–13.
10. Лопатина Т.М. Криптовалюта как объективный признак состава легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем // Российский следователь. 2022. № 2. С. 51–55.
11. Печегин Д.А. Уголовно-правовые средства обеспечения экономической безопасности в условиях внедрения новых технологий (на примере легализации (отмывания) денежных средств) // Конституция и модернизация законодательства: материалы XV Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / А.А. Капустин, И.И. Кучеров, С.А. Синицын, А.И. Ковлер, Ю.Н. Кашеварова и др.; пред. ред. кол. Т.Я. Хабриева. М.: ИЗиСП, 2020. С. 503–507.
12. Зайцев О.А., Печегин Д.А. Обеспечение криптобезопасности уголовно-правовыми средствами: опыт зарубежных стран // Университетские правовые диалоги «Право цифровой среды»: материалы Международной научно-практической конференции, 27–28 марта 2020 г. / под ред. Е.В. Титовой. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. С. 182–185.
13. Зайцев О.А., Печегин Д.А. Уголовно-правовые средства защиты валютно-денежной системы государства в условиях цифровизации: опыт Германии // Уголовная политика в области обеспечения экономической безопасности: вызовы и угрозы: сб. материалов Междунар. круглого стола (Москва, 30 ноября 2021 г.) / отв. ред. О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: Юриспруденция, 2021. С. 93–99.
14. Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 408–415.
15. Долгиева М.М. Криптовалюта как предмет, орудие и средство совершения преступления // Законность. 2019. № 2. С. 28–31.
16. Тутынин И.Б., Химичева О.В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты. М.: Юрлитинформ, 2022. 144 с.
17. Хиллота В.В. Цифровые права как предмет хищения // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2020. № 5. С. 15–22.
18. Сидоренко Э.Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 8–11.
19. Зиновьева Н.С. Компьютерная информация, преобразованная методами криптографии, в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 207 с.
20. Лапин С.А., Поляков В.В. Программное обеспечение как средство совершения компьютерных преступлений // Ползуновский альманах. 2016. № 2. С. 201–203.
21. Камчатов К.В. Криптовалюта как предмет преступления и средство обеспечения иска в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2023. № 1. С. 76–85.
22. Ключников А.Ю. Криптовалюта как предмет обеспечения по уголовному делу // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 85–92.
23. Зайцев В.П. Наложение ареста на криптовалюты в уголовном процессе Республики Беларусь: кратко о главном // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1. С. 87–88.
24. Луданина А.В. Наложение ареста на криптовалютные активы в уголовном процессе Российской Федерации: возможные пути развития // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 6. С. 99.
25. Кузнецов Д.В. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические вопросы выявления и расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют и других виртуальных активов. Казань, 2022. С. 31, 36–54.
26. Литвишко П.А. Юрисдикционные и международно-правовые аспекты обеспечительных и конфискационных мер в отношении виртуальных активов // Законность. 2021. № 3. С. 8–14.
27. Гаврилов Ю.В., Бендеров И.С. Установление владельцев криптовалютных кошельков при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств: учеб. пособие. М., 2022.
28. Handbook for dealing with virtual currencies in criminal proceedings. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). 2022. URL: <https://www.osce.org/mission-to-skopje/522754> (дата обращения: 01.09.2024).

References

1. Momotov, V.V. (2023) Prostranstvo prava i vlast' tekhnologiy v zerkale sudebnoy praktiki: sovremennyy vzglyad [The space of law and the power of technology in the mirror of judicial practice: a modern view]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2 (27). pp. 112–123.
2. Kucheroval, I.I. & Sinitsyna, S.A. (eds) (2022) *Tsifrovaya ekonomika: aktual'nye napravleniya pravovogo regulirovaniya* [Digital Economy: Current areas of legal regulation]. Moscow: Norma: IZiSP.
3. Bessonov, A.A. (2024) Problemnye voprosy ustanovleniya priznakov organizovannoy gruppy po prestupleniyam, sovershennym s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy [Problematic issues of establishing signs of an organized group for crimes committed using information and telecommunication technologies]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1 (28). pp. 108–119.
4. Golovanova, N.A. et al. (2019) *Ugolovno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii* [Criminal-Jurisdictional Activity in the Context of Digitalization]. Moscow: Kontrakt.
5. Gribunov, O.P., Usachev, S.I. & Usacheva, E.A. (2024) Kriptovalyuta i inye virtual'nye aktivy kak fenomen sovremennoy prestupnosti: problemy raskrytiya, rassledovaniya i preduprezhdeniya [Cryptocurrency and other virtual assets as a phenomenon of modern crime: problems of detection, investigation and prevention]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 4. pp. 7–12.

6. Khabrieva, T.Ya. (2015) Sovremennoe pravotvorchestvo i zadachi yuridicheskoy nauki [Modern lawmaking and tasks of legal science]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 8. pp. 5–13.
7. Pashentsev, D.A. (2019) Rossiyskaya zakonotvorcheskaya traditsiya pered vyzovom tsifrovizatsii [Russian legislative tradition facing the challenge of digitalization]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2. pp. 5–13.
8. Kucharov, I.I. (2018) Kriptovalyuta (idei pravovoy identifikatsii i legitimizatsii al'ternativnykh platezhnykh sredstv) [Cryptocurrency (Ideas of legal identification and legitimization of alternative means of payment)]. Moscow: YurInfoR.
9. Perov, V.A. (2020) O kriminalisticheskoy metodike vyavleniya prestupleniy, sovershaemykh s ispol'zovaniem kriptovalyuty, i rassledovanii sootvetstvuyushchikh ugovolnykh del [On the forensic methodology for identifying crimes committed using cryptocurrency and investigating the corresponding criminal cases]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 12. pp. 10–13.
10. Lopatina, T.M. (2022) Kriptovalyuta kak ob'ektivnyy priznak sostava legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, dobytogo prestupnym putem [Cryptocurrency as an objective sign of the legalization (laundering) of funds or other property obtained by criminal means]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 2. pp. 51–55.
11. Pechegin, D.A. (2020) [Criminal-legal means of ensuring economic security in the context of the introduction of new technologies (on the example of legalization (laundering) of funds)]. *Konstitutsiya i modernizatsiya zakonodatel'stva* [Constitution and Modernization of Legislation]. Proceedings of the 15th International Practical School for Early Career Researchers. Moscow. 27 May – 5 June 2020. Moscow: IZiSP. pp. 503–507. (In Russian).
12. Zaytsev, O.A. & Pechegin, D.A. (2020) [Ensuring cryptosecurity by criminal law means: experience of foreign countries]. *Universitetskie pravovye dialogi «Pravo tsifrovoy sredy»* [Law of the Digital Environment. University legal dialogues]. Proceedings of the International Conference. 27–28 March 2020. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 182–185. (In Russian).
13. Zaytsev, O.A. & Pechegin, D.A. (2021) [Criminal-legal means of protecting the state's monetary system in the context of digitalization: the experience of Germany]. *Ugolovnaya politika v oblasti obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti: vyzovy i ugrozy* [Criminal Policy in the Field of Ensuring Economic Security: Challenges and threats]. Proceedings of the International Round Table. Moscow. 30 November 2021. Moscow: Yurisprudentsiya. pp. 93–99. (In Russian).
14. Korennaya, A.A. & Tydykova, N.V. (2019) Kriptovalyuta kak predmet i sredstvo soversheniya prestupleniy [Cryptocurrency as an object and means of committing crimes]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 3. pp. 408–415.
15. Dolgieva, M.M. (2019) Kriptovalyuta kak predmet, orudie i sredstvo soversheniya prestupleniya [Cryptocurrency as an object, instrument and means of committing a crime]. *Zakonnost'*. 2. pp. 28–31.
16. Tutynin, I.B. & Khimicheva, O.V. (2022) *Primenenie mer ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya pri rassledovanii prestupleniy, sovershennykh s ispol'zovaniem kriptovalyuty* [Application of Measures of Criminal Procedural Coercion in the Investigation of Crimes Committed Using Cryptocurrency]. Moscow: YurLitinform.
17. Khilyuta, V.V. (2020) Tsifrovye prava kak predmet khishcheniya [Digital rights as a subject of theft]. *Vestnik Universiteta prokuratury RF*. 5. pp. 15–22.
18. Sidorenko, E.L. (2016) Kriminal'noe ispol'zovanie kriptovalyuty: mezhdunarodnye otsenki [Criminal use of cryptocurrency: international assessments]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 6. pp. 8–11.
19. Zinov'eva, N.S. (2021) *Komp'yuternaya informatsiya, preobrazovannaya metodami kriptografii, v raskrytii i rassledovanii prestupleniy* [Computer information transformed by cryptographic methods in the detection and investigation of crimes]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
20. Lapin, S.A. & Polyakov, V.V. (2016) Programmnnoe obespechenie kak sredstvo soversheniya komp'yuternykh prestupleniy [Software as a means of committing computer crimes]. *Polzunovskiy al'monakh*. 2. pp. 201–203.
21. Kamchatov, K.V. (2023) Kriptovalyuta kak predmet prestupleniya i sredstvo obespecheniya iska v ugovolnom protsesse [Cryptocurrency as a subject of a crime and a means of securing a claim in criminal proceedings]. *Ugolovnyy protsess*. 1. pp. 76–85.
22. Klyuchnikov, A.Yu. (2018) Kriptovalyuta kak predmet obespecheniya po ugovolnomu delu [Cryptocurrency as an object of security in a criminal case]. *Ugolovnyy protsess*. 6. pp. 85–92.
23. Zaytsev, V.P. (2020) Nalozhenie aresta na kriptovalyuty v ugovolnom protsesse Respubliki Belarus': korotko o glavnom [Seizure of cryptocurrencies in criminal proceedings of the Republic of Belarus: briefly about the main thing]. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*. 1. pp. 87–88.
24. Ludanina, A.V. (2023) Nalozhenie aresta na kriptovalyutnye aktivy v ugovolnom protsesse Rossiyskoy Federatsii: vozmozhnye puti razvitiya [Seizure of cryptocurrency assets in criminal proceedings of the Russian Federation: possible development paths]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 6. pp. 95–104.
25. Kuznetsov, D.V. (2022) Ugolovno-protsessual'nye i organizatsionno-takticheskie voprosy vyavleniya i rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s ispol'zovaniem kriptovalyut i drugih virtual'nykh aktivov [Criminal Procedural and Organizational-Tactical Issues of Identifying and Investigating Crimes Related to the Use of Cryptocurrencies and Other Virtual Assets]. Kazan: Kazan Law Institute of MIA Russia. pp. 31, 36–54.
26. Litvishko, P.A. (2021) *Yurisdiktsionnye i mezhdunarodno-pravovye aspekty obespechitel'nykh i konfiskatsionnykh mer v otnoshenii virtual'nykh aktivov* [Jurisdictional and international legal aspects of security and confiscation measures in relation to virtual assets]. *Zakonnost'*. 3. pp. 8–14.
27. Gavrilov, Yu.V. & Benderov, I.S. (2022) *Ustanovlenie vladel'tsev kriptovalyutnykh koshel'kov pri rassledovanii prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv* [Jurisdictional and International Legal Aspects of Security and Confiscation Measures in Relation to Virtual Assets]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
28. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). (2022) *Handbook for dealing with virtual currencies in criminal proceedings*. [Online] Available from: <https://www.osce.org/mission-to-skopje/522754> (Accessed: 1.09.2024).

Информация об авторах:

Зайцев О.А. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: oleg010663@mail.ru

Смирнов В.Е. – аспирант Центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: smirnowvladimir33@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.A. Zaitsev, Dr. Sci. (Law), chief research fellow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: oleg010663@mail.ru

V.E. Smirnov, postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: smirnowvladimir33@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024;
одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 22.11.2024;
approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 342.51
doi: 10.17223/15617793/510/25

Состояние и перспективы внедрения цифровых технологий в судебную практику

Олег Анатольевич Степанов¹, Денис Анатольевич Басангов²

^{1, 2} Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ o_stepanov28@mail.ru

² d_basang@mail.ru

Аннотация. На основе проведенного анализа состояния и перспектив внедрения цифровых технологий в судебную практику, а также возможных рисков применения искусственного интеллекта в судебной деятельности авторы делают вывод о наличии объективных пределов цифровизации судебной деятельности, а также о необходимости повышения уровня цифровой грамотности населения, позволяющего человеку с пониманием (осознанно) подходить к использованию цифровых технологий при реализации мер защиты своих прав и законных интересов.

Ключевые слова: судебная практика, цифровые технологии, искусственный интеллект, риски внедрения, пределы цифровизации, цифровая грамотность

Для цитирования: Степанов О.А., Басангов Д.А. Состояние и перспективы внедрения цифровых технологий в судебную практику // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 226–233. doi: 10.17223/15617793/510/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/25

The state and prospects of implementing digital technologies in judicial practice

Oleg A. Stepanov¹, Denis A. Basangov²

^{1, 2} Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

¹ o_stepanov28@mail.ru

² d_basang@mail.ru

Abstract. The use of digital technologies in judicial practice is a natural result of the digitalization of society. This is due to the increasing role of the court in maintaining the balance between the individual, society and the state, and the fact that improving the quality of judicial decisions by using the potential of digitalization should be considered as a factor influencing the formation of such a balance. The problems of using digital technologies, including artificial intelligence, arising in the course of judicial proceedings both in the Russian Federation and in foreign countries are analyzed. The processes of digitalization affecting judicial proceedings are studied; statistical data of the Supreme Court of the Russian Federation confirming the annual increase in judicial workload are given; the validity of priority formation in approaches to the modernization of the judicial system and the development of digital technologies in judicial activity is analyzed. The authors substantiate the conclusion about the possibility of platform transition to the implementation of digital court proceedings, which is most capable of ensuring a cumulative effect and rearing strategic goals in the use of AI in judicial practice. The use of digital technologies makes it possible to reduce the judicial workload when performing routine activities (information and documentary, expert-analytical, linguistic and translation) and organizational support of court proceedings. The use of digital algorithms will allow the judge to instantly obtain the necessary analytical information and avoid violations in the formation of uniform judicial practice. The analytical results of the use of digital technologies in foreign judicial practice (UK, Kazakhstan, China) show that their use in court proceedings contributes to ensuring impartiality, incorruptibility, strict adherence to the provisions of the law, speed of fulfilment of tasks in 24/7 mode, ability to choose the best solution from a large amount of information. The authors analyze the emergence of risks associated with the possibility of ignoring the factual circumstances of a court case, which arise from the decision-making model embedded in the algorithms of artificial intelligence. The consequence of such risks is a deviation from the principles of adversarial, direct and free evaluation of evidence, which will result in the implementation of formal justice. As a conclusion in the study, the authors point out that the use by judges of the results of the implementation of artificial intelligence implies an in-depth study of the tasks related to the participation of generative AI in the judicial process as a subject, developing and asking questions, keeping (drawing up) the minutes of the court session, as well as maintaining the confidentiality of personal data of the participants in the proceedings when working with AI.

Keywords: judicial practice, digital technologies, artificial intelligence, risks of implementation, limits of digitalization, digital literacy

For citation: Stepanov, O.A. & Basangov, D.A. (2025) The state and prospects of implementing digital technologies in judicial practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 226–233. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/25

Внедрение цифровых технологий все больше затрагивает профессиональную юридическую деятельность, в частности сферу судопроизводства. Это делает актуальным анализ проблемы, связанной с осуществлением судебной деятельности по защите и восстановлению прав граждан в условиях цифровизации.

Первые результаты изучения данной проблемы были опубликованы авторами в 2022 г. в статье «О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство» в Вестнике Томского государственного университета (№ 475), в которой были освещены отдельные стороны использования искусственного интеллекта (ИИ) в рассматриваемой сфере общественной практики [1].

Важно представлять, что «цифровые приобретения» судебной власти, позволяющие повысить доступность и оперативность ее действий, предполагают необходимость дальнейшего осмысления технологической эффективности ее устройства в целях обеспечения справедливого правосудия.

На X Всероссийском съезде судей 29 ноября 2022 г. были продемонстрированы следующие данные, отражающие рост судебной нагрузки, связанной с количеством дел, рассмотренных судами: в 2001 г. – 8,5 млн; в 2011 г. – 20 млн; в 2021 г. – 39,2 млн. Согласно этим данным, каждые 10 лет в России в два и более раза отмечалось увеличение количества дел, рассматриваемых судами [2].

Следует отметить, что за последнее десятилетие, начиная с 2012 г., число судей на 100 тыс. населения в России уменьшилось более чем на 30%, а 62% работников аппаратов судов, численность которых с 2014 г. практически не менялась, перерабатывают вдвое при рассмотрении уголовных дел и связанных с ними жалоб, ходатайств и пр. [3].

В 2023 г. международной организацией World Justice Project был опубликован ежегодный рейтинг верховенства права в различных странах, в котором за год Россия опустилась на шесть позиций и заняла 113-е место из 142 (на 112-м в этом рейтинге находится Либерия, на 114-м – Мадагаскар) [4].

Согласно оценкам Всероссийского центра изучения общественного мнения, сделанным в том же 2023 г., по уровню доверия населения России к ключевым общественным и государственным институтам судебная система заняла лишь шестую позицию из восьми (на пятой – Общественная палата, на седьмой – профсоюзы) [5].

Реализуемые в настоящее время Верховным Судом РФ меры по использованию в судебной практике цифровых технологий направлены на совершенствование не только судоустройства, судопроизводства, но и правового статуса судей. Это вызвано возрастающей ролью суда в сохранении баланса между человеком, обществом и государством, на поддержание которого может влиять использование потенциала ИИ.

Т.Я. Хабриева справедливо указывает, что цифровые технологии способны менять образ права, влиять

на его регулятивный потенциал и эффективность, открывать дорогу или блокировать его действие в новых измерениях социальной реальности [6. С. 15].

С учетом этого дальнейшее развитие судебной деятельности в Российской Федерации правомерно связывать с внедрением технологий и решений, определенных в ФЦП «Развитие судебной системы», позволяющих улучшить качество, сократить сроки осуществления правосудия и обеспечить эффективное исполнение судебных решений [7].

Достижение таких показателей результативности функционирования судебной системы [8], как улучшение доступности и открытости правосудия, эффективности деятельности участников судебного процесса и судебной деятельности, снижение издержек участников процесса, в том числе суда, а также обеспечение надежности и безопасности информационных систем, связано с цифровизацией ее деятельности.

Использование потенциала систем искусственного интеллекта в судебной практике призвано сделать судью не только более сильным и профессиональным, но и более защищенным в условиях цифровизации общественной практики, снизить не только вероятность ошибок судей [9], но и гарантировать реализацию прав человека в судебном процессе, а также принципов ключевых судопроизводств: законности, независимости судей, доступности правосудия, открытости и гласности, диспозитивности, состязательности и равноправия сторон, разумных сроков судопроизводства.

По мнению Президента России В.В. Путина, судебная система должна быть полностью готова к широкому применению цифровых технологий [10]. При этом глава государства считает, что использование информационных технологий «должно служить не только удобству всех сторон в отправлении правосудия, но и повышению гарантий прав граждан и юридических лиц на качественную, справедливую судебную защиту» [11].

Вполне обоснованной представляется и позиция Председателя Верховного Суда РФ И.Л. Подносковой, которая связывает перспективы обеспечения открытости и доступности судебного производства с его информатизацией и цифровизацией [12]. В своем выступлении на пленарном заседании Форума председателей верховных судов стран БРИКС в июне 2024 г. она заявила, что внедрение цифровых инноваций и элементов ИИ – задача, которая сейчас остро стоит перед судебной системой [13].

Заметим, что в настоящее время в деятельность судов Российской Федерации внедрены (или активно внедряются) следующие технологии:

- электронное правосудие, реализуемое через систему ГАС «Правосудие»;
- электронная система «Мой арбитр»;
- электронная система «Картотека арбитражных дел»;
- электронно-информационная система «Банк решений арбитражных судов»;

– единый суперсервис «Правосудие онлайн» (экспериментальный, пилотный проект, находящийся в апробации).

Поскольку Концепцией технологического развития на период до 2030 г. [14] ИИ и большие данные отнесены к сквозным технологиям, это обуславливает необходимость нормативного осмысления платформенного подхода к их использованию.

В ходе реализации проектов цифровизации судебной деятельности Российской Федерации в настоящее время сформировалась технологическая платформа, основанная на использовании потенциала Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), являющейся территориально распределенной автоматизированной информационной системой, предназначенной для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Ускоренное развитие получают и платформы онлайн-арбитража, значительно снижающие издержки обращения в международные третейские суды и последующего участия в арбитражном разбирательстве, являющиеся действенным инструментом модернизации арбитражного судопроизводства [15. С. 73].

Важно отметить, что количество обращений к portalу ГАС «Правосудие», а также к сайтам федеральных судов общей юрисдикции за три последних года выросло в 16 раз. Количество уникальных личных кабинетов (IP-адресов), с которых был осуществлен доступ на портал ГАС «Правосудие», за этот же период возросло с 16 до 25 млн [16].

Так, за 2023 г. было зафиксировано около 11 млрд обращений пользователей к данной системе. В том же году в электронном виде было рассмотрено и выдано через многофункциональные центры оказания государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» 400 тыс. дел, а с помощью видео-конференц-связи и веб-конференции судами было рассмотрено не менее 600 тыс. дел за год [17].

Внедрение цифровых программных комплексов позволяет в настоящее время регистрировать в автоматическом режиме электронные иски, заявления и иные процессуальные обращения в суд, формировать типовые процессуальные документы на основе имеющейся информации, хранить и обрабатывать электронные процессуальные документы, формировать, хранить и передавать в вышестоящие суды электронные судебные дела, осуществлять ознакомление с ними сторон и иных лиц, имеющих на это право, в режиме онлайн.

Обращают на себя внимание результаты эксперимента на участках мировых судей г. Ижевска, где в 2021 г. началось внедрение программы робота-стеннографа АПК «Нестор. ПРАВОСУДИЕ», который хранит аудио- и видеозаписи, распознает речь участников заседаний и составляет по ней текст протокола судебного заседания [18].

Успешное тестирование этой системы послужило стимулом для продолжения совершенствования этих технических наработок. В частности, сотрудниками

«Мегафон Ритейла» была создана система с использованием ИИ, которая за два месяца применения позволила сократить время подготовки судебного акта на 84%, а время заполнения карточки дела – на 96% [19].

Согласно социологическому опросу, проведенному в конце 2021 г., более 15% российских граждан полностью одобрили вынесение судебного приговора путем использования цифрового алгоритма, 37% – поддержали идею роботов-судей, но предпочли, чтобы их дела рассматривали уполномоченные на то люди, вместе с тем почти 47% настаивали на «живом человеке» в роли судьи [20].

23 апреля 2024 г. заместитель председателя арбитражного суда Московской области А.А. Соловьев, выступая на круглом столе «Цифровизация правосудия и нотариата» в Институте государства и права РАН, обратил внимание участников мероприятия на то, что в 2023 г. Арбитражным судом Московской области с помощью автоматизированной системы подготовки судебных приказов, предназначенной для автоматизации операций, совершаемых с использованием ИИ применительно к спорам с участием пенсионных органов, а также налоговых органов, было вынесено 16 тыс. судебных приказов, что составило 17% от общего количества разрешенных дел, и этот показатель ежегодно увеличивается.

В этой связи важно заметить то, что технологический прогресс постепенно меняет характер общественных отношений и служит драйвером цифровых инноваций, которые обеспечивают социальное развитие в современную эпоху [21. С. 36–40].

Использование ИИ в судебной деятельности призвано не только значительно снизить нагрузку судей и работников аппарата суда, но и повысить защищенность прав и законных интересов личности.

В пункте 20 Указа Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» отмечается, что защита прав и свобод человека относится к одному из основных принципов развития и использования технологий ИИ [22].

По итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, которое состоялось 4 декабря 2023 г., Президент России В.В. Путин порекомендовал Верховному Суду РФ совместно с Генеральной прокуратурой, Следственным комитетом, МВД и Минюстом России проанализировать практику применения технологий ИИ при расследовании преступлений и до 1 июля 2024 г. представить предложения по ее совершенствованию [23].

Выполнение такого поручения в значительной степени ориентировано на реализацию концепции «Государство как платформа» (ГКП), которая была создана в 2017 г. в Центре стратегических разработок Российской Федерации в связи с анализом путей трансформации системы государственного управления [24].

В данной концепции реализация современной модели «государство–личность» связывается с функционированием платформы (пространства), на которой

различные участники правоотношений могут эффективно взаимодействовать друг с другом в рамках осуществления правоохранительной, контрольно-надзорной деятельности и принятия юридически значимых решений.

Такая модель, созданная в соответствии с логикой ГКП в инновационном формате взаимодействия с гражданами и межведомственном взаимодействии правоприменителей на основе реализации функционально распределенного принципа, призвана строиться на базе интегрированных процессов и цифровых технологий (единая система сбора и хранения данных, цифровой инфраструктуры, автоматизированного принятия решений и т.д.), обеспечивающих минимизацию человеческого фактора в рамках организации и исполнения функций органами судебной власти Российской Федерации [25].

Практическое осуществление этой идеи требует разработки нормативной базы, охватывающей не только судебную, но и взаимосвязанную с ней правоохранительную составляющую механизма государства, в целях обеспечения их эффективного взаимодействия путем осуществления информационного обмена в режиме реального времени [26. С. 69–74].

Осмыслению данного процесса может способствовать анализ опыта организации такой деятельности в Китае, Казахстане и других странах, где целесообразность использования технологий ИИ определяется их беспристрастностью, неподкупностью, строгим следованием положениям законодательства, скоростью выполнения поставленных задач в режиме 24/7, способностью выбирать наилучшее решение из большого объема информации.

Так, китайская судебная система в настоящее время функционирует на централизованной цифровой платформе Supreme People Court, обеспечивающей обслуживание больших данных и управление ими. Благодаря алгоритмам обработки таких данных информация на платформе обновляется с пятиминутной периодичностью. Структура платформы предусматривает сбор, управление и хранение персональных данных о работниках судебной системы, конкретных судебных делах и судебных документах, а также сбор, управление и хранение статистической и иной информации о функционировании любого суда, входящего в структуру государственной судебной системы Китая с одновременной проверкой качества данных, осуществлением контроля за ними и обеспечением их доступности пользователям. При этом региональные органы власти и местные народные суды всех инстанций не могут корректировать или иным образом влиять на статистические судебные показатели, передаваемые на платформу. Однако целью этого является не замена «живого судьи» электронным, а снижение уровня коррупции и риска принятия необоснованных решений, поскольку ИИ обучается на большом количестве реальных судебных дел, среди которых есть и такие, в которых были допущены разного рода судебные ошибки. В результате функционирование ИИ в китайской судебной системе позволило сократить среднюю нагрузку на судью в 2021 г. более чем на 33% и сберечь за счет этого за два года 1,7 млрд рабочих часов для

граждан КНР. При этом в течение 2019–2021 гг. было сэкономлено более 45 млрд долл. [27. С. 59–69].

Кроме того, в ходе проведения судебной реформы в Китае одним из продвигаемых принципов стало вынесение «аналогичных решений по аналогичным делам» в целях обеспечения эффективного контроля и надзора за судебной деятельностью, исключения коррупционного фактора, судебных ошибок, личной заинтересованности. Исходя из этого, использование ИИ в судебной деятельности осуществляется по четырем ключевым направлениям, связанным:

- 1) с созданием ИИ-советника судьи (информационно-аналитическая поддержка);
- 2) разработкой ИИ-эксперта, позволяющего принимать обоснованные решения и осуществлять контроль за их исполнением;
- 3) созданием системы автоматизированного исследования судебных решений для разрешения правовых проблем;
- 4) применением ИИ для проведения экспертиз правовых актов [28].

Верховный Суд Казахстана в своей деятельности использует платформу «Цифровая судебная аналитика», которая включает в себя такие модули, как «Умный поиск судебного акта», «Аномальные судебные акты», «Жизненный цикл дела» и ряд других, облегчающих поиск аналогичных по ситуации и смыслу дел, а также выявление «аномальных» судебных актов и др. Программа подсказывает, какое решение, скорее всего, примет суд по иску, что влияет на принятие сторонами решения, касающегося продолжения судебных процедур.

В «Цифровую судебную аналитику» загружено уже более 2 млн итоговых судебных актов по гражданским спорам с 2016 по 2019 г., а также 120 тыс. исков. Этот массив переведен в машиночитаемый текст [29]. В данной программе судьи могут отслеживать решения по сходным делам, что влияет на формирование единообразной судебной практики.

С помощью цифровых технологий формируется прототип smart-помощника судьи. Такая электронная программа ориентирована на подготовку проектов исключительно рутинных судебных актов по более 400 тыс. дел и материалов. Например, данная программа обеспечивает подготовку судебных приказов о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей. С её помощью с марта 2022 г. было зарегистрировано более 8 тыс. соответствующих заявлений [30].

Актуальным представляется использование информационных цифровых технологий, связанное с принятием судом решений при оценке доказательств, исходя из внутреннего убеждения судьи в ходе рассмотрения им гражданских, семейных и налоговых дел, имеющих бесспорный характер. Например, в Великобритании активно применяется интеллектуальная платформа поиска информации в системе больших данных, которая позволяет ускорить процесс и оптимизировать систему представления доказательств суду. Технология блокчейн здесь используется для отслеживания ареста имущества и ценных бумаг, приводов, арестов, судимостей, правонарушений, собственности, что значительно упрощает поиск информации за счет интеграции существующих баз

данных, создавая унифицированную систему для всех документов и форм [31. С. 8].

Вместе тем, как показывает зарубежная практика, весьма актуальным является вопрос, связанный с установлением пределов цифровизации судопроизводства и тех критериев, которым она должна отвечать, в целях реализации идеи осуществления правосудия по канонам законности и справедливости, гарантированности защиты прав лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства.

Известный итальянский процессуалист М. Таруффо, анализируя возможности использования ИИ в принятии судебных решений, отметил, что суждение судьи имеет диалектическую (диалогическую) структуру, которая заключается в том, что между сторонами выстраивается диалог по вопросам права и факта. Такое взаимодействие сторон является основным источником рождения различных гипотез для принятия судьей окончательного решения. Кроме того, диалектичность проявляется в том, что обоснование принимаемого решения может быть рассмотрено как диалог судьи с самим собой. Из аргументов сторон судья выводит или формулирует гипотезу сам, проверяет ее и решает, является она правильной или нет [32. Р. 311–324].

Решения, которые принимает ИИ, обусловлены заложенными в него алгоритмами, построенными на законах формальной логики, которая не позволяет ИИ генерировать гипотезы, не заложенные в алгоритм. Однако логическая модель подготовки судебных решений способна успешно дополнять диалектическую модель, исходя того что технологии ИИ не являются статичными, а постоянно самосовершенствуются и самообучаются, изменяются под воздействием внешних факторов.

Очевидно, что роль ИИ в судебной деятельности будет возрастать. Вместе с тем это не исключает негативные варианты исхода рассмотрения дела, связанные с игнорированием ИИ отдельных значимых обстоятельств, которые могут ограничивать реализацию принципа справедливости в осуществлении правосудия.

При формальном предоставлении равных правовых возможностей для отдельных граждан, их групп и социальных слоев, фактического равенства в положении между ними не усматривается. В этой связи в ходе применения технологии ИИ существуют риски дискриминации человека по различным признакам, могущие оказать влияние на справедливость и равенство в отношении людей. В связи с этим только в ходе судебного разбирательства, осуществляемого в процессуальных рамках, при всесторонней оценке судьей обстоятельств дела, может быть обеспечена надлежащая объективность в отношении участников судебного процесса.

Способность нейронных сетей путем выявления корреляций закреплять, распознавать и классифицировать новые данные в отношении отдельных лиц и их групп, также несет в себе значительные риски. Путем обращения к массивам статистических данных, в зависимости от определенного набора характеристик, ИИ будет искать между ними закономерности, что в рамках рассмотрения конкретного дела может изменить баланс доказательств в сторону обвинения и нарушить принцип презумпции невиновности. Так, при отсутствии у

подозреваемого постоянного места жительства, его половой принадлежности, при последующем соотношении этих данных с видом совершенного преступления, ИИ возможно установление некоторых корреляций, которые будут способны как подтвердить, так и опровергнуть причастность подозреваемого к совершенному преступлению.

Доказательства виновности или невиновности лица не могут быть основаны исключительно на статистических выводах и формально-логическом толковании правовых норм. При использовании технологий ИИ необходима тщательная проверка алгоритмов, которые в ходе применения подвергают оценке такую информацию о субъекте, как пол, раса, этническое происхождение, финансовое состояние, политические взгляды, социальная вовлеченность и т.д.

Неспособность заглянуть внутрь механизмов работы нейронных сетей, понять принципы зарождения решения на базе алгоритмов ИИ, требуют особого внимания к безопасности и качеству результатов работы ИИ. При осуществлении машинного обучения ИИ разработчикам необходимо исключить поступление искаженной и недостоверной информации, проверять ее объективность, обоснованность использования конкретных математических моделей при формировании возможных статистических корреляций.

Так, риск игнорирования важных для дела уникальных фактических обстоятельств вытекает из заложенной в ИИ модели принятия решений. При этом возникает опасность отступления от принципов состязательности, непосредственности и свободной оценки доказательств, результатом которого будет осуществление формального правосудия.

Исходя из этого, рекомендации ИИ, основанные исключительно на статистических данных и расчетах и ставящие от их содержания в зависимость судей и участников процесса, несут в себе значительные риски, что делает необходимым формирование правовых механизмов и критериев, которые в рамках предложенных ИИ рекомендаций и прогнозов будут способны доподлинно установить наличие дискриминационных условий, способствующих достижению формально верных, но не справедливых итогов судебного процесса. Предложенное ИИ решение или рекомендация могут быть отвергнуты судьей, однако в этом случае он должен письменно привести доводы своего несогласия с предложенным проектом решения. Как показывает китайский опыт [33], обратной стороной данной проблемы может быть то, что судьи предпочтут согласиться с ИИ из-за нежелания взять на себя повышенный риск ответственности.

Данное обстоятельство предполагает, что подобные риски требуют собственной оценки и необходимости их нивелирования.

В Европейской этической хартии, в частности, обращается внимание на необходимость соблюдения принципа пользовательского контроля, в соответствии с которым судья должен иметь возможность не согласиться с решением, предложенным ИИ, и принять собственное решение по делу. При этом в соответствии с хартией, участнику спора должны быть предоставлены

возможность прямого обращения к суду без применения ИИ и право оспорить принятое с помощью ИИ решение [34].

Таким образом, внедрение элементов цифровых технологий ИИ в судебную практику в ходе формирования современной модели правосудия в Российской Федерации призвано гарантировать необходимую защиту от судебных ошибок, исключить монотонные и рутинные функции, выполняемые судьей, высвободить часть его рабочего времени для получения новых профессиональных знаний, т.е. ИИ вполне успешно может применяться, прежде всего, в судебной деятельности технического характера. Передача в этом случае функций по подготовке шаблонных и однотипных дел цифровым технологиям ИИ будет способствовать освобождению залов судебных заседаний для проведения более сложных судебных разбирательств, в ходе которых в целях максимально объективной оценки обстоятельств дела и поведения сторон требуется непосредственное присутствие участников процесса и их взаимодействие.

Важно осознавать, что в уже обозримом будущем не ИИ заменит судей, а судьи, использующие потенциал ИИ, заменят судей, которые либо не умеют, либо не хотят, либо не смогут этого делать. Это обстоятельство нацеливает на необходимость формирования у современного судьи умений и навыков, позволяющих ему встроиться в новое разделение труда между людьми и машинами.

Объективные пределы использования генеративного ИИ в судебном процессе в ближайшее время обусловлены его применением в качестве инструмента, позволяющего формулировать и задавать вопросы в ходе судебного заседания, оформлять протокол судебного заседания, а также усиливающего уровень экспертно-аналитического, лингвистического и организационного сопровождения судебного процесса. Воз-

можно применение ИИ и в рамках оценки правильности версий произошедшего события с учетом результатов проведения следственных действий.

В этой связи допустимо рассматривать использование ИИ в качестве партнера судьи в судебном процессе, объективно оценивающего характер правоприменительных действий органов правоохраны. Однако решающее слово при вынесении судебного вердикта должно оставаться за человеком как субъектом процессуальных отношений, имеющим права и обязанности, за несоблюдение которых наступает ответственность.

Кроме того, внедрение цифровой составляющей во взаимоотношения государства и граждан, связанные с цифровизацией судебной сферы, требует нормативного закрепления цифровых прав личности в рамках формирования современной модели взаимодействия «государство–личность», предполагающей реализацию таких прав.

По мнению В.Д. Зорькина, цифровые права человека – «это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, связанных с реализацией потребностей человека и гражданина в обществе, основанных на информации» [35]. С учетом этого практическое воплощение идеи осуществления правосудия по канонам законности и справедливости в условиях цифровой трансформации общественной практики предполагает не только разработку соответствующих нормативных и методических документов, направленных на повышение эффективности судебной деятельности в части установления правового статуса ИИ в судебном процессе, обеспечения технических условий, при которых невозможно постороннее вмешательство в его работу, подготовки судебного корпуса к использованию ИИ в своей деятельности [36. С. 29–34], но и повышение уровня цифровой грамотности населения, позволяющее человеку с пониманием (осознанно) подходить к использованию цифровых технологий при реализации мер защиты своих прав и законных интересов.

Список источников

1. Степанов О.А., Басангов Д.А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 229–237. doi: 10.17223/15617793/475/28
2. Рост нагрузки и расширение «цифры»: итоги работы судов за 2022 год // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/32147/ (дата обращения: 05.09.2024).
3. Исследование ВШЭ зафиксировало перегрузку 62% российских судей // РБК. 17.04.2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/04/2018/5ad094389a79472df75fa052> (дата обращения: 05.09.2024).
4. Россия опустилась в рейтинге верховенства права // Коммерсантъ. 25.10.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6297752> (дата обращения: 05.09.2024).
5. В ОП РФ заявили о росте уровня доверия граждан власти // ТАСС. 02.11.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19180443> (дата обращения: 05.09.2024).
6. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16. doi: 10.12737/art_2018_9_1
7. О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы». URL: http://files.sudrf.ru/692/user/tselevaya_programma_2013-2020.pdf (дата обращения: 05.09.2024).
8. Концепция информатизации Верховного Суда РФ, утвержденная приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П.
9. Искусственный интеллект в суде: как он будет работать // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/opinion/232129/> (дата обращения: 05.09.2024).
10. Путин призвал подготовить судебную систему к применению цифровых технологий // РИА Новости. 09.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220209/sudy-1771866621.html> (дата обращения: 05.09.2024).
11. Владимир Путин принял участие в работе юбилейного X Всероссийского съезда судей // Президент России. 29.11.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69949> (дата обращения: 05.09.2024).
12. Председатель с земли // Коммерсантъ. URL: https://dzen.ru/a/ZiAtGNeflyA5Mvbt?from_site=mail (дата обращения: 05.09.2024).
13. Глава ВС рассказала о планах по внедрению инноваций в суды // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/253616/?ysclid=lxu3114ecc741613806> (дата обращения: 05.09.2024).
14. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 № 1315-п // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22. Ст. 3964.
15. Курочкин А.С. Арбитражное судопроизводство и технологии искусственного интеллекта // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 3.
16. О деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2017–2022 годы: Доклад генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ А.В. Гусева X Всероссийскому съезду судей. URL: <http://ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/49165?ysclid=ltfmqtp9iu520304967> (дата обращения: 10.05.2024).

17. Встреча с Председателем Верховного Суда Вячеславом Лебедевым // Президент России. 06.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73390> (дата обращения: 05.09.2024).
18. Российские IT-решения внедряли в мировых судах Ижевска по цифровому нацпроекту // Группа компаний ЦРТ. 2021, Январь. URL: <https://www.speechpro.ru/media/news/21-01-2021?ysclid=ltwqdd6t7j673065299> (дата обращения: 05.09.2024).
19. Робот-судья: реальность или фантастика – решали на ПМЮФ-22 // Право.ру. 2022. Июль. URL: <https://pravo.ru/1f/story/241675/?ysclid=ltwqfzfmha920922274> (дата обращения: 05.09.2024).
20. Сделает суды честнее: 15% россиян выступили за появление судей-роботов // RUPOSTERS. 10.12.2021. URL: <https://ruposters.ru/news/10-12-2021/vistupili-roiyavlenie-sudeirobotov?ysclid=ltwqznz06w861355035> (дата обращения: 05.09.2024).
21. Карцкия А.А. Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. 2018. № 1. С. 36–40.
22. Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063?index=12> (дата обращения: 05.09.2024).
23. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. 30 декабря 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (дата обращения: 05.09.2024).
24. Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. М.С. Шкларук. М.: РАНХиГС, 2019. 111 с.
25. Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики цифровая трансформация. Центр стратегических разработок. Институты и общество. Апрель 2018 г. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения: 05.09.2024).
26. Степанов О.А., Прохорова Е.Н. О реализации идеи «государство-как-платформа» в сфере правоохраны // Российская юстиция. 2023. № 9. С. 69–74. doi: 10.52433/01316761_2023_09_69
27. Степанов О.А., Басангов Д.А. О цифровизации судебной деятельности в Китайской Народной Республике // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 50–56. doi: 10.52433/01316761_2024_07_50
28. Zou M. «Smart courts» in China and the future of personal injury litigation // Journal of Personal Injury Law. 2020. Forthcoming. 6 p.
29. Реформа судебной системы: Консерватизм или прогресс? URL: <https://www.sud.gov.kz/rus/massmedia/reforma-sudebnoy-sistemy-konservativizm-ili-progress-iberzhanova-kazhastanskaya-pravda> (дата обращения: 05.09.2024).
30. Судьям Казахстана помогает искусственный интеллект. URL: <https://pravo.ru/news/245406/?ysclid=lsfwe4xda876831454> (дата обращения: 05.09.2024).
31. Качалова О.В. Искусственный интеллект в правосудии – светлое будущее с оговорками // Уголовный процесс. 2020. № 10. 8 с.
32. Taruffo M. Judicial Decisions and Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and Law. 1998. Vol. 6, Is. 2–4. P. 311–324.
33. Augmented work for an automated, AI-driven world // IBM. URL: <https://www.ibm.com/thought-leadership/institute-business-value/en-us/report/augmented-workforce> (дата обращения: 05.09.2024).
34. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 05.09.2024).
35. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. 2018. 29 мая. № 115 (7578).
36. Ершов В.В., Ловцов Д.А. Концепция непрерывной информационной подготовки юриста // Информационное право. 2007. № 3. С. 29–34.

References

1. Stepanov, O.A. & Basangov, D.A. (2022) On the prospects for the impact of artificial intelligence on judicial proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 229–237. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/28
2. Supreme Court of the Russian Federation. (2022) *Rost nagruzki i rasshirenie "tsifry": itogi raboty sudov za 2022 god*. [Increased Workload and Expansion of the "Digital": Results of the Courts' Work in 2022]. [Online] Available from: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/32147/ (Accessed: 5.09.2024).
3. RBK. (2018) Issledovanie VShE zafiksirovalo peregruzku 62% rossiyskikh sudey [HSE Study Records Overload of 62% of Russian Judges]. *RBK*. 17 April. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/17/04/2018/5ad094389a79472df75fa052> (Accessed: 5.09.2024).
4. Kommersant". (2023) Rossiya opustilas' v reytinге verkhoventva prava [Russia has dropped in the rule of law rating]. *Kommersant*". 25 October. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/6297752> (Accessed: 5.09.2024).
5. TASS. (2023) V OP RF zayavili o roste urovnya doveriya grazhdan vlasti [The Public Chamber of the Russian Federation announced an increase in the level of citizens' trust in the authorities]. *TASS*. 2 November. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/19180443> (Accessed: 5.09.2024).
6. Khabrieva, T.Ya. (2018) Pravo pered vyzovami tsifrovoy real'nosti [Law in the face of challenges of digital reality]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 9. pp. 5–16. doi: 10.12737/art_2018_9_1
7. Pravosudie. (n.d.) *O Federal'noy tselevoy programme «Razvitie sudebnoy sistemy»* [On the Federal Target Program Development of the Judicial System]. [Online] Available from: http://files.sudrf.ru/692/user/tselevaya_programma_2013-2020.pdf (Accessed: 5.09.2024).
8. Supreme Court of the Russian Federation. (2021) *Kontseptsiya informatizatsii Verkhovnogo Suda RF, utverzhennaya prikazom Predsedatelya Verkhovnogo Suda RF ot 15.02.2021 № 9-P*. [The Concept of Informatization of the Supreme Court of the Russian Federation, approved by the order of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation No. 9-P of February 15, 2021]. Moscow: Supreme Court of the Russian Federation.
9. Pravo.ru. (n.d.) *Iskusstvennyy intellekt v sude: kak on budet rabotat'* [Artificial intelligence in court: how it will work]. *Pravo.ru*. [Online] Available from: <https://pravo.ru/opinion/232129/> (Accessed: 5.09.2024).
10. RIA Novosti. (2022) Putin prizval podgotovit' sudebnuyu sistemu k primeneniyu tsifrovyykh tekhnologiy [Putin called for preparing the judicial system for the use of digital technologies]. *RIA Novosti*. 9 February. [Online] Available from: <https://ria.ru/20220209/sudy-1771866621.html> (Accessed: 5.09.2024).
11. President of Russia. (2022) Vladimir Putin prinyal uchastie v rabote yubileynogo X Vserossiyskogo s"ezda sudey [Vladimir Putin took part in the work of the jubilee 10th All-Russian Congress of Judges]. *President of Russia*. 29 November. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69949> (Accessed: 5.09.2024).
12. Kommersant". Dzen. (2024) Predsedatel' s zemli [The Chairman from the Ground]. *Kommersant*". Dzen. 18 April. [Online] Available from: https://dzen.ru/a/ZiAtGNeFlyA5Mvbt?from_site=mail (Accessed: 5.09.2024).
13. Pravo.ru. (2024) Glava VS rasskazala o planakh po vnedreniyu innovatsiy v sudy [The Head of the Supreme Court spoke about plans to introduce innovations in the courts]. *Pravo.ru*. 19 June. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/253616/?ysclid=lxu3114ecc741613806> (Accessed: 5.09.2024).
14. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (2023) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 20 maya 2023 № 1315-r [Order of the Government of the Russian Federation No. 1315-r of May 20, 2023]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 22. Art. 3964.
15. Kurochkin, A.S. (2023) Arbitrazhnoe sudoproizvodstvo i tekhnologii iskusstvennogo intellekta [Arbitration Proceedings and Artificial Intelligence Technologies]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*. 3. pp. 63–73.

16. Gusev, A.V. (2022) O deyatel'nosti Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii za 2017–2022 gody [On the Activities of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2017–2022]. *Council Of Judges Russian Federation*. [Online] Available from: <http://ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/49165?ysclid=ltfmqtp9iu520304967> (Accessed: 10.05.2024).
17. President of Russia. (2024) Vstrecha s Predsedatelem Verkhovnogo Suda Vyacheslavom Lebedevym [Meeting with the Chairman of the Supreme Court Vyacheslav Lebedev]. *President of Russia*. 6 February. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73390> (Accessed: 5.09.2024).
18. Gruppa kompaniy TsRT [CRT Group of Companies]. (2021) Rossiyskie IT-resheniya vnedrili v mirovykh sudakh Izhevsk po tsifrovomu natsproektu [Russian IT solutions implemented in the magistrates' courts of Izhevsk under the digital national project]. *Gruppa kompaniy TsRT* [CRT Group of Companies]. [Online] Available from: <https://www.speechpro.ru/media/news/21-01-2021?ysclid=ltwqdd6t7j673065299> (Accessed: 5.09.2024).
19. Pravo.ru. (2022) Robot-sud'ya: real'nost' ili fantastika – reshali na PMYuF-22 [Robot judge: reality or fiction – decided at the SPIEF-22]. *Pravo.ru*. [Online] Available from: <https://pravo.ru/lf/story/241675/?ysclid=ltwqfzimha920922274> (Accessed: 5.09.2024).
20. RUPOSTERS. (2021) Sdelaet sudy chestnee: 15% rossiyan vystupili za poyavlenie sudey-robotov [It will make courts more honest: 15% of Russians spoke out in favor of the appearance of robot judges]. *RUPOSTERS*. 10 December. [Online] Available from: <https://ruposters.ru/news/10-12-2021/vistupili-poyavlenie-sudeirobotov?ysclid=ltwqznz06w861355035> (Accessed: 5.09.2024).
21. Kartskhiya, A.A. (2018) Tsifrovizatsiya v prave i pravoprimeneni [Digitalization in law and law enforcement]. *Monitoring pravoprimeneniya*. 1. pp. 36–40.
22. President of the Russian Federation. (2024) Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 15.02.2024 № 124 «O vnesenii izmeneniy v Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490 "O razviti iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii" i v Natsional'nyu strategiyu, utverzhennuyu etim Ukazom». (2024, February 15) [On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" and to the National Strategy approved by this Decree". Decree of the President of the Russian Federation No. 124 of February 15, 2024]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063?index=12> (Accessed: 5.09.2024).
23. President of Russia. (2023) Perechen' porucheniy po itogam zasedaniya Soveta po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka. 30 dekabrya 2023 g. [List of instructions following the meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights]. *President of Russia*. 30 December. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (Accessed: 5.09.2024).
24. Shklaruk, M.S. (ed.) (2019) *Gosudarstvo kak platforma: Lyudi i tekhnologii* [The State as a Platform: People and Technology]. Moscow: RANKhiGS.
25. Tsentr strategicheskikh razrabotok. Instituty i obshchestvo [Center for Strategic Research. Institutions and Society]. (2018) *Gosudarstvo kak platforma: (kiber)gosudarstvo dlya tsifrovoy ekonomiki tsifrovaya transformatsiya* [The State as a Platform: (Cyber)State for the Digital Economy Digital Transformation]. [Online] Available from: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccefd0db1eeed56071b98f5f.pdf> (Accessed: 5.09.2024).
26. Stepanov, O.A. & Prokhorova, E.N. (2023) O realizatsii idei «gosudarstvo-kak-platforma» v sfere pravookhrany [On the implementation of the idea of "state-as-a-platform" in the field of law enforcement]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 9. pp. 69–74. doi: 10.52433/01316761_2023_09_69
27. Stepanov, O.A. & Basangov, D.A. (2024) O tsifrovizatsii sudebnoy deyatelnosti v Kitayskoy Narodnoy Respubliki [On the digitalization of judicial activity in the People's Republic of China]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 7. pp. 50–56. doi: 10.52433/01316761_2024_07_50
28. Zou, M. (2020) "Smart courts" in China and the future of personal injury litigation. *Journal of Personal Injury Law*. Forthcoming.
29. Kazakhstanskaya pravda. (n.d.) Reforma sudebnoy sistemy: Konservatizm ili progress? [Reform of the judicial system: Conservatism or progress?]. *Kazakhstanskaya pravda*. 3 April. [Online] Available from: <https://www.sud.gov.kz/rus/massmedia/reforma-sudebnoy-sistemy-konservatizm-ili-progress-iberzhanova-kazakhstanskaya-pravda> (Accessed: 5.09.2024).
30. Pravo.ru. (2023) Sud'yam Kazakhstana pomogaet iskusstvennyy intellekt [Artificial intelligence helps judges in Kazakhstan]. *Pravo.ru*. 23 February. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/245406/?ysclid=lsfwe4xda876831454> (Accessed: 5.09.2024).
31. Kachalova, O.V. (2020) Iskusstvennyy intellekt v pravosudii – svetloe budushchee s ogovorkami [Artificial intelligence in justice – a bright future with reservations]. *Ugolovnyy protsess*. 10.
32. Taruffo, M. (1998) Judicial Decisions and Artificial Intelligence. *Artificial Intelligence and Law*. 6 (2–4). pp. 311–324.
33. IBM. (n.d.) Augmented work for an automated, AI-driven world. *IBM*. [Online] Available from: <https://www.ibm.com/thought-leadership/institute-business-value/en-us/report/augmented-workforce> (Accessed: 5.09.2024).
34. Council of Europe. (2018) *Evropeyskaya eticheskaya khartiya ob ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta v sudebnykh sistemakh i okruzhayushchikh ikh realiyakh* [European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Surrounding Realities]. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-16809860f4> (Accessed: 5.09.2024).
35. Zor'kin, V.D. (2018) Pravo v tsifrovom mire. Razmyshleniya na polyakh Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma [Law in the Digital World. Reflections on the Sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum]. *Rossiyskaya gazeta. Stolichnyy vypusk*. 29 May. 115 (7578).
36. Ershov, V.V. & Lovtsov, D.A. (2007) Kontseptsiya nepreryvnoy informatsionnoy podgotovki yurista [The concept of continuous information training of a lawyer]. *Informatsionnoe pravo*. 3. pp. 29–34.

Информация об авторах:

Степанов О.А. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: o_stepanov28@mail.ru

Басангов Д.А. – канд. юрид. наук, старший научный сотрудник отдела международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: d_basang@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.A. Stepanov, Dr. Sci. (Law), chief research fellow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: o_stepanov28@mail.ru

D.A. Basangov, Cand. Sci. (Law), senior research fellow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: d_basang@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.09.2024;
одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 06.09.2024;
approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.

Научная статья
УДК 343.231
doi: 10.17223/15617793/510/26

Уголовно-правовая характеристика манипулирования рынком в контексте совершения дистанционных инвестиционных сделок

Павел Петрович Фантров¹, Андрей Андреевич Дехерт²

^{1, 2} Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹ pavelfantrov@volsu.ru

² andrey.dehert@mail.ru

Аннотация. Анализ преступного деяния, предусмотренного ст. 185.3 УК РФ, в контексте совершения дистанционных инвестиционных сделок с позиции уголовного права содействует формированию унифицированных норм и правил регулирования этой области. Приводится характеристика объекта, объективной и субъективной сторон, а также субъекта указанного преступления. Подчеркивается, что под непосредственным объектом следует понимать возможность граждан, организаций и государства реализовывать свои интересы на финансовом рынке без незаконного чужого вмешательства. Предложены изменения в ст. 185.3 УК РФ.

Ключевые слова: дистанционные инвестиционные сделки, уголовный закон, уголовная ответственность, объект преступления, субъект преступления, инвестор, инсайдерская информация, манипулирование рынком

Для цитирования: Фантров П.П., Дехерт А.А. Уголовно-правовая характеристика манипулирования рынком в контексте совершения дистанционных инвестиционных сделок // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 234–240. doi: 10.17223/15617793/510/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/26

Criminal-law characterization of market manipulation in the context of remote investment transactions

Pavel P. Fantrov¹, Andrey A. Dekhert²

^{1, 2} Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

¹ pavelfantrov@volsu.ru

² andrey.dehert@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is conditioned by the fact that countering crimes committed in the sphere of remote investment transactions is one of the priority tasks for law enforcement agencies. In modern realities it is necessary to develop, test and implement effective mechanisms of control and regulation, strengthening the effectiveness of criminal liability of persons manipulating the financial market to ensure the integrity and safety of remote investment transactions, as well as to protect the interests of investors. Countering crimes in the field of investment is relevant to ensure the integrity and stability of financial markets and protect the interests of its subjects. The aim of the article is to conduct a comprehensive analysis of the corpus delicti of the offence under Article 185.3 of the Criminal Code of the Russian Federation as a result of remote investment transactions. The theoretical and methodological provisions of the domestic criminal law science on the essence of market manipulation forms the methodological basis of the research. The theorists investigating this problem include B.V. Volzhenkin, Y.P. Kravets, I.M. Lifshits, I.P. Semchenkov, S.I. Ulez'ko, P.S. Yani. The research methodology, which allows to detail scientific ideas about the criminal law characteristics of market manipulation in the context of remote investment transactions, includes the following general scientific methods of cognition: logical analysis and synthesis, induction and deduction, generalization, abstraction, analogy, ascent from the abstract to the concrete. A significant part of the research toolkit is a set of special scientific methods of cognition: systemic; formal-logical; logical-legal methods, and interpretation. In the research the authors come to the following conclusions. (1) The domestic legislator needs to provide for a fairer punishment for persons committing offences in the field of investments using remote technologies possessing insider information. The wording of Part 2 of Article 185.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the authors' opinion, should be as follows: "Acts envisaged by Part One of this Article, committed by an organised group or authorised persons of professional market participants, or causing damage on a particularly large scale to citizens, organisations or the state...". This novelty will help to deter potential criminals and increase the effectiveness of prevention of crimes related to market manipulation in the field of conclusion of remote investment transactions. (2) In order to properly differentiate criminal liability for offences related to market manipulation, the authors propose to replace part of the norm of Article 185.3 of the Criminal Code of the Russian Federation from "or are associated with the extraction of excessive income or avoidance of losses on a large scale" to "with the purpose of extraction of excessive income or avoidance of losses".

Keywords: remote investment transactions, criminal law, criminal liability, object of offence, subject of offence, investor, insider information, market manipulation

For citation: Fantrov, P.P. & Dekhert, A.A. (2025) Criminal-law characterization of market manipulation in the context of remote investment transactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 234–240. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/26

Заключение инвестиционных дистанционных сделок играет важную роль в развитии экономического роста и формировании современного экономического правопорядка [1. Р. 323]. Дистанционные сделки позволяют инвесторам осуществлять торговлю ценными бумагами удаленно, без необходимости физического присутствия на бирже, что позволяет инвесторам быстро реагировать на изменения спроса и предложения на рынке, а также обрабатывать информацию о социальных и политических факторах, которые могут влиять на цены ценных бумаг. Свобода заключения дистанционных инвестиционных сделок является основой для формирования современного экономического правопорядка, что подразумевает соблюдение правил заключения подобного рода сделок, прозрачность, законность и их эффективное правовое регулирование, обуславливая защиту интересов всех участников финансового рынка и обеспечение его стабильного функционирования [2. Р. 283]. Поэтому поддержка инвестиционного фонда и его защита должны быть приоритетными задачами для Российского государства.

Обеспечение соблюдения законов и норм в сфере инвестиций важно для сохранения стабильности функционирования финансовых рынков и защиты интересов инвесторов и общества в целом. Преступления, совершаемые в сфере инвестиционных дистанционных сделок в современной России, являются актуальными, поскольку с развитием технологий и массовым использованием интернета и цифровых платформ такие сделки стали более распространенными и доступными [3. С. 11]. Тем не менее данные юридические факты предоставляют преступникам новые возможности для мошенничества и других преступлений в рассматриваемой сфере. Они могут использовать различные виды обмана, фальсификации и манипуляции, чтобы получить незаконную выгоду от инвестиций или причинить ущерб вкладчикам. Примерами таких преступлений являются мошенничество при приобретении фиктивных акций или криптовалют, использование внутренней информации для получения незаконной прибыли на бирже или путем манипуляции финансовым рынком, а также уклонение от уплаты налогов [4. С. 92]. В рамках тематики нашей статьи мы дадим уголовно-правовую характеристику преступлению, предусмотренному ст. 185.3 УК РФ.

Таким образом, противодействие преступлениям, совершаемым в сфере инвестиционных дистанционных сделок, представляет одну из приоритетных задач для правоохранительных органов. Необходимо разработать, апробация и внедрение действенных механизмов контроля и регулирования, усиления эффективности уголовной ответственности лиц, манипулирующих финансовым рынком, чтобы обеспечить честность и безопасность дистанционных инвестиционных опера-

ций, а также защитить интересы инвесторов. Противодействие преступлениям в сфере инвестиций актуально для обеспечения честности и стабильности финансовых рынков и защиты интересов его субъектов.

Методологическую основу исследования составляют теоретико-методологические положения отечественной уголовно-правовой науки о сущности манипулирования рынком. К теоретикам, исследующим данную проблематику, следует отнести Б.В. Волженкина [5], Ю.П. Кравец [6], И.М. Лифшица [7], И.П. Семченкова [8, 9], С.И. Улезько [10], П.С. Яни [11].

В структуре исследовательской методологии, позволяющей детализировать научные представления об уголовно-правовой характеристике манипулирования рынком в контексте совершения инвестиционных дистанционных сделок, важное место занимают следующие общенаучные методы познания: метод логического анализа и синтеза, индукция и дедукция, обобщение, абстрагирование, аналогия, восхождение от абстрактного к конкретному.

Значительную часть исследовательского инструментария составляет совокупность частнонаучных методов познания:

- системный – позволяет дать оценку элементам состава преступления, предусмотренного ст. 185.3 УК РФ, в их неразрывной взаимосвязи;
- формально-логический – актуализирует целсообразность концептуального анализа ряда дефиниций, классификаций и иных теоретических конструкций; использован при характеристике объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны манипулирования рынком в контексте совершения инвестиционных дистанционных сделок;
- логико-юридический – с помощью доктринального толкования предоставил возможность выработать рекомендации концептуального толка по совершенствованию законодательства в контексте профилактики преступлений, совершаемых при заключении инвестиционных дистанционных сделок;
- интерпретационный – способствовал выявлению пробелов и упущений уголовного закона, формулированию предложений по совершенствованию положений ч. 1 и 2 ст. 185.3 УК РФ.

Давая уголовно-правовую характеристику манипулирования рынком в контексте совершения дистанционных инвестиционных сделок, следует прежде всего проанализировать объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону данного преступления.

Проблеме определения объекта посяательства зачастую выделяется малозначительная роль при квалификации преступления у правоприменителей. К сожалению, данная проблема коснулась и научного сообщества, поскольку вопросу исследования объекта манипулирования рынком посвящено большое количество трудов.

Принимая во внимание действующую четырехзвенную структуру УК РФ [10], следует рассмотреть общий, родовой, видовой и непосредственный объект манипулирования рынком.

Общим объектом рассматриваемого состава преступления являются общественные отношения в сфере экономики. Общий объект данного состава преступления можно охарактеризовать как сложную систему общественных отношений в экономической сфере, которая подвержена угрозам и требует правовой защиты.

Родовым объектом манипулирования рынком является «охраняемая государством система общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности в обществе, ориентированном на развитие рыночной экономики» [5. С. 274]. И.А. Лунина под видовым объектом понимает «общественные отношения в сфере обращения денег и ценных бумаг» [12. С. 237].

Особый интерес представляет рассмотрение непосредственного объекта манипулирования рынком, поскольку его определение во многом позволяет отграничить рассматриваемый состав от смежных преступлений. Так, по мнению С.И. Адиньева, «...сложился единый подход о понимании непосредственного объекта манипулирования рынком как общественных отношений в сфере регулирования ценообразования, спроса и предложения на рынке ценных бумаг» [13]. Заключение дистанционных инвестиционных сделок относится к сфере регулирования ценообразования и спроса на рынке ценных бумаг. И.М. Лифшиц и П.С. Яни негласно соглашались с его позицией при формировании собственной уголовно-правовой характеристики манипулирования рынком, не давая собственного комментария об объекте преступления, предусмотренного ст. 185.3 УК РФ [7].

Ю.П. Кравец, давая оценку непосредственному объекту манипулирования рынком, определяет его в качестве «общественных отношений, регламентируемых российским законодателем и связанных с предоставлением информации о финансовых инструментах, иностранной валюте и товарах, что включает в себя контроль над спросом, предложением, ценами и объемами этих предметов» [6. С. 51].

Согласно позиции И.П. Семенченкова, которую мы также поддерживаем, объектом преступления целесообразно считать не общественные отношения, а возможности [8, 9]. Таким образом, непосредственным объектом преступления, регулируемого ст. 185.3 УК РФ, следует считать возможность реализации гражданами, организациями или государством своих интересов на финансовом рынке без незаконного вмешательства извне.

Отечественными исследователями в области уголовно-правовой науки термин «объективная сторона преступления» трактуется широко, характеризуя внешнюю составляющую преступного деяния [14]. Этот концепт, по мнению отечественных исследователей, представляет собой совокупность признаков, связанных с внешними элементами, отражающими общественно опасное поведение человека в действительности [15].

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в совершении деяния в форме манипулирования рынком. В действующей редакции ч. 1 ст. 185.3 УК РФ манипулирование рынком может проявляться в трех альтернативных способах:

1. Распространение через средства массовой информации, включая электронные информационно-телекоммуникационные сети, заведомо ложных сведений.

2. Совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и/или товарами.

3. Иные действия, запрещенные отечественным законодательством о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию финансовым рынком [16. С. 17].

Проанализировав материалы судебной практики, мы пришли к заключению, что преступные действия, предусмотренные ст. 185.3 УК РФ, характеризуются следующими формами:

- проведением операций по приобретению или реализации пакетов ценных бумаг посредством личного брокерского счета с последующим высвобождением заявки на противоположную операцию – реализацию или приобретение аналогичного объема ценных бумаг, но по более выгодной стоимости;

- осуществлением финансовыми учреждениями, такими как банки или инвестиционные компании, сделок с использованием собственного брокерского счета, проводимых от их имени, что способствует значительным краткосрочным колебаниям рыночных цен на ценные бумаги, влекущим их заметное повышение или снижение.

В контексте анализа объективной стороны преступления, за которое предусмотрена уголовная ответственность по ст. 185.3 УК РФ, целесообразно выделить ряд деяний:

1. Распространение ложных сведений: размещение ложных новостей, гиперболических утверждений или манипулятивных комментариев о каком-либо инвестиционном активе или компании с целью влияния на цену акции или объем торгов.

2. Схемы «Pump and Dump»: лица публикуют положительную информацию о каком-либо активе (помп) с целью поднять его цену, а затем продают актив с выгодой (дамп), после чего цена рушится и инвесторы теряют деньги.

3. Манипуляция ценами и объемами сделок: попытки изменить цены активов или объемы торгов с помощью сговоров, массовых ордеров или других манипулятивных методов.

4. Манипуляции внутри рынка могут быть на уровне биржи или биржевых операторов, включая фронترаннинг (передний запуск) или другие способы воздействия на заключение дистанционных инвестиционных сделок.

Кроме прочего, среди преступных деяний, которые могут быть квалифицированы как манипулирование рынком, следует выделить:

- высокочастотный трейдинг, когда инвесторы используют компьютерные алгоритмы для быстрого со-

вершения множественных сделок с целью манипуляции ценами и получения прибыли от небольших различий в ценах;

– размещение и отмена ордеров, подразумевающие размещение и отмену инвестором большого количества ордеров с целью создания иллюзии спроса или предложения на определенные финансовые инструменты, влияя на их цену.

В результате описанных преступных деяний возникает возможность покупать и продавать одно и то же количество ценных бумаг в течение нескольких минут, получая положительные финансовые результаты на брокерском счете. Это происходит благодаря разнице между ценами покупки и продажи ценных бумаг. Преступник, выступающий в роли инвестора, получает прибыль от дистанционных инвестиционных сделок, которые он заключает, основываясь на разнице в ценах покупки и продажи ценных бумаг. Он может, например, манипулировать финансовым рынком, создавать искусственные спрос и предложение на определенные акции или ценные бумаги. Такие противоправные деяния могут привести к искажению рыночных цен и причинить крупный ущерб другим инвесторам.

В случае если банк или инвестиционная компания делают запрос на приобретение ценных бумаг, злоумышленник проводит сделку по цене, ниже той, по которой он ранее продал те же ценные бумаги другим участникам рынка, что позволяет ему извлечь прибыль. Аналогичным образом при запросе банка или компании на продажу ценных бумаг злоумышленник осуществляет сделку по более высокой цене, чем цена, по которой он изначально приобрел эти ценные бумаги у других участников рынка. И снова он получает прибыль. В результате этих махинаций преступник получает значительную финансовую выгоду за счет незаконного использования разницы в ценах при заключении дистанционных инвестиционных сделок [17. С. 58].

Анализ оборота дистанционных инвестиционных сделок до, после и в момент исполнения заявок трейдера на покупку или продажу пакетов акций различных эмитентов, а также характер их исполнения указывают на наличие следующих признаков манипулирования рынком в контексте совершения дистанционных инвестиционных сделок:

1. Перепродажа акций после исполнения заявки. Если трейдер продает акции сразу после исполнения своей заявки на покупку, это может указывать на манипулирование рынком. Такое поведение может создать искусственное впечатление активного спроса и поднять цену акций.

2. Резкая изменчивость ценовых котировок. Если цены на акции значительно колеблются до, во время и после исполнения заявок трейдера, это косвенно указывает на манипулирование рынком. Может быть использована стратегия «Pump and Dump», когда трейдеры искусственно поднимают цену акций, а затем продавливают их, чтобы получить прибыль.

3. Нетипичный объем торговли. Если объем торговли на финансовом рынке значительно возрастает до, во время или после исполнения заявок трейдера,

это свидетельствует о манипулировании рынком. Резкий рост объема торговли может создать иллюзию активного интереса к акциям и искусственно повлиять на их цену.

4. Аномальные изменения цен после исполнения заявок. Если цены на акции резко меняются после исполнения заявок трейдера, можно сказать о манипулировании рынком в контексте совершения дистанционных инвестиционных сделок. Такое поведение может быть связано с использованием манипулятивных техник для искусственного изменения ценовых условий [8].

Чтобы защитить себя от описанных выше махинаций на финансовом рынке, инвесторам следует обращать внимание на недостоверные схемы быстрой прибыли или аномально высокие доходы, которые могут являться результатом манипуляций. Кроме того, им следует соблюдать положения Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», работать только с доверенными и проверенными инвестиционными фирмами и брокерами и следить за состоянием своих инвестиций.

Так как торги на основной секции биржи проходят в анонимном режиме, нет возможности определить контрагентов по дистанционной инвестиционной сделке. Манипуляции могут быть осуществлены с использованием анонимных торгов, где невозможно отследить контрагентов. Третья сторона может создавать необоснованный спрос или предложение на рынке, изменяя цену акций и воздействуя на их стоимость. Это позволяет третьей стороне получить прибыль за счет разницы в ценах, не оказывая реального влияния на рынок [18. С. 109]. Анонимность контрагентов по дистанционной инвестиционной сделке может создавать недостаток доверия между участниками рынка, особенно при совершении крупных сделок. Инвесторы могут не обладать полной информацией о том, какие участники финансового рынка совершили сделки, что может усложнить его анализ и мониторинг. Анонимность делает финансовый рынок более уязвимым к мошенничеству и манипуляциям, так как сложно определить недобросовестных субъектов совершения дистанционных инвестиционных сделок.

Указанные преступные действия запрещены не только положениями ст. 185.3 УК РФ. Так, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указанные операции являются манипулированием рынком соответствующих ценных бумаг. Кроме того, ч. 2 ст. 6 данного нормативно-правового акта запрещает совершение действий, относящихся к манипулированию рынком [19].

Последствия, возникающие в результате преступления, предусмотренного ст. 185.3 УК РФ, заключаются в несении убытков субъектами дистанционной инвестиционной деятельности.

Последствия, возникающие в результате совершения преступления, тоже относятся к его объективной

стороне. Манипулирование рынком в сфере инвестиционных дистанционных сделок имеет серьезные последствия как для инвесторов, так и для экономики в целом:

1. Потери инвесторов. Преступники могут обмануть инвесторов, предлагая им фиктивные или неперспективные инвестиционные возможности. В результате инвесторы могут потерять свои деньги или получить незначительную прибыль, что послужит катализатором их ухода с финансового рынка. Эти обстоятельства могут привести к снижению объемов инвестиций и ослаблению развития отечественной экономики.

2. Ущерб репутации банка или инвестиционной компании. Когда инвесторы становятся жертвами преступлений в сфере инвестиций, это может нанести ущерб репутации финансовой индустрии. Инвесторы могут стать более осторожными в отношении инвестиций или полностью потерять доверие к рынку дистанционных инвестиционных сделок.

3. Падение доверия к системе дистанционных инвестиционных сделок. Преступления в сфере инвестиций могут привести к уменьшению доверия общества к финансовым институтам и регуляторам. Субъекты финансового рынка могут начать сомневаться в эффективности контроля и регулирования, что может повлиять на стабильность функционирования финансовой системы.

4. Угроза финансовой стабильности. Крупномасштабные преступления в сфере инвестиций могут создать угрозу финансовой стабильности. Если мошеннические схемы и преступная деятельность не будут вовремя обнаружены и пресечены сотрудниками правоохранительных органов, это может привести к потерям для многих субъектов финансового рынка.

При анализе субъекта манипуляции рынком в контексте совершения дистанционных инвестиционных сделок в ряде случаев можно выделить специального субъекта. К таковым относятся физические лица, действующие как самостоятельные участники данных сделок, а также сотрудники юридических лиц, задействованные в соответствующих структурах финансового рынка. Кроме того, субъект преступления, предусмотренного ст. 185.3 УК РФ, может обладать и общими характеристиками, представляя собой вменяемое физическое лицо, достигшее возраста привлечения к уголовной ответственности (в данном случае – 16 лет) [6].

Инвесторы также могут стать субъектами преступления, предусмотренного ст. 185.3 УК РФ, если совершают действия, которые нарушают законы и нормы, регулирующие финансовые рынки. Отмечено также, что важно рассматривать не только факт извлечения излишнего дохода или избежания убытков, но и цель совершаемых действий, которая может быть направлена на манипулирование финансовым рынком.

Следующим обязательным элементом состава преступления выступает субъективная сторона преступления. Как следует из диспозиции ст. 185.3 УК РФ, совершение преступления относится к категории умышленных. Некоторые авторы справедливо полагают, что манипулирование рынком совершается исключительно с прямым умыслом, обосновывая это наличием «заведомости» выполняемых действий [20. С. 306].

Прямой умысел. Манипулирование рынком включает различные действия, направленные на искажение нормального функционирования рыночных процессов. Преступные действия могут включать в себя ложную информацию, манипуляции ценами, сговор между участниками рынка и другие незаконные практики. Например, преподнесение ложной или неполной информации о цене, объеме или других важных данных о финансовых инструментах через различные каналы, включая социальные сети, блоги или СМИ. Целью незаконных действий может быть создание иллюзии изменения спроса или предложения, чтобы управлять ценами в свою пользу. Манипуляции ценами детерминируют создание искусственной нестабильности в ценах, чтобы получить преимущество на финансовом рынке.

Манипулирование рынком возможно и с косвенным умыслом [21. С. 76]. Значение косвенного умысла означает, что лицо, совершающее преступление, может не иметь намерения непосредственно нарушать уголовный закон, но осознает, что его действия приведут к незаконным последствиям или будут способствовать их возникновению. Косвенный умысел в юридическом контексте означает, что лицо действует таким образом, чтобы скрыть свои истинные намерения или действия, используя различные манипуляции или посредников, чтобы избежать выявления и наказания за свои действия. Косвенный умысел важен при расследовании преступлений, связанных с манипулированием рынком в контексте совершения дистанционных инвестиционных сделок. Косвенный умысел означает, что лицо может попытаться скрыть свои манипулятивные действия или осуществить их через посредников, чтобы избежать выявления и наказания.

Извлечение излишнего дохода или избежание убытков, на наш взгляд, следует рассматривать не как последствие, а как цель преступления, поскольку повышенной степенью общественной опасности обладает не сам факт извлечения выгоды в крупном размере, а цель извлечения такой выгоды посредством манипулирования рынком. На наш взгляд, основная опасность преступления заключается в его цели, в том числе в создании неконтролируемых ситуаций для личной финансовой выгоды. В данном случае и сам факт размера извлеченной выгоды значения для квалификации иметь не будет, что повысит степень доверия инвесторов к финансовому рынку.

Поскольку уголовная ответственность при манипулировании рынком наступает только за совершение умышленных действий, запрещенных законодательством РФ, то возникает конкуренция с правовой презумпцией «незнание закона не освобождает от ответственности» [11. С. 30]. С одной стороны, инсайдер, являясь специальным субъектом преступления, обязан неминусом нести уголовную ответственность за причинение крупного вреда организации, причиненного его действиями на финансовом рынке. С другой стороны, данные действия могут быть вызваны незнанием законодательства, причиной которого и стало дальнейшее причинение вреда. Возникшую проблему следует решать в пользу обвиняемого, поскольку при вменении состава умышленного нарушения специальных

правил, к которым относятся и экономические преступления, применяться рассматриваемая нами правовая презумпция не может. Так, ответственность за совершенные действия инсайдер понесет в рамках гражданского законодательства.

Таким образом, актуальность уголовно-правовой характеристики манипулирования рынком в контексте совершения дистанционных инвестиционных сделок обусловлена не только развитием новых технологий и возможностей, но и необходимостью противодействия экономическим преступлениям и обеспечения защиты интересов инвесторов. Статья 185.3 УК РФ обладает значительной сложностью применения, что связано со специфическим характером регулируемых ею общественных отношений. Дополнительно, существенным препятствием для эффективного использования данной нормы является отсутствие четко разработанной методики расследования преступлений, связанных с ее положениями. В этой связи манипулирование рынком представляет серьезную угрозу для совершения дистанционных инвестиционных сделок, поэтому важно бороться с преступными практиками, в том числе посредством модернизации нормативно-правовой базы.

Нормативное содержание ст. 185.3 УК РФ представляет собой недостаточно разработанный уголовно-правовой запрет, который не позволяет однозначно установить факты манипуляции на финансовом рынке, исходя из действий, указанных в диспозиции. Это обстоятельство создает значительные трудности в правоприменительной практике и приводит к неопределенности в оценке наличия или отсутствия преступного деяния в области совершения дистанционных инвестиционных сделок. В рамках темы нашего исследования целесообразно разработать рекомендации по совершенствованию законодательства в целях профилактики преступлений, совершаемых при заключении инвестиционных дистанционных сделок:

1. В целях надлежащей дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с манипулированием рынком, предлагаем заменить часть нормы ст. 185.3 УК РФ с «либо сопряжены с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере» на «с целью извлечения излишнего дохода или избежанием убытков». Необходимость внесения изменений обосновывается спецификой диспозиции рассматриваемой статьи, а именно тем, что манипулирование рынком относится к преступлениям, в которых уголовная ответственность наступает исключительно в случаях наличия умышленной формы вины, что в совокупности с особенностями субъекта преступления (профессиональный участник рынка) позволяет говорить о сохраняющемся уровне общественной опасности посягательства вне зависимости от размера извлечения излишнего дохода или избежания убытков. Установление легальных пределов допустимости манипулирования рынком, выражаемого крупным размером, допустимо для квалифицирующего признака, а не основного состава.

2. Отечественному законодателю необходимо предусмотреть более справедливое наказание для лиц, совершающих преступления в сфере инвестиций с использованием дистанционных технологий, обладающих инсайдерской информацией. Изложение ч. 2 ст. 185.3 УК РФ, на наш взгляд, должно быть следующим: «Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные организованной группой или уполномоченными лицами профессиональных участников рынка, или причинившие ущерб в крупном размере гражданам, организациям или государству...». Данная новелла поможет сдержать потенциальных преступников и увеличит эффективность профилактики преступлений, связанных с манипулированием рынка в области заключения дистанционных инвестиционных сделок.

Список источников

1. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Matytsin D.E. Development of Legal Regulation of Key Technologies for the Implementation of the Fourth Industrial Revolution: Digital Tokens as Special Investment Instruments // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 288. P. 321–330.
2. Matytsin D.E. Concept and Types of Distance Digital Investment Transactions in the Information Space // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 288. P. 279–288.
3. Ручкина Г.Ф. Противодействие неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком: опыт Банка России // Банковское право. 2019. № 1. С. 7–20.
4. Опальский А.П. О сущности манипулирования рынком // Микроэкономика. 2020. № 2. С. 88–97.
5. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. 763 с.
6. Кравец Ю.П. Ответственность за манипулирование рынком по российскому законодательству // Законность и правопорядок. 2018. № 4. С. 47–53.
7. Лифшиц И.М., Яни П.С. Уголовная ответственность за манипулирование рынком по праву России и Европейского союза // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 5. С. 764–776.
8. Семченков И.П. Объект преступлений, совершаемых в сфере соблюдения субъективных прав и прав человека // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1. С. 277–282.
9. Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В. Объект преступления: общественные отношения или возможность? // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2. С. 293–298.
10. Улезко С.И. Основы классификации объекта преступления по вертикали в современном российском уголовном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 1. С. 108–111.
11. Яни П.С. Изменения уголовно-экономического законодательства // Законность. 2014. № 2. С. 28–32.
12. Лунина И.А. Особенности определения объективных и субъективных признаков манипулирования рынком: вопросы теории и практики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 235–240.
13. Адиняев С.И. К вопросу об объекте неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 23–25.
14. Бойко А.П. Способы манипулирования рынком: вопросы уголовно-правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 84–89.

15. Белокобыльский Н.Н., Богуш Г.И., Борзенков Г.Н. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. М. : Статут, 2014. 879 с.
16. Долотов Р.О. Проблемы уголовно-правовой квалификации манипулирования на фондовом рынке // Уголовное право. 2022. № 1. С. 12–21.
17. Власова К.М. Актуальные проблемы привлечения к юридической ответственности за манипулирование рынком // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 4-6. С. 55–61.
18. Михайлов Д.И. Правовые меры противодействия манипулированию ценами на фондовом рынке // Вестник экономической интеграции. 2006. № 1. С. 105–115.
19. Болдырева Д.И. Анализ изменений законодательства в области противодействия манипулированию финансовым рынком // Пермский финансовый журнал. 2019. № 1. С. 4–32.
20. Табакова Н.А. Особенности уголовной ответственности за манипулирование рынком // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 304–308.
21. Мурадов Э.С., Яни П.С. Значение субъективных признаков для квалификации экономических преступлений // Законодательство. 2009. № 6. С. 72–79.

References

1. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I. & Matytsin, D.E. (2022) Development of legal regulation of key technologies for the implementation of the fourth industrial revolution: Digital tokens as special investment instruments. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 288. pp. 321–330.
2. Matytsin, D.E. (2022) Concept and types of distance digital investment transactions in the information space. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 288. pp. 279–288.
3. Ruchkina, G.F. (2019) Protivodeystvie nepravomernomu ispol'zovaniyu insayderskoy informatsii i manipulirovaniyu rynkom: opyt Banka Rossii [Combating the unlawful use of insider information and market manipulation: the experience of the Bank of Russia]. *Bankovskoe pravo*. 1. pp. 7–20.
4. Opal'skiy, A.P. (2020) O sushchnosti manipulirovaniya rynkom [On the essence of market manipulation]. *Mikroekonomika*. 2. pp. 88–97.
5. Volzhenkin, B.V. (2007) *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti po ugovolnomu pravu Rossii* [Crimes in the Sphere of Economic Activity under the Criminal Law of Russia]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
6. Kravets, Yu.P. (2018) Otvetstvennost' za manipulirovanie rynkom po rossiyskomu zakonodatel'stvu [Liability for Market Manipulation under Russian Legislation]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 4. pp. 47–53.
7. Lifshits, I.M. & Yani, P.S. (2020) Ugolovnaya otvetstvennost' za manipulirovanie rynkom po pravu Rossii i Evropeyskogo soyuza [Criminal liability for market manipulation under the law of Russia and the European Union]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 5. pp. 764–776.
8. Semchenkov, I.P. (2022) Ob'ekt prestupleniy, sovershaemykh v sfere soblyudeniya sub'ektivnykh prav i prav cheloveka [Object of crimes committed in the sphere of observance of subjective rights and human rights]. *Evrasiyskiy yuridicheskii zhurnal*. 1. pp. 277–282.
9. Semchenkov, I.P., Sorokin, I.S. & Burdeynyy, V.V. (2022) Ob'ekt prestupleniya: obshchestvennye otnosheniya ili vozmozhnost' [Object of a crime: social relations or opportunity?]. *Evrasiyskiy yuridicheskii zhurnal*. 2. pp. 293–298.
10. Ulez'ko, S.I. (2011) Osnovy klassifikatsii ob'ekta prestupleniya po vertikal'ni v sovremennom rossiyskom ugolovnom prave [Fundamentals of classification of the object of a crime vertically in modern Russian criminal law]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 108–111.
11. Yani, P.S. (2014) Izmeneniya ugolovno-ekonomicheskogo zakonodatel'stva [Changes in criminal-economic legislation]. *Zakonnost'*. 2. pp. 28–32.
12. Lunina, I.A. (2021) Osobennosti opredeleniya ob'ektivnykh i sub'ektivnykh priznakov manipulirovaniya rynkom: voprosy teorii i praktiki [Features of determining objective and subjective signs of market manipulation: issues of theory and practice]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 1. pp. 235–240.
13. Adin'yaev, S.I. (2019) K voprosu ob ob'ekte nepravomernogo ispol'zovaniya insayderskoy informatsii i manipulirovaniya rynkom [On the object of illegal use of insider information and market manipulation]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 4. pp. 23–25.
14. Boyko, A.P. (2022) Sposoby manipulirovaniya rynkom: voprosy ugolovno-pravovogo regulirovaniya [Methods of market manipulation: issues of criminal law regulation]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2. pp. 84–89.
15. Belokobyl'skiy, N.N., Bogush, G.I. & Borzenkov, G.N. (2014) *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. General Part]. Moscow: Statut.
16. Dolotov, R.O. (2022) Problemy ugolovno-pravovoy kvalifikatsii manipulirovaniya na fondovom rynke [Problems of criminal-legal qualification of manipulation in the stock market]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 12–21.
17. Vlasova, K.M. (2021) Aktual'nye problemy privlecheniya k yuridicheskoy otvetstvennosti za manipulirovanie rynkom [Actual problems of bringing to legal responsibility for market manipulation]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*. 4–6. pp. 55–61.
18. Михайлов, Д.И. (2006) Правовые меры противодействия манипулированию ценами на фондовом рынке [Legal measures to counteract price manipulation in the stock market]. *Vestnik ekonomicheskoy integratsii*. 1. pp. 105–115.
19. Boldyreva, D.I. (2019) Analiz izmeneniy zakonodatel'stva v oblasti protivodeystviya manipulirovaniyu finansovym rynkom [Analysis of changes in legislation in the field of counteracting financial market manipulation]. *Permskiy finansovyy zhurnal*. 1. pp. 4–32.
20. Tabakova, N.A. (2019) Osobennosti ugolovnoy otvetstvennosti za manipulirovanie rynkom [Features of criminal liability for market manipulation]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 12. pp. 304–308.
21. Muradov, E.S. & Yani, P.S. (2009) Znachenie sub'ektivnykh priznakov dlya kvalifikatsii ekonomicheskikh prestupleniy [The importance of subjective features for the qualification of economic crimes]. *Zakonodatel'stvo*. 6. pp. 72–79.

Информация об авторах:

Фантров П.П. – канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия). E-mail: pavelfantrov@volsu.ru

Дехерт Ан.А. – аспирант кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия). E-mail: andrey.dehert@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.P. Fantrov, Cand. Sci. (Political Science), senior lecturer, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: pavelfantrov@volsu.ru

A.A. Dekhert, postgraduate student, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: andrey.dehert@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 31.01.2025.

The article was submitted 22.09.2024;
approved after reviewing 10.12.2024; accepted for publication 31.01.2025.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2025. № 510. Январь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.01.2025 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 30,1. Усл. печ. л. 29,2. Тираж 50 экз.
Заказ № 6349. Цена свободная.

Дата выхода в свет 12.09.2025 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru